Роберт

ШЕКЛИ

Координаты чудес

Роберт

ШЕКЛИ

Координаты чудес

Роберт
ШЕКЛИ

Координаты чудес

•

Десятая жертва

•

Корпорация «Бессмертие»

•

Второе путешествие в координаты чудес

•

Четыре стихии

•

Цивилизация статуса

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

Роберт

ШЕКЛИ

Координаты чудес

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Ш 40

Robert Sheckley

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Шекли Р.

Ш 40 Координаты чудес: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 928 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-08725-7

Свободное перемещение во времени и пространстве — вовсе не проблема для персонажей романов Роберта Шекли. Проблемы возникают, когда путешественники возвращаются на родную планету: и Земля какая-то не такая, и порядки на ней сильно изменились, и обители стали, мягко говоря, странными. Но тем не менее все это очень смешно и только иногда — чуточку грустно.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© В. Баканов, И. Васильева, Г. Гуревич, П. Евдокимова, Б. Клюева, И. Прочиталин, Л. Щекотова, перевод с английского, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-08725-7

Десятая жертва

Глава 1

Она могла бы погубить любого мужчину. Кэролайн Мередит, тонкая, гибкая молодая женщина, задумчиво сидела за высокой стойкой бара из красного дерева, изящно переплетя стройные ноги и склонив узкое, словно выточенное из слоновой кости лицо к загадочным глубинам мартини. Похожая на статуэтку, но волнующе живая, одетая в прекрасные шелка и с пелериной из черного как смоль соболя, небрежно наброшенной на роскошные плечи, она олицетворяла все то, что манило и влекло в этом непостижимом городе Нью-Йорке.

По крайней мере, так думал приезжий. Он стоял на улице в десяти футах от огромного окна бара, за стойкой которого прекрасная Кэролайн изучала глубины своего бокала. Это был китаец — продавец ласточкиных гнезд* из Квейпина. Он был одет в белый костюм из плотной ткани, чесучовый галстук и парчовые туфли. На шее висел большой фотоаппарат «Броника».

Азиат с подчеркнутой небрежностью поднял камеру и сфотографировал сточную канаву слева и какой-то котлован справа. Затем направил объектив на Кэролайн.

Потом он проделал с камерой какие-то манипуляции, внутри ее что-то зажужжало, загудело, и сбоку открылась створка.

---

* Китайское национальное блюдо.

Загадочный житель Небесной империи с ловкостью фокусника вставил в отверстие пять патронов с разрывными пулями и закрыл его. Теперь камера перестала быть только фотоаппаратом; она превратилась не то в стреляющую камеру, не то в фотографирующее оружие и могла выполнять две не связанные друг с другом функции.

Вооружившись таким образом, желтый охотник быстрыми, легкими шагами направился к цели. Он казался совершенно спокойным, только слегка затрудненное дыхание могло выдать его волнение.

Прелестная Кэролайн продолжала сидеть в той же позе. Она крутила в руках бокал; внутри его не было прорицательницы, способной предсказать ей будущее,— на дне лежало крохотное зеркальце. Глядя в него, Кэролайн с интересом следила за действиями убийцы из Квантуна.

Развязка наступила скоро. Китаец прицелился — и Кэролайн, продемонстрировав молниеносную реакцию, швырнула бокал в окно за секунду до выстрела.

— Вот те на! — только и смог вымолвить ошеломленный китаец; хоть он и родился на левом берегу Хуанхэ, но опыта набрался в «Хэрродс».

Кэролайн не произнесла ни слова. В футе над ее головой в оконном стекле красовалось маленькое отверстие, от которого лучами расходились трещины. Не дожидаясь, когда китаец опомнится, Кэролайн соскользнула с высокого табурета и стремглав, словно летучая мышь из ада, бросилась к черному ходу.

Бармен, следивший за происходящим, восхищенно покачал головой. Футбольный болельщик, он тем не менее обожал хорошую Охоту.

— Молодец, малышка! — воскликнул он вдогонку убегавшей Кэролайн.

Тут в бар ворвался продавец ласточкиных гнезд и бросился к черному ходу вслед за прекрасной беглянкой.

— Добро пожаловать в Америку! — успел крикнуть ему бармен.— И счастливой Охоты!

— Спасибо, я очень благодарный,— вежливо отозвался на бегу преследователь.

— Вот этого у них не отнимешь, у этих китаез,— заметил бармен, обращаясь к посетителю, сидевшему за стойкой.— Это у них есть — воспитание.

— Еще двойной мартини,— ответил посетитель.— Только не кладите лимон в бокал, положите рядом. Терпеть не могу, когда в коктейле болтается здоровый кусок лимона, как в «Пунше плантатора» или каком-нибудь другом гадком пойле.

— Конечно, сэр. Прошу прощения, сэр,— с готовностью произнес бармен.

Он тщательно смешал коктейль, но не мог выбросить из головы восточного охотника и его американскую жертву. Кто кого одолеет? И чем, интересно, это кончится?

Посетитель, казалось, читал его мысли.

— Предлагаю ставку — три к одному,— сказал он.

— На кого?

— Цыпочка ухлопает китаезу.

Бармен заколебался, затем улыбнулся, покачал головой и подал готовый коктейль.

— Пять к одному,— ответил он.— Сдается мне, малышка знает толк в Охоте.

— Заметано,— согласился мужчина (он тоже считал себя знатоком) и выдавил каплю лимонного сока в бокал с мартини.

Стремительно перебирая ногами, зажав под мышкой пелерину из соболя, Кэролайн мчалась мимо кричащих витрин Лексингтон-авеню. На углу 69-й улицы и Парк-авеню ей пришлось продираться сквозь толпу, собиравшуюся поглазеть, как сажают на огромный гранитный кол преступника, уличенного в попытке выбросить мусор. Никто даже внимания не обратил на бегущую Кэролайн; зеваки глаз не сводили с гнусного нарушителя, деревенщины из Хобокена, у ног которого валялась предательская улика — обертка «Херши»,— а руки были перемазаны шоколадом. С каменными лицами они слушали стенания и жалкие мольбы. Когда два палача подняли его

за руки, чтобы посадить на Кол Злодеев, лицо преступника стало серым.

Публичные казни были недавним нововведением; последнее время их горячо обсуждала общественность, не проявляя такого же интереса к смертельным играм охотников и жертв.

...Светлые волосы Кэролайн развевались на бегу, словно яркий сигнальный флаг. Позади, футах в пятидесяти, задыхаясь, мчался вспотевший китаец, сжимая в безволосых руках свою стреляющую камеру. Казалось, он бежал не особенно быстро, но понемногу, дюйм за дюймом, с терпением, свойственным детям Востока, настигал девушку.

Стрелять он пока не решался. Открывать огонь на людной улице было чревато последствиями: задел прохожего, неважно, что случайно,— штраф в крупном размере, не говоря уже о позоре...

Поэтому китаец не стрелял и на бегу крепко прижимал к груди свой аппарат, способный благодаря извращенной изобретательности человека одновременно создавать копию и уничтожать оригинал. Внимательный прохожий наверняка заметил бы дрожь в руках охотника, обратил бы внимание на неестественно напряженные шейные мышцы. Но этого следовало ожидать: в послужном списке китайца Джона значились всего две Охоты, он был новичком в этом деле.

Кэролайн выскочила на угол Мэдисон-авеню и 69-й улицы, быстро оглянулась и побежала мимо «Пугливого цыпленка» («Обслуживаем пятьдесят человек, цены договорные»), но вдруг остановилась, тяжело, но так пленительно дыша. Заметив за «Пугливым цыпленком» открытую дверь, она взбежала по лестнице на второй этаж и оказалась на лестничной площадке, на которой толпились люди. Надпись на стене гласила: «Галерея Амели. Objets de pop-op revisite»*. Кэролайн сразу поняла, куда она попала: ей всегда хотелось побывать здесь, хотя и при несколько иных обстоятельствах...

---

* Посетите еще раз — выставка нестареющего поп-арта *(фр.)*.

Однако «убивают, где получится, а умирают, где приходится»,— гласит старинная поговорка. Поэтому Кэролайн, не оглядываясь, пробралась ко входу, не обращая внимания на протесты любителей искусства, и показала контролеру свою карточку. Тот взглянул на карточку — такие выдавались каждой жертве и каждому охотнику и давали им право повсюду беспрепятственно входить и выходить, если они предпринимали законные меры по спасению своих жизней или уничтожению чужих,— и кивнул. Схватив карточку, девушка вбежала в зал.

Здесь Кэролайн пришлось перейти на шаг, она взяла каталог и попыталась отдышаться. Потом надела очки, накинула на плечи пелерину и пошла по залам галереи.

Ее дымчатые очки — модель-новинка «Смотри кругом» — позволяли видеть происходящее на 360 градусов, кроме небольших слепых пятен на 42 и 83 градусах, а также зоны искажения прямо перед собой от 350 до 10 градусов. Несмотря на то что очки были неудобны и от них сильно болела голова, польза от этого изобретения была несомненной, поскольку Кэролайн сразу заметила своего охотника футах в тридцати сзади.

Да, это был он, «азиатская чума», в белом костюме, потемневшем от пота под мышками, с чесучовым галстуком, сбившимся на сторону. Его смертоносная камера была прижата к груди; он двигался вперед походкой хищного зверя, прищурив и без того узкие глаза и нахмурив высокий лоб.

Кэролайн шла по залу с небрежным спокойствием, пытаясь не привлекать к себе внимания. Но китаец Джон заметил ее и направился прямо к кучке людей, за которой спряталась Кэролайн. Его губы были крепко сжаты, а глаза сузились еще больше, так что, казалось, вообще исчезли с лица.

Подойдя поближе, китаец обнаружил, что Кэролайн скрылась, ускользнула от него... Ах вот как! Уголки рта преследователя искривились в улыбке. В конце зала была дверь. Долгое логическое мышление Запада, как правило, несвойственно детям Востока: только глянув на дверь,

китаец понял, куда скрылась его жертва. Он кошкой проскользнул в конец помещения, решительно распахнул дверь и оказался в зале восковых фигур.

Фигуры, похоже, были сделаны из настоящего воска — материала, которым пользовались художники в далеком прошлом. Китаец, широко открыв глаза, уставился на них. Все фигуры изображали женщин, очень привлекательных (на западный вкус) и почти раздетых (на любой вкус). Они, по-видимому, демонстрировали различные па какого-то танца. «Стриптиз» — было написано на плакате. «Обманчивая метаморфоза. 1945 — "Век невинности"; 1965 — "Моль и ржавчина"; 1970 — "Возрождение основ"; 1980 — "Непринужденное пренебрежение формальностями"».

Китаец обескураженно вглядывался в неподвижные фигуры, и рассудок, привычный к красоте лаковых лесов, к застывшему покою бутафорских рек и стилизованных аистов, не мог постичь смысла открывшейся взору картины.

У ног третьей слева фигуры, лицо которой было наполовину скрыто длинной белокурой прядью, лежала... черная соболья пелерина.

Житель Поднебесной больше не колебался. Он поднял камеру, прицелился — и нажал на спуск. Три пули поразили красавицу в верхнюю часть живота — отличная работа, что ни говори.

Итак, Охота закончена, он победил, жертва мертва, он... И вдруг одна из восковых фигур в дальнем конце зала ожила. Это была Кэролайн. На ней был странный металлический бюстгальтер, похожий на тот, что носила Вильма, легендарная жена Бака Роджерса*, с той лишь разницей, что у Кэролайн эта часть гардероба оказалась более практичной. Не успел пораженный охотник опомниться, как из каждой чашечки одновременно вылетело по пуле. Китаец еще успел пробормотать: «Так-так... Теперь, кажется, все...» — и рухнул на пол, бездыханный, словно вчерашняя скумбрия в рыбной лавке.

---

* Герой фантастических кинофильмов и телесериала.

Свидетелями происшедшего оказались несколько посетителей. Один из них заметил:

— По-моему, это вульгарное убийство.

— Ничуть,— ответил тот, к кому обратились.— Я считаю, что это классическое убийство,— уж простите мне этот архаизм.

— Ловкая работа, но неизящная,— настаивал первый.— Впрочем, можно назвать ее fin de siècle*, а?

— Конечно,— отозвался второй,— если имеешь вкус к дешевым аналогиям.

Первый наблюдатель хмыкнул, отвернулся и принялся разглядывать ретроспективную выставку изделий НАСА.

Кэролайн подняла соболью пелерину (в которой несколько женщин из числа зрителей узнали, впрочем, мех ондатры), по очереди дунула в стволы однозарядных пистолетов, скрытых в бюстгальтере, привела в порядок одежду, накинула пелерину на плечи и сошла с подставки.

Большинство посетителей не обратило внимания на происшедшее; это были главным образом подлинные ценители искусства, не любившие, когда процесс эстетического созерцания нарушался мелкими досадными инцидентами.

Прибывший полицейский не спеша подошел к Кэролайн и спросил:

— Охотник или жертва?

— Жертва,— ответила она и подала ему свою карточку.

Полицейский кивнул, наклонился над трупом китайца, достал его бумажник, извлек оттуда карточку и перечеркнул ее крест-накрест. На карточке Кэролайн полицейский сделал звездообразную просечку под рядом таких же и вернул ее.

— Участвовали в девяти Охотах, верно, мисс? — произнес он почтительно.

— Совершенно верно,— сдержанно ответила Кэролайн.

— Ну что ж, у вас это здорово получается, да и сегодня вы убили его аккуратно и со знанием дела,— одобрил

---

* *Здесь:* декаданс.

полицейский,— без лишней жестокости, как некоторые. Лично я люблю наблюдать, как работают настоящие профессионалы: убивают ли они, готовят ли пищу, чинят обувь или еще что-нибудь... А что делать с призовыми деньгами?

— Пусть министерство перечислит их на мой счет,— бросила Кэролайн.

— Я сообщу им,— пообещал полицейский.— Вы успешно провели девять Охот! Осталась всего одна, а?

Кэролайн кивнула. Вокруг нее постепенно собралась целая толпа, оттеснившая полицейского. Это были одни женщины: женщины-охотники встречались довольно редко, а потому привлекали внимание.

Послышались возгласы одобрения, и Кэролайн, вежливо улыбаясь, выслушивала их в течение нескольких минут. Наконец она почувствовала усталость: нормальному человеку трудно привыкнуть к эмоциональному напряжению Охоты.

— Очень вам благодарна,— сказала она,— но сейчас мне нужно отдохнуть. Господин полицейский, вас не затруднит прислать мне галстук охотника? Я сохраню его как сувенир.

— Слушаюсь и повинуюсь,— ответил полицейский.

Он помог Кэролайн пробраться сквозь восторженную толпу и проводил до ближайшего такси.

Пять минут спустя в зал вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом костюме и лакированных туфлях. Он посмотрел по сторонам, удивляясь пустоте залов: почему говорили, что на эту выставку трудно достать билеты? Ну да ладно. Мужчина начал осматривать экспонаты.

Разглядывая картины и скульптуры, он многозначительно кивал, якобы со знанием дела. Подойдя к трупу китайца, распростертому посреди зала в луже крови, мужчина остановился. Он долго и задумчиво смотрел на труп, потом заглянул в каталог, обнаружил, что там его нет, и пришел к заключению, что экспонат прибыл слишком поздно, а потому не попал в список. Он еще раз внима-

тельно посмотрел, углубившись в размышления, и наконец высказал вслух свою точку зрения:

— Ничего, кроме структурных достоинств... Производит определенное впечатление, пожалуй, хотя излишне бьет на сентиментальность.

И прошествовал в следующий зал.

Глава 2

Что может быть приятнее июньского дня? Мы можем ответить на этот вопрос. Намного приятнее середина октября в Риме, когда Венера входит в дом Марса и туристы, подобно леммингам, завершили свою ежегодную миграцию и большинство из них отправилось домой, в свои холодные туманные страны, где родились.

Впрочем, некоторые из этих искателей солнечного света и тепла остаются. Они приводят свои жалкие оправдания: спектакль, вечеринка, концерт, который не хотелось пропустить, свидание. Однако настоящая причина иная: у Рима есть особая атмосфера, наивная и несравнимая. В Риме можно стать главным действующим лицом в драме своей собственной жизни. Это, разумеется, не более чем иллюзия, однако северные города не могут похвастаться и этим.

Барон Эрик Зигфрид Рихтоффен ни о чем таком не думал. Его лицо выражало привычное раздражение. Германия вызывала у него неодобрение (отсутствие дисциплины), Франция — отвращение (грязь), а Италия одновременно и раздражала, и вызывала отвращение (отсутствие дисциплины, грязь, эгалитаризм, декадентство). Он приезжал в Италию каждый год; несмотря на неисправимые недостатки, эта страна казалась ему наименее отталкивающей среди остальных. К тому же здесь ежегодно проводилась международная выставка лошадей на Пьяцца ди Сиенна.

Барон слыл блестящим наездником. Это его предки втаптывали в грязь крестьян коваными копытами своих боевых коней. В конюшне барона были слышны звуки

фанфар, сопровождавших парад конных карабинеров в сверкающих мундирах на площади.

Барон был крайне раздражен, поскольку стоял в одних носках и ждал, когда кто-нибудь из грумов — когда эти парни нужны, их невозможно найти! — принесет ему сапоги. Проклятый грум отсутствовал уже восемнадцать минут тридцать две секунды, если верить часам на руке барона. Сколько нужно времени, чтобы навести глянец на пару сапог? В Германии, точнее, в замке Рихтоффенштейн, который барон считал последним осколком истинной Германии, пару сапог приводят в почти идеальное состояние в среднем за семь минут и четырнадцать секунд. Подобное промедление вызывает желание зарыдать, или впасть в ярость, или сорвать зло на ком-то, или сделать что-то еще...

— Энрико! — завопил барон так, что его можно было услышать на Марсовом поле.— Энрико, проклятье, где ты?

Глас вопиющего в пустыне... На площади щеголеватый пижон-мексиканец кланяется судьям. Наступает очередь барона... Но у него нет сапог, черт побери, нет сапог!

— Энрико, мерзавец, немедленно иди сюда, или этим вечером прольется кровь! — снова загремел барон.

Выкрикнуть такую длинную фразу единым духом нелегко, и он едва перевел дыхание. Ожидая отклика, барон прислушался.

А где же таинственный Энрико? Под трибунами наводит окончательный блеск на пару сапог для верховой езды, сапог настолько великолепных, что они не могут не вызывать зависти у любого всадника. Энрико был худым и морщинистым стариком, уроженцем Эмилии, привезенным в Рим по требованию общественности. Все единодушно признавали, что никто не может сравниться с ним в искусстве чистки сапог. Это относилось даже к тем знатокам, которые привносили принципы дзэн-буддизма в Искусство Чистки и Полировки.

Энрико увлеченно трудился, сосредоточив внимание на сверкающих шпорах. Он наморщил от усердия лоб и

осторожно покрывал блестящий металл серебристым веществом.

Он был не один. Рядом, наблюдая за его действиями с определенным интересом, находился человек, которого можно было принять за двойника Энрико. Оба мужчины были одеты совершенно одинаково, до мельчайшей детали. Единственным различием было то, что второй Энрико был связан и во рту у него был кляп.

Снаружи донеслись восторженные крики толпы, приветствовавшей мастерство мексиканца. Перекрывая их, раздался вопль барона, вполне пригодный для полковых плацев:

— Энрико!

Энрико-1 поспешно встал, последний раз осмотрел сверкающие сапоги, похлопал Энрико-2 по лбу и быстро захромал под трибунами к своему хозяину.

— Ха! — выдохнул барон при виде слуги и сопроводил это восклицание потоком немецких слов, непонятных, но, без сомнения, обидных для скромного Энрико.

— Ну что ж, посмотрим,— наконец произнес барон, когда его гнев остыл.

Он осмотрел сапоги и увидел, что придраться не к чему. Тем не менее барон обмахнул их замшевой тряпкой, которую постоянно носил в кармане как полезную вещь, предназначенную для того, чтобы ставить самодовольных грумов на место.

— Немедленно надень на меня сапоги! — скомандовал барон и вытянул мощную тевтонскую ногу.

Надевание сапог, сопровождаемое проклятьями, наконец было завершено. И как раз вовремя, потому что мексиканский наездник — у него были напомажены волосы! — выезжал с поля под гром аплодисментов.

В блестящих сапогах, с моноклем в глазу, держа под уздцы верного коня — знаменитого Карнивора III от Астры из Асперы,— барон шагнул вперед, чтобы предстать перед судьями.

Остановившись ровно в трех шагах от судейской ложи, барон вытянулся по стойке «смирно», склонил голову на

четверть дюйма и молодцевато щелкнул каблуками. Раздался громкий взрыв, и барона окутало облако серого дыма. Когда дым рассеялся, все увидели барона: он лежал лицом вниз перед трибунами, мертвый, как пикша, выловленная на прошлой неделе.

Поднялась паника, казалось, охватившая всех зрителей, кроме одного англичанина в твидовом костюме с пузырями на коленях, сделанными еще на фабрике, и грубых ботинках из шотландской кожи весом по два и три четверти фунта каждый, который громко крикнул: «Как лошадь? Не случилось ли чего с лошадью?»

После того как его заверили, что лошадь барона ничуть не пострадала, англичанин сел на место, недовольно бормоча, что не следует взрывать бомбы поблизости от лошадей и что в некоторых странах виновник такого безобразия тут же стал бы объектом внимания полиции.

Но и в этой стране злоумышленник немедленно привлек внимание полиции. Он вышел из конюшни и сбросил маску грума. Это был Энрико-1, он же Марчелло Поллетти, мужчина лет сорока, а может быть, тридцати девяти, с привлекательным меланхолическим лицом, грустной улыбкой, ростом чуть выше среднего. У него были высокие скулы, говорящие о глубоко скрытой страстности, сдержанная усмешка скептика и карие глаза с тяжелыми приспущенными веками — явная примета человека, любящего безделье. Его увидели несколько тысяч зрителей на трибунах и тут же оживленно принялись обмениваться впечатлениями по поводу случившегося.

Поллетти изящно поклонился приветствовавшей его толпе и предъявил лицензию на право Охоты ближайшему полицейскому. Тот проверил ее, сделал просечку, отдал честь и вернул Поллетти.

— Все в порядке, сэр. Разрешите мне первым поздравить вас с убийством, одновременно волнующим и эстетически безукоризненным.

— Вы очень любезны,— ответил Марчелло.

Их окружила толпа репортеров, искателей острых ощущений и доброжелателей всех видов и сортов. Полиция

отогнала всех, кроме журналистов, и Марчелло начал отвечать на вопросы со спокойным достоинством.

— Почему,— спросил французский репортер,— вы решили нанести взрывчатку на шпоры?

— Это было необходимо,— ответил Поллетти.— На нем был пуленепробиваемый жилет.

Журналист кивнул и записал в блокноте: «Щелканье каблуками, принятое у прусских офицеров, сегодня, по иронии судьбы, привело к гибели одного из аристократов. Смерть в результате исполнения символически высокомерного жеста — этот жест предполагает наличие исключительных достоинств,— несомненно, должна означать смерть экзистенциальную. Таким, по крайней мере, было мнение охотника Марела Поети...»

— Как вы думаете, насколько удачным будет исполнение вами роли жертвы в следующей Охоте? — спросил мексиканский репортер.

— Я, право, не знаю,— ответил Марчелло.— Но, несомненно, исход станет смертельным для одного из двух участников.

Мексиканец улыбнулся и написал: «Мариелло Поленци убивает, не теряя спокойствия, и относится к грозящей ему самому гибели хладнокровно. В этом мы видим универсальное утверждение "мачизма", мужественности того сорта, когда жизнь постигается только через безусловное принятие смерти...»

— Вы считаете себя жестоким? — спросила американская журналистка.

— Ни в коем случае,— отозвался Марчелло.

Она записала: «Нежелание хвастаться вместе с полной уверенностью в своей силе делает Марчелло Поллетти человеком особым, совершенно приемлемым для американской модели поведения...»

— Вы боитесь, что вас могут убить? — поинтересовался репортер из Японии.

— Конечно,— ответил Марчелло.

«Учение "дзэн",— начал писать репортер,— по крайней мере с одной авторитетной точки зрения, является ис-

кусством видеть вещи такими, каковы они в действительности; Марчелло Поллетти, спокойно воспринимающий страх перед смертью, можно сказать, сумел победить его методом чисто японским. Но сумел ли? Неминуемо встает вопрос, является ли его признание страха перед смертью великолепным преодолением непреодолимого или простым принятием неприемлемого?»

...Поллетти приобрел довольно широкую известность. В конце концов, не каждый день охотник взрывает свою жертву на международной выставке. Дела такого рода становятся сенсацией. Разумеется, имело значение и то, что Поллетти был привлекательным мужчиной, скромным, утратившим вкус к жизни, мужественным и, самое главное, заслуживающим того, чтобы его взгляды интересовали читателей.

Глава 3

Гигантский компьютер жужжал и щелкал, на его панели мелькали красные и синие огни, выключались белые и загорались зеленые. Это был игровой компьютер, огромная машина, аналоги которой находились во всех столицах цивилизованного мира. Именно он занимался судьбами всех охотников и жертв. Он подбирал пары противников, регистрировал результаты их единоборств, присуждал денежные призы победителю или посылал соболезнования семье проигравшего, менял ролями уцелевших игроков, делая охотника жертвой, а жертву охотником, и следил за их непрерывным участием в Охоте до тех пор, пока один из них не достигал желанной цифры — десять убийств.

Правила были просты: к участию в Охоте допускались все мужчины и женщины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, независимо от цвета кожи, вероисповедания и национальности. Изъявившие желание участвовать были обязаны пройти все десять Охот, поочередно становясь пять раз охотниками и пять — жертвами. Охотники получали имя, адрес и фотографию жертвы, жертва — всего

лишь уведомление, что ее преследует охотник. Все убийства требовалось совершить лично, причем за убийство не того человека следовало суровое наказание. Сумма денежного приза увеличивалась в зависимости от количества совершенных убийств. Победитель, успешно прошедший весь путь, получал в награду практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и моральные права. Так просто.

После введения Охот прекратились все крупные войны; их заменили миллионы маленьких войн, количество соперников в которых было сведено к минимуму — двум.

Охота была делом совершенно добровольным, и ее цель отвечала самой практической и реалистичной точке зрения. Если кто-то хочет убить кого-то, гласили аргументы в ее пользу, почему не дать ему такую возможность при условии, что мы сумеем найти кого-то, желающего того же. Таким образом, они могут охотиться друг за другом и оставят нас в покое.

Несмотря на то, что создавалось впечатление полной новизны, охотничьи игры были в принципе стары как мир. Это было качественно измененным возвращением к древним, более счастливым временам, когда наемники воевали друг с другом, а гражданские лица оставались в стороне и разговаривали об урожаях.

Для истории характерна цикличность. Когда накапливается слишком много явлений с одним знаком, он неминуемо переходит в противоположный. Время профессиональной — и часто бездействующей — армии прошло, наступил век массовой армии. Фермеры больше не говорили про урожаи, вместо этого они воевали за них. Даже если у них не было урожаев, которые следовало защищать, им все равно приходилось воевать. Рабочие оказались вовлеченными в хитроумные византийские интриги в заокеанских странах, а продавцы обувных магазинов с оружием в руках пробирались сквозь сумрачные джунгли и по вершинам гор, покрытым вечными снегами.

Почему они делали это? В те дни все казалось таким ясным. Приводилось множество причин, и каждый нахо-

дил объяснение, отвечающее его чувствам. Однако то, что казалось столь очевидным, со временем утратило ясность. Профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Фермеры, рабочие и продавцы обувных магазинов терпеливо ждали, когда кто-нибудь скажет им, с какой стати, собственно, они подвергают свою жизнь опасности. Когда ясного ответа не последовало, они начали испытывать раздражение, недовольство и даже ярость. Иногда они обращали оружие против правителей своих стран.

Растущая непримиримость народа, дополненная технологической возможностью умертвить всех и все, привела к излишнему накоплению факторов с одним знаком, и тот перешел в противоположный. Этого, конечно, нельзя было допустить.

На исходе пяти тысяч лет человеческой истории люди начали наконец что-то понимать. Даже правители, славившиеся тем, что неохотнее всех соглащались на перемены, осознали их неизбежность.

Войны не приводили ни к чему и не приносили никакой пользы; однако проблема склонности людей к насилию, которую не сумели искоренить долгие годы религиозного принуждения и полицейского обучения, все еще оставалась нерешенной. Решение было найдено в узаконенной в настоящее время Охоте.

Таким было, по крайней мере, одно объяснение возникновения этого явления. Справедливости ради следует отметить, что не все соглашались с подобным толкованием. Как всегда, профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Таким образом, если принять во внимание их возражения, у нас не остается ничего, кроме непреложного факта существования самой Охоты — факта такого же странного, как похоронные обряды древних египтян, та-

кого же обычного, как обряды посвящения индейцев племени сиу, и столь же непостижимого, как нью-йоркская фондовая биржа. В результате существование Охоты можно объяснить только ее существованием, поскольку, согласно по меньшей мере одному авторитетному мнению, ничто оправдывает существование чего-нибудь.

Мелькали огни, включались контуры, щелкали реле, вращались диски. Перфокарты мелькали, как белые голуби,— и игровой компьютер соединил две жизни.

Охота ACC1334BB: охотник — Кэролайн Мередит, жертва — Марчелло Поллетти.

Глава 4

— Кэролайн,— произнес мистер Фортинбрас,— хочу поздравить вас с весьма изящным убийством.

— Спасибо, сэр,— ответила Кэролайн.

— Оно было, насколько я помню, девятым?

— Совершенно верно, сэр.

— Значит, осталось всего одно, а?

— Да, сэр. Если сумею.

— Сумеете,— заверил ее Фортинбрас.— Сумеете, потому что я, Дж. Уолстод Фортинбрас, говорю, что сумеете.

Кэролайн скромно улыбнулась. Фортинбрас ухмыльнулся. Он был боссом Кэролайн, главой компании «Телеплекс Ампуорк». Обладая небольшим ростом, он пытался найти величие в грандиозном, и его пристрастие к вульгарному отступало только перед наслаждением всем подлым и гнусным. Он откинулся назад, смахнул что-то с рукава куртки, сделанной из настоящей замши, поднес ко рту большую сигару, сплюнул на бесценный бухарский ковер с трехдюймовым ворсом, вытер рот кружевным платком, сплетенным нищими браминами у погребальных костров Ганга, и потер лоб полированным ногтем, стремясь показать, что думает.

Он не думал, разумеется; он пытался — и делал такие попытки на протяжении многих лет — продемонстриро-

вать свой характер. Дело, однако, заключалось в том, что у мистера Фортинбраса характер отсутствовал. Превосходные специалисты трудились годами, стараясь исправить этот недостаток, но тщетно. Это было единственным проклятием в жизни Фортинбраса.

— Сейчас вы будете охотником, верно? — спросил он у Кэролайн.

— Да, сэр.

— А вам уже сообщили, кто является вашей следующей жертвой?

— Сообщили, сэр. Это мужчина по имени Марчелло Поллетти, житель Рима.

— Рима в штате Нью-Йорк?

— Нет, Рима в Италии,— учтиво поправила его Кэролайн.

— Ну что ж, это еще лучше,— заметил Фортинбрас.— Там, наверное, более живописно. Так вот, моя идея заключается в следующем, и я хочу, чтобы вы обдумали ее очень тщательно и сообщили мне свое мнение честно и прямо. Поскольку у нас, в нашей компании, есть потенциальный победитель в десяти Охотах, почему бы не попробовать снять документальный фильм о десятом убийстве? А?

Кэролайн задумчиво кивнула. Кроме нее и Фортинбраса в кабинете находились еще трое мужчин — все молодые, красивые, смышленые и несносные.

— Да, да! — воскликнул Мартин.

Занимая пост старшего исполнительного заместителя продюсера, он был единственным (за исключением самого Фортинбраса), кому разрешалось пользоваться восклицательными знаками.

— Вы попали в самую точку, босс,— тихо заметил Чет.

Насколько он помнил, в прошлом году было снято тридцать семь документальных фильмов о различных аспектах Охоты.

— Лично я не уверен,— произнес Коул.

Будучи самым младшим исполнительным помощником, Коул знал, что на его долю выпал несчастливый

долг расходиться во мнениях с шефом, поскольку Фортинбрас испытывал отвращение к людям, во всем поддакивающим ему, и не хотел, чтобы его окружали одни подхалимы. Коул ненавидел свою работу, потому что чувствовал, что Фортинбрас всегда прав. Он мечтал о времени, когда наймут четвертого исполнительного помощника, что позволит ему говорить «да».

— Трое против одного,— сказал Фортинбрас, омерзительно смачивая слюной конец сигары.— Видимо, вы остались в меньшинстве, а, Коул?

— Пожалуй, это к лучшему,— удовлетворенно отозвался Коул.— Я считаю своим долгом выражать собственную точку зрения, но уверяю вас, что я с ней не согласен.

— Мне нравится ваша прямота,— заметил Фортинбрас.— Честность и здравый смысл помогут вам сделать карьеру, пусть у вас не будет сомнений на этот счет. Итак, посмотрим. Что, если мы назовем фильм «Момент истины»?

Присутствующие умело скрыли гримасу отвращения. Фортинбрас продолжал:

— Впрочем, это название чисто рабочее; я просто, так сказать, примерял его. А вот еще одно: «Миг откровенности». Как вы считаете?

— Мне очень нравится! — тут же отозвался Мартин.— Прямо в десятку, босс.

— Здорово, очень здорово,— поддержал его Чет, наслаждаясь ужасом названия с полузакрытыми глазами.

— Я считаю, что в названии чего-то не хватает,— произнес Коул несчастным голосом.

— Не хватает? Чего именно? — спросил Фортинбрас.

Коула никогда еще не просили объяснять, почему его точка зрения иная. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание и ледяная дрожь прошла через желудок. Он превосходно понимал, что эти симптомы предвещают наступление безработицы.

Мартин, о доброте сердца которого ходили легенды аж до 10-й авеню, пришел на помощь.

— Мне кажется, что Коул имел в виду одно из старомодных забористых названий. Что-то вроде простого названия «Десятый».

— А может быть, он не это имел в виду,— тут же пришел на помощь Мартину Чет.

— Думаю, что-то вроде этого пришло мне в голову,— поспешил поддержать их Коул.— Я понимаю, конечно, что такие короткие забористые названия теперь устарели...

Он замолчал. Фортинбрас, прижавший средний палец правой руки к точке на дюйм выше едва заметных бровей, погрузился в медитацию. Шли секунды. Фортинбрас закрыл глаза неопределенного цвета и снова открыл их.

— «Десятый»...— произнес он еле слышным голосом.

— Старомодно,— заметил Мартин.— Однако такие названия через некоторое время снова обретают звучание.

— «Десятый»,— сказал Фортинбрас, смакуя это слово, как леденец.

— В этом что-то есть,— признал Чет,— хотя, конечно, нужно помнить...

— «Десятый»! — раздался торжествующий возглас Фортинбраса.— Да-да, «Десятый»! Это название взывает ко мне, джентльмены, по-настоящему взывает. Н-да...— Он снова затянулся своей отвратительной сигарой, затем спросил: — Была хотя бы одна женщина, сумевшая достичь цифры десять?

— Нет, насколько мне известно,— ответил Мартин.— По крайней мере, в Соединенных Штатах.

— Что ж, тогда все,— сказал Фортинбрас.— А вот женщин, убивших девятерых, было несколько, правда?

— Последней была мисс Амелия Брэндоум,— сказал Мартин.— Она добилась этого статуса восемь лет назад.

Он ознакомился с этой информацией прошлым вечером, предвидя сегодняшние события. Мартин стал старшим исполнительным заместителем продюсера именно потому, что умел предвидеть.

— И что с ней стало? — спросил Фортинбрас.

— Ее подвела самоуверенность. Во время десятой попытки жертва прикончила ее. Она, вернее, он, потому что жертвой оказался мужчина, воспользовался дробовиком, заряженным кормом для птиц.

— Подобное оружие не кажется мне таким уж смертоносным,— покачал головой Фортинбрас.

— В данном случае оно оказалось смертоносным,— сказал Чет.— Выстрел был произведен с расстояния примерно в два дюйма.

— Надеемся, что вы не проявите такой самоуверенности, Кэролайн,— хихикнул Фортинбрас.

— Да, сэр, я тоже надеюсь,— ответила Кэролайн.

— В противном случае вы окажетесь без работы,— добавил Фортинбрас, делая жалкую попытку пошутить.

— Да и без жизни,— заметила Кэролайн.

Остроумие Кэролайн пришлось всем по вкусу. Когда смех утих, Фортинбрас перешел к делу.

— О'кей, ребята,— начал он,— приготовьтесь к перелету и действуйте побыстрее. У нас есть свободных полчаса в эфире послезавтра от десяти до половины одиннадцатого утра, так что передача будет вестись напрямую, живьем — или, наоборот, вмертвую? Хе-хе. В общем, ребята, вы знаете, какой тон выбрать для передачи,— абсолютно серьезный, но с легким юмором. Не беспокойтесь о всяких там фонах, просто излагайте ход Охоты в живой впечатляющей манере, но с достоинством и, как я уже сказал, с юмором. Вы ведь знаете, что я имею в виду, правда, Мартин?

— Думаю, что сумею разобраться, сэр,— сказал Мартин.

За последние три года он все время думал за Фортинбраса, с того самого момента, как стал старшим исполнительным заместителем продюсера. К следующему году Мартин надеялся занять место Фортинбраса.

Вряд ли можно было отрицать, что Фортинбрас был действительно глуп; однако он не был абсолютным болваном. Он собирался уволить Мартина сразу после заверше-

ния предстоящего задания. Но это оставалось его маленькой тайной, которой он не поделился ни с кем, даже со своим психиатром.

Глава 5

Министерство Охоты в Риме находилось в огромном современном здании, выстроенном в псевдороманском стиле с элементами готики. По его широким белым ступеням из античного камня быстро поднимался Марчелло Поллетти, тот самый Поллетти, который вчера убил барона фон Рихтоффена. Когда он поднялся, от балюстрады отошли какие-то зловещие фигуры, одетые в черное, и окружили его.

— Эй, мистер,— обратился к Поллетти один,— не хотите ли купить карманный металлодетектор?

— Он не сможет обнаружить пистолет из пластика,— ответил Марчелло.

— Между прочим,— заметил второй,— у меня есть детектор и для пластика.

Поллетти улыбнулся, пожал плечами и пошел дальше.

— Извините меня, сэр, но, похоже, вам требуется хороший наблюдатель.

Поллетти, не останавливаясь, покачал головой.

— Но ведь вам нужен наблюдатель,— настаивал мужчина.— Каким образом вы надеетесь опознать своего охотника, если не прибегнете к услугам отлично подготовленного наблюдателя? Что касается меня, я окончил курсы в Палермо и продолжил подготовку, повышая квалификацию в Болонье. У меня есть письменные рекомендации от многих благодарных клиентов.

Он взмахнул пачкой потрепанных бумаг перед носом Поллетти. Тот пробормотал что-то вроде: «Мне очень жаль...» — и проскользнул мимо. Поллетти подошел к огромным бронзовым дверям Министерства, и мужчины, одетые в черное, безропотно вернулись на свои места у балюстрады.

Поллетти шел по коридорам мимо пыльных витрин, где были выставлены различные виды оружия, применявшиеся в Охоте, мимо карт мира, отражавших географию Охот, мимо групп туристов и школьников, которым плохо выбритые гиды в мятой, поношенной форме нудно рассказывали про историю Охоты. Наконец он нашел кабинет, который искал.

Войдя, Поллетти пулей устремился к столу, на котором стояла табличка «ВЫПЛАТА». За столом сидел чиновник, ведающий вопросами платежей, специально выбранный для этой работы из-за чопорной, высокомерной манеры поведения и характерной внешности: сгорбленные плечи, худая шея и очки в стальной оправе.

— Я хочу получить призовые деньги,— сказал Поллетти, вручая чиновнику свое удостоверение.— Вы, может быть, уже слышали о том, как я взорвал барона Рихтофена на выставке лошадей. Сообщения об этом напечатаны во всех газетах.

— Никогда не читаю газет,— заявил чиновник,— а также не увлекаюсь болтовней о велосипедных гонках, футбольных матчах и Охотах. Как ваше имя?

— Поллетти,— отчетливо произнес Поллетти, слегка оробев.

Чиновник повернулся к шкафу с картотекой, где хранились досье на всех охотников и всех жертв в Риме. Быстрыми пальцами, привыкшими обращаться с бумагами, словно курица, клюющая зерна кукурузы, он перебрал карточки и ловко выхватил ту, что принадлежала Поллетти.

— Да,— наконец произнес он, сравнив фотографию Поллетти на карточке с фотографией на удостоверении и внимательно изучив настоящего (или якобы настоящего) Поллетти, стоявшего перед ним.

— Все в порядке? — спросил Марчелло.

— В полном,— ответил чиновник.

— Значит, я могу получить призовые деньги?

— Нет. Их уже получили.

Поллетти остолбенел. Однако он быстро взял себя в руки.

— Кто их получил?

— Ваша жена, сеньора Лидия Поллетти. Она действительно ваша жена?

— Была...— сказал Поллетти.

— Вы развелись?

— Да. Два дня назад.

— Требуется неделя, иногда десять дней, чтобы данные об изменении в семейном положении попали ко мне. Вы, разумеется, можете подать жалобу.

На лице чиновника появилась самодовольная улыбка, и стало ясно, что он думает о шансах Марчелло когда-либо получить эти деньги.

— Теперь это не имеет значения.

Марчелло повернулся и вышел. Бесполезно демонстрировать свои чувства перед чиновником. Однако Марчелло деньги были нужны не меньше, чем самому клерку, может, даже больше. Вот так Лидия! Когда дело касается денег, она действует просто-таки молниеносно.

Выйдя из здания Министерства, Марчелло медленно пошел через улицу. Вдруг какая-то прелестная блондинка подбежала к нему, обняла за шею и страстно поцеловала. Марчелло изумился. Такие вещи случаются нечасто, а когда случаются, то в неподходящем месте и тогда, когда у него нет соответствующего настроения.

Марчелло попытался высвободиться из объятий, но девушка прильнула к нему и зарыдала:

— Пожалуйста, пожалуйста, сэр, проводите меня через улицу до входа в Министерство!

И тут Марчелло понял, что происходит. Он осторожно снял руки девушки со своей шеи и сделал шаг назад.

— Я ничем не могу помочь вам,— произнес он.— Это противоречит закону. Видите ли, я сам принимаю участие в Охоте.

Прелестная юная девушка (ей было лет девятнадцать-двадцать, самое большее — двадцать восемь) посмотрела

вслед удалявшемуся Марчелло и поняла, что осталась один на один со смертельной опасностью на этой широкой солнечной улице. Она повернулась и побежала к Министерству.

Внезапно из переулка выскочил «мазерати» — эту модель еще называли «Преследователь»,— который помчался прямо на девушку. Она увернулась от автомобиля, как матадор от быка. Но у этого «быка» оказались дисковые тормоза, на которые водитель нажал изо всех сил. В результате машина описала полукруг и остановилась перед девушкой. Ее лицо окаменело. Из сумки на плече она выхватила тяжелый пистолет-пулемет, щелкнула вставшим на место прикладом, перевела предохранитель в положение «огонь» и выпустила по автомобилю длинную очередь.

Тут же стал очевидным печальный факт, что девушка не сочла нужным позаботиться о бронебойных пулях. Ее выстрелы не причинили никакого вреда сверкавшему «мазерати», в то время как водитель, воспользовавшись предоставившейся возможностью, выскочил с другой стороны автомобиля и прямо изрешетил девушку пулями из древнего пулемета системы Стэна.

Когда перестрелка закончилась, из двери неподалеку появился полицейский, вежливо отдал честь, проверил карточку жертвы, затем удостоверение охотника, в котором сделал просечку.

— Поздравляю, сэр,— вежливо произнес он.— Примите также мои извинения.— И протянул мужчине квитанцию.

— А это что? — недоуменно спросил мужчина.

— Штраф за нарушение правил уличного движения, сэр,— объяснил полицейский, сделав жест в сторону «мазерати», стоявшего поперек улицы и мешавшего движению.

— Но, приятель,— запротестовал мужчина,— я не смог бы ее убить, не затормозив мгновенно.

— Возможно,— согласился полицейский.— Но мы не делаем исключений даже для охотников.

— Возмутительно! — воскликнул мужчина.

— Девушка тоже нарушила правила,— заметил полицейский,— поскольку пересекла улицу на красный свет. Но в данном случае мы не можем взыскать штраф, поскольку нарушитель мертв.

— А если бы убили меня? — спросил мужчина.

— Тогда я оштрафовал бы ее,— пояснил полицейский,— оставив без внимания ваше нарушение.

Поллетти пошел дальше. Споры из-за пустяков надоедали ему так же, как и споры по важным вопросам.

Не успел он пройти и квартала, как ярко-красный спортивный автомобиль с опущенным верхом остановился рядом, скрипнув тормозами. Поллетти инстинктивно вздрогнул и оглянулся вокруг, ища убежища. Как всегда, скрыться было некуда. Через несколько секунд он обнаружил, что за рулем машины сидит Ольга.

Это была стройная, темноволосая, элегантная молодая женщина, изящно, хотя и чуть броско одетая. Ее глаза, большие, черные, светились, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем. Ее можно было бы назвать очень привлекательной — если вам по душе такой тип женщин; но правильнее всего ее было охарактеризовать как параноидального шизофреника, одержимого манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами.

Мужчины любят играть с опасностью, но не каждый день. Поллетти играл с Ольгой почти двенадцать лет.

— Я все видела,— произнесла Ольга многозначительно и мрачно.

Она всегда говорила многозначительно и мрачно, за исключением тех случаев, когда ее тон был истерическим.

— Видела? Что же ты видела?

— Все.

Поллетти вымученно улыбнулся.

— Если ты видела все, значит, ты все поняла.

Он хотел коснуться плеча Ольги, но та включила задний ход и отъехала на несколько ярдов. Поллетти опустил руку и пошел за ней.

— Милая,— начал он,— раз ты действительно видела все, то поняла, конечно, что между мной и этой несчастной девушкой нет ничего общего.

— Разумеется,— сказала Ольга.— Теперь.

— Не только теперь, а вообще,— продолжал убеждать Поллетти.— Поверь мне, Ольга, я видел ее впервые в жизни!

— У тебя на лице губная помада,— мрачно заметила Ольга. Она была на грани истерики.

Поллетти поспешно вытер рот тыльной стороной руки.

— Милая, уверяю тебя, что я даже не был знаком с этой несчастной девочкой...

— Тебе всегда нравились такие молодые, правда?

— ...и потому никак не мог встречаться с ней, никак.

— Значит, тебе приходилось только мечтать о таких встречах, а, Марчелло?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ольга ждала дальнейших оправданий, которые намеревалась на ходу отвергнуть. Поллетти просто молчал. Его лицо изменилось, на смену ритуальному выражению мольбы пришла гримаса обычной скуки. Мужчина, конечно, в долгу перед женщиной, с которой прожил двенадцать лет, но всему же есть предел.

Внезапно он отошел от автомобиля и стал озираться, ища такси. Ольга включила сцепление и направила машину прямо на него, затормозив всего в каких-то двух дюймах.

Не говоря ни слова, Поллетти сел рядом с ней.

— Марчелло, ты лгун и обманщик,— произнесла Ольга.

Поллетти кивнул, закрыл глаза и откинулся на спинку мягкого сиденья.

— Если бы я так тебя не любила, то могла бы убить.

— Не спеши, твоя очередь еще придет,— пробормотал Поллетти, не открывая глаз.

— Весьма вероятно,— согласилась Ольга.— Но сначала ты должен увидеть меня в новом платье.— Она засмеялась и стиснула его руку.— Я уверена, что оно понравится тебе, Марчелло. А в нем и я.

— Не сомневаюсь.

— Почему мужчины такие свиньи?! — воскликнула Ольга.

Не получив ответа, она включила зажигание и помчалась по улице, словно за ней гнался ураган. Поллетти молчал, не открывая глаз, погруженный в свои мысли.

Глава 6

В небе над Римом пролетел огромный пассажирский реактивный самолет. Получив команду с земли, он зашел на посадку в аэропорту Фьюмичино. Из гигантских крыльев выдвинулись закрылки, включились воздушные тормоза, выскочил маленький хвостовой парашют, а за ним и большой. Пробежав по взлетной полосе, гигант неохотно остановился. В кабине пилотов послышались благодарственные молитвы.

Двери открылись, и на бетонное поле начали спускаться пассажиры. Среди них выделялась группа, состоявшая из трех странно похожих друг на друга мужчин и поразительно красивой женщины. Стюардесса повела их к стоявшему поблизости вертолету, тогда как остальных пассажиров посадили в автобусы и повезли к зданию аэропорта.

Четверка села в вертолет. Винт тут же пришел в движение, и неуклюжая машина стала карабкаться в небо. Кэролайн заняла место рядом с пилотом, а мужчины уселись на узкое сиденье в хвосте. Мартин, назначенный старшим исполнительным продюсером по съемкам на натуре — высокий, хотя и временный пост,— что-то писал в блокноте. Чет, следующий по старшинству, задумчиво кусал губы. Коул, самый младший, выглядел полным оптимизма и энергии.

Мартин оторвался от записной книжки и взглянул под ноги сквозь прозрачный плексигласовый пол:

— Это что, собор святого Петра?

— Совершенно верно,— подтвердил Чет.

— Как вы думаете, мы сможем арендовать его на день-другой? Вот если бы нам удалось заснять убийство именно здесь...

— А я могла бы переодеться монашкой,— мечтательно произнесла Кэролайн.

— Боюсь, собор святого Петра арендовать не удастся,— возразил Чет.

Будучи старшим исполнительным заместителем Мартина по съемкам, он был в курсе многого.

— Я имею в виду не саму церковь,— сказал Мартин.— Нам будет достаточно площади, ну и, может быть, нескольких видов собора для создания атмосферы.

— Нам не позволят этого,— произнес Чет.

— А почему бы не провести съемки в павильоне? — спросил Коул.

Оба старших по должности недовольно посмотрели на него.

— Забудьте об этом раз и навсегда,— произнес Мартин сурово.— Это документальный фильм, ясно? Вы что, забыли? Все должно быть, как в жизни.

— Извините,— сказал Коул.— А это что?

— Фонтан Треви,— ответил Мартин.— Прелестное место.— Он повернулся к Кэролайн.— Как твое мнение, бэби? Ты убиваешь его у фонтана, наплыв, труп Поллетти в воде, затем на экране снова появляешься ты, на лице торжествующая, но немного грустная улыбка, бросаешь в фонтан пару монет. Тут включаем громкий шум улиц, ты покидаешь площадь, медленно уходя по длинной мощеной улице, изображение затухает.

— Насколько я помню, вокруг фонтана Треви нет мощеных улиц,— заметил Чет.

— Ну и что? Сделаем мощеную улицу,— нетерпеливо произнес Мартин.— А если это не понравится, сразу после съемок булыжник будет убран.

— Действительно, производит впечатление,— задумчиво сказал Чет.— Производит немалое впечатление.

— Классная мысль,— поддержал Коул.— По-настоящему классная.

Все посмотрели на Кэролайн.

— Нет,— ответила девушка.

— Послушай, крошка...— начал Мартин.

— Нет, это ты послушай,— перебила Кэролайн.— Это мое убийство, мое десятое убийство, и я хочу, чтобы все выглядело блестяще. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Блестяще,— повторил Мартин.

Чет задумчиво пожевал губами. Коул по-прежнему выглядел энергичным и полным оптимизма.

— Совершенно верно, блестяще,— подтвердила Кэролайн.

В ее голосе послышались стальные нотки, которые никто раньше не замечал. Такая твердость встревожила Мартина. Ему не нравилась подобная самоуверенность. Стоит женщине совершить несколько убийств, и она начинает думать, что ей позволено все.

— У нас нет времени для подготовки,— объяснил он.— Съемки будут проводиться завтра утром.

— Это ваша проблема,— бросила Кэролайн.

Мартин приподнял солнечные очки и потер глаза. Работать с женщинами всегда нелегко, а с женщинами-убийцами — просто невозможно.

Раздался нерешительный, тихий голос Чета:

— Э-э, у меня появилась мысль о месте съемок. Что, если мы воспользуемся Колизеем? Вот он, прямо под нами.

Вертолет опустился пониже, и все принялись рассматривать массивный полуразрушенный овал.

— Я не знал, что он такой огромный,— произнес Коул.

— Мне нравится,— сказала Кэролайн.

— Ну конечно, это было бы великолепно,— согласился Мартин.— Но послушай, бэби, чтобы организовать съемки в таком месте, нужно время, а его-то у нас и нет. Может быть, ты все-таки согласишься на фонтан Треви или сады Боргезе?

— Я убью его здесь.— Голос Кэролайн звучал непреклонно.

— Но для организации...

— Видишь ли, Мартин,— вмешался Чет,— я подумал, что тебе может понравиться это место, и потому осмелился заранее обо всем договориться. Понимаешь, так, на всякий случай.

— Вот как?

— Да, эта мысль пришла мне в голову вчера вечером. Я, конечно, не хотел делать такой шаг без твоего разрешения, но будить тебя не решился: в конце концов, этот план мог оказаться несбыточным. Ну, я позвонил в Рим и обо всем договорился. Поверь, Мартин, поступать так без твоего одобрения...

— Ну что ты,— произнес Мартин, хлопнув его по плечу.— Ты поступил совершенно правильно.

— Ты так думаешь? — озадаченно спросил Чет.

— Ну конечно, совершенно правильно. Кэролайн довольна, мы все тоже, так что давайте приниматься за работу. Поставим съемочные камеры и подумаем, как использовать танцовщиц ансамбля «Рой Белл», а также все остальное. Ну что, ребята, решено?

— Итак, я совершу убийство в Колизее! — На лице Кэролайн появилась блаженная улыбка.— Господи, наконец-то осуществится голубая девичья мечта.

— Обязательно осуществится,— кивнул Мартин.— Только нужно действовать как можно энергичнее, все установить и согласовать, отыскать этого Поллетти, сделать так, чтобы он появился в нужный момент...

— Это я беру на себя,— произнесла Кэролайн.

— Превосходно,— улыбнулся Мартин.— Однако и всем остальным тоже придется немало потрудиться. Эй, шофер, двигай побыстрее!

Вертолет начал снижаться по направлению к виа Венето. Пассажиры откинулись на спинки, улыбающиеся и довольные. Мартин думал, что пришло время избавиться от Чета, пока Чет не избавился от него. Получение права на использование Колизея, причем без согласия продюсера, было слишком удачной мыслью.

Глава 7

Поллетти двигался в полной темноте. Кроме того, было совершенно тихо. Так тихо бывает в склепе — эта мысль казалась вполне естественной человеку в его поло-

жении. Он чувствовал себя одиноким, ощущал приближение смерти, был испуган, нервничал... и скучал одновременно. Поллетти жевал чуингам и нижнюю губу; увидеть его можно было только через инфраскоп. Согнув руки на уровне бедер, на расстоянии трех дюймов от тела, как предписывалось правилами, он осторожно продвигался вперед, в любой момент ожидая нападения.

Внезапно он уловил едва заметное движение позади и слева от себя. Поллетти стремительно повернулся, стараясь выйти из предполагаемой зоны обстрела. Это был оборонительный маневр номер три, первая часть. В то же время он ударил правой рукой по нагрудному карману, и специальная кобура выбросила ему в ладонь пистолет. Теперь он видел противника — коренастого хмурого мужчину, державшего в вытянутой руке «люгер». Поллетти бросился на землю и несколько раз выстрелил, завершив таким образом вторую часть оборонительного маневра номер один. Ему удалось выполнить все действия в удивительно короткое время. Он был радостно возбужден и испытывал чувство отлично выполненной работы...

Фигура противника исчезла, и над головой вспыхнул свет. Поллетти лежал на пыльном полу гимнастического зала. Перед ним на табурете рядом с панелью управления сидел старик в грязном комбинезоне. Он скорчил недовольную мину и покачал головой.

— Ну что? — спросил Поллетти, вставая и отряхиваясь.— Как на этот раз? Ведь я ухлопал его, правда?

— Ты отреагировал,— ответил старик,— медленнее почти на десятую долю секунды.

— Я действительно пожертвовал скоростью,— пояснил Поллетти,— ради точности.

— Неужели? — ехидно поинтересовался старик.

— Да,— кивнул Поллетти.— Это мой принцип, профессор.

— В таком случае можешь плюнуть на свои принципы,— заявил профессор Сильвестре.— Ты промахнулся на 3,2 сантиметра.

— Но это очень близко,— заметил Поллетти.

— Недостаточно близко.

— А как мой оборонительный маневр номер три? — спросил Поллетти.— Мне показалось, что я исполнил его очень неплохо.

— Действительно неплохо,— согласился профессор,— причем именно так, как рассчитывал противник. Даже корова могла бы повернуться быстрее. Он убил тебя первый раз, когда ты поворачивался, и второй раз, когда ты приготовился к стрельбе лежа. Если бы это было не трехмерное объемное изображение противника, а настоящий охотник, ты был бы дважды убит.

— Вы уверены в этом?

— Посмотри на показания приборов.

— Подумаешь,— пожал плечами Поллетти.— Это же не настоящая Охота.

— Разумеется,— саркастически промолвил профессор.— Когда решающий момент наступает на самом деле, человек действует еще медленнее. Ты помнишь, сколько раз выстрелил противник?

— Два,— тут же ответил Поллетти.

— Пять,— поправил его профессор.

— Неужели?

— Так говорят приборы. Я сам установил последовательность действий.

— Значит, меня сбило с толку эхо,— с горечью заметил Поллетти.— В таком помещении невозможно отличить выстрелы от эха.

Профессор Сильвестре поднял правую бровь так высоко, что она коснулась бы волос, если бы они у профессора были. Он потер небритый подбородок и встал с табурета. Профессор был невероятно мал ростом и походил на безобразного гнома. Даже его лучший друг — если бы он у него был — не мог бы считать Сильвестре привлекательным человеком.

У многих преподавателей техники защиты и нападения на теле имелись следы, говорившие о том, как они приобретали свой опыт. У профессора Сильвестре их было больше, чем у других. Его правая рука была сделана из

нержавеющей стали; кроме того, профессор имел дюралюминиевый подбородок, пластмассовую левую щеку, а также серебряную пластинку в черепе и коленную чашечку из золота пятьдесят восьмой пробы. Ходили слухи, что и некоторые другие, не столь заметные части его тела были сделаны из заменителей.

Долгое время психологи придерживались мнения, что люди, утратившие значительную часть своих органов, склонны к цинизму. Сильвестре не был исключением.

— Как бы то ни было,— заключил Поллетти,— мне кажется, что я совершенствуюсь. Неужели вы не согласны со мной, профессор?

Профессор попытался поднять правую бровь, но обнаружил, что она уже поднята, тогда он опустил ее и закрыл левый глаз. Стало ясно, что профессор воздерживается от выражения своей точки зрения.

— А теперь,— деловито заявил он,— переходим к следующему экзамену.

Он нажал одну из кнопок на панели управления. В стене открылся люк, оттуда выскочил миниатюрный бар и остановился так резко, что полдюжины бокалов для шампанского попадали на пол и разбились. Поллетти вздрогнул.

— Я ведь просил механика, чтобы он смягчил остановку,— покачал головой профессор Сильвестре.— Сейчас никто не заботится о качестве работы. Итак, Поллетти, приступаем к следующему испытанию.

Он искусно смешал коктейль, наливая понемножку из разных безымянных бутылок, и подвинул стакан к Поллетти.

Тот осторожно понюхал жидкость, задумчиво нахмурился и произнес:

— Джин с ангостурой, немного соуса табаско.

Профессор молча смешал еще один коктейль и подал Поллетти.

— Водка с молоком и лимоном,— заявил Поллетти,— пара капель уксуса из эстрагона.

— Ты уверен?

— Совершенно.

— Тогда выпей.

Поллетти поднял стакан, взглянул на Сильвестре, еще раз понюхал и поставил стакан на стол.

— И правильно,— согласился профессор.— То, что тебе показалось запахом уксуса, было запахом мышьяка — его в коктейле солидная порция.

Поллетти смущенно улыбнулся, обнаружив, что переминается с ноги на ногу, как школьник, и сказал:

— У меня сегодня насморк. Разве можно надеяться...

Профессор взглядом заставил его замолчать, затем нажал кнопку на панели. Из стены выскочил диван и едва не снес стену. Оба сели.

После короткой, но многозначительной паузы Сильвестре произнес:

— Марчелло, до сих пор ты удачно избегал смерти.

— Разве это не относится к большинству людей? — быстро возразил Поллетти.— Я хочу сказать, что природа самой жизни случайна и необъяснима...

Профессора невозможно было отвлечь от выбранной темы.

— В первый раз тебе повезло — жребий оказался счастливым: ты стал охотником, а в жертвы компьютер выбрал слабоумного англичанина.

— Он был не слабоумным,— возразил Поллетти,— а рабом своих привычек.

— Неважно... Англичанин оказался легкой добычей,— продолжал Сильвестре,— мечтой любого охотника. Затем ты стал жертвой, а твоим охотником был девятнадцатилетний юноша, страдавший от безответной любви. И снова убийство не составило для тебя особых трудностей; между прочим, по-моему, бедный мальчуган просто искал такой способ самоубийства, против которого не возражало бы общество.

— Ничего подобного,— ответил Поллетти.— Юноша оказался немного рассеянным.

— А когда ты стал охотником в третий раз, в качестве жертвы тебе попался этот нелепый немецкий барон, думавший только о лошадях.

— Действительно, справиться с ним было нетрудно,— признался Поллетти.

— Справиться со всеми было нетрудно! — воскликнул Сильвестре.— Неужели ты думаешь, что так будет продолжаться вечно? А теория вероятности? Просто тебе еще ни разу не попался хороший противник! Больше ты не сможешь одерживать победы, не используя умственные способности, быстроту реакции, интуицию, без тщательной подготовки.

— Послушайте, профессор, я не так уж плох. Смотрите, уже почти двадцать четыре часа, как я являюсь жертвой в своей четвертой Охоте, и еще ничего не произошло.

— За тобой уже наверняка следят,— заметил Сильвестре.— Твой охотник изучает тебя, манеру твоего поведения, выбирает наилучший момент для нанесения удара. А ты даже не подозреваешь об этом.

— Очень в этом сомневаюсь,— возразил Поллетти с чувством достоинства.

— Вот как? Он сомневается! Ну что ж, посмотрим, как ты справишься с опознанием.

Профессор Сильвестре снова нажал кнопку. В зале стало темно. Он нажал на другую кнопку. У противоположной стены возникли пять человеческих фигур. Четверо из них были подставные «ангелы», по терминологии Охоты,— многие выражения сохранились со времен легендарной Второй мировой войны. Один был убийцей, и Поллетти предстояло его опознать.

Поллетти внимательно посмотрел на фигуры. Они изображали полицейского, швейцарскую стюардессу, священника-иезуита, носильщика из отеля и иорданского араба. Они медленно подошли к дивану и исчезли.

Сильвестре включил свет.

— Ну? Кто из них был охотником?

— Нельзя ли взглянуть еще раз? — попросил Поллетти.

Профессор отрицательно покачал головой:

— Я и так дал лишнюю секунду.

Марчелло потер подбородок, взъерошил волосы и нерешительно произнес:

— Араб показался мне каким-то подозрительным...

— Неправильно!

Сильвестре снова нажал кнопку, и у дальней стены возник иезуит, фигура которого в освещенном зале казалась прозрачной, но была хорошо видна.

— Взгляни,— сказал Сильвестре.— Иезуит, вне всякого сомнения, не тот, за кого пытается выдать себя. Буква «И», первая буква в названии его ордена, видна как на правой, так и на левой стороне груди. Ведь это сразу его выдает!

— Я никогда не обращал внимания на иезуитов,— пробормотал Поллетти, вставая и звеня монетами в кармане.

— Но в Риме они попадаются на каждом шагу! — воскликнул Сильвестре.

— Именно поэтому я никогда не обращал на них внимания.

— Как раз поэтому ты должен был замечать их! — В голосе Сильвестре звучало возмущение.— Фальшивая деталь в традиционной одежде — самый верный признак и сразу должна вызвать подозрение.— Он печально покачал головой.— Когда я принимал участие в Охоте, мы обращали на подобные вещи особое внимание. Ничто не ускользало от моего взгляда.

— Ничто, кроме банана со взрывчаткой,— подхватил Поллетти.

— Верно,— согласился профессор.— Этот парень из Нигерии узнал о моем пристрастии к тропическим фруктам.

— Насколько я помню, у вас были и некоторые другие ошибки,— уколол учителя Поллетти.

— А я и не скрываю,— голосом, полным достоинства, произнес Сильвестре.— Мне всегда не везло, поэтому теперь я стараюсь научить других избегать моих ошибок.

У меня были весьма способные ученики. Боюсь, Марчелло, ты к ним не относишься.

— Пожалуй,— согласился Поллетти.

— Ты закончил полный курс обучения. Нельзя сказать, что у тебя начисто отсутствуют способности. Но какое-то глубоко засевшее безразличие, равнодушие мешает тебе вложить душу и сердце в самое благородное занятие человека — Охоту!

— Пожалуй, вы правы,— признался Поллетти.— Почему-то интерес к этому у меня быстро исчезает.

— Наверное, в твоем характере есть какой-то серьезный недостаток,— печально произнес профессор Сильвестре.— Какая судьба ждет тебя, мой мальчик?

— По-видимому, я умру,— заметил Поллетти.

— Да, пожалуй,— согласился Сильвестре.— Но тут возникает другой вопрос: как ты умрешь? Будет ли твоя смерть великолепной, как гибель камикадзе, или жалкой, как у загнанной в угол крысы?

— Не вижу особой разницы.

— Что ты! Между этими смертями колоссальная разница! — воскликнул профессор.— Раз уж ты не можешь хорошо убивать, сумей, по крайней мере, красиво умереть. В противном случае ты навлечешь позор на свою семью, друзей и на школу тактики жертв профессора Сильвестре. Никогда не забывай лозунг нашей школы: «Умирай не хуже, чем убиваешь!»

— Постараюсь запомнить.— Поллетти встал.

— Мой мальчик! — Сильвестре тоже поднялся и положил стальную руку на плечо Поллетти.— Твое кажущееся равнодушие — всего лишь прикрытие глубоко скрытого мазохизма. Ты должен бороться не только с охотником, угрожающим твоей жизни, но и с более опасным врагом внутри себя.

— Постараюсь.— Поллетти попытался подавить зевоту.— Но сейчас я должен спешить, у меня назначена встреча...

— Конечно, конечно,— сказал профессор.— Однако нам следует решить небольшую проблему платы за обу-

чение; этим можно заняться прямо сейчас. После сегодняшнего урока сумма составляет триста тысяч лир. Если ты можешь...

— В данный момент не могу,— поспешно ответил Поллетти, заметив, что профессорская рука из нержавеющей стали находится всего в дюйме от его сонной артерии.— Но завтра утром, как только откроются банки, я заплачу все.

— Ты мог бы сейчас выписать мне чек,— предложил Сильвестре.

— К сожалению, у меня нет чековой книжки.

— К счастью, у меня есть.

— Мне очень жаль, но я не могу выписать чек сейчас, потому что деньги хранятся в банковском сейфе.

Сильвестре пристально посмотрел на упрямого ученика, пожал плечами и снял стальную руку с плеча Поллетти.

— Хорошо,— сказал он.— Завтра? Честное слово?

— Честное слово,— подтвердил Поллетти.

— Закрепим наше джентльменское соглашение рукопожатием.— И профессор протянул свою стальную руку.

— Пожалуй, не стоит,— возразил Поллетти.

Профессор улыбнулся и протянул здоровую руку. Поллетти с чувством пожал ее. Внезапно Сильвестре отдернул руку и уставился на ладонь. На ней красовалась капля крови.

— Видите? — Марчелло показал крошечный блестящий шип, прикрепленный к ладони.— Как вы справедливо заметили, фальшивая деталь. Если бы этот шип был смазан ядом кураре...

Добродушно посмеиваясь, он направился к выходу.

Сильвестре сел и поднес к губам раненую руку. Он чувствовал себя несчастным. Этому Поллетти с его дурацкими выходками наверняка предстоит скорая встреча с кладбищем. Но, напомнил себе профессор, такая же судьба ожидает всех людей, тогда как его, профессора Сильвестре, отвезут скорее всего на свалку металлолома.

Глава 8

В бальном зале Борджиа римского «Хилтона» Кэролайн репетировала танец, который собиралась исполнить сразу после убийства Поллетти с танцовщицами ансамбля «Рой Белл». В зале царила полная тишина, изредка прерываемая возгласами вроде: «Я просила включить розовый направленный прожектор, а не яркий верхний свет! Неужели тебе это не ясно, тупой, ни на что не способный кретин?»

Мартин, Чет и Коул сидели в первом ряду спешно выстроенного зрительного зала, задумчиво теребя верхние губы. Они видели, что Кэролайн далеко не Павлова, но этого от нее и не требовалось. Недостаток способностей она компенсировала подлинным женским обаянием, которое прямо-таки обволакивало зрителей. Танцовщицы ансамбля искусно изображали различных женщин, тогда как Кэролайн не требовалось ничего изображать — она была Женщиной, обладающей каким-то особым магнетизмом. Иногда она казалась вампиром, иногда — валькирией. Ее стройное тело было неспособно на неуклюжее движение или жест, а длинные светлые волосы ниспадали на плечи подобно золотому дождю.

— Как танцовщица она ничем не выделяется,— произнес Мартин, дергая себя за верхнюю губу,— зато какая женщина!

— Просто удивительно,— кивнул Чет.— Глядя на нее, видишь то вампира, то валькирию.

— Это верно,— поддакнул Коул, убрав пальцы от верхней губы.— А вы обратили внимание, что ее стройное тело кажется неспособным на неуклюжее движение или жест и что ее длинные светлые волосы ниспадают на плечи подобно золотому дождю?

— Цыц! — проворчал Мартин, не переставая теребить верхнюю губу.

Он собирался произнести именно эти слова, и какой-то молокосос опередил его. Он решил уволить Коула вместе с Четом. Мартину не нравились умники.

Танец закончился. Слегка запыхавшись, Кэролайн сошла со сцены и опустилась в кресло рядом с Мартином.

— Ну? — спросила она.— Как?

Трое мужчин начали восторженно бормотать комплименты.

— В Колизее все готово к завтрашнему утру? — Кэролайн повернулась к Мартину.

— Абсолютно,— уверил ее Мартин.— Освещение, сцена, микрофоны с дистанционным управлением, пять кинокамер и две запасные. Есть даже специальный микрофон узконаправленного действия, чтобы записать предсмертный хрип жертвы.

— Прекрасно.— Кэролайн на мгновение задумалась, и ее лицо, в танце походившее на лицо вампира или валькирии, стало лицом Дианы, безжалостной богини охоты.— А теперь давайте взглянем на фотографии этого Полетти.

Мартин передал ей пачку цветных снимков, восемь на десять дюймов, сделанных несколько часов назад и уже проявленных, обработанных, увеличенных и доставленных сюда благодаря магической силе денег.

Кэролайн внимательно рассматривала фотографии.

— Сколько ему лет? — внезапно спросила она.

— Около сорока,— ответил Мартин.

— Под каким знаком он родился?

— Под знаком Близнецов,— тут же сказал Чет.

— Он хитер,— объявила Кэролайн.— Вот эти морщинки вокруг глаз...

— Мне кажется, он прищурился, когда наш человек начал фотографировать,— робко заметил Коул.

— Морщины есть морщины,— безапелляционно заявила Кэролайн.— Но мне нравятся его руки. Вы обратили внимание? Его пальцы расширяются на концах, кроме левого безымянного.

— Ты совершенно права,— согласился Мартин.— Раньше я как-то не заметил.

— Вы, наверное, не спрашивали мнения френолога?

— Господи, мисс Кэролайн,— произнес Коул,— у нас просто не было времени.

— Разве так уж важно, какие шишки у него на голове? — спросил Мартин.— От тебя требуется всего лишь убить этого парня.

— Мне хочется побольше знать о людях, которых я убиваю,— объяснила Кэролайн.— Это делает мою работу более увлекательной.

Мартин недовольно покачал головой. Ох уж эти женщины! Они все время пытаются притянуть чувства. Он решил уволить Кэролайн, как только займет должность Фортинбраса, но с легким чувством тревоги осознал, что после десятого убийства Кэролайн станет настолько влиятельной, что без труда сумеет настоять на увольнении его самого.

— Я понимаю тебя,— заметил Мартин, поспешно перенося недовольство девушкой на себя самого.— Действительно, интересно знать что-то о жертве, и, если бы у нас была возможность получить заключение френолога относительно Поллетти, Чет, несомненно, придумал бы, как это сделать.

Кэролайн хотела ответить, по-видимому, что-то язвительное, но ее прервал металлический голос из небольшого монитора, стоявшего у ног Чета.

— Алло, алло,— донесся голос.— Это передвижная камера три, мы двигаемся примерно на юго-юго-запад и находимся в точке к западу от виа Джулия. Вы слышите меня, центральный командный пункт, вы слышите меня?

— Да, мы слышим вас хорошо,— ответил Мартин.

Он ненавидел скучные формальности почти так же, как и неформальную фамильярность.

— Вижу объект на расстоянии примерно в тридцать семь и четыре десятых фута. Считаете ли вы необходимым, чтобы я приблизился на максимально близкое расстояние, или начинать действовать отсюда, вопрос.

— Начинать действовать? — воскликнула Кэролайн.— Он что, не знает, кто охотник?

— Он имеет в виду не стрельбу,— пояснил Мартин.— Он всего лишь спрашивает, вести ли ему телевизионную передачу с расстояния, на котором находится, или приблизиться. Я не выношу этих бывших командиров эсминцев, однако Фортинбрас берет их на работу целыми экипажами.— Он щелкнул переключателем на мониторе.— Сохраняйте позицию, передвижная камера три, и ни под каким видом — повторяю, ни в коем случае — не приближайтесь к объекту. Начинайте передачу с того места, на котором находитесь.

— Понятно, приступаю к исполнению,— послышался голос из монитора, такой решительный, что казалось, все увидели, как ощетинились рыжие усы говорившего.

Серый экран монитора стал белым, затем красным с извилистыми зелеными и малиновыми полосами. Наконец экран прояснился, и на нем появились прелестная грустная девушка и трое усатых мужчин, голос диктора произнес по-итальянски: «А сегодня мы покажем очередной эпизод из странных запутанных жизней...»

— Эй, передвижная камера три, в чем дело? — крикнул Чет.

— Извините, сэр,— ответила третья камера.— Небольшая путаница при всенаправленном приеме.

— Вы считаете это оправданием? — грозно спросил Мартин.

— Никак нет, сэр. Просто объясняю. Приступаем, сэр.

Экран стал черным, затем снова ожил. Теперь на нем был отчетливо виден Марчелло Поллетти, который медленно брел по улице, опустив плечи.

— Налицо внешние признаки хронической депрессии,— тут же заметил Чет.

— Может быть, он просто устал,— высказала предположение Кэролайн, внимательно разглядывая Поллетти.

— Он кажется мне идеальной жертвой,— произнес Коул с мальчишеским энтузиазмом.

— Идеальная жертва — это мертвая жертва,— холодно сказала Кэролайн.— Думаю, он просто лентяй.

— Это хорошо? — спросил молодой Коул с надеждой в голосе.

— Нет, плохо. Ленивые люди непредсказуемы.— Не отрываясь от экрана, она еще несколько секунд изучала Поллетти.— Но в нем есть что-то еще: не лень, не депрессия и не усталость. Он не пытается спрятаться или скрыться от слежки, как это делает большинство жертв. Он идет по оживленной улице, представляя собой идеальную цель.

— Действительно странно,— согласился Мартин.

— Ты уверен, что он получил официальное уведомление?

— Сейчас проверю.

Мартин щелкнул пальцами. Чет нетерпеливо махнул рукой. Коул вскочил, бросился к ящику с оборудованием, принес телефонную трубку и подключил ее.

Мартин набрал телефон Министерства Охоты в Риме, некоторое время пытался преодолеть своим английским поток итальянских слов и наконец беспомощно повернулся к помощникам.

— Э-э, знаете, шеф,— сказал Чет,— я прошел курс гипнообучения итальянскому языку в течение одной ночи, полагая, что это может пригодиться. Так что, если хотите...

Мартин передал ему трубку. Заговорив на безупречном итальянском языке с флорентийским акцентом, Чет быстро выяснил, что В.27.38, Марчелло Поллетти, действительно получил лично официальное уведомление о том, что в этой Охоте он является жертвой.

— Странно,— недоумевающе произнес Мартин.— Определенно странно. Куда он идет?

— Входит в дом,— сказала Кэролайн.— Ты полагаешь, он станет весь день разгуливать по улицам, чтобы облегчить работу твоей съемочной группы?

Поллетти вошел в подъезд, и на экране монитора появилась закрытая дверь.

Мартин нажал кнопку на панели монитора:

— Все в порядке, камера три. Объект скрылся из виду, так что можете пока выключиться. Вы сумеете держать под наблюдением дом объекта на протяжении часа или двух, не возбуждая подозрений?

— Так точно,— прохрипел голос из динамика на панели монитора.— Я действую с заднего сиденья «фольксвагена». До сих пор, как мне кажется, никто даже не взглянул в мою сторону.

— Превосходно,— отозвался Мартин.— Назовите адрес дома... Хорошо, записал. Через час, максимум через два, мы вас сменим. Оставайтесь в машине; если заметите, что вызываете подозрение, немедленно уезжайте. Понятно?

— Так точно.

— Пока.

— Конец связи.

Мартин нажал кнопку на панели монитора и повернулся к Кэролайн:

— Ну что ж, милочка, мы нашли твоего парня и узнали, где он живет. Сейчас три часа тридцать четыре минуты и тридцать секунд дня. Тебе нужно привести его в Колизей к завтрашнему утру. Справишься? Это не самая простая работа в мире.

— Думаю, что справлюсь,— произнесла Кэролайн сладким голосом.— А ты как считаешь?

Мартин взглянул на нее, затем задумчиво потеребил верхнюю губу.

— Да,— кивнул он,— пожалуй, ты сможешь сделать это. Знаешь, Кэролайн, а ты здорово изменилась.

— Я тоже это заметила,— согласилась Кэролайн.— Может быть, это влияние Рима, или моего десятого убийства, или того и другого. Или чего-то еще. Я буду поддерживать с вами связь, мальчики.

Она повернулась и величественно вышла из бального зала Борджиа.

Глава 9

Квартира Марчелло Поллетти была яркой, шикарной... и временной, как и сам хозяин. Мебель была низкой, удобной, но не стильной, да и ценность ее была сомнительной. В квартире находились три внутренние лестни-

цы: одна вела на террасу, другая в спальню, а третья почему-то упиралась в белую кирпичную стену. Это как нельзя лучше отражало характер хозяина квартиры.

Поллетти вытянулся на шегольской малиновой тахте. На груди у него сидела маленькая красно-синяя игрушечная обезьянка (на транзисторах, перезаряжающиеся батарейки, пятилетняя гарантия, можно мыть в ванне, доставляет удовольствие всей семье!). Он рассеянно почесывал ее за ухом, и механическая обезьянка вздрагивала от удовольствия и оживленно болтала. Потом Поллетти перестал почесывать обезьянку и принялся за глубокое дыхание, однако после трех циклов «вдох-выдох» бросил тренировку, потому что, как и от многих других вещей, от этого у него кружилась голова и начинало подташнивать. К тому же он знал, что должен радоваться тому, что вообще еще дышит. В его ситуации глубокое дыхание было проявлением излишней самонадеянности, поскольку должно было основываться на том, что у Поллетти сколько угодно времени для дыхания.

По лицу Поллетти пробежала легкая улыбка: он придумал афоризм.

У противоположной стены на кронштейне, вделанном в стену, стоял телевизор. Рядом находился низкий кофейный столик, где лежали шесть книг, газета, пятнадцать комиксов, бутылка виски, револьвер «смит-вессон» с алюминиевым корпусом — модель ХСВ-3, известная под названием «Мститель»,— заряженный, но без бойка. (Поллетти уже давно собирался заняться его ремонтом.) Здесь же валялся хитроумный небольшой крупнокалиберный пистолет, однозарядный, длиной всего 1,2 дюйма, исключительно удобный, отличавшийся точным боем на расстоянии, не превышающем три фута. Рядом с ним лежали еще два пистолета сомнительного происхождения и не менее сомнительной практической ценности. На угол стола был повешен пуленепробиваемый жилет, самая последняя модель, изготовленная два года назад фирмой «Хайтри и Оулди» (производитель пуленепробиваемых жилетов, поставщик двора Ее Величества Королевы).

Жилет весил двадцать фунтов и защищал от любой пули, за исключением новых «Супер Пенитрекс 9 мм Магнум», выпущенных в прошлом году компанией «Маршлендс оф Фиддлерс Корт» (производитель боеприпасов, поставщик двора Его Величества Короля). Патронами «Супер Пенитрекс» пользовались теперь все охотники.

Рядом с жилетом валялись три смятые пачки из-под сигарет и пачка «Рэджиз», где еще были сигареты. На самом краю стола стояла недопитая чашка кофе.

В заданное время таймер включил телевизор. Начиналась программа «Международный час Охоты», которую нужно было обязательно смотреть, чтобы знать, кто убивает, кого и как.

Сегодняшняя передача велась из Далласа, штат Техас. В этом городе проживает больше «охотничьих птиц», как их любовно называют, на душу населения, чем в любом другом мегаполисе мира. По этой причине Даллас слывет раем для убийц и является чем-то вроде Мекки для любителей насилия.

Диктором был приветливый молодой американец. Его манеру говорить, сочетавшую в себе естественное дружелюбие и непринужденную фамильярность, трудно копировать и легко невзлюбить.

«Привет, ребята,— произнес он.— Я особенно рад приветствовать всех агрессивных мальчишек и девчонок, которые станут в будущем охотниками и жертвами. Вам, ребята, мне хочется сообщить нечто особенное. Я не буду читать нравоучения, а просто напомню вам, мальчишки и девчонки, что, с моральной точки зрения, не следует убивать своих родителей, даже если вам кажется, что у вас для этого есть веские причины. Кроме того, это преследуется законом. Так что, ребята, серьезно, не делайте этого. Пойдите лучше к своему преподавателю физкультуры, и он устроит для вас схватку с кем-нибудь вашего роста и веса, с использованием дубинок, кастетов или булав, в зависимости от вашего возраста и успехов в учебе. Я знаю, что это еще не всерьез, понимаю, что многие из вас думают, будто несколько сломанных костей и со-

трясение мозга — для молокососов. Однако поверьте мне, это все-таки настоящий спорт, он поможет вам вырасти крепкими и сильными, развить рефлексы и снимет излишнюю агрессивность. Я знаю, многие из вас, ребята, придерживаются точки зрения, что лишь пистолет или граната настоящее оружие. Такие мысли возникают у тех, кто никогда не пользовался чем-то другим. Позвольте напомнить вам, что древние гладиаторы в Риме дрались кастетами, а ведь их никто не считал маменькиными сыночками. В средние века рыцари умели драться на булавах, и вряд ли кто-нибудь смеялся над ними. Так что, ребята, попробуйте, а? Вдруг вам это понравится».

— Как бы мне хотелось снова стать ребенком,— пробормотал Поллетти.

— Ты и есть ребенок,— раздался замогильный голос откуда-то сверху.

Поллетти не оглянулся: он знал — это Ольга. Она тихо спускалась по лестнице.

«А теперь последние новости и сообщения из мира Охоты,— раздавался голос диктора.— В Индии возрождается древний культ удушения. Это официально подтверждено Министерством иностранных дел в Дели. Представитель правительства заявил сегодня...»

— Марчелло,— произнесла Ольга.

Поллетти нетерпеливо махнул рукой. На экране появились виды Бомбея.

«...что практиковавшееся на протяжении многих веков удушение с помощью шелкового или, в крайнем случае, хлопчатобумажного шарфа...»

— Марчелло,— повторила Ольга,— я хочу попросить прощения.

Она стояла на середине лестницы, тяжело опираясь на перила.

«...является одной из немногих форм убийства, доступных для представителей всех слоев общества и не нарушающих заповедь, недвусмысленно запрещающую проливать кровь. Такая заповедь существует почти во всех крупнейших религиях мира. Различные буддистские секты в Бирме

и на Цейлоне проявили интерес к этой концепции, тогда как представитель советского правительства, выступая в Кремле, охарактеризовал ее как — цитирую — "сущую казуистику". Эта точка зрения, однако, вызвала протест правительства Китайской Народной Республики. Его представитель назвал, по сообщению Телеграфного агентства Нового Китая, удушающий шарф (или шейный воротник "чинтао") настоящим народным оружием, и потому...»

— Марчелло!

Поллетти нехотя повернул голову. Ольга стояла на нижней ступеньке лестницы. Ее распущенные черные волосы ниспадали на плечи и напоминали змей на голове Медузы Горгоны; губы, накрашенные малиновой помадой, имели прямоугольную форму, как диктовала новая мода, а огромные черные глаза казались безжизненными и тусклыми, как у волка, раненного в живот.

— Марчелло,— произнесла она,— ты можешь простить меня?

— Разумеется,— быстро ответил Поллетти и снова повернулся к телевизору.

«...Недавно избранный президент Бразилии Гильберт открыл второй этап Мировых Олимпийских игр торжественным заявлением. Обращаясь к миллионам зрителей, собравшимся на Центральном стадионе Рио, он сказал, что подлинный эмоциональный катарсис, должным образом направляемый в процессе Охоты, еще недоступен всем, тогда как олимпийские состязания гладиаторов, представляющие собой наиболее чистую и мощную форму вторичного эмоционального катарсиса, доступны многим. Далее он заявил, что присутствие на Играх является долгом каждого гражданина, искренне желающего не допустить массовой гибели людей, как во время войн прошлого. Вежливые аплодисменты были ответом на его выступление. Первая схватка сегодня проходила между Антонио Абруцци, трехкратным чемпионом Европы в боях своеобразного стиля на боевых топорах, и известным финским бойцом-левшой Аэзиром Дрнги, одержавшим победу в прошлогодних полуфинальных боях североевро-

пейской зоны. Все указывало на то, что приближается сенсация...»

— Я была вынуждена так поступить,— сказала Ольга. Ее колени вдруг начали подгибаться, а рука, стискивавшая перила, побелела от напряжения.— Извини меня, Марчелло, я так виновата перед тобой.

Правая рука Ольги соскользнула с перил, а из левой выпал коричневый флакончик, в содержании которого не приходилось сомневаться. Поллетти сразу узнал его: там Ольга хранила снотворное — точнее, раньше хранила, потому что сейчас в нем не было пробки и пустая коричневая бутылочка покатилась по полу.

Стало ясно, что бог сна Морфей вступил в смертоносный союз со своим братом Танатосом, демоном смерти.

— Я приняла большую дозу снотворного,— произнесла Ольга, чтобы избежать ненужных вопросов.— Думаю... думаю...

Несчастная замолчала и безвольно опустилась на темно-серый ковер.

«...тогда как в схватках на палашах Николай Гроупопополис из Греции добился решительной победы, нанеся смертельный удар снизу вверх претенденту на победу Эдуару Конт-Куше из Франции, смелому, но явно уступающему ему в мастерстве. В соревнованиях по удушению в среднем весе неожиданную победу одержал Ким Сил Кул из республики Центральная Корея».

— Извини меня,— виновато произнес Поллетти, отворачиваясь от экрана.— Ты сказала, что не можешь уснуть?

«В группе В классической борьбы с применением двойных стилетов была объявлена ничья между Хуанито Ривера из Оахака, Мексика, и Джулио Каррери из Палермо, Сицилия, тогда как...»

— Я сказала,— произнесла Ольга слабым, но отчетливым голосом,— что приняла большую дозу снотворного.

«...В соревнованиях по метанию гранат, средний вес, Майкл Борнштейн из Омахи, Небраска, несмотря на растяжение мышц плеча, взорвал своего соперника...»

— Я не раскаиваюсь,— продолжала Ольга.— Это ты, Марчелло, довел меня до этого своим равнодушием, и ты, если в твоей бесчувственной душе сохранились остатки совести, будешь испытывать мучения худшие, чем те, что я испытываю сейчас, и когда-нибудь поймешь, что бездействие является искаженной формой действия, а отсутствие внимания — это своего рода внимание; и когда наступит этот день...

— Ольга,— перебил ее Поллетти.

— Да? — спросила она; ее голос был едва слышен на фоне прерывистого дыхания.

— Извини меня, но я забыл получить в аптеке твое снотворное по рецепту.

Ольга грациозно встала с пола, взяла сигарету со столика и закурила. Она глубоко затянулась, выпустила к потолку облако дыма и спросила:

— Марчелло, почему ты все время забываешь выполнять мои просьбы? Вчера ты проходил мимо аптеки.

Поллетти наморщил лоб. Он всегда восхищался способностью Ольги выходить из самой неловкой ситуации без малейшего смущения.

«...а в соревнованиях специальных бронированных автомобилей "Астон-Мартин Вулкан-5" первым добился исключительно точного и поразительно удачного попадания в фаворита состязаний "Мерседес-Бенц Мертвая Голова-32"».

Ольга подошла к вазе с искусственными розами и несколькими легкими умелыми движениями создала отвратительную композицию из цветов. Она почти все делала с блеском, несмотря на то, что делала почти все не так, как следует.

— Марчелло,— ее голос звучал игриво и небрежно, как всякий раз, когда Ольга начинала говорить о самых серьезных проблемах,— почему бы нам не пожениться? Это было бы так хорошо, честное слово, Марчелло, очень хорошо.

— Я женат,— ответил Поллетти.

— Но если бы ты не был женат?

— Тогда мы смогли бы рассмотреть этот вопрос с более реалистической точки зрения,— заметил Поллетти с осторожностью, приобретенной за двенадцать лет, прожитых с одной и той же любовницей.

Ольга печально улыбнулась и стала подниматься по лестнице, ведущей на террасу. На верхних ступенях она остановилась.

— У меня создалось впечатление, что ты больше не женат. Ведь ты уже получил извещение о расторжении брака, правда, Марчелло?

— К сожалению, не получил,— ответил Поллетти серьезным, честным и мужественным тоном, к которому прибегал, когда требовалось очень правдоподобно солгать.— В таких вещах нельзя торопить власти. Да и вообще брак могут не расторгнуть.

— Но его уже расторгли! Признайся.

Марчелло отвернулся и принялся играть со своей маленькой электронной обезьянкой. Она напоминала ему его самого. На телевизионном экране демонстрировали третий круг состязаний на выбывание в групповых рукопашных схватках: по шесть человек с рапирами и в кожаных доспехах с каждой стороны. Испанцы, по-видимому, одерживали верх над немцами.

Ольга поднялась еще на одну ступеньку и подошла к тяжелой терракотовой вазе, которую поставила здесь накануне. Вид этой вазы и лежавшего на тахте Поллетти почему-то привел ее в ярость.

— Скотина! Свинья! Буйвол! — закричала она, схватила вазу и швырнула вниз.

Поллетти даже не пошевелился. Ваза пролетела в дюйме-двух от его головы и разбилась. Бедняжка всегда промахивалась. Ей не везло: с попаданием в цель, с преданной любовью, мужьями, свиданиями, встречами со своим психоаналитиком — ей не везло всегда. Доктор Хоффхауэр сказал ей, что она является ярко выраженной мазохисткой, пытающейся компенсировать стремление к самоуничтожению псевдоспонтанными садистскими действиями, которые, разумеется, никогда не осуществля-

ются благодаря ее явно выраженной жажде смерти. Это очень плохо. Однако, напомнил доктор, Поллетти находится в еще худшем положении, поскольку его жажда смерти не смягчается, по-видимому, импульсами садизма, помогающими удержать ее в разумных рамках.

«Международный час Охоты» закончился, и таймер выключил телевизор. Поллетти, спокойный обладатель ничем не ограниченной гипотетической жажды смерти, встал, смахнул с головы терракотовую пыль и пошел к двери.

— Куда ты собрался? — строго спросила Ольга.

— Подышу свежим воздухом,— ответил Поллетти.

— Тогда возьми меня с собой.

— Не могу. Я иду в клуб охотников. Туда пускают только зарегистрированных охотников или жертв.

— Туда можно заходить всем!

— Только не в зал номер один, он лишь для членов клуба,— возразил Поллетти,— а я направляюсь именно туда.

— Но ведь ты только что заявил, что хочешь подышать свежим воздухом.

— Совершенно верно. После того как подышу свежим воздухом, я пойду в клуб.

— Свинья! — крикнула Ольга.

— Чао! — ответил Поллетти и вышел на улицу.

Глава 10

— Передвижная камера один вызывает Центральную. Вы слышите меня, Центральная, вы слышите меня? Прием.

— Слышу вас хорошо,— ответил Мартин.

Это он был Центральной. Едва ли не первое, что они сделали после прибытия в Рим,— организовали командный пункт. Ему всегда хотелось этого — иметь командный пункт, в котором он будет главным под кодовым наименованием «Центральная». И вот он осуществил свою мечту: в его распоряжении находилось радио- и телевизионное оборудование стоимостью в четверть миллиона долларов,

размещенное в углу бального зала Борджиа. Он сидел среди этого оборудования с микрофоном в одной руке и сигаретой в другой, с наушниками на голове и был очень доволен.

— Докладывает передвижная камера два. Но мне не о чем докладывать.

— Тогда продолжайте действовать как раньше,— строго распорядился Мартин.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», закончив очередную репетицию, отдыхали на сцене, пили черный кофе и обсуждали различные способы предохранения ногтей от трещин. Кэролайн читала книгу об уходе за коккер-спаниелями. Положив книгу, она подошла к командному посту Мартина.

— Передвижная камера три включается.

— Вы хотите сказать, докладывает,— поправил Мартин.

— Извините. Передвижная камера три докладывает о том, что докладывать не о чем.

— Понятно,— коротко бросил Мартин, затягиваясь сигаретой и вытирая лоб.

Наушники немилосердно жали ему уши, но он не собирался снимать их из-за такой мелочи. Ерунда, Мартин знал, что другим приходилось выдерживать кое-что похуже.

— Докладывает передвижная камера четыре. Послушай, Мартин, как относительно...

— Не Мартин,— перебил Мартин.— Мой позывной «Центральная».

Он раздраженно покачал головой. Это был Чет. По-видимому, он недоволен, что ему приходится работать в качестве наблюдателя, к тому же четвертого. Но это было необходимо, иногда такое в жизни случается. К тому же Чет не должен был пользоваться преимуществами их двенадцатилетней дружбы и фамильярно обращаться к нему по имени, особенно после того, как Мартин разъяснил всем необходимость использования позывных в подобной операции.

— Докладывайте, передвижная четыре! — рявкнул Мартин.

— Не о чем докладывать, Центральная,— сообщил Чет.— Передвижная камера четыре просит разрешения сделать перерыв на обед.

— В разрешении отказано,— твердо заявил Мартин.

— Ну послушайте, Центральная, у меня не было времени даже на завтрак...

— А вот чтобы арендовать Колизей, время нашлось,— заметил Мартин.

— Послушай, я ведь уже все объяснил. Я не собирался...

— В просьбе отказано! — завопил Мартин. И более спокойным голосом добавил: — Я чувствую, что сейчас должно что-то произойти. В такой обстановке отпустить вас на обеденный перерыв не могу, передвижная четыре, никак не могу.

— Ну хорошо,— ответил Чет, или передвижная четыре.— Буду вести наблюдения до тех пор, пока не поступят иные указания. Связи конец. То есть, я хочу сказать, конец связи.

Мартин судорожно сжал микрофон. Господи, как он ненавидел легкомыслие, разболтанность, фамильярность, неповиновение и все такое! До сегодняшнего дня он не задумывался над этим, но теперь, когда он возглавил доверенную ему операцию, положение изменилось. Он даже немного сочувствовал мистеру Фортинбрасу.

— Смотри-ка, сколько здесь всякого оборудования,— произнесла Кэролайн голосом, в котором полностью отсутствовал интерес.

— Это только самое необходимое,— пояснил Мартин.— Нельзя руководить такой крупной операцией с помощью двух консервных банок и куска бечевки.

Он попытался мужественно затянуться сигаретой, но обнаружил, что раздавил ее, когда стиснул микрофон. Он достал другую сигарету, закурил и мужественно затянулся.

— Что это за прибор слева? — спросила Кэролайн.

Мартин не имел ни малейшего представления, но сразу же ответил:

— Это многофазовый реостат переменной нагрузки.

— Вот как? — произнесла Кэролайн.— Он играет важную роль?

Мартин широко улыбнулся, и на его лице появилась мужественная улыбка.

— Важную? Да вся эта панель, собранная на скорую руку, разлетится на части без многофазового реостата. Так что я действительно назвал бы его важной частью всей системы.

— А почему панель может разлететься на части? — не унималась Кэролайн.

— Главным образом из-за непостоянства фактора резонанса линейного напряжения,— объяснил Мартин.— Вообще-то здесь имеет место очень интересное физическое явление. Если интересно, я мог бы объяснить подробнее.

— Не стоит,— сказала Кэролайн.

Мартин кивнул. Иногда ему казалось, что он может покорить весь мир.

— Говорит передвижная камера один! — послышался вопль в наушниках.— Объект выходит из дома! Повторяю, объект...

— Не повторяйте, я понял,— произнес Мартин.— И не кричите так в микрофон, а то я оглохну.

— Извините, Центральная. Просто после стольких часов ожидания я взвинчен до предела.

— Ну хорошо, хватит. Другие группы заметили его?

— Докладывает передвижная камера четыре. Я вижу его.

— Докладывает передвижная камера три. Объект нами не замечен.

— Передвижная камера два: то же самое.

— Что значит «то же самое»?! — рявкнул Мартин.

— То же, что у передвижной камеры три. То есть я тоже не вижу объекта.

— Все в порядке,— вздохнул Мартин.— Камеры два и три, оставайтесь на месте. Передвижная камера один, вам нужно...

— Вызывает Си Кью, вызывает Си Кью,— послышался в наушниках Мартина четкий, ясный голос.

Мартин никогда не слышал этого голоса, очень удивился и тут же заподозрил шпионаж или контрразведку.

— В чем дело? — ответил он быстро.

— Привет,— послышался голос.— Это станция 32ZOZ4321, зовут меня Боб, мне тринадцать лет, я веду передачу по любительскому каналу из Веллингтона, Новая Зеландия, с помощью реконструированного передатчика «Хаммарлунд ЗВВС21», работающего через восьмидесятифутовую антенну типа «Аркейн» с механическим приводом, снабженную устройством Дормейстера, использующим принцип узкого луча, отражающегося от слоев стратосферы. Я буду рад вести радиопереговоры со всеми коллегами-радиолюбителями, хотя особенно интересуюсь радиолюбителями из Бухары, Каира и Мукдена, с которыми хочу обменяться позывными и вообще поболтать. Как слышите меня? За последнее время у меня возникли трудности с устройством Дормейстера, но мне кажется, что причиной являются возмущения на Солнце. Прием.

— Немедленно покиньте эту частоту! — разъяренно заорал Мартин.

— У меня не меньше прав на радиосвязь, чем у вас,— с достоинством ответил 32ZOZ4321.

— Вы влезли на специально выделенную коммерческую частоту,— заявил Мартин,— и глушите меня в критически важный момент. Прием.

Наступила короткая пауза.

— Извините, мистер, вы правы! Мой ЗВВС21 — отличный передатчик, но иногда уходит с установленной частоты. Это объясняется главным образом тем, что я не мог позволить себе приобрести настоящие детали. Прошу прощения, мистер, вы уж извините меня. Прием.

— Ничего страшного, я сам когда-то был мальчишкой. А теперь, пожалуйста, покиньте мою частоту. Прием.

— Ухожу с вашей частоты. Извините, мистер, надеюсь, вы не станете никуда сообщать об этом недоразумении. Прием.

— Не буду, если вы сейчас же уйдете с этой частоты. Прием.

— Ухожу, мистер. Большое спасибо. Скажите, как было меня слышно? Прием.

— Слышно было отлично. Конец связи,— ответил Мартин.

— Спасибо, сэр. Конец связи.

— Конец связи,— повторил Мартин.

— Конец связи,— тут же отозвалась первая передвижная камера.

— Нет, не с вами! — воскликнул Мартин.

— Но вы сказали...

— Не имеет значения, что я сказал. Как там с объектом?

— Вижу его,— сообщила первая передвижная камера.— Он идет по виа Кавур... подошел к ее пересечению с виа деи Фори Империали... остановился... Черт побери! Его загородил от меня автобус.

— Докладывает передвижная камера четыре,— заговорил Чет.— Вижу его. Он все еще стоит на углу. Руки в карманах, и плечи опущены. Он смотрит вверх, очень пристально...

— На что? — выкрикнул Мартин.

— На облако,— сообщила передвижная камера четыре.— Больше на небе ничего нет.

— С чего бы это ему смотреть на облако? — спросил Мартин у Кэролайн.

— Может быть, ему нравятся облака,— пожала плечами Кэролайн.

— Докладывает передвижная камера три. Я вижу его, Центральная! Объект идет по улице с неразборчивым названием в направлении на северо-северо-восток, пересекает Форум Траяна, который был спроектирован Аполлодорусом из Дамаска и отлично сохранился после тысячи восьмисот лет различных злоключений.

— Передавайте мне только те сведения, которые относятся к делу, передвижная камера три,— потребовал Мартин.— Но мне нравится ваше рвение.

— Докладывает передвижная камера три. Вижу его! Эта улица с неразборчивым названием — виа Куаттро Новембре. Объект остановился приблизительно в тридцати семи ярдах от Санта Мария ди Лорето.

— Принято,— сказал Мартин.

Быстро повернувшись к огромной настенной карте Рима и окрестностей, он провел жирную черную линию, отметив маршрут Поллетти, и пунктиром красного цвета набросал возможные направления его движения.

— Докладывает передвижная камера один. Вижу объект. Он все еще стоит на месте.

— Что он делает? — спросил Мартин.

— Мне кажется, чешет нос.

— Надеюсь, вы уверены в достоверности своих докладов,— зловещим голосом произнес Мартин.

— Передвижная камера два докладывает. Мы подтверждаем сведения передвижной камеры один. Объект, видимый через бинокль фирмы «Цейсс» 8 × 50, установленный на треноге, действительно почесывает нос... Дополнительные данные: объект только что прекратил указанное действие.

— Докладывает передвижная камера два. Объект снова двигается в направлении к северу по виа Пессина к перекрестку с виа Сальваторе Томмаси.

Мартин снова повернулся к карте, сердито посмотрел на нее, прищурился и вернулся к микрофону.

— Не могу обнаружить на карте этих улиц, передвижная камера два. Сообщите названия еще раз.

— Слушаюсь. Объект идет... Извините, Центральная, кто-то положил передо мной не ту карту. Улицы, которые я называл, находятся в Неаполе. Не могу представить, как это могло случиться...

— Успокойтесь,— произнес Мартин.— Сейчас не время для паники. Кто-нибудь видит его?

— Си Кью, Си Кью, вызывает Си Кью, это 32ZOZ4321...

— Вы снова сбились со своей частоты! — завопил Мартин.

— Прошу прощения,— произнес 32ZOZ4321.— Конец связи.

— Докладывает передвижная камера четыре. Он свернул на виа Бабуина.

— Как он мог попасть туда? — спросил Мартин, посмотрев на карту.— У него что, крылья выросли или еще что-то?

— Вношу поправку. Я имел в виду виа Барберини.

— Принято. Но как он попал в тот район?

— Докладывает передвижная камера один. Объект подвез маленький толстый лысый мужчина, сидевший за рулем синего автомобиля марки «Альфа-Ромео», модель XXY-1, с открывающимся верхом, тройными хромированными выхлопными трубами и турбонаддувом Моррисона—Чалмерса. Объект и маленький толстый лысый мужчина казались друзьями или, по крайней мере, знакомыми. Они подъехали к площади Испании, где объект вышел из машины.

— Иногда они двигаются очень быстро,— пробормотал себе под нос Мартин, помечая на карте новые координаты объекта.— А что после этого делал маленький толстый лысый мужчина? — произнес он в микрофон.

— Он уехал в направлении виа Венето.

— Кто-нибудь следит сейчас за объектом?

— Докладывает передвижная камера два. Я вижу его. В данный момент он стоит прямо перед или, точнее, слегка слева от здания «Американ экспресс».

— Что он делает?

— Смотрит на плакат в витрине. Плакат представляет собой рекламу туристической поездки в Грецию, конкретно: Афины, Пирей, Гидра, Корфу, Лесбос, Крит...

— Греция! — простонал Мартин.— Он не имеет права так меня подвести. Я ничего там не подготовил. Нам придется...

— Докладывает передвижная камера четыре. Объект двигается вновь. Он прошел несколько ярдов и сидит теперь на ступеньках Испанской лестницы.

— Вы уверены в этом? — быстро спросил Мартин.

— Абсолютно. Он сидит на седьмой снизу ступеньке и с подчеркнутым вниманием смотрит на двух блондинок, расположившихся соответственно на пятой и четвертой ступеньках.

— Он хитрее, чем кажется с первого взгляда,— произнес Мартин.— Теперь никто не ходит к Испанской лестнице. Неужели он пытается...

— Докладывает передвижная камера три! Объект встал и пересекает площадь Испании... Я потерял его из виду. Нет, вот он. Теперь объект на виа Маргумма, прошел примерно половину квартала, остановился и вошел в здание.

— Что за здание?! — крикнул Мартин.

— Клуб охотников,— сообщила третья камера.— Нужно ли мне следовать за ним?

Кэролайн следила за поисками, глядя на экран монитора. Теперь она взяла микрофон из рук Мартина и скомандовала:

— Всем передвижным камерам оставаться на местах! Я сама найду его в клубе охотников.

— По-твоему, это правильный шаг? — спросил ее Мартин.

— Может быть, и нет,— заметила Кэролайн,— зато интересный.

— Послушай, бэби, этот парень вооружен и опасен.

— И очень привлекателен,— добавила Кэролайн.— Я хочу лично посмотреть, что представляет собой этот Поллетти.

— Мистеру Фортинбрасу это может не понравиться,— сказал Мартин.

— Мистеру Фортинбрасу не нужно никого убивать,— бросила Кэролайн.— А мне придется.

Ответить на такое замечание было нечего. Когда Кэролайн вышла из зала, Мартин пожал плечами. Затем он мужественно усмехнулся и устало откинулся на спинку вращающегося кресла. Ему приходится иметь дело с примадоннами и неумелыми сотрудниками — людьми, которым не по силам выбраться из бумажного мешка, не говоря уж о том, чтобы решать сложные задачи. Он должен

сам заботиться обо всем. И что получает в награду? Ничего! Совершенно ничего, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

— Всем передвижным группам! — передал Мартин.— Приступайте к выполнению плана «Изи Бейкер», повторяю, плана «Изи Бейкер». Конец связи.

Он встал и пошел прочь от передатчика, все еще мужественно улыбаясь. Потухшая сигарета свисала из угла его рта.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл» давно уехали, и огромный бальный зал был пуст. Передатчик тихо жужжал, затем что-то щелкнуло. Прошло несколько секунд, и из приемника послышался голос:

— Говорит 32ZOZ4321, вызываю Си Кью. Меня зовут Боб. Слышит меня кто-нибудь?

В огромном зале царила тишина, в нем никого не было.

Глава 11

Римский клуб охотников размещался в изящном здании неовенецианского стиля. Поллетти вошел, миновал холл и поднялся на лифте на третий этаж. Здесь он подошел к двери, на которой висела табличка: «Вход только членам клуба (мужчинам)». Это было одно из немногих мест в Риме, где мужчина мог сбросить напряжение, покурить, почитать газеты, поговорить, обсудить различные проблемы Охоты и даже выспаться, будучи уверенным, что в помещение не ворвется неожиданно его жена. Более того, мужчина всегда мог заявить, что провел время здесь,— неважно, где он находился на самом деле. В помещении не было телефонов, а лояльность члены клуба считали величайшей из добродетелей.

Охотники-женщины постоянно жаловались на это стремление мужчин к уединению и обособленности, поэтому клуб выделил и для них собственное помещение на первом этаже, на двери которого красовалась надпись: «Вход только членам клуба (женщинам)». Это их не удов-

летворило вообще-то, но, как однажды заметил Вольтер, что может удовлетворить женщину?

Поллетти опустился в удобное кресло и ответил на приветствия шести-семи друзей. Их интересовало, как проходит Охота, и Поллетти совершенно откровенно ответил, что не имеет ни малейшего представления.

— Это плохо,— констатировал Витторио ди Люкка, седой миланец, на счету которого было восемь убийств.

— Может быть,— ответил Поллетти и добавил: — Но я все-таки еще жив.

— Действительно,— согласился Карло Савицци, толстый молодой мужчина, который учился с Поллетти в школе.— Но это вряд ли твоя заслуга, правда?

— Пожалуй, ты прав,— сказал Поллетти.— Однако едва ли я могу что-нибудь предпринять.

— Ты много чего можешь сдéлать,— заявил здоровенный широкоплечий старик с поседевшими черными волосами и лицом, напоминавшим плохо выдубленную кожу.

Поллетти и остальные замолчали. Этот старик был Джулио Помбелло — единственный сумевший достичь цифры «десять» охотник, которым мог сейчас похвастаться Рим. К охотнику, убившему десять соперников, следовало относиться с уважением, даже если он нес чепуху, что обычно и делал старый Помбелло.

— Прежде всего нужно организовать оборону,— произнес Помбелло, взмахнув правой рукой, словно защищаясь.— Существует немало схем надежной обороны, равно как и много отличных тактических схем их преодоления охотниками. Разумеется, главным является правильный выбор; жертва не должна прибегать к тактике охотника, равно как и охотник допустит ошибку, полагаясь на оборону. Вы считаете это правильным или я ошибся в оценке ситуации?

Раздался шепот, выражавший единодушное мнение, что слова маэстро (Помбелло нравилось, когда его так называли) верны и удивительно точно соответствуют действительности. Но в глубине души у каждого появилось страстное желание, чтобы Помбелло лишился дара речи

или был немедленно вызван по телефону, к примеру, на Корсику.

— Таким образом, мы разложили проблему на составные элементы,— продолжал маэстро.— Вот ты, Поллетти, жертва, поэтому нуждаешься в защите. Нет ничего проще. Нам остается решить, какие из наиболее надежных методов защиты лучше всего использовать в твоем случае.

— Вообще-то я не слишком стремлюсь к защите,— заметил Поллетти.— Да и о нападении как-то не очень задумывался,— добавил он, помолчав.

Маэстро привычно не обратил ни малейшего внимания на его слова, поскольку всегда игнорировал высказывания собеседников.

— Лучше всего,— заявил он,— если ты возьмешь на вооружение метод глубинной последовательности концентрических полей Хартмана.

Присутствующие одобрительно закивали. Старый Помбелло действительно неплохо разбирался в Охоте и имел в этом деле глубокие познания.

— Что-то не припомню такого метода,— возразил Поллетти.

— В нем нет ничего сложного, и разобраться в этом методе очень просто,— произнес маэстро.— Сначала выбираешь большую деревню или, может быть, город. Следует предварительно убедиться, что ни твой охотник, ни его родственники не живут там, в противном случае оборона утрачивает свою эффективность. Но отыскать нужный город не так уж сложно.

— Это верно,— вмешался Витторио.— Как раз на прошлой неделе я читал...

— Отыскав такой город,— невозмутимо продолжал маэстро,— ты селишься там и живешь в течение недели или месяца, пока твой охотник не узнает, где ты находишься. И как только он решает нанести удар, ты убиваешь его. Проще некуда.

Все дружно закивали в знак согласия.

— А что, если охотник найдет меня первым или сумеет подкрасться, предварительно переодевшись, или...

— А-а, я упустил из виду решающую деталь метода глубинной последовательности концентрических полей Хартмана.— Маэстро улыбнулся своей рассеянности.— Охотник не сможет найти тебя первым, какой бы искусной ни была его маскировка. Не сможет он и подкрасться незамеченным. Стоит ему появиться в городе — и он в твоих руках.

— Почему? — спросил Поллетти.

— А потому,— пояснил маэстро,— что ты предварительно заплатишь каждому мужчине и ребенку в городе, каждой женщине, и они станут твоими наблюдателями; более того, ты пообещаешь премию тому, кто первым обнаружит охотника. Остроумно, правда? Вот и все.

Маэстро откинулся на спинку кресла, самодовольно улыбаясь. Среди присутствующих послышался одобрительный шепот.

— Значит, нужно заплатить всем мужчинам, женщинам и детям, живущим в городе,— произнес Поллетти.— Но для этого потребуется немало денег. Даже если город совсем небольшой или деревня с тысячей обитателей, понадобится...

Маэстро нетерпеливо махнул рукой.

— Думаю, нужно будет заплатить несколько миллионов лир. Но что такое деньги по сравнению с жизнью?

— Ничего,— согласился Поллетти.— Но у меня нет нескольких миллионов лир.

— Это печально,— заметил маэстро.— Последовательность Хартмана является, по моему мнению, лучшей системой защиты от любого охотника.

— Может быть, если удастся получить кредит...

— И все-таки не следует впадать в отчаяние,— подбодрил его маэстро.— Мне кажется, я припоминаю, что статическая защита Карра показала себя с лучшей стороны, хотя сам я никогда не прибегал к ней.

— Как раз на прошлой неделе я читал о ней,— вступил в разговор Витторио.— При статической защите Карра ты запираешься в комнате, полностью сделанной из стали; у тебя есть источник кислорода, вода, получаемая по замк-

нутому циклу, большой запас продовольствия и книг. Фирма «Аберкромби и Фитч» продает полный комплект, причем стены выполнены из трехдюймовой гиперстойкой стали, безусловно гарантированной от любых внешних вторжений вплоть до ядерного взрыва мощностью в мегатонну.

— Я смогу купить такую комнату в рассрочку? — спросил Поллетти.

— Сможешь, пожалуй,— сказал Карло.— Но должен предупредить тебя, что компания «Фортнум и Мейсонс» пустила в продажу мультиволновой вибратор, гарантирующий уничтожение всего живого, находящегося внутри такой комнаты.— Он вздохнул и потер лоб.— Именно это случилось с моим несчастным кузеном Луиджи в самый первый раз, когда он был жертвой.

Раздался шепот сожаления.

— Что касается меня,— произнес маэстро,— мне никогда не нравилась статическая защита. Она слишком статическая; ей не хватает гибкости. А вот мой племянник воспользовался однажды очень любопытной защитой, основанной на открытости.

— Никогда не слышал о таком методе,— покачал головой Поллетти.

— Вообще-то это восточная форма защиты,— пояснил маэстро.— Лисицы называют ее «неуязвимость, основанная на кажущейся уязвимости». Китайцы говорят о ней как о «сантиметре, вмещающем десять тысяч метров». По-моему, у нее есть и индийское название, только сейчас я не могу припомнить его.

Наступило молчание. Все ждали. Наконец маэстро сказал:

— Ладно, название не имеет значения. Суть этой защиты, как объяснил мне племянник, заключается в открытости. Да, в открытости!

Все закивали и подались вперед.

— Для своей защиты мой племянник арендовал несколько квадратных миль пустыни в Абруцци, заплатив до смешного мало. В середине этого участка он установил

палатку, откуда мог видеть все на несколько миль вокруг. Взял напрокат у одного из своих друзей радиолокационную установку и купил у торговца подержанным оружием батарею зенитных орудий. Ему даже не пришлось платить за орудия наличными: он просто обменял их на свой автомобиль. По-моему, он где-то нашел прожекторы и в течение двух дней сумел установить все. Ну как, Марчелло, а?

— Весьма хитроумно,— задумчиво произнес Поллетти.— Похоже, что это действительно надежная защита.

— И мне так казалось,— кивнул маэстро.— К сожалению, охотник, преследовавший моего племянника, проявил коварство, купил у фирмы «Арамко», торгующей излишками военного имущества, землеройную машину, прокладывающую туннели, пробил подземный ход прямо под палатку племянника и взорвал его.

— Да, это очень печально,— вздохнул Витторио.

— Какой удар для всей нашей семьи! — произнес маэстро.— Однако сама идея разумна. Видишь, Марчелло, если ты воспользуешься ею, слегка модернизируешь — ну, скажем, возьмешь в аренду участок, расположенный на гранитном плато вместо песчаной равнины, установишь сейсмографическое оборудование,— такая защита может оказаться весьма эффективной. Разумеется, у нее останутся определенные недостатки: старые зенитные орудия не смогут устоять против современных ракетопланов. К тому же охотник может купить гаубицу или танк, и в таком случае достоинства принципа открытости зашиты станут его недостатками.

— Это верно,— согласился Поллетти.— К тому же я вряд ли успею вовремя все подготовить.

— А как ты относишься к засаде? — спросил Витторио.— Я знаю несколько отличных схем засад. Лучшие из них требуют много времени на подготовку и денег, разумеется...

— У меня нет денег.— Поллетти встал.— Да и времени, по-видимому, тоже. Но мне хочется поблагодарить всех за предложения, в особенности вас, маэстро.

— Не стоит, не стоит,— ответил маэстро.— Так что же ты собираешься предпринять?

— Ничего, совершенно ничего,— сказал Поллетти.— В конце концов, следует оставаться верным своей природе.

— Марчелло, ты сошел с ума! — воскликнул Витторио.

— Отнюдь нет.— Поллетти остановился в дверях.— Я просто пассивен. До свидания, джентльмены, желаю хорошо провести вечер.

Он вежливо поклонился и вышел. Оставшиеся некоторое время молчали, глядя друг на друга с выражением ужаса и жалости.

— У него появилась жажда смерти,— заявил наконец маэстро.— Это, по моему мнению, типичное душевное состояние римлян, против которого нужно бороться всеми силами. Симптомы этого заболевания совершенно очевидны для опытного глаза; они заключаются в следующем...

Присутствующие слушали его, устремив перед собой тупые, бессмысленные взгляды. Витторио страстно желал, чтобы великого старца сбил автомобиль, желательно «кадиллак», и чтобы старик провел следующие год или два на больничной койке. Карло заснул с широко открытыми глазами, но даже в этом состоянии он ухитрялся бормотать «гмм» всякий раз, когда маэстро делал паузу, и даже затягивался сигаретой. И никто не знал, как он это делает.

Глава 12

Кэролайн посмотрела на часы. Ручные часы «Дик Трейси» со встроенным радио были фамильной реликвией, переходившей от одного поколения Мередитов к другому. Ей предлагали сменить часы, приобрести новые, поменьше размером, более совершенные, более надежные в эксплуатации. Но Кэролайн категорически отказывалась расстаться с дорогой сердцу вещью. Шли они прекрасно, к тому же Кэролайн испытывала к часам сентиментальную привязанность.

— Мартин,— прошептала она в часы,— что значит «Беллеца ди Адам»?

— Одну минуту, сейчас узнаю.— Голос Мартина едва доносился из крохотного динамика часов. Ответ последовал почти сразу.— Чет говорит, что это значит «Косметический кабинет Адама», вроде тех, что есть у нас в Нью-Йорке. Он говорит, что Поллетти заходит сюда каждые два дня, чтобы побрить кисти. После этого он обедает в баре или выпивает коктейль.

— Чет знает очень много,— заметила Кэролайн.

— Совершенно верно,— согласился Мартин.— Между прочим, есть люди, которые считают, что он знает слишком много. Но почему ты спрашиваешь об этом Адаме?

— Потому что сейчас там находится Поллетти,— объяснила Кэролайн.— Я подошла к клубу охотников в тот самый момент, когда он выходил на улицу, и дошла с ним до «Адама». Однако женщинам неприлично заходить в мужской косметический кабинет, правда?

— Да, по крайней мере, в тот, где бреют кисти. Но бар открыт для всех посетителей.

— Отлично,— ответила Кэролайн.— Я зайду в бар и взгляну на него.

— Ты считаешь это необходимым? — спросил Мартин.— Я хочу сказать, может быть, это не так уж необходимо. У нас появились кое-какие соображения относительно того, как заманить этого парня завтра утром в Колизей.

— Я хорошо знакома с вашими соображениями,— произнесла Кэролайн,— и, если говорить откровенно, не принимаю их всерьез. Я сама приведу Поллетти. К тому же мне хочется взглянуть на него поближе. И, если удастся, познакомиться с ним.

— Зачем?

— Затем, что так будет гораздо приятнее,— ответила Кэролайн.— За кого ты меня принимаешь, Мартин? За патологического убийцу? Мне хочется знать человека, которого я убиваю. Это цивилизованный способ, и он мне нравится.

— О'кей, бэби, ты играешь главную роль. Но будь осторожна: он может прикончить тебя раньше, чем ты его. Ты шутишь с огнем.

— Да, я знаю. Но в этом и заключается особый интерес.

Кэролайн выключила часы-радио и вошла в «Беллеца ди Адам». Она миновала кабинет, где бреют кисти, и в баре-закусочной сразу увидела Поллетти. Он только что закончил обедать и теперь сидел в кресле с чашкой кофе и журналом комиксов.

Кэролайн села за соседний столик, заказала тарелку тушеного мяса с водорослями по-милански, достала сигареты, поискала спички в сумочке и обернулась к Поллетти со смущенной улыбкой.

— У меня, похоже, нет спичек,— произнесла она извиняющимся тоном.

— Попросите официанта, он принесет,— ответил Поллетти, не отрываясь от комиксов.

Он увлеченно хихикал и быстро перелистывал страницы, торопясь узнать, чем кончается история в картинках.

Кэролайн нахмурилась. Она выглядела очаровательно, когда хмурилась, как, впрочем, и в любое другое время. Однако ее красота не производила впечатления на мужчину, который прилип к своим комиксам. Она вздохнула и вдруг заметила, что на каждом столе стоит телефон. Загадочно улыбнувшись — это ей всегда удавалось великолепно,— Кэролайн набрала номер столика Поллетти.

Однако Поллетти, казалось, не замечал звонившего телефона. Наконец он обернулся и посмотрел прямо на Кэролайн.

— Я ведь сказал вам, что официант принесет спички.

— Видите ли, я просто хотела поговорить с вами,— ответила Кэролайн, очаровательно краснея.— Дело в том, что я американка и хочу познакомиться с мужчиной-итальянцем.

Поллетти сделал рукой небрежный жест, словно говоря, что Рим полон мужчин-итальянцев, и снова склонился над журналом.

— Меня зовут Кэролайн Мередит,— вкрадчиво произнесла Кэролайн.

— Ну и что? — Поллетти по-прежнему не отрывался от комиксов.

Кэролайн не привыкла к такому обращению, но тем не менее продолжала:

— Вы свободны сегодня вечером?

— По-видимому, сегодня вечером я буду мертв,— ответил Поллетти.

Он достал из кармана карточку и, не поднимая головы от журнала, протянул Кэролайн.

На карточке было написано:

«ОСТОРОЖНО! Я ЖЕРТВА!».

Это было стандартное предупреждение, напечатанное на шести языках.

— Господи боже мой! — воскликнула Кэролайн.— Вы жертва и сидите так спокойно, не прячетесь. Поразительно смелый поступок!

— А я ничего не могу предпринять,— ответил Поллетти.— У меня нет денег, чтобы защищаться.

— А вы не могли бы продать свою мебель? — спросила Кэролайн.

— Ее увозят,— сказал Поллетти.— Я не смог выплатить взносы.— Он перевернул страницу, и на его лице появилась широкая улыбка.

— Ну что вы,— заметила Кэролайн,— должен же быть какой-то выход...

Вдруг раздался какой-то шум, и Кэролайн умолкла. В бар вбежал маленький мужчина с лицом, как у крысы. Он пересек зал и остановился у стены. Он был так чем-то напуган, что у него тряслись даже бакенбарды. Через несколько мгновений появился еще один, очень высокий и худой. Его длинное морщинистое лицо было настолько обветренным, что напоминало цветом перуанское седло. На нем была очень большая белая шляпа, узкий черный галстук, кожаный жилет, джинсы и ковбойские сапоги. А по бокам висели два револьвера системы «кольт» в открытых кобурах.

— Ну что ж, Блэки,— вкрадчиво произнес высокий.— Вижу, нам довелось встретиться снова.

— Действительно,— согласился мужчина с крысиным лицом.

Его бакенбарды перестали дрожать, однако страх не исчезал с неприятного лица.

— Я думаю,— продолжал высокий мужчина,— что мы можем решить нашу маленькую проблему прямо здесь, раз и навсегда.

Кэролайн, Поллетти и остальные посетители немедленно полезли под столы.

— Но нам нечего решать, Дюк,— дрожащим голосом ответил маленький мужчина.— Абсолютно нечего.

— Ты так считаешь? — произнес худой как палка Дюк. Притворная вкрадчивость его голоса уже никого не могла обмануть.— Ну что ж, может быть, у нас просто различные представления о жизни. Я, например, слишком старомоден и не люблю, когда через мое лучшее пастбище прокладывают железную дорогу, а моя невеста выходит замуж за хилого бостонского банкира с крысиными бакенбардами и медовой речью, который к тому же выигрывает все мои деньги в карты, которые, между прочим, крапленые. Вот как я смотрю на жизнь, Блэки, и потому стараюсь предпринять что-то, чтобы исправить положение.

— Подожди, Дюк! — взмолился Блэки.— Я все объясню!

— Хватит,— произнес Дюк.— Ну, ты, трусливый умник, берись за оружие!

— Дюк, пожалуйста! У меня ведь даже нет револьвера!

— Вижу, мне не остается ничего иного, как первым взяться за него.

Правая рука Дюка начала опускаться к рукоятке «кольта».

В это мгновение бармен оправился от испуга и закричал:

— Нет, сэр, нет! Только не здесь!

Дюк обернулся и нарочито вежливо ответил:

— Сынок, советую тебе не совать свой длинный нос в чужие дела; в противном случае какой-нибудь очень нервный гражданин может оторвать его.

— Я совсем не хочу вмешиваться в ваши личные дела, сэр,— с достоинством произнес бармен.— Мне просто хочется сообщить вам, что в нашем баре убивать запрещено.

— Послушай, мальчуган.— Мягкость исчезла из голоса незнакомца.— Я являюсь официально утвержденным охотником, а эта дрожащая крыса, вон та,— моя официально одобренная жертва. Мне пришлось потратить немало времени и пойти на хитрости, чтобы добиться этого, но теперь все бумаги оформлены должным образом, так что прошу тебя уйти отсюда, чтобы не попасть под пули.

— Сэр, прошу вас! — воскликнул бармен.— Я не подвергаю сомнению ваш статус охотника. Каждому с первого взгляда ясно, что вы достойный джентльмен и имеете полное право убивать. К сожалению, наш бар объявлен местом, где запрещены все убийства, юридически оформленные или нелегальные.

— Разрази меня гром! — воскликнул Дюк, не скрывая раздражения.— Сначала запрещают убивать в церкви, затем в ресторане, потом объявляют запрещенной территорией парикмахерские, и вот теперь — закусочные. Видимо, скоро наступит время, когда мужчине не останется ничего другого, как сидеть дома и ждать смерти от старости!

— Мне кажется, пока дело не так уж плохо,— произнес бармен, стараясь успокоить охотника.

— Может быть, пока, сынок, но все быстро идет к тому. Скажите, у вас не будет возражений, если я прикончу этого мерзкого хорька в переулке у черного хода?

— Мы сочтем это за честь, сэр,— ответил бармен.

— О'кей.— На лице Дюка появилась зловещая улыбка.— Блэки, у тебя есть время обратиться к Создателю в последний раз, перед тем как... А куда делся Блэки?

— Он смылся, пока вы разговаривали с барменом,— сказал Поллетти.

— Он скользкий, как уж, этот Блэки.— Дюк раздраженно щелкнул пальцами.— Ничего, я его найду.

Он повернулся и бросился к выходу. Посетители закусочной вылезли из-под столов и снова расселись по местам. Поллетти опять взялся за журнал. Бармен принялся готовить двойной мартини.

Зазвонил телефон на столе Поллетти. Он сделал жест Кэролайн, предлагая ей ответить на звонок. Довольная, что ей удалось достичь хотя бы такого уровня близости со своей загадочной жертвой, она сняла трубку.

— Алло? Минутку, пожалуйста.— Она повернулась к Поллетти.— Вызывают Марчелло Поллетти. Это вы?

Поллетти перевернул последнюю страницу журнала и спросил:

— Это мужчина или женщина?

— Женщина.

— Тогда скажите, что я только что ушел.

— Мне очень жаль, но он только что ушел,— сказала Кэролайн в трубку.— Да, совершенно верно, здесь его нет. Что значит «вы лжете»? Зачем мне лгать? Что? Как меня зовут? Это не ваше дело. А как вас зовут? Что вы сказали? И тебе то же самое, сестричка, совковой лопатой! До свиданья! Что? Да, он действительно только что ушел.

Кэролайн с негодованием бросила трубку и повернулась к Поллетти. Но его кресло было пустым.

— Куда он делся? — спросила она бармена.

— Он только что ушел,— был ответ.

Глава 13

Поллетти сидел за рулем автомобиля «Бьюик-Оливетти XXY», который позаимствовал у щедрого племянника одного из приятелей своей сестры. Ему не нравился автомобиль, потому что был ярко-пурпурного цвета, а у Поллетти этот цвет почему-то ассоциировался с брюшным тифом. И все-таки им пришлось воспользоваться, потому что только эту машину удалось достать.

В двух милях от Рима Поллетти остановился у заправочной станции. Небрежным жестом он велел наполнить бак, затем открыл дверцу и вышел из машины.

Вдруг за спиной раздался дикий визг тормозов. Поллетти стремительно обернулся — прямо на него мчался «лотус» кофейного цвета. От неожиданности Поллетти застыл на месте.

Не снижая скорости, спортивный автомобиль обогнул его идеальным иммельманом и остановился как вкопанный. Из кабины вышла Кэролайн. Аромат ее духов пробивался сквозь запах горелой резины.

— Привет,— сказала она.

На подобное заявление можно было найти немало остроумных ответов, но Поллетти не воспользовался ни одним из них.

— Почему вы преследуете меня? — прямо спросил он.— Что вам от меня нужно?

Кэролайн подошла ближе, запах ее духов действовал на раздраженного Поллетти как парфянский мед*. Заметив это, он тут же вернулся в свой автомобиль.

— Вы не могли бы уделить мне пару минут? — спросила Кэролайн.

— Нет.

— Одну минуту?

— Я опаздываю, у меня нет времени,— ответил Поллетти, расплатившись со служителем и включая двигатель.

— Послушайте...

— Позвоните мне на будущей неделе.

— Тогда будет слишком поздно,— заметила Кэролайн.— Видите ли, я приехала в Рим, чтобы провести исследование сексуальных привычек итальянских мужчин. Моя фирма интересуется всеми необычными явлениями...

— Тогда вы обратились не по адресу,— прервал ее Поллетти.

---

* Алкогольный напиток, приготовляемый из меда и воды.

— Но мы, разумеется, проявляем еще больший интерес ко всем обычным явлениям,— быстро добавила Кэролайн.

Поллетти нахмурился.

— Исследование проводится в узких рамках индивидуальной специфики, разумеется,— пояснила Кэролайн.— Именно по этой причине я и заинтересовалась вами. Оно будет заключаться в телевизионном интервью в Колизее. Я буду задавать вам вопросы...

— Одному мне? — спросил Поллетти.

Кэролайн кивнула.

— Но вы сказали, что это исследование.

— Да, индивидуальное исследование,— сказала Кэролайн.— Глубокий научный анализ мужской сексуальности вместо поверхностного подхода.

Поллетти недоуменно моргнул.

— Не понимаю, почему именно я потребовался вам для этого исследования.

Кэролайн улыбнулась и опустила взгляд. В ее голосе зазвучало смущение.

— Потому что вы привлекаете меня,— сказала она.— В вас есть что-то, какая-то едва уловимая слабость, дразнящая хрупкость...

Поллетти понимающе кивнул и улыбнулся. Кэролайн протянула руку к дверце автомобиля. Поллетти мгновенно включил сцепление, и машина с ревом сорвалась с места.

Глава 14

Поллетти мчался по старой прибрежной дороге, ведущей к Чивитавеккиа. Справа от дороги тянулся бесконечный ряд кипарисов, слева — побережье, усеянное камнями. Водитель яростно давил ногой на педаль газа «Бьюика-Оливетти XXY» и не собирался останавливаться перед каким-либо препятствием, одушевленным или нет. Тот факт, что старый автомобиль был не способен развить скорость больше тридцати одной мили в час, выводил Поллетти из себя.

Наконец он подъехал к участку побережья, огороженному забором из проволочной сетки. Над воротами красовалась надпись: «ПОКЛОННИКИ СОЛНЕЧНОГО ЗАКАТА». Появился служитель и открыл ворота с таким глубоким поклоном, что это выглядело насмешкой. Поллетти кивнул и въехал на участок.

Он затормозил перед небольшим домиком из готовых панелей. На берегу моря стояли трибуны, на которых собралось множество людей. Над морем, почти касаясь поверхности воды, висело огненно-красное солнце. Поллетти взглянул на часы. Шесть часов сорок две минуты. Он вошел в домик.

За столом сидел его компаньон Джино и что-то считал.

— Сколько на этот раз? — спросил Поллетти.

— Четырнадцать тысяч двести тридцать три посетителя, оплативших входные билеты,— ответил Джино.— И еще пять полицейских, двадцать три бойскаута и шесть племянниц Витторио — все по контрамаркам.

— Придется сказать Витторио, чтобы он сократил число племянниц,— решил Марчелло.— Я занимаюсь этим делом не ради развлечения.— Он сел на складной стул.— Значит, всего четырнадцать тысяч? Этого едва хватит, чтобы заплатить за аренду трибун.

— Не то что в прежнее время,— согласился Джино.— Помню, когда...

— Ладно, неважно,— сказал Поллетти.— Ты проверил, ни у кого нет с собой оружия?

— Конечно,— кивнул Джино.— Мне совсем не хочется видеть, как тебя прикончат во время работы.

— Мне тоже,— пробормотал Поллетти, мрачно глядя вдаль.

Наступила непродолжительная неловкая пауза.

— Уже шесть часов сорок семь минут, Марчелло,— нарушил молчание Джино.

— Неужели? — язвительно отозвался Поллетти.

— Тебе скоро выходить. Осталось меньше пяти минут. Как ты себя чувствуешь?

Поллетти молча состроил зверскую гримасу.

— Знаю, знаю,— сказал Джино.— Ты всегда так чувствуешь себя перед выходом к аудитории. Но мы ведь можем легко справиться с этим настроением, правда? Проглоти вот это.

Он протянул Поллетти стакан воды и крошечную овальную красную таблетку. Это был лимниум, один из новых наркотиков, способных усиливать так называемый «фактор экспансивности» в человеческой психике.

— Мне он не нужен...— запротестовал Поллетти, однако проглотил таблетку и запил водой.

Затем, примирившись с судьбой, проглотил таблетку с пурпурно-белыми полосами гнейа-IIа — недавно созданный препарат для повышения обаяния, выпускаемый фабриками концерна «Фарбен». Далее последовали: маленький золотой шарик дармаоида — средства ограничения человеческого общения, производимого лабораториями Хайдарабада, затем тщательно рассчитанная по времени действия ампула лакримола в форме слезы и наконец капсула гипербендикс в виде фигурки волка — новейшее лекарство, повышающее психическую энергию.

— А теперь как ты себя чувствуешь? — спросил Джино.

— Как-нибудь справлюсь,— ответил Поллетти.

Он наморщил лоб и взглянул на часы. Принятые лекарства начали действовать. Он вскочил со стула и бросился к гримировальному столику в углу домика. Там он снял костюм и натянул белую пластиковую тогу, повесил на шею копию барельефа Солнца индейцев-майя, сделанную из металла, имитирующего бронзу, и надел белый кудрявый парик.

— Как я выгляжу? — бодро спросил он.

— Великолепно, Марчелло. Ты выглядишь просто великолепно,— ответил Джино.— Откровенно говоря, ты еще никогда не выглядел так хорошо.

— Это ты серьезно?

— Клянусь всем, что мне дорого в жизни,— привычно произнес Джино и посмотрел на часы.— Осталось меньше минуты! Иди, Марчелло, и потряси всех!

— Мне кажется, сегодня я произведу настоящую сенсацию,— заметил Марчелло и величественной поступью двинулся к двери.

Джино смотрел ему вслед, чувствуя, как у него перехватывает горло. Он знал, что видит перед собой настоящего бойца; кроме того, его беспокоили болезненные спазмы, предвещающие расстройство желудка.

Поллетти торжественно шествовал к своей аудитории. Его взгляд был спокоен, шаги неторопливы. Слышались нежные звуки «O sole mio», дополняющие атмосферу ожидания.

Перед трибунами стояла красная кафедра. К ней и направился Поллетти. Поднявшись на нее и поудобнее приладив микрофон, Поллетти с пафосом произнес:

— Сегодня, на закате дня, так похожего и так не похожего на другие дни, в хрупкой ладье мы, смертные, путешествуем по бурным водам вечности и думаем о будущем...

Слушатели, загипнотизированные его словами, склонили головы. И вдруг Поллетти увидел, что с первого ряда ему улыбается Кэролайн. Он смешался, несколько раз моргнул, но сразу оправился и продолжал:

— Эти последние лучи умирающего, но бесконечно возрождающегося солнца приходят к нам с расстояния в сто сорок девять миллионов километров. О чем это говорит? Такое расстояние является божественным и непостижимым, неумолимым и одновременно иллюзорным, потому что разве можно предположить, что наш огненный отец не вернется к нам?

— Вернется, обязательно вернется! — послышался хор голосов.

Поллетти печально улыбнулся.

— А когда он вернется, встретим ли мы его здесь, чтобы наслаждаться его животворным великолепием?

— Кто может сказать? — мгновенно откликнулась аудитория.

— Действительно, кто? — вопросил Поллетти.— И все-таки нас утешает мысль, что наш дорогой отец не умер; нет, сейчас он мчится по собственной орбите к Лос-Анджелесу.

Солнце тонуло в морских волнах. Слушатели на трибуне плакали. Только несколько человек, которые всегда встречаются в такой толпе, спорили о различных аспектах доктрины солнечного круговорота. Казалось, проповедь произвела сильное впечатление даже на Кэролайн. Произнося заключительную часть проповеди на греческом языке, Поллетти тоже пустил слезу.

Уже совсем стемнело. Под радостные возгласы и проклятия Поллетти спустился с кафедры.

В темноте его вдруг схватила чья-то рука. Это оказалась Кэролайн. Ее лицо было мокрым от слез.

— Марчелло, это было так прекрасно! — воскликнула она.

— Пожалуй, действительно неплохо,— ответил Поллетти, все еще заливаясь слезами,— если тебе нравятся солнечные закаты.

— А тебе не нравятся?

— Не то чтобы очень,— пожал плечами Поллетти.— Мне приходится этим заниматься, ведь я проповедник.

— Но ты тоже плачешь! — воскликнула Кэролайн.

— Это реакция, вызванная медицинскими препаратами,— объяснил Поллетти и вытер глаза.— Скоро пройдет. В таком деле нужно переживать вместе с клиентами, а это непросто, если не испытываешь аналогичных чувств. Впрочем, это всего лишь бизнес.

— Ну и как бизнес в сфере солнечных закатов? — спросила Кэролайн.

— Так себе. Раньше было куда лучше,— ответил Поллетти.— Но теперь...— Он замолчал и посмотрел на нее.— А почему ты спрашиваешь? Это связано с интервью или всего лишь праздное любопытство?

— Пожалуй, и то и другое.

— Ты все еще хочешь провести свое исследование? — внезапно спросил Поллетти.

— Ну конечно,— отозвалась Кэролайн.

— Хорошо, я согласен,— ответил Поллетти.— За соответствующий гонорар, разумеется.

— Скажем, триста долларов,— предложила Кэролайн.

Поллетти недоуменно посмотрел на нее, повернулся и пошел к домику. Кэролайн последовала за ним.

— Пятьсот,— сказала она.

Поллетти продолжал идти. Кэролайн повысила цену до тысячи.

— Сколько времени на это потребуется?

— Час, от силы два.

— И когда?

— Завтра утром, в десять часов, в Колизее.

— Хорошо,— кивнул Поллетти.— По-моему, я свободен в это время. Но мне следовало бы получить аванс.

Удивленная, Кэролайн открыла сумочку, достала новенькую хрустящую банкноту в пятьсот долларов и вручила Поллетти. Тот снял парик, расстегнул замок-молнию в подкладке и сунул туда деньги.

— Спасибо. Увидимся позже.— И Поллетти спокойно вошел в домик.

Глава 15

Поллетти переоделся и минут десять сидел, рассматривая правый указательный палец. Раньше он никогда не замечал, что указательный палец у него гораздо длиннее безымянного. Подобная асимметрия в другое время просто позабавила бы его, но на этот раз вызвала раздражение. Раздражение привело к депрессии, и ему вдруг стали мерещиться гильотины, топоры с зазубренными краями, кривые ятаганы, бритвенные лезвия с пятнами крови...

Он резко потряс головой, взял себя в руки, проглотил солидную дозу инфрадекса — лекарства, предназначенного для смягчения последствий приема наркотиков. И через несколько секунд Поллетти превратился в прежнего унылого себя. Это привело его в равновесие, и он вышел из хижины почти спокойным.

И в темноте вдруг почувствовал, как что-то или кто-то коснулся его рукава. Молниеносно отреагировав, он стремительно обернулся, выполняя оборонительный маневр номер три, часть первую. Правой рукой он попытался выхватить из кобуры пистолет. Но в этот момент споткнулся о корень кипариса и так сильно грохнулся на землю, что порвал пиджак.

Вот и все, подумал Поллетти. Всего одно мгновение, потеря бдительности — и смерть, которую он ждал так долго, наступила так неожиданно! В этот ужасный момент, беспомощно распростершись на земле, Поллетти понял, что невозможно приготовиться к собственной смерти. Смерть опытна и коварна, она застает людей неожиданно и лишает самообладания.

Оставалось только умереть с достоинством. Поллетти вытер губы и жалко улыбнулся.

— Боже мой,— раздался голос Кэролайн,— я совсем не хотела напугать тебя. Ты не ушибся?

— Ничто не пострадало, кроме чувства собственного достоинства,— произнес Поллетти, вставая и отряхиваясь.— Тебе не следует неожиданно наталкиваться на жертву — может убить.

— Ты прав, пожалуй,— согласилась Кэролайн.— Если бы ты выхватил пистолет и не упал... Какой ты неуклюжий.

— Лишь в тех случаях, когда теряю равновесие,— улыбнулся Поллетти.— А почему ты здесь околачиваешься, а?

— Я не хочу объяснять,— ответила Кэролайн.

— Понятно,— с циничной улыбкой заметил Поллетти.

— Нет, совсем не по той причине, о которой ты подумал.

— Разумеется,— еще циничнее улыбнулся он.

— Мне просто хотелось поговорить с тобой.

Поллетти кивнул и улыбнулся самым циничным образом, затем, поскольку ненавидел крайности в поведении, пожал плечами и равнодушно произнес:

— Хорошо, давай поговорим.

Они пошли рядом по пляжу вдоль кромки воды. Небо на востоке стало сине-черным. На западе угасающее солнце спускалось в стальные волны Тирренского моря. В темном небе уже кое-где вспыхнули звезды.

— Смотри, какие прелестные звезды,— сказала Кэролайн с непривычной застенчивостью.— Особенно вон та, маленькая и странная, слева.

— Это альфа Цефея,— пояснил Поллетти.— Вообще-то это двойная звезда, и основная звезда в связке принадлежит к типу В, что соответствует температуре поверхности порядка пятнадцати тысяч градусов.

— Я этого не знала,— сказала Кэролайн, садясь на влажный песок.

— А вот у маленького спутника альфы Цефея,— продолжал Поллетти,— температура поверхности всего шесть тысяч градусов, плюс-минус несколько градусов.— Он сел рядом с девушкой.

— Мне это кажется почему-то печальным,— заметила Кэролайн.

— Да, пожалуй,— согласился Поллетти.

Он испытывал какое-то странное чувство. Может быть, потому, что звезда, которую он так уверенно назвал альфой Цефея, была на самом деле бетой Персея, известной также под названием Алгол,— звездой демонов, чье влияние осенью на людей с определенным темпераментом слишком хорошо известно.

— Звезды такие красивые,— задумчиво произнесла Кэролайн.

Подобное замечание Поллетти в другое время счел бы банальным, но сейчас оно показалось ему милым.

— Да, пожалуй,— согласился он.— Так приятно видеть их на небе каждую ночь... Послушай, мы пришли сюда не для того, чтобы беседовать о звездах. О чем ты хочешь поговорить со мной?

Кэролайн ответила не сразу. Она задумчиво смотрела на море. Длинная прядь светлых волос упала ей на щеку, смягчая точеные черты лица. Она мечтательно зачерпнула пригоршню песка, и тонкие песчаные струйки побежали

между ее длинными пальцами. Законченный циник, Поллетти внезапно почувствовал какую-то странную боль, словно укол иглы, проникший в самую глубину его души. Почему-то вспомнились маленький домик с соломенной крышей в горах близ Перуджи и полная седая улыбающаяся женщина, стоящая у двери, вокруг которой вилась лоза, с глиняным кувшином в руке. Он видел мать только раз, на фотографии, которую прислал ему Витторио. Тогда это не произвело на него впечатления, но теперь...

Кэролайн повернулась к нему, и в ее огромных глазах отразился последний розовый отблеск умирающего солнца. Поллетти вздрогнул, несмотря на то что температура воздуха и воды была семьдесят восемь градусов по Фаренгейту* и с юго-запада дул ласковый бриз со скоростью пять миль в час.

— Мне хочется узнать о тебе побольше,— произнесла Кэролайн.

Поллетти заставил себя рассмеяться.

— Обо мне? Я самый простой человек и прожил самую обычную жизнь.

— Расскажи о ней,— попросила Кэролайн.

— Мне нечего рассказывать,— ответил Поллетти.

И вдруг он заговорил о своем детстве и первом опыте в сексе и убийстве; о своей конфирмации; страстной любви к Лидии, поначалу безмятежной и счастливой, но превращенной женитьбой в невыносимую скуку; о том, как он встретил Ольгу и стал жить с ней, как узнал, что ее странное поведение вызвано врожденной неустойчивостью характера, а не страстной независимостью, но было уже слишком поздно.

Кэролайн сразу поняла, что жизненный опыт принес Поллетти горечь и разочарование. Те радости, которые в юности казались ему редкими и недостижимыми, став доступными, превратились в бесконечную вереницу безотрадных и отчаянно скучных повторений. И тогда, увидев изнанку радужных надежд, он забрался в скорлупу

---

* Около 25 °С.

мрачных переживаний. Печально, подумала она, но не безнадежно.

— Вот и все, больше нечего рассказывать,— как-то неловко закончил Поллетти.

Лишь теперь он понял, что болтал, как чокнутый, как мальчишка. И тут же подумал, что это не имеет значения, что его не интересует мнение Кэролайн о нем.

Кэролайн молчала. Она повернула к нему лицо, такое таинственное в темноте, окруженное ореолом светлых волос. Ее черты, всегда казавшиеся классическими и холодными, сейчас были живыми и теплыми. Кэролайн поразительно красива, но в темноте она казалась еще более привлекательной.

Поллетти беспокойно пошевелился, вспомнив, что люди, утратившие иллюзии, часто легко поддаются зову романтики. Он закурил и сказал:

— Пошли отсюда. Может быть, сумеем найти местечко, где можно что-нибудь выпить.

Этой сухой прозаической фразой он хотел нарушить очарование вечера. Но этого не случилось, потому что Алгол все еще ярко сиял на южном небе.

— Марчелло, мне кажется, что я люблю тебя.— Голос Кэролайн был едва слышен в шуме прибоя.

— Не говори глупостей,— буркнул Поллетти, стараясь казаться равнодушным и скрывая за грубостью волнение.

— Я люблю тебя,— повторила она.

— Не валяй дурака,— сказал Поллетти.— Эта сцена на берегу очень романтична, но давай не будем заходить слишком далеко.

— Значит, ты тоже любишь меня?

— Это не имеет значения,— ответил Поллетти.— В данную минуту я могу сказать что угодно и даже поверить этому — но только на минуту. Кэролайн, любовь — это чудесная игра, которая начинается с веселья и счастья и заканчивается женитьбой.

— Разве это плохо?

— Судя по моему опыту, да, очень плохо,— отозвался Поллетти.— Семейная жизнь убивает любовь. Я никогда

не женюсь на тебе, Кэролайн. Не только на тебе, а вообще. По-моему, весь институт брака является фарсом, пародией на человеческие отношения, злой шуткой с зеркалами, абсурдной ловушкой, в которую люди сами загоняют себя...

— Почему ты так много говоришь? — вдруг спросила Кэролайн.

— Я разговорчив по натуре,— ответил Поллетти. Внезапно ему захотелось обнять девушку.— Я так люблю тебя, Кэролайн,— сказал он.— Я обожаю тебя, несмотря на то что мой внутренний голос предостерегает меня от этого.

Он поцеловал ее, сначала нежно, затем страстно. И тут понял, что действительно любит ее; это удивило его, наполнило бесконечной радостью и глубокой печалью. Он знал, что любовь — это отклонение от нормы, одна из форм временного безумия, непродолжительное состояние самовнушения.

Любовь представляет собой состояние, которого умные люди благоразумно стараются избегать. Но Поллетти никогда не считал себя особенно умным, да и благоразумие не относилось к числу его добродетелей. Он потакал себе во всех желаниях, что само по себе было своеобразной мудростью. По крайней мере, он так думал.

Глава 16

В Колизее царила глубокая ночь. Она, словно водоросли, льнула к древним камням. Ее благоговейная целостность нарушалась светом дуговых ламп, установленных в несколько рядов.

Внизу, на песке арены, впитавшем когда-то так много крови, полдюжины операторов хлопотали у своих кинокамер. Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», расположившись на специально выстроенной сцене, отдыхали после репетиции и обсуждали животрепещущую проблему — как избежать сечения волос. Недалеко от них, в автобусе, набитом приборами и аппаратурой, сидел Мартин, в последний раз проверяя углы захвата съемочных камер. В этот

новый командный пункт он перебрался из бального зала Борджиа. В зубах у Мартина была зажата тонкая черная сигарета. Время от времени он вытирал слезившиеся глаза.

Позади него у маленького столика сидел Чет. Он раскладывал пасьянс, что свидетельствовало о колоссальном нервном напряжении.

Коул сидел за спиной Чета. Свидетельством его колоссального нервного напряжения было то, что он беспокойно дремал в своем кресле. Внезапно он проснулся, потер глаза и спросил:

— Где она? Почему не поддерживает с нами связь?

— Успокойся, малыш,— произнес Мартин, не оборачиваясь.

Он уже в сотый раз проверял углы действия своих съемочных камер, и это свидетельствовало о нервном напряжении, ничуть не меньшем, чем у других, менее значительных людей.

— Но она уже давно должна была выйти на связь! — раздраженно сказал Коул.— Тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется,— перебил его Мартин и велел камере номер три отодвинуться назад на полтора дюйма.

— Клади черную десятку на красного валета,— подсказал Чету Коул.

— Тебе не кажется, что не следует совать свой нос в мои дела? — заметил Чет ласково-зловеще.

— Успокойтесь, парни,— добродушно произнес Мартин.

Прирожденный руководитель, он инстинктивно чувствовал, когда следует ободрить подчиненных, а когда осадить. Спокойным голосом он распорядился наклонить камеру один на полтора градуса.

— Но ведь она должна была уже выйти на связь! — повторил Коул.— Она не докладывала о развитии событий с момента приезда на пляж поклонников солнечного заката. С тех пор прошло шесть или семь часов! Она не отвечает на вызовы. Что угодно могло с ней произойти, поверьте мне, что угодно! Вам не кажется...

— Возьми себя в руки,— холодно скомандовал Мартин.

— Извините,— пробормотал Коул, поднося дрожащие руки к бледному лицу и потирая глаза.— Это все из-за напряжения, ожидания... Со мной будет все в порядке. Я сразу приду в себя, как только начнется работа.

— Разумеется, малыш,— согласился Мартин,— на всех нас влияет ожидание,— и рявкнул в микрофон: — Прекратите наклон, камера один, и поднимитесь ровно на полдюйма! И, черт побери, двигайтесь медленно!

— Красная двойка на черную тройку,— подсказал Коул Чету.

Чет не ответил. Он уже принял решение убить Коула сразу после того, как добьется увольнения Мартина. Кроме того, он решил убить мистера Фортинбраса и Кэролайн, а также своего шурина в Канзас-Сити, который без конца изводил его: «Ну, как дела у создателя образов?» Кроме того, он решил...

Дверь автобуса открылась, и вошла Кэролайн.

— Здравствуйте, парни! — произнесла она приветливо.

— Здорово, малышка! — небрежно отозвался Мартин.— Как дела?

— Все прошло гладко,— ответила Кэролайн.— Я сразу раскусила его, поговорила с ним, и он согласился на телевизионное интервью утром.

— И никаких трудностей? — равнодушно поинтересовался Чет.

— Никаких. Он согласился почти без уговоров, с самого начала все шло по-деловому. Аванс — пятьсот долларов и пятьсот долларов утром перед началом съемки.

— Отлично, просто великолепно,— обрадовался Мартин.— Но чем ты занималась после этого? Я хочу сказать, что прошло пять часов с момента, когда ты должна была выйти на связь, и мы, вполне естественно, беспокоились о тебе.

— Дело было так,— начала Кэролайн.— Я уже собиралась уходить, но решила познакомиться с ним поближе, поэтому и вернулась. Мы выпили по коктейлю, затем

пошли на прелестный маленький пляж, сидели, разговаривали и смотрели на звезды.

— Очень хорошо,— улыбнулся Мартин. Угол его левого глаза начал подергиваться в нервном тике.— Какое у тебя создалось о нем впечатление после близкого знакомства, а?

— Он чудесный человек,— произнесла Кэролайн с мечтательным выражением на лице.— Видишь ли, он пытался расторгнуть свой брак в течение двенадцати лет, а тем временем жил с этой безумной Ольгой, а теперь, когда брак расторгнут, он не хочет жениться на Ольге.

— Очень интересно,— сказал Мартин.

— Между прочим, он не хочет больше ни с кем вступать в брак,— сообщила Кэролайн,— даже со мной.

Чет выпрямился так внезапно, что рассыпал карты.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Я сказала, что это похоже на любовь,— ответила Кэролайн.

— Что значит «любовь»? — произнес Чет.— В твоем контракте четко и ясно сказано, что тебе запрещается влюбляться в кого бы то ни было во время подготовки и осуществления твоего десятого убийства. Более того, там особо оговорено, что тебе запрещается влюбляться в свою жертву.

— Любовь,— спокойно заметила Кэролайн,— существовала задолго до появления контрактов.

— Зато контракты,— вмешался Мартин, не скрывая ярости,— обладают гораздо большей юридической силой, чем любовь. А теперь послушай, бэби, ведь ты не собираешься подвести нас, правда?

— Нет, наверное,— покачала головой Кэролайн.— Он сказал, что тоже любит меня... Но если он не собирается на мне жениться, ему лучше умереть.

— Вот что значит сила воли! — одобрительно отозвался Мартин.— Только никогда больше не забывай об этом, ладно?

— Не забуду, можешь не беспокоиться,— холодно бросила Кэролайн.— Но тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется,— сказал Мартин.— Послушай, давай немного поспим, чтобы к утру быть свежими и отдохнувшими. Согласна? Вот и хорошо.

Никто не возражал. Мартин отдал распоряжения, и дуговые лампы медленно погасли. Операторы и танцовщицы уехали. Мартин, Чет, Коул и Кэролайн разместились в «Роудраннере XXY», взятом Мартином напрокат, и отправились в отель.

Черная непроницаемая ночь нависла над Колизеем. Мрак пронизывали только редкие лучи рогатой луны, приближавшейся к полнолунию, которые проникали сквозь облака. Из древних камней сочилась тишина, и арену окутывало ощущение неминуемой смерти, которое будто поднималось от песка, давным-давно пропитанного кровью гладиаторов.

Из сводчатого прохода вышел Поллетти. Его лицо было суровым. Следом шел Джино.

— Ну? — спросил Поллетти.

— Все ясно,— ответил Джино.— Она — твой охотник. В этом нет сомнений.

— Разумеется. Я убедился в этом, когда она шла за мной к морю. Убийство перед телевизионными камерами!.. Какая реклама! Очень по-американски.

— Я слышал, что так поступают теперь и в Милане,— заметил Джино.— И конечно, немецкие охотники, особенно в Руре...

— Знаешь, что она сказала мне сегодня? — спросил Поллетти.— Она сказала, что любит меня. А сама все время думала о моем убийстве.

— Женское вероломство общеизвестно,— произнес Джино.— А что ты сказал ей?

— Я сказал, что тоже люблю ее,— ответил Поллетти.

— А ты случайно не любишь ее на самом деле?

Поллетти задумался.

— Тебе это может показаться странным, но она действительно очень мила. Хорошо воспитанная девушка, очень застенчивая.

— Она убила девять человек,— напомнил ему Джино.

— Стоит ли винить ее в этом? Такие нынче времена.

— Может быть, ты и прав,— согласился Джино.— Но что ты собираешься предпринять, Марчелло?

— Попробую осуществить контрубийство, в точности как запланировал,— ответил Поллетти.— Интересно, удалось ли Витторио организовать рекламу?

— У него было очень мало времени,— покачал головой Джино.

— Ничего не поделаешь. Думаю, он сумеет отыскать одного-двух спонсоров.

— Да, ему, наверное, что-то все-таки удастся сделать,— согласился Джино.— Но послушай, Марчелло, а вдруг она догадается, что тебе все известно? Ее поддерживает крупная организация, богатая и могущественная... Может быть, стоит убить ее при первой возможности и не рисковать?

Поллетти достал из кармана пиджака револьвер, проверил патроны и сунул обратно.

— Не беспокойся,— сказал он.— Завтра в девять утра она придет ко мне для репетиции. Как ты думаешь, она подозревает меня?

— Не знаю,— пожал плечами Джино.— Мне известно лишь одно: женское вероломство безмерно.

— Ты уже говорил это. Но мужское вероломство ничуть не уступает женскому. Все будет именно так, как я запланировал. Очень жаль, что она такая милая.

— Женская прелесть,— заявил Джино,— как раз скрывает за собой вероломство.

— Пожалуй,— кивнул Поллетти.— Как бы то ни было, я возвращусь. Мне нужно выспаться. А ты позаботься, чтобы Витторио ничего не напутал с подготовкой.

— Ладно,— ответил Джино.— Спокойной ночи, Марчелло, и желаю удачи.

— Спокойной ночи,— ответил Марчелло.

Они расстались. Марчелло сел в машину и поехал обратно на пляж, а Джино направился к ближайшему ночному кафе.

Наконец Колизей опустел. Луна скрылась за облаками, стало совсем темно. Спустился белый туман, и на песчаной арене, казалось, появились призрачные тени, души погибших гладиаторов. Над пустыми трибунами носился ветер. В его порывах слышались приглушенные голоса: «Убей его!..»

Наконец сквозь неясный мрак на востоке стал проступать утренний свет.

Начался новый, неведомый день.

Глава 17

Марчелло крепко спал в сборном домике. Он не услышал, как дверь медленно, с тихим скрипом приоткрылась. Не увидел он и длинный, странной формы ствол, просунувшийся в приоткрытую щель и направленный ему в лицо. Послышалось шипение, из дула вырвалась едва видимая струя газа — и сон Поллетти стал еще глубже.

Прошло несколько секунд, и в домик вошла Кэролайн. Она коснулась плеча Поллетти, потом потрясла его. Поллетти продолжал спать. Кэролайн подошла к открытой двери и сделала кому-то знак, после чего вернулась к кровати и села рядом со спящим.

Вдруг домик начал раскачиваться, словно утратил под собой опору и повис в воздухе. Он резко наклонился в сторону, и Кэролайн пришлось придержать Поллетти, чтобы тот не упал на пол. Через несколько секунд тряска прекратилась.

Поллетти продолжал спать. Кэролайн приоткрыла дверь и выглянула. Мимо проносились улицы Рима. Она бы удивилась, если бы не знала, что домик, вместе с ней и Поллетти, стоит в кузове грузовика, который Мартин ведет к Колизею. Часы показывали восемь часов сорок шесть минут.

Спустя полчаса Поллетти зашевелился, протер глаза и сел.

— Сколько времени? — спросил он у Кэролайн.

— Двадцать две минуты десятого,— ответила она.

— Боюсь, что я проспал.

— Это не имеет значения.

— Но у нас еще есть время для подготовки? — спросил Поллетти.

— Думаю, мы справимся и без нее,— сообщила Кэролайн.

Ее лицо было непроницаемым, и говорила она спокойно, без всяких эмоций. Отвернувшись от собеседника, она достала крошечный туалетный прибор и занялась своей внешностью. Поллетти зевнул и протянул руку к телефону. И вдруг увидел, что провода перерезаны. Кэролайн следила за ним в зеркальце пудреницы. Поллетти потянулся, стараясь казаться совершенно спокойным, и достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, сигареты и спички. При этом он незаметно провел рукой по нагрудному карману. Револьвера на месте не было.

Закурив, Поллетти ласково улыбнулся Кэролайн. Не получив ответа, он улегся на кровать и глубоко затянулся. Потом он опустил руку и нашел на полу свою маленькую электронную обезьянку. Какое-то время он машинально гладил ее, размышляя, затем быстро встал, надел брюки и спортивную рубашку, снова лег на кровать и взял на руки обезьянку.

Кэролайн так и не повернулась к нему. Она следила за его движениями в зеркальце.

Поллетти вытянулся на кровати.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросил он.— Мне пришла в голову мысль: почему бы нам с тобой не поехать куда-нибудь? Только ты и я. Мы могли бы отлично жить вдвоем, Кэролайн. Могли бы даже пожениться, если бы ты захотела.

Кэролайн захлопнула пудреницу и повернулась. Она держала палец на замочке пудреницы, словно на спусковом крючке. Это, несомненно, пистолет, подумал Поллетти. Сейчас трудно найти что-нибудь, не являющееся пистолетом.

— Тебе не интересно мое предложение? — спросил он.

— Я не в восторге от твоей лжи,— ответила Кэролайн.

Поллетти кивнул, продолжая играть с обезьянкой.

— Да,— согласился он,— я слишком часто лгал в жизни. И не потому, что любил обманывать, уверяю тебя, просто этого требовали обстоятельства. Но с тобой, Кэролайн, я хочу быть честным. Я могу говорить правду, все еще могу. Может быть, мне даже удастся доказать свою искренность.

Кэролайн покачала головой.

— Слишком поздно.

— Отнюдь нет,— возразил Поллетти.— У меня есть друзья, готовые поручиться за меня. Например,— он показал электронную обезьянку,— ты еще не познакомилась с Томмасо?

— Это именно тот свидетель, который может поручиться за тебя? — спросила Кэролайн.

— Томмасо — очень искренний маленький зверь,— сказал Поллетти.

Он поставил обезьянку на пол. Электронный зверек тут же попытался вскарабкаться по ее ноге.

— Твой Томмасо не интересует меня.

— Ты несправедлива к нему. Посмотри, какой он ласковый. Мне кажется, ты ему нравишься. Томмасо очень разборчив в выборе друзей.

Кэролайн улыбнулась, подняла обезьянку и посадила себе на колени.

— Погладь его,— попросил Поллетти.— И потрогай за нос. Ему это очень приятно.

Кэролайн погладила электронного зверька и осторожно тронула его носик.

Внезапно животное перестало двигаться. В следующее мгновение на его груди открылась панель, за которой скрывалось дуло крупнокалиберного револьвера.

— Ты знал об этом? — спросила Кэролайн.

— Конечно,— улыбнулся Поллетти.— Я знаю и еще кое-что: ты мой охотник.

Кэролайн застыла и, не мигая, уставилась на Поллетти.

— Это доказательство моей искренности. То, что я показал тебе, где спрятан револьвер, доказывает, что я честен с тобой... что я не хочу убивать тебя.

Кэролайн закусила губу и крепко стиснула револьвер внутри электронной обезьянки.

В это мгновение стены домика затряслись, отделились от пола и стали подниматься вверх. Кэролайн даже не пожелала взглянуть на необычное зрелище. Ее пристальный взгляд был по-прежнему устремлен на Поллетти. А тот с нескрываемым интересом следил, как стены взмывают в воздух и за ними открывается вид на древние развалины.

— Это потрясающе, Кэролайн,— произнес он.— Просто здорово.

Верхняя часть домика взлетела куда-то вверх. Подняв голову, Поллетти увидел, что стены на прочном тросе «найлорекс» уносит в небо вертолет, окрашенный в красный, белый и светло-коричневый цвета компании «Телеплекс Ампуорк».

Операторы в бейсбольных шапочках нацелили на Марчелло свои камеры, над головой повисли микрофоны, словно связка бананов. Танцовщицы «Рой Белл» получили команду приготовиться. Красные огоньки аппаратуры мигали, словно злобные глаза циклопов. Раздавался голос Мартина, отдававшего распоряжения на таком техническом жаргоне, что один Чет понимал его и переводил тем, кому они были адресованы.

Поллетти восторженно наблюдал за этим зрелищем, не веря своим глазам. Он повернулся к Кэролайн и легкомысленно поинтересовался:

— Мне не следует сказать несколько слов в микрофон?

Кэролайн мрачно взглянула на него. Ее глаза были похожи на молочное вулканическое стекло.

— Тебе следует лишь умереть!

Револьвер в ее руке был направлен прямо на Поллетти. Это был тот самый револьвер, который Кэролайн вытащила из кармана пиджака Поллетти, пока он спал.

Оркестр — а для такого случая был специально приглашен Загребский филармонический оркестр — заиграл зловещий пасодобль. Танцовщицы прекратили дискуссию о лаке для волос и отчаянном танце. Камеры двигались вперед и назад на длинных операторских кранах, похожие на гигантских жуков-богомолов.

Последовала новая команда. Из-за полуразрушенной арки служитель выкатил маленький столик на колесах, на котором стояли чайник и чашка. То и другое выглядело самым обыкновенным, кроме искусственного пара, поднимающегося из чашки. У арены служитель столкнулся со стройной темноволосой элегантной молодой женщиной, изящно, хотя и чуть броско одетой, с большими черными глазами, светящимися, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем в темноте.

— Типичный параноидальный шизофреник, одержимый манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами,— пробормотал служитель.

Этой женщиной была Ольга. Диагноз, поставленный Ольге служителем, был удивительно точен.

— Чай! — воскликнул Поллетти, когда служитель подкатил к нему столик.— Мне что, нужно его выпить?

— Это она будет его пить,— прошептал служитель.— А ты стой рядом, постарайся умереть, как подобает, и не умничай.

Он повернулся и ушел; служитель был большим профессионалом в своей области и не выносил легкомысленных шуток.

«Потрясающий чай дяди Минга! — раздался громогласный голос диктора с другой стороны Колизея.— Дамы и господа! Потрясающий чай дяди Минга является единственным чаем, который обожает вас и готов вступить с вами в брак и воспитывать маленькие пакетики чая — если дядя Минг согласится».

Поллетти рассмеялся. Он не слышал этой рекламы, которая в прошлом году завоевала тройной золотой приз рекламного совета за благопристойность, вкус, остроумие, оригинальность и массу прочих достоинств.

— Что так развеселило тебя, Марчелло? — прошипела Кэролайн, словно гадюка с острова Борнео.

— Здесь все так забавно,— ответил Поллетти.— Я говорю, что люблю тебя, что хочу на тебе жениться, а ты собираешься меня убить. Неужели тебе это не кажется смешным?

— Кажется,— кивнула Кэролайн,— если ты не обманываешь.

— Нет, конечно,— произнес Поллетти,— но пусть это тебе не мешает.

«...И вот из глубин своей мучительной, безнадежной любви потрясающий чай дяди Минга взывает к вам: "Пей меня, мистер Потребитель, пей меня, пей меня, пей меня!"» — закончил диктор. Он замолчал, стало тихо, через несколько секунд раздались записанные на пленку неуверенные хлопки, и наконец разразилась единодушная овация, также записанная на пленку.

— Две горсти до приводнения! — объявил Мартин.

— Осталось десять секунд,— перевел Чет.— Девять, восемь, семь...

Кэролайн застыла как изваяние, и только едва заметное дрожание руки, сжимавшей оружие, выдавало ее волнение.

...Шесть, пять, четыре...

Поллетти стоял, спокойно улыбаясь, словно находил забавным то, что по непонятным причинам оказался главным действующим лицом чужой человеческой драмы. Его лицо выражало одновременно не свойственное ему терпение и врожденное достоинство, несмотря на то что застрявший в зубах кусочек телятины ужасно действовал ему на нервы.

...Три, два, один. Огонь!

Кэролайн вздрогнула всем телом и медленно, словно сомнамбула, подняла револьвер. Дуло смотрело прямо в

лоб Поллетти. Палец Кэролайн застыл на спусковом крючке.

— Приводнение! Приводнение! — завопил Мартин.

— Огонь! Огонь! — закричал Чет.

— Осуществить немедленно! — взревел Мартин.

— Стреляй сейчас же! — подхватил Чет.

Но ничего не изменилось. Напряжение, царившее на арене, не поддавалось описанию. Впечатлительный молодой Коул упал в обморок; у Чета вдруг схватило судорогой бицепс, трицепс и боковой разгибатель правой руки; даже Мартин, закаленный профессионал, почувствовал резкую боль в горле, что было признаком начала жестокой изжоги.

Ждали режиссеры и операторы, танцовщицы ансамбля «Рой Белл» и музыканты Загребского филармонического оркестра; ждала и огромная телевизионная аудитория во всем мире, кроме тех неисправимых, кто отправился на кухню за банкой пива. Ждал Поллетти, а растерянная Кэролайн обнаружила, что ждет своих собственных действий.

Трудно сказать, как долго продлилась бы эта сцена, если бы внезапно в ситуацию не вмешался неожиданный элемент. Из-под арки выбежала Ольга, пробралась сквозь толпу обеспокоенных киношников, вспрыгнула на пол домика и выхватила у Кэролайн револьвер.

— Итак, Марчелло,— сказала она,— я снова застала тебя с другой женщиной!

Ответить на это безумное обвинение было нечего, к тому же в нем — как это часто бывает у душевнобольных — была доля правды.

— Ольга! — воскликнул Поллетти, не зная, что сказать.

— Я двенадцать лет ждала! — взвизгнула Ольга.— А ты так поступаешь со мной! — И она направила дуло револьвера прямо ему в лоб.

— Пожалуйста, Ольга, не стреляй! — взмолился Поллетти.— Ты пожалеешь, если выстрелишь. Давай поговорим спокойно.

— Я уже говорила сегодня — с Лидией! — заявила Ольга.— Твоя бывшая жена призналась, что документы о разводе оформлены — не сегодня, не вчера, а три дня назад!

— Да знаю я, знаю,— ответил Поллетти.— Но позволь мне объяснить...

— Потом объяснишь! — воскликнула Ольга и нажала на спусковой крючок.

Грохнул револьверный выстрел. Ольга замерла, потом покачнулась, поднесла слабеющую руку к груди, недоумевающе посмотрела на окровавленные пальцы, упала на землю и замерла, как птеродактиль за стеклом музея.

— Это трудно будет объяснить,— пробормотал Поллетти.

Кэролайн села на кровать и схватилась руками за голову. Коул пришел в себя и с гордостью подумал: «Смотрика, я и впрямь потерял сознание». Чет запустил в эфир программу «Величайшее телешоу 1999 года» с участием Ле Мар де Вилля, Роджера и Лэсси.

К домику подошел Мартин и все понял с первого взгляда.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Откуда-то взялся полицейский, который не сумел разобраться в происшедшем с первого взгляда и спросил:

— Кто здесь охотник?

— Я,— сказала Кэролайн и, не поднимая головы, протянула свое удостоверение.

— А жертва?

— Я,— ответил Поллетти, также протягивая свое удостоверение.

— Значит, эта мертвая женщина не имеет отношения к Охоте?

— Не имеет,— подтвердил Поллетти.

— В таком случае почему вы убили ее?

— Я? Я никого не убивал,— возразил Поллетти. Он наклонился и поднял револьвер.— Смотрите! — Он показал полицейскому небольшое отверстие под курком.

— Ну и что?

— Это отверстие и есть настоящее дуло револьвера,— объяснил Поллетти.— Револьвер стреляет не вперед, а

назад, понимаете? Это мое изобретение. Я сам сконструировал эту штуку.

Кэролайн вскочила. Ее глаза метали молнии.

— Ах ты, скотина! — воскликнула она.— Ты подстроил, чтобы я забрала револьвер из твоего пиджака! Ты подбросил его мне, чтобы я убила себя!

— Только в том случае, если бы ты попыталась убить меня,— напомнил Поллетти.

— Болтун! — выкрикнула Кэролайн.— Да разве я могу верить тому, что ты говорил мне?

— Давай обсудим это позже,— предложил Поллетти.— Милая, все это легко объяснить...

— Сначала вы объясните все мне,— прервал его полицейский,— а потом будете оскорблять эту молодую леди.— Он галантно улыбнулся Кэролайн, взглянувшей на него с раздражением.— Но сначала я сообщу о происшедшем в участок.— Он отстегнул от пояса портативную рацию.— А потом выслушаю ваши объяснения.

Но ему так и не удалось осуществить свои намерения, поскольку началось светопреставление и полицейскому пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы видимость порядка.

Первыми в Колизей прорвались туристы, сломив сопротивление охраны. Они были настроены решительно и во что бы то ни стало желали увидеть, что происходит, и сделать снимки на память. Следом откуда ни возьмись появились несколько десятков адвокатов и сразу стали угрожать судебным преследованием Поллетти, Кэролайн, компании «Телеплекс Ампуорк», Мартину, Чету, танцовщицам ансамбля «Рой Белл», Коулу, римской полиции и всем остальным участникам события. Наконец прибыли шесть представителей «Хант Интернэшнл» — компании, организовывающей Охоту. Они потребовали немедленного ареста Кэролайн и Поллетти, обвиняя их в незаконном отказе от убийства.

— Ну хорошо, хорошо,— бормотал полицейский, окончательно сбитый с толку.— Сначала самое важное. Я арес-

тую так называемого охотника и так называемую жертву. Где они?

— Они были здесь всего пару секунд назад,— произнес Коул.— А вы знаете, я действительно потерял сознание.

— Но где они сейчас? — спросил полицейский.— Почему никто не следил за ними? Быстро перекрыть все выходы! Они не могли далеко уйти!

— А почему они не могли далеко уйти? — поинтересовался Коул.

— Не путайте меня! — рявкнул полицейский.— Скоро выясним, далеко ли они убежали.

И скоро — но не очень скоро — он это выяснил.

Глава 18

Управляемый умелыми руками Кэролайн маленький вертолет, до этого незаметно стоявший в углу огромной арены Колизея, рядом с аркой Траяна, летел высоко над Римом. Желто-серый овал Колизея остался позади. Узкие извилистые улицы Вечного города уступили место пригородам, затем внизу показались деревни. Наконец и они остались позади.

— Ты великолепна! — заявил Поллетти.— Скажи, ты задумала все это с самого начала, верно?

— Разумеется,— ответила Кэролайн.— Это показалось мне разумной предосторожностью на случай, если ты действительно говорил правду.

— Милая, ты не представляешь, как я тобой восхищен! — воскликнул Поллетти.— Ты спасла нас обоих от смерти и суда, и теперь мы летим в великолепном воздушном пространстве к девственной природе, где нет электрических бритв и холодильников...

Он посмотрел вниз и увидел, что вертолет начинает снижаться над унылой, пустынной местностью.

— Скажи, мое сокровище, нас еще что-то ожидает? — спросил Поллетти.

Кэролайн весело кивнула и умело посадила вертолет на полянку у подножия горы.

— Главным образом вот это.— Она обняла Поллетти и поцеловала его с энтузиазмом и страстью, которыми отличались многие ее поступки.

— М-м-м,— пробормотал Поллетти. Внезапно он поднял голову и прислушался.— Странно...

— Что странно? — спросила Кэролайн.

— Должно быть, послышалось... Как будто звон церковных колоколов.

Кэролайн отвела взгляд в сторону с забавным намеком на кокетство, характерным даже для самых простых ее жестов.

— Да, звон колоколов! — воскликнул Поллетти.— Вот, снова!

— Пошли посмотрим,— предложила Кэролайн.

Они выбрались из вертолета и, держась за руки, обогнули выступающую скалу. Ярдах в двадцати под нависающим гранитным утесом стояла маленькая церковка. В дверях церкви виднелась черная фигура священника. Он улыбнулся и приветливо махнул рукой.

— Как интересно! — Кэролайн потянула Поллетти за руку.

— Очаровательно, потрясающе, необычно,— отозвался Поллетти. В его голосе было меньше энтузиазма, чем раньше.— Да, интересно,— добавил он более уверенным тоном,— но вряд ли заслуживает доверия.

— Пошли-пошли,— сказала Кэролайн.

Они вошли в церковь и приблизились к алтарю. Девушка встала перед священником на колени, после недолгого колебания Поллетти последовал ее примеру. Откуда-то послышалась органная музыка. Священник просиял и начал церемонию.

— Согласна ли ты, Кэролайн, взять этого мужчину, Марчелло, себе в мужья?

— Да,— пылко ответила Кэролайн.

— А ты, Марчелло, согласен взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены?

— Нет,— убежденно отозвался Поллетти.

Священник опустил Библию. Поллетти увидел, что он заложил нужную страницу дулом автоматического «кольта» сорок пятого калибра.

— Согласен ли ты, Марчелло, взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены? — повторил святой отец.

— Да... пожалуй,— ответил Поллетти.— Я хотел лишь подождать несколько дней, чтобы на церемонии могли присутствовать мои родители.

— Мы еще раз устроим венчание для твоих родителей,— заявила Кэролайн.

— Ego conjugo vos in matrimonio...* — начал священник.

Кэролайн быстро подала Поллетти кольцо, и они обменялись кольцами в классической старинной церемонии, которая всегда казалась Поллетти такой трогательной.

За стеной стонал и жаловался ветер пустыни; Поллетти молчал и улыбался.

---

* Соединяю вас в браке... *(лат.)*

Корпорация «Бессмертие»

Часть I

Глава 1

Уже потом, размышляя о своей смерти, Томас Блейн жалел, что она не была более эффектной. Почему он не погиб под сокрушительным натиском тайфуна, или в схватке с тигром, или карабкаясь по отвесному горному склону, овеваемому ледяными ветрами? Почему на его долю выпала такая пресная, банальная, бесславная смерть?

И тут же он понял, что любая необычная, любая неординарная смерть не соответствовала бы его характеру. Нет никаких сомнений в том, что ему было суждено умереть быстрой, заурядной, кровавой и безболезненной смертью — в точности так, как это и произошло. Должно быть, его конец был сформирован и предопределен всей предшествующей жизнью — смутные детские ощущения стали более ясными в молодости и превратились в абсолютную уверенность к тридцати двум годам.

И все-таки какой бы банальной ни была смерть, она остается самым интересным событием в жизни человека. Блейн думал об этом со страстным любопытством. Ему так хотелось побольше узнать о тех минутах, о тех последних драгоценных секундах, когда смерть поджидала его на темном шоссе в Нью-Джерси. А не упустил ли он ка-

кой-то знак, предзнаменование? Что сделал — или не сделал? О чем думал?

Эти последние секунды были так важны для него. Как же все-таки он погиб?

Блейн ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все отступала и отступала. Стрелка спидометра указывала семьдесят пять миль в час. Странно. Ему казалось, что скорость не превышает сорока. Где-то очень далеко мелькнул свет фар встречного автомобиля, первого за несколько часов...

Блейн возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в загородном коттедже на берегу Чесапикского залива. Там он ловил рыбу, купался и дремал под солнечными лучами на неотесанных досках причала. Как-то раз он отправился на своей парусной лодке в Оксфорд и остался танцевать в яхт-клубе до ночи. Там он встретил какую-то глупую девчонку со вздернутым носом, одетую в синее платье, которая сказала ему, что он похож на искателя приключений из южных морей — такой же загорелый и высокий. На следующее утро Блейн вернулся обратно в свой коттедж. Там он снова нежился на солнце и думал о том, как хорошо было бы бросить все, нагрузить парусную лодку запасом пресной воды, консервами и отправиться на Таити. О, Раиатеа, горы Муреа, свежие пассаты...

Однако между ним и Таити лежал целый континент, океан и масса других препятствий. Мечты о далеких островах захватили его только на час, и никаких действий он уж точно не собирался предпринимать. И теперь Блейн возвращался в Нью-Йорк, чтобы снова заняться проектированием яхт в знаменитой старой фирме «Мэттисон и Питерс», где работал младшим дизайнером.

...Свет фар встречного автомобиля приближался. Блейн сбавил скорость до шестидесяти миль...

Несмотря на то что он считался дизайнером, Блейну почти не приходилось заниматься проектированием.

Обычными крейсерскими яхтами занимался старый Том Мэттисон, а его брат Рольф, талантливый специалист по прозвищу Волшебник Морских Парусов, создал себе международную известность, проектируя океанские гоночные яхты и стремительные парусные суда, конструкции которых никогда не повторялись. И что оставалось на долю младшего дизайнера?

Блейну приходилось заниматься чертежами, палубными планами, а также рекламой и публикацией объявлений. Такая работа тоже была важной и приносила некоторое удовлетворение, но все же не могла сравниться с проектированием.

Он понимал, что следует создать собственное дело, однако дизайнеров было так много, а спрос на яхты так невелик. Однажды он сказал Лауре, что это все равно что создавать арбалеты и катапульты: работа интересная, творческая — но кто все это будет покупать?

— Ты мог бы найти покупателей для своих яхт,— заявила девушка с резкой прямотой.— Почему бы не попытаться?

На лице Блейна появилась обаятельная мальчишеская улыбка.

— Я не человек действия. Моей сильной стороной являются размышления — и последующие сожаления.

— Короче говоря, ты просто ленив.

— Отнюдь нет. Это все равно что говорить, будто ястреб не умеет как следует скакать галопом, а лошадь плохо летает. Нельзя сравнивать разные вещи. У меня отсутствует предприимчивость. Мечты, размышления, замыслы и планы, возникающие в моем уме,— вот мой талант. Их осуществление я отдаю другим.

— Не люблю, когда ты так говоришь,— вздохнула девушка.

Вообще-то Блейн и впрямь преувеличивал, но суть от этого не менялась. У него была хорошая работа, приличное жалованье, положение в обществе. Он имел удобную квартиру в Гринвич-Виллидж с отличной стереосистемой

и массой пластинок. Ему принадлежали небольшой коттедж у Чесапикского залива, автомобиль, парусная лодка, а также привязанность Лауры... и нескольких других девушек. Может быть, как выразилась Лаура, повторив эту избитую фразу, он действительно попал в водоворот, тогда как главное в жизни проходит мимо?.. Ну и что? Из плавного медленного водоворота интереснее наблюдать за тем, что тебя окружает...

Ослепительные фары встречного автомобиля были уже близко. С изумлением Блейн заметил, что незаметно для себя увеличил скорость до восьмидесяти миль в час, и отпустил педаль газа. И тут его автомобиль неожиданно круто повернул навстречу приближающимся фарам.

Что случилось? Лопнула шина? Или вышло из строя рулевое управление? Он резко повернул руль, вернее, пытался повернуть. Руль не поворачивался, словно его заклинило. Колеса автомобиля наткнулись на бетонный разделительный бордюр между северной и южной полосами шоссе, и машина подпрыгнула высоко в воздух. Руль под руками Блейна свободно повернулся, и двигатель заревел, работая вразнос.

Автомобиль, несущийся навстречу, попытался отвернуть, но было поздно. Сейчас они столкнутся лоб в лоб.

«Да,— промелькнула мысль в голове Блейна,— я — один из них, один из этих глупых кретинов, о которых пишут в газетах, чьи автомобили теряют управление и убивают невинных людей. Боже милосердный! Современные автомобили, современные дороги, высокие скорости — и все же замедленные рефлексы...»

Внезапно, по какой-то необъяснимой причине, руль снова заработал — спасение, избавление от смерти в последнюю долю секунды. Но Блейн не обратил на это внимания. В то мгновение, когда ослепительный свет фар встречного автомобиля ударил ему в ветровое стекло, его отчаяние внезапно сменилось ликованием. Он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть.

И тут два автомобиля врезались друг в друга. Чувство эйфории исчезло с той же молниеносной быстротой, как и появилось. Блейна охватило острое сожаление о том, что не успел сделать, о морях, по которым ему так и не довелось проплыть, о фильмах, которые он уже не увидит, о книгах, оставшихся непрочитанными, о девушках, которых он никогда больше не обнимет. Машины столкнулись, его бросило вперед, и руль сломался у него в руках. Колонка руля пронзила грудь, сломала позвоночник, а голова пробила триплекс ветрового стекла.

В это самое мгновение он понял, что умирает.

Еще миг — и наступила смерть, заурядная, нелепая и безболезненная.

Глава 2

Он очнулся на белой кровати в белой комнате.

— Смотрите, он пришел в себя,— послышался чей-то голос.

Блейн открыл глаза. Над его кроватью склонились двое мужчин в белых халатах — по-видимому, врачи. Один — бородатый маленький старик, другой — мужчина лет пятидесяти с неприятным багровым лицом.

— Как вас зовут? — резко спросил старик.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два года. Но...

— Семейное положение?

— Холост. В чем...

— Видите? — произнес старик, поворачиваясь к своему багроволицему коллеге.— Он в полном сознании, без сомнения.

— Вот никогда бы не поверил,— покачал головой багроволицый.

— А я не вижу в этом ничего странного. Травма смерти преувеличена, сильно преувеличена. Это будет отражено в моей будущей книге.

— Хм... Однако депрессия при новом рождении...

— Чепуха,— решительно оборвал его старик.— Блейн, вы себя хорошо чувствуете?

— Да. Но мне хотелось бы узнать...

— Видите?! — торжествующе заявил старый врач.— Он снова живой и в полном рассудке. Вы согласны подписать отчет вместе со мной?

— Пожалуй, у меня нет иного выхода,— согласился багроволицый.

Врачи вышли. Блейн посмотрел им вслед, не понимая, о чем они говорили.

Приветливо улыбаясь, к нему подошла толстая медсестра.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Превосходно,— произнес Блейн.— Однако я не понимаю...

— Извините,— перебила его медсестра,— пока никаких вопросов. Так распорядился врач. Выпейте вот это лекарство, оно взбодрит вас... Вот и молодец. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Женщина вышла. Ее ободряющие слова напугали Блейна. Что она имела в виду, заявив, что все будет в порядке? Значит, что-то было не в порядке? Что же, что не в порядке? И как он оказался в больнице? Что случилось?

Бородатый врач вернулся, на этот раз в сопровождении молодой женщины.

— С ним все в порядке, доктор? — спросила она.

— Он здоров и рассуждает здраво,— ответил старик.— Я бы назвал это очень успешным переходом.

— Значит, можно начинать интервью?

— Разумеется. Хотя я не могу гарантировать его поведение. Травма, вызванная смертью, хоть и крайне преувеличена, но все-таки способна...

— Да-да, понимаю.

Девушка подошла к кровати и склонилась над Блейном. «Хорошенькая»,— заметил он. Точеные черты лица, свежая, словно светящаяся кожа. У девушки были длинные блестящие каштановые волосы, гладко зачесанные

назад, от нее едва уловимо пахло духами. Она могла бы быть прелестной, но ее портила неподвижность черт, какая-то нарочитая напряженность тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей и уж совсем невозможно — вообразить рядом с собой в постели. В ней было что-то фанатичное, нечто преданно-революционное. Впрочем, Блейну показалось, что причина таится в ней самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн,— сказала она.— Меня зовут Мэри Торн.

— Здравствуйте,— приветливо улыбнулся Блейн.

— Мистер Блейн, как по-вашему, где вы сейчас находитесь?

— Похоже на больницу. Полагаю...

Он замолчал, заметив у нее в руке маленький микрофон.

— Итак, что вы полагаете?

Она сделала едва заметный жест. В палату вошли мужчины и стали расставлять вокруг кровати какое-то громоздкое оборудование.

— Продолжайте,— сказала Мэри Торн.— Скажите нам, что вы полагаете.

— Убирайтесь к черту,— мрачно проворчал Блейн, глядя на мужчин, устанавливающих рядом с ним какие-то сложные приборы.— Что все это значит? Что здесь происходит?

— Мы хотим помочь вам,— объяснила Мэри Торн.— Разве не в ваших интересах оказать нам содействие?

Блейн кивнул. Ему захотелось, чтобы она улыбнулась. Внезапно он почувствовал какую-то тревогу. Выходит, с ним что-то случилось?

— Вы помните, что с вами произошел несчастный случай? — спросила она.

— Какой несчастный случай?

— Разве вы не помните об аварии?

Блейн вздрогнул, вспомнив ослепительные фары, летящие навстречу, ревущий двигатель, удар — и смерть.

— Да. У меня в руках сломался руль. Затем рулевая колонка пронзила мне грудь, и я ударился головой.

— Посмотрите на свою грудь,— тихо сказала девушка.

Блейн расстегнул пижаму. На груди не было никаких следов.

— Но этого не может быть! — воскликнул он.

Его голос звучал глухо, словно доносился издалека. Блейн заметил, что люди вокруг кровати о чем-то разговаривали, склонившись над своими приборами; они казались ему похожими на тени, плоские и прозрачные. Их тонкие голоса напоминали жужжание мух у оконного стекла.

«Прекрасная первая реакция!»

«Действительно».

— Вы ничуть не пострадали,— заметила Мэри Торн, обращаясь к Блейну.

Он взглянул на свое здоровое тело — и вспомнил об аварии.

— Я не верю этому! — выкрикнул он.

«Идеальное поведение».

«Превосходное сочетание неуверенности и осознания реальности».

— Потише, пожалуйста,— обратилась к ним Мэри Торн.— Продолжайте, мистер Блейн.

— Я помню катастрофу,— медленно произнес Блейн.— Помню, как мы врезались друг в друга. И помню, что... умер.

«Ты только послушай, черт возьми! Это настоящее представление».

«Совершенно спонтанная сцена».

«Фантастика! Да все они сойдут с ума!»

— Не так громко, прошу вас,— снова попросила девушка.— Мистер Блейн, вы действительно помните, что умерли?

— Да-да, я умер!

«Посмотри на его лицо!»

«Нелепое выражение только усиливает убедительность происходящего».

«Будем надеяться, что и Рейли придерживается такой же точки зрения».

— Внимательно посмотрите на себя, мистер Блейн. Вот зеркало. Взгляните на свое лицо,— произнесла Мэри Торн.

Блейн взглянул в зеркало и задрожал как в лихорадке. Он коснулся стекла, затем дрожащими пальцами провел по лицу.

— Но это не мое лицо! Где мое лицо? Куда вы дели мое тело и мое лицо?

Это был ночной кошмар, и он никак не мог проснуться. Его окружали неосязаемые люди-тени с голосами, как у мух, бьющихся в оконное стекло, которые склонились над своими картонными машинами; от них исходила какая-то смутная угроза, и в то же время они были к нему странно равнодушны, почти его не замечали.

Мэри Торн наклонилась над кроватью, приблизив к Блейну прелестное бесстрастное лицо. Красные губы маленького рта выговаривали тихие слова, наполнявшие Блейна непередаваемым ужасом.

— Ваше тело мертво, мистер Блейн, оно погибло во время автомобильной катастрофы. Вы помните, как умирали. Однако нам удалось спасти самую важную часть вашего существа. Мы спасли ваш разум, мистер Блейн, и поместили его в новое тело.

Блейн открыл рот, чтобы закричать, но сумел овладеть собой.

— Я не верю этому,— тихо произнес он.

Жужжание мух возобновилось:

«Сдержанное высказывание».

«Да, конечно. Маниакальное состояние не может продолжаться вечно».

«Я думал, что он будет более выразителен».

«Напрасно. Его высказывание еще более усугубляет затруднительное положение, в котором он пребывает».

«Может быть, если исходить из чисто внешних проявлений. Однако взгляните на проблему реалистично. Бедняга только что узнал, что погиб во время автомобильной катастрофы и возродился в другом теле. Каковы же его первые слова? Он говорит: «Я не верю этому». Черт возьми, он реагирует на шок недостаточно остро!»

«Вы ошибаетесь, потому что пытаетесь домысливать за него».

— Тише, пожалуйста! — снова попросила девушка.— Продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, погруженный в глубину своего кошмара, не замечал тихих жужжащих голосов.

— Я действительно умер? — спросил он.

Девушка кивнула.

— И меня воскресили, но в теле другого человека?

Она снова кивнула, ожидая, что будет дальше.

Блейн посмотрел на нее и на тени, суетившиеся у своих картонных машин. Почему им понадобился именно он? Разве они не могли выбрать какого-нибудь другого мертвеца? Труп нельзя заставить отвечать на вопросы. Смерть — это древняя привилегия человека, его вечный пакт, заключенный с жизнью, дарованный как рабу, так и аристократу. Смерть — утешение человека и его право. Но может быть, это право отменили и теперь нельзя ускользнуть от ответственности даже после смерти.

Все ждали, когда он снова заговорит. А Блейн размышлял, не спятил ли он. Ну что ж, это легко выяснить.

Однако безумие достается не всякому. Самообладание вернулось к Блейну. Он посмотрел на Мэри Торн.

— Мне трудно описать свои чувства,— медленно произнес он.— Я умер и теперь обдумываю создавшееся положение. Не думаю, что есть люди, полностью верящие в свою смерть. В глубине души они считают себя бессмертными. Смерть может настичь других, но никогда не коснется тебя самого. Это все равно что...

«Выключайте запись. Он принялся рассуждать».

— Пожалуй, вы правы,— согласилась Мэри Торн.— Я очень вам благодарна, мистер Блейн.

Мужчины, внезапно обретшие плоть, ставшие теперь самыми обычными, стали выкатывать из больничной палаты оборудование.

— Подождите,— сказал Блейн.

— Не беспокойтесь,— успокоила его девушка.— Все остальное мы запишем позже. В данный момент нам хо-

телось зарегистрировать только вашу спонтанную реакцию на происшедшее.

«Ладно, этого хватит».

«Мечта коллекционера!»

— Подождите! — крикнул Блейн.— Я ничего не понимаю. Где я? Что произошло? Как...

— Я все объясню завтра утром,— сказала Мэри Торн.— Извините меня, мистер Блейн, но сейчас нужно как можно скорее подготовить этот материал для мистера Рейли.

Техники с аппаратурой уже исчезли. Мэри Торн ободряюще улыбнулась и поспешила за ними.

Блейн с удивлением почувствовал, что готов заплакать. Он быстро заморгал, и в этот момент в палату вошла толстая медсестра.

— Выпейте вот это,— произнесла она.— Это поможет вам заснуть... Вот и хорошо, молодец. А теперь успокойтесь. У вас был трудный день: подумать только, вы успели умереть, возродиться и все такое.

Две большие слезы скатились по щекам Блейна.

— Боже мой,— спохватилась медсестра,— как жаль, что здесь нет камеры! Это самые искренние слезы, которые мне приходилось когда-либо видеть. Много трагических и неожиданных сцен довелось мне видеть в этой больнице, и уж поверьте мне, я могла бы порассказать этим заносчивым молокососам с их записывающими приборами, что такое настоящие эмоции. И они еще думают, что знакомы со всеми тайнами человеческой души!

— Где я? — пробормотал Блейн сонным голосом.— Куда я попал?

— Вы, наверное, назвали бы это будущим,— ответила медсестра.

— А-а,— прошептал Блейн и уснул.

Глава 3

Через несколько часов он проснулся свежим и отдохнувшим, оглянулся вокруг, увидел белую постель, белую комнату и вспомнил...

Он погиб во время автомобильной катастрофы и заново родился в будущем. Здесь был врач, по мнению которого последствия травмы, полученной в момент смерти, явно преувеличены, и люди, которые записывали его спонтанные реакции и пришли к выводу, что все это мечта коллекционера, а также хорошенькая девушка, черты которой являли прискорбное отсутствие эмоций.

Блейн зевнул и потянулся. Итак, он мертв. Умер в тридцать два года.

Как жаль, подумал он, что его молодая жизнь угасла в самом расцвете. Вообще-то Блейн был неплохим парнем, и перед ним открывались неплохие перспективы...

Ему не понравилось свое легкомысленное отношение к столь важному предмету. Не следует себя так вести. Он попытался вспомнить потрясение, которое, по его мнению, следовало испытывать.

«Итак,— твердо напомнил он себе,— еще вчера я был дизайнером яхт, возвращающимся домой из Мэриленда. А сегодня превратился в человека, заново рожденного в будущем. В будущем! Заново рожденного!»

Бесполезно, слова не оказывали на него должного воздействия. Он успел привыкнуть к этой мысли. Человек привыкает к чему угодно, даже к собственной смерти. Можно, наверное, рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и он привыкнет к этому, причем привыкнет настолько, что будет плакать как ребенок, если этот процесс прекратится...

Ему не понравились подобные рассуждения, и он выбрал другую тему.

Он стал думать о Лауре. Станет ли она оплакивать его? А может, напьется с горя? Или всего лишь почувствует себя подавленной и примет успокоительную таблетку? Как воспримут сообщение о его смерти Джейн и Мириам? Да и узнают ли они о катастрофе вообще? Вряд ли. Пройдут месяцы, прежде чем они задумаются, почему он перестал звонить.

Хватит. Все это осталось в прошлом. Теперь он в будущем.

Но все, что он увидел в будущем,— это лишь белая постель в белой палате, врачи и медсестра, техники со своей записывающей аппаратурой и хорошенькая девушка. Пока особых отличий от времени, в котором он жил раньше, не было. Однако они есть, в этом не приходится сомневаться.

Он вспомнил журнальные статьи и книги о будущем, которые читал. Сегодня, возможно, существует бесплатная атомная энергия, подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, межпланетные путешествия, свободная любовь, полная десегрегация, лекарства от всех болезней, плановое общество, в котором люди глубоко дышат воздухом свободы.

Да, именно так и должно быть, подумал Блейн. Однако существовали и менее приятные возможности развития. Может быть, жестокий олигарх стиснул Землю железной хваткой, тогда как маленькое, но сплоченное подполье бьется за свободу. Или человеческую расу поработили маленькие студенистые инопланетяне с труднопроизносимыми именами. Возможно, новая ужасная болезнь пронеслась по планете, или Земля, опустошенная в результате термоядерной войны, с трудом пытается восстановить технологический уровень прежней цивилизации, пока по разрушенным городам бродят жестокие банды отчаявшихся людей, или человечество постигли другие катастрофы.

Однако, подумал Блейн, население Земли на протяжении тысячелетий проявляло поразительную способность избегать крайностей как в несчастьях, так и в полном блаженстве. Сколько раз предсказывали хаос и предрекали утопию — однако ни то, ни другое не наступило.

В конце концов Блейн пришел к выводу, что и в этом будущем следует ожидать определенного улучшения по сравнению с прошлым, но предположил, что не обойдется и без новых проблем; кое-какие старые исчезнут, но их место займут другие.

«Короче говоря,— сказал себе Блейн,— вероятно, это будущее будет таким же, каковыми были все будущие

времена по сравнению с их прошлым. Это не очень определенно, но я не предсказатель и не провидец».

Его размышления прервала Мэри Торн, которая быстро вошла в палату.

— Доброе утро,— поздоровалась она.— Как вы себя чувствуете?

— Словно заново родился,— ответил Блейн совершенно серьезно.

— Отлично. Подпишите вот это, пожалуйста.

Девушка протянула ему заполненный бланк и ручку.

— Вы удивительно расторопны,— заметил он.— Что мне надо подписать?

— Прочтите,— велела Мэри Торн.— Это документ, освобождающий нас от всякой юридической ответственности, связанной с вашим спасением.

— Вы действительно спасли мне жизнь?

— Разумеется. Иначе каким образом вы оказались бы здесь?

— Я об этом не подумал,— признался Блейн.

— Мы спасли вас. Однако закон запрещает спасать людей без предварительного письменного согласия потенциальной жертвы. Юристы «Рекс корпорейшн» не сумели заранее получить ваше согласие, поэтому нам хотелось бы защитить себя теперь.

— А что это за «Рекс корпорейшн»?

Девушка посмотрела на Блейна с раздражением.

— Неужели вы ничего еще не знаете? Вы находитесь в штаб-квартире нашей корпорации. «Рекс корпорейшн» сейчас так же знаменита, как компания «Флайер тиэсс» в ваше время.

— А что такое «Флайер тиэсс»?

— Неужели не знаете? Ну тогда, скажем, «Форд».

— «Форд»? Понятно. Итак, «Рекс корпорейшн» пользуется такой же известностью, как «Форд». И что же она производит?

— Энергетические установки,— объяснила девушка,— которые обеспечивают энергией космические корабли,

аппаратуру переселения душ, потустороннюю жизнь и тому подобное. С помощью энергетической установки «Рекс» вас выхватили из автомобиля через мгновение после смерти и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени,— кивнул Блейн.— Но как?

— Боюсь, объяснить это непросто,— ответила она.— У вас нет необходимой научной подготовки. Но я все-таки попытаюсь. Вы знаете, что время и пространство суть одно и то же, различные аспекты одного явления?

— Вот как?

— Да. Нечто вроде энергии и массы. Уже в ваше время ученые поняли, что энергия и масса взаимозаменяемы, они сумели понять процессы распада и синтеза материи, происходящие внутри звезд. Однако воспроизвести данный процесс в то время им оказалось не под силу: для этого требовалось колоссальное количество энергии. Лишь после того как ученые овладели необходимыми знаниями и получили в свое распоряжение мощные источники энергии, они смогли расщеплять атомы при помощи деления и создавать новые в результате ядерного синтеза.

— Мне это известно,— произнес Блейн.— А путешествие во времени?

— Оно происходит аналогичным образом. В течение длительного времени мы знали, что пространство и время представляют собой стороны одного и того же, что и пространство и время могут быть разложены на составные элементы и превращены одно в другое при помощи энергии. Нам удалось проследить за процессом искажения космического времени вблизи сверхновой звезды; мы смогли наблюдать исчезновение звезды класса Вульф-Райет при ускорении превращения времени. Однако понадобилось узнать еще очень многое. Кроме того, потребовался новый источник энергии, на много порядков более мощный, чем тот, которым вы пользовались для ядерного синтеза. Когда все это оказалось в нашем распоряжении, мы смогли заменять пространственные элементы временными и наоборот, то есть расстояния в пространстве на

расстояния во времени. После этого мы получили возможность пройти расстояние, скажем, в сто лет вместо соответствующего расстояния в сотню парсеков.

— Я начинаю понимать в общих чертах,— кивнул Блейн.— Вы не могли бы повторить, но помедленнее?

— Только не сейчас,— ответила девушка,— потом. А сейчас подпишите, пожалуйста.

В документе говорилось, что он, Томас Блейн, обязуется не предъявлять никаких претензий к «Рекс корпорейшн» и не обращаться в суд с жалобой на то, что в 1958 году его спасли без предварительного согласия и перенесли спасенную таким образом жизнь в 2110 год.

Блейн расписался.

— А теперь,— начал он,— мне хотелось бы узнать...

Он умолк. В палату вошел юноша с большим плакатом.

— Извините меня, мисс Торн,— сказал он,— но художественный отдел спрашивает, одобряете ли вы этот эскиз?

Юноша развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. С неба к нему тянулась гигантская стилизованная рука, выхватывающая водителя из пылающего остова. Крупные буквы кричали: «"РЕКС" СПАС ЕГО!»

— Ну что ж, неплохо,— задумчиво произнесла Мэри Торн.— Передай художникам, пусть усилят красные тона.

В палату все заходили люди, и Блейн потерял самообладание.

— Что происходит? — спросил он.

— Потом объясню,— ответила девушка.— А-а, миссис Вэнесс! Как вы считаете, годится ли такой плакат для начала кампании?

В палате собралось уже человек двенадцать, и подходили новые. Не обращая никакого внимания на Блейна, они собрались вокруг Мэри Торн и плаката. Один мужчина, увлеченный разговором с какой-то седой женщиной, даже сел на край его постели. У Блейна лопнуло терпение.

— Сейчас же прекратите! — крикнул он.— Мне надоела эта непонятная суета. Неужели вы не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь отсюда!

— Боже мой! — вздохнула Мэри Торн, закрывая глаза.— Темперамент должен был проявиться. Эд, поговори с ним.

Плотный мужчина с влажным от пота лицом подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, разве мы не спасли вашу жизнь?

— Ну спасли...— раздраженно проворчал Блейн.

— А ведь могли этого и не делать. Потребовалось много времени, денег и энергии, чтобы спасти вас. Однако мы все-таки пошли на такой шаг. Разве мы не вправе получить что-то взамен — широкую рекламу, например?

— Рекламу?

— Разумеется. Вас спасла от смерти энергетическая система «Рекс корпорейшн».

Блейн кивнул. Теперь он понимал, почему его спасение и новое рождение в будущем было принято окружающими как само собой разумеющееся. Они действительно потратили массу времени, сил и денег, несомненно обсудили все аспекты и теперь старались извлечь из всего этого максимальную пользу для корпорации.

— Понятно,— согласился Блейн.— Вы спасли меня для того, чтобы использовать для рекламной кампании, правда?

На лице Эда появилось недовольное выражение.

— Стоит ли так упрощать? Ваша жизнь находилась в смертельной опасности, а рекламу продукции, производимой нашей компанией, требовалось как-то оживить. Таким образом, мы решили обе проблемы, и в выигрыше оказались как вы, так и «Рекс корпорейшн». Конечно, мы не руководствовались чистым альтруизмом, но ведь и вы вряд ли пожелали бы остаться мертвым, верно?

Блейн покачал головой.

— Нет, конечно,— продолжал Эд.— Вы цените свою жизнь. Уж лучше быть живым сегодня, чем мертвым вчера, правда? Отлично. Тогда почему вы отказываетесь помочь нам хотя бы из чувства элементарной благодарности?

— Я не отказываюсь,— произнес Блейн,— но события развиваются слишком быстро, и я не поспеваю за ними.

— Понимаю и сочувствую вам,— заметил Эд.— Но рекламное дело, мистер Блейн, не терпит промедления. На счету каждая минута. Сегодня ваше появление в двадцать втором веке — сенсация, а уже завтра это никого не заинтересует. Мы должны использовать ваш феномен немедленно — куй железо, пока горячо. В противном случае сенсация скончается, не получив дальнейшего развития, и не принесет нам никакой пользы.

— Я благодарен за спасение, хоть вы и не руководствовались одним альтруизмом,— сказал Блейн,— и готов оказать всяческое содействие.

— Спасибо, мистер Блейн,— облегченно вздохнул Эд.— И пока не задавайте, пожалуйста, никаких вопросов. По мере развития событий вы все поймете. Мисс Торн, беритесь за дело.

— Спасибо, Эд,— ответила Мэри Торн.— Теперь хочу сообщить вам, что мы получили предварительное согласие мистера Рейли, так что продолжим в соответствии с планом. Билли, придумай что-нибудь для утренних газет. Ну, скажем, «Человек из прошлого».

— Это уже было.

— Ну и что? Ведь это всегда новость, не так ли?

— Пожалуй, можно воспользоваться этим заголовком еще раз. Итак, человека выхватили из разбившегося автомобиля в 1988 году...

— Извините, в 1958-м,— поправил Блейн.

— Ладно, в 1958-м... спустя мгновение после смерти и переместили в другое тело. Краткие сведения о том, кому принадлежало тело. Затем мы сообщим, что энергетические системы «Рекс» осуществили трансплантацию через сто пятьдесят два года, сообщаем, сколько эргов энергии было сожжено для достижения этого успеха — или что там мы сожгли? Правильность технических терминов я проверю у кого-нибудь из инженеров. Ну как, годится?

— Не забудь сказать, что такое не под силу никакой другой энергетической системе,— заметил Джо.— И упомяни о новой калибровочной системе, сделавшей это возможным.

— Пресса не сможет использовать всю эту информацию.

— А вдруг сможет? — сказала Мэри Торн.— Теперь с вами, миссис Вэнесс. Нам понадобится очерк о том, что испытывал Блейн, когда энергетические системы «Рекс» спасли его от смерти. Постарайтесь дать побольше эмоций. Опишите его первые ощущения в удивительном мире будущего. Объем — примерно пять тысяч слов. О размещении очерка мы позаботимся.

Седая миссис Вэнесс кивнула.

— Понятно. Я могу приступить к интервью прямо сейчас?

— Нет времени,— покачала головой девушка.— Сочините сами. Напишите о его волнении, испуге, изумлении, восхищении новым миром, всеми переменами, происшедшими за эти годы. Стремительный прогресс науки. Хочет побывать на Марсе. Не одобряет новые моды. Считает, что в его время люди чувствовали себя более счастливыми, когда было не так много техники и больше свободного времени. Блейн согласится. Верно, Блейн?

Блейн ошеломленно кивнул.

— Превосходно. Вчера вечером мы записали его спонтанные реакции. Майк, ты с ребятами смонтируй пятнадцатиминутную кассету для продажи в местных магазинах. Пусть это станет настоящей мечтой коллекционера. Начни, однако, с короткого солидного объяснения, каким образом «Рекс корпорейшн» осуществила такую трансплантацию.

— Понятно.

— Отлично. Вы, мистер Брайс, подготовьте несколько солидопрограмм с мистером Блейном. Пусть он расскажет о своих впечатлениях о нашем веке, как он чувствует себя здесь — и чем отличается его время от двадцать второго века. Не забудьте упомянуть о корпорации.

— Но я совершенно ничего не знаю о двадцать втором веке! — запротестовал Блейн.

— Узнаете,— заверила его Мэри Торн.— Ну что ж, мне кажется, для начала хватит. А теперь за работу. Я сообщу мистеру Рейли, что мы пока запланировали.

Посетители направились к выходу, а девушка повернулась к Блейну.

— Вам может показаться, что с вами обращались без должного уважения. Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес, независимо от того, в каком веке вы находитесь. Завтра вы станете знаменитым и, может быть, богатым человеком. Думаю, что при создавшихся обстоятельствах у вас нет оснований жаловаться.

Она повернулась и пошла к двери. Блейн наблюдал за удаляющейся стройной фигурой, полной такой самоуверенности. Интересно, подумал он, чем карается в этом веке пощечина женщине?

Глава 4

Медсестра принесла на подносе завтрак. Зашел бородатый врач, осмотрел Блейна и признал совершенно здоровым. Нет никаких следов депрессии, часто сопровождающей перенос человеческой души в другое тело, заявил он, и травма, возникающая в результате смерти, вне сомнения, крайне преувеличена. Так что, заключил он, Блейн может встать и походить по палате.

Ему принесли одежду — голубую рубашку, коричневые брюки и мягкие тупоносые туфли. Медсестра заверила Блейна, что одежда самая обыкновенная.

Блейн с аппетитом позавтракал. Встав из-за стола, он прежде всего осмотрел свое новое тело в высоком зеркале ванной. Только сейчас он смог всесторонне оценить его.

Прежнее тело Блейна было высоким и худощавым, с гладкими черными волосами и добродушным мальчишеским лицом. За тридцать два года он привык к этому стройному ловкому телу, к его быстрым движениям. Блейн примирился с определенными недостатками телосложения, периодическими болезнями и даже возвел их в ранг достоинств, уникальных качеств личности, живущей внут-

ри этой оболочки. По его мнению, недостатки тела выражали сущность находящейся в нем личности более ярко, чем достоинства.

Короче говоря, прежнее тело нравилось Блейну, тогда как новое потрясло его.

Оно было чуть ниже среднего роста, с могучими мышцами, выпуклой грудью и широкими плечами. Ноги были коротковаты для геркулесовского торса, из-за чего тело казалось непропорциональным. Ладони были большими и мозолистыми. Блейн сжал пальцы в кулак и с уважением посмотрел на него. Такой кулак может одним ударом свалить быка... если удастся найти его.

Лицо было прямоугольное и наглое, с выдающейся челюстью, широкими скулами и римским носом. Волосы светлые и кудрявые, а глаза голубые со стальным отливом. Это было красивое, хотя и несколько грубое лицо.

— Не нравится мне,— с чувством сказал Блейн.— И ненавижу светлые кудрявые волосы.

Его новое тело так и дышало огромной физической силой, но Блейн всегда презирал грубую силу. Оно казалось неуклюжим, каким-то неловким, им трудно было управлять. Такие люди постоянно натыкаются на стулья, наступают на ноги посторонним, слишком сильно пожимают руки, громко говорят и обильно потеют. На его новом теле одежда будет сидеть мешком и мешать движениям. Ему придется непрерывно тренировать это тело и, может быть, даже сесть на диету — судя по всему, оно склонно к полноте.

«Физическая сила — это хорошо,— сказал себе Блейн,— если она нужна для чего-то. В противном случае от нее одни неприятности и никакой пользы, как от недоразвитых крыльев у дронта».

Итак, тело было неважным. Однако с лицом дело обстояло еще хуже. Блейну никогда не нравились сильные, грубые, словно высеченные из камня лица. Такие лица хороши для шахтеров, армейских сержантов, исследователей джунглей etc. Но подобное лицо никак не подходило человеку, привыкшему вращаться в культурном

обществе. Оно не способно выражать утонченные эмоции. Все нюансы, деликатные выражения, гримасы и улыбки, игра света и теней — все исчезает на таком лице. Оно способно лишь ухмыляться или хмуриться, отражая только первобытные чувства.

Он попытался улыбнуться мальчишеской улыбкой, глядя в зеркало. В ответ Блейн увидел ухмылку сатира.

— Меня обманули,— с горечью произнес он.

Блейну стало ясно, что качества его ума и полученного им тела противоположны. Их сосуществование казалось невозможным. Разумеется, его личность может оказать воздействие на тело; с другой стороны, и тело способно влиять на сознание.

— Ладно,— сказал Блейн своему новому мощному телу,— посмотрим, кто кого.

На левом плече он увидел длинный извилистый шрам. Интересно, где бывший хозяин тела получил такую ужасную рану? И тут же возник другой вопрос: где сейчас прежний владелец? Вдруг он затаился где-то в сознании и ждет удобного момента, чтобы снова овладеть телом?

Впрочем, подобные размышления были бесполезны. Позднее, может быть, это станет ясным. Блейн в последний раз посмотрел в зеркало. Отражение ему не понравилось, и он подумал, что никогда к нему не привыкнет.

— Ну что ж,— произнес он вслух,— бери что дают. Мертвецам не приходится выбирать.

Больше сказать было нечего. Блейн отвернулся от зеркала и начал одеваться.

Во второй половине дня в палату вошла Мэри Торн.

— Все кончено,— выпалила она без всяких предисловий.

— Кончено?

— Да. Кончено. Кампания отменяется.— Девушка бросила на Блейна взгляд, полный горечи, и принялась расхаживать по белой больничной палате.— Он распорядился прекратить всю рекламу, связанную с вами.

Блейн пристально взглянул на нее. Новость была интересной, без сомнения; однако еще интересней были признаки эмоций, появившиеся на лице Мэри Торн. Раньше она казалась такой деловитой, держала себя под железным контролем; теперь у нее на щеках появился румянец, и губки искривились в недовольной гримасе.

— Я занималась этой идеей целых два года,— продолжала она.— Компания потратила я уж не знаю сколько миллионов, чтобы перенести вас в будущее. Все уже было на мази — и вдруг этот чертов старик приказывает все отменить.

Она прелестна, подумал Блейн, однако не получает никакого удовольствия от своей красоты. Для нее красота — всего лишь ценное деловое качество, вроде хорошего воспитания или способности поглощать алкоголь не пьянея; она пользуется красотой, когда это вызвано необходимостью — и уж тогда на всю катушку. К девушке тянулось слишком много рук, решил он, и Мэри Торн оттолкнула их. А когда жадные похотливые руки продолжали тянуться к ней, она испытала презрение, затем равнодушие и наконец ненависть к самой себе. Все это немного фантастично, думал Блейн, но будем придерживаться этой точки зрения, пока не появятся иные доказательства.

— Глупый старик,— пробормотала Мэри Торн.

— Какой старик?

— Да Рейли, наш гениальный президент.

— Он решил отказаться от рекламной кампании?

— Он не просто отказался. Потребовал, чтобы ее полностью прекратили, даже не начинали. Боже мой, целых два года псу под хвост!

— Но почему? — недоуменно спросил Блейн.

Мэри Торн устало покачала головой.

— По двум причинам — и обе глупые. Во-первых, юридические трудности. Я сказала ему, что вы подписали документ, в котором освобождаете «Рекс корпорейшн» от всякой ответственности, да и наши юристы решили все остальные проблемы. Однако он все-таки боится.

Приближается время его переселения в другое тело, и он не хочет, чтобы со стороны правительства последовали какие-то юридические возражения. Представляете себе? Перепуганный старик вершит дела «Рекса»! Во-вторых, он поговорил со своим глупым, выжившим от старости из ума дедом, и тот посоветовал ему не рисковать. Это оказалось решающим доводом. Подумать только, целых два года работы!

— Одну минуту,— спросил Блейн.— Вы упомянули о его переселении в другое тело?

— Да. Рейли решился на такой шаг. Лично я считаю, что с его стороны было бы куда умнее просто умереть и поставить на этом точку.

Такое заявление звучало жестоко, но в голосе Мэри Торн не было жестокости. Словно она говорила о самом обычном факте.

— По вашему мнению, было бы лучше, если бы он просто умер, вместо того чтобы попытаться переселиться в другое тело? — спросил Блейн.

— Да, конечно. Ах да, я совсем забыла, ведь вам ничего не рассказывали об этом. Вот если бы он принял решение раньше! Этот его старый дедушка, совсем выживший из ума, взялся теперь докучать своими советами...

— А почему Рейли не посоветовался с дедушкой раньше?

— Рейли пробовал. Но тот отказывался говорить.

— Понятно. Сколько лет его дедушке?

— Он умер, когда ему был восемьдесят один год.

— Что?!

— Да, это случилось примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он наотрез отказывается разговаривать. Очень жаль, потому что уж он-то хорошо разбирался в делах «Рекс корпорейшн» и обладал превосходным здравым смыслом. Что вы уставились на меня, Блейн? Ах да, я совсем забыла, что вы не знакомы с обстановкой. Все очень просто.

Она на мгновение задумалась, затем выразительно кивнула и направилась к двери.

— Куда вы? — спросил Блейн.

— Хочу сказать Рейли, что я о нем думаю! Он не имеет права так со мной поступать! Он обещал...— Тут она взяла себя в руки.— Что касается вас, Блейн, вы нам больше не нужны. У вас неплохое тело, вы остались живы, так что можете уйти отсюда, как только пожелаете.

— Спасибо,— пробормотал Блейн, когда девушка выходила из палаты.

Одетый в коричневые брюки и голубую рубашку, Блейн вышел из палаты и пошел по длинному коридору к выходу. У дверей стоял охранник в форменной одежде.

— Извините меня,— сказал Блейн,— это дверь на улицу?

— А?

— Я смогу выйти через эту дверь из здания «Рекс корпорейшн»?

— Да, конечно. Выйдете из здания и окажетесь на улице.

— Спасибо.

Блейн заколебался. Он пожалел, что не дождался инструктажа, который ему обещали, но так и не провели. Ему хотелось спросить охранника, что представляет собой современный Нью-Йорк, каковы нынешние правила и обычаи, куда ему следует пойти и чего избегать. Однако охранник, по-видимому, ничего не слышал о Человеке из Прошлого. Он удивленно смотрел на Блейна.

Блейну не хотелось оказаться в Нью-Йорке 2110 года вот так, без денег и друзей, не имея ни малейшего представления о жизни в этом городе, без работы, не зная, где остановиться, и к тому же в этом неудобном теле. Но у него не было иного выхода. В конце концов гордость победила. Уж лучше окунуться в жизнь незнакомого города, полагаясь только на себя, чем просить помощи у этой фарфоровой мисс Торн или у других сотрудников корпорации.

— Мне нужен пропуск, чтобы выйти отсюда? — спросил он у охранника с надеждой.

— Нет. Пропуск требуется только для входа.— Охранник посмотрел на Блейна с нескрываемым подозрением.— Послушай, приятель, что с тобой?

— Ничего,— ответил Блейн.

Он открыл дверь, все еще не веря, что его выпускают на свободу с такой легкостью. С другой стороны, почему бы и нет? Он находится в мире, где люди разговаривают со своими давно умершими дедушками, где существуют космические корабли и потусторонняя жизнь, где могут легко выхватить человека из прошлого всего лишь ради рекламы, а затем с не меньшей легкостью бросить его на произвол судьбы.

Дверь закрылась за спиной Блейна. Позади возвышалась серая громада «Рекс корпорейшн». Перед ним лежал Нью-Йорк.

Глава 5

На первый взгляд Нью-Йорк двадцать второго века походил на сюрреалистический Багдад. Блейн увидел какие-то приземистые дворцы со стенами, покрытыми белыми и синими плитками, стройные красные минареты, здания странной формы со ступенчатыми китайскими крышами и куполами в виде луковиц со шпилями. Казалось, город переживает увлечение восточной архитектурой. Блейну с трудом верилось, что он в Нью-Йорке. Больше походит на Бомбей, или на Москву, или хотя бы на Лос-Анджелес, но никак не на Нью-Йорк. С чувством облегчения он обнаружил небоскребы, такие простые и четкие на фоне азиатских зданий. Они казались единственным напоминанием о Нью-Йорке, который был так ему знаком.

Улицы были заполнены миниатюрными машинами. Блейн видел мотоциклы и мотороллеры, автомобили размером не больше «Порше», грузовики с «Бьюик», не больше. «Неужели таким образом здесь пытаются решить проблему загрязнения атмосферы и переполненных машинами улиц? — подумал он.— Если так, то это не помогло».

Основная часть транспорта проносилась над головой. Винтокрылые и реактивные машины, воздушные грузовики, одноместные авиетки, гелитакси и воздушные

автобусы с надписями «Космопорт — второй уровень» или «Экспресс в Монтаук». Сверкающие точки обозначали вертикальные и горизонтальные полосы, где машины скользили, поворачивали, поднимались и опускались. Яркие красные, зеленые, желтые и голубые огни, казалось, регулировали поток машин. Несомненно, движение подчинялось правилам, однако неискушенному глазу Блейна оно казалось полным хаосом.

В пятидесяти футах над головой находился еще один уровень с магазинами. Как туда люди поднимаются? И вообще, как можно жить и не сойти с ума в этом шумном, сверкающем огнями, переполненном жителями городе? Плотность населения была поразительной. Блейну казалось, что он тонет в человеческом море. Сколько же людей живет в этом гигантском супергороде? Пятнадцать миллионов? Двадцать? По сравнению с ним Нью-Йорк 1958 года казался деревней.

Пришлось остановиться, чтобы разобраться в первых впечатлениях. Однако тротуары были переполнены, и, едва Блейн замедлил шаг, его стали толкать и ругать. Он оглянулся по сторонам, но не увидел ни парков, ни скамеек для отдыха.

Он заметил какую-то длинную очередь и пристроился. Очередь медленно двигалась вперед. Блейн двигался вместе со всеми. В висках у него стучало, и он никак не мог отдышаться.

Через несколько минут он взял себя в руки. Теперь он проникся уважением к своему сильному, большому телу. Может быть, именно человеку из прошлого и необходима такая телесная оболочка, чтобы смотреть на окружающий мир спокойно и невозмутимо. Крепкая нервная система обладает определенными преимуществами.

Очередь молча двигалась вперед. Блейн заметил, что стоящие в ней мужчины и женщины были плохо одеты, неопрятны, бледны и выглядели бедняками. На всех виднелась общая печать какого-то отчаяния.

Может быть, это очередь за бесплатным питанием?

Он коснулся плеча мужчины, стоявшего впереди.

— Извините,— сказал он.— Что это за очередь?

Мужчина обернулся и посмотрел на Блейна красными воспаленными глазами.

— В кабины для самоубийц,— ответил он, подбородком указав туда, где начиналась очередь.

Блейн поблагодарил и быстро отошел в сторону. Какое неудачное начало его первого дня в мире будущего! Кабины для самоубийц! Он никогда не войдет туда добровольно, в этом Блейн не сомневался. Уж наверняка до этого не дойдет.

Но что это за мир, где существуют кабины для самоубийц? К тому же, судя по внешнему виду стремящихся в них, бесплатные... Да, придется быть поосторожнее с бесплатными дарами этого нового мира.

Блейн пошел дальше, с любопытством глядя по сторонам и постепенно привыкая к пестрому, шумному городу, наполненному каким-то лихорадочным возбуждением. Он подошел к гигантскому зданию, напоминающему готический замок, с зубчатых стен которого свисали вымпелы, развевающиеся на ветру. На самой высокой башне горел ослепительный зеленый прожектор, ясно видимый в лучах заходящего солнца.

Здание казалось примечательным сооружением и производило впечатление. Блейн смотрел на него, не отрывая глаз, и тут заметил мужчину, который стоял, прислонившись к стене, и курил тонкую сигару. Это был, по-видимому, единственный человек в Нью-Йорке, который никуда не спешил. Блейн подошел к нему.

— Извините, сэр,— сказал он,— что это за здание?

— Это,— ответил мужчина,— штаб-квартира компании «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед».

Он был высокий, очень худой, с длинным грустным лицом, загорелым и обветренным. Глаза прищурены, взгляд прямой и проницательный. Одежда висела на нем мешком, словно он больше привык к потертым джинсам, а не к брюкам, сшитым на заказ. Блейн решил, что он уроженец Запада.

— Впечатляет,— заметил Блейн, разглядывая готический замок.

— Безвкусица,— возразил мужчина.— Вы нездешний?

Блейн кивнул.

— Я тоже. Однако если уж быть откровенным, незнакомец, мне казалось, что о штаб-квартире «Потусторонней жизни» знают все жители Земли и всех планет. Вы не будете возражать, если я спрошу, откуда вы приехали?

— Отчего же...— замялся Блейн.

Нужно ли признаваться, что он человек из прошлого? Пожалуй, не стоит быть столь откровенным с незнакомым человеком. Вдруг он позовет полицейского? Лучше уж сказать, что он издалека.

— Видите ли,— произнес Блейн,— я приехал из Бразилии.

— Вот как?

— Да. У нас каучуковые плантации в верховьях Амазонки. Моя семья переехала туда, когда я был еще ребенком. Отец недавно умер, и я решил побывать в Нью-Йорке.

— Говорят, в ваших краях сохранилась почти нетронутая природа,— заметил мужчина.

Блейн кивнул и с облегчением вздохнул: наспех придуманная история не вызвала вопросов. Впрочем, для этого века такая история может быть и не столь уж удивительна. Как бы то ни было, он придумал себе место жительства.

— А я вот из штата Аризона. Мексикэн-Хэт, слышали? Зовут меня Орк, Карл Орк. А ваше имя? Блейн? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете, я приехал сюда, чтобы взглянуть на этот самый Нью-Йорк и узнать, почему его жители так хвастаются своим городом. Действительно, здесь довольно интересно, вот только местные жители слишком уж шумят и суетятся,— если вы понимаете, что я имею в виду. Не скажу, что у нас дома живут одни деревенские увальни, но эти ребята носятся как наскипидаренные!

— Я тоже так считаю,— согласился Блейн.

В течение нескольких минут они обсуждали непонятные, истерические и даже безумные привычки жителей Нью-Йорка, сравнивали их жизнь с размеренной и спокойной жизнью сельских жителей Мексикэн-Хэт и верховьев Амазонки. Наконец оба пришли к выводу, что здесь просто не умеют жить.

— Блейн,— сказал Орк,— я так рад нашей встрече. Что, если пойти и пропустить по стаканчику?

— Отличная мысль,— согласился Блейн.

С помощью Карла Орка он сумеет найти выход из затруднительного положения. Может быть, ему даже удастся устроиться на работу в Мексикэн-Хэт. Он объяснит, что, долго живя в бразильской глуши и потеряв память, он совершенно оторвался от современной жизни.

И тут он вспомнил, что у него нет денег.

Блейн начал сбивчиво объяснять, что забыл бумажник в отеле, но Орк прервал его.

— Слушай, Блейн,— произнес Орк, пристально глядя ему в лицо голубыми глазами,— я хочу тебе кое-что сказать. Такой истории мало кто поверит. Однако я считаю, что умею разбираться в людях, и почти всегда оказываюсь прав. Меня нельзя назвать бедным человеком, так что ты не будешь возражать, если за сегодняшний вечер буду платить я?

— Понимаешь,— нерешительно начал Блейн,— я не могу...

— Ни слова больше,— решительно произнес Орк.— Если так настаиваешь, завтра будешь платить ты. А теперь давай займемся изучением ночной жизни этого старого безумного городка.

Пожалуй, решил Блейн, трудно найти лучший способ знакомства с будущим. В конце концов, то, как развлекаются люди, красноречиво говорит об их образе жизни. Увлеченные играми и спиртным, они демонстрируют свое отношение к окружающей среде, вопросам жизни, смерти, судьбы и свободного волеизъявления. Что может быть колоритнее цирка как символа Древнего Рима? Что лучше охарактеризует американский Запад, чем родео? В Испа-

нии свои бои быков, а в Норвегии свои прыжки на лыжах с трамплина. Какой спорт или вид отдыха лучше всего характеризует Нью-Йорк 2110 года? Скоро он узнает это. И разумеется, испытать это на собственном опыте, погрузившись в глубину жизни, куда лучше, чем прочесть об этом в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли, и намного интереснее.

— Начнем, пожалуй, с Марсианского квартала,— предложил Орк.

— В путь! — с воодушевлением ответил Блейн, довольный, что ему удастся совместить удовольствие с суровой необходимостью.

Орк повел его сквозь лабиринт улиц, переходов и переулков, расположенных на разных уровнях, по подземным галереям и надземным виадукам. Они шли пешком, поднимались и опускались в лифтах, ехали в метро и летели на гелитакси. Сложное переплетение улиц и уровней не произвело особого впечатления на худощавого уроженца Аризоны. Феникс, сказал он, выглядит похоже, хоть и уступает Нью-Йорку по масштабам.

Они вошли в маленький ресторан, именовавшийся «Красным Марсом», в меню которого — как гласила реклама — были блюда подлинной южномарсианской кухни. Орку довелось пробовать марсианскую кухню у себя в Фениксе, а вот Блейн признался, что не имеет о ней ни малейшего представления.

— Тебе понравится,— заверил его Орк,— хотя сытым от марсианской пищи не будешь. Потом закажем где-нибудь по бифштексу.

Поданное меню было написано по-марсиански, перевод на английский отсутствовал. Блейн рискнул и заказал набор блюд номер один. Орк последовал его примеру. Им принесли тарелки со странной мешаниной из мелко нарезанных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не выронил вилку от удивления.

— Да ведь это ничем не отличается от китайских блюд!

— Конечно,— согласился Орк.— Китайцы первыми высадились на Марсе, по-моему, в девяносто седьмом году.

Поэтому все, что они там едят, называется марсианской пищей. Понятно?

— Да,— кивнул Блейн.

— К тому же это блюдо приготовлено из настоящих марсианских овощей, а также растений и специй, подвергшихся мутации. По крайней мере, так говорится в рекламе.

Блейн не знал, радоваться или огорчаться. Однако с аппетитом съел «с'кио-Оурхэр», напоминавший рагу из креветок с лапшой, и «тррдхат» — рулет из яичного теста с тушеными овощами.

— Почему у блюд такие странные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт «хгтсхрт».

— Господи, приятель, ты действительно приехал из медвежьего угла! — засмеялся Орк.— Эти китайцы, поселившиеся на Марсе, решили полностью акклиматизироваться. Они расшифровали марсианские надписи на скалах и тому подобное и начали говорить по-марсиански — с заметным кантонским акцентом, по-моему, но никто не обратил на это внимания. Они говорят по-марсиански. Попробуй только назвать одного из них китайцем — он тут же врежет тебе за оскорбление. Он — марсианин, приятель!

Принесли «хгтсхрт», оказавшийся миндальным пирожным.

Орк расплатился по счету. Выходя из ресторана, Блейн спросил:

— А сколько здесь марсианских прачечных?

— Тьма-тьмущая. Страна переполнена ими.

— Я так и думал,— удовлетворенно кивнул Блейн, с уважением подумав о марсианских китайцах и их верности старым традициям.

Они остановили гелитакси, которое доставило их в «Гринз Клаб» — заведение, которое приятели Орка в Фениксе настоятельно рекомендовали посетить. Этот маленький дорогой клуб с интимной атмосферой славился во всем мире, и побывать в нем надлежало каждому гос-

тю Нью-Йорка. «Гринз Клаб» являлся уникальным заведением: только здесь посетители могли насладиться зрелищем развлекательного шоу, участниками которого были растения.

Блейна и Орка посадили на маленьком балконе, рядом с центральной частью зала, огороженной стеклянной стеной. Столики, за которыми сидели посетители, размещались вокруг зала на трех уровнях. За стеклянным ограждением, ярко освещенным прожекторами, виднелось несколько квадратных ярдов джунглей, растущих в питательном растворе. Искусственный ветерок шевелил листья растений, расположенных вплотную друг к другу, самых разных цветов, размеров и форм.

Блейну никогда не приходилось видеть, чтобы растения так вели себя. Они росли с фантастической быстротой, из крошечных семян и маленьких корешков превращались в огромные кусты, деревья, покрытые грубой корой, приземистые папоротники, гигантские цветы; все это покрывали зеленые грибки и пятнистые лианы. Растения стремительно развивались, быстро завершали свой жизненный цикл и гибли, успев оставить семена, из которых снова начинали развиваться растения. Однако ни один вид не повторял своих предшественников. Из семян и перезревших плодов вырастали мутанты, меняющиеся и приспосабливающиеся к окружающей среде, борющиеся за место для корней в питательном растворе внизу и воздушном пространстве вверху, стремящиеся к сияющему искусственному солнцу. Потерпевшие поражение в борьбе тут же превращались в растения-паразиты, обвивали и душили деревья, и тут обнаруживалось, что на них тоже начинают паразитировать какие-то новые растения. Иногда то или иное растение, проявив непобедимое честолюбие, одерживало верх над всеми, преодолевало препятствия, душило противников и завоевывало жизненное пространство. Но прямо из него начинали расти новые виды, покоряли его, валили наземь и вели борьбу на побежденном трупе. Временами на джунгли нападала эпидемия какой-

то плесени, уничтожавшей все живое в торжестве своей победы. Но и тут сразу возникали дерзкие растения, пускающие корни в слое плесени и гниющих останков, и борьба возобновлялась. Растения все время менялись, становились то больше, то меньше, превосходили самих себя в борьбе за существование. Однако ни смелость, ни хитрость, ни способность приспосабливаться не приводили к окончательному успеху. Ни одно растение не могло одержать победу и неизменно погибало.

Зрелище встревожило Блейна. Неужели это фаталистическое, хоть и пышное зрелище олицетворяет собой суть двадцать второго века? Он взглянул на Орка.

— Это действительно впечатляет,— произнес Орк.— Подумать только, что проделывают в нью-йоркских лабораториях с быстрорастущими мутантами! Все это причудливое шоу, конечно. Они всего лишь ускоряют рост, создают ситуацию, препятствующую выживанию, облучают растения жесткой радиацией и предоставляют возможность бороться за существование. Говорят, эти растения растрачивают свой растительный потенциал меньше чем за двадцать часов, после чего их приходится заменять.

— Так вот к чему все это приводит,— заметил Блейн, наблюдая за мучающимися, но не теряющими оптимизма джунглями.— К постоянной замене.

— Разумеется,— подтвердил Орк, избегая философских рассуждений.— Хозяева клуба могут позволить себе это, принимая во внимание здешние цены. И все-таки это ненормально. Давай-ка я лучше расскажу тебе о песчаных растениях в Аризоне.

Блейн пил виски и следил, как растут, умирают и обновляются джунгли. Одновременно он слышал голос Орка:

— ...Прямо на раскаленной поверхности пустыни. Уверяю тебя. Наконец, нам удалось акклиматизировать фруктовые деревья и овощи к суровым условиям пустыни без увеличения водоснабжения, причем при таких затратах, что позволяют нам конкурировать с плодородными рай-

онами страны. Уверяю тебя, приятель, через пятьдесят лет само понятие «плодородие» изменится. Возьми Марс, например...

Они вышли из клуба и пошли к Таймс-сквер, заходя по дороге в бары. У Орка начало двоиться в глазах, но он уверенным голосом продолжал рассказывать об утраченном марсианском секрете выращивания растений на голом песке. «Придет день,— обещал он Блейну,— и мы узнаем, как им это удавалось без питательных растворов и фиксации влаги».

Блейн выпил так много, что его прежнее тело уже дважды потеряло бы сознание. Однако новое тело было в состоянии потреблять, казалось, неограниченное количество виски. Это было приятно — иметь тело, способное поглощать виски и не пьянеть. Нет, поспешно решил он, такое сомнительное достоинство не является достаточной компенсацией многих недостатков нынешнего тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-й улице. Когда им подали заказанные коктейли, к ним подошел мужчина маленького роста в плаще и с бегающими глазками.

— Здорово, ребята,— произнес он нерешительно.

— Тебе чего, парень? — спросил Орк.

— Не хотите развлечься, ребята?

— Было бы неплохо,— ответил Орк, широко улыбаясь.— Вот только мы сами найдем, где развлечься, так что не утруждай себя.

На лице маленького мужчины появилась хитрая улыбка.

— То, что предлагаю я, вам не найти.

— Ну говори, малыш,— ободрил его Орк.— Что ты хочешь нам предложить?

— Видите ли, ребята, я могу... Черт! Копы!

Двое полицейских в синих мундирах вошли в бар, посмотрели по сторонам и вышли.

— Выкладывай,— сказал Блейн.— Что там у тебя?

— Зовите меня Джо,— произнес мужчина с заискивающей улыбкой.— Я ищу клиентов для игры в трансплант,

ребята. Это самая лучшая и самая увлекательная игра в городе!

— Что это за трансплант, черт возьми? — с недоумением спросил Блейн.

Орк и Джо с удивлением уставились на него.

— Ну, дружище, не прими мои слова за оскорбление, но ты, по-видимому, действительно из какого-то медвежьего угла. Ты не слышал о трансплантe? Провалиться мне на месте!

— Ну хорошо, я — неграмотная деревенщина,— проворчал Блейн, агрессивно приблизив свирепое, грубое, словно высеченное из гранита лицо к физиономии Джо.— Что такое трансплант?

— Не так громко, пожалуйста! — прошептал Джо, отодвигаясь от Блейна.— Успокойся, фермер, сейчас я все объясню. Трансплант — это новая игра, при которой участники меняются телами. Может быть, ты устал от жизни? Думаешь, что испытал все удовольствия? Не торопись с выводами, пока не попробовал трансплант. Видишь ли, фермер, знающие люди утверждают, что обычный секс — это слишком скучно. Пойми меня правильно, он хорош для птичек, пчелок, зверей и прочих существ, у которых мало воображения. Он все еще волнует их простые звериные сердца, и можем ли мы винить их в этом? Да и для размножения секс остается главным и лучшим средством. Но если хочешь получить настоящее удовольствие, попробуй трансплант. Трансплант — игра демократическая, ребята. Она дает вам возможность переселиться в тело кого-то другого и испытать его ощущения. Она даже поучительна и продолжается там, где заканчивается секс. Тебе хотелось когда-нибудь побывать на месте темпераментного латинянина и испытать его чувства, приятель? Трансплант предоставляет такую возможность. Тебе не приходило в голову, что испытывает настоящий садист? Опять же обратись к трансплантy. И ты сумеешь испытать еще очень много разных ощущений, очень много! Например, зачем всю жизнь оставаться мужчиной? Ты уже сумел доказать свою мужественность, зачем еще

понапрасну стараться? Разве не интересно некоторое время побыть женщиной, а? С помощью трансплантa можно пережить потрясающе приятные моменты в жизни наших специально подобранных очаровательных девочек.

— Подглядывать за другими — извращение,— заметил Блейн.

— Слышал я все эти ученые слова,— отозвался Джо,— они только вводят в заблуждение. Здесь нет никакого подглядывания. При трансплантe ты не смотришь, нет, ты сам находишься внутри того тела, которое выбрал, ощущаешь движение мускулов, трепет нервов, все его восхитительные эмоции. Представь себе, фермер, что ты превратился в тигра и гонишься за тигрицей в период спаривания, а? У нас есть тигр, и тигрица тоже. Неужели тебе никогда не хотелось испытать ощущения садиста, мазохиста, некрофила, фетишиста и других? Трансплант поможет тебе. Наш каталог тел, в которых можно оказаться, разнообразнее энциклопедии. Приняв участие в трансплантe, ребята, вы не прогадаете, а цены до смешного низкие...

— Пошел вон! — рявкнул Блейн.

— Не понимаю, приятель.

Огромная рука Блейна схватила Джо за лацканы плаща. Он легко оторвал его от земли и уставился ему в глаза разъяренным взглядом.

— Убирайся отсюда со своими извращениями, ублюдок,— прошипел Блейн.— Такие, как ты, соблазняли людей разными пороками со времен Вавилона, но парней вроде меня этим не собьешь с толку. Выметайся отсюда, пока я не свернул тебе шею — чтобы испытать ощущения садиста.

Блейн опустил его на пол. Джо поправил плащ и нервно улыбнулся.

— Не обижайся, приятель, я ухожу. Сегодня у меня не слишком удачный день, однако все может перемениться, верно? Трансплант — это твое будущее, фермер. Стоит ли противиться этому?

Блейн шагнул вперед, но Орк удержал его. Маленький мужчина поспешил скрыться.

— Не стоит связываться,— сказал Орк.— Можешь попасть в полицию. Мы живем в печальном, развращенном и грязном мире, дружище. Лучше выпей.

Блейн залпом проглотил свое виски, все еще кипя от ярости. Трансплант! Если это самое популярное развлечение 2110 года, то оно ему даром не нужно. Орк прав: это печальный, развращенный и грязный мир. Даже у виски какой-то странный привкус...

Он схватился за стойку бара, чтобы не упасть. Действительно, у виски очень странный вкус. Что это с ним? У него кружится голова...

Блейн почувствовал руку Орка у себя на плечах.

— Ну-ну, мой старый приятель слегка перебрал,— услышал он его голос.— Я сейчас отведу его в отель.

Но ведь Орк не знал, куда его вести. У Блейна не было отеля. Выходит, Орк, этот разговорчивый парень с открытым взглядом, что-то подсыпал ему в стакан, пока он разговаривал с Джо. Но зачем? Чтобы пошарить по карманам? Вряд ли, ведь Орк знал, что у Блейна нет денег.

Он попытался стряхнуть руку, стискивающую его плечи железной хваткой.

— Не беспокойся, старина,— сказал Орк,— я позабочусь о тебе.

Стены бара начали медленно вращаться вокруг Блейна. Внезапно ему пришло в голову, что ему придется многое узнать об этом 2110 годе с помощью сомнительного метода непосредственного участия. Даже слишком многое, подумал он запоздало. Может быть, все-таки лучше было бы ознакомиться с двадцать вторым веком в какой-нибудь библиотеке, чихая от книжной пыли.

Все вокруг вращалось все быстрее и быстрее. Блейн потерял сознание.

Глава 6

Он пришел в себя в маленькой, тускло освещенной комнате без окон, дверей и какой-либо мебели, лишь в углу потолка виднелось вентиляционное отверстие, за-

крытое решеткой. Потолок и стены были покрыты мягкой обивкой, которую давно не чистили. От нее дурно пахло.

Блейн попытался сесть, и словно две раскаленные иглы тут же пронзили его глаза. Он снова лег.

— Не спеши,— послышался чей-то голос.— Расслабься. После такого снотворного не сразу приходишь в себя.

Он был не один в этой комнате с обитыми стенами. В углу сидел мужчина и наблюдал за ним. На нем были одни трусы. Блейн посмотрел на себя и увидел, что одет точно так же.

Он медленно сел и привалился спиной к стене. На мгновение ему показалось, что голова треснет от боли. Затем, когда в мозг впились раскаленные иглы, он испугался, что этого не произойдет.

— Где я? — спросил он.

— Мы с тобой достигли конца жизненного пути,— благодушно ответил мужчина.— Тебя упаковали и доставили сюда так же, как и меня. Теперь осталось одно — обвязать ленточкой и приклеить этикетку.

Блейн не мог понять, о чем говорит мужчина. У него не было ни малейшего желания расшифровывать сленг 2110 года. Обхватив руками голову, он сказал:

— У меня нет денег. Зачем им понадобилось похищать меня?

— Брось,— заметил мужчина.— Неужели не понимаешь? Им нужно твое тело, приятель!

— Мое тело?

— Вот именно. Твое тело. Для пересадки сознания.

«Тело для пересадки,— подумал Блейн,— вроде того, в котором я сейчас нахожусь. Все ясно. Когда думаешь об этом, все становится очевидным. В этом веке необходим запас тел для самых разных целей. Но где их найти? Ведь человеческие тела не растут на деревьях, их не достать из-под земли. Их можно только отнять у других людей. Однако большинство людей не согласны продавать свои тела; жизнь без них теряет смысл. Итак, каким же образом пополнять запас? Да очень просто. Найти рото-

зея, подсыпать ему снотворное в стакан, спрятать его, извлечь сознание — и получай его тело».

Складывалась интересная цепочка логических заключений, но продолжать ее Блейну оказалось не под силу. Судя по всему, его голова решила все-таки треснуть.

Когда головная боль стихла, Блейн сел и увидел перед собой бутерброд на бумажной тарелочке и чашку с каким-то темным напитком.

— Ешь, ешь, не бойся,— послышался голос мужчины,— о нас хорошо заботятся. Говорят, цена тела на черном рынке уже почти четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Что с тобой, приятель? Проснись! Неужели не знаешь, что существует черный рынок тел, такой же, как открытый?

Блейн отпил из чашки — темный напиток оказался обычным кофе. Мужчина представился: Рей Мелхилл, механик с космолета «Бремен». Ему было примерно столько же, сколько Блейну,— коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами. Даже в таком печальном положении он не терял присутствия духа, веселой уверенности человека, не сомневающегося, что выход всегда найдется. Его веснушчатая кожа была очень белой, и на ней резко выделялось маленькое красное пятно на шее — след давнишнего радиационного ожога.

— Глупо с моей стороны,— покачал головой Мелхилл.— Но мы только что вернулись из трехмесячного полета к поясу астероидов, и мне захотелось гульнуть как следует. Все обошлось бы, но я отстал от ребят из экипажа, вот и оказался в какой-то конуре с девчонкой. Она подсыпала мне снотворное в коктейль, и очнулся я уже здесь.— Он прислонился к стене и заложил руки за голову.— Подумать только, и это случилось именно со мной! Я всегда говорил парням, чтобы они были настороже. «Не ходите поодиночке, только все вместе»,— твердил я.

Понимаешь, я не так боюсь умереть, как испытываю отвращение при мысли о том, что эти ублюдки продадут мое тело какому-нибудь жирному старому кретину, чтобы он получил возможность наслаждаться жизнью еще лет пятьдесят. Вот что пугает меня больше всего: грязный старый мерзавец будет носить мое тело. Господи!

Блейн уныло кивнул.

— Ну вот, я рассказал тебе свою печальную историю,— улыбнулся Мелхилл, к которому вернулось хорошее настроение.— А что случилось с тобой?

— Рассказ о моих приключениях будет довольно длинным,— ответил Блейн,— и временами может показаться неправдоподобным. Тебе действительно интересно?

— Да, конечно. У нас много времени. По крайней мере, надеюсь, что у нас его много.

— О'кей. Все началось в 1958 году. Погоди, не перебивай. Я ехал в своем автомобиле...

Закончив рассказ, Блейн откинулся к стене и глубоко вздохнул.

— Ты-то хоть веришь этому? — спросил он.

— Конечно. Путешествия во времени — штука известная. Правда, они незаконны и очень дороги. А эти парни из «Рекса» плевать хотели на законы.

— Девушки тоже,— добавил Блейн.

Мелхилл усмехнулся.

Некоторое время они сидели и молчали. Затем Блейн спросил:

— Значит, они используют наши тела для пересадки?

— Да, конечно.

— И когда это случится?

— Как только найдут состоятельного клиента. Я просидел здесь с неделю, насколько понимаю. Любой из нас может потребоваться каждую секунду. А может, пройдет неделя-другая.

— И перед этим будет стерто наше сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь это убийство!

— Разумеется,— согласился Мелхилл.— Правда, пока мы еще живы. Вдруг копы нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Слушай, у тебя есть страховка потусторонней жизни? Тогда ты останешься в живых и после смерти.

— Я атеист,— покачал головой Блейн,— и не верю в потустороннее существование.

— Я тоже. Но жизнь после смерти — научно установленный факт.

— Глупости,— раздраженно проворчал Блейн.

— Уверяю тебя. Это убедительно доказано.

Блейн уставился на молодого астронавта.

— Рей,— попросил он.— Расскажи мне об этом, а? Обо всем, что произошло после 1958 года.

— Это сложно,— сказал Мелхилл,— да и образование у меня не ахти какое.

— Пусть у меня будет хоть какое-то представление. Что это за потусторонняя жизнь? Переселение душ, трансплантация и тела, которые необходимы для продления жизни людей? Что вообще происходит?

Мелхилл уселся поудобнее.

— Попробую. Итак, 1958 год. Через несколько лет высадились на Луне, а потом и на Марсе. Затем была небольшая война с русскими из-за астероидного пояса — далеко отсюда, в глубоком космосе. Или мы воевали с китайцами? Не помню.

— Неважно,— мотнул головой Блейн.— Меня интересует переселение душ и жизнь после смерти.

— Ну хорошо. Попытаюсь рассказать, как учили нас в школе. Помню, был предмет под названием «Основы психического выживания», но прошло много времени, и я мало что помню. Итак.— Мелхилл сосредоточился.— Цитирую: «С давних времен человек ощущал присутствие невидимого духовного мира, и его не оставляла мысль, что он сам попадает в этот мир после смерти своего тела». Ты, наверное, и сам знаешь о древнем мире, о египтянах, китайцах, европейских алхимиках и тому подобном, поэтому перейду прямо к Райну. Он жил в твоем веке,

преподавал в университете Дьюка, исследовал психические явления. Слышал о нем?

— Да, конечно,— кивнул Блейн.— И что он открыл?

— Вообще-то ничего. Но он дал толчок исследованиям в этой области. Затем этими проблемами начал заниматься Кралск в Вильнюсе и добился заметных успехов. Это произошло в 1987 году, когда «Пираты» выиграли первенство по бейсболу — впервые. А примерно в 2000 году появился Ван Ледднер. Он создал общую теорию потусторонней жизни, но не сумел представить достаточно убедительные доказательства. И вот на сцене появился профессор Майкл Вэннинг. Именно ему удалось доказать, что люди живут и после смерти. Он сумел вступить в контакт с ними, говорил и записывал эти беседы, и тому подобное. Профессор Вэннинг представил абсолютно достоверные, прямо-таки железные научные доказательства существования жизни после смерти. Разумеется, это вызвало массу споров, религиозных дискуссий. Разногласия. Огромные заголовки в газетах. Знаменитый профессор из Гарвардского университета по имени Джеймс Арчер Флинн взялся доказать, что все это обман. Спор между ним и Вэннингом продолжался годами. Состарившись, Вэннинг решился на отчаянный шаг. Он закрыл в сейфе массу документов, часть материалов спрятал здесь и там, рассеял повсюду кодовые слова и пообещал вернуться из потустороннего мира, как Гудини, который пообещал, но не вернулся. Затем...

— Извини меня,— прервал его Блейн,— если действительно есть жизнь после смерти, почему Гудини не вернулся?

— Все очень просто, но я буду рассказывать по порядку. Не перебивай, пожалуйста. Короче, Вэннинг покончил с собой, оставив длинную предсмертную записку, в которой шла речь о бессмертной душе человека и неуклонном прогрессе человеческой расы. Эта записка перепечатана во многих антологиях. Позднее выяснилось, что эта записка написана не им, а другим человеком, но это к делу не относится. Так о чем я говорил?

— Вэннинг покончил самоубийством.

— Ага. Так вот, будь я проклят, если он не вступил потом в контакт с профессором Джеймсом Арчером Флинном и не сообщил ему, где найти спрятанные материалы. В результате все сомнения исчезли, приятель. Существование жизни после смерти было доказано и стало научным фактом.— Мелхилл встал, потянулся и снова сел.— Институт Вэннинга обратился ко всем с призывом не спешить,— продолжил он,— чтобы избежать массовой истерики, но безуспешно. Следующие пятнадцать лет вошли в историю как Годы Безумия.— Мелхилл улыбнулся и облизнул губы.— Жаль, что меня тогда еще не было. Все решили, что больше нет никаких запретов. «Что бы ты ни делал, греша или любя, вечное блаженство ждет тебя»,— появилась в то время такая поговорка. Праведник ты или грешник, тебе обеспечена жизнь после смерти. Убийца и священник войдут в мир иной на равных основаниях. Так что наслаждайтесь жизнью сейчас, парни и девчонки, наслаждайтесь своей плотью, потому что после смерти существование будет только духовным. Вот они и принялись за работу. Наступила анархия. Возникла новая религия, называющая себя «Познание». Ее пророки утверждали, что людям следует испытать все, от самого хорошего до ужасного, от благородного до подлого, потому что потусторонняя жизнь представляет собой всего лишь вечное воспоминание пережитого за период телесного существования. Так что не стесняйтесь ни в чем, именно для этого вы и появились на свет, в противном случае вам будет не о чем вспоминать в этой жизни. Удовлетворяйте все свои желания, каждую похоть, загляните в свои самые черные глубины. Живите на всю катушку и умирайте точно так же. Все словно сошли с ума. Фанатики основывали клубы мучений, общества пыток, создавали энциклопедии страданий и боли. Они коллекционировали пытки подобно тому, как домашние хозяйки собирают кулинарные рецепты. Во время каждого собрания такого клуба один из его членов добровольно становился жертвой, и его убивали самым страшным и мучи-

тельным способом. Им хотелось испытать все — абсолютное наслаждение и абсолютную муку. Думаю, это им удалось.— Мелхилл вытер лоб и сказал уже более спокойно: — Я почитал кое-что о Годах Безумия.

— Я уже обратил внимание,— сказал Блейн.

— По-своему очень интересно. Однако скоро поступила потрясающая новость. Институт Вэннинга не прекращал экспериментировать, и в 2050 году, когда Годы Безумия были в самом расцвете, ученые объявили результаты своих исследований, ошеломившие всех: потусторонняя жизнь действительно существует, в этом нет сомнения, однако не для всех!

Блейн мигнул, но промолчал.

— Мир был потрясен. Институт Вэннинга сообщил, что им удалось получить неопровержимые доказательства того, что только один человек из миллиона остается жить после смерти, тогда как все остальные — бесчисленные миллионы — просто умирают, как пламя свечи. Пуфф — и все. Ничего больше. Никакой потусторонней жизни, никакого вечного существования.

— Почему? — просил Блейн.

— Видишь ли, Том, я и сам не разобрался в причинах,— произнес Мелхилл.— Если бы ты спросил меня относительно механики потока, тут я в своей стихии, а вот человеческая психика — это не моя область. Так что потерпи, пока я попытаюсь вспомнить, что прочитал в книгах.— Он потер лоб.— То, что остается или не остается после смерти,— это сознание. На протяжении тысячелетий люди спорили между собой, пытаясь выяснить, что такое сознание, где и как оно взаимодействует с телом, и тому подобное. Мы так и не сумели решить эти проблемы, но рабочие гипотезы у нас есть. В настоящее время сознанием считается мощная энергетическая сеть, создаваемая телом, управляемая им и в свою очередь влияющая на тело человека. Это понятно?

— Вроде понятно. Продолжай.

— Таким образом, насколько я понимаю, сознание и тело взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг

с другом. Однако сознание может, кроме того, существовать и независимо от тела. По мнению многих ученых, самостоятельно существующее сознание представляет собой следующую ступень в эволюции человека. Через миллион лет, считают они, нам даже не понадобится иметь телесную оболочку — за исключением, возможно, непродолжительного инкубационного периода. Лично я сомневаюсь, что человеческая раса просуществует еще миллион лет. Мне кажется, что этого она просто не заслуживает.

— Я согласен с тобой,— ответил Блейн.— Но давай вернемся к потусторонней жизни.

— Итак, мы говорили о мощной энергетической сети, создаваемой человеком. Когда тело умирает, эта сеть должна продолжать свое существование, подобно бабочке, вылетевшей из кокона. Смерть — это всего лишь освобождение сознания от телесной оболочки. В действительности все происходит иначе из-за шока, сопровождающего смерть. По мнению некоторых ученых, этот шок представляет собой природный механизм освобождения сознания от тела. Но этот механизм начинает действовать слишком агрессивно, и потому его воздействие оказывается чрезмерным. Процесс умирания является психическим шоком исключительной силы, и энергетическая сеть почти всегда разрывается при этом на части. Восстановиться она уже не в силах, происходит ее окончательное разрушение, и наступает гибель не только телесной оболочки человека, но и его сознания.

— Выходит, Гудини, не вернулся именно по этой причине? — спросил Блейн.

— Не только он, но и почти все остальные. Дальше произошло следующее. Люди задумались о будущем, и это положило конец Годам Безумия. Институт Вэннинга продолжал работать. Его сотрудники изучали учение йогов и тому подобное, но уже с научной точки зрения. Понимаешь, некоторые восточные религии достигли в этой области немалых успехов. Они стремились укрепить сознание, усилить веру человека в существование жизни после смерти. К этой же цели стремится институт Вэннинга —

так укрепить энергетическую сеть, чтобы шок смерти не разрушал ее.

— Ну и что? Им удалось добиться своей цели?

— Еще бы! Примерно в это время институт Вэннинга изменил свое название. Он стал называться «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед».

— Да, сегодня я проходил мимо их здания,— кивнул Блейн.— Погоди-ка! Ты говоришь, что они нашли способ укрепить сознание? Значит, люди больше не умирают? Все переходят в потусторонний мир?

На лице Мелхилла появилась язвительная улыбка.

— Не будь простаком, Том. Думаешь, они решили облагодетельствовать человечество? Этого еще не хватало! Укрепление сознания представляет собой сложный электрохимический процесс, и они берут за него огромные деньги.

— Значит, только богатые попадают в рай? — спросил Блейн.

— А ты как думал? Что туда пустят всех желающих? Держи карман шире.

— Понимаю,— ответил Блейн.— Но разве нет других методов укрепления сознания? Например, йога. Или, скажем, дзэн.

— Есть, конечно,— согласился Мелхилл.— Существует по крайней мере дюжина методов выживания, испытанных и одобренных правительственными организациями. Дело, однако, в том, что для овладения этими методами требуется не меньше двадцати лет напряженного труда. Обычному человеку это не под силу. Нет, дружище, если не пользоваться помощью сложнейших аппаратов, попасть в потустороннюю жизнь невозможно.

— А этими аппаратами владеет только «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед»?

— Нет, почему же. Есть пара других корпораций, таких, как «Академия жизни после смерти» и компания «Царство небесное, лимитед», однако стоимость подготовки в них примерно одинакова. Правительство занялось сейчас страховкой жизни после смерти для всех жела-

ющих, но до практического осуществления еще далеко, и нам это не поможет.

— Да, пожалуй,— согласился Блейн.

На мгновение перед ним пронеслась ослепительная мечта: конец всем страхам о предстоящей смерти, уверенность в вечном существовании, в том, что процесс развития и совершенствования личности не прекратится с распадом телесной оболочки, навязанной тебе случаем и наследственностью. Однако все это оказалось неосуществимым. Развитие его сознания не будет беспредельным. Будущим поколениям это может помочь, но не ему.

— А как относительно переселения душ в тела других людей?

— Уж тебе-то это должно быть хорошо известно,— заметил Мелхилл.— Тебя переселили в тело другого мужчины. Перемещение сознания из одного тела в другое — операция несложная, это тебе скажут многие специалисты по трансплантy. Правда, трансплант представляет собой временное перемещение сознания и не связан с постоянным переселением первоначального сознания, тогда как переселение сознания в тело человека, уже освобожденного от его бывшего владельца, является постоянным. Дело в том, что, во-первых, необходимо стереть все следы сознания первоначального владельца. Во-вторых, сам переход сознания в новое тело связан с немалой опасностью. Видишь ли, иногда случается, что сознание не может проникнуть в нужное тело и гибнет, делая одну бесплодную попытку за другой. Случается, что подготовка к потусторонней жизни не выдерживает попытки переселения в другое тело. Если сознание не сумеет переселиться в приготовленное для него тело, оно гибнет.

Блейн кивнул, понимая теперь, почему Мэри Торн считала, что Рейли лучше умереть. Ее мнение основывалось прежде всего на интересах самого Рейли.

— Почему люди, владеющие страховкой на жизнь после смерти, все-таки пытаются перебраться в другое тело? — спросил он.

— Да потому, что некоторые старики ужасно боятся смерти,— ответил Мелхилл.— Они боятся потусторонней

жизни, духовное существование наводит на них страх. Им хочется жить здесь так, как они привыкли. Поэтому они покупают человеческое тело на открытом рынке, совершенно законно, причем выбирают то, которое им больше нравится. Если на открытом рынке подходящее тело отсутствует, они обращаются на черный рынок. Там они находят одно из наших тел, приятель!

— Значит, тела на открытом рынке продаются добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Разве есть люди, добровольно желающие продать собственное тело?

— Разумеется. Какой-нибудь бедняк, потерявший всякую надежду на успех в жизни. В соответствии с существующим законодательством он получает компенсацию за свое тело в виде страховки на жизнь после смерти. Фактически он вынужден соглашаться на то, что ему предлагают.

— Но нужно быть сумасшедшим, чтобы пойти на такое!

— Ты так считаешь? — спросил Мелхилл.— Сегодня, как и раньше, мир полон неграмотных, больных, голодных, не имеющих профессии людей. И у них, как правило, есть семьи. Представь себе, что у них нет денег, чтобы накормить детей? Единственной ценностью, которую можно продать, является тело. В твоем веке не было даже этого.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Блейн.— Что касается меня, я никогда не продам свое тело, как бы плохо мне ни было.

Мелхилл расхохотался.

— А ты силен, парень! Неужели ты не понимаешь, Том, что у тебя возьмут тело бесплатно?

Блейн молчал, не зная, что ответить.

Глава 7

В камере со стенами, покрытыми мягкой обивкой, время тянулось медленно. Блейна и Мелхилла снабжали книгами и журналами, их часто и хорошо кормили, прав-

да, пищу подавали на картонных блюдечках и в бумажных стаканчиках. Днем и ночью за ними внимательно следили, чтобы они не причинили вреда своим ценным телам.

Их держали вместе, потому что одиночество переносить труднее и бывали случаи, когда люди в одиночестве сходили с ума, а безумие наносит неисправимый ущерб важным клеткам головного мозга. Им даже предоставили возможность заниматься физическими упражнениями — под неусыпным надзором,— чтобы тела сохранялись в хорошей форме до того момента, когда они поступят в распоряжение новых владельцев.

Блейн начал испытывать все растущее чувство привязанности к своему массивному, крепкому телу с его могучими мышцами, которое получил совсем недавно и с которым ему предстояло скоро расстаться. Вообще-то таким телом следует гордиться, думал он, оно просто великолепно. Правда, оно не отличалось особой грацией, но значение грации часто преувеличивают. Блейн подозревал, что его новое тело не подвержено приступам сенной лихорадки, подобно прежнему, оставленному в 1958 году, да и зубы были куда лучше прежних.

В общем, даже если отбросить все моральные соображения, с таким телом расставаться не хотелось.

Однажды они едва успели позавтракать, как часть стены, покрытой мягкой обивкой, распахнулась. За предохранительной стальной решеткой стоял Карл Орк.

— Привет,— сказал он, все такой же высокий, худошавый и неловкий в своей городской одежде.— Как поживает мой приятель из Бразилии?

— Сукин ты сын,— отозвался Блейн, чувствуя, что эти слова недостаточно отражают его чувства.

— Ничего не поделаешь, такова жизнь,— произнес Орк.— Ну что, парни, хорошо ли вас кормят?

— Мерзавец! А как рассказывал о своем ранчо в Аризоне!

— Я действительно арендую там ранчо,— отозвался Орк.— Надеюсь скоро переселиться туда и заняться вы-

ращиванием овощей и фруктов в условиях пустыни. Думаю, что знаю про Аризону куда больше, чем многие ее уроженцы. Однако аренда стоит немалых денег, да и страхование потусторонней жизни тоже обходится недешево. Каждый добывает средства к существованию, как умеет.

— Стервятник тоже добывает пищу, как умеет,— заметил Блейн.

— Это бизнес,— тяжело вздохнул Орк,— и, мне кажется, он ничуть не хуже любого другого. Мы живем в жестоком мире. Когда-нибудь, сидя на крыльце своего маленького ранчо в пустыне, я, наверное, пожалею обо всем, что делал.

— У тебя ничего не выйдет,— сказал Блейн.

— Это почему?

— Да потому. Наступит момент, когда одна из твоих жертв заметит, что ты подсыпаешь что-то в стакан, и ты кончишь жизнь в канаве с разбитой головой. Таким будет твой конец.

— Конец моего тела,— поправил его Орк.— Мое сознание переместится в райскую потустороннюю жизнь. Я полностью оплатил страховку, приятель, и попаду на небо.

— Ты не заслуживаешь этого!

Орк усмехнулся, и даже Мелхилл не сумел сдержать улыбку.

— Мой глупый бразильский приятель,— покачал головой Орк,— вопрос о том, кто заслуживает потустороннюю жизнь, а кто — нет, даже не возникает. Жаль, что ты этого так и не понял. Жизнь после смерти — не для праведных и добрых людишек, как бы они ее ни заслуживали. Туда попадают настойчивые парни с туго набитыми карманами, стремящиеся добиться успеха во что бы то ни стало. Именно их души вознесутся на небо после смерти.

— Я не верю в это,— проворчал Блейн.— Это несправедливо!

— А ты, я вижу, идеалист,— с интересом заметил Орк, глядя на Блейна, как на последнего сохранившегося в мире моа.

— Называй меня, как хочешь. Может быть, тебе и удастся сохранить жизнь после смерти, Орк. Но мне кажется, что в потусторонней жизни для тебя приготовлено место, где ты будешь гореть в вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует,— покачал головой Орк.— Правда, мы мало что знаем о потусторонней жизни. Может быть, мне действительно придется гореть в аду. Я не исключаю даже, что там, в голубых небесах, действует фабрика, в которой собирают в единое целое разрушенное сознание таких, как ты... Однако не будем спорить об этом. Извини, но время пришло.

Орк быстро отошел в сторону. Стальная решетка распахнулась, и в камеру вошли пятеро мужчин.

— Нет! — послышался истерический крик Мелхилла.

Мужчины окружили астронавта. Они ловко увернулись от его кулаков и схватили его за руки. Один из них сунул ему в рот кляп, затем его потащили к выходу.

В дверях появился Орк.

— Отпустите его,— раздраженно бросил он.

Мужчины отпустили Мелхилла.

— Идиоты, вы перепутали,— сказал Орк.— Нам нужен другой.— И он показал на Блейна.

Блейн приготовился к тому, что лишится друга, и потому внезапная перемена хода событий застала его врасплох. Не успел он пошевелиться, как его скрутили.

— Извини,— произнес Орк, когда Блейна выводили из камеры.— Клиент оговорил в своем заказе именно такую фигуру и цвет кожи.

Блейн пришел в себя и попытался вырваться.

— Я убью тебя! — крикнул он.— Клянусь, я убью тебя!

— Осторожно, не причините ему вреда,— равнодушно бросил Орк, глядя на Блейна ледяным взглядом.

Ему закрыли лицо мокрой тряпкой. Блейн почувствовал тошнотворно-сладкий запах хлороформа. Последнее, что он увидел,— побелевшее лицо Мелхилла, стоявшего у стальной решетки.

Глава 8

Придя в себя, Томас Блейн прежде всего осознал, что он все еще Томас Блейн и по-прежнему является владельцем собственного тела. Доказательство было очевидным и не нуждалось в дополнительных поисках. Его сознание не было стерто — по крайней мере, пока.

Он лежал на диване, одетый. Прислушался к шагам, приближающимся к двери, и сел.

Они, по-видимому, переоценили воздействие хлороформа. Значит, у него еще есть шанс!

Блейн встал и быстро спрятался за дверью. Она открылась, и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал шаг вперед и замахнулся. В последнее мгновение ему удалось сдержать силу удара, но здоровенный кулак все-таки угодил в прелестный подбородок Мэри Торн. Колени девушки подогнулись, Блейн подхватил ее и отнес на диван. Через несколько минут она пришла в себя и сердито взглянула на него.

— Блейн, вы идиот,— сказала девушка.

— Но ведь я не знал, кто это,— попытался оправдаться Блейн и тут же почувствовал, что это неправда.

Он понял, что это Мэри Торн, за долю мгновения до того, как его мозг отдал команду нанести удар, и великолепное, послушное, быстро реагирующее на команды тело могло сдержать удар. Однако бессознательная, слепая ярость легко победила разум, искусно воспользовалась секундным замешательством и срочностью ситуации, чтобы избежать ответственности, и заставила Блейна нанести удар этой холодной, бесчувственной мисс Торн, отомстить ей.

Происшедшее напомнило о том, о чем Блейну совсем не хотелось вспоминать.

— Мисс Торн, для кого вы купили мое тело? — спросил он.

Девушка бросила на него уничтожающий взгляд.

— Для вас, поскольку вы сами не могли о нем должным образом позаботиться.

Значит, смерть ему не угрожает. В его тело не вселится грязный жирный старик, развеяв его душу по ветру. Отлично! Ему так хотелось жить. Правда, было бы лучше, если бы его спас кто-нибудь другой, а не Мэри Торн.

— Я мог бы позаботиться о своем теле куда лучше, если бы меня познакомили с окружающим миром,— заметил Блейн.

— Именно это я и собиралась сделать. Почему вы не подождали?

— После того, что вы мне сказали?

— Извините, что я обошлась с вами так бесцеремонно,— ответила девушка.— Меня расстроило решение мистера Рейли отменить рекламную кампанию. Но разве вы не поняли этого? Если бы я была мужчиной...

— Но вы не мужчина,— заметил Блейн.

— Какая разница? У вас, по-видимому, сохранились странные, устаревшие взгляды на роль женщины и ее положение в обществе.

— Я не считаю их странными,— покачал головой Блейн.

— Еще бы.— Она потрогала подбородок — там уже появился синяк и слегка напухло.— Ну что, будем считать, что мы квиты? Или вам хочется ударить меня еще раз?

— Нет, одного раза вполне достаточно.

Мэри Торн встала с дивана и пошатнулась. Блейн обнял ее за талию, чтобы поддержать,— и смутился. Ему казалось, что стройное тело девушки сделано из стальных мускулов,— на самом деле он почувствовал под ладонью упругую и удивительно мягкую плоть. Стоя совсем рядом, он видел, что из тугой прически выбилось несколько прядей, и на лбу, у самой линии волос, заметил крошечную родинку. В это мгновение девушка перестала быть для него абстрактной фигурой и превратилась в живого человека.

— Я не упаду и без вашей помощи,— сказала она.

Блейн убрал руку.

— При данных обстоятельствах,— произнесла девушка, глядя на него пристальным взглядом,— наши отношения должны оставаться чисто деловыми.

Ну и чудеса! Внезапно Мэри Торн тоже взглянула на него как на человека; она увидела в нем мужчину, и это обеспокоило ее. От этой мысли Блейн почувствовал немалое удовольствие. Нельзя сказать, что Мэри Торн нравилась ему или он чувствовал к ней чисто физическое влечение. Однако ему очень хотелось вывести ее из равновесия, поцарапать гладкий фасад, поколебать это невероятное самообладание.

— Разумеется, мисс Торн,— ответил Блейн.

— Я рада, что вы придерживаетесь этой точки зрения,— улыбнулась она.— Откровенно говоря, вы — не мой тип мужчины.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Мне нравятся высокие худощавые мужчины,— объяснила девушка,— утонченные, образованные, умеющие вести себя в обществе.

— Но ведь я...

— Может быть, позавтракаем? — заметила мисс Торн.— Потом с вами хочет побеседовать мистер Рейли. Мне кажется, он намеревается сделать вам какое-то предложение.

Блейн вышел за ней из комнаты, кипя от гнева. Может быть, она издевается над ним? Высокие, худощавые, умеющие вести себя в обществе! Черт побери, ведь именно таким он и был раньше! Да и сейчас остается таким внутри этого мускулистого тела белобрысого борца — вот только она не видит этого.

Непонятно, кто кого вывел из равновесия?

Когда они сели за столик в столовой «Рекс корпорейшн», Блейн внезапно вспомнил:

— Мелхилл!

— Что?

— Рей Мелхилл, парень, с которым я сидел в камере! Скажите, мисс Торн, а вы не могли бы выкупить и его? Как только у меня появятся деньги, я расплачусь. Мы столько пережили вместе! Он такой хороший парень...

— Попробую,— сказала девушка, с любопытством глядя на Блейна.

Она встала и вышла из столовой. Блейн с нетерпением ждал ее возвращения, потирая руки и желая, чтобы

между ними вдруг оказалась шея Карла Орка. Мэри Торн вернулась через несколько минут.

— Я говорила с Орком,— сказала она.— Мне очень жаль, но мистера Мелхилла продали через час после того, как увезли вас. Поверьте, я действительно сожалею. Вот если бы я подумала об этом раньше...

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Блейн.— Пожалуй, было бы неплохо чего-нибудь выпить.

Глава 9

Мистер Рейли сидел, выпрямившись в огромном, мягком, похожем на трон кресле, почти теряясь в его глубине. Он был крохотным лысым старичком, чем-то напоминавшим паука. Морщинистая полупрозрачная кожа туго обтягивала его череп и кисти рук; сухожилия и суставы отчетливо вырисовывались сквозь высохшую плоть. Блейну даже показалось, что он видит, как по дряблым кровеносным сосудам медленно, словно нехотя, течет кровь и в любую минуту может остановиться. Однако вел себя мистер Рейли уверенно, и на его умном обезьяньем личике сияли глаза, полные юмора.

— Итак, вот он какой, наш человек из прошлого! — улыбнулся мистер Рейли.— Садитесь, сэр, прошу вас. И вы тоже, мисс Торн. Я только что говорил о вас с дедушкой.

Блейн невольно оглянулся, ожидая увидеть у себя над головой призрак мужчины, скончавшегося шестьдесят лет назад. Однако в богато убранной комнате с высоким потолком не было никого, кроме них троих.

— Он удалился,— объяснил мистер Рейли.— Бедный дедушка может находиться в состоянии эктоплазмы очень непродолжительное время. И все-таки ему повезло куда больше, чем большинству призраков.

Выражение лица Блейна, по-видимому, изменилось, потому что Рейли спросил:

— Вы не верите в духов, мистер Блейн?

— Боюсь, что нет.

— Ну конечно! Это слово для вас, человека из двадцатого столетия, имеет иной, пугающий смысл. Звон цепей, скелеты и тому подобные глупости. Однако со временем слова меняют свое значение, меняется даже реальность по мере того, как человечество перестраивает природу.

— Понятно,— вежливо кивнул Блейн.

— Вы не верите мне,— добродушно улыбнулся мистер Рейли.— Напрасно. Подумайте о том, как менялось значение слов. В двадцатом веке слово «атом» сочеталось писателями, владеющими даром воображения, с чем угодно,— появились «атомные пушки», «атомные космопланы» и тому подобное. Абсурдное слово, и здравый человек просто не обращал на него никакого внимания, подобно тому как вы пропускаете мимо ушей все, что относится к духам. Но прошло всего несколько лет, и слово «атом» превратилось в символ реальной и неминуемой опасности для всего человечества. После этого ни один здравомыслящий человек не мог его игнорировать! — На лице мистера Рейли появилась задумчивая улыбка.— Слово «радиация» превратилось из чисто научного выражения, применявшегося лишь в учебниках, в источник раковых опухолей. В ваше время «космическая болезнь» являлась абстрактным, ничего не значащим понятием. Однако пятьдесят лет спустя оно означало больницы, наполненные искалеченными телами. Так что слова, мистер Блейн, имеют тенденцию к переменам, теряя свой прежний абстрактный, нереальный или чисто научный смысл и приобретая практическое повседневное значение. Такое случается, когда практика догоняет теорию.

— А духи?

— Аналогичный процесс. Ваше мышление старомодно, мистер Блейн. Вам просто нужно изменить смысл, вкладываемый в это слово.

— Это будет нелегко,— возразил Блейн.

— Однако необходимо. Не забудьте, всегда было немало доказательств их существования. Иными словами, вероятность существования духов была достаточно большой. А когда жизнь после смерти превратилась в реаль-

ность, когда исчезла необходимость принимать желаемое за действительное, духи тоже стали реальным фактом.

— Я поверю в их существование только тогда, когда встречусь хоть с одним из них,— ответил Блейн.

— Рано или поздно так и произойдет, можете не сомневаться. Но перейдем к делу. Как вы чувствуете себя в нашем веке?

— Пока не слишком хорошо.

— Вижу, что охотники за телами изрядно вас напугали, а? — злорадно хихикнул мистер Рейли.— Сами виноваты: вам не следовало покидать здание корпорации, мистер Блейн. Этим вы нанесли немалый ущерб себе, и нашей корпорации, естественно, тоже.

— Я виновата в этом, мистер Рейли,— заметила Мэри Торн.— Извините.

Рейли мельком взглянул на нее и снова повернул голову к Блейну.

— Это, разумеется, достойно сожаления. Если уж говорить честно, вас следовало предоставить собственной судьбе там, в 1958 году. Ваше присутствие здесь изрядно нас смущает.

— Мне очень жаль.

— Мы с дедушкой обсудили создавшуюся ситуацию и пришли к выводу — боюсь, несколько запоздалому,— что вас не стоит использовать в рекламной кампании. Следовало бы принять это решение гораздо раньше. И все-таки решение принято наконец. Однако, несмотря на все наши усилия, не исключено, что ваше пребывание в двадцать втором веке не удастся скрыть. Возможно даже, что правительство предпримет юридические меры против корпорации.

— Сэр,— сказала Мэри Торн,— юристы не сомневаются в твердости нашей позиции.

— Разумеется, в тюрьму нас не посадят,— согласился Рейли.— Но подумайте о том, что будут говорить. Да, что о нас скажут! «Рекс корпорейшн» должна заботиться о своей репутации, мисс Торн! Слухи о незаконных действиях, о возможном скандале... Нет, мистеру Блейну не

следует оставаться у нас в 2110 году, являясь наглядным доказательством ошибочного решения. Вот почему, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение.

— Я вас слушаю,— ответил Блейн.

— Что, если корпорация приобретет вам страховой полис на потустороннюю жизнь и таким образом гарантирует вам жизнь после смерти? Согласитесь ли вы в таком случае совершить самоубийство?

Блейн несколько раз моргнул от неожиданности.

— Нет.

— Но почему? — спросил Рейли.

На мгновение причина показалась Блейну очевидной. Разве есть живое существо, готовое покончить с собой? К сожалению, есть — это человек. Блейну пришлось задуматься, чтобы ответить.

— Начать с того,— произнес он,— что я не уверен в существовании посмертной жизни.

— Предположим, мы сумеем убедить вас в этом,— заметил Рейли.— Тогда вы согласитесь?

— Нет!

— Очень легкомысленно с вашей стороны, мистер Блейн! Подумайте о своем положении. Век, в который вы попали, чужд вам, враждебен, неудобен. Как вы собираетесь зарабатывать на пропитание? С кем вы можете говорить да и о чем? Даже пройти по улице, каждую секунду не подвергая опасности свою жизнь, вы и то не сумеете.

— Такого больше не случится,— заверил его Блейн.— Я не был знаком с местной обстановкой.

— Ну что вы, обязательно случится! Вы никогда не сумеете привыкнуть к жизни в наше время. По крайней мере, в достаточной степени. Вы сейчас находитесь в таком же положении, как пещерный человек, заброшенный волей судьбы в 1958 год. Полагаю, он будет чувствовать себя достаточно уверенно, если учесть, что он умеет защищаться от саблезубых тигров и мохнатых мастодонтов. Может быть, найдется добрый самаритянин и предупре-

дит его об опасности со стороны гангстеров. Но разве это ему поможет? Спасет от гибели под колесами автомобиля, от удара электрическим током на рельсах подземки, отравления газом в квартире, падения в шахту лифта? Ему угрожает множество опасностей: он может попасть под механическую пилу или просто сломать шею, поскользнувшись в ванне! Нужно родиться в такой обстановке, чтобы спокойно жить среди всех этих опасностей, даже не замечая их. Впрочем, даже в вашем веке люди иногда становились жертвами несчастных случаев, стоило им на мгновение отвлечься! Представляете, насколько труднее было бы пещерному человеку?

— Вы преувеличиваете опасность,— ответил Блейн, чувствуя на лбу холодный пот.

— Вы так полагаете? Опасность, угрожающая людям в лесу,— ничто по сравнению с опасностью в городе. А когда город становится супергородом...

— Я не согласен на самоубийство,— произнес Блейн.— Готов пойти на риск. И давайте оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — сказал Рейли раздраженно.— Покончите с собой и избавьте всех нас от массы неприятностей. Если вы откажетесь, могу предсказать, что вам предстоит. Возможно, благодаря храбрости и животной хитрости вам удастся протянуть год, даже два. Это ничего не даст, рано или поздно вы все равно покончите с собой. Вы — типичный самоубийца. Это у вас в характере, Блейн, изменить что-то вам не под силу. Через год или два, после многих страданий, вы покончите с собой, и ваш дух с облегчением покинет измученное тело, но в этом случае вам уже не придется надеяться на то, что ваша усталая душа попадет в мир иной.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— Я никогда не ошибаюсь, определяя потенциального самоубийцу,— спокойно ответил Рейли.— Дедушка согласен со мной. Так что если вы все-таки...

— Нет,— решительно покачал головой Блейн.— Убивать себя я отказываюсь. Вам придется нанять кого-то для этого.

— Я так не поступаю,— сказал Рейли.— Принуждать кого-то к самоубийству — не в моих правилах. Однако я приглашаю вас поприсутствовать в качестве зрителя при переселении моего духа — сегодня после обеда. Получите представление о потусторонней жизни. Может быть, это заставит вас передумать.

Блейн заколебался, и старик усмехнулся, понимающе глядя на него.

— Не беспокойтесь, вам не угрожает никакая опасность. Или вы все еще опасаетесь обмана? Неужели вы думаете, что я украду ваше тело? Напрасно. Я выбрал новое тело несколько месяцев назад, совершенно официально, на открытом рынке. Откровенно говоря, ваше тело мне не по вкусу. Видите ли, в такой огромной оболочке я чувствовал бы себя неуютно.

Беседа закончилась, и Мэри Торн вывела Блейна из кабинета.

Глава 10

Комната, где происходило переселение духа, походила на маленький театр. Блейн узнал, что ею часто пользовались для чтения лекций по повышению квалификации руководящих сотрудников корпорации. Сегодня аудитория была небольшой и состояла исключительно из специально приглашенных гостей. Здесь в полном составе присутствовал совет директоров из пяти мужчин среднего возраста. Они сидели в последнем ряду и о чем-то тихо беседовали. Рядом расположился секретарь-регистратор. Блейн и Мэри Торн сели впереди, как можно дальше от директоров корпорации.

На сцене, возвышающейся над залом и залитой светом прожекторов, была установлена аппаратура для переселения душ. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и соединены со стоявшей между ними блестящей черной машиной множеством толстых проводов. У Блейна возникло неприятное ощущение, что ему предстоит присутствовать при казни. Над аппаратом скло-

нились техники, завершая последние приготовления. Поблизости стояли пожилой бородатый врач и его коллега с багровым лицом.

На сцену вышел мистер Рейли, кивнул сидевшим в зале и сел в одно из кресел. Следом появился мужчина лет сорока с испуганным, бледным, но полным решимости лицом. Это и был человек, которого купил мистер Рейли. Он опустился во второе кресло, взглянул на аудиторию, затем уставился на руки. Он казался смущенным. Его лицо было покрыто крупными каплями пота, и пиджак под мышками потемнел. Мужчина не смотрел на Рейли, и Рейли не поворачивал к нему головы.

На сцене появился еще один мужчина, лысый и серьезный, в темном костюме с воротником, который носят священники, держащий в руках маленькую черную книжку. Он шепотом заговорил с сидящими в креслах.

— А это кто? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс,— ответила Мэри Торн.— Он — священник из церкви Потусторонней жизни.

— Что это за церковь?

— Новая религия. Вы уже слышали о Годах Безумия? В то время разгорелся нешуточный теологический спор...

Наиболее острым вопросом сороковых годов двадцать первого века стал духовный статус потусторонней жизни. А после того как корпорация «Потусторонняя жизнь» заявила о существовании — научно обоснованном — жизни после смерти, ситуация еще более обострилась. Корпорация прилагала отчаянные усилия, чтобы избежать столкновения с религией, однако это оказалось очень сложно. Большинство священников считало, что наука без всякого основания вторглась в сферу их деятельности. «Потусторонняя жизнь, инкорпорейтед», хотелось это корпорации или нет, рассматривалась как главная сила при формулировании новой научно-религиозной доктрины, которая заключалась в том, что спасения души можно было достигнуть не с помощью религиозных, моральных или этичес-

ких мер, а в результате обезличенной прикладной научной процедуры.

Для решения этой жгучей проблемы было проведено бесчисленное количество конгрессов, конференций и симпозиумов. Некоторые группы населения пришли к заключению, что провозглашенная, научно обоснованная жизнь после смерти совершенно очевидно не являлась раем, нирваной или загробным блаженством по той причине, что душа не имела ко всему этому никакого отношения. По их мнению, сознание и душа — не одно и то же; душа как не заключает в себя сознание, так и не составляет его части. Вряд ли стоит оспаривать то, что наука открыла способ продления существования единого сообщества тела и сознания. Однако это ничуть не влияет на душу и уж точно не имеет никакого отношения к бессмертию, нирване или чему-то подобному. Научные манипуляции не могут оказать какого-либо воздействия на душу. Ну а судьба души после неизбежной смерти сознания в научной потусторонней жизни будет зависеть от традиционных моральных, этических и религиозных ценностей.

— Вот это да! — заметил Блейн.— Кажется, я понимаю, в чем дело. Они пытались достичь сосуществования науки и религии. Однако не были ли их рассуждения для некоторых людей излишне тонкими?

— Верно,— согласилась Мэри Торн,— даже несмотря на то что объяснения были намного убедительнее моих, да и подкрепили их множеством аналогий. Но ведь это была лишь одна точка зрения. Остальные даже не стремились к сотрудничеству. Они просто заявили, что научный взгляд на потустороннюю жизнь греховен. А еще одна группа решила проблему следующим образом: она присоединилась к научной точке зрения и заявила, что душа есть часть сознания и содержится внутри его.

— Полагаю, это и была церковь Потусторонней жизни?

— Да. Они откололись от остальных религиозных течений. По их мнению, душа заключена в сознание, а по-

тусторонняя жизнь — возрождение души после смерти без всяких «но» и «если».

— Вполне в духе времени,— кивнул Блейн.— Но моральные соображения...

— С их точки зрения, это ничуть не противоречит моральным принципам. Последователи церкви Потусторонней жизни считают, что нельзя навязывать людям моральные и этические нормы с помощью духовных поощрений и наказаний. А если бы это было возможно, то не следует так поступать. По их мнению, моральные принципы важны сами по себе, во-первых, как присущие социальному организму, то есть обществу, и, во-вторых, как приносящие огромную пользу каждому человеку.

Блейн пришел к выводу, что от моральных принципов ждут слишком многого.

— Наверное, эта религия пользуется большой популярностью? — спросил он.

— Огромной,— кивнула Мэри Торн.

Блейн хотел еще что-то спросить, но тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фицсиммонс,— обратился священник к обладателю тела,— ты прибыл сюда добровольно для того, чтобы прекратить свое существование в земном мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, святой отец,— пробормотал побледневший мужчина.

— И ты подвергся соответствующим научным процедурам, позволяющим тебе продолжить существование в мире духовном?

— Да, святой отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, ты прибыл сюда по собственной воле для того, чтобы продолжить свое земное существование в теле Уильяма Фицсиммонса?

— Да, святой отец,— ответил Рейли, напрягшись и нахмурившись.

— И ты принял все меры для того, чтобы Уильям Фицсиммонс смог войти в потустороннюю жизнь: за-

платил деньги наследникам Фицсиммонса, а также внес необходимый государственный налог, связанный с процедурой подобного рода?

— Да, святой отец.

— При такой ситуации,— провозгласил отец Джеймс,— не совершено никаких проступков, ни гражданских, ни религиозных. В данном случае не имеет места потеря жизни, поскольку личность Уильяма Фицсиммонса продолжит свое существование в потустороннем мире, а личность Кеннета Рейли продолжит свое существование на земле. Поэтому можно приступить к процедуре переселения душ.

Происходящее показалось Блейну чудовищным смешением свадебной церемонии и казни. Улыбающийся священник ушел. Техники пристегнули клиентов к креслам и закрепили электроды у них на ногах, руках и лбах. В аудитории воцарилась мертвая тишина, и директора корпорации «Рекс» подались вперед, наблюдая за процедурой.

— Приступайте,— произнес Рейли, глядя на Блейна и чуть заметно улыбаясь.

Старший техник повернул ручку на контрольной панели черной машины. Она громко загудела, и освещение померкло. Оба мужчины конвульсивно дернулись в ремнях, затем их тела обмякли.

— Они убивают этого несчастного беднягу Фицсиммонса,— прошептал Блейн.

— Этот несчастный бедняга, как вы его называете,— сказала Мэри Торн,— отлично понимал, на что шел. Ему тридцать семь лет, и в жизни он полный неудачник. Он не сумел удержаться ни на одной работе в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени и не имел никакой надежды приобрести страховой полис на жизнь после смерти. Так что для него это прямо-таки великолепная возможность. Более того, у него жена и пятеро детей, которых он не в состоянии обеспечить. Деньги, выплаченные ему мистером Рейли, позволят им выжить и обеспечат детям неплохое образование.

— Какая хорошая теперь у них будет жизнь! — воскликнул Блейн, не скрывая сарказма.— Продается слегка подержанное тело отца в превосходном состоянии. Покупайте, недорого!

— Вы смешны,— бросила Мэри Торн.— Смотрите, все кончено.

Черную машину выключили, и с неподвижных мужчин сняли ремни. Не обращая ни малейшего внимания на маленький сморщенный труп Рейли, на лице которого застыла усмешка, техники и врачи столпились вокруг тела Фицсиммонса.

— Пока ничего! — громко заметил старый бородатый врач.

Блейн чувствовал, что в помещении воцарилась атмосфера страха и нервного ожидания. Шли секунды. Врачи и техники склонялись над неподвижным телом молодого мужчины.

— Все еще ничего! — воскликнул доктор. В его голосе послышались панические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн у девушки.

— Я уже говорила, что процесс перехода душ из одного тела в другое является сложным и опасным. Пока сознание Рейли еще не переселилось в тело Фицсиммонса. Но времени у него осталось немного.

— Но почему?

— Потому что тело начинает умирать с того момента, как остается незанятым. Если сознания нет, хотя бы в дремлющем состоянии, начинаются необратимые процессы. Присутствие сознания является необходимым условием существования. Даже дремлющее сознание, не способное на самостоятельные действия, контролирует протекающие в теле физиологические процессы. Но как только оно исчезает...

— Все по-прежнему! — крикнул пожилой врач.

— Думаю, что уже слишком поздно,— прошептала Мэри Торн.

— Дрожь! — вдруг произнес врач.— Я чувствую, что тело вздрогнуло!

Наступила продолжительная тишина.

— Мне кажется, что он вошел! — воскликнул врач.— Быстро, кислород и адреналин!

На лицо бывшего Фицсиммонса положили кислородную маску, и в руку вонзилась игла шприца. Тело шевельнулось, вздрогнуло, обмякло и шевельнулось снова.

— Ему это удалось! — торжествующе вскричал пожилой врач, снимая кислородную маску.

Директора корпорации, как по команде, встали из кресел и поспешили на сцену. Они окружили ожившее тело, которое моргало глазами и содрогалось в приступах рвоты.

— Поздравляем, мистер Рейли!

— Вы отлично справились с этим, сэр!

— А мы уже начали волноваться!

Оживший уставился на них бессмысленным взглядом, потом вытер рот и произнес:

— Я не Рейли.

Пожилой врач растолкал директоров и склонился над телом.

— Вы не Рейли? — спросил он.— Значит, вы Фицсиммонс?

— Нет,— ответил мужчина,— я не Фицсиммонс, не этот бедный дурачок! И не Рейли. Он пытался влезть в это тело, однако мне удалось его опередить. Я оказался здесь раньше его. Теперь это мое тело.

Неизвестный встал. Директора корпорации отшатнулись от него, один быстро перекрестился.

— Тело слишком долго оставалось мертвым,— прошептала Мэри Торн.

Лицо ожившего человека очень отдаленно, в самых общих чертах напоминало бледное испуганное лицо Уильяма Фицсиммонса. Ничего похожего на решительность Фицсиммонса или раздражительность и юмор Рейли не было в этом лице. Оно походило только на самое себя. Смертельно бледное, с черными точками щетины на подбородке и щеках, с бескровными губами и прядью черных волос, приклеившихся к холодному белому лбу. Когда в

теле обитал Фицсиммонс, черты лица составляли единое гармоничное, хоть и ничем не выделяющееся целое. Однако теперь отдельные черты стали какими-то грубыми и словно независимыми друг от друга. Бледное лицо приобрело сырой, незаконченный вид, какой бывает у стали перед закалкой или у глины до обжига в печи.

Оно выглядело вялым и угрюмым из-за отсутствия мышечного тонуса и напряжения. Бесстрастные дряблые черты просто существовали, не выражая скрывающейся за ними личности. Лицо больше не казалось полностью человеческим. То, что осталось в нем от человека, поселилось теперь в огромных, немигающих, полных терпения глазах Будды.

— Он превратился в зомби,— прошептала Мэри Торн, прижавшись к плечу Блейна.

— Но кто вы? — спросил старый врач.

— Я не помню,— произнесло существо.— Ничего не помню.— Оно медленно повернулось и стало спускаться со сцены. Два директора нерешительно преградили ему дорогу.— Прочь,— произнесло странное существо.— Теперь это мое тело.

— Оставьте в покое несчастного зомби,— раздался усталый голос пожилого врача.

Директора отошли в сторону. Зомби подошел к краю сцены, спустился в зал, повернулся и направился к Блейну.

— Я знаю вас! — воскликнул он.

— Что вы от меня хотите? — испуганно спросил Блейн.

— Не помню,— ответил зомби, пристально глядя на Блейна.— Как вас зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это имя мне ничего не говорит. Но я обязательно вспомню. Да, конечно, это вы. Что-то... Мое тело умирает, правда? Очень жаль. Но я вспомню, прежде чем оно уйдет от меня. Вы и я чем-то связаны. Блейн, неужели вы не помните меня?

— Нет! — воскликнул Блейн, потрясенный даже намеком на что-то общее, на какую-то связь между ним и

этим умирающим существом. Не может быть! На какой страшный секрет намекает этот похититель трупов, этот грязный захватчик, какие черные тайны, скрытые от всех, соединяют его с ним, Томом Блейном?

Нет, между ними не может быть ничего общего, подумал Блейн. Он знал себя, знал, что собой представляет, кем был раньше. Их ничто не может связывать, ничто. Это существо или ошиблось, или сошло с ума.

— Кто вы? — спросил Блейн.

— Не знаю!

Зомби в отчаянии всплеснул руками, словно человек, угодивший в сеть. И тут Блейн представил себе, какие чувства испытывает сознание, утратившее имя, не понимающее, что происходит, запутавшееся, попавшее в смертельное объятие умирающего тела, но так стремящееся к жизни.

— Мы еще встретимся,— сказал зомби Блейну.— Вы представляете для меня нечто важное. Я найду вас и вспомню все про нас обоих.

Зомби повернулся и пошел по проходу из зала. Блейн не отрываясь смотрел ему вслед и вдруг почувствовал какую-то тяжесть на своем плече.

Это Мэри Торн упала в обморок. Впервые она повела себя как женщина.

Часть II

Глава 11

Стоя у аппарата для переселения душ, старший техник и бородатый врач спорили. Позади каждого выстроились ассистенты, с уважением слушая шефов. Казалось, спор касался чисто технических вопросов, однако Блейн догадался, что причина разногласий — неудача с переселением души Рейли. Каждый, по-видимому, относил неудачу на счет другого.

Пожилой врач утверждал, что аппаратура была настроена недостаточно точно либо произошел неожиданный

спад напряжения в системе энергоснабжения. Старший техник уверял, что аппаратура в идеальном состоянии, просто Рейли физически не был готов к процедуре переселения душ, поскольку такой процесс требует немалого напряжения.

Ни один не хотел уступать. Будучи все-таки благоразумными людьми, они скоро сумели найти решение, устраивающее обе стороны. Во всем виновата безымянная душа, вступившая в борьбу с Рейли за обладание телом и одержавшая верх.

— Но кто это был? — спросил старший техник.— Какой-то бродячий дух?

— По-видимому,— кивнул врач.— Духу исключительно редко удается завладеть живым телом. По тому, как он говорил, можно предположить, что это был дух.

— Кем бы он ни был,— заметил старший техник,— завладел телом он слишком поздно. Оно, бесспорно, уже перешло в состояние зомби. Впрочем, винить в случившемся некого.

— Совершенно верно,— согласился доктор.— Я готов подтвердить, что аппаратура находилась в полном порядке.

— В этом не приходится сомневаться,— ответил техник.— Равно как и в том, что клиент был превосходно подготовлен к операции.

Они обменялись многозначительными взглядами.

Тем временем совет директоров провел срочное заседание, пытаясь определить, какие последствия вызовет случившееся в ближайшем будущем, как оно отразится на корпоративной структуре «Рекса», каким образом следует информировать общественность о смерти мистера Рейли и нужно ли предоставить всем служащим корпорации свободный день, чтобы они смогли посетить семейный Дворец смерти Рейли.

Тело мистера Рейли лежало в кресле, откинувшись на спинку, и уже начало коченеть. На его лице застыла отрешенная ироническая улыбка.

Мэри Торн пришла в себя.

— Идем отсюда,— сказала она, увлекая Блейна за собой.

Они поспешно направились по длинным серым коридорам к выходу. На улице девушка остановила геликеб и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда геликеб оторвался от земли.

— Ко мне домой. Сейчас лучше быть подальше от «Рекса» — на некоторое время он превратится в сумасшедший дом,— ответила Мэри Торн и стала поправлять прическу.

Блейн откинулся на спинку сиденья и посмотрел вниз, на ярко освещенный город. С такой высоты он походил на изящную миниатюру, многоцветную мозаику из «Тысячи и одной ночи». Но где-то там, внизу, по улицам города ходил сейчас только что оживший зомби, пытающийся что-то вспомнить... о нем, о Блейне.

— Но почему он обратился именно ко мне? — вслух спросил Блейн.

Мэри Торн повернулась к нему.

— Вас интересует, почему он обратился к вам? А почему бы и нет? Вы что, никогда не ошибались?

— Ошибался, наверное. Однако с этим уже покончено.

— Может быть, это в ваше время ошибки не вызывали последствий,— покачала головой девушка.— Теперь все по-другому. Нельзя поручиться, что человек умрет полностью. В этом заключается один из самых крупных недостатков жизни после смерти, понимаете? Иногда случается, что совершенные ошибки не желают оставаться в прошлом и начинают преследовать человека даже после смерти.

— Похоже на это,— вздохнул Блейн.— Но я не совершил ничего такого, что могло бы привлечь ко мне внимание подобного существа.

— В таком случае вы лучше большинства из нас,— равнодушно пожала плечами Мэри Торн.

Никогда раньше девушка не казалась ему такой чужой. Геликеб медленно снижался. Тем временем Блейн размышлял о том, что достоинства всегда идут рука об руку с недостатками.

В том веке, из которого он пришел, борьба с болезнями в слаборазвитых странах привела к стремительному увеличению рождаемости, голоду и бедствиям. Блейн был свидетелем того, как открытие атомной энергии породило атомную бомбу. Каждое достижение сопровождалось опасными последствиями. Тогда почему это должно было измениться через полтора века? Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти представляет собой, несомненно, благо для человечества. Практика, таким образом, снова догнала теорию, однако тут же обнаружились слабые стороны... Произошло неизбежное ослабление защитного барьера, окружающего земную жизнь, появились трещины в плотине, дыры в занавесе. Мертвые отказывались лежать в могилах, они стремились смешаться с живыми. Кому это на пользу? Существование блуждающих душ является, несомненно, логическим, они действуют в рамках естественных законов природы. Но для человека, которого преследует подобный призрак, это слабое утешение.

Сегодня, подумал Блейн, в человеческую жизнь на земле вторглась совершенно новая форма существования, подобно тому как этот зомби вторгся в его жизнь, нарушив ее спокойное течение.

Геликеб совершил посадку на крыше многоквартирного жилого дома. Мэри Торн расплатилась с водителем и повела Блейна к себе домой.

Квартира оказалась просторной, полной свежего воздуха, приятно женственной и обставленной с определенным вкусом. Здесь было больше ярких цветов, чем, по мнению Блейна, требовал сдержанный характер мисс Торн; впрочем, не исключено, что кричащие желтые и красные тона являлись проявлением какого-то скрытого желания,

подавленного стремления, компенсацией суровой сдержанности ее деловой жизни. А может быть, таковы были требования современной моды. Квартира была оснащена техникой, которую Блейн привык ассоциировать с будущим: саморегулирующееся освещение и кондиционирование воздуха, кресла, автоматически изменяющие форму, и электронный бар с кнопочным управлением, изготовлявший неплохой мартини.

Мэри Торн скрылась в одной из спален. Оттуда она вышла уже в домашнем платье с высоким воротником и села на кушетку напротив Блейна.

— Ну, Блейн, каковы ваши планы?

— Хотел бы взять у вас немного денег взаймы.

— Разумеется.

— Затем найду комнату в отеле и примусь за поиски работы.

— Это будет непросто,— ответила девушка,— но я знакома с людьми, которые...

— Нет, спасибо,— перебил ее Блейн.— Надеюсь, это не покажется слишком глупым, но я собираюсь сам найти работу.

— Ничего глупого. Мне хочется, чтобы вам это удалось. Поужинаете у меня?

— С удовольствием. А вы и готовить умеете?

— Нужно всего лишь набрать название заказа,— улыбнулась Мэри.— Итак, посмотрим. Как насчет настоящего марсианского ужина?

— Нет, спасибо,— покачал головой Блейн.— Марсианская пища вкусна, но от нее сыт не будешь. Нет ли у вас бифштекса?

Мэри повернула ручки, вводя программу, и ее автоповар сделал все остальное: выбрал продукты, хранящиеся в кладовой и холодильнике, развернул и почистил их, вымыл, приготовил и по мере надобности подавал новые. Еда была великолепной, однако Мэри испытывала, казалось, какое-то странное смущение. Она извинилась перед Блейном за механическую процедуру приготовления пищи. Ведь он явился из того времени, когда

женщины сами открывали консервные банки и сами готовили; правда, у них было, по-видимому, больше свободного времени.

Когда они выпили кофе, солнце зашло.

— Большое вам спасибо, мисс Торн. А теперь, если вы дадите мне взаймы немного денег, я пойду.

— Пойдете? — удивленно спросила она.— Так поздно?

— Я сниму номер в отеле. Вы очень добры ко мне, но мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством...

— Не стоит беспокоиться. Заночуете здесь.

— Хорошо,— быстро согласился Блейн.

Во рту у него внезапно пересохло, и сердце забилось подозрительно часто. Он знал, что в приглашении Мэри Торн нет ничего личного, однако его тело отказывалось это понимать. Его реакцией на эту сдержанную и холодную мисс Торн была надежда, более того — ожидание.

Девушка отвела его в спальню и вручила зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. По команде свет выключился.

Через некоторое время, как и ожидало его тело, в темную комнату вошла Мэри. На ней было надето что-то белое и прозрачное. Она откинула одеяло и легла рядом.

Они лежали и молчали. Мэри Торн подвинулась ближе, и Блейн подсунул руку ей под голову.

— Я считал, что такие мужчины, как я, не привлекают вас.

— Нет, я сказала, что предпочитаю высоких худощавых мужчин.

— Раньше я и был высоким и худощавым.

— Я так и думала,— ответила девушка.

Они замолчали. Блейна охватило чувство неловкости и боязни. Что все это значит? Неужели она испытывает влечение к нему? Или это всего лишь современный обычай, нечто вроде гостеприимства эскимосов, предлагавших гостям на ночь своих жен?

— Мисс Торн,— начал Блейн.— Скажите...

— Да замолчи ради бога,— произнесла девушка, внезапно поворачиваясь к нему. В темноте ее глаза казались

огромными.— Неужели обязательно обо всем расспрашивать, Том?

Через некоторое время она сонно сказала:

— Теперь, мне кажется, ты можешь звать меня Мэри.

На следующее утро Блейн принял душ, побрился и оделся. Мэри набрала на панели автоповара завтрак, и они поели. Затем она вручила ему маленький конверт.

— Когда понадобится, я одолжу тебе еще,— сказала она.— Теперь насчет работы...

— Ты мне очень помогла,— прервал девушку Блейн.— Остальное мне хотелось бы сделать самому.

— Как хочешь. На конверте — мой адрес и номер телефона. Как только устроишься в отеле, позвони.

— Хорошо,— кивнул Блейн, пристально глядя на нее. Это была не та Мэри, с которой он был прошлой ночью. Казалось, это совсем другой человек. Однако Блейн чувствовал себя удовлетворенным тем, что видел ее напускную сдержанность. По крайней мере, на данный момент.

У двери она взяла его за руку.

— Будь осторожным, Том,— сказала она.— И не забудь позвонить.

— Обязательно, Мэри,— ответил Блейн.

Он отправился в город, счастливый и отдохнувший, намереваясь завоевать этот мир.

Глава 12

Сначала Блейн решил обойти фирмы, занимающиеся проектированием и строительством яхт. Однако после недолгих раздумий он отказался от этой мысли, представив себе, какой прием ждал бы конструктора яхт из 1806 года, вошедшего в судостроительную фирму в 1958 году. Старый чудак мог вполне оказаться талантливым конструктором, но что он понимает в метацентрическом анализе и в диаграммах обтекаемости, центрах напряженности, выборе места для эхолота и радиолокатора? Какая фирма захочет платить ему, пока он осваивал бы инфор-

мацию о передаточных механизмах, антикоррозионных красках, испытаниях в бассейне, шаге винта, теплообменниках, синтетических тканях для парусов...

Нечего и пытаться, подумал Блейн. Никто не даст ему работу, если он войдет в кабинет менеджера фирмы, занимающейся строительством яхт, и сообщит, что он опытный конструктор судов, которые строились сто пятьдесят два года назад. Может быть, ему удастся овладеть современными знаниями, однако заниматься этим придется в свободное время.

Значит, надо соглашаться на любую работу.

Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм газеты «Нью-Йорк таймс» и устройство для чтения, затем отыскал скамейку, сел и раскрыл газету на странице объявлений. Блейн мельком взглянул на раздел о найме квалифицированных специалистов — он явно не относился к этой категории — и принялся читать объявления о неквалифицированной рабочей силе.

«В автокафе требуется служащий с начальными знаниями роботики».

«Уборщик на лайнер "Мар Колинг". Необходима позитивная резус-реакция и иммунитет к клаустрофобии».

«Контролер по наблюдению за износом высокопрочных подшипников, знакомый с основами дженклинга. Предоставляется питание».

Блейну стало ясно, что его подготовка недостаточна даже для чернорабочего 2110 года. Открыв страницу, где были напечатаны объявления о найме подростков, он прочитал:

«Требуется юноша, интересующийся слик-траговым оборудованием. Блестящие перспективы. Необходимы знание основных принципов математической теории и умение работать с хутаан-уравнениями».

«Требуются молодые люди для работы коммивояжерами на Венере. Заработная плата плюс комиссионные. Владение основами русского, французского, немецкого и оурешского языков».

«Мальчики для доставки газет и журналов в компании "Эт Кол". Должны хорошо знать город и уметь водить шпренинг».

Итак, он не годится даже для доставки газет!

Блейна охватило отчаяние. Значит, найти работу гораздо труднее, чем он рассчитывал. Неужели в этом городе никому не нужны землекопы и рассыльные? Неужели всю черную работу выполняют роботы? Или даже для того, чтобы возить тачку, нужна степень доктора наук? В каком мире он оказался?

В поисках ответа Блейн взглянул на первую страницу газеты, поточнее установил фокус аппарата и стал читать последние новости.

«На Новом Южном Марсе, в Оксе, ведется строительство космодрома».

«Полагают, что несколько пожаров на промышленных предприятиях в районе Чикаго вызваны действиями полтергейста. Ведется предварительная подготовка к его изгнанию».

«В секторе "Сигма Джи" пояса астероидов обнаружены богатые месторождения меди».

«В Берлине усилилась активность доппельгангеров».

«Проводится новое обследование поселений осьминогов во впадине Минданао».

«Обезумевшая толпа линчевала и сожгла двух местных зомби в Спенсере, штат Аризона. Против зачинщиков начато следствие».

«Как сообщил ведущий антрополог, архипелаг Туамото в Океании является последним оплотом простых нравов: нигде больше люди не живут по традициям двадцатого века».

«В отеле "Уолдорф" на ежегодном конгрессе создана Ассоциация погонщиков рыбных косяков Атлантики».

«Охота на вервольфа в Австрийском Тироле закончилась неудачей. Местные жители предупреждены об опасности и круглосуточно ждут появления чудовища».

«Законопроект, касающийся запрета на все виды охоты и поединки гладиаторов, отвергнут Конгрессом».

«Берсеркер убил четырех человек в центре Сан-Диего».

«Количество людей, погибших в результате аварий вертолетов, достигло в этом году миллиона».

Подавленный, Блейн отложил газету. Призраки, вервольфы, доппельгангеры, полтергейст... Эти мрачные, древние слова, которые сегодня означали, судя по всему, повседневные явления, наводили на него уныние. Он уже

встретил зомби, и ему больше не хотелось сталкиваться с опасными побочными явлениями, ставшими результатом жизни после смерти.

Блейн встал и пошел дальше. Он шел через район театров, мимо плакатов и сверкающих реклам, приглашающих зрителей на бои гладиаторов в Мэдисон-сквер-гарден, щитов, извещающих о солидовизионных программах и сенсорных шоу, обертоновых концертах и венерианских пантомимах. Блейн грустно вспомнил, что и он мог бы стать одним из действующих лиц в этой сказочной стране, если бы Рейли не передумал. Сейчас его имя могло красоваться на афише одного из театров — «Человек из Прошлого»...

Ну конечно! Внезапно Блейн понял свою уникальность и неповторимость в этом новом качестве. Корпорация «Рекс» спасла ему жизнь и перенесла в двадцать второй век из 1958 года для того, чтобы извлечь максимальную выгоду для себя. Однако ее руководители отказались от этого. Тогда что мешает ему использовать открывающиеся возможности в собственных целях? На что еще он годится? Похоже, остается одно — развлекать публику.

Он быстро направился к огромному зданию, в котором размещались конторы разных компаний, и обнаружил шесть театральных агентств. Блейн выбрал агентство «Барнекс, Скоуфилд и Стайлс» и поднялся в лифте на девятнадцатый этаж.

Он вошел в роскошную приемную, стены которой были украшены огромными солидографиями улыбающихся актрис. В дальнем конце комнаты сидела прелестная секретарша. Она вопросительно взглянула на Блейна.

Блейн подошел к ее столу.

— Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь относительно моего номера,— сказал он.

— Мне очень жаль,— ответила секретарша,— но сейчас мы никого не берем. Все вакансии заполнены.

— Но это особый номер.

— Сожалею, но ничем не могу помочь. Загляните на будущей неделе.

— Послушайте,— произнес Блейн,— у меня по-настоящему уникальный номер. Видите ли, я — человек из прошлого.

— Да хоть призрак Скотта Мерривейла.— На лице девушки появилась очаровательная улыбка.— Вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся к выходу. В это мгновение мимо него быстро прошел невысокий коренастый мужчина, на ходу кивнув секретарше:

— Доброе утро, мисс Тэтчер.

— Здравствуйте, мистер Барнекс,— ответила девушка.

Барнекс! Один из театральных агентов! Блейн бросился за ним и схватил за рукав.

— Мистер Барнекс,— произнес он,— у меня номер...

— У всех номера,— устало сказал Барнекс.

— Но мой номер уникален!

— У всех уникальные номера.— В голосе Барнекса послышалось раздражение.— Отпустите мой рукав, приятель. Зайдите на следующей неделе.

— Но я из прошлого! — воскликнул Блейн, чувствуя, что ведет себя по-дурацки. Барнекс повернулся и посмотрел на него, словно собирался вызвать полицию или позвонить в сумасшедший дом. Но Блейн уже не мог остановиться.— Да-да, из прошлого! У меня самые надежные доказательства. Корпорация «Рекс» перенесла меня в двадцать второй век. Спросите у них!

— «Рекс»? — задумчиво произнес Барнекс.— Да, я что-то слышал об этом у Линди... Хм... Зайдите ко мне, мистер?..

— Блейн. Том Блейн.— Он последовал за Барнексом в тесный, загроможденный кабинет.— Вы считаете, я подойду вам?

— Может быть.— Барнекс указал Блейну на стул.— В зависимости от обстоятельств. Скажите, мистер Блейн, вы из какого года?

— Из 1958-го. Я отлично знаком с тридцатыми, сороковыми и пятидесятыми годами. А если говорить о сценическом опыте, я играл на любительской сцене, когда

учился в колледже, а знакомая актриса однажды сказала, что у меня хорошие способности...

— 1958 год... Это двадцатый век?

— Совершенно верно.

— Жаль,— покачал головой театральный агент.— Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я бы нашел для вас работу. У меня не было бы никаких затруднений с римлянином из первого столетия или англосаксом из четвертого. Мало того, я мог бы устроить еще пару таких пришельцев из прошлого. Однако теперь, когда запрещены путешествия во времени, найти подобных людей практически невозможно. Я уж не говорю о периоде до Рождества Христова.

— А как с пришельцами из двадцатого века?

— Нет вакансий.

— То есть как это «нет»?

— Вот так. Бен Терлер из 1953 года играет все роли двадцатого века.

— Понятно.— Блейн медленно встал.— Все равно спасибо, мистер Барнекс.

— Не стоит,— ответил Барнекс.— Жаль, что ничем не могу вам помочь. Вот если бы вы прибыли из любого года и любого места земного шара до одиннадцатого столетия, я мог бы попробовать... Послушайте, почему бы вам не встретиться с Терлером? Маловероятно, конечно, но вдруг ему потребуется дублер или еще что-то.

Он написал адрес на клочке бумаги и протянул Блейну. Блейн взял бумажку, еще раз поблагодарил и ушел.

На улице он остановился, кляня свою судьбу. Подумать только, его уникальное, неповторимое качество, единственное преимущество, выделяющее его среди остальных, уже захвачено каким-то Беном Терлером из 1953 года! Да, пожалуй, путешествия во времени действительно следует ограничить. Просто бессовестно перебросить человека на полтора столетия в будущее и затем не обращать на него никакого внимания.

Интересно, что за человек этот Терлер? Ну что же, скоро он узнает. Даже если Терлеру и не нужен дублер, все равно будет приятно поговорить с кем-то из своей

эпохи. К тому же Терлер, проживший здесь дольше, может посоветовать, что делать в 2110 году человеку из двадцатого века. Блейн махнул рукой летевшему мимо геликебу и назвал адрес Терлера. Через пятнадцать минут он уже был в доме, где жил Терлер, и нажимал на кнопку звонка.

Дверь открыл прилизанный, полный мужчина с самодовольным лицом, в домашнем халате.

— Вы фотограф? — спросил он.— Что-то слишком рано.

— Нет, мистер Терлер, мы раньше не встречались,— покачал головой Блейн.— Я из вашего столетия. Меня перенесли сюда из 1958 года.

— Вот как? — подозрительно спросил мужчина.

— Совершенно верно, из 1958-го. Это сделала корпорация «Рекс». Можете поинтересоваться у них.

Терлер пожал плечами.

— Так, и что же вам нужно?

— Я думал, может быть, вам понадобится дублер или помощник...

— Нет-нет, я никогда не прибегаю к помощи дублера.

Терлер вознамерился закрыть дверь.

— Я так и думал,— произнес Блейн.— Зашел к вам лишь потому, что мне хотелось поговорить. За пределами своего столетия чувствуешь себя таким одиноким, вот и решил встретиться с вами. Наверное, вы тоже иногда испытываете такое чувство?

— Я? А-а.— Театральная улыбка внезапно озарила лицо Терлера.— Вы имеете в виду ностальгию по старому доброму двадцатому веку? Ну конечно, мне так приятно было бы как-нибудь поболтать с вами о тех временах, дружище. Маленький уютный Нью-Йорк, бейсбол, «Доджерс» и «Янкис», экипажи в парке, катание на роликовых коньках на Рокфеллер-плаза. Разумеется, скучаю по всему этому, еще бы! Вот только сейчас я немного занят.

— Да, конечно,— согласился Блейн.— Поговорим как-нибудь в другой раз.

— Обязательно! Буду ждать с нетерпением.— Улыбка на лице Терлера стала еще ослепительнее.— Позвоните

моей секретарше, ладно, старина? Понимаете, придется согласовать время встречи — масса выступлений, ни минуты свободной. Выберем денек и поболтаем как следует. Вам, наверное, нужны деньги? Пара долларов не помешает...

Блейн покачал головой.

— Ну что ж, до свидания,— с напускной сердечностью произнес Терлер.— Звоните.

Блейн повернулся и пошел к выходу. Жаль, конечно, лишиться своего уникального качества, но еще хуже, что тебя обокрал какой-то самозванец, никогда не приближавшийся к 1953 году даже на сотню лет. Подумать только — катание на роликовых коньках на Рокфеллер-плаза! Он даже не подозревает, что там всегда был искусственный каток. Впрочем, Блейну не нужна была эта оплошность Терлера — все в его поведении так и кричало о фальши.

К сожалению, Блейн, по-видимому, был единственным человеком в 2110 году, который смог уличить самозванца.

В этот же день Блейн купил смену белья и бритвенный прибор и снял комнату в дешевом отеле на 5-й авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Блейн обошел несколько ресторанов, где обнаружил, что мытье посуды с помощью человеческих рук осталось в прошлом. В космопортах и доках всю тяжелую работу выполняли роботы.

Однажды его едва не приняли на работу — инспектором по упаковке пакетов в универмаге «Гимбел Мейсиз». Однако в отделе кадров тщательно изучили психологические качества его личности, определили индекс раздражительности и уровень внушаемости и отклонили кандидатуру Блейна. Предпочтение было отдано невысокому мужчине с тупым взглядом, обладателю степени кандидата наук в области дизайна пакетов.

Блейн возвращался к себе в отель едва живой от усталости и вдруг увидел в толпе знакомое лицо. Этого человека он узнал бы сразу же и где угодно. Ему было пример-

но столько лет, сколько Блейну: коренастый, рыжеволосый, курносый мужчина с чуть выступающими передними зубами и маленьким красным пятном на шее. Он никогда не терял присутствия духа и вел себя с веселой уверенностью человека, не сомневающегося в том, что вот сейчас что-то подвернется.

— Рей! — крикнул Блейн.— Рей Мелхилл! — Он растолкал толпу и схватил мужчину за руку.— Рей! Как ты сумел спастись?

Мужчина высвободился и отряхнул рукав пиджака.

— Меня зовут не Мелхилл,— сказал он.

— Не Мелхилл? Вы уверены?

— Конечно, уверен,— произнес мужчина, собираясь уйти.

Блейн встал у него на пути.

— Одну минуту. Он выглядит в точности как вы, даже радиационный ожог на том же месте. Вы действительно уверены, что не являетесь Реем Мелхиллом, механиком с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен.— Голос мужчины звучал враждебно.— Вы с кем-то перепутали меня, молодой человек.

Блейн пристально посмотрел на уходящего, затем догнал его, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Грязный ворюга! Ты украл тело Мелхилла! — воскликнул он, замахиваясь огромным кулаком.

Мужчина, так напоминающий Мелхилла, отлетел к стене здания. Потеряв сознание, он медленно сполз на тротуар. Блейн бросился к нему, и прохожие расступились, уступая дорогу.

— Берсеркер! — раздался истошный вопль какой-то женщины, подхваченный еще кем-то.

Блейн краем глаза заметил голубой мундир полицейского, пробирающегося через толпу. Полиция! Блейн пригнулся и нырнул в толпу, свернул за угол, потом за другой, перешел на шаг и огляделся. Полицейского не было видно. Блейн не спеша направился в гостиницу.

Это было тело Мелхилла, но в нем обитал кто-то другой. На этот раз механику спастись не удалось. У него отняли тело и продали какому-то старику, чья ворчливая

душа носила складное тело, как плохо сидящий, сшитый на юношу костюм.

Теперь Блейн знал, что его друг действительно мертв. Он зашел в соседний бар, молча выпил за упокой души стакан виски и вернулся в отель.

Когда он проходил через вестибюль, его окликнул дежурный портье:

— Блейн! Одну минуту. У меня для вас письмо,— и скрылся в конторке.

Блейн ждал, удивляясь, кто мог написать ему. Разве что Мэри? Но он еще не позвонил ей и не собирался звонить, пока не найдет работу.

Портье вышел из конторки, подошел к стойке и вручил ему полоску бумаги. Там было написано:

«В Духовном коммутаторе, в филиале на 23-й улице, Томаса Блейна ждет сообщение. Время работы — с девяти утра до пяти вечера».

— Интересно, как могли узнать, что я живу здесь? — спросил Блейн.

— У духов свои способы,— ответил портье.— Покойная теща моего приятеля сумела отыскать его, несмотря на троекратную перемену фамилии, трансплант и полную пересадку кожи. Он скрывался от нее в Абиссинии.

— У меня нет покойных тещ,— сказал Блейн.

— Тогда кто, по-вашему, хочет увидеться с вами?— поинтересовался портье.

— Завтра узнаю и расскажу,— пообещал Блейн, однако его сарказм пропал даром. Портье уже склонился над учебником — он учился на заочных курсах по техническому обслуживанию атомных двигателей.

Блейн пошел в свой номер.

Глава 13

Филиал Духовного коммутатора на 23-й улице находился в большом здании из серого камня недалеко от 3-й авеню. Над входом были выгравированы слова: «Посвя-

щается свободному общению тех, кто находится на Земле, с теми, кто оставил ее».

Блейн вошел в здание и остановился перед схемой расположения отделов Духовного коммутатора. В ней были указаны этажи и номера комнат, где размещались отделы исходящих сообщений, входящих, переводов, отречений, изгнания духов, предложений, жалоб и наставлений. Он не знал, в какой отдел ему обращаться, да и понятия не имел даже о назначении Духовного коммутатора, поэтому направился со своим листком прямо в справочное бюро.

— Вам нужно обратиться в отдел входящих сообщений,— сказала ему приятная седая женщина.— Это через вестибюль в комнате 32-А.

— Спасибо.— Блейн поколебался и спросил: — А вы не могли бы кое-что разъяснить?

— Конечно,— улыбнулась женщина.— Что именно?

— Мой вопрос может показаться вам глупым... но что такое «Духовный коммутатор»?

— На такой вопрос ответить непросто,— заметила женщина, продолжая улыбаться.— С философской точки зрения, я полагаю, можно назвать Духовный коммутатор движением вперед к более тесному единению, попыткой отказаться от дуализма сознания и тела и стремлением заменить...

— Нет,— прервал ее Блейн,— в буквальном смысле.

— В буквальном? Ну что ж, Духовный коммутатор представляет собой частную организацию, не облагаемую налогами, созданную для содействия общению с теми, кто находится на Пороге потусторонней жизни. В некоторых случаях, разумеется, в нашей помощи не возникает необходимости, когда возможно непосредственное общение между живыми и теми, кто перешел в мир иной. Однако в большинстве случаев нужно усиление. У нашего центра есть соответствующая аппаратура, помогающая услышать голоса ушедших от нас. Кроме того, мы оказываем и другие услуги, например изгнание нечистой силы, отречение, проповеди и прочее, что время от вре-

мени становится необходимым, когда плоть взаимодействует с духом. Теперь вы понимаете, чем мы занимаемся? — тепло улыбнулась женщина.

— Да, большое спасибо,— поблагодарил Блейн и направился по вестибюлю к комнате 32-А.

Это была маленькая невзрачная комната с несколькими креслами и громкоговорителем на стене. Блейн сел, не зная, что произойдет дальше.

— Том Блейн! — послышался тихий голос из громкоговорителя.

— Кто? Что это? — Блейн вскочил и бросился к двери.

— Том! Как поживаешь, дружище?

Блейн уже схватился за ручку, как вдруг узнал голос.

— Рей Мелхилл?

— Собственной персоной! Нахожусь там, куда попадают после смерти богатые люди! Здорово, а?

— Здорово? Это еще слабо сказано! — воскликнул Блейн.— Но каким образом, Рей? Ты, вроде, говорил, что у тебя не было страховки потусторонней жизни.

— Точно, не было. Сейчас я расскажу тебе все, что со мной приключилось. За мной пришли примерно через час после того, как увели тебя. Я был просто вне себя от ярости, думал, что сойду с ума. И злился, пока хлороформ давали, пока сознание стирали. Даже когда умирал, злился.

— А что такое смерть? — спросил Блейн.

— Это как взрыв. Я чувствовал, как разлетаюсь на мелкие куски, становлюсь большой, как целая галактика, куски распадаются еще на кусочки, и все это — я.

— А что было дальше?

— Не знаю. Может быть, мне помогло то, что я был страшно зол. Я занял огромное пространство, растянулся до предела — еще немного, и меня не стало бы,— но затем я снова сжался. Некоторым такое удается. Я ведь говорил тебе, что из миллиона всего несколько человек остаются живыми без специальной подготовки к жизни после смерти. Вот я и оказался одним из таких счастливчиков.

— Обо мне ты, наверное, все знаешь,— сказал Блейн.— Я пытался как-то помочь тебе, но тебя успели продать.

— Да, знаю,— ответил Мелхилл.— И все равно спасибо, Том. И вот что еще: я благодарен за то, что ты врезал тому подонку, что носит теперь мое тело.

— Ты и это видел?

— Да вот, стараюсь следить за происходящим,— ответил Мелхилл.— Между прочим, мне понравилась твоя Мэри. Симпатичная девчонка.

— Спасибо, Рей. Скажи, а что такое потусторонняя жизнь? На что она похожа?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Я ведь туда еще не попал, Том. Я сейчас на Пороге. Это такая подготовительная ступень, нечто вроде моста между Землей и потусторонней жизнью. Понимаешь, это трудно описать. Что-то серое, с одной стороны Земля, а с другой — потусторонняя жизнь.

— А почему же ты не переходишь туда?

— Не хочется торопиться,— ответил Мелхилл.— Дорога в потустороннюю жизнь — улица с односторонним движением: перейдешь — и назад уже не вернуться. Теряешь всякий контакт с Землей.

Блейн задумался на мгновение, затем спросил:

— А когда ты собираешься окончательно перебраться?

— Не знаю еще. Думаю, пока останусь на Пороге и посмотрю, как тут дела.

— Ты хочешь сказать, что будешь наблюдать за мной?

— Ага.

— Спасибо, Рей, не надо. Перебирайся в потустороннюю жизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Не сомневаюсь,— донесся голос Мелхилла.— Но все-таки пока останусь здесь. Ведь ты тоже поступил бы так, окажись ты на моем месте, правда? Так что не спорь. Скажи, ты знаешь, что тебе угрожает опасность?

Блейн кивнул:

— Ты имеешь в виду зомби?

— Я не знаю, кто он и что ему от тебя нужно, Том, но ничего хорошего ваша встреча не обещает. Постарайся держаться от него подальше — вдруг он что-то вспомнит? Но я имел в виду не это.

— Ты хочешь сказать, что мне еще что-то угрожает?

— Боюсь, что так. За тобой охотится призрак.

Блейн невольно рассмеялся.

— Что смешного? — негодующе спросил Мелхилл.— По-твоему, смешно, когда тебя преследует призрак?

— Нет, пожалуй. И все-таки, неужели это так серьезно?

— Господи, да ты полный невежда,— вздохнул Мелхилл.— Что ты знаешь о призраках? О том, как ими становятся и что им нужно?

— Ничего. Просвети меня.

— Когда человек умирает, у него появляются три возможности. Во-первых, его сознание может просто распасться, рассеяться и исчезнуть, и тогда наступает конец. Второе — сознание может противостоять травме умирания, и человек попадает в пороговую зону, становится духом. Об этих двух путях ты, по-видимому, знаешь.

— Дальше.

— Есть и третья возможность: сознание человека повреждается в результате травмы умирания, но не рассеивается. Оно попадает-таки на Порог. Однако напряжение оказывается настолько большим, что сводит его с ума. Вот так, мой друг, рождается призрак.

— Хм,— произнес Блейн.— Значит, призрак — это сознание, утратившее разум в результате травмы умирания?

— Совершенно верно. Он становится безумным и преследует людей.

— Зачем?

— Призраки преследуют людей,— сказал Мелхилл,— потому что переполнены болезненной ненавистью, злобой, страхом и болью. Они не попадают в потустороннюю жизнь. Им хочется провести как можно больше времени на Земле, на которой сконцентрировано все их

внимание. Они стремятся вселять в людей страх, причинять им боль и страдания, сводить их с ума. Преследование людей становится для них самым приятным занятием, которое только им доступно. Это их безумие. Видишь ли, Том, с момента возникновения человечества...

С момента возникновения человечества существовали призраки, но их всегда было немного. Всего лишь несколько человек из миллиона выживали после смерти, и только немногие из числа уцелевших сходили с ума во время перехода к потусторонней жизни и превращались в призраков.

Однако влияние этих немногих было поистине колоссальным, потому что человечество всегда относилось к смерти со страхом, интересом и благоговением, смерть словно околдовывала людей, и холодное бесстрастие трупа, который только что был живым человеком, потрясало не меньше, чем ужасная улыбка скелета. Таинственный, создававшийся веками образ смерти с пальцем, угрожающе указующим в небеса, населенные бесчисленными духами, казался наполненным безграничным смыслом. Таким образом, каждый настоящий призрак превращался в тысячу воображаемых. Зловещий крик летучей мыши делал ее призраком. Болотные огоньки, раздуваемые сквозняком шторы и раскачивающиеся на ветру деревья становились призраками; огни святого Эльма, большеглазые совы, крысы за стенами и лисицы в кустах — все это олицетворяло призрачное царство. Народные предания распространялись все шире, создавая ведьм и колдунов, маленьких несносных домовых, демонов и дьяволов, суккубов и инкубов, вервольфов и вампиров. Каждый подлинный призрак превращался в тысячу воображаемых, а всякое загадочное событие вызывало к жизни миллионы слухов.

Первые ученые-исследователи вошли в этот лабиринт, пытаясь отличить правду от сверхъестественных явлений. Они обнаружили бесчисленное множество надувательств,

галлюцинаций и просто ошибок. Одновременно ученые столкнулись с рядом действительно необъяснимых случаев, которые были хоть и интересными, но редкими.

Рухнули все народные предания. Со статистической точки зрения призраков не существовало. Зато постоянно вырисовывалось неуловимое, не поддающееся объяснению нечто, отказывающееся втиснуться в рамки рациональной классификации. На протяжении столетий это «нечто» игнорировалось, а ведь именно оно давало основания для легенд о демонах и оборотнях. Наконец пришло время, когда научная теория догнала народные предания, нашла для них место в царстве неоспоримых явлений и придала им респектабельность.

После обнаружения и научного подтверждения потусторонней жизни призраки, не поддававшиеся ранее объяснению, стали рассматриваться как воплощение безумного сознания, населяющего расплывчатую пограничную область между Землей и потусторонним миром. Оказалось, что формы безумия у призраков можно относить к различным категориям, как у живых людей. Среди них были меланхолики; одержимые навязчивой идеей; дурашливые гебефреники, болтающие глупости; идиоты и слабоумные, возвращающиеся под маской малых детей; шизофреники, вообразившие себя животными; подобия вампиров и снежных людей; волки-оборотни; тигры-оборотни; лисы-оборотни; собаки-оборотни. Имелись также духи, обуреваемые страстью к разрушению, бросающие камни и устраивающие пожары, полтергейст и претенциозные параноики, возомнившие себя Люцифером или Вельзевулом, Израилем или Азраилом, духом прошедшего Рождества, фуриями, Высшим Судией или даже самой Смертью.

Преследование людей проистекало из безумной природы призраков. Они плакали у старых сторожевых башен, те немногочисленные призраки, на чьих хрупких плечах покоилось огромное строение народных легенд и сказок, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормо-

тали и несли чепуху на спиритических сеансах. Они разговаривали, рыдали, танцевали и пели, к удовольствию доверчивой публики, пока не появились ученые и наблюдатели со своими холодными трезвыми вопросами. Тогда призраки отступили обратно в пограничную область между Землей и потусторонней жизнью под натиском здравого рассудка, испугавшись за свои иллюзии и боясь возможности исцеления.

— Вот так все и было,— закончил Мелхилл.— В остальном ты и сам разберешься. После появления корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» намного больше людей остаются живыми после смерти и, разумеется, куда больше сходят с ума во время переселения в потусторонний мир.

— И следовательно, появляется гораздо больше призраков,— добавил Блейн.

— Совершенно верно. Один из них преследует тебя.— Голос Мелхилла начал ослабевать.— Так что будь осторожен, Том. А мне пора идти.

— Что это за призрак, Рей? — спросил Блейн.— Чей? И почему тебе пора идти?

— Чтобы оставаться на Земле, требуется много энергии,— послышался шепот Мелхилла.— У меня ее почти не осталось. Мне нужна подзарядка. Ты еще слышишь меня?

— Слышу, продолжай.

— Я не знаю, когда он объявится, Том. И не имею представления, кто это такой. Я спросил его, но он не ответил. Будь осторожен.

— Хорошо, Рей,— ответил Блейн, прижимая ухо к громкоговорителю.— А с тобой я еще смогу поговорить?

— Да, наверное.— Голос Мелхилла был едва слышен.— Том, я знаю, что ты ищешь работу. Обратись к Эду Франчелу, 322, Вест, 19-я улица. Работа опасная, но платят неплохо. И гляди в оба.

— Рей! — крикнул Блейн.— Так что это за призрак?

Ответа не последовало. Громкоговоритель молчал, и Блейн остался один в маленькой комнате.

Глава 14

По адресу, который ему дал Рей Мелхилл,— 322, Вест, 19-я улица — находился маленький ветхий особняк недалеко от доков. Блейн поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка рядом с табличкой «Эдвард Дж. Франчел, предприниматель». Дверь открыл крупный лысеющий мужчина в рубашке без пиджака.

— Мистер Франчел? — спросил Блейн.

— Да, это я,— ответил мужчина, решительно улыбнувшись.— Проходите, сэр.

Он впустил Блейна в квартиру, пропахшую вареной капустой. Первая комната была превращена в офис — стол, заваленный бумагами, пыльный шкаф, уставленный папками, и несколько стульев. В глубине квартиры Блейн увидел темную гостиную. Откуда-то доносился рев солидовизора: шла дневная программа.

— Извините за беспорядок,— произнес Франчел, приглашая Блейна сесть.— Как только выдастся свободное время, переберусь в настоящую контору. Меня прямотаки завалили заказами... Итак, сэр, чем могу служить?

— Я ищу работу,— сказал Блейн.

— Черт побери,— выругался Франчел,— а я принял вас за клиента.

Он повернулся в сторону гремевшего солидовизора и крикнул:

— Элис, сделай проклятую машину потише, а? — Подождал, пока звук стал чуть потише, и снова взглянул на Блейна.— Понимаешь, приятель, если мои дела не улучшатся, мне снова придется взять в аренду кабину для самоубийств на Кони-Айленд. Значит, ищешь работу?

— Совершенно верно. Рей Мелхилл посоветовал обратиться к вам.

Франчел улыбнулся.

— Как поживает Рей? — спросил он.

— Рей умер.

— Очень жаль,— покачал головой Франчел.— Он был хорошим парнем, хотя иногда с ним не было сладу. Когда

пилоты космолетов бастовали, он работал у меня пару раз. Выпьешь что-нибудь?

Блейн кивнул. Франчел встал, подошел к шкафу и достал из-за папок бутылку пшеничного виски с надписью на этикетке «Moonjuice», затем поставил на стол два маленьких стаканчика и ловко наполнил их.

— Выпьем за Рея,— произнес Франчел, поднимая стаканчик с «лунным соком».— Значит, его все-таки «упаковали»?

— И даже «доставили»,— кивнул Блейн.— Я только что говорил с ним через Духовный коммутатор.

— Значит, он сумел добраться до Порога! — с восхищением воскликнул Франчел.— Вот если бы нам так же повезло! Итак, тебе нужна работа? Ну что ж, может быть, я сумею помочь. Встань.

Он обошел вокруг Блейна, потрогал его бицепсы и похлопал по могучим плечам, затем остановился перед ним, кивая опущенной головой,— и вдруг нанес удар в лицо. Правая рука Блейна мгновенно взлетела вверх и парировала удар.

— Отличное телосложение, превосходная реакция,— удовлетворенно заметил Франчел.— Пожалуй, ты подойдешь. В оружии разбираешься?

— Не то чтобы очень,— ответил Блейн, еще не понимая, какую работу ему хотят предложить.— Так... старинное оружие. Гаранд, винчестер, кольт.

— Неужели? — заинтересовался Франчел.— Знаешь, мне всегда хотелось заняться коллекционированием старинного огнестрельного оружия. Однако во время охоты запрещено как огнестрельное, так и лучевое оружие. Что еще ты умеешь?

— Могу действовать винтовкой с примкнутым штыком,— сказал Блейн, подумав, как захохотал бы его сержант, услышав такое заявление.

— Действительно можешь? Выпады, защита и тому подобное? Черт меня побери! — поразился Франчел.— А мне казалось, что искусство штыкового боя утрачено

навсегда. Ты первый за пятнадцать лет. Так вот, дружище, считай, что ты нашел работу.

Франчел подошел к столу, написал что-то на листке бумаги и протянул его Блейну.

— Отправляйся завтра по этому адресу на инструктаж. Тебе будут платить обычное жалованье участника охоты — двести долларов плюс пятьдесят за каждый рабочий день. У тебя есть оружие и снаряжение? Ладно, я подберу тебе что-нибудь, но стоимость будет вычтена из заработной платы. Кроме того, я беру десять процентов сверху. Согласен?

— Конечно,— согласился Блейн.— Вы не могли бы объяснить поподробнее относительно охоты?

— Тут нечего объяснять. Самая обычная охота. Только не болтай об этом. Я не уверен, что охоту еще не запретили. Жаль, что Конгресс не может принять окончательного решения относительно закона о самоубийствах и допустимых убийствах. А то непонятно, что разрешено, а что — нет.

— Это верно,— кивнул Блейн.

— Юридические аспекты тебе объяснят, наверное, во время инструктажа,— продолжал Франчел.— Там будут и остальные охотники, и жертва расскажет вам все, что нужно. Если будешь говорить с Реем, передай от меня привет. Скажи, я очень сожалею о его смерти.

— Обязательно передам,— сказал Блейн.

Он решил больше не задавать вопросов, опасаясь, что его невежество может стоить ему работы. А работа — любая работа — была сейчас необходима как для утверждения чувства собственного достоинства, так и для пополнения тощего кошелька.

Он поблагодарил Франчела и ушел.

Этим вечером Блейн поужинал в дешевой закусочной и купил несколько журналов. Ему удалось найти работу, а потому у него было хорошее настроение. Теперь Блейн не сомневался, что найдет для себя достойное место в этой эпохе.

Его эйфория исчезла, когда, возвращаясь к себе к отель, он увидел мужчину, который стоял в переулке и следил за ним. У мужчины было бледное лицо и бесстрастные глаза Будды, а грубая одежда висела на нем, как лохмотья на огородном пугале.

Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться в отеле, отказываясь признать, что ему угрожает опасность. В конце концов, если коту дозволено смотреть на короля, то и зомби имеет право смотреть на человека, правда?

Впрочем, такие попытки успокоить себя оказались не слишком успешными, и его до утра мучили кошмары.

Рано утром Блейн отправился на угол 42-й улицы и Парк-авеню, чтобы сесть на автобус и ехать на инструктаж. Ожидая, он заметил какое-то волнение на противоположной стороне 42-й улицы.

Посреди заполненного людьми тротуара остановился мужчина. Он глупо хихикал, и прохожие стали обходить его. Блейну показалось, что мужчине было за пятьдесят, на нем был деловой твидовый костюм, очки, и ему не мешало бы похудеть. В руке он держал портфель и был похож на десятки миллионов деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться, раскрыл портфель и достал оттуда два длинных, слегка изогнутых кинжала, *затем отбросил в сторону пустой портфель и очки.*

— Берсеркер! — послышался чей-то крик.

Мужчина бросился в толпу, размахивая сверкающими кинжалами. Люди закричали и стали в панике разбегаться.

— Берсеркер, берсеркер!

— Вызовите полицию!

— Берегитесь, берсеркер!

Один из прохожих упал на тротуар, зажимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало огненно-красным, изо рта брызгала слюна. Он пробирался все дальше в толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать. Пронзительно крикнула упавшая женщина; пакеты, которые она держала в руках, рассыпались по тротуару.

Берсеркер попытался ударить ее кинжалом, зажатым в левой руке, но промахнулся и рванулся дальше в толпу.

Появились одетые в синюю форму полицейские — их было шесть или восемь,— они были вооружены.

— Всем лечь! — раздался властный голос.— На тротуар! Всем лечь!

Движение остановилось. Прохожие вокруг берсеркера бросились на тротуар. На той стороне улицы, где стоял Блейн, люди тоже поспешно ложились.

Веснушчатая девочка лет двенадцати потянула Блейна за рукав.

— Ложитесь и вы, мистер! Вас может задеть луч!

Блейн опустился на асфальт рядом с ней. Берсеркер повернулся и побежал к полицейским, испуская пронзительные вопли и размахивая кинжалами.

Трое полицейских одновременно открыли огонь. Бледно-желтые лучи вырвались из пистолетов и, попав в берсеркера, окрасились в красный цвет. Он вскрикнул, когда одежда на нем задымилась, повернулся и попытался убежать.

Желтый луч попал прямо ему в спину. Берсеркер швырнул кинжалы в полицейских и упал.

Вертолет «скорой помощи» опустился на мостовую с вращающимся винтом, в него погрузили труп берсеркера, раненых прохожих, и он тут же улетел. Полицейские принялись разгонять толпу, собравшуюся посмотреть на происшедшее:

— Расходитесь, расходитесь, спектакль закончен. Все по домам!

Толпа начала расходиться. Блейн встал и отряхнулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Вот глупый, это же был берсеркер,— объяснила веснушчатая девочка.— Разве не видел?

— Видел. А что, здесь много таких?

Девочка с гордостью кивнула:

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе мира, кроме Манилы,— там их называют

амоками. Но это одно и то же. У нас появляется примерно пятьдесят берсеркеров в год.

— Больше,— вмешался какой-то мужчина.— Семьдесят, даже восемьдесят в год. Но этот не слишком-то расторопный.

Вокруг Блейна и девочки собралась группа любопытных. Началось обсуждение происшедшего. Блейн подумал, что в двадцатом веке так обсуждали автомобильные аварии.

— Сколько человек пострадало?

— Всего пять, и, по-моему, он никого не убил.

— Он не слишком и старался,— сказала пожилая женщина.— Когда я была девчонкой, остановить таких удавалось не сразу. Да, в наше время были настоящие берсеркеры.

— Да и место он выбрал неудачное,— заметила веснушчатая девочка.— 42-я улица всегда полна полицейских. Здесь берсеркер даже не успеет развернуться, как его тут же приканчивают.

— Ладно, ребята, расходитесь,— послышался голос подошедшего здоровенного полицейского.— Повеселились, и хватит.

Толпа разошлась, Блейн сел в автобус, недоумевая, почему пятьдесят или даже больше человек в Нью-Йорке становятся неистовыми берсеркерами каждый год. От нервного напряжения? Безумное проявление индивидуализма? Особый вид преступления для взрослых?

И это тоже придется выяснить, если он хочет понять мир 2110 года.

Глава 15

По указанному адресу находилась роскошная квартира на верхнем этаже фешенебельного дома на Парк-авеню, в районе 70-х улиц. Дворецкий провел его в просторную комнату с длинным рядом кресел. Там уже сидела дюжина громкоголосых, крепких, загорелых мужчин, не-

брежно одетых и неловко чувствующих себя в такой изысканной обстановке. Большинство из них знали друг друга.

— Привет, Отто! Решил снова поохотиться?

— Да. Нет денег.

— Я так и знал, что ты вернешься к нам, старина. Здорово, Тим!

— Как поживаешь, Бьерн? Это моя последняя охота.

— Вот как? До следующего раза?

— Нет, я серьезно. Покупаю ферму в глубоководной впадине Северной Атлантики. Нужен вступительный взнос.

— Да ведь ты пропьешь свой взнос!

— На этот раз не пропью.

— Привет, Тезей! Верная рука в порядке?

— Как всегда, Чико. А ты как?

— Ничего, малыш.

— А вот и Сэмми Джонс, как всегда последний.

— Но ведь я не опоздал, правда?

— Опоздал на десять минут. Где твой кореш?

— Слиго? Погиб. Во время охоты на Астуриасе.

— Круто подзалетел. Страховка-то хоть была на потустороннюю жизнь?

— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и громко произнес:

— Господа! Прошу внимания!

Он остановился в центре комнаты, подбоченившись и глядя на сидящих охотников. Это был худощавый, мускулистый мужчина среднего роста, в бриджах и рубашке с расстегнутым воротником. У него были небольшие холеные усики и удивительно синие глаза, выделявшиеся на худом загорелом лице. Несколько секунд он разглядывал охотников, отчего те неловко покашливали и шаркали ботинками.

— Доброе утро, господа,— сказал наконец мужчина.— Меня зовут Чарльз Халл, я ваш наниматель и жертва.— По его лицу пробежала холодная улыбка.— Прежде всего, господа, несколько слов по поводу законности нашего мероприятия. В последнее время возникла некоторая путаница в этом вопросе. Мой адвокат тщательно изучил

все аспекты данной проблемы и даст вам сейчас разъяснения. Прошу вас, мистер Дженсен!

В комнату вошел невысокий, нервного вида мужчина, поправил очки и откашлялся.

— Да, мистер Халл. Господа, относительно законности охоты в данный момент: в соответствии с пересмотренными и дополненными поправками к закону о самоубийстве от 2102 года любой человек, защищенный страховым полисом, гарантирующим ему потустороннюю жизнь, имеет право выбрать для себя любую смерть в любое время и в любом месте, за исключением жестоких и противоестественных способов. Законность этого основного «права на смерть» очевидна: юристы не признают физическую смерть как таковую, если эта смерть не влечет за собой гибели сознания. Если сознание сохраняется, то убить тело не менее законно, чем состричь ноготь,— с юридической точки зрения. В соответствии с недавним решением Верховного суда тело считается всего лишь придатком сознания, которое может избавиться от него, когда пожелает.

Во время объяснения Халл расхаживал по комнате быстрыми кошачьими шагами. Потом он остановился и сказал адвокату:

— Благодарю вас, мистер Дженсен. Таким образом, никто не может оспаривать мое право на самоубийство. А также нет ничего незаконного в том, что я выбрал одного человека — или нескольких,— чтобы они помогли мне совершить этот акт. Ваши действия считаются законными, поскольку попадают под раздел разрешенных убийств закона о самоубийстве. Как видите, все хорошо. Единственная проблема вытекает из недавней поправки к закону о самоубийстве.— Он кивнул мистеру Дженсену.

— Эта поправка гласит,— произнес Дженсен,— что человек может выбрать для себя любой способ смерти в любое время и в любом месте и тому подобное, если «таковая смерть не причинит физического ущерба другим людям».

— Вот эта поправка,— заметил Халл,— и затрудняет дело. Итак, охота является юридически дозволенным способом самоубийства. Время и место уже выбраны. Вы, охотники, преследуете меня. Я, ваша жертва, убегаю. Вы ловите меня и убиваете. Великолепно! За исключением одной детали.— Он повернулся к адвокату.— Мистер Дженсен, вы можете уйти. Мне не хочется, чтобы вы оказались замешанным в это дело.

После того как адвокат покинул комнату, Халл продолжил:

— Загвоздка в том, что я буду вооружен и приложу все усилия, чтобы убить как можно больше охотников. Любого из вас. Даже всех, если удастся. И вот это является незаконным.— Халл грациозно опустился в кресло.— Преступление, однако, совершаю я, а не вы. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. Вы понятия не имеете, что я собираюсь защищаться и наносить ответные удары. Это, конечно, юридическая фикция, но она спасает вас от обвинения в соучастии. Если меня арестуют в тот момент, когда я попытаюсь убить одного из вас, наказание, которое я понесу, будет очень суровым. Но меня не схватят. Один из вас убьет меня, и таким образом я окажусь вне досягаемости человеческого правосудия. Если же мне удивительно не повезет и я убью вас всех, мне придется покончить с жизнью старинным способом и принять сильнодействующий яд. Но такой исход охоты был бы для меня большим разочарованием. Надеюсь, вы окажетесь достаточно умелыми и не допустите этого. Есть вопросы?

Охотники зашушукались, обмениваясь мнениями:

— Хитрый, ублюдок, а говорит-то как!

— Да брось ты, все жертвы так говорят.

— Считает себя умнее нас, хочет удивить юридическими тонкостями.

— Посмотрим, что он запоет, когда почувствует в брюхе холодную сталь.

— Великолепно.— На лице Халла снова появилась холодная улыбка.— Будем считать, что ситуация всем ясна.

А теперь попрошу рассказать, каким оружием вы собираетесь пользоваться.

Охотники отвечали один за другим:

— Булава.

— Сетка и трезубец.

— Копье.

— «Утренняя звезда».

— Бола.

— Ятаган.

— Винтовка со штыком,— произнес Блейн, когда подошла его очередь.

— Меч.

— Алебарда.

— Сабля.

— Спасибо, господа,— поблагодарил охотников Халл.— Сам я буду вооружен рапирой — и никаких защитных доспехов. Встретимся на рассвете в воскресенье в моем имении. Дворецкий вручит каждому из вас бумагу, где будет объяснено, как туда добраться. Охотника со штыком попрошу остаться. Всем остальным — до свидания.

Охотники вышли. Халл взглянул на Блейна.

— Умение орудовать винтовкой со штыком — необычное искусство. Где вы учились штыковому бою?

Блейн поколебался, потом ответил:

— В армии, с 1943-го по 1945 год.

— Вы из прошлого?

Блейн кивнул.

— Интересно,— произнес Халл, не проявляя, однако, интереса.— Это ваша первая охота?

— Да.

— Вы производите впечатление неглупого человека. Полагаю, у вас есть веские причины, по которым вы выбрали такое опасное и неблагородное занятие?

— Мне нужны деньги,— ответил Блейн,— я не мог найти никакой другой работы.

— Да, конечно,— согласился Халл, словно знал об этом с самого начала.— И вы стали участником охоты. Но ведь охота — это не простое занятие, а охотиться на зверя под

названием «Человек» может не каждый. Для такой профессии требуются определенные качества и далеко не последнее из них — способность убивать. Вы считаете, что обладаете таким врожденным талантом?

— Наверное,— ответил Блейн, который никогда раньше не задумывался над подобным вопросом.

— Интересно,— задумчиво произнес Халл.— Несмотря на воинственную внешность, вы не кажетесь таким человеком. Что, если вам не удастся заставить себя совершить убийство? А вдруг в решающий момент, когда сталь ударится о сталь, вас охватят сомнения?

— Я готов попробовать,— сказал Блейн.

— Я тоже,— кивнул Халл.— Возможно, где-то в глубине вашего сознания прячется убийца. А может быть, и нет. Это, безусловно, придаст особую остроту нашей игре, хотя не исключено, что у вас не хватит времени, чтобы насладиться ею.

— Это уж моя забота,— отозвался Блейн, испытывая глубокую неприязнь к своему элегантному разговорчивому работодателю.— Можно задать вопрос?

— Я к вашим услугам.

— Спасибо. Почему вам так хочется умереть?

Халл уставился на него, затем расхохотался.

— Теперь я не сомневаюсь, что вы прибыли из прошлого! Ну и вопрос вы мне задали!

— Вы можете на него ответить?

— Конечно.— Халл откинулся на спинку кресла, и на его лице появилось мечтательное выражение человека, готовящегося пуститься в рассуждения.— Мне сорок три года, и я устал от бесконечных ночей и дней. Я богат и всю жизнь поступал так, как мне нравилось, ни в чем себе не отказывая. Я испытал все, придумывал новые развлечения, веселился, плакал, любил, ненавидел, вкушал наслаждения, пьянствовал — я сыт по горло. Я насладился всем, что могла предложить мне Земля, и теперь не хочу повторять скучный опыт. Будучи молодым, я представлял себе эту прелестную зеленую планету, плывущую по своему таинственному пути вокруг пылающего

желтого светила, сокровищницей, бронзовой шкатулкой, полной наслаждений и неистощимой в своем стремлении удовлетворять мои все новые и новые желания. Однако теперь я прожил много лет и, к своему глубокому сожалению, обнаружил, что наступил конец страстям и желаниям. Сейчас я смотрю с буржуазным самодовольством на нашу жирную круглую Землю, которая на безопасном расстоянии и с постоянной скоростью крутится вокруг безвкусно сияющего Солнца. А таинственная сокровищница, которой представлялась мне Земля, оказалась раскрашенной коробкой для детских игрушек. В ней почти не осталось наслаждений, а те, что остались, больше не волнуют кровь.— Халл взглянул на Блейна, чтобы проверить, какой эффект произвели его слова, и продолжал: — Скука простирается передо мной, как огромная безводная пустыня, и я предпочел не мучиться. Вместо этого я выбрал движение вперед и решил испытать последнее и величайшее ощущение на Земле — смерть, пройти через ворота, ведущие к потусторонней жизни. Вы понимаете меня?

— Разумеется,— бросил Блейн; театральность Халла раздражала, но слова производили впечатление.— Но зачем так спешить? Не исключено, что жизнь подарит вам еще немало хорошего. А вот смерть — шаг непоправимый. Не лучше ли повременить?

— Вот мнение настоящего оптимиста из двадцатого века,— засмеялся Халл.— «Жизнь — это реальность, жизнь — это серьезно...» В ваше время приходилось верить в то, что жизнь — самое ценное, что есть у человека. Действительно, разве у вас был выбор? Кто из вас по-настоящему верил в жизнь после смерти?

— Это не меняет сути моего вопроса,— заметил Блейн. Ему не нравились эти осторожные, скучные рассуждения, на которые его вынудил Халл.

— Как раз наоборот! Изменились перспективы жизни и смерти. Вместо банального совета Лонгфелло мы следуем указанию Ницше — умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь подобно тому, как уто-

пающий хватается за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Почему не приблизить конец, если хочется? Отчего бы этим способным ученикам не перепрыгнуть через один-два класса в этой школе? Только трусы, глупцы и неучи цепляются за каждую скучную секунду земного существования.

— Значит, только трусы, глупцы и неучи,— повторил Блейн.— И те несчастные, кто не может позволить себе приобрести страховку для переселения в потустороннюю жизнь.

— У богатых и занимающих видное положение в обществе есть привилегии,— по лицу Халла скользнула едва заметная улыбка,— но и обязательства. Одним из таких обязательств является необходимость умереть своевременно, пока ты не превратился в помеху для равных тебе и не стал ужасом для себя самого. Однако акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком и опасном предприятии, характеризует его как человека.— Синие глаза Халла сверкнули фанатичным огнем.— Я не собираюсь встретить это великое событие в мягкой постели. Мне не по вкусу скучная, обыкновенная смерть, которая явится ко мне во сне. Я хочу погибнуть в бою!

Блейн кивнул, несмотря на раздражение, и почувствовал сожаление при мысли о собственной прозаической смерти. Погибнуть в автомобильной катастрофе! Как глупо, неинтересно и банально! А каким странным, благородным, мрачным казался выбор Халла. С претензией, конечно, так ведь и вся жизнь в бесконечной Вселенной неживой материи претенциозна. Халл походил на древнего японского самурая, спокойно опускающегося на колени для совершения ритуала харакири, подчеркивая таким образом ценность жизни в самом выборе смерти. Однако харакири — пассивное восточное признание сво-

его конца, тогда как Халл выбрал чисто западный способ смерти — свирепый, жестокий и ликующий.

Восхитительно! Но в то же время крайне неприятно для человека, еще не собирающегося умирать.

— Я не имею ничего против того, чтобы вы или любой другой человек выбирали способ умереть,— произнес Блейн.— А вот как быть с теми охотниками, которых вы собираетесь убить? Они не хотят умирать, да и на жизнь после смерти им рассчитывать не приходится.

— Они сами выбрали такую опасную профессию,— пожал плечами Халл.— Как сказал Ницше: им нравится рисковать и играть в кости со смертью. Вы что, Блейн, передумали и отказываетесь от участия в охоте?

— Нет.

— Значит, встретимся в воскресенье.

Блейн направился к двери и взял у дворецкого листок бумаги с указаниями. Выходя, он обернулся.

— Интересно, приходила ли вам в голову одна вещь? — задумчиво спросил он.

— Какая?

— Не может быть, чтобы вы не думали об этом раньше. А вдруг все это — научно обоснованная потусторонняя жизнь, голоса мертвых, духи — всего лишь гигантская мистификация, состряпанная корпорацией «Потусторонняя жизнь» ради наживы?

Халл замер, словно окаменел. Когда он заговорил, в его голосе слышалась ярость:

— Это совершенно исключено. Подобная мысль могла прийти в голову только абсолютно невежественному человеку.

— Возможно. Но представьте, каким дураком вы окажетесь, если это действительно так! До свидания, мистер Халл.

Блейн ушел, радуясь, что хотя бы на мгновение сумел вывести из себя этого самодовольного, изысканного мерзавца; одновременно он испытывал сожаление, что его собственная смерть была такой повседневной и бесцветной.

Глава 16

На следующий день, в субботу, Блейн пошел в контору, где ему дали винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Он получил аванс — половину жалованья минус десять процентов и стоимость снаряжения. Деньги оказались весьма кстати, потому что у него осталось всего три доллара с мелочью.

Он заглянул в Духовный коммутатор, но никаких вестей от Мелхилла не было. Блейн вернулся в отель и остаток дня посвятил тренировке, отрабатывая выпады и защиту.

Весь вечер он чувствовал, как при мысли о предстоящей охоте нарастает нервное напряжение. Чтобы рассеяться, он пошел в небольшой бар в Вест-Сайде, где была воссоздана обстановка двадцатого века: длинная блестящая стойка, деревянные стулья, на полу опилки, а вдоль нижней части стойки — медная поперечина, на которую посетители ставили ноги. Блейн сел за столик и заказал пиво. Мерцали классические неоновые огни, а из подлинного музыкального автомата середины двадцатого века доносились сентиментальные мелодии Глена Миллера и Бенни Гудмэна. Блейн сидел, склонившись над стаканом пива, и уныло спрашивал себя, кто он и кем намеревается стать.

Неужели он действительно взялся за работу охотника и готов убивать людей? Тогда куда исчез настоящий Том Блейн, бывший конструктор парусных яхт, бывший любитель стереофонической музыки, бывший читатель хороших книг, бывший ценитель хороших пьес? Что случилось с этим спокойным, насмешливым и совсем неагрессивным человеком? Да разве этот человек, будь он в своем худощавом, пластичном теле, взялся бы за ремесло убийцы? Нет, никогда!

Неужели тот знакомый Блейн, о котором он так сейчас жалел, покорен и подавлен этим крупным мускулистым телом бойца с молниеносной реакцией? Может быть, это тело, выделяющее в кровь какие-то таинственные

вещества, с его особым мозгом и нервной системой,— именно это деспотичное тело несет ответственность за все и толкает своего беспомощного владельца на преступления?

Блейн потер глаза и подумал, какая чепуха приходит порой в голову. Истина состоит в том, что он умер в результате стечения обстоятельств, от него не зависящих, заново родился в будущем и обнаружил, что он ни на что не способен, кроме охоты. Что и требовалось доказать.

Однако это благоразумное объяснение не удовлетворило его, а на поиски постоянно ускользающей правды времени не оставалось.

Блейн уже не был нейтральным наблюдателем событий, происходивших в 2110 году. Он превратился в их участника, начал играть активную роль и перестал быть бесстрастным зрителем. Действие привлекало его, побуждало к совершению поступков. Тормоза были выключены, и машина марки «Блейн» катилась вниз по крутому склону холма Жизни все быстрее и быстрее. Может, сейчас у него осталась последняя возможность подумать, взвесить, проверить правильность выбранного пути...

Но было уже поздно. На стул напротив опустился мужчина, словно тень, закрывшая лик мира. Блейн смотрел в белое, ничего не выражающее лицо зомби.

— Добрый вечер,— произнес зомби.

— Добрый вечер,— сдержанно ответил Блейн.— Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Мой организм не переносит стимуляции.

— Сочувствую,— сказал Блейн.

Зомби пожал плечами.

— Теперь у меня появилось имя,— сообщил он.— До тех пор пока не припомню своего настоящего имени, я буду звать себя Смит. Вам нравится?

— Хорошее имя,— согласился Блейн.

— Спасибо. Я был у врача. Он сказал, что мое тело слабеет. У него нет выносливости, оно не способно восстанавливать силы.

— Неужели вам ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Мое тело определенно в состоянии зомби. Я слишком поздно проник в него. Врач считает, что мне осталось несколько месяцев, не больше.

— Очень жаль,— ответил Блейн, чувствуя отвратительную тошноту, подступающую к горлу при виде этого мрачного, с грубыми чертами и серо-свинцовой кожей лица с терпеливыми глазами Будды.

Смит сидел в мятой рабочей одежде, висящей на нем мешком, какой-то неестественно расслабленный. Его белое лицо было гладко выбрито. От него сильно пахло лосьоном. Однако в нем уже стали заметны перемены. Блейн уже обратил внимание, что мягкая и упругая когда-то кожа начала сохнуть, появились крохотные морщины вокруг глаз, носа и рта, складки на лбу, напоминающие трещины в старой высохшей коже. Кроме того, Блейну показалось, что сквозь резкий запах лосьона пробивался едва заметный душок тления.

— Что вам от меня нужно? — спросил Блейн.

— Я не знаю.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Я не могу,— произнес Смит извиняющимся тоном.

— Вы хотите меня убить? — В горле Блейна пересохло.

— Я ведь уже сказал, что не знаю! Я ничего не помню! Убить вас, защитить, любить, искалечить — я еще не знаю! Но придет время, и я вспомню, Блейн! Это я вам обещаю.

— Оставьте меня в покое,— попросил Блейн, чувствуя, как напрягаются мускулы.

— Не могу,— ответил Смит.— Неужели вы не понимаете? Я не знаю ничего, кроме вас. Буквально ничего! Я не знаю этого мира, ни одного лица, ни одного человека. У меня нет памяти. Вы — моя единственная связь с чем-то, центр моего существования, только ради вас я цепляюсь за жизнь.

— Замолчите!

— Почему? Ведь это правда! Неужели вы думаете, что мне нравится таскать по улицам это разваливающееся

тело? Кому нужна жизнь, если не на что надеяться и нечего вспомнить? Смерть куда лучше! Жизнь — это вонючая разлагающаяся плоть, тогда как смерть — чистое бесплотное сознание! Я думаю об этом, мечтаю о ней, прекрасной бесплотной смерти! Но меня останавливает одно: у меня остались вы, Блейн, из-за вас я заставляю себя жить.

— Убирайтесь! — крикнул Блейн. К горлу подступила тошнота.

— Это вы мое солнце и луна, мои звезды, моя земля, вся моя вселенная, моя жизнь, мой друг, враг, возлюбленный, убийца, жена, отец, ребенок, муж...

Блейн изо всех сил ударил Смита кулаком в скулу. Зомби упал. Выражение лица его не изменилось, однако на скуле свинцового цвета появился огромный пурпурный кровоподтек.

— Вы пометили меня,— прошептал Смит.

Кулак Блейна, занесенный для второго удара, бессильно опустился.

— Я ухожу,— произнес Смит, вставая.— Будьте осторожнее, Блейн. Не умирайте пока! Вы мне нужны. Скоро я вспомню и приду к вам.

Смит вышел из бара. Его угрюмое избитое лицо было неподвижно.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел со стаканом в руке, пытаясь унять дрожь.

Глава 17

Блейн прибыл в имение Халла на загородном джетбусе за час до рассвета. На нем была традиционная форма охотника: рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и широкополая шляпа. На одном плече висел рюкзак, на другом — винтовка и штык в пластмассовом чехле.

У ворот его встретил слуга, который проводил Блейна к низкому нескладному особняку. От слуги Блейн узнал, что имение Халла занимает девяносто акров леса в Адирондакских горах, между Кином и Элизабеттауном. Имен-

но здесь, сообщил ему слуга, совершил самоубийство отец Халла в возрасте пятидесяти одного года, причем сумел убить шестерых охотников, но седьмой, вооруженный саблей, отсек ему голову. Какая славная смерть! Дядя Халла, наоборот, предпочел смерть берсеркера в Сан-Франциско, который так любил. Полицейским пришлось двенадцать раз выстрелить в него из лучевых пистолетов, прежде чем он умер. С собой дядя Халла прихватил семерых прохожих. Газеты много писали об этом событии, и вырезки хранятся в семейном альбоме.

Причина в разных темпераментах, объяснил старый разговорчивый слуга. Некоторые, как, например, дядя Халла, обладают веселым характером, любят компанию и предпочитают смерть в толпе, у всех на виду. А другие, вроде нынешнего мистера Халла, любят одиночество и природу.

Слушая, Блейн вежливо кивал. Слуга проводил его в большую комнату, обставленную в деревенском стиле. Там уже собрались охотники. Они пили кофе и в последний раз оттачивали острые как бритва лезвия. Сверкала голубая сталь меча, отливала серебром блестящая алебарда, искры света вспыхивали на полированном острие копья и поблескивали льдом на остроконечных шипах булавы и шара на цепи — «утренней звезды». На первый взгляд, подумал Блейн, все это напоминает сцену из средневековья. Однако потом он решил, что это больше похоже на приготовления к съемкам фильма.

— Придвигай стул, приятель,— сказал алебардист.— Добро пожаловать в Благотворительное общество защиты мясников, забойщиков скота и странствующих убийц. Меня зовут Сэмми Джонс, я лучший алебардист в Северной и Южной Америке, да и в Европе, пожалуй, тоже.

Блейн сел, и его представили остальным охотникам. Среди них были люди разных национальностей, хотя все говорили между собой по-английски.

Сэмми Джонс, приземистый черноволосый мужчина с широченными плечами, был одет в заплатанную и выцветшую форму цвета хаки; на его лице, словно высечен-

ном из камня, виднелось несколько шрамов, оставшихся от прошлых охот.

— Это у тебя первая охота? — спросил он, глядя на новенькую форму Блейна.

Тот кивнул, достал винтовку из пластикового чехла и закрепил штык на стволе, проверил крепление, подтянул ремень и снова снял штык.

— Ты действительно владеешь этой штуковиной? — спросил Джонс.

— Конечно,— ответил Блейн; в его голосе прозвучало больше уверенности, чем он чувствовал.

— Тогда хорошо. Такие, как Халл, нутром чувствуют слабину. Они пытаются расправиться со слабаками в первую очередь.

— Сколько времени обычно длится охота?

— Трудно сказать,— пожал плечами Джонс.— Один раз я участвовал в охоте, которая продолжалась восемь дней. Это было на Астуриасе, там прикончили моего напарника Слиго. В общем-то хорошая команда расправляется с жертвой за пару дней, не больше. Все зависит от того, как тот желает умереть. Некоторые жертвы стараются продержаться как можно дольше. Прячутся в пещерах и оврагах, ублюдки, приходится лезть за ними, каждую минуту ожидая, что тебя проткнут. Вот так и погиб Слиго. Мне кажется, однако, что Халл не из их числа. Он хочет умереть как герой, как настоящий мужчина. Значит, будет рисковать, стараясь прикончить как можно больше охотников своим вертелом.

— Похоже, он тебе не нравится,— заметил Блейн.

Сэмми Джонс поднял густые брови:

— Не люблю, когда из смерти делают целый спектакль. А вот и наш герой.

В комнату вошел Халл, элегантный и стройный, в шелковой рубашке цвета хаки, с белым платком на шее. В руке он держал небольшой рюкзак, а на плече висела зловещего вида рапира.

— Доброе утро, господа,— поздоровался он.— Оружие наточено, рюкзаки собраны, шнурки туго завязаны? Ве-

ликолепно! — Халл подошел к окну и раздвинул шторы.— Взгляните на первый луч зари, эту светлую полоску на востоке, предвестник появления нашего свирепого бога Солнца, распоряжающегося охотой. Я ухожу. Слуга оповестит вас, когда истекут положенные мне льготные полчаса. После этого вы можете преследовать меня и убить,— если сумеете. Поместье огорожено. Я не буду выходить за ограду — и вы тоже.

Халл поклонился и стремительно вышел из комнаты.

— Господи, как я ненавижу таких павлинов! — крикнул Сэмми Джонс, когда дверь закрылась.— Все они одинаковы. Так высокомерно и дерзко ведут себя, таких героев из себя строят. Если бы они знали, какими дураками я их считаю, ведь я уже двадцать восемь раз участвовал в таких делах.

— А почему ты стал охотником? — спросил Блейн.

— Мой отец был алебардистом и научил меня владеть боевым топором,— пожал плечами Сэмми Джонс.— Это единственное, что я умею.

— Ты мог бы попробовать другую профессию.

— Пожалуй. Но дело в том, что мне нравится убивать этих аристократов. Я ненавижу каждого богатого джентльмена, благоразумно обеспечившего себе потустороннюю жизнь, тогда как бедняки не имеют средств на страховку. Я получаю удовольствие, убивая этих господ, и если бы у меня были деньги, то с радостью заплатил бы за такую честь.

— А вот Халлу нравится убивать бедняков вроде тебя,— заметил Блейн.— Это ужасный мир.

— Нет, честный,— покачал головой Сэмми Джонс.— Ну-ка встань, я поправлю тебе рюкзак.

Покончив с этим, Сэмми Джонс предложил:

— Послушай, Том, почему бы нам с тобой не держаться вместе во время охоты? Взаимовыручка, понимаешь?

— Скорее тебе придется выручать меня,— ответил Блейн.

— Ну и что? — сказал Джонс.— Сноровка придет — надо только поучиться. А у кого учиться, как не у меня, лучшего из лучших?

— Спасибо, Сэмми,— поблагодарил Блейн.— Постараюсь не подвести тебя.

— Не сомневаюсь, что ты справишься. Только учти: Халл — фехтовальщик, а у фехтовальщиков есть свои хитрые приемы. Я тебе все объясню по дороге. Когда он...

В этот момент в комнату вошел слуга со старинным хронометром в резном футляре. Когда секундная стрелка коснулась цифры двенадцать, он взглянул на охотников:

— Господа, полчаса истекли. Можно начинать охоту.

Охотники высыпали на улицу, в туманное серое утро. Тезей, следопыт, с трезубцем на плече, сразу напал на след, который вел наверх по склону, к вершине горы, окутанной дымкой.

Вытянувшись длинной цепочкой, охотники двинулись вверх по склону.

Раннее утреннее солнце быстро разогнало туман. Когда они вышли к голым гранитным валунам, Тезей потерял след. Охотники разошлись ломаной цепью по склону горы и продолжали осторожно продвигаться вперед.

В полдень охотник с мечом заметил на ветке колючего куста лоскут шелковой ткани цвета хаки. Через несколько минут Тезей нашел следы ботинок на мху. Они вели вниз, в узкую долину, густо поросшую деревьями. Охотники устремились вперед.

— Вот он! — крикнул кто-то.

Блейн стремительно обернулся и увидел ярдах в пятидесяти справа от себя бегущего бойца с «утренней звездой» в руке. Этот охотник был самым молодым среди них — могучий самоуверенный сицилиец. Его оружие состояло из толстой рукоятки из ясеня и прикрепленного к ней цепью длиною в фут тяжелого шара с острыми шипами — это и была «утренняя звезда». Сицилиец размахивал шаром над головой и распевал боевую песню.

Сэмми Джонс и Блейн бросились к нему. Они увидели, как из кустов с обнаженной рапирой выскочил Халл. Сицилиец рванулся к Халлу и изо всех сил нанес сокрушительный удар, способный свалить дерево. Халл увер-

нулся и сделал выпад. Охотник захрипел и упал — острие рапиры вонзилось ему в горло. Халл наступил на грудь упавшего, выдернул рапиру и снова исчез в кустах.

— Я никогда не понимал, как можно пользоваться «утренней звездой» в бою,— покачал головой Сэмми Джонс.— Такое неуклюжее оружие. Если не свалишь противника первым ударом, на второй времени уже не остается.

Сицилиец был мертв. Следы Халла, пробежавшего через кусты, были видны отчетливо. Они бросились по следам, остальные охотники прикрывали их с флангов. Вскоре они снова вышли на гранитное плато, и след пропал.

Поиски продолжались до самого вечера и закончились неудачей. После захода солнца охотники разбили лагерь на склоне горы, выставили часовых и стали обсуждать первый день охоты у маленького костра.

— Где он сейчас, по-твоему? — спросил Блейн.

— Он может быть где угодно в этом проклятом поместье,— буркнул Джонс.— Не забудь, он здесь каждый фут земли знает, а мы здесь первый раз.

— Выходит, он может скрываться от нас бесконечно?

— Конечно, если захочет. Но ведь он ищет смерти, верно? Причем хочет умереть как герой, в бою. Поэтому Халл будет стараться потрепать нас как следует, прежде чем мы прикончим его.

Блейн взглянул через плечо на темный лес.

— А вдруг он прячется где-то рядом и подслушивает наш разговор?

— Не сомневаюсь,— сказал Джонс.— Надеюсь, что часовые не заснут.

Охотники еще долго переговаривались в маленьком лагере у гаснущего костра. Блейну хотелось, чтобы поскорей наступило утро. В темноте роли поменялись: охотники превратились в жертв, преследуемых жестоким, безжалостным человеком, готовым к самоубийству и стремящимся унести с собой как можно больше чужих жизней.

С этой мыслью Блейн задремал.

Перед самым рассветом он проснулся от пронзительного крика. Схватив винтовку, Блейн вскочил и стал вглядываться в темноту. Снова раздался крик, на этот раз ближе к лагерю, и он услышал, как кто-то пробирается сквозь кусты. Тут в костер бросили пригоршню сухих листьев, и вспыхнуло яркое пламя.

В показавшемся ослепительным свете костра Блейн увидел человека, который, шатаясь, шел к лагерю. Это был один из часовых. Он волочил за собой копье. Из двух ран текла кровь, однако, похоже, они не были тяжелыми.

— Ублюдок,— всхлипывал копьеносец,— мерзкий ублюдок.

— Успокойся, Чико,— сказал один из охотников, разорвав рубашку копьеносца, чтобы промыть и забинтовать раны.— Тебе не удалось достать его?

— Нет, все произошло так быстро,— простонал раненый.— Я промазал.

Больше в эту ночь никто не спал.

Едва забрезжил рассвет, как охотники снова отправившись в путь, растянувшись редкой цепочкой и стараясь напасть на след жертвы. Тезей обнаружил сломанную пуговицу, а затем — едва заметный отпечаток ботинка. Охотники тут же изменили направление и стали подниматься по узкому горному склону.

— Эй, он здесь! Я нашел его! — послышался крик Отто, идущего впереди.

Тезей бросился вперед, за ним последовали Блейн и Джонс. Они увидели Халла, который пятился, зорко следя за приближавшимся Отто. Тот быстро вертел шарами бола над коротко остриженной головой. Аргентинское лассо свистело в воздухе, и железные шары вращались с такой быстротой, что сливались в сверкающий круг. И тут Отто метнул свое оружие. Халл мгновенно упал на землю, бола пролетел в нескольких дюймах над его головой, обвился вокруг толстой ветки и сломал ее. Халл вскочил, улыбнулся и бросился к безоружному охотнику.

Не успел он приблизиться к Отто, как откуда ни возьмись появился Тезей и угрожающе поднял свой трезубец. Халл и охотник обменялись ударами. Потом Халл повернулся и кинулся наутек.

Тезей успел сделать глубокий выпад. Халл взвизгнул от боли, но не остановился.

— Ты ранил его? — спросил Джонс.

— В зад,— ответил Тезей.— Если что и пострадало, так только его самолюбие.

Тяжело дыша, охотники побежали вверх по горному склону. Однако следы жертвы снова исчезли.

Они разошлись, окружив сужающуюся гору со всех сторон, и начали медленно двигаться в сторону вершины. Раздающийся время от времени шум и отпечатки ботинок говорили о том, что Халл впереди и отступает к вершине. По мере того как охотники приближались к горному пику, они плотнее сжимали кольцо, чтобы не дать жертве проскользнуть между ними.

К вечеру сосны и ели начали редеть. За ними виднелось нагромождение валунов, а еще дальше — вершина.

— Теперь осторожнее! — предупредил спутников Джонс.

Не успел он договорить, как появился Халл. Выскочив из-за гранитного валуна, он напал на старого Бьерна, вооруженного булавой. Его рапира со свистом рассекала воздух, он сыпал ударами, пытаясь побыстрее прикончить охотника и вырваться из сжимающегося кольца.

Однако Бьерн сдерживал натиск и медленно отступал, парируя выпады Халла булавой, которую держал двумя руками, как дубину. Халл свирепо выругался, снова устремился в атаку и едва успел увернуться от сильнейшего удара булавой, нанесенного хладнокровным охотником.

Старый Бьерн быстро шагнул вперед — в воздухе мелькнула рапира и вонзилась в грудь охотника, как жало змеи. Швед выронил булаву, и его тело покатилось вниз по горному склону.

Однако охотники успели замкнуть кольцо. Халл был вынужден вновь отступить и скрылся среди гранитных валунов.

Охотники продолжали двигаться вперед. Блейн заметил, что солнце уже почти коснулось горизонта; спускались сумерки, и по серым скалам вытянулись длинные тени.

— Вечереет,— сказал он Джонсу.

— До наступления темноты еще с полчаса,— заметил тот, глянув на небо.— Нужно побыстрее кончать с ним. Когда стемнеет, он перебьет нас в этих скалах по одному.

Охотники быстро обыскивали огромные валуны.

— Он может свалить камни нам на голову,— сказал Блейн.

— Только не он,— покачал головой Джонс.— Он слишком гордый.

В это мгновение из-за высокой скалы рядом с Блейном вышел Халл.

— Ну что ж, стрелок, защищайся,— произнес он.

Блейн вскинул винтовку и едва успел отразить удар Халла. Лезвие рапиры скользнуло по стволу винтовки. Блейн отбил удар автоматически, не успев задуматься. Что-то заставило его зареветь от ярости, и он сделал выпад, пытаясь обрушить удар на голову жертвы,— если бы он достиг цели, мозги Халла оказались бы на гранитных камнях. В это мгновение Блейн перестал быть цивилизованным человеком, вынужденным защищаться с оружием в руках,— он превратился в свирепое создание, преследующее одну цель — убивать.

Жертва с изящной ловкостью уклонялась от ударов Блейна. Охотник наступал, в гневе потеряв осторожность. Внезапно Сэмми Джонс оттолкнул его в сторону.

— Он мой,— сказал Джонс.— Да, мой. Сражайся со мной, Халл. Попытайся достать меня своим вертелом.

Халл начал атаковать алебардиста. Его лицо было бесстрастным, а выпады сверкающей рапиры — молниеносны. Джонс уверенно стоял, чуть согнув колени, легко орудуя алебардой. Халл сделал обманное движение, за которым последовал стремительный выпад. Джонс парировал его с такой силой, что искры полетели, а рапира согнулась, как тонкая ветка.

Вокруг собрались остальные охотники. Они расселись на соседних валунах, комментировали дуэль и давали советы:

— Притвозди его к утесу, Сэмми!

— Лучше сбрось с обрыва!

— Хочешь, помогу?

— Нет, черт побери! — отозвался Джонс.

— Смотри, чтобы он не отрубил тебе палец, Сэмми!

— Не беспокойтесь,— прозвучал ответ Джонса.

Наблюдая за схваткой, Блейн чувствовал, что ярость покидает его так же быстро, как охватила. Ему казалось, что алебарда — неуклюжее оружие, поскольку, чтобы нанести удар, необходимо как следует замахнуться. Однако Сэмми Джонс орудовал тяжелым боевым топором, как дирижерской палочкой. Он не замахивался, а бил из любого положения, мощными ударами тесня Халла к отвесному обрыву. Блейн понял, что силы противников неравны. Халл был всего лишь способным любителем, убийцей-дилетантом, тогда как Джонс — опытным профессионалом. Это было похоже на поединок злой домашней собачки с диким тигром.

Когда на вершину горы опустились синие сумерки, наступил конец. Сэмми Джонс отразил очередной выпад и нанес сокрушительный удар топором. Лезвие глубоко вонзилось в бок Халла, и тот с криком полетел с обрыва. Через несколько секунд раздался звук удара.

— Заметь место, куда он упал,— произнес Сэмми Джонс.

— Он наверняка погиб,— ответил охотник с саблей.

— Скорее всего. Но нельзя считать, что мы сделали работу, пока не убедимся.

Спустившись, они нашли безжизненное изувеченное тело Халла, пометили, где оно лежит, чтобы легче было его найти и похоронить, и вернулись к особняку.

Глава 18

Охотники вернулись в город все вместе и весело отпраздновали удачную охоту. Во время вечеринки Сэмми Джонс спросил Блейна, не согласится ли тот принять участие в его следующем предприятии.

— В Омске у меня намечается выгодное дельце,— сказал он.— Русский дворянин хочет организовать пару гладиаторских боев. Тебе придется орудовать копьем, но это мало отличается от винтовки со штыком. Я научу тебя. После Омска поедем в Манилу; там готовится по-настоящему большая охота — пятеро братьев решили одновременно покончить самоубийством, и им нужно пятьдесят охотников для этого. Ну, что скажешь, Том?

Блейн подумал, прежде чем ответить. Охота была самым подходящим занятием из всех встречавшихся ему до сих пор в этом мире и устраивала Блейна больше всего. Ему нравилась грубоватая компания таких людей, как Джонс, их простые и трезвые рассуждения, жизнь на лоне природы, возможность действовать, ни о чем не задумываясь, не терзаясь сомнениями.

С другой стороны, было что-то чертовски бессмысленное в том, чтобы скитаться по земле в роли платного убийцы, современного варианта наемного головореза. Ему виделось что-то бесплодное в действиях ради действий, без осмысленной цели, разумного устремления, без всякого будущего. У него не появились бы такие мысли, будь он тем, кто раньше обитал в этом теле, но ведь Блейн был совсем другим. Между его сознанием и телом возникали очевидные противоречия, и не видеть этого было нельзя.

Наконец, в этом мире существовали и иные проблемы, требующие от него шагов, соответствующих его подлинной личности. Ими и следовало заняться.

— Извини, Сэмми, я вынужден отказаться,— сказал он.

— Ты делаешь ошибку, Том,— с сожалением покачал головой Джонс.— Ты — прирожденный убийца. Это единственное подходящее занятие для тебя, лучше не найдешь.

— Сейчас — пожалуй,— согласился Блейн.— Я должен выяснить, так ли это.

— Ну что ж, желаю удачи,— произнес Сэмми Джонс.— И береги свое тело. Тебе попалось очень хорошее.

— Неужели это так заметно? — удивленно спросил Блейн.

Джонс усмехнулся.

— Я немало повидал в жизни, Том. Нетрудно заметить, что у человека чужое тело. Если бы разум твой родился в этом теле, ты согласился бы охотиться вместе со мной. А вот если бы твое сознание родилось в другом теле...

— Что тогда?

— Тебе не нужно было бы становиться охотником. У тебя плохо сочетаются тело и сознание, Том. Подумай, чему отдать предпочтение.

— Спасибо, Сэмми,— сказал Блейн.

Они пожали друг другу руки, и Блейн поехал к себе в отель.

Он поднялся в свою комнату и, не раздеваясь, упал на кровать. Когда проснется, то позвонит Мэри. Но сначала нужно как следует выспаться. Планы, проблемы, мысли, решения и даже сны подождут. Он предельно устал.

Блейн выключил свет и тут же уснул.

Через несколько часов он проснулся от какого-то неясного страха. В комнате было темно. Было так тихо, как в Нью-Йорке не могло быть.

Блейн сел и услышал, как что-то двигается на другом конце комнаты, рядом с умывальником. Он протянул руку и включил свет. В комнате было пусто. И вдруг у него на глазах эмалированная раковина начала подниматься вверх. Она медленно поднялась и повисла в воздухе без всякой видимой опоры. И тут же он услышал дребезжащий смех.

Блейн мгновенно сообразил, что теперь кто-то охотится за ним, и этот кто-то — полтергейст.

Он осторожно встал с кровати и направился к двери. Висящая в воздухе раковина внезапно сорвалась с места

и полетела прямо в него. Блейн увернулся, и раковина разбилась о стену.

В воздух поднялся кувшин для воды вместе с двумя тяжелыми стаканами. Вращаясь, поднимаясь и опускаясь, они двинулись в его сторону.

Блейн схватил подушку и, держа ее перед собой как щит, бросился к двери. Не успел он повернуть ручку замка, как над головой о стену разбился стакан. Блейн попытался открыть дверь, но не смог. Полтергейст оказался сильнее.

Кувшин больно ударил его в плечо. Второй стакан, висящий в воздухе, вдруг стремительно описал круг над головой Блейна, и тому пришлось отойти от двери.

Тут Блейн вспомнил о пожарной лестнице за окном. Однако как только он двинулся в сторону окна, полтергейст снова опередил его. Внезапно шторы загорелись. В то же мгновение вспыхнула и подушка, которую Блейн держал в руках, и ему пришлось отбросить ее в сторону.

— Помогите! — крикнул он.— Помогите!

Полтергейст настойчиво загонял Блейна в угол комнаты. С грохотом на него поползла кровать, отрезая путь к отступлению. В воздух медленно поднялся стул, нацелившись для удара в голову.

И все время в комнате слышался дребезжащий тонкий смех, казавшийся Блейну очень знакомым.

Часть III

Глава 19

Кровать ползла в сторону Блейна. Он звал на помощь так громко, что в окне дрожали стекла. В ответ раздавался только тонкий смех полтергейста.

Неужели в отеле все оглохли? Почему на его крики никто не откликается?

И тут Блейн понял, что никто и не подумает прийти на помощь. Насилие в этом мире стало обычным явлением, а смерть — личным делом умирающего. Никто не

будет заниматься расследованием. Утром просто наведут порядок в комнате и подготовят ее для следующего постояльца.

Добраться до двери невозможно. У Блейна оставался последний шанс — перепрыгнуть через кровать и броситься в окно. Если он точно рассчитает силу прыжка, попадет на площадку пожарной лестницы. Если перестарается, то перелетит через перила и рухнет на мостовую с высоты третьего этажа.

Стул колотил Блейна по плечам, а кровать, надвигаясь, стремилась прижать к стене. Он быстро прикинул расстояние до угла, пригнулся и бросился в окно.

Блейн все рассчитал правильно, вот только не принял во внимание последние достижения науки. Оконное стекло выгнулось наружу как резиновое и тут же вернулось в прежнее положение. Блейна отбросило к стене, и он рухнул вниз оглушенный. Подняв голову, он увидел, что к нему приближается массивный шкаф и медленно наклоняется.

Когда полтергейст с огромной силой толкнул шкаф на Блейна, дверь, о которой он забыл, распахнулась. В комнату вошел Смит и толкнул падающий шкаф плечом.

— Пошли,— сказал он, повернув к Блейну неподвижное лицо зомби.

Блейн не стал задавать лишних вопросов. Он вскочил и успел схватиться за край закрывающейся двери. С помощью Смита ему удалось приоткрыть ее, и оба выскочили в коридор. Из комнаты послышался вопль, полный бессильной ярости.

Смит быстро пошел по коридору, сжимая холодной рукой кисть Блейна. Они спустились по лестнице, пересекли вестибюль и вышли на улицу. На свинцово-сером лице зомби выделялся багровый кровоподтек от удара Блейна. Кровоподтек покрывал почти половину лица, превратив его в чудовищную маску.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где тебе не угрожает опасность.

Они подошли к старому входу в метро, которым уже давно никто не пользовался, и начали спускаться вниз. Скоро они остановились перед маленькой железной дверью в потрескавшейся бетонной стене. Смит открыл дверь и кивнул, зовя Блейна за собой.

Блейн заколебался и тут услышал тонкий смех, доносившийся издалека. Полтергейст гнался за ним. Так Эвмениды преследовали свои жертвы по улицам древних Афин. Блейн мог остаться в светлом верхнем мире, если пожелает, но тогда ему придется жить в постоянном страхе перед появлением безумного призрака. Или он может спуститься под землю вместе со Смитом, пройти через железную дверь и скрыться в темноте, где его ждет неизвестность.

Смех становился все громче. Блейн больше не колебался. Он последовал за Смитом и закрыл на собой железную дверь.

Вероятно, полтергейст решил не преследовать его. Они шли по туннелю, тускло освещенному редкими электрическими лампочками, мимо серых брошенных вагонов метро, потрескавшихся каменных труб, ржавых металлических тросов, похожих на огромных змей. Воздух был сырым, пахло гнилью, под ногами чавкала жидкая грязь, и приходилось идти осторожно, чтобы не поскользнуться.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить,— ответил Смит.

— Это в твоих силах?

— Призраки не такие уж неуязвимые. Но чтобы избавиться от преследующего тебя призрака, необходимо выяснить, кто он такой.

— Значит, тебе известно, кто меня преследует?

— Мне кажется, что да. Если рассуждать логически, то им может быть дух лишь одного умершего человека.

— И кто он?

— Мне не хотелось бы пока называть его имя,— покачал головой Смит.— Не стоит напрасно привлекать к себе внимание.

Они спустились по растрескавшимся ступеням в просторный зал и обошли маленькое озерцо с темной водой, поверхность которой выглядела гладкой и твердой, как черный агат. На другом берегу пруда был вход в другой туннель. Перед ним, загородив дорогу, стоял человек.

Это был высокий крепкий негр, одетый в лохмотья, с отрезком железной трубы в руке. С первого взгляда Блейн понял, что и он — зомби.

— Я иду со своим другом,— сказал Смит.— Можно мне провести его с собой?

— А ты уверен, что он не инспектор?

— Абсолютно!

— Подожди здесь,— сказал негр, повернулся и исчез в туннеле.

— Где мы?

— Под Нью-Йорком, в заброшенных туннелях метро, старых канализационных каналах, а некоторые туннели мы вырыли сами.

— Зачем мы пришли сюда?

— Куда же нам еще идти? — удивился Смит.— Это мой дом. Разве ты не знаешь, что здесь находится нью-йоркская колония зомби?

Блейн подумал, что колония зомби ненамного лучше привидения, однако времени на размышление не было. Вернулся негр, а вместе с ним пришел очень старый мужчина, опирающийся на палку. Его лицо было изрезано сетью морщин. Глаза едва виднелись в складках кожи, и даже губы были покрыты морщинками.

— Это и есть тот человек, о котором ты говорил? — спросил он.

— Да, сэр,— ответил Смит.— Это он. Блейн, позволь мне представить тебя мистеру Кину, главе нашей колонии. Вы разрешите ему пройти, сэр?

— Проходите,— сказал старик.— Я немного провожу вас.

Они пошли по туннелю. Мистер Кин тяжело опирался на плечо негра.

— Обычно в колонию допускаются только зомби,— объяснил мистер Кин.— Всем остальным вход сюда запрещен. Однако прошло уже много лет с тех пор, как я беседовал с обычным человеком, а потому подумал, что могу узнать от вас что-нибудь полезное. Поэтому по настоятельной просьбе Смита я сделал для вас исключение.

— Очень вам благодарен,— ответил Блейн, надеясь, что у него будут на это причины.

— Поймите меня правильно. Я не отказываюсь помочь вам. Но в первую очередь я несу ответственность за одиннадцать сотен зомби, живущих в подземных туннелях под Нью-Йорком. Ради их безопасности приходится не пускать сюда обычных людей. Наше единственное спасение в этом невежественном мире — обособленность.— Мистер Кин сделал паузу.— Может быть, вы сумеете помочь нам, Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что выслушаете нас и попытаетесь понять, а потом расскажете о том, что узнаете, другим людям. Скажите, вам известно о проблемах зомби?

— Очень мало.

— Позвольте тогда объяснить вам кое-что. Зомбизм, мистер Блейн, представляет собой болезнь, которую в течение длительного времени окружал ореол суеверия, сравнимый с суевериями, связанными с такими болезнями, как эпилепсия, проказа или пляска святого Витта. Люди во всем склонны видеть духов, и эта точка зрения широко распространена. Как вы знаете, шизофреники когда-то считались одержимыми дьяволом, а гидроцефалы относились к категории блаженных. Аналогичные фантазии связаны и с зомбизмом.

Некоторое время они шли в тишине.

— Суеверия, окружающие зомби, в основном гаитянского происхождения,— наконец произнес мистер Кин.— Зомбизм — болезнь зомби — встречается во всем мире, хотя и довольно редка. Однако суеверия и сама болезнь безнадежно переплелись в представлении людей. Зомби, как составная часть суеверия, представляет собой элемент

колдовского культа «вуду», распространенного на Гаити,— это человек, чью душу похитили колдуны. Тело зомби колдун может использовать, как пожелает, его можно даже расчленить и продать мясо на рынке. Если зомби съест соль или увидит море, он вспомнит, что умер, и вернется в могилу. Все это, как вы понимаете, не имеет под собой никакого основания. Суеверие возникло на почве внешне схожей болезни. Когда-то она была исключительно редкой, однако теперь, с возрастанием числа процессов, связанных с переселением душ и перевоплощением, зомбизм стал более распространенным. Заболевание возникает, когда сознание человека поселяется в теле, слишком долго оставшемся незанятым. В этом случае сознание и тело не сливаются в единое целое, как это произошло, например, в вашем случае, мистер Блейн. Вместо этого они существуют как полунезависимые образования, находящиеся в неустойчивых отношениях друг с другом. Возьмем нашего друга Смита в качестве примера. Он в состоянии управлять основными движениями своего тела, однако более тонкая координация ему неподвластна. Голос его лишен модуляции, а слух не в состоянии воспринимать различия в тоне говорящего с ним. Его лицо неподвижно, потому что он почти не может управлять лицевыми мышцами. Он носит свое тело, но не является его истинной частью.

— И такую ситуацию невозможно изменить? — спросил Блейн.

— В настоящее время — невозможно.

— Очень жаль,— сказал Блейн, ощущая какую-то неловкость.

— Мы не нуждаемся в сочувствии,— произнес Кин.— Мы просим всего лишь о самом элементарном понимании. Я просто хочу, чтобы вы и остальные нормальные люди знали, что зомбизм не наказание за грехи, а всего лишь самая обычная болезнь, вроде свинки или рака, и ничего больше.— Мистер Кин остановился и прислонился к стене, переводя дыхание.— Действительно, внешность у зомби неприятная. Он волочит ноги, у него никогда не

заживают раны, тело быстро разлагается. Зомби бормочет непонятные слова, напоминая идиота, шатается, как пьяный, пучит глаза, как сумасшедший. Но разве это причина, чтобы возлагать на него вину за все грехи на земле, превращать его в прокаженного двадцать второго века? Говорят, что зомби нападают на людей, но ведь у них очень слабые тела, и обычный зомби не сумеет устоять даже против ребенка. Ходят слухи, будто болезнь заразна,— и это не соответствует истине. Наконец, утверждают, что зомби склонны к половым извращениям, тогда как на самом деле зомби вообще не испытывают полового влечения. Однако люди отказываются верить этому, а потому зомби стали париями, заслуживающими только суда толпы, петли или сожжения на костре.

— Разве власти ничего не предпринимают? — спросил Блейн.

— Раньше, проявляя особую доброту, они запирали нас в дома для умалишенных,— горько улыбнулся Кин.— По их словам, это делалось для нашей же пользы, чтобы уберечь от жестокого обращения. Но зомби очень редко сходят с ума, и властям это хорошо известно! Так что теперь, с их молчаливого одобрения, мы поселились в этих заброшенных туннелях и канализационных стоках.

— А вы не могли найти место получше?

— Откровенно говоря, жизнь под землей нас устраивает. Солнечный свет вредно действует на кожу зомби — у нас она не регенерируется.

Они двинулись дальше.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Блейн.

— Расскажите о том, что увидите здесь. Или напишите. Чем шире расходятся круги...

— Сделаю все, что в моих силах,— согласился Блейн.

— Спасибо,— с достоинством поблагодарил мистер Кин.— Наша единственная надежда — просвещение. Просвещение и будущее. В будущем люди несомненно станут более цивилизованными.

Будущее? Блейн внезапно почувствовал головокружение. Но ведь это и есть будущее, то будущее, куда он

попал из двадцатого века, полного идеализма и надежд. Однако обещанное просвещение так и не наступило, а люди ничуть не изменились. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше всего человечества,— он, существо внутри чужого тела, окруженный незнакомыми существами.

— Ну вот мы и пришли,— произнес мистер Кин.

Блейн помотал головой, и реальность снова обрела четкие формы.

Сумрачный туннель кончился. Перед ним была ржавая лестница, ведущая наверх, в темноту.

— Желаю удачи,— сказал мистер Кин.

Он ушел, опираясь на плечо негра. Блейн посмотрел ему вслед и повернулся к Смиту.

— Дальше куда?

— Вверх по лестнице.

— Куда она ведет?

Смит уже карабкался вверх. Он остановился и взглянул на Блейна. Его свинцовые губы раздвинулись в улыбке.

— Мы навестим твоего приятеля, Блейн. Поднимемся в его гробницу, подойдем к гробу и попросим, чтобы он больше тебя не преследовал. А может быть, заставим силой.

— Но кто он? — спросил Блейн.

Смит усмехнулся и двинулся дальше. Блейн полез следом.

Глава 20

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела в другой проход. Наконец они подошли к двери и открыли ее.

Перед ними была большая комната, залитая ослепительным светом. В центре сводчатого потолка красовалась фреска, изображающая красивого ясноглазого мужчину, влетающего в прозрачный голубой рай в сопровождении ангелов. Блейн сразу догадался, кто позировал художнику.

— Рейли!

— Это его Дворец смерти,— кивнул Смит.

— Как ты догадался, что меня преследует именно Рейли?

— Ты сам мог бы додуматься до этого. За последнее время умерли всего два человека, с которыми ты был знаком. Призрак явно не был Реем Мелхиллом. Значит, остается один Рейли.

— Но почему он преследует меня?

— Не знаю,— ответил Смит.— Может быть, он тебе сам ответит.

Блейн посмотрел на стены. На них мозаикой были выложены кресты, полумесяцы, звезды и свастики, а также индийские, африканские, арабские, китайские и полинезийские символы счастья. Повсюду на пьедесталах стояли статуи древних богов. Блейн узнал изображения Зевса, Аполлона, Дагона, Одина и Астарты. Перед каждым пьедесталом находился алтарь, а на каждом алтаре лежал ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — удивился Блейн.

— Чтобы умилостивить богов.

— Но ведь жизнь после смерти подтверждена наукой.

— Мистер Кин объяснил мне, что наука никак не влияет на суеверия,— заметил Смит.— Рейли не сомневался, что останется жив после смерти, однако решил не рисковать. Кроме того, мистер Кин говорил, что очень богатые, равно как и крайне религиозные люди не хотят жить на том свете с кем попало. Они считают, что, прибегая к соответствующим обрядам и жертвоприношениям, сумеют попасть в более привилегированную часть потустороннего общества.

— А разве такая существует? — спросил Блейн.

— Это никому не известно, но кое-кто верит.

Смит провел Блейна по комнате к резной двери, украшенной египетскими иероглифами и китайскими идеограммами.

— За дверью находится тело Рейли,— сказал Смит.

— Мы войдем туда?

— Да, придется.

Смит открыл дверь. Блейн увидел огромное помещение с мраморными колоннами. В центре его на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом и драгоценными камнями. Вокруг в невероятном количестве размещались самые разные предметы: картины и скульптуры, музыкальные инструменты, барельефы, а также стиральные машины, газовые плиты, холодильники и даже целый вертолет. Тут были книги, одежда и стол, накрытый для роскошного банкета.

— Зачем такой склад?

— Все эти вещи должны сопровождать их хозяина в потустороннюю жизнь. Таков древний обычай.

Первой реакцией Блейна было сожаление. Потусторонняя жизнь, подтвержденная и доказанная наукой, не освободила людей от страха смерти, как этого следовало ожидать. Наоборот, их неуверенность в будущем усилилась, и возросло желание конкурировать друг с другом. Несмотря на гарантию потусторонней жизни, люди хотели улучшить ее, насладиться раем, более совершенным, чем у других. Равенство — это прекрасно, но личная инициатива намного важнее. Идеальное и бесстрастное уравнивание людей в потусторонней жизни не устраивало их точно так же, как и на Земле. Стремление выделиться, превзойти остальных заставило Рейли построить себе гробницу, напоминающую усыпальницы фараонов в Древнем Египте, вынуждало всю жизнь мрачно думать о смерти и непрерывно искать способы сохранить свое богатство и престиж в туманной неизвестности будущего.

Досадно. «И все-таки,— подумал Блейн,— не основывается ли это сожаление на том, что я не верю в эффективность мер, предпринятых Рейли? Предположим, что можно будет улучшить свое положение в потусторонней жизни. В этом случае разве не правильнее потратить земную жизнь на то, чтобы создать для себя наилучшие условия в предстоящей вечности?»

Суждение казалось разумным, но Блейн не хотел верить в него. Ведь это не может на самом деле быть единственной причиной для человеческой жизни на Земле! Хорошая или плохая, благородная или нет, жизнь должна иметь смысл сама по себе.

Смит медленно вошел в погребальную камеру, и Блейну пришлось прервать размышления. Зомби остановился, внимательно разглядывая маленький столик, уставленный предметами искусства, затем равнодушно пнул его, тот опрокинулся. И тогда аккуратно, одну за другой, он принялся разбивать и топтать вещи на полированном мраморном полу.

— Что ты делаешь? — воскликнул Блейн.

— А ты хочешь, чтобы полтергейст оставил тебя в покое?

— Конечно.

— Тогда нужно убедить его в необходимости этого,— произнес Смит и сбросил на пол изящную статуэтку из черного дерева.

Блейну такая мысль показалась достаточно разумной. Даже призрак не может не понимать, что он когда-нибудь покинет пороговое пространство и переселится в потустороннюю жизнь. И когда это совершится, он, разумеется, будет полагать, что его имущество поджидает хозяина в целости и сохранности. Вот почему следует расплачиваться с ним той же монетой, на преследование отвечать преследованием.

И все-таки Блейн почувствовал себя дикарем, когда снял со стены картину, написанную маслом, и приготовился пробить холст кулаком.

— Не делайте этого,— раздался голос над головой.

Блейн и Смит взглянули вверх. Над ними парило что-то похожее на прозрачный серебристый туман. Из облачка донесся слабый голос:

— Пожалуйста, не троньте картину.

— Вы — Рейли? — спросил Блейн, не выпуская картину из рук.

— Да.

— Почему вы преследуете меня?

— Да потому, что вы виноваты во всем! Именно вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр!

— Я не убивал вас! — воскликнул Блейн.

— Нет, именно вы убили меня! Вы — не человек! Все сторонятся вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?

Блейн замахнулся.

— Нет! — послышался пронзительный вопль.

— Вы оставите меня в покое? — спросил Блейн.

— Прошу вас, положите картину,— взмолился Рейли.

Блейн бережно опустил картину.

— Хорошо, я согласен,— ответил Рейли.— Почему бы и нет? Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их хорошо. Ваше пребывание на Земле будет непродолжительным, весьма непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо скорее, чем вы думаете. Вас предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!

— Вы сошли с ума! — крикнул Блейн.

— Неужели? Неужели? — хихикнул Рейли.— Неужели?

Серебристое облачко рассеялось. Рейли исчез.

Смит вывел его на улицу по узким запутанным коридорам. Было холодно, и наступающий рассвет уже окрасил высокие здания в розовые и серые тона.

Блейн хотел поблагодарить Смита, но тот покачал головой:

— Не стоит благодарности. В конце концов, Блейн, ты мне нужен. На что я мог бы рассчитывать, если бы полтергейст убил тебя? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня не останется никакой надежды.

Зомби посмотрел на Блейна с тревогой, затем пошел прочь. Блейн глядел на удалявшуюся фигуру Смита, думая о том, что, пожалуй, лучше иметь дюжину врагов, чем такого друга, как Смит.

Глава 21

Через полчаса он вошел в квартиру Мэри Торн. Мэри, заспанная, ненакрашенная, в домашнем халате, повела его в кухню и заказала автоматическому повару кофе, жареный хлеб и яичницу.

— Почему бы тебе,— сказала она,— не появиться в более подходящее время, не так неожиданно? Сейчас половина седьмого утра!

— Постараюсь исправиться,— добродушно произнес Блейн.

— Ты обещал позвонить. Что с тобой приключилось?

— А ты беспокоилась?

— Я? Ничуть! Итак, что произошло?

Откусывая хлеб и запивая его кофе, Блейн рассказал девушке про охоту, про то, как его преследовал призрак и как от него удалось избавиться. Мэри внимательно слушала.

— Судя по всему, ты гордишься собой,— произнесла она наконец,— и, пожалуй, у тебя есть для этого основания. Но тебе по-прежнему неизвестно, что хочет от тебя Смит, ты даже не знаешь, кто он такой.

— Действительно, я не имею об этом ни малейшего представления,— признался Блейн.— Но и Смит не знает этого. Откровенно говоря, все это мало меня беспокоит.

— А что случится, когда он узнает?

— Вот когда это случится, тогда я и буду беспокоиться.

Мэри удивленно подняла брови, но промолчала.

— Том, каковы твои планы на ближайшее будущее?

— Собираюсь искать работу.

— Охотника?

— Нет. Тебе это может показаться нелогичным, но я попытаюсь устроиться в фирму, занимающуюся проектированием и строительством яхт. После этого вернусь и побеспокою тебя в более подходящее время. Как тебе нравится мой план?

— Мне он представляется неосуществимым. Хочешь выслушать хороший совет?

— Нет.

— Тем не менее я дам его тебе. Том, уезжай из Нью-Йорка, и как можно дальше. Постарайся добраться до Фиджи или Самоа.

— Но почему?

Мэри расхаживала по кухне, пытаясь успокоиться.

— Ты просто не понимаешь этот мир.

— Мне кажется, что понимаю.

— Нет! Том, ты столкнулся с несколькими типичными случаями и приобрел небольшой опыт, вот и все. Это значит, что тебе удалось освоиться в нашем обществе. Что ты пережил? Тебя похитили, ты подвергся преследованию духа и принял участие в охоте. Но все это — в смысле приобретения опыта — не выходит за рамки туристической прогулки. Рейли был прав: ты такой же беспомощный и невежественный, как пещерный человек в твоем 1958 году.

— Это смехотворное сравнение, и оно мне не нравится.

— Хорошо, пусть это будет китаец из четырнадцатого века. Предположим, этот гипотетический китаец встретит гангстера, совершит поездку на автобусе и побывает на Кони-Айленд. Неужели ты скажешь, что он понял Америку двадцатого века?

— Нет, конечно. Но я не понимаю смысла твоих слов.

— Смысл,— сказала Мэри,— заключается в том, что здесь ты в опасности и даже не можешь предугадать, откуда она тебе угрожает, что из себя представляет и как быстро придет. Начать с того, что тебя преследует этот проклятый Смит. Далее, наследники Рейли могут возмутиться, что ты осквернил гробницу, и принять какие-то меры против тебя. А управляющие «Рекса» все еще спорят о том, как поступить с тобой. Ты изменил ситуацию, нарушил ее. Неужели ты не понимаешь этого?

— Со Смитом я разберусь,— ответил Блейн.— На наследников Рейли мне наплевать. Что касается управляющих «Рекса», я не знаю, что они могут предпринять против меня.

Мэри подошла к нему и обняла за шею.

— Том,— серьезно произнесла девушка,— любой человек, родившийся в наше время и оказавшийся на твоем месте, не терял бы ни секунды и спасался бегством!

Блейн прижал ее к себе и погладил гладкие темные волосы. «Она любит меня и хочет спасти, желает добра»,— подумал он. Но Блейну не хотелось выслушивать предостережения. Ему удалось пережить опасности охоты, пройти через железную дверь в подземный мир и, одержав победу, снова вернуться в свет дня. И вот теперь, сидя в кухне Мэри Торн, залитой солнечным светом, он испытывал чувство эйфории и полное умиротворение. Опасность казалась ему академической проблемой, бесконечно далекой, не заслуживающей в данный момент серьезного внимания, а идея бежать из Нью-Йорка — просто абсурдной.

— Скажи,— с улыбкой спросил он,— среди всего того, во что я вмешался, есть и твоя жизнь?

— Меня, по-видимому, уволят — если тебя интересует именно это.

— Нет, меня интересует другое.

— В этом случае ответ должен быть тебе известен... Том, ты уедешь из Нью-Йорка? Я тебя очень прошу.

— Нет, не уеду. И не устраивай паники.

— Боже мой,— вздохнула девушка,— мы говорим на одном языке, но ты не хочешь понять меня. Ты просто не понимаешь. Позволь объяснить все это на примере.— Мэри задумалась.— Допустим, у человека есть парусная яхта...

— А ты ходишь под парусом? — спросил Блейн.

— Да, я люблю ходить на яхте. Не перебивай меня, Том! Допустим, у человека есть парусная яхта, на которой он собирается совершить путешествие по океану...

— По морю жизни,— не удержался Блейн.

— Совсем не смешно,— отрезала она. В это мгновение Мэри выглядела очень привлекательной и серьезной.— Однако он совершенно не разбирается в яхтах. Он

видит, что его яхта на плаву, хорошо покрашена и все на месте. Ему и в голову не приходит мысль об опасности. Затем яхту осматриваешь ты и видишь, что шпангоуты потрескались, руль изъеден червями-древоточцами, в шпоре мачты гниль, паруса покрылись плесенью, болты, крепящие киль, проржавели и крепления вот-вот развалятся.

— Откуда ты так много знаешь о яхтах? — удивился Блейн.

— Я ходила на яхтах с самого детства. Ты можешь выслушать меня? Затем ты говоришь владельцу, что его яхта непригодна для плавания и пойдет ко дну при первом шторме.

— Когда-нибудь мы походим с тобой на яхте,— сказал Блейн.

— Но этот человек,— упрямо продолжала девушка,— совсем не разбирается в яхтах. Он знает одно: яхта выглядит отлично. Самое же главное заключается в том, что ты не можешь точно сказать ему, что с ней произойдет и когда ее постигнет катастрофа. Возможно, яхта продержится месяц или даже целый год, а может быть, пойдет ко дну уже через неделю. Может быть, сначала отвалится киль или, возможно, рухнет мачта. Ты просто не знаешь этого. И в данном случае ситуация аналогична. Я не могу сказать тебе, что случится и когда. Я просто знаю, что тебе угрожает опасность. Ты должен уехать из города!

Мэри посмотрела на него с надеждой. Блейн кивнул.

— Из тебя выйдет отличный член экипажа,— сказал он.

— Значит, ты отказываешься уезжать?

— Отказываюсь. Я не спал всю ночь. Если я куда и отправлюсь, так это в постель. Ты не хочешь составить компанию?

— Иди к черту!

— Ну пожалуйста, милая. Где твоя жалость к бездомному скитальцу из прошлого?

— Мне надо уходить,— ответила Мэри.— Можешь располагаться в спальне. И подумай о том, что я тебе сказала.

— Обязательно,— кивнул Блейн.— Вот только зачем мне беспокоиться, когда ты присматриваешь за мной?

— И Смит тоже,— напомнила девушка. Она быстро поцеловала его и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и лег спать. Проснулся он уже к вечеру. Мэри еще не вернулась, поэтому, прежде чем уйти, он написал ей записку, где указал адрес своего отеля.

В течение нескольких следующих дней он посетил почти все фирмы в Нью-Йорке, занимающиеся проектированием и строительством яхт, но безуспешно. Его бывшей фирмы — «Мэттисон и Питерс» — уже давно не существовало, а остальные не проявили к нему интереса. Наконец ему повезло. Главный конструктор фирмы «Джейкобсен яхтс, лимитед» долго расспрашивал Блейна о давно не строящихся рыбацких баркасах, распространенных в прошлом на Багамских островах и в районе Чесапикского залива. Блейн продемонстрировал глубокое знание вопроса и знакомство с подобными классами судов, а также искусство черчения, ныне утраченное.

— Время от времени к нам обращаются с запросами относительно старинных судов,— сказал ему главный конструктор.— Я предлагаю вам следующее. Мы возьмем вас на работу в качестве рассыльного. Вы будете чертить классические типы корпусов за комиссионные, а в свободное время — овладевать современным конструированием, потому что, откровенно говоря, вы несколько подотстали в этой области. Когда выучитесь, мы повысим вас. Согласны?

Это была низкая должность, но это была работа, настоящая работа с перспективой продвижения. Это означало, что Блейн наконец обрел свое место в мире 2110 года.

— Я согласен,— произнес он,— и очень вам благодарен.

Этим же вечером, празднуя успех, он отправился в сенсорный магазин, чтобы купить плейер и несколько записей. «Наконец-то,— решил Блейн,— я имею право на маленькую роскошь».

Сенсорные записи были так же неотделимы от 2110 года, так же популярны и вездесущи, как телевизоры во времена Блейна. Самые сложные и крупные записи использовались для театральных представлений, а их вариации применялись для рекламы и пропаганды. Они были наиболее распространенной и самой мощной формой «грез наяву», причем на любой вкус.

Однако у сенсорных записей были громогласные противники, выражавшие сожаление по поводу зловещей тенденции к полной пассивности зрителей. Критиков беспокоила излишняя легкость, с которой человек мог усваивать любую сенсорную запись; многие домохозяйки постоянно ходили с невидящими взглядами, превращаясь в неких наркоманов, все время находящихся в мире ярких сенсорных образов.

При чтении или у телевизора, напоминали критики сенсорных программ, человек участвовал в действии, происходящем на страницах книги или на экране, тогда как сенсорные записи просто поглощают вас — яркие, ослепительные, незаметно обволакивающие грезы, оставляющие разрушительное шизофреническое впечатление, что они лучше и приятнее жизни. Это недопустимо, говорили критики, даже если так оно и есть. Сенсорные записи опасны, предупреждали они. Справедливости ради следует заметить, что в сенсорном изображении было запечатлено и несколько настоящих актерских работ (ведь нельзя не принимать во внимание Веррехо, Джонстона, Телькена, да и Миккельсон подает большие надежды). Однако подавляющее большинство сенсорных записей не отличалось высоким качеством. К тому же — разрушительное воздействие на психику, развращение общественных вкусов, движение в сторону полной пассивности...

Уже в грядущем поколении, громогласно заявляли критики, люди потеряют способность к чтению, мышлению или принятию решений!

Аргумент был действительно весомый. Однако Блейн, имеющий за плечами перспективу продолжительностью в сто пятьдесят два года, помнил, что аналогичные спо-

ры велись в связи с появлением и распространением радио, кино, комиксов, телевидения и дешевых книг в бумажных обложках. Даже любимые всеми романы подвергались когда-то жестокой критике за отклонение от классических принципов чистой поэзии. Всякое нововведение, казалось, вело сначала к уничтожению культуры, а затем превращалось в ее главный элемент, воплощение добрых старых дней, дух Золотого века, находящийся под угрозой уничтожения со стороны очередного нововведения.

Сенсорные записи, нравится это или нет, уже вошли в обиход. Блейн решил отдать им должное.

Осмотрев различные модели, Блейн остановился на недорогом плейере марки «Бендикс». Затем с помощью продавца он выбрал три записи, пользовавшиеся спросом, и отправился в кабину для прослушивания. Там он прикрепил ко лбу электроды и включил первую запись.

Это было историческое повествование, в высшей степени романтический пересказ «Песни о Роланде», выполненный в низкоинтенсивной технике стороннего наблюдателя, что давало возможность воспроизвести масштабные сцены битвы и массовые сцены. Повествование началось.

...Блейн оказался в Ронсевальском ущелье в то жаркое роковое утро августа 778 года, вместе с арьергардом отряда Роланда, наблюдая, как главные силы армии Карла Великого медленно удаляются в сторону Франции. Усталые ветераны, сутулясь, сидят в своих седлах с высокими луками, скрипит кожа, звенят шпоры, ударяясь о бронзовые стремена. В воздухе пахнет смолой и по́том, едва ощущается запах дыма со стороны сожженной Памплоны, смазанной маслом стали и сухой летней травы...

Блейн решил купить запись. Следующая запись воспроизводила сцены стремительной погони на Венере, полной напряжения, в которой слушатель полностью отождествлялся с преследуемым, ни в чем не виноватым человеком. Наконец, последняя запись представляла со-

бой версию романа «Война и мир» с переменной интенсивностью воспроизведения и отдельными сценами, где слушатель отождествлялся с героями.

Когда Блейн расплачивался за покупки, продавец подмигнул и спросил:

— Вас интересуют по-настоящему крутые записи?

— Может быть,— осторожно ответил Блейн.

— У меня есть великолепные групповые записи,— сообщил продавец,— с абсолютным отождествлением и полным переключением сознания. Не интересует? Подлинная запись — волосы становятся дыбом. Человек умирает в зыбучих песках. Убийцы сделали эту запись специально для любителей такого жанра.

— В следующий раз,— произнес Блейн и направился к выходу.

— Кроме того,— сказал вдогонку продавец,— имеется специальная запись, сделанная законным образом, но не пущенная в продажу. Несколько экземпляров тайно распространяются среди ценителей. Человек из прошлого заново рождается в нашем времени. Гарантированная подлинность.

— Неужели?

— Уверяю вас, запись уникальна. Эмоции передаются чисто, как звон колокола, тонко, словно лезвие бритвы. Лишь настоящий коллекционер может оценить ее по достоинству. Уверен, что эта запись станет классической.

— Хотелось бы прослушать,— мрачно произнес Блейн.

Он взял запись, не отмеченную никакой этикеткой, и прошел в кабину. Через десять минут он вернулся, заметно потрясенный, и купил ее за баснословную цену. Ему казалось, что он покупает частицу самого себя.

Продавец и техники из корпорации «Рекс» оказались правы. Запись действительно станет классической, и коллекционеры будут охотиться за ней.

К сожалению, там были стерты все имена, чтобы полиция не смогла определить источник. Блейн стал знаменитостью — но совершенно анонимной.

Глава 22

Блейн каждый день ходил на работу, подметал пол, выбрасывал мусор из корзин, писал адреса на конвертах и за отдельную плату изредка проектировал старинные корпуса яхт. Вечерами он овладевал сложным искусством конструирования парусных яхт двадцать второго века. Через некоторое время ему начали поручать иные задания: он писал рекламные объявления. В этой области Блейн продемонстрировал немалые способности и продвинулся по службе — стал младшим конструктором. Теперь почти все контакты между «Джейкобсен яхтс, лимитед» и различными фирмами, строящими яхты по проектам компании, осуществлялись через Блейна.

Он продолжал учиться, но заказов на старинные корпуса было немного. Большинство стандартных яхт конструировали братья Джейкобсен, а старик Эд Рихтер, известный под прозвищем Салемский волшебник, создавал проекты уникальных гоночных судов и многокорпусных катамаранов. Блейн взял на себя рекламу и переписку, так что времени для других дел не оставалось.

Это была ответственная и необходимая работа, но далекая от конструирования яхт. Его жизнь в 2110 году становилась как две капли воды похожей на ту, прежнюю, в 1958 году.

Блейн задумался над этим. С одной стороны, создавшееся положение радовало его, поскольку раз и навсегда разрешился конфликт между его сознанием и приобретенным телом.

С другой стороны, ситуация не слишком уж высоко характеризовала качество этого сознания. Ведь он был человеком, который перенесся на 152 года в будущее, прошел через ужасы и чудеса — и теперь, покорившись страшной неизбежности, снова превратился в младшего конструктора яхт, который занимается чем угодно, только не проектированием судов. Неужели в его характере скрывается какой-то фатальный дефект, обрекающий на неполноценность независимо от положения, в которое он попадает?

Блейн уныло подумал о том, что если бы судьба забросила его в прошлое, на миллион лет назад, в общество пещерных людей, то он, немного освоившись в новом окружении, обязательно стал бы младшим конструктором челноков. Но только не настоящим конструктором. Его обязанности заключались бы в учете ожерелий из ракушек, проверке качества древесных стволов и налаживании связей с поставщиками, а когда понадобилась бы настоящая работа, то ею занялся бы кто-то другой, какой-нибудь неандертальский гений.

Подобные мысли угнетали его. К счастью, на эту проблему можно взглянуть и с другой стороны. Неизбежное возвращение Блейна к своей прежней должности можно истолковывать и как великолепный пример моральной стабильности, человеческой настойчивости. Он знал, кто он такой и на что способен. И неважно, в какое окружение он попадал,— верность профессии оставалась неизменной. Так что с этой точки зрения Блейну следовало гордиться, что он всегда и везде был младшим конструктором яхт.

Блейн продолжал свою работу в фирме «Джейкобсен яхтс, лимитед», колеблясь между этими двумя точками зрения. Раз или два он встречался с Мэри, но обычно она была занята на совещаниях управляющих корпорацией «Рекс». Он переехал из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартиру. Нью-Йорк превращался в знакомый город.

«По крайней мере,— напоминал себе Блейн,— мне удалось решить проблему отношений между сознанием и новым телом».

Впрочем, сбрасывать со счетов запросы тела не следовало. Блейн вскоре убедился в том, что упустил из виду одну из проблем, связанных с обладанием таким сильным, красивым и в высшей степени темпераментным телом, как у него. Наступил момент, когда конфликт между сознанием и телом вспыхнул снова, причем сильнее, чем прежде.

Он ушел с работы в обычное время и ждал на углу гелибус. Стоявшая поблизости молодая женщина пристально смотрела на него. Ей было лет двадцать пять. Скромно одетая, привлекательная, с пышной грудью и рыжими волосами, лицо решительное, но какое-то грустное.

Блейн вспомнил, что несколько раз мельком видел ее, но никогда не обращал особого внимания. Да, верно, однажды они вместе ехали в гелибусе. В другой раз женщина вошла в магазин следом за ним. Кроме того, она несколько раз проходила мимо здания фирмы, когда он выходил после работы.

Женщина определенно следила за ним, причем, по-видимому, уже несколько недель. Зачем?

Он посмотрел ей в лицо. Женщина на мгновение заколебалась, затем подошла.

— Мне хотелось бы поговорить с вами,— сказала она. У нее был низкий приятный голос, и чувствовалось, что она нервничает.— Прошу вас, мистер Блейн. Это очень важно.

Значит, она знает его имя.

— Разумеется,— ответил Блейн.— Что вас интересует?

— Не на улице. Мы не могли бы... пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и отрицательно покачал головой. Казалось, женщина не представляет никакой опасности, но ведь и Орк выглядел дружелюбным. Доверять незнакомцам в этом мире — значило подвергнуться риску утратить сознание, или тело, или то и другое одновременно.

— Я не знаю вас,— сказал он.— Как вы узнали мое имя? Если вы хотите что-то сказать мне, говорите прямо здесь.

— Мне не следовало вас беспокоить,— грустно произнесла женщина,— но я просто не могла удержаться. Иногда чувствуешь себя такой одинокой. Вы меня понимаете?

— Одинокой? Действительно, такое и со мной бывает. Это и есть причина, почему вам захотелось поговорить со мной?

— Ну конечно, вы ничего не знаете.— В голосе женщины звучала печаль.

— Не знаю,— терпеливо согласился Блейн.— О чем речь?

— Мне не хочется говорить об этом на улице. Неужели нельзя куда-нибудь пойти?

— Нет,— покачал головой Блейн.— Вам придется говорить здесь.— Он чувствовал, что его снова втягивают в какую-то сложную игру.

— Ничего не поделаешь,— смущенно заметила женщина.— Я следила за вами, мистер Блейн, длительное время. Узнала, как вас зовут и где вы работаете. Мне нужно было встретиться с вами. Это касается вашего тела.

— Что?

— Да, вашего тела.— Она отвела взгляд в сторону.— Видите ли, оно принадлежало моему мужу — до того, как он продал его корпорации «Рекс».

Блейн изумленно открыл рот, но не сумел вымолвить ни слова.

Глава 23

Блейн знал, что перед тем, как попасть к нему, его тело жило в этом мире собственной жизнью. Оно совершало поступки, принимало решения, любило, ненавидело, занимало свое место в обществе и сплетало собственную, очень сложную и стойкую паутину взаимоотношений. Блейн предполагал, что в прошлом его тело могло иметь жену — большинство тел были женаты. Однако он предпочитал не думать об этом. Блейн старался убедить себя в том, что все, касающееся предыдущего владельца тела, благополучно исчезло.

Встреча с новым обладателем тела Рея Мелхилла должна была бы убедить его, как наивны такие попытки. И вот теперь, хотел он этого или нет, ему пришлось задуматься над этой проблемой.

Они пришли к Блейну домой. Женщина — Алиса Кранч — робко села на край дивана и закурила предложенную Блейном сигарету.

— Вышло так,— сказала она,— что Фрэнк — так звали моего мужа, Фрэнк Кранч,— был все время недоволен положением вещей, понимаете? Он неплохо зарабатывал как охотник, но был постоянно недоволен.

— Он был охотником?

— Да, копьеносцем в китайских играх.

— Вот как? — пробормотал Блейн, задумываясь над тем, что заставило его принять участие в той охоте. Его собственные желания или дремлющие рефлексы Кранча? Неприятно, что уже после того, как ты решил, казалось, проблему взаимоотношений сознания и тела, она снова возникает.

— Да, он был постоянно недоволен,— повторила Алиса Кранч.— Это стало его больным местом. Он все время ворчал, что богачи умирают и остаются живы после смерти в потусторонней жизни. Фрэнк всегда говорил, что умрет как собака, и это ему не нравилось.

— Я понимаю,— кивнул Блейн.

Женщина пожала плечами.

— А что поделаешь? Фрэнк не мог заработать достаточно денег, чтобы купить страховку на потустороннюю жизнь, поэтому не переставал беспокоиться. Затем его тяжело ранили — огромная рана на плече, он едва не умер. У вас, наверное, есть шарм?

Блейн кивнул.

— Так вот, после этого Фрэнк так и не сумел оправиться. Охотники обычно не думают о смерти, а вот он начал все время думать о ней. И тут встретил эту тощую девку из «Рекса».

— Мэри Торн?

— Да, ее,— ответила Алиса.— Она была тощей, жестокой до бесчувственности и холодной как рыба. Не понимаю, что он в ней нашел. Он, конечно, баловался с девицами, все охотники это себе позволяют. Чтобы расслабиться, понимаете. Однако баловство баловством, а тут Фрэнк и эта девка из «Рекса» прямо-таки не расставались. Я так и не поняла, чем она ему понравилась.

Знаете, она была такой тощей и лицо с кулачок. В общем-то ничего, если вам нравятся такие худые, но мне казалось, что она и спит, не раздеваясь.

Блейн кивнул, смутно чувствуя какую-то боль.

— Продолжайте.

— Ну что ж, о вкусах не спорят, но я считала, что знаю своего Фрэнка. Оказалось, действительно знаю, потому что он ничего такого с ней не имел — это были чисто деловые отношения. И вот однажды он пришел домой и сказал: «Беби, я ухожу. Отправляюсь в путешествие, в потустороннюю жизнь. И тебе оставляю немалую сумму».— Алиса вздохнула и вытерла слезы.— Этот кретин продал свое тело! «Рекс» дал ему страховку для жизни после смерти, а я получила пожизненную пенсию. Он так этим гордился! Я стала уговаривать его, из кожи вон лезла, надеялась, что он передумает. Куда там, он решил, что ему выпала редкая возможность. Он считал, что его черед настал и во время следующей охоты ему конец. В общем, он отправился в потустороннюю жизнь. Один раз даже говорил со мной из пороговой зоны.

— Он все еще там? — спросил Блейн. По его спине побежали мурашки.

— Вот уже больше года от него ничего не слышно,— ответила Алиса,— так что он, наверное, уже переселился в потустороннюю жизнь. Мерзавец!

Она заплакала, потом вытерла слезы крошечным платком и грустно взглянула на Блейна.

— Я не хотела беспокоить вас. В конце концов, это тело принадлежало Фрэнку, он мог поступить с ним как угодно и продал его. Теперь оно ваше. У меня нет никаких претензий к вам. Но мне так грустно, так одиноко.

— Понимаю,— пробормотал Блейн.

Да, эта женщина совсем не в его вкусе. Говоря по правде, она привлекательна. Симпатичная, хотя и полновата. Приятные черты лица, смелые и резко очерченные, румянец. Волосы рыжие, хоть и не от природы, спускаются на плечи мягкими волнами. Блейн представил себе,

как эта женщина, подбоченившись, ругается с полицейским; тянет рыбачью сеть; танцует под гитару фламенко; гонит коз по горной тропинке, длинная юбка облепляет широкие бедра на ветру, крестьянская блузка обтягивает пышную грудь...

И все-таки в ней нет утонченности.

Однако, напомнил себе Блейн, она была во вкусе Фрэнка Кранча, а теперь его тело принадлежит ему, Блейну.

— Большинство наших друзей,— продолжала Алиса,— были охотниками в китайских играх. Вскоре после того, как Фрэнк покинул меня, они начали наведываться. Но вы ведь знаете, у охотников одно на уме...

— Неужели? — спросил Блейн.

— Да. И тогда я уехала из Пекина обратно в Нью-Йорк, туда, где родилась. И вдруг встречаю Фрэнка — я имею в виду вас. Чуть не упала в обморок. Мне, конечно, следовало ожидать этого, но все-таки испытываешь потрясение, увидев, как навстречу идет тело твоего мужа.

— Да, конечно,— согласился Блейн.

— Поэтому я и стала следить за вами и все такое. Я не хотела беспокоить вас, но никак не могла прийти в себя. И мне стало интересно, что вы за человек... видите ли, Фрэнк был такой... понимаете, мы с ним жили дружно, нам было так хорошо вместе — вы понимаете меня?

— Конечно,— кивнул Блейн.

— Вы, наверное, считаете мое поведение ужасным!

— Ничуть,— ответил Блейн.

Алиса посмотрела ему в глаза, выражение ее лица было грустным и одновременно кокетливым. Блейн почувствовал, как начал пульсировать старый шрам Кранча.

Но ведь Кранча больше нет. Теперь все принадлежит Блейну — желания, вкус, поступки...

Разве не так?

Эту проблему надо решить раз и навсегда, подумал он, обнимая полную желания Алису и целуя ее с жаром, совсем не свойственным Блейну.

Утром она приготовила ему завтрак. Блейн сидел и смотрел в окно. В голове бродили невеселые мысли.

Прошлая ночь убедительно доказала, что Кранч все еще распоряжался в своем бывшем теле и захватил контроль над сознанием Блейна, потому что ночью Блейн был совсем не похож на себя. Он был груб, жесток, яростен и ненасытен. Он стал таким, каким никогда не был раньше, и его страсть граничила с безумием.

Это был не Блейн, а Кранч, хозяин своего тела.

Блейн высоко ценил утонченность, деликатность, разнообразие оттенков чувств. Может быть, даже излишне высоко. Но это были его достоинства, черты индивидуальности, присущие лишь ему. Владея ими, он оставался Томасом Блейном. Утратив их, он превратился в ничтожество, в тень вечно торжествующего Кранча.

Он мрачно думал о будущем. Придется отказаться от борьбы, стать тем, кем требовало его тело: бойцом, драчуном, похотливым бродягой. Возможно, со временем он привыкнет к этому, и ему даже понравится...

— Завтрак готов,— объявила Алиса.

Они ели молча, и Алиса грустно касалась синяка на руке. Наконец Блейн не выдержал.

— Послушай,— сказал он,— прости меня.

— За что?

— За все.

Алиса грустно улыбнулась:

— Все в порядке. Это я во всем виновата.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста.

Она передала ему масленку. За столом на несколько минут воцарилась тишина.

— Я так глупо вела себя,— сказала Алиса.

— Почему ты так считаешь?

— Теперь я понимаю, что погналась за неосуществимой мечтой,— объяснила она.— Мне казалось, что я смогу вернуть себе Фрэнка. Видите ли, мистер Блейн, вообще-то я совсем не такая. Меня просто не оставляла надежда, что с вами мне будет так же хорошо, как с Фрэнком.

— А оказалось не так?

— Нет, не так,— покачала головой женщина.

Блейн осторожно поставил чашку с кофе на стол.

— По-видимому, Кранч был грубее меня,— сказал он.— Он, наверное, швырял тебя о стенку, как мяч. Думаю, что...

— Нет, никогда! — воскликнула Алиса.— Никогда! Мистер Блейн, Фрэнк был охотником, и его жизнь была нелегкой, но со мной он всегда вел себя как джентльмен. Он был хорошо воспитан, мой Фрэнк.

— Неужели?

— Да! Фрэнк обходился со мной нежно, мистер Блейн. Он был деликатным — вы понимаете, что я имею в виду? Он никогда, никогда не был грубым. Говоря по правде, мистер Блейн, он был полной противоположностью вам.

— Ах вот как?

— Я не хочу сказать, что ваше поведение было каким-то ненормальным,— поспешно сказала Алиса.— Просто вы немного грубоваты, но в этом нет ничего необычного. Кому что нравится, мистер Блейн.

— Это верно, пожалуй,— согласился Блейн.— Действительно, о вкусах не спорят.

Завтрак они заканчивали в неловком молчании. Алиса, освободившись от своей навязчивой идеи, быстро ушла, даже не намекнув о новой встрече. Блейн сидел в большом кресле, смотрел в окно и думал.

Итак, он совсем не похож на Кранча!

Печальная истина заключалась в том, что он вел себя так, как, по его мнению, должен вести себя Кранч. Его поведение было продиктовано чистым самовнушением. Он убедил себя, что сильный, грубый мужчина, привыкший жить среди природы, обязательно должен обращаться с женщиной, как дикий медведь.

Он действовал по стереотипу. Он чувствовал бы себя еще глупее, если бы его не охватило облегчение при мысли о возвращении Блейна.

Вспомнив слова Алисы о Мэри Торн, он нахмурился. Тощая, жестокая до бесчувственности, холодная как рыба. Еще один стереотип.

Однако он вряд ли смеет осуждать Алису.

Глава 24

Через несколько дней Блейну сообщили, что в Духовном коммутаторе его ждет сообщение. Он пошел туда после работы, и его отправили в ту же комнату, в которой он был раньше.

— Привет, Том,— донесся из громкоговорителя голос Мелхилла, усиленный радиоаппаратурой.

— Здравствуй, Рей. Я все думал, куда же ты исчез.

— Я все еще в пороговой зоне,— сообщил Мелхилл,— но скоро покину ее. Пора идти дальше и посмотреть, какая она, эта потусторонняя жизнь. Меня тянет туда. Но мне хотелось еще раз поговорить с тобой, Том. Мне кажется, что тебе следует остерегаться Мэри Торн.

— Послушай, Рей...

— Я говорю совершенно серьезно. Она проводит много времени в «Рексе». Мне неизвестно, что там происходит, поскольку комнаты, где проводятся заседания, защищены специальными экранами. Но в «Рексе» что-то готовится, и Мэри Торн играет там центральную роль.

— Хорошо, буду настороже,— пообещал Блейн.

— Том, послушайся моего совета — уезжай из Нью-Йорка. Уезжай побыстрее, пока у тебя еще есть тело и сознание, им руководящее.

— Я останусь,— покачал головой Блейн.

— Ты просто упрямый осел,— с чувством произнес Рей Мелхилл.— Какой смысл иметь ангела-хранителя, если ты не прислушиваешься к его советам?

— Я благодарен тебе за помощь, Рей, честное слово, благодарен. Но скажи откровенно, мне действительно будет лучше, если я уеду из Нью-Йорка?

— По крайней мере, можешь надеяться, что проживешь немного дольше.

— Всего лишь? Неужели опасность настолько серьезна?

— Очень серьезна. Том, запомни, не доверяй никому. А сейчас мне пора.

— Мы еще поговорим, Рей?

— Может быть,— донесся голос Мелхилла.— А может быть, и нет. Желаю удачи, дружище.

Беседа закончилась. Блейн пошел домой.

Следующий день был субботой. Блейн понежился в кровати дольше обычного, приготовил завтрак и позвонил Мэри. Никто не ответил. Он решил в этот день ничего не делать, а только прокрутить сенсорные записи.

Вечером его посетили двое.

Сначала пришла кроткая сгорбленная старушка, одетая в темную униформу. На околыше ее фуражки, похожей на армейскую, была надпись: «Старая церковь».

— Сэр,— произнесла она, чуть задыхаясь,— я собираю пожертвования в пользу Старой церкви, стремящейся укрепить истинную веру в эти развратные и безбожные времена.

— Извините меня,— сказал Блейн и попытался закрыть дверь.

Однако старушка уже привыкла, должно быть, что перед ней закрывается множество дверей, и успела протиснуться в образовавшуюся щель, не переставая говорить.

— Молодой господин, это век вавилонского зверя и разрушения души, век Сатаны и его мнимого триумфа. Пусть это не введет вас в заблуждение! Господь всемогущий допустил все это ради проверки и испытания, чтобы отделить зерна от плевел. Опасайтесь искушения! Опасайтесь вступить на путь зла, который лежит перед вами, сияющий и великолепный!

Блейн дал ей доллар, надеясь, что старушка уйдет. Она поблагодарила его, но продолжала говорить:

— Опасайтесь, молодой господин, величайшего искушения Сатаны — мнимого рая, который называют потусторонней жизнью! Разве мог обманщик Сатана придумать ложь для людей более привлекательную, чем эта самая большая иллюзия, величайший мираж, будто ад стал раем? И многие поддаются на хитроумную приманку и сами идут в эту ловушку!

— Спасибо,— сказал Блейн, пытаясь закрыть дверь.

— Запомните мои слова! — возопила старуха, пронзив Блейна пристальным взглядом остекленевших голубых глаз.— Потусторонняя жизнь — величайший грех! Остерегайтесь лживых пророков потусторонней жизни!

— Очень вам благодарен!

Наконец Блейну удалось закрыть дверь. Он снова опустился в удобное кресло и включил плейер. Почти час он был поглощен «Полетом на Венеру». Затем снова раздался стук в дверь. Блейн открыл и увидел невысокого, хорошо одетого молодого человека с круглым серьезным лицом.

— Мистер Томас Блейн? — спросил незнакомец.

— Да, это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррелл, я из корпорации «Потусторонняя жизнь». Мне можно поговорить с вами? Если сейчас неудобно, мы могли бы договориться о встрече в другое время...

— Входите,— сказал Блейн, широко распахнув дверь для пророка потусторонней жизни, посланца Сатаны.

Фаррелл оказался деловым, спокойным пророком с тихим убедительным голосом. Сначала он ознакомил Блейна с письмом, написанным на бланке корпорации, в котором удостоверялось, что Чарльз Фаррелл является полномочным представителем «Потусторонней жизни, инк.». В письме приводилось подробное описание внешности Фаррелла, его подпись, и прилагались три заверенные фотографии и отпечатки пальцев.

— А вот мои удостоверения личности,— сказал Фаррелл, открывая бумажник.

Он извлек оттуда права на вождение гелиомобиля, библиотечную карточку, регистрационную карточку избирателя и удостоверение о государственной благонадежности. На отдельном листке специально обработанной бумаги Фаррелл тут же сделал отпечатки пальцев правой руки и передал их Блейку для сравнения с теми, что прилагались к письму.

— Неужели все это необходимо? — удивился Блейн.

— Абсолютно,— заверил его Фаррелл.— В прошлом имели место неприятные случаи. Беспринципные люди часто пытались выдать себя за представителей нашей корпорации, особенно страдали при этом излишне доверчивые и бедные люди. Они предлагали страховку по сниженным ценам, получали деньги и исчезали. Пострадало слишком много людей, которые отдали все, что имели, и ничего не получили взамен. Дело в том, что у этих бесчестных жуликов, даже если они действительно представляют какую-нибудь маленькую страховую компанию с дурной репутацией, нет в распоряжении ни дорогостоящей аппаратуры, ни квалифицированных техников, что необходимо для таких сложных операций.

— Я не знал этого,— ответил Блейн.— Прошу вас, садитесь.

Фаррелл сел.

— Бюро, занимающиеся улучшением деловых отношений, пытаются бороться с этим. Однако подобные компании быстро перебираются с места на место, и их невозможно обнаружить. Только «Потусторонняя жизнь, инк.» и еще две страховые компании, владеющие государственными лицензиями, в состоянии гарантировать выполнение своих обязательств — жизнь после смерти.

— А как относительно других систем психологической подготовки? — спросил Блейн.

— Я специально не говорил о них,— сказал Фаррелл.— Они относятся к совершенно иной категории. Если у вас достаточно терпения и решимости, то через двадцать — или даже больше — лет напряженного труда вы можете добиться успеха. Если же вы не готовы посвятить этому двадцать лет, то вам понадобится научная помощь и техническое содействие. Вот тут мы и предлагаем свои услуги.

— Мне хотелось бы услышать об этом подробнее,— заметил Блейн.

Мистер Фаррелл расположился поудобнее.

— Если вы похожи на остальных людей, вам захочется узнать: что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое со-

знание? Как взаимодействуют сознание и тело? Является ли сознание тем же самым, что и душа? Может быть, они независимы друг от друга? Или взаимозависимы, или, возможно, переплетаются? Существует ли вообще такое понятие, как душа? — Фаррелл улыбнулся.— Вы, по-видимому, хотите получить ответы на эти вопросы?

Блейн кивнул, и Фаррелл продолжал:

— Так вот, я не могу ответить на них. Мы просто не имеем ни малейшего представления об этом. По нашему мнению, это религиозно-философские вопросы, отвечать на которые корпорация «Потусторонняя жизнь» даже не пытается. Нас интересуют результаты, а не абстрактное теоретизирование. Мы ориентируемся на медицину, а наш подход является чисто прагматическим. Нас не интересует, как или почему мы добиваемся результатов, равно как и то, насколько странными они бывают. Важно одно: они есть. Это единственное, что нас интересует,— такова наша позиция.

— Да, вы изложили свою точку зрения ясно и недвусмысленно,— заметил Блейн.

— Важно определить ее с самого начала. Позвольте мне объяснить вам еще одну вещь. Не следует думать, что мы предлагаем вам переселение в рай,— это ошибка.

— Да?

— Разумеется, мы не предлагаем ничего подобного! Рай — это религиозное понятие, а мы не имеем никакого отношения к религии. Наша потусторонняя жизнь есть выживание сознания после смерти тела, вот и все. Ничего больше. Мы вовсе не утверждаем, что потусторонняя жизнь — это рай, подобно тому как первые археологи не утверждали, что кости первобытного человека — останки Адама и Евы.

— Перед вами ко мне зашла старушка,— сказал Блейн.— Она сказала, что потусторонняя жизнь — это ад.

— Ах, эта фанатичка...— усмехнулся Фаррелл.— Она следует за мной повсюду. Впрочем, не исключено, что она совершенно права.

— А что вам лично известно о потусторонней жизни?

— Не так уж много,— признался Фаррелл.— Достоверно нам известно лишь следующее: после гибели тела сознание переселяется в зону, которую мы именуем пороговой. Эта зона существует где-то между Землей и потусторонним миром. По нашему мнению, это нечто вроде подготовительной фазы перед непосредственным переходом в потустороннюю жизнь только по собственному желанию.

— Но что представляет собой потусторонняя жизнь?

— У нас нет сведений об этом. Мы считаем, что она не является материальной. Дальше остается только гадать. Существует мнение, что сознание есть сущность тела, и потому субстраты земных вещей, окружавших человека, он может захватить с собой в потустороннюю жизнь. Вполне возможно. Есть и другие точки зрения. Одни считают, что потусторонняя жизнь представляет собой место, где души ждут очереди заново родиться на других планетах, что составляет часть гигантского цикла возрождения. Не исключено, что и это соответствует действительности. Говорят также о том, что потусторонняя жизнь — это всего лишь первый этап постземного существования и что существует еще шесть этапов и в конце концов душа попадает в нирвану. Может быть. Есть мнение, что потусторонняя жизнь — это колоссальная туманная область, где вы обречены на вечные странствия, которые никогда не приведут к цели. Мне приходилось знакомиться с теориями, которые доказывают, что в потусторонней жизни люди группируются по родственному признаку, тогда как другие утверждают, что они группируются по признакам расы, религии, цвету кожи и социальному положению. Есть люди, полагающие, как вы только что заметили, что потусторонняя жизнь — это преисподняя. Существуют защитники теории иллюзии, считающие, что после того, как сознание покидает пороговую зону, оно просто исчезает. А есть и такие, кто обвиняет нашу корпорацию во лжи. В некоем опубликованном недавно на-

учном труде заявляется, что в потусторонней жизни можно найти все, что пожелаешь: рай, небеса, Валгаллу, зеленые луга — выбирай не хочу. Говорят и о том, что в потусторонней жизни правят древние божества — боги Гаити, Скандинавии или Бельгийского Конго, в зависимости от теории, которой вы придерживаетесь. Естественно, есть и противоположная точка зрения, что никаких богов там нет. Я читал английскую книгу, где доказывалось, что в потусторонней жизни правят английские духи, русскую — о том, что там господствуют русские, и несколько американских, в которых уверялось, что господство американских духов не подвергается сомнению. В прошлом году была издана книга о том, что в потусторонней жизни господствует анархия. Один видный философ считает, что конкуренция есть закон природы, а потому должна сохраниться и в потусторонней жизни. И тому подобное. Выбирайте любую теорию, которая вам понравится, мистер Блейн, а то придумайте собственную.

— А каково ваше мнение? — спросил Блейн.

— Мое? Я не придерживаюсь никакой точки зрения,— ответил Фаррелл.— Когда придет время, я попаду в потустороннюю жизнь и увижу все собственными глазами.

— Я тоже так считаю,— согласился Блейн.— К сожалению, такой возможности у меня нет. У меня нет денег, чтобы заплатить столько, сколько вы требуете.

— Я знаю,— сказал Фаррелл.— Перед тем как идти к вам, я проверил состояние ваших финансов.

— Тогда почему...

— Каждый год,— произнес Фаррелл,— выделяется несколько бесплатных страховых полисов, обеспечивающих владельцам доступ в потустороннюю жизнь. Средства на это дают филантропы, корпорации и промышленные компании, а несколько полисов распределяется по лотерее. Мистер Блейн, я счастлив сообщить, что вы стали обладателем одного из таких страховых полисов.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, мистер Блейн,— сказал Фаррелл.— Вы — счастливец. Вам очень повезло.

— Но кто подарил мне бесплатную страховку?

— Текстильная корпорация «Мэйн Фарбенгер».

— Первый раз о них слышу.

— Зато они знают о вас. Бесплатный страховой полис подарен вам в знак признания вашего переселения в наш век из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн подозрительно взглянул на представителя корпорации «Потусторонняя жизнь». Фаррелл казался ему тем, за кого он себя выдавал; к тому же все это можно проверить в штаб-квартире «Потусторонней жизни». Фантастический подарок судьбы, столь неожиданно свалившийся на Блейна, вызвал у него серьезные подозрения. Однако мысль о гарантированной жизни после смерти перевесила сомнения, прогнала все страхи. Осторожность — вещь, конечно, хорошая, но не в тот же момент, когда перед тобой открываются двери рая.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Отправиться со мной в корпорацию «Потусторонняя жизнь»,— сказал Фаррелл.— Там нам понадобится несколько часов для совершения процедуры.

Вечность! Жизнь после смерти!

— Согласен,— произнес Блейн.— Я принимаю страховку. Поехали!

Не теряя времени даром, они отправились в корпорацию.

Глава 25

Гелитакси доставило их прямо к двери «Потусторонней жизни, инк.». Фаррелл проводил Блейна в приемный отдел и передал заведующей ксерокопию страхового полиса. Блейну было велено оставить отпечатки пальцев и предъявить лицензию охотника. Женщина тщательно сверила все данные со списком назначенных на прием. Наконец она убедилась в достоверности документов и подписала разрешение.

Фаррелл отвел Блейна в помещение для испытаний, пожелал ему удачи и ушел.

За Блейна взялась группа молодых техников и подвергла его разнообразному тестированию. Жужжа и сверкая огнями, компьютеры выбрасывали ярды бумажных лент и множество перфокарт. Какие-то зловещие на вид машины булькали и пищали, подмигивали огромными красными глазами, превращавшимися в желтые. Самописцы чертили на листах бумаги графики. И среди всей этой суеты техники вели оживленный профессиональный разговор:

— Любопытная бета-реакция. Думаешь, стоит сгладить эту кривую?

— Конечно, конечно. Давай снизим побудительный коэффициент.

— Не хотелось бы. Ведь тогда ослабнет вся сеть.

— А ты не снижай его до такой степени. Травму он и так перенесет.

— Пожалуй... Как относительно фактора Хенлигера? Его нет.

— Потому что он в чужом теле. Проявится, не беспокойся.

— На прошлой неделе так и не проявился. Парень взлетел, как ракета.

— Ну и что? Он с самого начала был нестабилен.

— Эй, ребята! — окликнул их Блейн.— А что, есть шанс, что эта штука не сработает?

Техники повернулись к нему, словно увидели впервые.

— В каждом конкретном случае ситуация иная, приятель,— заметил один из техников.

— Требуется индивидуальный подход к каждому пациенту.

— Нельзя исключить вероятность сбоев.

— Мне сказали, что процедура давно отработана,— произнес Блейн.— Говорили даже, что гарантия на все сто процентов.

— Конечно, так всем клиентам говорят,— пренебрежительно заметил другой техник.

— Рекламное дерьмо.

— Проблемы возникают каждый день. Нам еще так далеко до совершенства.

— Но вы скажете мне, если процедура окажется успешной? — поинтересовался Блейн.

— Разумеется. Если все пройдет успешно, ты выживешь.

— А если нет, то тебя вынесут ногами вперед.

— Не беспокойся, обычно все проходит успешно,— утешил его техник.— За исключением клиентов с К-3.

— Да, этот проклятый фактор К-3 постоянно портит нам дело. Ну, давай, Джеймисон, говори: он К-3 или нет?

— Я не уверен,— пробормотал Джеймисон, склонившись над мигающим пультом.— Тестирующая машина опять барахлит.

— А что такое К-3? — спросил Блейн.

— Если бы мы знали,— мрачно бросил Джеймисон.— Нам определенно известно лишь одно: люди с фактором К-3 не остаются в живых после смерти.

— Да, ни при каких обстоятельствах.

— По мнению старины Фицроя, это постоянный ограничивающий фактор, созданный природой, чтобы предупредить случаи безумия.

— Но К-3 не передает этот фактор своему потомству.

— Значит, я К-3? — спросил Блейн, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Нет, пожалуй,— небрежно заметил Джеймисон.— Вообще-то он довольно редок. Сейчас проверим.

Блейн ждал, пока техники изучали данные, а Джеймисон с помощью своей барахлящей машины пытался определить, есть ли в организме Блейна фактор К-3.

Через некоторое время он поднял голову.

— Ну что ж, думаю, он не К-3. Хотя кто знает? Давайте за работу.

— Что будет дальше? — спросил Блейн.

В его руку глубоко вонзился шприц.

— Не беспокойся,— произнес техник,— все будет хорошо.

— Вы уверены? Значит, я не К-3? — не удержался в последний раз Блейн.

Техник небрежно кивнул. Блейн попытался спросить еще что-то, но у него закружилась голова. Техники подняли Блейна и положили на белый операционный стол.

Придя в себя, Блейн обнаружил, что лежит на удобном диване. В помещении слышалась спокойная музыка. Сестра подала ему стакан шерри. Рядом стоял улыбающийся мистер Фаррелл.

— Чувствуете себя хорошо? — спросил он.— Этого следовало ожидать. Все прошло как по маслу.

— Вот как?

— Иначе и быть не могло. Процедура исключает ошибки. Мистер Блейн, потусторонняя жизнь вам теперь гарантирована.

Блейн допил шерри и с трудом встал.

— Значит, жизнь после смерти — моя? Когда бы я ни умер? Какой бы ни была причина моей смерти?

— Совершенно верно. Независимо от времени или причины вашей смерти ваше сознание не умрет. Как вы себя чувствуете?

— Еще не знаю,— сказал Блейн.

Лишь через полчаса, идя домой, он осознал, что с ним произошло.

Потусторонняя жизнь принадлежит ему!

Блейн ощущал безграничную радость. Теперь ему на все наплевать, абсолютно на все! Он бессмертен! Его могут убить прямо сейчас, и он все-таки будет продолжать жить!

Волна опьяняющего счастья подхватила его. С улыбкой он представил себе, что может броситься под колеса проезжающего грузовика. Разве это имеет какое-нибудь значение? Ничто не в состоянии причинить ему вред. Теперь можно стать берсеркером, ворваться в толпу, размахивая мечом. А почему бы и нет? Единственное, что могут сделать полицейские,— убить его тело.

Чувство было неописуемым. Сейчас Блейн впервые понял, как жили люди до научного открытия потусто-

ронней жизни. Он вспомнил о тяжелом, отупляющем, бессознательном страхе смерти, все время преследующем человека, влияющем на каждый его поступок и пронизывающем каждую мысль. Вечный враг человека — смерть — тень, неслышно ползущая по извилинам его сознания, призрак, преследующий человека днем и ночью, прячась за углом, за закрытыми дверьми, невидимый гость на каждом пиршестве, незримая фигура на фоне каждого пейзажа, никогда не покидающая человека, все время ждущая своего часа...

Теперь он избавился от этого ужаса.

Чудовищный груз, тяготивший сознание Блейна, исчез. Страх перед смертью пропал. С чувством пьянящей радости он ощущал воздушную легкость. Вечный враг человека — смерть — побеждена и больше ему не угрожает!

Блейн вернулся к себе, охваченный чудесной эйфорией. И тут же услышал звонок телефона.

— Блейн слушает.

— Том, куда ты исчез? — Это был голос Мэри Торн.— Я звонила тебе целый день!

— Я выходил, милая,— ответил Блейн.— А ты где была, черт побери?

— В «Рексе». Старалась выяснить, что они замышляют. Слушай внимательно. Мне нужно сообщить тебе нечто очень важное.

— И у меня есть для тебя новость, милая.

— Слушай и не перебивай! Сегодня к тебе придет человек. Это представитель корпорации «Потусторонняя жизнь». Он предложит тебе бесплатный страховой полис. Ни в коем случае не соглашайся!

— Но почему? Он не тот, за кого себя выдает?

— Нет, он действительно сотрудник корпорации, и полис настоящий, без обмана. Но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился,— ответил Блейн.

— Как согласился?

— Он был у меня несколько часов тому назад. Я согласился.

— Ты уже прошел процедуру?

— Да. Она была ненастоящая?

— Нет, разумеется, настоящая,— вздохнула Мэри.— Боже мой, когда ты поймешь, что нельзя принимать подарки от незнакомцев? Обеспечить себе потустороннюю жизнь можно было и позже... Если бы ты знал, Том!

— А что случилось? Страховой полис предложила мне текстильная фирма «Мэйн Фарбенгер».

— Эта фирма принадлежит корпорации «Рекс».

— Вот как... Ну и что?

— Том, этот бесплатный страховой полис подсунул тебе «Рекс». Они использовали «Мэйн Фарбенгер» как ширму, однако именно «Рекс» выделил страховой полис! Неужели ты не понимаешь, что это означает?

— Нет, не понимаю. Может быть, ты перестанешь рыдать и объяснишь, в чем дело?

— Том, речь идет о разделе Допустимых убийств Акта о самоубийствах. Они собираются воспользоваться им.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том разделе Акта о самоубийствах, который делает законным изъятие тела. «Рекс» гарантировал тебе выживание сознания после смерти, и ты принял их предложение. Теперь они имеют право на законном основании взять твое тело и сделать с ним все, что им нравится. Они могут убить твое тело, Том!

— Убить меня?

— Да. И разумеется, они так и поступят. Дело в том, что правительство собирается привлечь их к ответственности за твое незаконное перемещение из прошлого. Если тебя больше нет, то нет и оснований для обвинения корпорации «Рекс». Теперь слушай. Тебе нужно немедленно уехать из Нью-Йорка, а затем покинуть страну. Может быть, в этом случае тебя оставят в покое. Я помогу тебе. Мне кажется, что...

Связь прервалась.

Блейн несколько раз стукнул по телефону, однако не услышал даже длинного гудка, означающего, что линия свободна и аппарат исправен. Судя по всему, телефон отключили.

Эйфория, переполнявшая его несколько секунд назад, исчезла. Пьянящее чувство свободы от смерти тоже пропало. Как мог он подумать о том, чтобы стать берсеркером? Ведь он хочет жить! Он хочет жить в человеческой плоти, на Земле, которую он знает и любит. Духовное существование — это здорово, в этом не приходится сомневаться, но не сию минуту. И Блейн совсем не спешит в потустороннюю жизнь. Ему хочется жить среди осязаемых предметов, дышать воздухом, есть хлеб и пить воду, видеть вокруг себя человеческую плоть, касаться ее.

Когда они захотят убить его? Да когда пожелают, в любое время. Его квартира превратилась в ловушку. Блейн поспешно сунул в карман все деньги и заторопился к выходу. Открыл дверь и осторожно выглянул в коридор.

Он побежал по коридору и вдруг остановился как вкопанный.

Из-за угла вышел человек и замер в центре вестибюля. В руке у него был большой излучатель, направленный прямо в живот Блейна.

Это был Сэмми Джонс.

— Ах, Том, Том,— тяжело вздохнул Джонс.— Поверь мне, я очень сожалею, что это ты. Однако дело есть дело.

Блейн застыл на месте, обреченно глядя, как излучатель поднялся до уровня его груди.

— Но почему именно ты? — выдавил Блейн.

— А кто ж еще? — удивился Сэмми Джонс.— Разве я не лучший охотник в Западном полушарии, да и в Европе, пожалуй, тоже? «Рекс» нанял всех охотников, находящихся сейчас поблизости от Нью-Йорка. Вот только теперь нам разрешили пользоваться огнестрельным и лучевым оружием. Мне очень жаль, что приходится охотиться за тобой.

— Но ведь я тоже охотник.

— Ты не первый, которого приходится убивать. Таковы правила игры, ничего не поделаешь, приятель. Не дергайся. Я сделаю все быстро и безболезненно.

— Но я не хочу умирать! — воскликнул Блейн.

— Почему? — спросил Джонс.— Ведь ты получил страховку, и потусторонняя жизнь тебе обеспечена.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не убивай меня!

Лицо Сэмми Джонса словно окаменело. Он прицелился — и опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком сентиментальным,— покачал головой Джонс.— Хорошо, Том, попытайся скрыться. В конце концов, каждая жертва должна иметь такую возможность. В этом случае сохраняется спортивный дух. Учти, у тебя очень мало времени.

— Спасибо, Сэмми! — крикнул Блейн и кубарем скатился с лестницы.

Он выскочил на улицу, не зная, куда бежать. Но времени для размышлений не было. Наступал вечер, и, пока не стемнело, надо воспользоваться этим. Блейн постоял секунду и двинулся вперед.

Ноги сами несли его к городским трущобам.

Глава 26

Блейн шел мимо ветхих многоэтажных жилых домов, мимо дешевых закусочных и ночных клубов. Засунув руки в карманы, он шел и пытался думать. Нужен план действий. Если ему не удастся придумать способ убраться из Нью-Йорка, через час-другой охотники прикончат его.

Джонс сказал, что за транспортом следят. Тогда на что остается надеяться? У него нет оружия, он беззащитен...

Впрочем, тут можно кое-что предпринять. Когда у него будет пистолет, ситуация изменится. Более того, она изменится самым решительным образом. Когда-то Халл говорил: «Охотник имеет законное право убить жертву; но если жертва застрелит охотника, ей грозит арест и суровое наказание».

Итак, стоит ему застрелить охотника, и полиция будет вынуждена арестовать его! Возможно, это осложнит дело, но по крайней мере непосредственная опасность исчезнет.

Блейн шел, пока не увидел ломбард. В витрине сверкали лучевые и огнестрельные пистолеты, охотничьи ружья, ножи и мачете. Он вошел.

— Мне нужен пистолет,— обратился он к усатому мужчине за прилавком.

— Пистолет. Понятно. Какой? — спросил продавец.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Продавец кивнул и, выдвинув ящик, достал блестящий лучевой пистолет с яркой медной отделкой.

— Вот это,— сказал он,— великолепная вещь. Это настоящий иглолучевой пистолет системы Сайлс-Берна для охоты на крупных венерианских хищников. На расстоянии в пятьсот ярдов вы можете продырявить насквозь все, что ходит, ползает или летает. Вот здесь, сбоку, кнопка, меняющая размеры отверстия, из которого исходит луч. С помощью такого селектора рассеивания вы можете выбрасывать широкий луч для близкого расстояния или сузить его до диаметра иглы для дальней стрельбы.

— Хорошо, хорошо,— ответил Блейн, доставая из кармана деньги.

— Вот эта кнопка,— показал продавец,— регулирует время заряда. Вот так вы получаете мгновенный выстрел. Каждое деление увеличивает продолжительность воздействия на цель на четверть секунды. А если поставить его на автоматический режим, он будет косить буквально все перед собой. Батарея обеспечивает пистолет энергией на четыре часа стрельбы, и в этом пистолете энергетический запас больше чем на три часа. Кроме того, вы можете пользоваться этим пистолетом в домашней мастерской. Установив его на специальный станок и применяя экран для снижения мощности, вы можете резать пластик лучше, чем пилой. С другим дефлектором им можно пользоваться как паяльной лампой. Дополнительное снаряжение можно приобрести...

— Спасибо, я покупаю его,— перебил Блейн.

Продавец кивнул..

— Ваше разрешение, пожалуйста.

Блейн достал лицензию охотника и протянул продавцу. Тот кивнул и медленно, заставляя Блейна кипеть от нетерпения, стал заполнять квитанцию.

— Завернуть?

— Нет, не надо. Я возьму его так.

— С вас семьдесят пять долларов,— произнес продавец.

Блейн бросил на прилавок банкноты. Продавец обернулся и взглянул на список, висевший позади на стене.

— Одну минуту! — внезапно воскликнул он.

— В чем дело?

— Я не могу продать вам этот пистолет.

— Почему? — удивился Блейн.— Вы же видели мое удостоверение охотника.

— Но вы не предупредили меня, что в данный момент являетесь зарегистрированной жертвой. Вам известно, что жертвы не имеют права владеть оружием? Ваше имя мне сообщили полчаса назад. Вам не удастся купить оружие ни в одном из легальных магазинов Нью-Йорка, мистер Блейн.

Продавец швырнул банкноты Блейну. В то же мгновение Блейн попытался схватить пистолет, однако продавец оказался проворнее. Он направил дуло в сторону Блейна.

— Следовало бы избавить охотников от хлопот,— проворчал он.— Ты получил свою проклятую потустороннюю жизнь. Что тебе еще нужно?

Блейн застыл на месте. Продавец опустил пистолет.

— Впрочем, это не мое дело. Охотники и так скоро тебя прикончат.

Он опустил руку под прилавок и нажал на кнопку. Блейн повернулся и выбежал на улицу. Темнело. Теперь охотникам известно, где он. И кольцо вокруг него уже начало сжиматься.

Ему показалось, что кто-то позвал его по имени. Он проталкивался сквозь толпу, не оглядываясь, лихорадоч-

но стараясь что-то придумать. Нет, он не хочет умереть просто так. Разве затем он перебрался через 152 года, чтобы его пристрелили на глазах у миллиона людей? Это несправедливо!

Блейн заметил, что за ним идет ухмыляющийся мужчина. Это был Тезей с пистолетом в руке, ожидающий удобного момента для выстрела.

Блейн рванулся вперед, продрался сквозь толпу и свернул за угол. Он стремительно помчался по переулку и вдруг остановился.

В конце переулка, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял мужчина. Одну руку он упер в бедро, другую, с пистолетом, поднял, приготовившись выстрелить. Блейн в замешательстве оглянулся на Тезея.

Маленький охотник выстрелил, и тепловой луч опалил рукав Блейна. Он бросился к какой-то двери, но она захлопнулась прямо у него перед носом. Второй выстрел прожег дыру в пиджаке Блейна.

Словно во сне он наблюдал, как охотники приближаются к нему. Тезей был уже совсем рядом, второй охотник преграждал противоположный выход из переулка. Блейн бросился бежать, с трудом переставляя ноги, словно налитые свинцом. Он бежал навстречу второму охотнику по крышкам канализационных люков и решеткам подземки, мимо витрин магазинов, закрытых железными шторами, и запертых дверей.

— Назад, Тезей! — крикнул второй охотник.— Он у меня на мушке!

— Стреляй, Хендрик! — И Тезей прижался к стене, чтобы не попасть под разящий луч.

Стрелок, до которого было еще футов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на землю, и луч прошел над ним. Он откатился в сторону, пытаясь найти укрытие в подъезде. Снова вспыхнул ослепительный свет теплового луча, опалившего бетон и превратившего воду в лужах в пар.

И вдруг решетка вентиляционной шахты подземки подломилась под ним.

Падая, он сообразил, что решетка, должно быть, повреждена раскаленным лучом пистолета. Слепая удача! Но нужно еще и приземлиться на ноги, не потерять сознание, как-то спрятаться, до конца воспользоваться счастливой случайностью. Если он потеряет сознание, то останется лежать на дне шахты и станет легкой добычей охотников, когда те подойдут к самому краю.

Блейн попытался вывернуться на лету, но было слишком поздно. Он тяжело грохнулся на плечо и ударился головой о железную стойку. Однако необходимость не потерять сознание была так велика, что он заставил себя встать на ноги.

Теперь надо спрятаться в глубине подземного прохода как можно дальше, чтобы его не сумели найти.

Но сделать даже первый шаг оказалось выше его сил. Ноги его подкосились, голова закружилась, он упал лицом вниз, перекатился на спину и увидел над собой зияющее отверстие люка.

Потом Блейн потерял сознание.

Часть IV

Глава 27

Придя в себя, Блейн обнаружил, что потусторонняя жизнь ему не по вкусу. Было темно, неудобно, пахло машинным маслом и плесенью. Кроме того, болела голова и казалось, что спина сломана в трех местах.

Неужели дух может испытывать чувство боли? Блейн шевельнулся и выяснил, что у него все еще есть тело. Говоря по правде, он чувствовал все тело. Вероятно, это еще не потусторонняя жизнь.

— Отдохни немного,— раздался чей-то голос.

— Кто это? — спросил Блейн, глядя в непроницаемую темноту.

— Смит.

— А, это ты.— Блейн сел и сжал руками голову, внутри которой билась боль.— Как это тебе удалось, Смит?

— Я чуть не опоздал,— сказал зомби.— Как только объявили, что ты стал жертвой, я бросился на поиски. Несколько друзей хотели помочь мне, но ты передвигался слишком быстро. Когда ты вышел из ломбарда, я окликнул тебя.

— Да, мне показалось, что я слышал чей-то голос,— сказал Блейн.

— Если бы ты обернулся, мы могли увести тебя уже тогда. Но ты не обернулся, и мы последовали за тобой. Несколько раз мы открывали крышки вентиляционных шахт и канализационных люков, но было трудно угадать твой маршрут. Всякий раз мы чуть-чуть запаздывали.

— Но не на этот раз.

— Да, наконец мне удалось открыть решетку прямо под тобой. Мне очень жаль, что ты ушибся.

— Где я?

— Я оттащил тебя в сторону от главного коридора. Сейчас мы в боковом проходе. Здесь охотники тебя не найдут.

И снова Блейн не сумел найти подходящих слов, чтобы поблагодарить Смита. И опять Смит не ждал от него благодарности.

— Я делаю это не для тебя, Блейн. Для себя. Ты мне нужен.

— Ты уже вспомнил зачем?

— Нет еще,— ответил Смит.

Глаза Блейна уже привыкли к темноте, и он различал очертания головы и плеч зомби.

— Что мы будем делать дальше? — спросил он.

— Пока ты в безопасности. Мы можем провести тебя под землей до Нью-Джерси. Дальше ты пойдешь один. Но я не думаю, что это будет сложно.

— А чего мы сейчас ждем?

— Прихода мистера Кина. Мне нужно получить его разрешение, чтобы провести тебя по подземным переходам.

Ожидание затянулось. Наконец Блейн увидел худую фигуру мистера Кина, шедшего к ним. Он опирался на плечо здоровенного негра.

— Мне очень жаль, что у вас такие неприятности,— произнес Кин, садясь рядом с Блейном.— Очень жаль.

— Мистер Кин,— обратился к нему Смит,— если вы позволите мне провести его через старый Голландский туннель в Нью-Джерси...

— Поверьте мне, я искренне сожалею,— сказал Кин,— но разрешить не могу.

Блейн оглянулся по сторонам и увидел, что их окружила дюжина зомби, одетых в лохмотья.

— Я говорил с охотниками,— продолжал Кин,— и дал им слово, что вы вернетесь на поверхность не позже чем через полчаса. Вы должны уйти, Блейн.

— Но почему?

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь,— объяснил Кин.— В тот раз я пошел на небывалый риск, когда позволил вам осквернить гробницу Рейли. Но я сделал это ради Смита, потому что ваша судьба каким-то образом оказалась связана с его судьбой. А Смит — один из моих друзей. Но сейчас мы можем зайти слишком далеко. Вы знаете, что нам позволяют жить под землей исключительно из милости.

— Да, знаю.

— Смиту следовало принять во внимание возможные последствия. Через ту решетку, что он открыл для вас, к нам в подземелье залезли охотники. Они не нашли вас, но знали, что вы скрываетесь где-то здесь. Они искали, Блейн, как они искали! Десятки охотников обшаривали подземные коридоры, грубо обращались с нашими людьми, угрожали, кричали на них, что-то говорили по своим маленьким рациям. Вместе с ними спустились репортеры и даже какие-то зеваки. Некоторые молодые охотники нервничали и даже стали стрелять в зомби.

— Мне очень неприятно слышать об этом,— покачал головой Блейн.

— В этом нет вашей вины. А вот Смит поступил необдуманно. Наш подземный мир — не суверенное королевство. Здесь нас всего лишь терпят, и это терпение может кончиться в любую минуту. Поэтому мне пришлось встретиться с охотниками и репортерами.

— И что вы им сказали? — спросил Блейн.

— Я объяснил, что под вами провалилась проржавевшая решетка, что вы попали к нам случайно и спрятались от преследователей. Я заверил их, что ни один зомби в этом не был замешан, что мы нашли вас и вернем на поверхность в течение получаса. Они поверили мне и ушли. Мне очень жаль, но я не мог поступить по-другому.

— Я ни в чем вас не виню,— сказал Блейн, медленно вставая.

— Я не сказал им, в каком именно месте вы появитесь из-под земли,— добавил Кин.— По крайней мере, сейчас у вас положение лучше, чем раньше. Жаль, что не могу чем-нибудь помочь, но нельзя допустить, чтобы подземные коммуникации превратились в поле боя для охотников. Нам нужно оставаться нейтральными, никого не раздражать и никого не пугать. Только в этом случае мы сумеем выжить до того момента, когда наступит век понимания.

— Где я выйду из подземелья? — спросил Блейн.

— Я выбрал для вас заброшенный выход из метро на 79-й Западной улице,— сказал мистер Кин.— Там вряд ли вас будут караулить. Кроме того, я предпринял еще один шаг, чего, по-видимому, делать не следовало.

— А именно?

— Я сообщил обо всем вашему другу. Он будет ждать вас у выхода. Только не говорите об этом никому. Ну, пошли!

Мистер Кин повел процессию по запутанному подземному лабиринту. Блейн замыкал шествие. Головная боль постепенно исчезала. Скоро они остановились у бетонной лестницы.

— Это выход,— сказал Кин.— Желаю удачи, Блейн.

— Спасибо. Я благодарен и тебе, Смит.

— Я старался сделать для тебя все, что в моих силах,— произнес Смит.— Если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если же ты останешься в живых, я буду стараться вспомнить.

— А когда вспомнишь?

— Тогда я приду к тебе,— ответил Смит.

Блейн кивнул и стал подниматься по лестнице.

Была глубокая ночь, и 79-я улица казалась пустынной. Блейн остановился у выхода и оглянулся вокруг, не зная, что делать дальше.

— Блейн! — вдруг позвал его кто-то. Но это была не Мэри, как он надеялся. Это был мужской голос, очень знакомый,— может быть, Сэмми Джонса или Тезея.

Он быстро повернулся к лестнице, однако вход оказался закрыт и заперт.

Глава 28

— Том, Том, это я!

— Рей?

— Ну конечно! Говори тише. Охотники недалеко. Подожди.

Блейн, съежившись, ждал у запертого входа в метро, озираясь по сторонам. Никаких следов присутствия Мелхилла он не заметил. Не было никакого облачка эктоплазмы, ничего, только тихий голос.

— Все в порядке,— послышался голос Мелхилла.— Иди на запад. Быстро.

Блейн пошел, ощущая, как Мелхилл незримо парит где-то рядом.

— Рей, как ты здесь оказался?

— Я пришел помочь тебе,— сказал Мелхилл.— Старый Кин связался с твоей подругой, а она отыскала меня через Духовный коммутатор. Стой! Не двигайся!

Блейн нырнул за угол здания. Над домами медленно пролетел вертолет.

— Это охотники,— сказал Мелхилл.— На тебя объявлена охота, малыш. Обещано вознаграждение даже за информацию о твоем местонахождении. Том, я пообещал Мэри, что попытаюсь помочь. Только не знаю, насколь-

ко меня хватит. Силы на исходе. После этого мне придется уйти в потустороннюю жизнь.

— Рей, я просто не знаю, как благодарить...

— Не надо, Том. Послушай, мне трудно говорить. Мэри договорилась со своими друзьями. У них есть план, вот только бы успеть привести тебя к ним. Стой!

Блейн притаился за почтовым ящиком. Тянулись секунды. Мимо пробежали три охотника с оружием. Когда они свернули за угол, Блейн двинулся дальше.

— У тебя поразительное зрение,— сказал он Мелхиллу.

— Сверху все прекрасно видно,— ответил тот.— Быстро беги на другую сторону улицы.

Блейн перебежал через дорогу. Следующие пятнадцать минут он, подчиняясь указаниям Мелхилла, шел по улицам, сворачивал в переулки, кружа по городу, ставшему для него полем боя.

— Вот она,— произнес наконец Мелхилл.— Вот эта дверь, номер 341. Мы добрались наконец! Ну пока, Том. Будь поосторож...

В это мгновение из-за угла вышли двое мужчин, остановились и уставились на Блейна.

— Вот этот парень! — воскликнул один.

— Какой парень?

— За которого обещано вознаграждение. Эй ты, стой!

Они бросились к Блейну. Сжав кулаки, он тут же сбил с ног одного. Мужчина упал и потерял сознание. Блейн мгновенно повернулся ко второму, но Мелхилл держал ситуацию под контролем.

Над головой второго мужчины непостижимым образом взлетел мусорный бак. Человек замахал руками, пытаясь защититься. Но бак, лязгнув, ударил его по голове. Блейн подскочил и довел дело до конца.

— Здорово мы их,— послышался совсем слабый голос Мелхилла.— Мне всегда хотелось попробовать себя в роли полтергейста. Но на это уходит столько сил... Удачи тебе, Том!

— Рей! — окликнул Блейн и замер, ожидая ответа.

Но Мелхилл исчез, и пропало ощущение его присутствия.

Не теряя времени, Блейн подошел к двери с номером 341, открыл ее, вошел и увидел узкий коридор. В конце его виднелась еще одна дверь. Блейн постучал.

— Войдите,— раздался чей-то голос.

Он открыл дверь и вошел в маленькую темную комнату с плотными занавесками.

Блейн думал, что его уже ничем не удивишь,— и ошибся. Перед ним, широко улыбаясь, стоял Карл Орк, похититель тел. А рядом, тоже улыбаясь, сидел Джо, продавец трансплантов.

Глава 29

Блейн инстинктивно отпрянул к двери, но Орк поманил его к себе. Похититель тел не изменился: все так же высок и худ, загорелое лицо вытянутое и грустное, взгляд прищуренных глаз прямой и честный. Одежда по-прежнему висела на нем, как на вешалке, словно он больше привык к джинсам, чем к брюкам, сшитым на заказ.

— А мы ждем тебя,— сказал Орк.— Ты, конечно, помнишь Джо?

Блейн кивнул. Он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который морочил ему голову, пока Орк подсыпал ему в стакан сильнодействующий наркотик.

— Весьма рад встрече,— произнес Джо.

— Не сомневаюсь.— Блейн не отходил от двери.

— Проходи и садись,— сказал Орк.— Мы тебя не съедим. Честное слово. Что было, то быльем поросло.

— Ты пытался убить меня.

— Но ведь это бизнес,— ответил Орк со свойственной ему прямотой.— Теперь мы союзники.

— Почему я должен тебе верить?

— Еще никто не сомневался в моей честности,— заверил его Орк.— Особенно тогда, когда я по-настоящему честен, как, например, сейчас. Мисс Торн наняла нас, чтобы вывезти тебя из страны, целого и невредимого, и

мы собираемся сдержать слово. Садись, обсудим подробности. Есть хочешь?

Блейн неохотно сел. На столе были бутерброды и бутылка красного вина. Он вспомнил, что весь день у него маковой росинки во рту не было, и набросился на еду. Орк закурил тонкую коричневую сигару, а Джо, казалось, задремал.

— Знаешь,— начал Орк,— я чуть не отказался от этого предложения. Не то чтобы мало денег, нет, мисс Торн была более чем щедра. Дело в том, что это самая большая охота в городе за последние годы. Ты когда-нибудь видел такое, Джо?

— Нет,— покачал головой Джо.— Город похож на липучку для мух.

— На этот раз «Рекс» действительно хочет заполучить тебя,— сказал Орк.— Они прикончат тебя при первой же возможности. Поневоле занервничаешь, когда против тебя такая мощная корпорация. Но я люблю, когда мне бросают по-настоящему серьезный вызов.

— Чем задача труднее, тем она больше по душе Карлу,— подтвердил Джо.

— Признаться, да, особенно если за это обещано весьма крупное вознаграждение.

— Но куда мне деваться? — спросил Блейн.— Есть ли такое место, где «Рекс» не найдет меня?

— Пожалуй, нет,— покачал головой Орк.

— А что, если покинуть Землю? Убежать на Марс или на Венеру?

— Там даже хуже. На этих планетах всего несколько городов, и все друг друга знают. Новость распространяется там меньше чем за неделю. Кроме того, там ты будешь не в своей тарелке. Кроме китайцев на Марсе, на планетах живут главным образом ученые с семьями да несколько практикантов. Там тебе не понравится.

— Тогда где?

— Именно такой вопрос я и задал мисс Торн,— кивнул Орк.— Мы обсудили несколько вариантов. Во-первых, тебя можно превратить в зомби. Я мог бы осуще-

ствить эту операцию. «Рекс» никогда не станет искать тебя под землей.

— Я предпочел бы не умирать.

— Я тоже так сказал,— согласился Орк.— Мы исключили эту возможность. Далее обсудили следующее: для тебя можно отыскать небольшую ферму в Атлантической впадине. Там очень пустынное место. Но чтобы жить под водой, нужен особый психический склад и любовь к этому делу, и мы решили, что это тоже не подходит. Там ты можешь сойти с ума. Поэтому, тщательно изучив все возможности, мы решили, что наилучшее место — Маркизские острова.

— Что?

— Маркизские острова. Это группа небольших островов, раньше относившихся к Полинезии, посреди Тихого океана. Они расположены недалеко от Таити.

— Южные моря,— прошептал Блейн.

— Совершенно верно. Мы решили, что там ты будешь себя чувствовать как дома, лучше, чем где бы то ни было. Жизнь на Маркизских островах, как мне сказали, напоминает двадцатый век. Но самое важное то, что там «Рекс» может оставить тебя в покое.

— Это почему?

— Причина очевидна, Том. Зачем им нужно убить тебя? Да потому что они незаконно похитили тебя из прошлого и теперь беспокоятся, что правительство может привлечь их к ответственности. Но когда ты переберешься на Маркизы, то окажешься за пределами юрисдикции американского правительства. А поскольку тебя нет, то исчезнут и основания для судебного преследования. Кроме того, в «Рексе» поймут, что твое решение уехать так далеко показывает твою готовность уладить дело. Совершенно ясно, что такой шаг не свойствен человеку, желающему сотрудничать с дядюшкой Сэмом. Вдобавок Маркизские острова, после того как от них отказалась Франция, являются независимым маленьким государством. Таким образом, чтобы продолжать там охоту за тобой, «Рексу» понадобится специальное разрешение.

Короче говоря, дальнейшее преследование сулит массу неприятностей для всех, кто замешан в это дело. Правительство США, конечно, откажется от дальнейшего расследования, и тогда, вероятно, «Рекс» отзовет своих охотников.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Это мое предположение. Однако оно основано на здравом смысле.

— А нельзя сначала договориться с «Рексом»?

Орк покачал головой:

— Чтобы торговаться, необходимо что-то предложить взамен. А у нас ничего нет. Пока ты в Нью-Йорке, им гораздо проще и безопаснее убить тебя.

— Пожалуй, верно,— согласился Блейн.— Ну и как вы собираетесь вывезти меня из Нью-Йорка?

Орк и Джо смущенно переглянулись.

— В этом-то вся трудность,— сказал Орк.— Вывезти тебя живым нет никакой возможности.

— А на вертолете или реактивном самолете?

— Они должны приземляться и платить пошлину, а тебя повсюду караулят охотники. Наземный транспорт тоже исключается.

— А что, если изменить внешность?

— Может быть, это и удалось бы в самом начале охоты. Теперь это невозможно, даже если произвести полную пластическую операцию. Сейчас все охотники снабжены сканирующими устройствами, которые мгновенно устанавливают личность. Тебя моментально опознают.

— Значит, выхода нет?

Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть,— заметил Орк.— Но он тебе может не понравиться.

— Мне нравится быть живым. Что это за выход?

Орк помолчал, закуривая новую сигару.

— Мы предполагаем быстро заморозить тебя почти до абсолютного нуля, как это делается при космических перелетах. Затем поместим твое тело в ящик с мороженой

говядиной. Оно будет среди коровьих туш, и скорее всего его не обнаружат.

— Мне это кажется рискованным,— сказал Блейн.

— Не очень,— ответил Орк.

Блейн нахмурился, чувствуя какой-то подвох.

— И во время перевозки я буду без сознания?

— Нет,— произнес Орк после долгой паузы.

— Нет?

— Иначе ничего не выйдет,— объяснил Орк.— Дело в том, что твое тело придется отделить от сознания. Я с самого начала опасался, что эта часть выбранного способа перевозки тебе придется не по вкусу.

— О чем ты говоришь, черт побери? — Блейн встал.

— Успокойся,— произнес Орк.— Сядь, покури, выпей еще вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем транспортировать замороженное тело, сохранив внутри его сознание. Охотники ждут чего-то подобного. Представляешь, что случится, если они просканируют партию коровьих туш и обнаружат среди них дремлющий человеческий разум? Все усилия — псу под хвост! Недолго музыка играла! Поверь, Том, я не пытаюсь обмануть тебя. Другого выхода нет.

— А что будет с моим сознанием? — Блейн снова сел.

— Это по части Джо,— сказал Орк.— Объясни ему, Джо.

Джо поспешно кивнул.

— Все дело, друг мой, в трансплантe.

— В трансплантe?

— Я уже объяснял вам все в тот печальный вечер, когда мы встретились впервые. Помните? Трансплант — величайшее наслаждение, приятное времяпрепровождение, игра, в которую может играть каждый, стимулятор для усталых тел и новые ощущения для притупившихся сознаний. У нас широкая сеть трансплантаторов во всем мире, мистер Блейн. Это люди, которым нравится переселяться из одного тела в другое, мужчины и женщины, уставшие носить одно и то же тело. Так вот, мы собираемся включить вас в эту сеть!

— Вы намереваетесь перебрасывать мое сознание через всю страну?

— Совершенно верно! Оно будет переходить из одного тела в другое,— кивнул Джо.— Поверьте мне, это не только приятно, но и поучительно.

Блейн вскочил, опрокинув стул.

— К черту! — воскликнул он.— Я говорил тогда и снова повторяю сейчас: я не играю в вашу паршивую игру. Уж лучше рискнуть жизнью на улице.— И он направился к двери.

— Я знал,— сказал Джо,— что сначала это испугает вас, но...

— Нет!

— Черт побери, Блейн, дай же по крайней мере договорить до конца! — рявкнул Орк.

— Ну хорошо,— ответил Блейн.— Говорите.

Джо налил полстакана вина и выпил залпом.

— Мистер Блейн,— начал он,— будет нелегко объяснить все это вам, человеку из прошлого. И все-таки попытайтесь понять, что я говорю.

Блейн недоверчиво кивнул.

— Так вот. Трансплант сейчас используется как сексуальное развлечение, и именно в этом качестве я его рекламирую. Вы спросите: почему? Да потому, что люди не имеют понятия о более разумных методах его применения, и еще потому, что реакционное правительство все время запрещает трансплант. На самом деле трансплант — это куда больше, чем просто игра. Это совершенно новый образ жизни! Независимо от того, нравится вам или правительству это или не нравится, трансплантту принадлежит будущее.

Глаза фанатичного защитника трансплантта светились. Блейн снова сел.

— В человеческих отношениях следует выделить два основных элемента,— нравоучительно произнес Джо.— Одним из них является вечное стремление человека к свободе: свободе вероисповедания, свободе печати, свободе собраний, свободе выбирать правительство — любой сво-

боде! А другой главный элемент в человеческих отношениях — усилия правительства не дать людям эту свободу.

Это показалось Блейну несколько упрощенным взглядом на человеческие отношения, но он промолчал и продолжал слушать.

— Правительство,— говорил Джо,— делает это по многим причинам. Из соображений безопасности, ради личной выгоды, чтобы удержать власть, а то и просто потому, что считает людей не готовыми к свободе. Но какой бы ни была причина, основные составляющие конфликта остаются прежними: человек стремится к свободе, правительство старается преградить ему путь к ней. Трансплант — это всего лишь еще одна из многих разновидностей свободы, о которой мечтает человек, тогда как правительство придерживается точки зрения, что свобода ему еще не нужна.

— Сексуальная свобода? — с насмешкой поинтересовался Блейн.

— Нет! — воскликнул Джо.— Не потому, что сексуальная свобода — дело нестоящее. Но трансплант изобретен не для этого. Действительно, мы рекламируем его таким образом, потому что люди не любят абстрактных идей, мистер Блейн, равно как им не нравятся голые теории. Им хочется понять, что может принести свобода им лично. Мы демонстрируем людям небольшую часть благ, а остальное они узнают сами.

— Так на что же способен трансплант? — спросил Блейн.

— Трансплант,— увлеченно заявил Джо,— дает человеку возможность одолеть ограничения, наложенные на него наследственностью и окружением!

— Каким образом?

— А вот таким. Трансплант дает вам возможность обмениваться знаниями, телами, способностями и опытом со всеми, кто изъявляет желание вступить в контакт с вами. Многие так и поступают. Большинство людей не хотят заниматься одним и тем же делом на протяжении всей жизни, даже если они удовлетворены своей про-

фессией. Человек — слишком неугомонное существо. Музыканты хотят стать инженерами, агенты по рекламе — попробовать себя в качестве охотников, моряки — побыть писателями. Но обычно одной жизни не хватает, чтобы попробовать свои силы более чем в одной профессии. И даже если на это есть время, непреодолимым препятствием становится такой слепой фактор, как талант. С помощью трансплантa ты можешь получить врожденные способности, опыт, знания — короче, все, что угодно. Подумайте об этом, мистер Блейн!! Почему человек должен всю жизнь провести внутри тела, которое он даже не выбирал для себя? Это все равно что сказать ему: ты должен жить с унаследованными болезнями и не пытаться вылечиться от них. У человека должна быть свобода выбора того тела и тех талантов, которые больше всего устраивают его личность.

— Если ваш план осуществится,— заметил Блейн,— мир окажется полным психопатов, обменивающихся телами каждый день.

— Вот такие доводы и приводились в оправдание отказа от введения новых свобод,— воскликнул Джо, сверкая глазами.— На протяжении всей истории пытались доказать, что у людей не хватит здравого смысла для выбора собственной религии, или у женщин недостаточно интеллекта, чтобы голосовать, или не следует предоставлять людям возможность выбирать своих представителей, потому что их выбор может оказаться глупым. Разумеется, в мире немало психопатов, которые даже в раю способны натворить черт знает что. Однако гораздо больше разумных людей — таких, кто сумеет правильно использовать данные им свободы.— Джо понизил голос и доверительно зашептал: — Необходимо понимать, мистер Блейн, что человек — это не его тело, потому что он получает тело в результате случайного совпадения обстоятельств. Это и не его опыт и приобретенные навыки, поскольку их источником часто является необходимость. Человек не есть сумма его способностей — ведь способности являются наследственными или появляются в ре-

зультате воздействия окружения. Наконец, человек — это не болезни, к которым он может быть предрасположен, и не окружение, формирующее его. Нет, человек представляет собой сумму всего этого, он содержит в себе все эти вещи,— и все-таки он нечто большее, чем просто их сумма. В его власти изменить свое окружение, излечить свои болезни, усовершенствовать навыки — и, наконец, выбрать свое тело и способности! Это и есть грядущая свобода, мистер Блейн! Она исторически неизбежна независимо от того, нравится она вам, или мне, или правительству или не нравится. Это необратимый прогресс, потому что у человека должны быть все возможные свободы!

Джо закончил свою пламенную и несколько бессвязную речь и откинулся на спинку стула. Лицо его покраснело, он тяжело дышал. Блейн взглянул на Джо с чувством глубокого уважения. Он понял, что перед ним настоящий революционер 2110 года.

— Он дело говорит, Том. Трансплант является законным в Швеции и на Цейлоне, и в этих странах он ничуть не подорвал общественные устои.

— Придет время,— добавил Джо, наливая стакан вина,— и весь мир станет пользоваться трансплантом. Поверьте, это неизбежно.

— Может быть,— произнес Орк.— Или изобретут какую-нибудь другую свободу вместо него. Как бы то ни было, Том, ты видишь, что существуют разумные доводы в пользу трансплантa. К тому же спасти твое тело можно только этим способом. Итак, что скажешь?

— Ты тоже революционер? — спросил Блейн.

Орк ухмыльнулся.

— Пожалуй. Я вроде тех парней, что прорывали блокаду во время Гражданской войны в Соединенных Штатах, или тех, кто продавал винтовки повстанцам из Центральной Америки. Все они работали ради денег, но не были против изменений в обществе.

— Ну и ну,— насмешливо произнес Блейн.— А я-то думал, что имею дело с обыкновенными преступниками.

— Ладно, забудем о прошлом,— добродушно улыбнулся Орк.— Ты готов попробовать?

— Разумеется. Вы убедили меня. Вот уж не знал, что окажусь в авангарде социальной революции.

Улыбка на лице Орка стала еще шире.

— Отлично. Надеюсь, все пройдет хорошо. Закатай рукав. Не будем терять времени.

Блейн закатал рукав, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это чтобы отключить сознание,— объяснил он.— Аппаратура находится в соседней комнате. Основную работу выполнит она. Когда придешь в себя, то будешь уже гостем в чьем-нибудь сознании, а тело тем временем переберется через всю страну в замороженном состоянии. Как только опасность исчезнет, сознание вернется в твое тело.

— Через сознания скольких людей мне придется пройти? — спросил Блейн.— И в течение какого времени?

— Я не знаю, сколько людей понадобится. Что касается продолжительности, то промежутки времени будут разными: несколько секунд, минут, возможно, полчаса. Мы будем переводить тебя из одного сознания в другое как можно быстрее. Знаешь, это будет не полный трансплант. Ты сможешь занять чье-нибудь тело не целиком, а лишь крошечную долю сознания, как наблюдатель. Так что веди себя спокойно и естественно. Понял?

Блейн кивнул.

— А как действует аппаратура? — спросил он.

— Как йога,— ответил Орк.— Аппаратура делает за тебя то, что ты мог бы сделать сам, если бы в совершенстве владел техникой йогов. Она расслабляет каждый мускул и нерв, успокаивает и концентрирует сознание. После того как достигнут нужный потенциал, ты готов перейти к астральной проекции. За тебя это тоже сделает машина. Она поможет тебе освободиться от тела, осуществить то, что йоги могут делать без посторонней помощи. Ты попадешь в тело выбранного нами человека, и его сознание уступит тебе место. Притяжение завершит процесс.

Ты ныряешь в его сознание, как выброшенная на берег рыба ныряет обратно в воду.

— По-моему, это рискованно,— усомнился Блейн.— А вдруг я не смогу попасть туда?

— Приятель, ты не сможешь туда не попасть! Послушай, тебе приходилось слышать, как человеком овладевают так называемые демоны? Легенды об этом встречаются у всех народов мира. Разумеется, некоторые из тех, в кого якобы вселился дьявол,— шизофреники, а кое-кто просто симулянт. Но зарегистрировано немало случаев подлинного духовного вторжения, когда чужим сознанием завладевали те, кто овладел процессом переселения своего сознания в тела других людей. Раньше они обходились без помощи машин и легко преодолевали отчаянное сопротивление. Теперь мы пользуемся специальной аппаратурой, да и те, в сознание кого ты вселишься, готовы тебя принять. Как видишь, оснований для беспокойства нет.

— Ну хорошо,— согласился Блейн.— Как выглядят Маркизские острова?

— Великолепно,— ответил Орк, вонзая иглу шприца в руку Блейна.— Тебе понравится.

Блейн начал погружаться в туман забытья, думая о пальмах, белом морском прибое, набегающем на коралловый риф, и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Глава 30

Он не ощутил ничего — ни пробуждения, ни перехода. Он пришел в сознание внезапно, словно на экране перед ним появился цветной слайд, окрашенный в ослепительно яркие цвета. Подобно неожиданно ожившей кукле, Блейн начал жить и двигаться.

Теперь он был не только Томасом Блейном. Одновременно он был и Эдгаром Дайерсеном. Или Блейном внутри Дайерсена, неотъемлемой частью Дайерсена, глядящим на мир слезящимися глазами Дайерсена, думающим

мыслями Дайерсена, смутно ощущающим отрывки воспоминаний, надежд, страхов и желаний Дайерсена. И все-таки он продолжал оставаться Блейном.

Дайерсен-Блейн сошел со вспаханного поля и прислонился к деревянной изгороди. Он был старым фермером из Саут-Джерси, придерживающимся прежних методов ведения хозяйства, а потому обходился минимумом машин, которым все равно не доверял. Ему было почти семьдесят лет, и его здоровью могли позавидовать многие. Правда, суставы побаливали от артрита — но молодой толковый врач из деревни почти вылечил его,— да спина иногда ныла перед дождем. И все-таки он считал себя здоровым, здоровее многих, и полагал, что способен про- [illegible] еще лет двадцать.

Дайерсен-Блейн направился к своему коттеджу. Серая рабочая рубашка пропиталась потом, и на старых джинсах виднелись белесые пятна.

Он услышал, как вдалеке залаяла собака, и с трудом разглядел приближавшийся желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо. Я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чамп! Ко мне, псина!

Собака обежала вокруг него и послушно затрусила рядом. В зубах она держала что-то серое: крысу или, может быть, кусок мяса — Дайерсен не мог разобрать.

Он наклонился, чтобы погладить Чампа по голове...

И снова не было никакого чувства перехода или ощущения прошедшего времени. Просто на экране появилась проекция нового слайда, и ожила новая кукла.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет. Он лежал, разомлев от солнечных лучей, на шероховатой палубе швербота, небрежно держа в загорелой руке шкерт от паруса и румпель. Справа проплывал низкий восточный берег, а слева виднелась гавань Балтимора. Швербот легко скользил, подгоняемый легким летним бризом, и под форштевнем весело журчала вода.

Томпсон-Блейн пошевелился, потом повернулся всем долговязым загорелым телом и уперся в мачту. Он вер-

нулся домой всего неделю назад после двух лет работы и учебы на Марсе. Было очень интересно, особенно археология и спелеология. Работать на фермах в песках было иногда скучно, однако управлять уборочными машинами ему нравилось.

Сейчас он дома, будет проходить ускоренный двухлетний курс обучения в колледже. Затем должен снова лететь на Марс, где станет управляющим фермой. Таково условие получения стипендии. Однако если он не захочет работать на Марсе, никто не сможет его заставить.

Может быть, он вернется на Марс. А может быть, и нет.

Девушки на Марсе все как одна деловые. Выносливые, крепкие, способные и любят всем распоряжаться. Когда он полетит на Марс — если полетит,— то возьмет с собой жену с Земли. Конечно, там у него была Марсия — это девушка хоть куда. Но ее кибуц перебрался к Южной полярной шапке, и она не ответила на его три последних письма. Нет, все-таки ничего особенного в ней не было, пожалуй.

— Эй, Сэнди!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла в парусной шлюпке, машущего ему рукой. Томпсон-Блейн небрежно махнул в ответ. Эдди всего семнадцать, он никогда не покидал Земли и хочет стать капитаном космического лайнера. Ха! Как бы не так!

Солнце спускалось к горизонту, и Томпсон-Блейн был рад, что приближается вечер. У него назначено свидание с Дженнифер Хант. Они отправятся на танцы в «Старслинг» в Балтимор, и отец разрешил ему взять вертолет. Боже мой, как выросла Дженнифер за эти два года! А как она смотрит на него, застенчиво и дерзко одновременно. И неизвестно, что может произойти после танцев, на заднем сиденье вертолета. Может быть, ничего. А может быть...

Томпсон-Блейн сел и повернул румпель. Швербот, подхваченный ветром, накренился. Пора возвращаться в яхт-клуб, затем домой ужинать, затем...

Узкий кожаный кнут хлестнул по спине.

— Ну, ты, за работу!

Пиггот-Блейн удвоил усилия, взмахивая киркой и ударяя ею по пыльному дорожному полотну. Охранник стоял рядом, с ружьем в левой руке и кнутом в правой. Длинный узкий ремень змеился в пыли. Пигготу-Блейну были знакомы каждая морщина, каждая пора на глупом худом лице охранника, этот унылый маленький сжатый рот, этот прищур выцветших глаз — короче говоря, с лицом охранника он был знаком, как со своим собственным.

«Ну погоди, падаль,— подумал он.— Придет твое время. Погоди немного».

Охранник пошел дальше, вдоль цепи заключенных, работавших под белым солнцем Миссисипи. Пиггот-Блейн попробовал сплюнуть, но во рту пересохло. «Так вы говорите о современном мире,— думал он,— об огромных космических кораблях, автоматизированных фермах, счастливой прекрасной потусторонней жизни? Думаете, это все? Тогда спросите, как строят дороги в графстве Куиллег, на севере штата Миссисипи. Вам не скажут, разумеется, поэтому вы сами приезжайте и увидите. Потому что здесь настоящий мир!»

— Ты готов, Отис? — прошептал Арни, работавший впереди.— Ты готов?

— Я-то готов,— прошептал в ответ Пиггот-Блейн, стискивая сильными пальцами пластмассовую рукоятку кирки.— Я давно готов, Арни.

— Тогда начинаем через секунду. Следи за Джеффом.

Волосатая грудь Пиггота-Блейна ходила ходуном. Он отбросил со лба длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, прикованного к цепи через пять человек от него. Пиггот-Блейн с нетерпением ждал сигнала; его плечи, обожженные солнцем, нестерпимо болели. На лодыжках виднелись шрамы от кандалов, а на спине — старые рубцы от ударов кнутом. Нестерпимая жажда горела у него внутри, но ее нельзя было утолить ковшом воды, ничто не могло утолить эту безумную жажду, из-за которой он и попал сюда, после того как разгромил един-

ственный кабак в Гейнсвилле и прикончил этого вонючего старого индейца.

Джефф взмахнул рукой. Скованная цепью шеренга заключенных рванулась вперед. Пиггот-Блейн прыгнул на охранника с худым лицом и замахнулся киркой. Тот уронил кнут и попытался поднять ружье.

— Ах ты падаль! — взревел Пиггот-Блейн, и острие кирки вонзилось охраннику в лоб.

— Хватайте ключи!

Пиггот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвеца. Он услышал звук ружейного выстрела и крик боли, тревожно обернулся...

Рамирес-Блейн вел свой вертолет над плоской техасской равниной в сторону Эль-Пасо. Серьезный молодой человек, он был поглощен работой и старался выжать из старой машины все, чтобы успеть добраться до Эль-Пасо до закрытия магазина скобяных изделий Джонсона.

Он осторожно вел норовистый старый вертолет, сосредоточившись на управлении машиной и показаниях высотомера и компаса, что, впрочем, не мешало ему думать о танцах в Гуаногуато на следующей неделе и ценах на кожу в Сьюдад-Хуаресе.

Равнина, испещренная зелеными и желтыми пятнами, проносилась внизу. Он взглянул на часы, затем на индикатор скорости.

«Да,— подумал Рамирес-Блейн,— пожалуй, я успею в Эль-Пасо до закрытия магазина! Я даже успею...»

Тайлер-Блейн вытер рукавом пот и подобрал куском кукурузного хлеба остатки жирного соуса с тарелки. Он рыгнул, отодвинулся со стулом от кухонного стола и встал. С демонстративной небрежностью Тайлер-Блейн взял из кладовой потрескавшуюся миску и наполнил ее кусками свинины и овощами, положил сверху большой кусок кукурузного хлеба.

— Эд, что ты делаешь? — спросила жена.

Он взглянул на нее. Женщина была худой, лохматой и выглядела старше своих лет. Не ответив на вопрос, он отвернулся.

— Эд, скажи мне! Эд!

Тайлер-Блейн раздраженно взглянул на жену, чувствуя, что от пронзительного, беспокойного голоса заныла старая язва желудка. «У нее самый визгливый голос во всей Калифорнии,— подумал он,— и меня угораздило жениться на ней». Пронзительный голос, острый нос, острые локти и коленки, плоская, как стиральная доска, да к тому же неродеха. Ноги лишь для того, чтобы поддерживать тело, а не для того, чтобы искать между ними хотя бы секундную радость. Живот, чтобы набивать его едой, а не для ласки. Из всех девушек Калифорнии он выбрал самую невзрачную — еще бы, ведь он такой дурак, так и дядя Рэйф всегда говорил о нем.

— Куда ты понес миску с едой? — спросила она.

— Собаку покормить.— Тайлер-Блейн направился к двери.

— Но ведь у нас нет собаки! Эд, не делай этого, не надо сегодня!

— А я сделаю,— бросил он, довольный, что разозлил ее.

— Прошу тебя, не сегодня. Пусть убирается куда-нибудь в другое место. Послушай меня, Эд! Не дай бог, в городе узнают.

— Солнце уже село,— сказал Тайлер-Блейн, остановившись у двери с миской в руке.

— За нами могут следить,— взмолилась она.— Эд, если в городе узнают об этом, тебя линчуют, ты ведь знаешь.

— Когда на меня накинут петлю, может, ты покажешься привлекательной,— заметил Тайлер-Блейн, открывая дверь.

— Ты делаешь это, только чтобы насолить мне! — крикнула женщина.

Он закрыл за собой дверь. Во дворе почти стемнело. Тайлер-Блейн стоял рядом с пустым курятником, озираясь по сторонам. Единственный дом поблизости принад-

лежал Флэннаганам, а они никогда не лезли в чужие дела. Он подождал, убедился, что вокруг не шныряют городские мальчишки, и пошел вперед, осторожно неся миску с едой.

Остановившись на опушке чахлого леса, он поставил миску на землю.

— Все в порядке,— тихо произнес он.— Выходи, дядя Рэйф.

Из леса на четвереньках выполз мужчина. У него было свинцово-бледное лицо, бескровные губы, бессмысленный неподвижный взгляд, а черты лица выглядели грубыми и незавершенными, словно железо перед закалкой или необожженная глина. На шее гноился длинный порез. Он с трудом волочил правую ногу, которую ему сломали горожане.

— Спасибо, парень,— пробормотал Рэйф — дядя-зомби.

Зомби быстро опустошил миску. Когда он закончил есть, Тайлер-Блейн спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Рэйф?

— Дело идет к концу. Это старое тело вот-вот загнется. Еще пара дней, может быть, неделя, и ты освободишься от меня.

— Пока ты жив, дядя Рэйф, я буду заботиться о тебе,— сказал Тайлер-Блейн.— Мне совестно, что я не могу взять тебя в дом.

— Нет,— покачал головой зомби,— они узнают. Это опасно. Как поживает твоя тощая жена?

— Как всегда, злится,— вздохнул Тайлер-Блейн.

— Я предупреждал тебя, парень, еще десять лет назад предупреждал, чтобы ты не женился на этой девке.— Зомби издал звук, напоминающий смех.— Предупреждал, правда?

— Совершенно верно, дядя Рэйф. Ты был единственным здравым человеком. Жаль, что я не послушал тебя.

— Да, жаль. Ну ладно, я полезу назад.

— Скажи, дядя, ты уверен? — В голосе Тайлера-Блейна звучало беспокойство.

— Совершенно уверен.

— И ты тоже умрешь?

— Обязательно, парень. И попаду в пороговую зону, не беспокойся. А когда окажусь там, то сдержу слово. Можешь не сомневаться.

— Я так тебе благодарен, дядя Рэйф.

— Не стоит. Я человек слова. Я стану преследовать ее, если только Господь примет меня на Порог потусторонней жизни. Сначала я возьмусь за врача, так мне удружившего. А затем сведу с ума ее. Я буду преследовать ее, да так, что она без оглядки побежит от тебя через всю Калифорнию.

— Спасибо, дядя Рэйф.

Зомби хихикнул и уполз обратно в чахлый лес. Тайлер-Блейн невольно вздрогнул, взял пустую миску и побрел назад к покосившемуся дому...

Маринер-Блейн поправила бретельку купальника, обтягивавшего стройное юное тело, закинула на спину баллон с воздухом, взяла маску акваланга и направилась к шлюзу.

— Дженис!

— Да, мама? — Она обернулась и спокойно поглядела на мать.

— Куда ты, дорогая?

— Хочу поплавать, мама. Охота взглянуть на новые сады на двенадцатом уровне.

— А ты случайно не собираешься встретиться с Томом Льюином?

Неужели мать догадалась? Маринер-Блейн поправила черные волосы и ответила:

— Нет, конечно.

— Ну хорошо,— ответила мать, усмехнувшись. Она не верила дочери.— Постарайся вернуться домой пораньше, дорогая. Ты ведь знаешь, как отец беспокоится, когда ты опаздываешь.

Девушка быстро поцеловала мать в щеку и поспешила к шлюзу. Знает, но не останавливает ее! С другой сторо-

ны, почему она должна вмешиваться в дела дочери? В конце концов, ей уже семнадцать лет, она достаточно взрослая и может делать все, что ей нравится. Сейчас дети растут быстрее, чем их родители в свое время, хотя родители почему-то этого не понимают. Они хотят лишь одного: сидеть и думать, как бы расширить свои владения хоть на несколько акров. Развлечение для них — послушать классическую музыку, бип-боп и рок-н-ролл, ну, может, еще музыку из кинофильмов и поговорить о том, насколько выразительнее и свободнее были их предки. А иногда начинают перелистывать толстые альбомы по искусству с цветными комиксами двадцатого века и жаловаться на утрату искусства сатиры. А самое большое событие для них — это поездка в галерею, где они подолгу стоят и с благоговением смотрят на коллекцию обложек «Сэтердей ивнинг пост» времен Великого Периода. На нее весь этот интеллектуальный бред наводил невыразимую тоску. Пропади пропадом это искусство — ей нравятся сенсорные записи.

Маринер-Блейн поправила маску и дыхательный клапан, надела на ноги ласты и повернула воздушный кран. Через несколько секунд шлюз наполнился водой. Девушка с нетерпением ждала, пока давление внутри шлюза сравняется с наружным. Наконец дверца шлюза автоматически открылась, и она стрелой поплыла вперед.

Подводная ферма ее отца находилась на глубине сотни футов, рядом с гигантской массой основания Гавайских островов. Быстрыми, мощными гребками девушка стала погружаться, уходя в зеленую глубину. Том ждет ее у коралловых пещер.

Маринер-Блейн погружалась все глубже, вокруг становилось все темнее. Она включила электрический фонарь на голове и крепче сжала губами респиратор. Может быть, правда, что скоро обитатели подводных ферм смогут отращивать себе жабры? Так говорил их преподаватель в школе, и не исключено, что это случится уже на ее веку. Интересно, как она будет выглядеть с жабрами?

Загадочная, наверное, стройная и удивительная повелительница рыбьего царства.

Но если жабры не будут красивыми, их всегда можно прикрыть длинными волосами.

В желтом свете лампы девушка увидела впереди коралловые пещеры, красно-розовый лабиринт с уютными герметичными ответвлениями, где их никто не потревожит. И тут она увидела Тома.

Внезапно девушку охватило смятение. Вдруг у нее будет ребенок? Том уверял ее, что все будет в порядке, но ведь ему только девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они часто говорили об этом, и она удивила Тома своей откровенностью. Но одно дело — говорить, и совсем другое — действовать. Что подумает о ней Том, если она скажет ему «нет»? Может быть, ей удастся отшутиться, сделать вид, что просто дразнила его?

Длинное золотистое тело Тома плыло вместе с ней к пещерам. Он сделал рукой приветственный жест. Фантастически окрашенная рыба с большим плавником проплыла мимо, за ней — маленькая акула.

Что же ей делать? Пещеры уже совсем близко, уже видны темные входы. Том улыбнулся ей, и девушка почувствовала, как тает ее сердце...

Элгин-Блейн вздрогнул и сел, подумав, что задремал. Закутавшись в одеяло, он сидел в шезлонге на палубе небольшой моторной шхуны. Суденышко качалось на волнах, море было неспокойно, над головой сияло яркое солнце, и теплый пассат уносил вдаль дым от дизеля.

— Вам уже лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн посмотрел на невысокого бородатого мужчину в фуражке капитана.

— Прекрасно, просто прекрасно,— ответил он.

— Мы уже почти на месте,— сообщил ему капитан.

Элгин-Блейн кивнул, стараясь понять, что с ним происходит. Он напряг память и вспомнил, что раньше был ростом ниже среднего, с могучими мышцами, широкими

грудью и плечами, с несколько коротковатыми для такого богатырского тела ногами, широкими мозолистыми ладонями. На плече виднелся старый извилистый шрам, память о несчастном случае на охоте...

Элгин и Блейн слились в одного человека.

Тут он понял, что наконец вернулся в свое тело. Его имя — Блейн, а Элгин — псевдоним, под которым, по-видимому, он путешествовал.

Долгий путь закончен! Его сознание и тело снова едины!

— Нам сказали, сэр, что вы больны,— сказал капитан.— Но вы так долго были в коматозном состоянии...

— Теперь я чувствую себя хорошо,— ответил Блейн.— Мы далеко от Маркизских островов?

— Нет. Остров Нукухива всего в нескольких часах хода.

Капитан вернулся в рулевую рубку. А Блейн думал о тех, с кем его свела судьба и в чьем сознании он недолго жил.

Он с уважением вспомнил решительного и независимого старика Дайерсена, бредущего к своему коттеджу; надеялся, что молодой Сэнди Томпсон вернется на Марс; испытывал чувство жалости к исковерканному жизнью убийце Пигготу; радовался встрече с серьезным и искренним Хуаном Рамиресом: жалел и одновременно презирал коварного и слабого духом Эда Тайлера; желал счастья прелестной Дженис Маринер.

Все они навсегда остались в его памяти. И плохим, и хорошим он желал самого наилучшего. Теперь они стали его семьей. Далекими родственниками, двоюродными братьями и сестрами, которых он больше никогда не встретит, племянниками и племянницами, о чьей судьбе он будет думать.

Как и во всех семьях, в ней было не без урода, но это его семья, и он всегда будет их помнить.

— Нукухива на горизонте! — раздался возглас капитана.

Блейн поднял голову и увидел на краю горизонта крошечную черную точку, над которой висели белые кучевые

облака. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Сейчас следует заняться реальными проблемами. Скоро он окажется в своем новом доме, и нужно серьезно подумать, что делать дальше.

Глава 31

Моторная шхуна медленно вошла в залив Таиохаэ. Капитан, уроженец здешних мест, гордящийся этим, рассказал Блейну кое-что о его новом доме.

Он объяснил, что Маркизы состоят из двух групп гористых островов, далеко отстоящих друг от друга. Когда-то архипелаг назывался Каннибаловыми островами, и местные жители прославились тем, что захватывали торговые суда и вырезали экипажи шхун, прибывавших поохотиться за «черными дроздами». В 1842 году острова перешли в руки Франции, которая предоставила им автономию в 1993-м. Нукухива является самым крупным островом, здесь находится столица архипелага. Его самый высокий горный пик — Теметиу — достигает четырех тысяч футов. В портовом городе Таиохаэ проживает около пяти тысяч человек. В общем, сказал капитан, это спокойное место, привольное и беззаботное, что-то вроде тихой заводи среди островов южных морей, где всегда кипит жизнь. Именно здесь находится последнее пристанище нетронутой Полинезии двадцатого века.

Блейн кивнул, мало что поняв из лекции капитана. Гораздо большее впечатление на него произвел вид огромной темной горы впереди, покрытой кружевами серебристых водопадов, и звуки океанского прибоя, грохочущего у гранитного берега.

Он решил, что здесь ему понравится.

Скоро шхуна пришвартовалась к городскому пирсу, и Блейн сошел на берег, чтобы познакомиться с городом Таиохаэ.

Он обнаружил супермаркет и три кинотеатра, ряды одноэтажных домов, множество пальм, несколько небольших магазинов с витринами из зеркального стекла, бес-

численные бары, десятки автомобилей, заправочную станцию и светофор на перекрестке. По тротуарам сновали люди в пестрых рубашках и белых выглаженных брюках. Все носили темные солнечные очки.

«И это последнее пристанище нетронутой Полинезии двадцатого века? — подумал Блейн.— Да ведь это флоридский город, перенесенный на острова южных морей!»

Но что еще можно ожидать от 2110 года? Древняя Полинезия мертва, как добрая старая Англия или Франция эпохи Бурбонов. К тому же он вспомнил, что Флорида в двадцатом веке была весьма привлекательным местом.

Он прошел по Мэйн-стрит и увидел объявление на стене. Оно гласило, что почтмейстер Альфред Грей назначен представителем корпорации «Потусторонняя жизнь, инк.» в группе Маркизских островов. А немного дальше стояло небольшое черное здание с вывеской: «Публичные кабины для самоубийц».

«Да,— язвительно подумал Блейн,— современная цивилизация проникла даже сюда! Глядишь, скоро здесь появится и Духовный коммутатор. И что тогда будет с нами?»

Пройдя весь город, Блейн повернул назад, и тут к нему поспешно подошел коренастый краснолицый мужчина.

— Вы мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Да, это я,— с некоторой опаской ответил Блейн.

— Ужасно не повезло, что я не успел встретить вас в порту,— произнес извиняющимся тоном краснолицый мужчина, вытирая мокрый лоб большим платком.— Разумеется, это не оправдание. Просто оплошность с моей стороны. Неторопливость, царящая на этих островах. Неизбежное явление. Да, я забыл представиться. Дэвис, хозяин местной верфи. Добро пожаловать в Таиохаэ, мистер Элгин.

— Спасибо, мистер Дэвис.

— Что вы, наоборот. Это я должен благодарить вас за то, что вы откликнулись на мое объявление. Мне давно нужен главный проектировщик. Откровенно говоря, я не

рассчитывал привлечь на работу специалиста вашей квалификации.

— Хм,— промычал Блейн, удивленный и обрадованный поразительной тщательностью подготовки, проведенной Орком.

— Сейчас трудно найти человека, хорошо знакомого с методами конструирования яхт, применявшихся в двадцатом веке,— печально произнес Дэвис.— Забытое искусство. Вы уже успели осмотреть остров?

— Бегло,— ответил Блейн.

— Вы готовы остаться у нас? — В голосе Дэвиса звучало беспокойство.— Вы не представляете, как трудно найти хорошего конструктора, готового переехать в такое забытое богом место, как этот город. Едва специалист приезжает, как тут же начинает думать о том, чтобы перебраться в большой процветающий город вроде Папеэте или Апиа. Я понимаю, конечно, что там лучше платят, да и развлечений больше. Но и у Таиохаэ есть свое очарование.

— Я устал от больших городов,— улыбнулся Блейн.— Вряд ли мне захочется перебраться еще куда-нибудь, мистер Дэвис.

— Отлично, просто отлично! — обрадованно воскликнул Дэвис.— Можете несколько дней не приходить на работу, мистер Элгин. Отдохните, осмотритесь. Знаете, это последнее пристанище примитивной Полинезии. Вот ключи от вашего дома. Он находится на Теметиу-роуд, номер один. Идите прямо вон туда, вверх по склону. Хотите, я провожу вас?

— Не беспокойтесь, я не заблужусь. Очень вам благодарен, мистер Дэвис.

— Еще раз благодарю вас, мистер Элгин. Загляну к вам завтра, когда вы устроитесь. Вам, наверное, захочется познакомиться с местными жителями. Между прочим, в четверг жена мэра устраивает вечеринку. Или в пятницу? Я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки, и Блейн пошел вверх по Теметиу-роуд, к своему новому дому.

Это оказалось небольшое, только что покрашенное бунгало. Из его окон открывалась фантастическая панорама трех южных заливов Нукухивы. Несколько минут Блейн восхищенно любовался видом, затем толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и он вошел.

— Наконец-то!

Блейн не поверил глазам.

— Мэри!

Она была такой же стройной, прелестной и сдержанной, как раньше. Однако чувствовалось, что она нервничает. Мэри говорила без остановки и все время смотрела в сторону.

— Я решила, что будет лучше, если все проблемы уладить на месте,— сказала она.— Вот уже два дня живу здесь и жду тебя. Ты уже встретил мистера Дэвиса, правда? Он мне понравился, такой приятный мужчина.

— Мэри...

— Я сказала ему, что я — твоя невеста,— продолжала девушка.— Надеюсь, ты не возражаешь, Том. Ведь нужно было придумать какую-то причину, чтобы поселиться здесь. Мне пришлось сказать, что я приехала пораньше и хочу сделать для тебя сюрприз. Мистер Дэвис был счастлив, разумеется, ему так хочется, чтобы его главный проектировщик остался здесь навсегда. Ты не сердишься, Том? В крайнем случае можно сказать, что мы не подходим друг другу и...

Блейн обнял ее.

— А мне вот кажется, что мы отлично подходим друг другу,— сказал он.— Я люблю тебя, Мэри.

— О Том, Том, я так люблю тебя! — Она страстно прижалась к нему на мгновение и тут же сделала шаг назад.— Нужно побыстрее назначить свадьбу, если ты не возражаешь. Они здесь такие старомодные, так часто бывает в маленьких городках. Совсем как в двадцатом веке. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, что понимаю.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Глава 32

Мэри настояла на том, чтобы до свадьбы ей остаться жить в отеле «Южные моря». Блейн предложил провести ее скромно, в присутствии лишь мирового судьи, однако Мэри удивила его: ей хотелось настоящей свадьбы, причем такой, которой никогда не видели в Таиохаэ. Праздник состоялся в воскресенье в доме мэра.

Мистер Дэвис разрешил Блейну воспользоваться небольшой яхтой, принадлежащей верфи. Ранним утром счастливая пара отправилась в свадебное путешествие на Таити.

Все это казалось Блейну радостным и мимолетным сном. Они плыли по морю, словно вырезанному из нефрита, и смотрели на огромную желтую луну, пересеченную вантами яхты и запутавшуюся в растяжках. Солнце встало из длинного черного облака, достигло зенита и закатилось, превратив море в сверкающую медную чашу. Яхта бросила якорь в лагуне Папеэте, и они увидели горы Муреа, пылающие в лучах заката, более фантастические, чем лунные пики. И Блейн вспомнил тот день в Чесапикском заливе, когда он мечтал о Раиатеа, горах Муреа и свежих пассатах...

Целый континент и океан отделяли тогда его от Таити, не говоря уже о других препятствиях. Но это было в другом веке.

Они отправились на Муреа, на лошадях поднялись по горному склону и набрали белых цветов. Затем вернулись на яхту, стоявшую на якоре под сенью горы, и поплыли к островам Туамоту.

Наконец они вернулись в Таиохаэ. Мэри занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первые недели их не покидало беспокойство. Они просматривали нью-йоркские газеты и гадали, что предпримет дальше «Рекс». Однако о корпорации ничего не было слышно, и они решили, что опасность миновала. И все-таки с чувством огромного облегчения два месяца спустя они прочли, что охота за Блейном прекращена.

Обязанности Блейна на верфи были интересными и разнообразными. Местные катера и кечи с трудом дотягивали до верфи с погнутыми и треснувшими винтами; с обшивкой, продранной коралловым рифом; с парусами, сорванными внезапным шквалом. Кроме того, приходилось обслуживать подводные средства передвижения и суда, принадлежащие окрестным владельцам морских ферм, пользовавшимся Таиохаэ как базой снабжения. Наконец, нужно было строить новые шлюпки, а иногда и шхуны.

Все практические вопросы Блейн решал квалифицированно и быстро. Время шло, и он начал писать рекламные релизы о верфи и помещать их в «Курьере южных морей». В результате работы стало больше, увеличился объем деловой корреспонденции, и возникла необходимость в расширении контактов между верфью, где работал Блейн, и маленькими верфями, которым передавалась часть заказов. Блейн взял все это на себя, включая рекламу.

Его деятельность в качестве главного проектировщика начала приобретать прямо-таки сверхъестественное сходство с работой на предыдущих должностях, где он служил младшим конструктором яхт. Но это уже перестало его беспокоить. Теперь ему казалось, что природа предназначила для него роль младшего конструктора, ни больше и ни меньше. Такой уж была его судьба, и он покорился.

Жизнь Блейна катилась по ровной проторенной колее. Он проводил время на верфи и в белом бунгало, субботними вечерами смотрел кино и микрофильмы «Санди таймс», совершал непродолжительные поездки на подводные фермы и другие острова Маркизского архипелага, бывал на вечеринках в доме мэра, играл в покер в яхт-клубе, ходил на яхте по Комптроллер-Бей и купался при лунном свете на пляже Темуоа. Блейну начало казаться, что его жизнь приобрела окончательную и устойчивую форму.

Но почти через четыре месяца после приезда в Таиохаэ все снова изменилось.

Однажды утром Блейн проснулся, позавтракал, поцеловал жену и пошел на верфь. Там стоял широкий кеч с круглым днищем, прибывший с Туамоту. Капитан судна не рассчитал и попытался прошмыгнуть в узкий проход под парусами. В результате приливное течение повалило кеч на обрызганный пеной гранитный камень, прежде чем команда успела завести двигатель. Нужно было выправить шесть шпангоутов и заменить несколько досок в обшивке. Работу удастся сделать, по-видимому, за неделю.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай, Том,— сказал он,— только что тебя искал какой-то мужчина. Ты не видел его?

— Нет,— ответил Блейн.— А кто он?

— Приехал с материка.— Дэвис нахмурился.— Только что с парохода. Я сказал ему, что ты еще не пришел, и он ответил, что зайдет к тебе домой.

— Как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как по спине бежит струйка холодного пота.

Дэвис нахмурился еще больше.

— В этом-то и самое странное. Примерно твоего роста, худой и загорелый. С бородой и бакенбардами. Теперь такое редко встречается. Да, кстати, от него сильно пахло лосьоном.

— Действительно странно,— согласился Блейн.

— Очень странно. Готов поклясться, что борода была накладной.

— Вот как?

— Да, она выглядела фальшивой. И все остальное тоже выглядело фальшивым. К тому же он сильно хромал.

— Он не назвал себя?

— Его зовут Смит. Том, ты куда?

— Мне нужно срочно зайти домой,— ответил Блейн.— Я все объясню тебе потом.

Он поспешно вышел из ворот верфи. Смит вспомнил, должно быть, кто он такой и что связывает его с Блейном. И как обещал, зомби приехал рассказать об этом.

Глава 33

Как только он сообщил Мэри о приезде Смита, она тут же подошла к шкафу, достала чемоданы, отнесла в спальню и принялась поспешно укладывать вещи.

— Что ты делаешь? — удивился Блейн.

— Собираю вещи.

— Это я вижу. Но почему?

— Потому что мы уезжаем отсюда.

— О чем ты говоришь? Мы здесь живем!

— Больше не живем,— сказала она.— И не будем, из-за этого проклятого Смита. Он приносит несчастье, Том.

— Не сомневаюсь,— кивнул Блейн.— Но это не основание для бегства. Перестань возиться с чемоданами и послушай меня! Что он может мне сделать?

— Мы не останемся, чтобы это выяснить.

Мэри кидала вещи в чемодан, пока Блейн не схватил ее за руки.

— Успокойся,— сказал он.— Я не собираюсь убегать от Смита.

— Однако это единственный разумный выход,— возразила Мэри.— Это наше несчастье, но ведь он долго не протянет. Еще несколько месяцев, может быть, даже недель, и он умрет. Он уже давно должен был умереть, этот отвратительный зомби! Давай уедем, Том!

— Ты с ума сошла! — сказал Блейн.— Чего бы он от нас ни хотел, я с ним справлюсь.

— Ты и раньше так говорил.

— Но сейчас положение изменилось.

— Оно снова изменилось! Том, давай попросим у мистера Дэвиса его яхту, он поймет нас. И мы могли бы отправиться...

— Нет! Разрази меня гром, я не буду убегать от Смита! Может быть, ты забыла, что он спас мне жизнь?

— Но почему он ее спас? — всхлипнула она.— Том, я предупреждаю тебя! Ты не должен с ним встречаться, если он действительно все вспомнил!

— Погоди,— медленно произнес Блейн.— Тебе что-то известно? Что-то, чего не знаю я?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно нет.

— Мэри, ты говоришь правду?

— Да, милый. Но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, уступи мне на этот раз. Давай уедем.

— Я ни шагу отсюда не сделаю,— решительно сказал Блейн.— Здесь мой дом — и точка.

Мэри села. Она выглядела измученной.

— Ну хорошо, милый. Поступай, как считаешь нужным.

— Так-то лучше,— отозвался Блейн.— Не беспокойся, все будет хорошо.

— Да, конечно.

Блейн убрал в шкаф чемоданы и снова повесил одежду. Затем он сел и стал ждать. Внешне он казался спокойным, однако его не оставляли воспоминания о том, как он спустился в подземелье, прошел через богато украшенные резные двери с египетскими иероглифами и китайскими идеограммами на них, оказался в огромном помещении с мраморными колоннами — Дворце смерти, посреди которого на возвышении стоял бронзовый гроб, инкрустированный золотом. И услышал пронзительный голос Рейли, доносящийся из серебристого тумана: «Есть вещи, которых вы не видите, Блейн, зато я вижу их очень хорошо. Ваше пребывание на Земле будет непродолжительным. Вас предадут те, кому вы верите, а те, кого вы ненавидите, одержат победу. Вы умрете, Блейн, но не через несколько лет, а очень скоро, гораздо раньше, чем вы думаете. Вас предадут, и вы умрете от собственной руки, покончите с собой!»

Этот безумный старик! Блейн вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела, опустив глаза, ожидая, что будет дальше. И он тоже ждал.

Через некоторое время послышался негромкий стук в дверь.

— Входите,— сказал Блейн тому, кто стоял у входа.

Глава 34

Блейн сразу узнал Смита, несмотря на накладную бороду, бакенбарды и темный крем, создающий впечатление загара. Зомби, хромая, вошел в дом, и вместе с ним проник едва ощутимый дух тления, который не мог перебить даже резкий запах лосьона.

— Извините мой маскарад,— сказал Смит.— Это не для того, чтобы обмануть вас или кого-нибудь другого. Мне приходится скрывать свое лицо, потому что на него уже нельзя смотреть без содрогания.

— Ты проделал длинный путь,— сказал Блейн.

— Да, неблизкий,— согласился Смит,— и мне пришлось преодолеть немало трудностей. Но я не буду утомлять тебя рассказами. Мне удалось приехать — и это самое главное.

— Зачем ты приехал?

— Потому что теперь я знаю, кто я такой,— ответил Смит.

— И ты думаешь, что это касается меня?

— Да.

— Не могу себе представить, каким образом,— мрачно заметил Блейн.— Но я готов выслушать тебя.

— Одну минуту,— вмешалась Мэри.— Смит, вы преследовали его с того момента, как он появился в этом мире. Вы не оставляли его ни на миг. Неужели вы не можете смириться с нынешним положением вещей? Почему вы не хотите просто уйти и где-нибудь спокойно умереть?

— Сначала я должен рассказать обо всем.

— Ну что ж, говори,— сказал Блейн.

— Меня зовут Джеймс Олин Робинсон,— сообщил Смит.

— Никогда не слышал этого имени,— произнес Блейн, немного подумав.

— Разумеется.

— А мы не могли встречаться раньше, до того как увидели друг друга в здании «Рекса»?

— Если это можно так назвать.

— Значит, встречались?

— Коротко.

— Ну хорошо, Джеймс Олин Робинсон, расскажи мне обо всем. Когда произошла наша встреча?

— Она была очень короткой,— сказал Робинсон.— Мы видели друг друга какую-то долю секунды. Это случилось поздно вечером в 1958 году, на пустынном шоссе. Ты ехал в своем автомобиле, а я в своем.

— Значит, ты сидел за рулем той машины, когда произошел несчастный случай?

— Да. Если это можно назвать несчастным случаем.

— Но так и было. Все произошло совершенно случайно!

— Если это так, мне здесь больше нечего делать,— ответил Робинсон.— Однако это не было несчастным случаем, Блейн. Произошло убийство. Спроси об этом у жены.

Блейн посмотрел на Мэри, сидевшую в углу дивана. Ее лицо напоминало восковую маску. Казалось, силы покинули ее. Взгляд Мэри был обращен внутрь, где она видела что-то неприятное. Блейну показалось, что она вспомнила какой-то свой старый грех, давным-давно забытый и вот теперь оживший в памяти при появлении Робинсона.

Глядя на нее, Блейн стал вспоминать прошлое и выстраивать факты в определенной последовательности.

— Мэри,— произнес он,— что случилось той ночью в 1958 году? Откуда вы в «Рексе» знали, что произойдет автомобильная авария?

— Существуют статистические методы предсказания, которыми мы пользуемся, определенная вероятность...— Она замолчала.

— А может быть, вы заставили меня разбить автомобиль? — спросил Блейн.— Может быть, вы подстроили этот несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее ради своей рекламной кампании?

Мэри не ответила. Тогда Блейн напряг память и постарался припомнить, как он умер.

...Он ехал по прямому пустынному шоссе, свет фар высвечивал перед ним белый коридор, а темнота все отступала и отступала... Его автомобиль неожиданно и резко свернул навстречу светящимся фарам встречной машины... Он хотел повернуть руль, но руль не поворачивался... Рулевое колесо свободно повернулось в руках Блейна, и двигатель заревел, работая вразнос...

— Господи, ну конечно, ты подстроила этот несчастный случай! — крикнул Блейн жене.— Ты и твоя энергетическая система «Рекс» заставили меня свернуть на встречную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да, да! — воскликнула Мэри.— Но мы не хотели убивать его. Робинсон оказался случайной жертвой. Мне очень жаль.

— Выходит, ты знала, кто он такой,— произнес Блейн.

— Догадывалась.

— И ничего не сказала мне.— Блейн стал расхаживать по комнате.— Мэри! Ты ведь убила меня, черт побери!

— Нет, Том, это неправда! Нет! Я перебросила тебя из 1958 года в наш век. Я дала тебе другое тело. Но я не убивала тебя.

— Вы всего лишь убили меня,— грустно заметил Робинсон.

Мэри с трудом оторвалась от созерцания прошлого в своем сознании и взглянула на него.

— Боюсь, мистер Робинсон, что я виновата в вашей смерти, хоть и невольно. Ваше тело, должно быть, умерло одновременно с телом Тома. Затем, после того как энергетическая система «Рекс» вытащила его в будущее, она прихватила и вас. А потом вы переселились в тело, предназначенное для Рейли.

— Очень плохая замена моему прежнему телу,— произнес Робинсон.

— Не сомневаюсь. Но чего вы хотите теперь? Чем я могу вам помочь? Потусторонняя жизнь...

— Я не хочу,— сказал Робинсон.— Я не успел как следует пожить на Земле.

— Сколько тебе было лет во время катастрофы? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я не готов к потусторонней жизни,— начал Робинсон.— Мне хочется путешествовать, работать, смотреть. Я хочу узнать, что я за человек. Я хочу жить! Знаете, у меня никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток хороших земных лет.— Робинсон поколебался и сказал: — Мне нужно тело. Мне нужно хорошее мужское тело, в котором я мог бы жить, а не эта падаль, которую я ношу на себе. Блейн, твоя жена убила мое прежнее тело.

— И ты хочешь получить мое? — спросил Блейн.

— Если ты считаешь это справедливым.

— Одну минуту! — вмешалась Мэри. Ее лицо снова порозовело. Признавшись в том, что совершила, Мэри словно освободилась от преследовавшего ее кошмара и снова начала бороться.— Робинсон, вы не имеете права требовать этого от него. Он не имел никакого отношения к вашей смерти. Это моя вина, и я признаюсь в ней. Вам не годится женское тело, правда? Впрочем, я не отдала бы свое тело в любом случае. Что было, то было, прошлого не вернешь! Уходите!

Робинсон не обратил внимания на ее слова и посмотрел на Блейна.

— Я ведь знал, что это был ты, Блейн. Даже когда я ничего больше не знал. Я охранял тебя, Блейн, я спас тебе жизнь!

— Это верно,— тихо пробормотал Блейн.

— Ну и что?! — закричала Мэри.— Он спас твою жизнь. Это не значит, что она принадлежит ему! Нельзя спасти чью-то жизнь и потом рассчитывать, что тебе отдадут ее по первому требованию. Том, не слушай его!

— Я не могу принудить тебя, Блейн, и не собираюсь убеждать,— сказал Робинсон.— Ты сам должен решить,

как поступить,— я соглашусь с любым твоим решением. Только постарайся припомнить все, абсолютно все.

Блейн взглянул на зомби почти с любовью.

— Значит, здесь есть что-то еще. Что-то очень важное. Правда, Робинсон?

Робинсон кивнул, не сводя взгляда с лица Блейна.

— Но откуда ты знаешь это? — спросил Блейн.— Как ты можешь это знать?

— Потому что я понимаю тебя. Я посвятил тебе жизнь. Моя жизнь вращалась вокруг твоей. Я думал только о тебе и больше ни о чем. И чем лучше я узнавал тебя, тем больше убеждался.

— Пожалуй,— кивнул Блейн.

— О чем вы? — вмешалась Мэри.— Что еще? Что еще тут может быть?

— Мне надо подумать,— сказал Блейн.— Я должен вспомнить. Прошу тебя, Робинсон, выйди ненадолго.

— Конечно,— согласился зомби и тут же вышел.

Блейн жестом попросил Мэри помолчать, затем сел и обхватил голову руками. Теперь ему нужно припомнить что-то, о чем не хотелось вспоминать. Теперь, раз и навсегда, он должен разобраться в прошлом.

В его сознании еще звучал крик Рейли во Дворце смерти: «Вы во всем виноваты! Да-да, вы убили меня своим сознанием убийцы! Кто же еще, как не вы, чудовище из прошлого, проклятый монстр! Все сторонятся вас, кроме вашего приятеля-мертвеца! Почему вы не умерли, убийца?»

Неужели Рейли знал?

Он вспомнил, что сказал ему после охоты Сэмми Джонс: «Ты прирожденный убийца, Том. Это для тебя единственное занятие, лучше не найдешь».

Значит, и Сэмми догадался?

А теперь самое главное, самое значительное в его жизни — момент его смерти в ту ночь 1958 года. Он отчетливо помнил...

...Руль снова заработал, но Блейн не обратил на это внимания, охваченный внезапным яростным ликовани-

ем, он жаждал столкновения, стремился к нему, приветствовал боль, разрушение, мучение и смерть...

Блейн вздрогнул, снова переживая тот момент, который стремился забыть,— когда он мог избежать катастрофы, но предпочел убить...

Он поднял голову и посмотрел на жену.

— Я убил его,— сказал он.— И Робинсон знал это. А теперь знаю и я.

Глава 35

Он подробно объяснил Мэри, как все произошло. Сначала она отказывалась верить ему.

— Это было так давно, Том! Как ты можешь быть уверен в том, что говоришь?

— Я уверен,— ответил Блейн.— Не думаю, что можно забыть, как ты умер. Я помню свою смерть очень хорошо. Именно так я умер.

— И все-таки ты не можешь считать себя убийцей из-за одного мгновения, одной доли секунды...

— Сколько времени нужно, чтобы выпустить пулю или вонзить нож? — спросил Блейн.— Доля секунды! Именно столько нужно, чтобы стать убийцей.

— Но, Том, у тебя не было причины.

— Действительно, я совершил убийство не ради выгоды или мести,— кивнул Блейн.— Но ведь я не обычный убийца. Я принадлежу к относительно редкому типу. Я — самый обыкновенный средний человек, в сознании которого всего понемногу, включая стремление убивать. Я совершил убийство, потому что в тот момент у меня появилась такая возможность. Моя возможность, уникальное совпадение событий, настроений, мыслей, влажности воздуха, температуры и бог знает чего еще. Такое совпадение возникает раз в две жизни.

— Но ты не должен винить себя! — воскликнула Мэри.— Это никогда бы не случилось, если бы энергетическая система «Рекс» и я не создали для тебя эту уникальную возможность.

— Это верно. Но я ею воспользовался,— напомнил Блейн.— Я воспользовался представившейся возможностью и совершил преднамеренное убийство просто ради забавы, потому что знал: меня не поймают, не обвинят. Я убийца.

— Мы убийцы.

— Да.

— Ну хорошо, мы с тобой убийцы,— спокойно сказала Мэри.— Ну и ладно, и нечего сентиментальничать. Мы убили раз, можем убить снова.

— Никогда,— отрезал Блейн.

— Но он ведь почти мертв! Клянусь тебе, Том, ему осталось не больше месяца. Один удар — и ему конец. Всего один толчок.

— Нет,— ответил Блейн.

— Тогда позволь мне сделать это.

— Нет.

— Ты просто идиот! Ладно, тогда не предпринимай ничего. Жди. Через месяц он умрет. Ты ведь можешь подождать месяц, Том, и тогда...

— Это тоже убийство,— устало заметил Блейн.

— Неужели ты хочешь отдать ему свое тело, Том? А как наша жизнь — твоя и моя?

— Ты считаешь, что мы сможем после этого жить как ни в чем не бывало? — спросил Блейн.— Я не смогу. И перестань спорить. Не знаю, поступил бы я так, если бы не было потусторонней жизни. Вполне вероятно, что нет. Но потусторонняя жизнь существует. И я хочу уйти туда, уладив все земные дела, заплатив долги. Если бы речь шла о единственной жизни, я боролся бы за нее всеми силами. Но ситуация изменилась. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно,— произнесла Мэри упавшим голосом.

— Откровенно говоря, потусторонняя жизнь очень интересует меня. Мне хочется познакомиться с ней. И вот еще что...

— Что?

Ее плечи вздрагивали, и Блейн обнял жену. Он думал о разговоре с Халлом, этим элегантным аристократом-жертвой.

Халл говорил: «Мы следуем указанию Ницше: умрите вовремя! Разумные люди не хватаются за оставшуюся жизнь, как утопающий хватается за соломинку. Они понимают, что телесная жизнь — это всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Отчего бы способным ученикам не перепрыгнуть через один-два класса в этой школе?»

Блейн вспомнил, каким странным, мрачным и благородным казался ему выбор Халла. С претензией, разумеется, так ведь и вся жизнь претенциозна в бесконечной Вселенной неживой материи. Халл походил на древнего японского самурая, опускающегося на колени, чтобы совершить ритуальное самоубийство — харакири, подчеркивая тем самым ценность жизни в выборе смерти.

А еще Халл говорил: «Акт смерти должен быть выше положения в обществе и хороших манер. Это доказательство благородства человека, королевский зов, рыцарский долг, его самое великое приключение в жизни. То, как он проявит себя в этом одиноком опасном предприятии, характеризует его как человека».

Мэри нарушила его размышления:

— Ты сказал «И вот еще что». Что ты имел в виду?

— А-а, ты об этом.— Блейн на мгновение задумался.— Я просто хотел сказать, что на меня оказали немалое влияние некоторые обычаи двадцать второго столетия. Особенно аристократические.— Он улыбнулся и поцеловал ее.— Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

Глава 36

Блейн открыл дверь.

— Робинсон,— позвал он,— сейчас мы пойдем в кабину для самоубийц. Я отдаю тебе свое тело.

— Другого я и не ожидал от тебя, Том,— сказал зомби.

— Тогда пошли.

Вместе, не спеша, они стали спускаться по горному склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом пошла за ними.

Они остановились у двери кабины для самоубийц.

— Ты полагаешь, что сумеешь перебраться в мое тело? — спросил Блейн.

— Я уверен,— ответил Робинсон.— Том, я хочу поблагодарить тебя. Обещаю хорошо обращаться с твоим телом.

— Вообще-то оно не мое,— сказал Блейн.— Раньше это тело принадлежало человеку по имени Кранч. Но я привык к нему и даже полюбил. Ты привыкнешь к его особенностям. Вот только напоминай ему время от времени, кто хозяин. Иногда его так и тянет поохотиться.

— Думаю, что мне это понравится,— сказал Робинсон.

— И я так думаю. Ну что ж, желаю удачи.

— Удачи и тебе, Том.

Подошла Мэри, и ее ледяные губы в последний раз коснулись щеки Блейна.

— Что ты будешь делать без меня? — спросил он.

— Не знаю.— Мэри пожала плечами.— Чувствую себя такой опустошенной... Том, это действительно необходимо?

— Да.

Блейн еще раз оглянулся, посмотрел на пальмы, шелестящие под легким ветерком в лучах солнца, на голубую гладь моря и огромную темную гору в паутине серебряных водопадов. Затем он повернулся, вошел в кабину и закрыл за собой дверь.

Внутри не было окон и мебели, кроме единственного кресла. Инструкция на стене была очень простой. Вы просто садитесь, не спеша поворачиваете выключатель справа — и умираете, быстро и безболезненно, а ваше тело готово принять следующего обитателя.

Блейн сел, нащупал рукой выключатель и откинулся на спинку, закрыв глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и еще раз пожалел, что она не была более эффектной. Следовало бы на этот раз исправить ошибку и уйти из жизни, как Халл, в отчаянной схватке с охотниками на горном склоне

на закате солнца. Почему он не умрет так же? Почему он не погибнет, сражаясь с тайфуном, охотясь на тигра или взбираясь на Эверест? Почему и на этот раз его смерть будет такой обычной, банальной, ничем не примечательной?

И наконец, почему он никогда не занимался конструированием яхт по-настоящему?

Эффектная смерть, понял Блейн, не соответствовала бы его натуре. Несомненно, ему на роду написано умереть спокойно, быстро и безболезненно. И вся его жизнь в двадцать втором веке, вероятно, была только подготовкой к такой смерти — неясное ощущение этого возникло в день смерти Рейли, потом превратилось в определенную уверенность во Дворце смерти и стало неумолимой судьбой, когда он поселился в Таиохаэ.

И все-таки, какой бы ни была смерть, она является самым важным событием в жизни человека. И Блейн с нетерпением ждал ее.

Жаловаться ему было не на что. Несмотря на то что он жил в будущем чуть больше года, он выиграл величайший приз — потустороннюю жизнь! И снова, как и в тот день, когда после завершения процедуры он покинул здание корпорации «Потусторонняя жизнь», его охватило ощущение свободы от постоянного мрачного, бессознательного, гнетущего страха смерти, сковывающего каждое движение и пронизывающего мысли. Все люди из его века жили в тени, подавляющей сознание, в страхе перед призраком, преследующим человека днем и ночью, скрывающимся за каждым углом, за каждой дверью, незримым гостем на пиру жизни, все время ждущим своего момента, все время угрожающим...

Теперь ему нечего бояться!

Наконец древний враг побежден! И люди больше не умирают — они попадают в иной, более совершенный мир!

Более того, он обрел нечто большее, чем потусторонняя жизнь. Ему удалось за год прожить целую жизнь.

Он появился на свет в белой светлой комнате, и над ним склонилось лицо бородатого доктора, а добродушная

медсестра принесла ему еду. Он встревоженно прислушивался к бормотанию незнакомых голосов. Потом он покинул свое убежище, будучи совсем неподготовленным к незнакомой жизни, и глазел на восточные чудеса Нью-Йорка, и позволил незнакомцу с честным взглядом и медовой речью обмануть себя. И едва не расстался со своим телом, но встретил людей, умных и заботливых; они выручили его из беды, в которую он попал по собственной глупости, утешили и ободрили. Обладая прекрасным, сильным и таинственным телом, он вновь бросился в жизнь, на этот раз зная ее лучше, и в погоне за деньгами и опасностями оказался среди вооруженных наемников. Ему удалось преодолеть это безрассудство, и, став умнее, он выбрал достойное занятие. Но в это время темные, зловещие силы, причастные к его второму рождению, стали его преследовать, и ему пришлось покинуть родину и бежать на самый край земли. Несмотря ни на что, по пути ему удалось обзавестись семьей. Как у каждой семьи, у нее были свои тайны, свои скелеты в шкафу, но это была его семья. Он приехал в страну, о которой мечтал, женился и во время медового месяца наконец увидел горы Муреа, пылающие в лучах заката. Он поселился на острове и провел последние месяцы в спокойствии и трудах, вспоминая чудеса, которые ему довелось повидать. И так он жил, уважаемый и почитаемый всеми...

Этого вполне достаточно. И Блейн повернул выключатель.

Глава 37

— Где я? Кто я? Кем я стал?

Тишина.

— А-а, вспомнил. Я — Томас Блейн, и я только что умер. Сейчас я у Порога, в этом реальном и совершенно не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. А впереди я ощущаю потустороннюю жизнь.

— Том...

— Мэри?!

— Да, это я.

— Но как ты... Я не ожидал...

— Может быть, я не была тебе очень хорошей женой, Том, но я всегда была верна тебе и сделала для тебя все, что могла. Я люблю тебя, Том. Конечно же, я пошла за тобой.

— Я так счастлив, Мэри.

— Я рада.

— Пошли?

— Куда, Том?

— В потустороннюю жизнь.

— Том, я боюсь. Нельзя ли еще немного побыть здесь?

— Все будет хорошо. Пошли.

— А вдруг нас разлучат, Том? Что тогда? Я боюсь, что будет очень странно, и страшно, и одиноко.

— Не беспокойся, Мэри. Я был младшим конструктором яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! И конечно, она мне не изменит и здесь.

— Хорошо. Теперь я готова, Том. Пошли.

Координаты чудес

Ах, я закидывал свою сеть в их моря,
желая наловить хороших рыб,
но постоянно вытаскивал я
*голову какого-нибудь старого бога**.

Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Часть I

ОТБЫТИЕ

Глава 1

День был на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбоку и добрых пятнадцать минут обсуждал с Блэкуэллом шансы футбольной команды «Гиганты». В конце же дня он яростно заспорил с мистером Зейдлицем — яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела — об истощении природных ресурсов страны и беспощадном натиске разрушительных факторов, таких, как совместное обучение, армейская инженерная служба, туристы, огненные муравьи, а также издатели дешевого чтива. Все они (так он утверждал) в той или иной степени ответственны за порчу лан-

* Перевод Ю. М. Антоновского.

дшафта и за уничтожение последних милых уголков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том,— сказал язвительный Зейдлиц.— Неужели это и в самом деле вас беспокоит?

И впрямь...

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заметила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вы не должны говорить такое.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить — Кармоди так и не мог припомнить. И грех остался на его совести, неосознанный и неотпущенный. А его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбок, неожиданно проговорил:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Я об этом подумаю.

Кармоди, однако, уже сам понял, что ничего особенного в его словах не было и думать об этом не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, который умел говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Восса со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

А Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно меланхолическим. Его лицо как нельзя лучше соответствовало характеру. Рост и мнение о себе — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию, которое, впрочем, легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимиком. Рослые остроглазые мужчины с предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению.

Его воплощения, с которыми он ознакомился в Зале Кармы, были сплошь героическими. Родился он под знаком Девы при управлении Сатурна, находившегося в доме Солнца. Уже одно это говорило о его незаурядности. Но человек остается человеком: предсказуем и непостижим одновременно. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками остро ненавидел.

Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд-авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его проводила отпуск в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

Мгновение спустя раздался удар грома, и в комнате полыхнула молния. Непонятно зачем схватившись за горло, Кармоди приподнялся. Гром громыхал несколько секунд, затем вострубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравурные звуки волынки. Снова вспыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек, одетый в золотистый плащ и оранжевые брюки в обтяжку, был среднего роста, коренаст и светловолос. Лицо как лицо, но без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, сунул руку в пустоту и выдернул оттуда свиток, изрядно порвав его при этом. Откашлявшись (звук напоминал бренчание испорченного шарикоподшипника), он сказал:

— Приветствия!

Кармоди не ответил: от неожиданности он онемел.

— Мы приходить,— сказал пришелец,— как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваших. Другие люди? Нет, не так! Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди доказал себе только ему одному известными способами, что все это происхо-

дит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Улыбаясь, пришелец сказал:

— Это для вас. Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розоворукая Неопределенность хохочет во весь рот, а дряхлое Постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы не?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает быть страшным, когда оно становится назойливым. (Посланец, разумеется, это знал.)

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Пришелец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал себе под нос:

— Туманно мыслящие извилины! Опять неверно обработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, переделаюсь, приспособлюсь...

Он прижал пальцы к голове и погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в измятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за неряшливую работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением в пасти. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше (я употребляю местные эквиваленты времени) при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова,— прервал его Кармоди.— Будьте добры, объясните, что все это значит.

— Конечно, конечно,— сказал пришелец.— Но позвольте мне проверить местные термины.— Он закрыл глаза, потом открыл снова.— Странно, очень странно,— пробормотал он.— Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приняты. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это Интергалактическая Лотерея, конечно. И вы, сэр, выиграли главный приз, конечно. Изложенное соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует,— сказал Кармоди.— И я не знаю, о чем вы толкуете.

Сомнение скользнуло по лицу чужестранца и тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И постарались забыть, чтобы избежать волнений. Какое несчастье, что я пришел во время вашей умственной спячки! Но никакого вреда вам не причинят, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, Класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Приз (очень красивый приз, уверяю вас) ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так:

«Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но в этом случае я оказываюсь в идиотском положении, ибо во имя смутных доводов рассудка пытаюсь отрицать то, что вижу и слышу. При этом в голове получается такая каша, которая только усугубляет помешательство; в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. С другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно (если это происходит на самом деле), во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И эти существа устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они имеют на это полное право. Не понимаю, почему лотерея не совместима с высшим разумом.) И наконец в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это большая честь: возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или почет, или женщин, или знания — словом, что-нибудь стоящее.

Учитывая все это, мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед врачами, признаю свои заблуждения и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) предпочтут гипотезу безумия гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но здесь можно сказать одно: хорошо еще, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему,— сказал он Посланцу.— Есть какие-нибудь условия у моего Приза? Надо сделать что-нибудь или оплатить?

— Никаких условий,— сказал Посланец.— По крайней мере, ничего достойного упоминания. Чистый Приз. Какой же Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр (а это путешествие само по себе стоит того, чтобы его совершить). Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы сможете взять его с собой. Если вам понадобится помощь, чтобы вернуться, мы окажем вам всяческое содействие. Вот и все об этом.

— Меня это устраивает,— произнес Кармоди тоном Наполеона, одобрявшего диспозицию маршала Нея под Ватерлоо.— Как мы попадем туда?

— Вот так,— сказал Посланец. И потащил Кармоди в уборную, а оттуда — через трещину — в пространственно-временной континуум.

Все остальное было не труднее. За несколько секунд субъективного времени Кармоди и Посланец преодолели изрядное расстояние и оказались в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, заняв не более одного мгновения плюс микросекунду в квадрате, и бессобытийным, поскольку никаких фактов нельзя вместить в такой тонюсенький ломтик длительности. Поэтому после перехода, о котором нечего было сказать, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял спокойно и смотрел. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил и другие вещи, которые не сумел запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял,— переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой».

— О! А мне послышалось «ой».

— Нет, я сказал «ой-ой».

— Теперь понятно,— сказал Посланец слегка раздраженно.— Ну и как вам наш Галактический Центр?

— Впечатляет,— признал Кармоди.

— И я так считаю,— небрежно заметил Посланец.— С таким расчетом его и строили. Правда, на мой взгляд, он почти ничем не отличается от любого другого Галактического Центра. Архитектура, как видите (вы, наверное, примерно этого и ожидали), неоциклопическая, типич-

ный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен производить впечатление на избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах,— заметил Кармоди.

— Сценично,— согласился Посланец.

— И эти громадные здания...

— Да, конструктор удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками,— сказал Посланец тоном знатока.— А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. Кстати, вам, наверное, будет интересно узнать, что оформление вон той группы зданий целиком содрано на вашей планете — с выставки «Дженерал Моторс». Оно было признано выдающимся образчиком примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не удавалось охватить все эти сооружения одним взглядом. Ему казалось, что, пока он смотрит на одно, другие меняют форму. Он щурился и напрягал зрение, но здания продолжали таять и меняться. («Периферическая трансмутация,— пояснил Посланец.— Здешние обитатели прямо-таки ни перед чем не останавливаются».)

— Ну а где же я получу мой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо,— сказал Посланец и повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому прямоугольному домику, спрятавшемуся за перевернутым фонтаном.

— Делом мы занимаемся здесь,— продолжал Посланец.— Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что прямоугольник изобрел я.

— Черта с два,— сказал Кармоди.— Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, по вашему мнению, принес вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне кажется, что тут нечего изобретать.

— Как это нечего? — переспросил Посланец.— Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за творческое самовыражение. Знаете ли вы, что природа никогда не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может показаться, что прямоугольник вырастает из квадрата естественно. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.— Глаза Посланца затуманились. Спокойным и отрешенным голосом он сказал: — Я всегда чувствовал, что возможно иное развитие идеи квадрата. Я рассматривал его так и сяк. Эта сводящая с ума тождественность ставила меня в тупик. Равные стороны, равные углы. Некоторое время я экспериментировал с углами. Так появился первый параллелограмм, но я не считаю его большим достижением. Я изучал квадрат. Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды решение пришло ко мне! В какой-то внезапной вспышке озарения я понял, что нужно сделать. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так трудно! Дрожа, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники разного размера, разного вида, все правильные и все различные. Поистине я был рогом изобилия прямоугольников. То были потрясающие дни.

— Представляю себе,— сказал Кармоди.— Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это тоже было потрясающе. Однако прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно,— говорили мне,— но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На

сегодняшний день в Галактике имеется более 70 миллиардов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего первоначального прямоугольника.

— Ну и ну! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы на месте,— сказал Посланец.— Идите туда, направо. Сообщите требуемые данные — и получите Приз.

— Спасибо,— поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. В мгновение ока стальные ленты охватили его руки, ноги, талию и шею. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

— Эй, в чем дело? — крикнул Кармоди.

— Итак,— изрекла мрачная личность,— опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Ты заплатишь сейчас за свои преступления против человечества и грехи против себя самого. И позволь добавить, что это лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел членораздельную речь.

— Стойте! — закричал он.— Я здесь не для казни.

— Знаю, знаю! — успокаивающе сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди.— Что еще ты скажешь?

— Но это правда,— выкрикнул Кармоди.— Я думал, что получу Приз.

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Он щелкнул выключателем на

приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин, черное одеяние палача — в белый костюм клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке,— сказал без тени сожаления бывший палач.— Я же предупреждал их, что не следует объединять Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им на руку, если бы я убил вас. Вот смеху-то было бы, правда?

— Мне было бы не до смеху,— сказал Кармоди дрожа.

— Ладно, нет смысла плакать из-за непролитой крови,— сказал Клерк.— Если бы мы принимали во внимание все обстоятельства, то вскоре исчерпали бы обстоятельства, необходимые, чтобы все принимать во внимание... Да, о чем это я? Впрочем, неважно. Предложение правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-то здесь.

Он нажал кнопку на своем пульте. В комнате тут же материализовалась массивная конторка, которая на миг повисла в воздухе на высоте двух футов от пола, а затем с грохотом упала. Клерк начал открывать ящики, вытаскивая бумаги, бутерброды, листики копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то здесь,— сказал он с оттенком отчаяния.

Нажал на другую кнопку. Конторка исчезла вместе с пультом.

— Проклятье, нервы ни к черту,— воскликнул Клерк.

Он сунул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез сам Клерк. Кармоди остался в одиночестве.

Он ожидал, беззвучно напевая про себя. Клерк возник снова; выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку,— сказал он.— Ничего не получается сразу и как следует.

— Вам пришлось обежать всю Галактику? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— Почему вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк.— Мы только вручаем.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы,— устало сказал Клерк.— Вы переполнены беспочвенными мечтами о порядке и совершенстве, которые не что иное, как идеализированные проекции вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что жизнь — это большая помойка и что всякий порядок имеет тенденцию нарушаться, а не наоборот; чем выше разум, тем больше сложностей он подмечает. Может, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля (выражаемый через произведение разума и силы и обозначаемый символом инь) стремится к нулю, поскольку число объектов, подлежащих осмыслению и контролю, увеличивается в геометрической прогрессии, катастрофически опережая Понимание, растущее всего лишь в арифметической прогрессии.

— Я никогда не думал об этом,— вежливо сказал Кармоди. Однако ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а по существу, они просто не работали как следует, сваливая свои промахи на космические законы.

— Ну да, все это верно,— продолжал Клерк.— Ваша точка зрения (я позволил себе прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все другие организмы, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но дело в том, что вещи всегда оказываются чуточку сложнее наших представлений о них. Справедливо и то, что мы не стремимся охватить их во всей полноте — делаем свое дело

машинально и невнимательно, а иной раз даже ошибаемся. Важные документы лежат не на месте, машины барахлят, целые планетные системы выпадают из поля зрения. Но это легко объяснимо: как и всякие существа, наделенные свободой воли, мы подвержены влиянию эмоций. А что вы хотите? Кто-то же должен контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. Ведь галактики — это зеркальные отражения их обитателей: пока все и вся не способны управлять самими собой, необходим определенный внешний контроль. И кто же сделает это, если не мы?

— Разве вы не можете для этого построить машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — презрительно воскликнул Клерк.— У нас их хватает, причем довольно сложных. Однако даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь для утомительно прямолинейных задач, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешать вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги. Поверите ли, крупнейший компьютер нашего сектора, который запросто обустроит целую планету, не способен поджарить яичницу или сочинить мелодию, а в этике он разбирается хуже новорожденного волчонка. И вы хотите, чтобы такая штука командовала вашей жизнью?

— Конечно, нет,— сказал Кармоди.— Неужели же никто не смог построить машину, умеющую рассуждать и творить?

— Кто-то смог.— Клерк пожал плечами.— Но она была сконструирована так, чтобы учиться на собственном опыте, а это означает, что на пути к истине она обязательно совершает ошибки. Ее выпускают в различных вариантах, отличающихся формой и размерами. Очевидные недостатки этой модели, как оказалось, являются продолжением ее достоинств. Пока никому не удалось усовершенствовать базовую конструкцию, хотя пытались многие. Это оригинальное устройство называется «разумной жизнью».

Клерк улыбнулся самодовольной улыбкой творца афоризма. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Однако он сдержался.

— Если вы закончили лекцию,— сказал он,— я хотел бы получить Приз.

— Как вам угодно,— сказал Клерк.— Если, конечно, вы уверены, что хотите получить его.

— А есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Конкретной причины нет,— ответил Клерк.— Есть только общее правило: если у вас появляется какая-то новинка, это всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья,— улыбнулся Кармоди.— Пусть будет Приз.

— Ну хорошо,— сказал Клерк. Он вытащил из маленького заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш.— Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди, вы с планеты 73С, системы ВВ454С252 Левого Квадранта Местной Галактической системы из LK по CD, и вы выбраны по жребию примерно из двух миллиардов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно,— сказал Кармоди.

— Так... минуточку...— пробормотал Клерк, быстро листая страницы.— Я пропущу описание, поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте,— согласился Кармоди.

— И затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила; полагаю, вас они не смущают?

— Конечно, с какой стати? — сказал Кармоди, чувствуя, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась волокита.

— Очень хорошо,— сказал Клерк.— Теперь подпишитесь вот тут под текстом на мыслечувствительной полоске, и делу конец.

Не совсем понимая, что от него требуется, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо,— сказал Клерк.— Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди, и вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал благодарность и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел из-за внезапного грубого вторжения. В комнату ворвался безволосый коротышка в сверкающей одежде.

— Ха! — воскликнул он.— Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами! Вы что, на самом деле надеетесь удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу, но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — закричал он.

— Нужно? Мне нужен Приз, что еще? Я Кармоди!

— Нет, вы не Кармоди,— сказал Кармоди.— Это я Кармоди.

Маленький человек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, что вы — Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73С?

— Я не знаю, что такое 73С,— сказал Кармоди.— Мы называем свою планету Землей.

Коротенький Кармоди уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он.— Не уверен, что слышал о такой. Она член Члзерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она входит в Ассоциацию Независимых Планетовладельцев? Или в Звездный Кооператив Скеготайн? Или она принадлежит к Объединенному Планет-профсоюзу? Нет? А ваша планета вообще член какой-нибудь надзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Так я и знал,— воскликнул маленький Кармоди и обернулся к Клерку.— Посмотрите на него, идиот! Посмотрите на это существо, которому вы вручили мой Приз. Посмотрите на эти тупые свинячьи глазки, на его челюсти, на роговые отростки на концах его пальцев!

— Стойте! — прервал Кармоди.— Вы не имеете права оскорблять меня.

— Вижу, вижу,— согласился Клерк.— Действительно, не рассмотрел раньше. Никак не ожидал, что...

— Почему, черт побери? — закричал космический Кармоди.— Ведь любой сразу же сказал бы вам, что это существо не из 32-го класса жизненных форм. Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дошел до галактического статуса! Вы — круглый идиот, вы вручили мой Приз какому-то ничтожеству, почти животному!

Глава 4

— Земля! Земля! — рассуждал коротенький Кармоди.— Теперь я припоминаю такое название. Недавно появилось сообщение об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, нездоровое место. Думаю, что ее не включили во Всегалактический План из-за хронической Вселенской несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник для нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла трагическая ошибка. Обвинили в невнимательности Посланца — он не отрицал очевидного.

Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то главным образом и напутал, один из всех, вместо того чтобы извинять-

ся и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен,— объявил Компьютер,— с минимальными допусками. Я рассчитан на выполнение сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять миллиардов действий.

— Ну и что с того? — спросил Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны запомнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да-да, исключительно этическое. Идеальная машина невозможна, и любая попытка создать такую машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно встроена ошибка. Это один из нескольких признаков, отличающих жизнь от детерминизма неживой материи. Сложные машины вроде меня занимают промежуточное положение между живым и неживым. Если бы мы никогда не ошибались, то были бы... э-э... неуместными, отвратительными и... и бессмертными. Джентльмены, я смею утверждать, что погрешность — это наша форма служения тому, кто совершеннее нас, но не позволяет себе видимого совершенства. Если бы ошибка не была предусмотрена Верховным Программистом, то мы ошибались бы спонтанно, демонстрируя тем самым, что нам, как и живым существам, достались какие-то крохи свободы воли.

Все склонили головы, ибо Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Не могу возразить, хотя и не согласен. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно.

— Спасибо,— скромно сказал Компьютер.— Я стараюсь.

— Но остальные,— продолжал Кармод,— просто дурака валяли.

— Это наше неотъемлемое право,— напомнил ему Посланец.— Делая глупости при выполнении своих обязан-

ностей, мы тем самым поклоняемся Святой Ошибке. Это заслуживает смирения, а не презрения.

— Будьте так добры, избавьте меня от вашей сладкоречивой религиозности,— сказал Кармод.— А ты,— продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди,— ты слышал, что тут говорили? Уловил суть своим первобытным умишком?

— Я понял,— кратко ответил Кармоди.

— Теперь ты знаешь, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден вас просить, и я вас прошу передать его мне.

Кармоди был уже склонен к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету.

Конечно, приятно было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже передать коробку, как вдруг услышал приглушенный шепот:

— Не делай этого!

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну-ну, давай же,— настаивал Кармод.— Не тяни. У меня неотложные дела.

— К черту его и его дела,— прошептал Приз.— Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в хлопоты в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, когда Кармод опять раскрыл рот:

— Отдай его сию же минуту, ты, слизняк бесформенный! — закричал он.— Давай быстренько и изобрази извинение на своей примитивной физиономии, а не то я вышибу из тебя это упрямство!

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его тут оскорбляли. Он не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Пошел к черту,— сказал он, невольно повторяя слова Приза.

Космический Кармод понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе большую роскошь: гнев и насмешки, если даешь им выход за пределами своей уединенной звукоизолированной пещеры, обычно обходятся слишком дорого. Вот и сейчас, поиграв словами, он упустил свой шанс на выигрыш. Чувства завели его слишком далеко — приходилось идти на попятную.

— Прошу простить мой воинственный тон,— сказал он.— Моя раса склонна к самовыражению, принимающему порой разрушительные формы. В том, что вы принадлежите к низшим существам, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, все в порядке,— сказал Кармоди вежливо.

— И вы отдадите мой Приз?

— Нет, не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Его выиграл я, и по всей справедливости...

— Приз не ваш,— заявил Кармоди.— Мое имя было выбрано законными властями, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец принес мне извещение, и Клерк, официальное лицо, вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а также и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты и сказанул,— шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр! Вы же сами слышали. Компьютер признал свою ошибку! И по вашей собственной логике...

— Это утверждение нужно сформулировать иначе,— сказал Кармоди.— Компьютер вовсе *не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Он признался в ошибке, которая совершена умышленно и благоговейно. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных идеалов, внушающих всяческое уважение.

— Да этот тип спорит не хуже самого Борка,— пробурчал Кармод.— Тот, кто не знает его как следует, может

даже подумать, что это истинный разум, а не тупое механическое копирование заученных образцов. Однако я воспользуюсь этим же оружием, и писклявый тенор его отговорок потонет в мощном басе неопровержимой логики! — Кармод повернулся к Кармоди и заявил: — Допустим, что машина ошиблась преднамеренно, на чем и основана ваша аргументация. Но вы приняли приз и тем самым поставили в этом деле точку. Удерживать приз дальше — значит превращать оплошность в законную награду, а двойное благочестие, как известно, становится богохульством.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора.— Чтобы доказать свою правоту, вы рассматриваете ошибку не во всей ее полноте, а как некий мгновенный акт. Очевидно, что это не так. Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Не увековеченная ошибка вообще не может считаться ошибкой. Поправимая и безрезультатная ошибка — это самый что ни на есть верный признак поверхностного благочестия. По-моему, так лучше вообще ее не совершать, чем подменять ханжеским лицемерием! А еще я вот что скажу: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти миллиардов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое Богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз.— Браво! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо!

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на смущенного противника. Он был очень горд собой. Не так уж плохо для человека с Земли, попавшего в Галактический Центр без всякой подготовки! Встречающиеся там высшие жизненные формы совсем не обязательно должны быть разумнее людей. По галактическим меркам разум ценится не выше, чем длинные когти или крепкие копыта. А инопланетные существа и впрямь обладают множеством способ-

ностей — и на словах, и на деле. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. Оказываясь лицом к лицу с обладателями таких талантов, люди Земли испытывали глубокую неполноценность, бессилие, несоразмерность и никчемность. А поскольку эти ощущения подтверждаются в Галактике на каждом шагу, возникшая психическая травма постоянно усиливается. Результатом чаще всего является психомоторное торможение и прекращение всякой активности за исключением чисто рефлекторных процессов. Такое развитие событий можно предотвратить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. Таким образом, посредством своей безрассудной контратаки Кармоди избежал страшной опасности, нависшей над его рассудком.

— Ты складно говоришь,— неохотно признал Кармод.— Но Приз будет моим.

— Не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк и Посланец тут же разбежались по углам, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», быстро выкатился из комнаты. Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба» — и сжался в кубик со стороной не более дюйма. Из ушей Кармода раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки, и с кончиков его пальцев полетели капли расплавленного свинца. Он угрожающе шагнул вперед, и Кармоди невольно зажмурился.

И ничего не произошло. Кармоди открыл глаза.

За это мгновение Кармод, очевидно, передумал и разоружился. На его губах играла вежливая улыбка.

— По зрелом размышлении,— сказал он лукаво,— я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, особенно в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, *счастливого* вам пути.

С этим зловеще прозвучавшим пожеланием Кармод исчез. Кармоди нашел его манеры странными, но весьма впечатляющими.

Часть II

КУДА?

Глава 5

— Ну и ладно,— сказал Приз.— Будь что будет. Надеюсь, мы в последний раз видели этого урода. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль,— охотно согласился Кармоди.— Посланец, я хочу домой!

— Вполне естественное желание,— сказал Посланец.— И вполне реалистичное. Я сказал бы даже, что вам следует отправиться домой — и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

— Это не мое дело. Я обязан был только доставить вас сюда.

— Чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди,— сказал Клерк.

Кармоди почувствовал, что тонет. Он начал понимать, почему Кармод так легко отступился.

— Послушайте,— взмолился он,— мне совестно затруднять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо,— сказал Посланец.— Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Понятия не имею о координатах. Моя планета называется Землей.

— Пусть Земля, пусть Зеленый Сыр, безразлично. Если хотите, чтобы я вам помог, нужны координаты.

— Но вы же там были! Вы же прибыли на Землю и оттуда доставили меня...

— Вам это только показалось,— терпеливо пояснил Посланец.— На самом деле я отправился в точку, коор-

динаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В той точке были вы, и я привел вас сюда.

— А вы можете доставить меня назад по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы там ничего не найдете. Галактика, знаете ли, не статична. В ней все движется — и каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А вычислить по этим координатам теперешнее положение Земли вы можете? — спросил Кармоди.

— Я не могу даже сложить столбика цифр,— гордо сказал Посланец.— Мои таланты лежат в другой области.

Кармоди повернулся к Клерку:

— Тогда, может быть, вы? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не силен в сложении,— отмахнулся Клерк.

— А я складываю великолепно,— объявил Компьютер, снова вкатываясь в комнату.— Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой ошибки. Ваше местонахождение я установил — сейчас вы здесь. Следовательно, интересная теоретическая работа по определению текущих координат вашей планеты мне запрещена.

— Может, сделаете одолжение? — взмолился Кармоди.

— На одолжения я не запрограммирован,— ответил Компьютер.— Найти вашу планету для меня так же невозможно, как поджарить яичницу или разделить Новую на три равные части.

— Но хоть кто-нибудь мне поможет?

— Не отчаивайтесь,— сказал Клерк.— Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам вас туда доставлю. Дайте им координаты вашего дома, и они все сделают.

— Но я их не знаю!

Все опешили, на какое-то время лишившись дара речи. Первым пришел в себя Посланец:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы и сами-то его не знаете? Эта Галактика, может, и не бесконечна,

но все-таки она достаточно велика. Существо, не знающее своего Местожительства, не должно выходить из дома.

— Тогда я этого не знал,— сказал Кармоди.

— Вы могли спросить.

— Мне и в голову не приходило... Слушайте, вы должны мне помочь. Неужели так трудно выяснить, куда передвинулась моя планета?

— Это невероятно трудно,— сказал Клерк.— «Куда» — только одна из трех необходимых координат.

— А какие же две другие?

— Еще нам нужно знать «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» Местожительства.

— Какая разница, называйте хоть Зеленым Сыром,— внезапно взорвался Кармоди.— Как находят дорогу домой другие существа?

— Они используют свой наследственный инстинкт гнезда,— сказал Посланец.— Между прочим, вы уверены, что у вас его нет?

— Не знаю,— ответил Кармоди.

— Откуда у него инстинкт гнезда? — вставил Приз негодующе.— Парень ведь никогда не покидал родной планеты! У него такой инстинкт просто не мог развиться.

— Справедливо.— Клерк устало вытер лицо.— Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина и ее благочестивые ошибки!

— Только одна на пять миллиардов,— сказал Компьютер.— Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не обвиняет,— вздохнул Клерк.— Собственно говоря, никто никого не винит. Однако нам нужно решить, что с ним делать.

— Большая ответственность! — вздохнул Посланец.

— Конечно,— согласился Клерк.— А может, прикончить его, и дело с концом?

— Эй-эй! — крикнул Кармоди.

— О'кей, я согласен,— сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей,— присоединился Компьютер.

— Я не в счет,— сказал Приз.— Я пока еще не во всем разобрался, но в самой идее мне чудится что-то неправильное.

Кармоди произнес страстную речь о том, что он не хочет умирать и не должен быть убит. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и принципу честной игры. Но его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Придумал! — неожиданно сказал Посланец.— Что вы скажете об альтернативном решении? То есть давайте не убивать его. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль,— согласился Клерк.

— Таким способом,— продолжал Посланец,— мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно по дороге будет убит.

— И поспешим,— сказал Клерк,— если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Я все тебе потом объясню,— прошептал Приз.— Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я готов,— сказал Кармоди.— Надеюсь.

— Готов или нет, отчаливай!

И Кармоди отчалил.

Глава 6

Возможно, впервые в истории рода людского человек провалился на месте в полном смысле слова. Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Посланец и Клерк растаяли вдали. Галактический

Центр стал плоским, похожим на скверно намалеванную театральную декорацию. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина и, расширяясь и удлиняясь, поползла по диагонали вниз. Края ее отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона. От Центра не осталось даже мусора.

— Не бойся, это все зеркала,— шепнул Приз.

Пояснение еще больше испугало Кармоди. Он старался держать себя в руках и еще крепче держал в руках Приз. Тьма стала абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпеливо перенес это превращение, хотя сколько оно длилось, он так и не понял.

Затем в один миг сцена вновь осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, белые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. Слабый ветер дул в лицо. Над головой висели три крошечных красных солнца. Местность выглядела куда диковинней, чем Галактический Центр, но все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне. Центр же был из ряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза — куда же он мог подеваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я,— прошипела змейка.— Твой Приз. Просто я в другом образе. Форма, видишь ли, это функция среды, а мы, призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о?

— А ты ищи аналогии,— посоветовал Приз.— Видишь ли, доктор, мы, призы, при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, если нас все равно раздают разным прищельцам? Я просто запускаю руку в склад твоих ассоци-

аций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, пояснил я мою мысль?

— Не очень,— вздохнул Кармоди.— Потом разберусь.

— Вот и умница,— сказал Приз.— Слова могут показаться сперва туманными, но ты обязательно их дешифруешь. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, очень скоро что-то произойдет.

— Что? Что произойдет?

— Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, нет времени объяснить даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

— Эти убийцы и ублюдки!

— Не следует так легко осуждать убийство,— сказал Приз с упреком.— Это показывает беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но процитирую его после. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Изрядно потратившись, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где (вполне возможно) тебе помогут. Они вовсе не обязаны были это делать. Они запросто могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. А могли и проэкстраполировать ее наиболее вероятное положение в данный момент и послать тебя туда. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат был бы неважным во всех отношениях. Так что, видишь ли...

— Да, но где я сейчас? — спросил Кармоди.— И что должно здесь произойти?

— Я к тому и веду,— сказал Приз.— Тебе, наверное, уже ясно, что планета называется Лурсис*. У нее только один обитатель — Мелихрон** Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и будет жить дольше, чем

---

* Лурсис — заманчивая *(греч.)*.

** Мелихрон — улучшающий время *(греч.)*.

можно себе представить. Мелихрон в своем роде, как бы это сказать, козырный туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий,
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
Чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...

— Ну тебя к черту,— огрызнулся Кармоди.— Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош!

— Просто я волнуюсь,— плаксиво сказал Приз.— Черт возьми, человече, неужели ты думаешь, что я был готов ко всему этому? Я потрясен, я действительно потрясен, поверь мне. А объясняю все это тебе я только потому, что если мне не удастся взять бразды правления в свои руки, то весь этот чертов восковой шар рассыплется, как домик из червивых карт.

— Червовых,— рассеянно поправил его Кармоди.

— Червивых! — взвизгнул Приз.— Да ты видел хоть когда-нибудь, как рушится домик из червивых карт? Я-то видел, и зрелище это не из приятных.

— Знаешь ли, все это похоже на дешевый спектакль,— сказал Кармоди, не сдержав усмешки.

— Прекрати! — прошипел Приз с внезапной злостью.— Возьми себя в руки. Сосредоточься. Отрешись от суеты. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он, славный Мелихрон!

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

— Так где же он?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его. Разумеется...

— Какой недостаток?

— Разумеется, ты помнишь о его ограничении. И сверх того, когда он задаст свой вопрос, отвечай очень осторожно.

— Постой! — крикнул Кармоди.— Ты совсем запутал меня. Какой недостаток? Какое ограничение? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу,— сказал Приз.— Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не позволь всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе хвостик в рот и погрузилась в сон.

— Ах ты, проклятый шут гороховый! — взорвался Кармоди.— Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монет на глазах мертвеца.

Но Приз уже спал и не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий момент голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— Ого-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который специально возник, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер собрал затем воды в гигантский смерч, толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками. Смерч направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в зловещий гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и лютни, причитание шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, причем мелодия стала напоминать торжественное вступление, звучащее в исторических боевиках фирмы «Метро-Голдвин-Майер», пока идут титры. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Пока шли финальные аккорды, Кармоди закрыл глаза. Он открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратились в обнаженную человеческую фигуру.

— Привет! — сказал человек.— Я Мелихрон. Как вам нравится мой выход?

— Я сражен,— сказал Кармоди совершенно чистосердечно.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон.— То есть вы в самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово,— сказал Кармоди.— Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны,— сказал Мелихрон.— Вы видели небольшое предисловие ко мне. Я разработал его совсем недавно. Думаю (и я действительно так думаю), оно кое-что обо мне говорит, не правда ли?

— Бесспорно,— сказал Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была полностью лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Конечно, все эти вступления — большая нелепость,— сказал Мелихрон.— Но ведь это моя планета. И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Возражений быть не может,— сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, а затем сказал отрывисто:

— Спасибо. Вы мне нравитесь. Вы — разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас,— сказал Кармоди.

— Но я действительно так думаю,— настаивал Мелихрон.

— И я действительно благодарю вас,— повторил Кармоди, изо всех сил стараясь, чтобы его голос не дрожал.

— И я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция (а я, видите ли, очень интуитивен и горжусь этим) подсказывает, что вы можете мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо не в *состоянии помочь* себе самому в таком важном деле, как поиск дороги домой. Однако он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема,— заявил Мелихрон,— порождена моим положением. А положение у меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком моя. Более того, я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали: создавали колонии, привозили животных, сажали растения. Все с моего соизволения, конечно, но тщетно. Чуждое этой планете вещество рассыпалось тонкой пылью, а мои ветры унесли ее в космос. Что вы думаете об этом?

— Поразительно! — воскликнул Кармоди.

— В самом деле поразительно. Ни одно существо не может здесь выжить, только я и мои продолжения,— подтвердил Мелихрон.— Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

— Воображаю себе,— сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен,— продолжал Мелихрон.— Веками я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Как хорошо и ясно все было в ту пору! Я жил, как в райском саду.

— Наверное, это было чудесно,— заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но, сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и сам стал эволюционировать, меняя мою планету, чтобы приспособить ее к себе. Я принимал множество обликов (иногда не очень приятных). Я познавал внешний мир, экспериментируя с объектами, которые там обнаружил. Я прожил много долгих жизней в телах высокоразумных существ Галактики — человекоподобных, хтеризоподобных, олихордовых и многих других. Я осознал свою исключительность, и это стало причиной моего одиночества, с которым я не мог смириться. И я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития, которая длилась миллионы лет. Воплотил себя в целые народы и позволил им (мужайтесь!), позволил моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было и самостоятельной единицей, и в то же время частицей меня. Я молился и размножался, предавался разврату, сжигал себя на кострах, устраивал сам себе ловушки, заключал с собой мирные договоры, женился на себе и разводился с собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы меня подвизались в искусстве (некоторые весьма успешно), а также в религии. Они молились — мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые не были мной. Потому что в те дни я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны,— сказал Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным,— проговорил Мелихрон.— Я мог позволить себе стать разумным. Для этой

планеты я был Богом. Да-да, нечего ходить вокруг да около: я был верховным существом, бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило от меня, даже ереси насчет моей сущности. Даже в крохотной травинке была частичка меня. Я создавал горы и наливал реки, был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть помимо моей воли, ибо я был Тем, Кто Связывает и Развязывает, Единым и Многим, Тем, Кто Всегда Был, и Тем, Кто Всегда Будет.

— Это действительно кое-что,— сказал Кармоди.

— Да-да,— Мелихрон застенчиво улыбнулся.— Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали пейзажи, а восходы и закаты для них создал я. Мой народ пел о любви, а любовь изобрел я. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что я вырос,— печально сказал Мелихрон.— Бессчетные эпохи я упражнялся в творении, а теперь стал вопрошать мои творения и себя самого. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о моей природе и моих совершенствах. Я, как дурак, их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о тебе, однако это оказалось и опасно. Я сам начал дивиться своей природе и своим совершенствам. Я размышлял и занимался самоанализом. И чем больше я ломал голову, тем непостижимей себе казался.

— А почему вы не спросили себя? Ведь вы же были Богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка,— вздохнул Мелихрон.— Мои творения не видели проблемы. Для них я оставался Богом, пути которого неисповедимы, но который тем не менее основной своей задачей считает воспитание и наказание всех этих существ, обладающих свободой воли (будучи, по сути, мною). Все, что я делал, было выше всякой критики, потому что это делал я. Ведь все мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неис-

поведимы, поскольку неисповедим я сам. Другими словами, чтобы постичь смысл моих действий, необходимо было охватить всю реальность целиком, на что способен только Божественный разум. То есть мой. Примерно так преподносили все это и мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием я удостою их на небесах.

— Вы и небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также преисподнюю.— Мелихрон улыбнулся.— Вы бы видели лица этих существ, когда я воскрешал их в раю или в аду! Ведь на самом деле даже самые преданные не верили в потусторонний мир.

— Полагаю, вам нравилось это?

— Только поначалу. Но со временем надоело. Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная неискренняя лесть надоела мне до отвращения. Ну скажите бога ради, зачем же восхвалять Бога только за то, что он выполняет свое Божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью за успешное обделывание им своих муравьиных делишек. Это положение дел перестало меня удовлетворять. Я нуждался в самопознании, а видел лишь восторженные взгляды своих творений.

— И что же вы придумали?

— Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица моей планеты — растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и грядущее. Мне надо было подумать.

Потрясенный Кармоди только хмыкнул.

— Впрочем, я ведь ничего и никого не уничтожил,— торопливо сказал Мелихрон.— Я просто воссоединил в себе частицы себя.— Мелихрон ухмыльнулся.— У меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые постоянно болтали насчет блаженного слияния со мной. Ну вот они и слились!

— Может быть, им это понравилось? — предположил Кармоди.

— Откуда я знаю? Единение со мной и есть я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности, это смерть, хотя звучит красивее.

— Необычайно интересно,— сказал Кармоди.— Но вы, кажется, хотели поговорить со мной насчет какой-то вашей проблемы?

— Именно! И я как раз подошел к ней. Понимаете, я перестал играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. Единственным предметом моих размышлений был, конечно, я сам. По-настоящему меня занимал только один вопрос: в чем мое предназначение? Могу ли я быть не Богом, а кем-то иным? Вот посидел я в должности Бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то другое — осмысленное, лучше выражающее мое истинное «я». Я в этом убежден! Такова моя проблема, и таков вопрос, который я вам задаю: что мне делать с самим собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди.— Так-так. Вот в чем дело.— Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос.— Тут надо как следует подумать.

— Время для меня не имеет значения,— сказал Мелихрон.— У меня в запасе вечность. А у вас, к сожалению, ее нет.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что со мной случится? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой,— сказал Мелихрон.— Сначала вы ответите на мой вопрос, потом я на ваши.

— Но у меня только десять минут...

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться,— сказал Мелихрон.— К тому же это моя планета и здесь все идет по моим законам. Будь это ваша планета, то и законы были бы вашими. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй,— уныло согласился Кармоди.

— Девять минут,— напомнил Мелихрон.

Каково объяснять Богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди? И можно ли

разобраться в этом за девять минут, когда, как известно, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут,— сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

— Мне кажется,— начал Кармоди,— что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто с отчаяния, надеясь, что сам процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах смысла больше, чем в отдельных словах.

— Вам нужно,— продолжал Кармоди,— э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе?

— Могу, если захочу,— сказал Мелихрон веско.— Могу сотворить любую чертовщину, которая мне понравится,— ведь командую здесь я. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно,— поспешно сказал Кармоди. (Сколько минут у него осталось? Семь? Шесть? И что случится, когда истечет этот срок?) — Итак, мы установили, что ваших «я-имманентного» и «я-пребывающего» недостаточно для постижения себя, следовательно, они не полны, поскольку вы сами, пребывая в ипостаси Творца, сочли их неполными.

— В высшей степени логично,— согласился Мелихрон.— Вам следовало стать теологом.

— В данный момент я теолог,— сказал Кармоди. (Шесть минут? Или пять?) — Вот... Так что же вам делать?.. А вам никогда не приходило в голову, что всестороннее познание, как внутреннее, так и внешнее (если, конечно, такая вещь, как внешнее знание вообще существует), самого познания и есть ваша задача?

— Ну разумеется! — сказал Мелихрон.— Размышлениями я не ограничился и проштудировал все книги Галактики, проник в секреты Природы и Человека, исследовал отношения макрокосма и микрокосма и все такое прочее. Я способный... Правда, кое-что я уже позабыл — ну, там, секрет жизни или скрытый смысл смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал я также и то, что само учение — суховатое и пассивное занятие, хотя иногда и попадаются любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для меня учение не столь уж важно и ценно. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы по натуре художник? — предположил Кармоди.

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе, писал книги словами и делами, музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Думаю, получалось у меня неплохо, но я почему-то знал, что всегда останусь дилетантом. Мое всемогущество не оставляло места для ошибок, а полнота охвата мира реального не позволяла относиться всерьез к воображаемому миру искусства.

— Гм... Понимаю,— пробормотал Кармоди. (Минуты три, не больше!) — А не сделаться ли вам завоевателем?

— Зачем мне завоевывать то, чем я и так обладаю? — возразил Мелихрон.— А другие миры мне не нужны. Мое естество приспособлено к моей же окружающей среде, которая ограничена этой одной-единственной планетой. Обладание другими мирами заставит меня действовать против своей природы. А кроме того, какой мне прок от чужих миров, если я не знаю, что делать со своим?

— Да-да, проблема... Тут думать и думать,— протянул Кармоди, безрассудство которого уступило место отчаянию.

— Я размышлял несколько миллионов лет,— сказал Мелихрон.— Искал цель внешнюю для меня, но отвечающую моей внутренней природе. Искал указание, но нашел только себя.

Кармоди искренне пожалел бы Мелихрона, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Он окончательно запутался. Время истекало, но его страхи странным образом смешались с сочувствием к недовоплощенному божеству.

И тут его озарило. Пришедшее в голову решение было простым и ясным и годилось как для проблемы Мелихрона, так и для его собственной (что и говорило о его правильности). Понравится ли оно Мелихрону — другое дело. Но попробовать следовало.

— Мелихрон,— сказал отважно Кармоди.— Я решил вашу проблему.

— Действительно решили? — строго спросил Мелихрон.— То есть действительно решили на самом деле? Опасность не влияет на ваши слова? Ведь если ваше решение меня не удовлетворит, вы умрете через... 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку,— величественно ответил Кармоди,— поскольку это влияние нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — оживился Мелихрон.— Скорее! Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу,— сказал Кармоди.— Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О небо! Вы и в самом деле считаете меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней не имею никакого отношения. И между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много,— заметил Кармоди.

— Конечно, не слишком много! Но это мой мир, и я здесь командую всем. Временем в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для Бога это не сложно, только потом много подчистки. Ваши десять секунд будут потом оплачены двадцатью пятью годами моего локального времени. Достаточно?

— Более чем щедро,— сказал Кармоди.— Вы очень любезны.

— Для меня ничто. Теперь, пожалуйста, о главном: давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха.— Решение вашей проблемы вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Должна? — переспросил Мелихрон.

— Обязательно должна,— твердо сказал Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше.

— Рассмотрим ваше положение,— продолжал Кармоди.— Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — Бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущи и всеведущи, но только здесь. Ваши интеллектуальные достижения поразительны, и вы ощущаете потребность служить чему-то внешнему по отношению к вам. Однако в других мирах ваши таланты бесполезны, а здесь, кроме вас, никого нет.

— Да-да, именно так! — воскликнул Мелихрон.— Но вы пока не сказали, что же мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вздохнул.

— Что делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать (ибо таковы ваши сокровенные стремления) на благо другим.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Все указывает именно на это,— сказал Кармоди.— Даже самый поверхностный анализ вашего положения позволяет вынести вердикт. В многоликой Вселенной вы одиноки, и, чтобы направить свои силы вовне, должно быть нечто внешнее по отношению к вам. Однако ваша сущность не позволяет вам выйти к этому внешнему. Значит, внешнее само должно прийти к вам. А когда оно придет, каково будет ваше отношение к нему? Это тоже ясно. Поскольку в своем мире вы всемогущи, то никакие помощь или действия вам не нужны, но вы можете помогать или содействовать другим. Это и есть единственное возможное отношение между вами и внешним миром.

Мелихрон надолго задумался, а потом сказал:

— Ваши аргументы убедительны, и я почти со всем согласен. Правда, тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко проходят по этому пути. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, придется потерпеть,— согласился Кармоди.— Но вам-то терпеть легче: ведь вы можете изменять время. Что же касается числа посетителей, то, сами понимаете, количество не влияет на качество. Не стоит гнаться за большими числами. И человек, и Бог делают свое дело, вот что важно. А каков объем работы — не имеет значения.

— Однако беда прежняя: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Решить их мне не под силу. Не знаю, как вам, но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.

Мелихрон задумался, и надолго. У Кармоди зачесался нос, и он с трудом удержался, чтобы не почесать его. Он ждал; ждала и вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— Здесь что-то есть,— сказал он.

— Приятно это слышать,— тут же отозвался Кармоди.

— Да, в самом деле. Ваше решение представляется мне и неизбежным, и элегантным. Мне кажется, что Судьба, которая управляет людьми, планетами и богами, так и судила, чтобы я, Создатель, был создан без проблем, а вы, создание, созданы с проблемой, которую может решить только Бог. И чтобы вы прожили свою жизнь, ожидая встречи со мной для решения вашей проблемы, а я прождал здесь половину вечности, пока не придете ко мне вы со своей проблемой!

— Ничуть не удивлен,— сказал Кармоди.— Хотите узнать, в чем моя проблема состоит?

— Я уже разобрался,— сказал Мелихрон.— На самом деле благодаря моим выдающимся интеллекту и опыту я знаю о ней гораздо больше вас. На первый взгляд ваша проблема заключается в том, как вам попасть домой.

— Именно в этом.

— Нет, не только в этом. Я ничего не говорю просто так. На первый взгляд, вам нужно узнать «Куда», «Когда» и на «Какую Землю», вам нужен способ попасть туда, и вам нужно попасть туда в том же самом состоянии, в котором вы пребываете сейчас. Даже если бы это было все...

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас по пятам.

— Ох! — вздохнул Кармоди. У него подогнулись колени, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз», пару войлочных шлепанцев и халат.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь, прошу вас, будьте как можно внимательней. Я объясню ваше положение кратко и ясно, используя только часть моего интеллекта, а остальное направлю на поиск возможных решений. Слушайте и постарайтесь понять все сразу, не переспрашивая. У вас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет,— напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука, даже для меня,— сказал Мелихрон.— Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, ваша жизнь зависит от этого.

— Хорошо,— сказал Кармоди. Раскурив сигару, он откинулся на спинку кресла.— Я готов.

— Прежде всего вы должны понять,— начал Мелихрон,— природу той неумолимой смерти, которая идет за вами по пятам.

Кармоди подавил внезапную дрожь и приготовился слушать.

Глава 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной,— начал Мелихрон,— заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жиз-

ни, добывание питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который можно сформулировать так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов и пожирается одним или несколькими видами. Ситуация эта универсальна, причем она может быть смягчена или, напротив, осложнена рядом обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия и проживают свой жизненный срок, несмотря на пожирание пожирателями. Это Равновесие выражается величиной ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители вида перемещаются в чуждую или экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка бывает временное улучшение ситуации Ем-Едят (ПП=ЕЕ+1). Типичнее, однако, ухудшение (ПП=ЕЕ-1). Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, а полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим невосприимчивы. Но улучшение ситуации (ПП=ЕЕ+1) было, к сожалению, временным. Железные законы равновесия уже начали действовать: и вы сами не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Пожирание — необходимо. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Ваш хищник порожден универсальным законом как его персонификация и воплощение. Он кармодияден, то есть может есть вас, и только вас. Его форма и размеры целиком определяются вашими характеристиками. Даже не видев его, мы знаем, что его челюсти устроены так, чтобы грызть одних Кармоди, лапы расположены так, чтобы хватать и сжимать только таких, как вы, Кармоди, а его желудок рассчитан на переваривание исключительно Кармоди. Все его естество создано так, чтобы обеспечить преимущество перед вами... Вы оказались в уникальном положении, Кармоди, поэтому уникален и ваш хищник. Вас преследует именно ваша смерть, Кар-

моди, и гонит ее чувство столь же сильное, как и ваше отчаяние. Вы и ваш хищник неразрывно связаны. Если он схватит вас, вы погибли. Но если вам удастся вернуться к привычным врагам вашей родной планеты, то погибнет ваш хищник — из-за отсутствия кармодической пищи. Больше мне сказать вам нечего. Я не могу предсказать всех его уловок и хитростей, не могу предсказать и ваши трюки. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства... Такова ситуация, Кармоди. Вы меня хорошо поняли?

Кармоди вздрогнул, словно его только что разбудили.

— Понял,— с трудом выговорил он.— Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли,— сказал Мелихрон,— потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть планету. Даже на собственной планете я не могу отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у меня больше времени,— сказал Мелихрон.— Конечно, мог бы. Однако это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала надо точно определить, Куда ушла ваша планета к настоящему моменту, затем узнать, Какая из альтернативных Земель — ваша, и еще вычислить темпоральные характеристики вашей личной мировой линии, чтобы найти Когда. Потом еще надо учесть взаимное влияние эффекта временных трещин и фактора удвоения. В результате при известном везении я мог бы вернуть вас в ваш собственный мир (удивительно деликатная операция), не разрушив все мироздание.

— Вы можете это сделать? — спросил Кармоди.

— Нет. Времени уже нет. Но я отошлю вас к моему другу Модсли. Он сможет вам помочь.

— К вашему другу?

— Ну, не совсем к другу,— замялся Мелихрон,— скорее к знакомому. Хотя даже это — слишком сильное определение для наших отношений. Видите ли, однажды, не-

которое время тому назад, я собирался покинуть свою планету, чтобы познакомиться с другими мирами. Если бы я сделал это, я встретился бы с Модсли. Путешествие мое не состоялось, и потому я так и не встретился с Модсли. Но мы оба знали, что если бы я в это путешествие отправился, то мы бы обязательно встретились. Обменялись бы новостями, потолковали о том о сем, отпустили бы шутку-другую и расстались с теплым чувством.

— По-моему, узы, связывающие вас, слишком уж эфемерны,— усомнился Кармоди.— Не могли бы вы отправить меня к кому-нибудь другому?

— Боюсь, что нет,— сказал Мелихрон.— Модсли — мой единственный друг. А дружба потенциальная ничем не хуже реальной. Уверен, что Модсли позаботится о вас.

— А если...— начал было Кармоди, но тут же заметил, что за его левым плечом возникает Нечто — огромное, темное, угрожающее.

Он понял, что отпущенное ему время истекло.

— Иду! — крикнул он.— И спасибо за все!

— Не стоит благодарности,— ответил Мелихрон.— Ведь это моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам. Удачи вам, Кармоди!

Огромное и грозное Нечто начало уплотняться, но прежде, чем оно окончательно оформилось, Кармоди исчез.

Глава 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно-яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль, в высокой траве, паслось небольшое стадо пятнистых коров. За лугом темнела опушка леса. Кармоди медленно огляделся. Луга окружали его со всех сторон, а лес обрывался густым подлеском. Слышался собачий лай. Вдали виднелись горы — длинный изрезанный хребет со снежными вершинами. Седые облака цеплялись за их склоны.

Уголком глаза он заметил, как в траве мелькнуло что-то рыжее. Кармоди обернулся. Ему показалось, что это

лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

— Похоже на Землю,— подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который перед этим был впавшей в спячку зеленой змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди оглянулся и увидел маленький медный котелок.

— Это ты? — переспросил Кармоди, недоверчиво шупая котелок.

— Конечно. Ты что, не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э-э... Ты того... несколько изменился...

— Да, изменился,— сказал Приз.— Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется. В чем дело?

Кармоди заглянул в котелок и чуть не выронил его. Внутри была ободранная и полупереваренная тушка маленького животного, может быть, котенка.

— Что это у тебя там внутри? — спросил Кармоди.

— Завтрак, конечно. Мог бы и догадаться,— сказал Приз.— Перехватил кое-что по дороге.

— О!

— Призам ведь тоже нужно есть,— язвительно добавил Приз.— А также отдыхать, заниматься спортом и сексом, иногда пропускать рюмочку и, конечно, опорожнять кишечник. Обо всем этом ты даже не подумал.

— Но у меня с собой ничего не было,— смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно все это? — удивленно переспросил Приз.— Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я до сих пор воспринимал тебя как некую отвлеченную фигуру без житейских потребностей.

— Я о тебе думал то же самое! — признался Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому,— согласился Приз.— Гости из других миров, вероятно, представляются всем этакими... монолитными, без желудка и кишок. Но и сами они делают ту же ошибку.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии,— пообещал Кармоди, почувствовав внезапную симпатию к своему Призу.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки,— сказал Приз.— Ты не возражаешь, если я доем свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди заглянул было в котелок — ему захотелось посмотреть, как будет перевариваться ободранное животное,— но тут же отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно,— сказал Приз.— Оставить тебе кусочек?

— Нет, не надо, я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити»,— ответил Приз.— Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и сваренные в собственном соку. Лучший сорт — белые с крапинками, они вкуснее, чем зеленые.

— Я запомню,— пообещал Кармоди.— Возьму, если они попадутся. А земляне могут их есть?

— Думаю, что могут,— сказал Приз.— И между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити, перед тем как его съедят, декламирует стихи.

— Какие стихи?

— Орити — хорошие поэты.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими формами жизни! Думаешь, что разобрался во всем, а оказывается, ничего не понимаешь. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а на самом деле все проще простого.

«В самом деле,— подумал он.— Может быть, потому-то чужаки и кажутся такими чуждыми, что в глубине они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

— Уррп! — произнес Приз.

— Что?

— Я просто рыгнул. Извини, пожалуйста. Но как бы то ни было, старик, ты должен признать, что я провернул все очень ловко.

— Что провернул?

— Ну конечно, беседу с Мелихроном,— сказал Приз.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его...

— Не хочется спорить с тобой,— сказал Приз,— но боюсь, что ты заблуждаешься. Я заснул исключительно для того, чтобы сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел! — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда,— настаивал Приз.— А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, которым ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте Бога в мироздании и его предназначении?

— В колледже я был первым по философии.

— Большое дело,— хихикнул Приз.— Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя просто не хватает подготовки и интеллекта. Это не в твоем духе.

— Не в моем духе? Да у меня превосходные данные для экстраординарных логических построений!

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!

— Да, все это я придумал. Я думал. Я помню свои мысли,— настаивал Кармоди.

— Ну как хочешь,— согласился Приз.— Я не представлял, что это для тебя так важно. Скажи, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда,— сдержавшись, ответил Кармоди.— А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда вопрос не требует дальнейшего обсуждения,— заявил Кармоди, почему-то чувствуя себя победителем.— Но мне хотелось бы узнать еще кое-что.

— Что? — настороженно спросил Приз.

— Ты тогда упоминал о каком-то недостатке Мелихрона и о его ограничении. В чем они заключаются?

— По-моему, и то и другое совершенно очевидно,— сказал Приз.

— Не для меня.

— Подумай часок-другой, может, до тебя и дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так и быть,— сказал Приз.— Единственным недостатком Мелихрона является его хромота. Дефект врожденный, и Мелихрон хромает с самого начала начал, хромает во всех своих воплощениях.

— А его ограничение?

— Сам он не может узнать о своей хромоте. Будучи Богом, он отвергает сравнительный метод исследования. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию; в случае Мелихрона это означает, что все они были хромыми. С внешним миром он почти не общался и потому уверен, что все хромые — нормальны, а нехромые — существа с забавным изъяном. Между прочим, неумение сравнивать — один из немногих пороков божества. Таким образом, основной характеристикой Бога является его самодостаточность, и, каковы бы ни были его возможности, все они ограничены его внутренним миром. Полный контроль над контролируемым, полное знание познаваемого — вот первые шаги к тому, чтобы стать Богом. Учти, если сам захочешь попробовать.

— Что? Стать Богом?

— А почему бы и нет? Профессия как профессия, только титул громкий. Согласен, быть Богом нелегко. Но и не труднее, чем стать первоклассным поэтом или инженером.

— По-моему, ты спятил.— Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я знаю мир лучше, чем ты. Но сейчас тебе стоило бы приготовиться.

Кармоди быстро обернулся и увидел вдалеке три фигуры, медленно пересекающие луг. За ними, на почтительном расстоянии, следовала небольшая свита.

— Тот, что в середине, Модсли,— сказал Приз.— Он всегда очень занят, но, чтобы выслушать тебя, время у него найдется.

— Нет ли и у него каких-нибудь недостатков или ограничений? — язвительно спросил Кармоди.

— Если и есть, это неважно,— ответил Приз.— Когда имеешь дело с Модсли, сталкиваешься с совсем иными проблемами.

— Он похож на человека,— сказал Кармоди, когда фигуры приблизились.

— Конечно, похож,— согласился Приз.— Просто в этой части Галактики человеческий облик вполне обычен.

— Ну и как мне следует с ним держаться? — спросил Кармоди.

— Не знаю, что и сказать,— ответил Приз.— Модсли слишком чужд для меня, чтобы понять и предсказать его поведение. Но все же кое-что тебе посоветовать я могу. Не сомневайся, твой человеческий облик наверняка привлечет его внимание и произведет на него впечатление.

— А как же!

— Здесь все не так просто. Модсли — чрезвычайно занятое существо и всегда погружен в раздумья. Он — очень опытный и эрудированный инженер, но склонен к некоторой рассеянности, особенно когда проверяет какую-нибудь новую идею.

— Что ж, это не так страшно.

— Отнюдь. Все это можно было бы считать безобидной слабостью, но из-за своей рассеянности Модсли склонен рассматривать все, что ему попадется, как материал для своих опытов. Мой приятель Дьюер Хардинг был както приглашен к нему в гости. К несчастью, бедный Дьюер не привлек его внимания.

— И что же произошло?

— Модсли использовал его в одном из своих проектов. Конечно, без всякого злого умысла. Он превратил

бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал нового поршневого двигателя. Дьюер теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — сказал Кармоди.— И ничем нельзя помочь?

— Никто не берется указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать ошибки, совершенно выходит из себя.— Должно быть, Приз взглянул на лицо Кармоди, потому что тут же добавил: — Не нужно заранее тревожиться! Модсли совсем не злой. Наоборот, он добродушный малый. Как и все, любит, когда его хвалят, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься и не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдешь до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что давать такие советы — все равно что не давать их вообще. А на самом деле даже хуже: дополнительная нервотрепка. Но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седовласый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в обычные деловые костюмы.

— Добрый день, сэр,— отчетливо сказал Кармоди. Он шагнул было вперед, но тут же отскочил в сторону. Увлеченная разговором троица чуть было не сшибла его с ног.

— Скверное начало,— шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

Глава 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр,— гордо ответил Орин, шагавший слева.— Ну и как вы ее находите, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр,— запинаясь начал Бруксайд,— думаю, мы с Орином сделали хорошую планету. Право же, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная работа.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся и сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Ковырнув каблуком землю, он пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподносите мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения.— «Творчески мыслящие, но практичные специалисты, способные построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр,— сказал Орин.

— Правильно,— кивнул Модсли.— И вы считаете, что это вот — достойный образчик «творческого и практичного» подхода к делу?

Оба молчали. Затем Бруксайд выпалил:

— Да, сэр, считаем! Мы внимательно изучили техническое задание. Заказ был на планету типа 34Bc4 с некоторыми изменениями. Именно это мы и выстроили. Конечно, здесь только уголок планеты. Но все же...

— Но все же я и по нему могу судить о том, что вы тут наворотили. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа O5, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! Если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр,— сказал Бруксайд.— Вообще-то нам не хотелось ставить солнце типа O5 в однопланетную систему. Однако требования по свету и теплу...

— Да вы хоть чему-нибудь у меня научились? — вскричал Модсли.— Тип О5 — явное излишество. Вы, там,— он подозвал рабочих.— Снимите!

Рабочие быстро установили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвигал — в сто раз, в тысячу, в миллион. А еще двое побежали по лестнице вверх так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли.— Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие — там, на самом верху лестницы,— отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!» Крышка закрылась, и все погрузилось в темноту.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли.— Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей,— сказал Модсли.— Это солнце О5 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр,— нервно заметил Орин,— она недостаточно горяча.

— Знаю,— сказал Модсли.— Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит,— вмешался Бруксайд.— Но звезда G-13 испускает PR-лучи, интенсивность которых на небольшом расстоянии превышает допустимые границы. Это может привести к гибели всего будущего населения планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил Модсли очень медленно и отчетливо.

— Нет, я имел в виду не это,— замялся Орин.— Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине,— согласился Модсли.

— Меры предосторожности в данном случае,— пояснил Бруксайд,— это защитная свинцовая одежда весом 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум данной расы весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота,— сказал Модсли.— Не наше дело учить их жить. Разве должен я отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который поставлен мной на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить (за особую плату, конечно) мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает PR-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну, не сейчас, так позже,— сказал Модсли.— И ведь радиация PR действует не мгновенно. Даже при ней средний срок жизни у них составит 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр,— сказали оба инженера без особой радости.

— Далее,— продолжал Модсли.— Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря,— ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку,— сказал Модсли.— Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— Какой срок жизни у этих деревьев?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубояблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, три вида ценного сырья, могут служить великолепным строительным материалом, закрепляют почву и...

— Вы что, хотите, чтобы я обанкротился? — закричал Модсли.— Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте три четверти их жизненной силы и слейте в бак!

— Этого срока не хватит для осуществления всех запланированных функций,— возразил Орин.

— Так сократите список! Орехи, тень, и достаточно. Незачем делать из каждого дерева чертов сундук с сокровищами! Ну а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр,— признался Бруксайд.— Я думал, что местность с ними... ну, выглядит как-то уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли.— Местность должна выглядеть уютной только до продажи, но никак не после. Эта планета продана немеблированной. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Есть, сэр, извините.— Орин склонил голову.— Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Надеюсь, вы и сами способны во всем разобраться. Например, это что? — Он указал на Кармоди.— Статуя или еще что-нибудь? Он что, должен спеть песню или стихи прочесть, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли его не слушал. Пока Кармоди пытался что-то объяснить, он уже распоряжался:

— Что бы то ни было, все равно! В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие.— Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Мелихрон прислал меня! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не обращая внимания на вопли Кармоди.— Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин?

— Нет! — крикнул Орин.— Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу его, сэр.

— Н-да,— задумался Модсли.— Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим.— Тащите его назад.

— Все в порядке, сэр, возьмите себя в руки,— сказал он дрожащему Кармоди.— Терпеть не могу истерик! Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

— Ясно,— сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ.— Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету, которая называется Земля?

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли почесал лоб.— Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место.

— Неужели, мистер Модсли?

— Да-да, конечно,— уверенно сказал Модсли.— Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса мономорфных гуманоидов, похожих на вас. Правильно?

— Совершенно верно! — вскричал Кармоди.

— У меня хорошая память на такие дела,— продолжал Модсли.— А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я создал вашу Землю.

— В самом деле, сэр? Создали Землю?

— Да, я отлично помню это, потому что в процессе создания я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной... А вы,— он обернулся к помощникам,— вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ ЗЕМЛИ

— Я был тогда скромным подрядчиком,— начал Модсли.— Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой мелочи: «Переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, когда лучше бы ему опускаться?» И тому подобное.

А я тогда был совсем наивным и принимался им все объяснять — с эстетической и с практической точки зрения. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары!

И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и одна из фундаментальных аксиом прикладной науки». Мне понравилось, как звучит и это утверждение, хотя особого смысла тут не было.

Но не в смысле суть. Суть в том, что я сделал открытие. В мою бытность рекламным агентом и коммивояжером мне не раз приходилось исправлять ошибки, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма». Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил. Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Так начиналась ваша Земля, Кармоди.) С работой я справился быстро, кажется, дней за шесть, и думал уже, что все трудности позади. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и, как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы послушали этого заказчика! Можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

«Почему столько ураганов?» — приставал он.

«Это часть вентиляционной системы»,— ответил я. (По правде говоря, я тогда немного торопился и попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

«Три четверти планеты залито водой! — брюзжал он.— Я же ясно поставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному!»

«Но мы не можем себе этого позволить»,— объяснил я. (А я давно засунул куда-то его дурацкие условия. Никогда не храню эти смехотворные проекты на одну планетку.)

«И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!»

«Это сценично»,— отметил я.

«Плевал я на сценичность! — гремел этот тип.— Один океан, дюжина озер, несколько рек, одна-две горных цепи — этого вполне достаточно, чтобы украсить местность и создать хорошее настроение. А вы что мне подсунули? Брак!»

«На то есть причина»,-- сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у межпланетного старьевщика Урини. Но не рассказывать же об этом!)

«Причина! — застонал он.— А что я скажу моему народу? Я помещаю на эту планету целую расу, а может, даже две или три. Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым глазом, как у меня. Что мне сказать им?»

Я-то знал, что им сказать и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И я нашел-таки некую штуковину — всем фокусам фокус.

«Просто изложите им научную истину,— заявил я.— Скажите, что так и должно быть по науке».

«Как-как?»

«Это детерминизм,— сказал я (название пришло экспромтом).— Все довольно просто, несмотря на некоторую эзотеричность. Прежде всего: форма вытекает из содержания. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: "Почему так, а не иначе?" Вопрос должен звучать так: "Как это действует?"»

Задал он мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его коньком были этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи.

Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил: «Все действительное разумно! Гм, весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма; надо будет использовать это в поучениях для моего народа... Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки со свободой воли, которую я намерен даровать моему народу? Они же противоположны!»

Да, тут старикашка едва не загнал меня в угол. Я улыбнулся и, откашлявшись, чтобы дать себе время на размышления, небрежно бросил:

«Ответ ясен!» (Когда не знаешь, что сказать, лучше ответа не найти.)

«Вполне возможно,— согласился он.— Но мне он неизвестен».

«Послушайте,— сказал я.— Эта свобода воли, которую вы даруете своему народу, она ведь тоже разновидность фатализма?»

«Ну, можно считать и так. Однако есть и разница...»

«А кроме того,— быстро добавил я,— с каких это пор свобода воли и фатализм несовместимы?»

«Конечно, несовместимы»,— сопротивлялся он.

«Все дело в том, что вы совершенно не понимаете науки,— напирал я, проделывая у него перед носом старый трюк.— Видите ли, сэр, одним из основных законов науки является признание определяющей роли случая. А случайность (как вам, наверное, известно) — это и есть математический эквивалент свободы воли».

«Но вы противоречите сами себе»,— упирался он.

«Это как посмотреть,— ответил я.— Противоречие — наиболее фундаментальный принцип устройства Вселенной. Противоречие рождает борьбу, без которой все приходит к энтропии. Поэтому у нас не было бы ни единой планеты или вселенной, если бы все не находилось в невозможном на первый взгляд состоянии противоречия».

«На первый взгляд?» — быстро переспросил он.

«Ясно, как день,— подтвердил я.— Но это еще не все. Возьмите, например, какую-нибудь изолированную тен-

денцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?»

«Не имею ни малейшего понятия,— сказал старик.— Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий».

«Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность».

«Неужели?» — потрясенно переспросил он.

«В самом деле,— заверил я его.— У меня в лаборатории есть бесспорные доказательства, но их демонстрация будет скучновата...»

«Нет-нет, мне достаточно вашего слова,— поспешно сказал старик.— Ведь у нас же соглашение...»

Соглашение — это все равно что контракт, но звучит благороднее.

«Парные противоположности,— бормотал он.— Детерминизм. Тенденции, которые превращаются в свою противоположность. Боюсь, это слишком сложно».

«Сколь сложно, столь же эстетично,— сказал я.— Однако я еще не кончил насчет предельных превращений».

«Продолжайте, будьте добры!» — попросил он.

«Спасибо. Так вот, еще у нас имеется энтропия. Это означает, что при отсутствии внешних воздействий все стремится идти своим чередом (а в моей практике бывало, что и при наличии внешних воздействий). Таким образом, мы получаем, что энтропия заставляет вещи двигаться к своим противоположностям. Ведь если одна вещь движется к своей противоположности, то и все другие движутся к своим противоположностям, поскольку этого требует наука. Такая вот картина. Все противоположности как безумные несутся к своим противоположностям и становятся своими противоположностями. И на более высоком уровне организации картина та же самая. И так далее. Чем дальше, тем больше! Так, да?»

«Кажется, так»,— согласился он.

«Прекрасно! А теперь возникает вопрос: все ли это? То есть ограничивается ли все этим круговоротом противоположностей? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда,

как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь один из аспектов действительности. Потому что... (здесь я сделал паузу, а потом заговорил как можно проникновеннее) потому что за шумом и суматохой явлений реального мира прячется мудрость. Эта скрытая мудрость, сэр, видна за иллюзорными формами вещей и явлений. Она просвечивает в глубочайших деяниях Вселенной, пребывающей в состоянии великой и величественной гармонии».

«Как вещь может быть одновременно и реальной, и иллюзорной?» — быстро спросил он.

«Не мне знать, как отвечать на такие вопросы,— сказал я.— Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но быть может, за всем этим стоит нравственный смысл?»

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, любой на его месте тут же нашел бы ошибку в моих построениях, и все они рассыпались бы в прах. Но, как и все яйцеголовые очкарики, он обожал противоречия и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе не может быть таких трюков, что бы я там ни говорил, но интеллектуальность нашептывала, что, быть может, вещи только кажутся такими сложными, а за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если и не принцип, то хотя бы мораль. Главное, я задел его слабую струнку, помянув о нравственности. Старикашка помешался на этике, он прямо-таки был ею начинен; его запросто можно было назвать «мистер Этика». А я случайно подбросил ему идею, что вся эта проклятая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, все законы и беззакония — суть воплощение высоких нравственных принципов.

«Пожалуй, все это глубже, чем я думал,— сказал он через некоторое время.— Я собирался наставлять мой народ только в этике, нацелив его на высшие нравственные проблемы вроде: "Как и зачем должен жить человек?", а не на вопросы о строении живой материи. Я хотел, чтобы

люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превратились в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги, а затем создают на базе своих наблюдений величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о Вселенной, но считал эти знания необязательными. Вы меня поправили».

«Ну что вы,— сказал я.— Я не хотел доставлять вам хлопоты. Я просто думал, что нужно обратить ваше внимание...»

Старик улыбнулся:

«Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо бóльших хлопот. Я могу творить по своему образу и подобию, но никогда не стану создавать целый мир, населенный миниатюрными копиями меня. Для меня важна свобода воли. И она будет у моих созданий — им на славу и на беду. Они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой, будут носиться с ней и превращать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут гоняться за познанием вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и за это я вам признателен...»

Я облегченно вздохнул. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я ведь думал, что он ничего из себя не представляет, с важными персонами не общается, а тут оказывается, у него благородные манеры. Все время я опасался, что он доставит мне массу хлопот, причем для этого ему достаточно было произнести всего несколько слов. Произнесет — и готово, фраза, как отравленный дротик, вонзится в мой мозг и останется в нем навсегда. Честно говоря, это меня тревожило.

Да, сэр, этот старый шут, должно быть, читал мои мысли. Ибо он сказал:

«Не беспокойтесь! Этот мир, который вы построили для меня, я принимаю без переделок. Он хорошо мне послужит именно таким, какой он есть. Что же касается дефектов и недочетов, их я принимаю тоже — и не без благодарности; я даже оплачу их».

«Как? — спросил я.— Как вы оплатите ошибки?»

«Приняв их без возражений,— сказал он.— Приму, повернусь и уйду, чтобы заниматься своими делами и делами моего народа».

И, не добавив ни единого слова, старый джентльмен удалился.

Да, все это заставило меня задуматься. Я придумал кучу аргументов, а последнее слово почему-то осталось за этим стариком. Я понял, что он имел в виду: свои обязательства по контракту он выполнил и больше не хотел иметь со мной дела. Он ведь не сказал ни слова мне лично, что с его точки зрения было разновидностью наказания.

Но это с его точки зрения. На что мне его слова? Конечно, мне хотелось что-нибудь от него услышать. Это вполне естественно. И через некоторое время я попытался увидеть его, но он не захотел со мной встречаться. Конечно, дело вовсе не в этом.

Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Однако я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — такой уж я ее изобрел. Почему я изобрел ее такой? Потому что физические законы помогают ловкому дельцу так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны снабжать вас оправданиями. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но всегда помните: законы помогают объясняться с заказчиками после работы, а не до нее. У вас есть проект, и вы его осуществляете так, как вам удобнее, а затем подгоняете факты к результатам, а не наоборот.

Не забывайте, что наука создана как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но она не должна

быть использована против вас. Если вы хоть что-то усвоили, то должны понимать, что наша работа абсолютно необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не пытайтесь разобраться, почему что-то получилось, а что-то нет. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, словно они обрели истинную веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово своего патрона, и эти слова уже становятся для них... законом.

Глава 13

Кончив рассказ, Модсли замолчал и мрачно нахмурился: видимо, его донимали грустные мысли. Затем он выпрямился и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я делаю взносы в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродников. Еще я помогаю Проекту Межзвездной Перестройки, Фонду Космической Колонизации и программе «Спасите молодежь!». По-моему, этого достаточно, к тому же подобная благотворительность учитывается при уплате налогов.

— Ладно,— сказал Кармоди, в котором внезапно проснулась гордость.— Я не нуждаюсь в вашей благотворительности.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли.— Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей склонности к гуманитарной помощи. Кроме того, я не люблю иметь дело с личными просьбами. Они запутанны, нестандартны и очень хлопотливы.

— Понимаю,— согласился Кармоди.— Думаю, мне лучше уйти,— добавил он, хотя не имел ни малейшего понятия, куда ему идти и как это сделать.

— Я просил не прерывать меня,— повторил Модсли.— Да, я не люблю персональных просьб, как я уже гово-

рил, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли.— Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди...

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой (даже при моей помощи это сомнительно), я попросил бы вас передать некоторое послание.

— Обязательно! Кому послание?

— Ну, само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще командует у вас?

— Не знаю,— сказал Кармоди.— По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он всегда был и есть, другие считают, что он умер (хотя, на мой взгляд, это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его никогда и не было.

— Он еще там,— убежденно сказал Модсли.— Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Импульсивная особа, вы же знаете. Начинен всякой высокой моралью и ждет, что его народ станет жить по ней. Конечно, он раздражителен, может даже на время исчезнуть из виду, если дела идут не так. Кроме того, он деликатен, знает, что людям не нравится, когда чего-нибудь слишком много: ростбифа, красоток или Бога. Поэтому он вполне мог вычеркнуть себя, так сказать, из меню, пока у людей вновь не появится аппетит.

— Похоже, вы его хорошо понимаете,— сказал Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте заметить,— заметил Кармоди,— что ваша точка зрения не совпадает с известными мне теологическими представлениями. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив...

— Он должен быть таким,— сказал Модсли.— И более того! Он должен быть в высшей степени эмоциональным

существом. Таким же, как вы и, полагаю, как другие представители человеческого рода.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие! Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Очевидно, он так и сделал. Я сразу заметил у вас фамильные черты. В каждом из вас есть немного Бога, Кармоди, но вы не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но я никогда с ним не встречался,— усомнился Кармоди.— Я даже не знаю, как передать ему ваше послание.

— Это очень просто! — сказал Модсли с оттенком раздражения.— Когда попадете домой, вы должны просто сказать все вслух, громко и ясно.

— И вы думаете, он услышит?

— Он не может не услышать! Это его планета, как вы сами знаете, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам. Если он захочет, чтобы вы связались с ним другим способом, он даст вам знать об этом.

— Хорошо, я так и сделаю,— пообещал Кармоди.— И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много,— вдруг замялся Модсли.— Видите ли, он достойный старый джентльмен, и мне чуточку стыдно за планету, что ему я подсунул. Вредного в ней нет ничего, она вполне пригодна для жизни, и все такое... Но этот старикан настоящий джентльмен. Я имею в виду, таких, как он, сейчас почти не встретишь. Так что мне хотелось бы обновить эту его планету, всю целиком и бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он согласится, я превращу вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же чертовски хороший инженер, вы уж мне поверьте; не стоит судить обо мне по всякой муре, которую я навертел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему,— пообещал Кармоди.— Хотя, откровенно говоря, сомневаюсь, что он примет ваше предложение.

— И я сомневаюсь,— мрачно сказал Модсли.— Он упрямый старик и не желает никаких одолжений. Но я хочу предложить ему еще кое-что, причем совершенно искренне.— Модсли запнулся, но затем продолжил: — Спросите его заодно, не согласится ли он встретиться со мной как-нибудь, поболтать...

— Почему бы вам не сходить к нему самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. У этого вашего старика мстительный характер. Может, он все-таки смягчится?

— Может быть,— сказал Кармоди с сомнением.— Так или иначе, я все передам. Но если вам хочется поговорить с Богом, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли откинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? С этим дебилом? Да у этого помпезного, самовлюбленного осла и мыслишки стоящей не найдется! Собака, и та больше смыслит в метафизике! Ведь божественность, говоря профессионально, это что? Это просто сила и власть, и ничего магического в ней нет. Это вам не панацея от всех болезней. И вообще, среди богов нет двух похожих. Вы об этом знали?

— Нет, не знал.

— Ну так знайте. Это может вам когда-нибудь пригодиться.

— Спасибо,— сказал Кармоди.— Но знаете ли, до сих пор я вообще не верил в Бога.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога или богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога столь же легко и естественно, сколь верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к этой вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. Где бы вы ни оказались в Галактике, повсюду вы найдете бизнес: пищевой и строительный, военный и мирный, правительственный и, конечно, Божественный, который называется религией.

И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но вы наверняка слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и которая кажется мне особенно противной.

— Какую же?

— Глубочайшее, фундаментальное лицемерие, которое лежит в основе религии. Судите сами: ни одно существо не может молиться, если оно не обладает свободой воли. Однако свободная воля свободна. И, будучи свободной, она неуправляема и непредсказуема. Поистине Божественный дар. Необязательность делает возможным состояние свободы. Существование в состоянии свободы — увлекательная штука, причем таким оно и задумывалось. А что предлагают религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободой воли, чтобы стать рабами Бога и нашими». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображается этаким верховным рабовладельцем! Да, услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободы воли, Богом данному.

— Кажется, я вас понимаю,— сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно,— продолжал Модсли.— Однако есть и более простая причина, чтобы избегать религии.

— Какая же?

— Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, в церкви я Бога не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?

Глава 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был представлен самому себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве, Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную,— объяснял ему краснолицый мастер.— Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон с помощью патентованной энергосвязи мистера Модсли. Затем при помощи стандартной микрокосмической центрифуги запускаем на заданные орбиты электроны. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла,— сказал мастер.— Она ведь взрывается, когда вступает в контакт с нормальной материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Делают антиматерию, конечно, на отдельной фабрике.

— Понятно. Должно быть, у вас много проблем с упаковкой.

— Нет, не очень,— заверил его мастер.— Мы используем для этой цели нейтральный картон.

Они двинулись дальше мимо гигантских машин. Кармоди ломал голову, пытаясь придумать какой-нибудь вопрос. Наконец он спросил:

— А протоны и электроны вы тоже делаете сами?

— Ни-ни! Мистер Модсли не захотел возиться с этой мелочовкой. Субатомные частицы мы получаем от субподрядчиков.

Кармоди хмыкнул, и мастер взглянул на него с подозрением. Они продолжали бродить по фабрике, пока у Кармоди не заболели ноги. Он устал и отупел, и это его раздражало. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот оно, место, где изготовляются атомы, где сепарируется антиматерия! Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный зонд для исследования старых звезд. А слева...

Бесполезно. Прогулка по фабрике Модсли вызывала у Кармоди такую же скуку, как давняя экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну угрюмого раздражения и тупого бунта ощущал он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Себя не обманешь и не переупрямишь.

Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на Альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признал, что вместо созерцания чудес Вселенной он с гораздо бóльшим удовольствием катался бы на лыжах по снежным склонам Стоу или скользил бы на яхте под Адским мостом возле Таити. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

«Видно, я не из породы Фаустов,— сказал он себе.— Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и о свежем пушистом снеге».

Какое-то время Кармоди изводил себя подобными мыслями, а потом махнул на все рукой. В конце концов, еще не известно, как повел бы себя Фауст на этой Выставке Старых Мастеров. Ведь он привык все делать сам. Если бы дьявол поднес ему эти занятия на блюдечке, Фауст наверняка бросил бы науку и занялся альпинизмом или чем-нибудь еще в том же духе.

Кармоди задумался, а потом произнес вслух:

— Ну и что? Что за шумиха вокруг этих вселенских секретов? Их слишком переоценивают — как и все ос-

тальное. А когда подойдешь поближе, то оказывается, что ничего там особенного.

Даже если это рассуждение и было неверным, по крайней мере, оно утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения.

Время тянулось очень медленно. Было трудно судить о его истинной скорости, но у Кармоди создалось впечатление, что оно еле-еле ползет — дни складывались в недели, недели в месяцы. Еще у него было чувство (а может, предчувствие), что Модсли вовсе не просто выполнить так легко сорвавшееся с его губ обещание. Возможно, ему проще построить новую планету, чем найти старую. И, осознав всю сложность задачи, Кармоди пал духом.

В один прекрасный (условно говоря) день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кэтс-II взамен старого, разрушенного метеоритом. Деньги на новый лес собирали школьники, причем сумма оказалась вполне достаточной для оплаты первоклассной работы.

Когда инженеры и рабочие ушли, Кармоди двинулся в лес. Да, Модсли и его команда могли работать как следует — конечно, когда относились к работе серьезно. Лес был образцом творческого подхода к решению задачи.

Для прогулок здесь были поляны с плотным пружинистым грунтом, затененные широколистными кронами: удобно ноге и приятно глазу. Деревья были незнакомые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному.

Все деревья выглядели как на подбор, а чтобы это зрелище не приедалось, в планировку включили декоративный подлесок. Той же цели служили сверкавшие то тут, то там стремительные речушки (не глубже трех футов). Было здесь и небольшое ярко-голубое озерцо, обрамленное темными соснами (или их эквивалентом), и миниатюрное болото с мангровыми зарослями, обсаженное кипарисами, черными эвкалиптами, магнолиями и ивами, а также кокосовыми пальмами. Подальше от воды

росли дикие сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжир. Превосходнейшее место для пикников!

Ни одна из сторон древесного потенциала леса не была упущена из виду. Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться, как на качелях, на плетях винограда и плюща. А для старших изготовили гигантские секвойи, чтобы детский визг не мешал им дремать или играть в карты.

Но всем этим совершенство конструкции не исчерпывалось. Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Здесь были и птицы, и звери, и прочая живность. Были цветы и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и яркокрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы поедать птиц, и медведи, чтобы поедать лис, и приматы, чтобы поедать медведей.

А когда приматы Кэтса умирали, их хоронили без гробов в изящных могилах — почтительно, но без лишней суеты, и они служили пищей червям, птицам, лисам, медведям и даже одному-двум видам цветов. Таким образом кэтсиане тоже занимали важное место в лесном круговороте жизни и смерти, и это им нравилось, потому что в них была сильна общественная жилка.

Кармоди наблюдал за всем этим, прогуливаясь в одиночестве (с ним был только котелок-Приз) и грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, в пруду купались медведи. Почувствовав позади себя чье-то присутствие, Кармоди насторожился и медленно повернулся.

Что-то там было. Что-то было существом в громоздком скафандре из серого пластика, башмаках а-ля Фран-

кенштейн и прозрачном шлеме. На поясе скафандра болтался десяток различных приборов и инструментов.

Кармоди сразу узнал в этом чудище землянина — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди сразу увидел, что это женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди.— Каким чудом вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин.— Слава богу, мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, самое опасное еще впереди.

— Отец, есть ли у нас хоть какие-то шансы? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда,— мрачно улыбнувшись, ответил мужчина.— Только я не дал бы за них и ломаного гроша. Может, доктор Мэддокс что-нибудь придумает.

— Он ведь всегда на высоте, правда, пап?

— Именно так, Мэри,— ласково ответил мужчина.— Док Мэддокс выше всех нас на голову. Но на этот раз его (да и всех нас) едва не перехитрили.

— Я уверена, мы найдем выход,— безмятежно сказала девушка.

— Может быть. Но так или иначе, пока в наших старых дюзах есть хоть фунт тяги, им не поздоровится.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Надеюсь, ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя.

Ответить на такое заявление было трудновато, и Кармоди промолчал.

— А теперь на корабль. Идти за мной, шаг в шаг,— скомандовал мужчина.— Нужно доложить доку результаты разведки.

Вытащив из-за пояса тупорылый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, ободряюще взглянув на Кармоди через плечо. Кармоди последовал за ней.

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, пробираясь через лес вслед за людьми в скафандрах.— Послушайте, кто вы? Что вы здесь делаете?

— Это просто ужасно,— воскликнула девушка, краснея от смущения.— В спешке мы даже не представились. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы! — вежливо сказал Кармоди.— Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю,— сказала девушка.— Я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»,— крикнул Кристиансен, не оборачиваясь.— Зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап,— прервала его Эвива, делая вид, что сердится.— Как бы то ни было, мистер Кармоди...

— Меня зовут Том.

— Хорошо, Том,— согласилась девушка, мило краснея.— Так о чем это я? Ах да, мы с папой работаем в ЗМСС. Не знаете? Это Земная Межзвездная Спасательная Служба — филиалы в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне, округ Колумбия.

— Боюсь, я никогда не слышал о вашей организации,— сказал Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только на пороге межзвездных исследований. Увы, новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии лабораторных разработок. Но близок тот день, когда космические корабли с земными пилотами полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И тогда на нашей старой усталой планете обязательно наступит эра всеобщего мира и сотрудничества.

— Новая эра? — переспросил Кармоди.— Почему?

— Потому что не будет больше причин для войн,— ответила Эвива. Она немного запыхалась, потому что

все трое пробирались сквозь густой кустарник.— В Галактике множество миров, как вы сами могли заметить, и достаточно простора для социальных экспериментов, приключений и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне, вместо того чтобы растрачиваться на одной планете посредством разрушительных междоусобных войн.

— Малютка попала прямо в точку,— сказал Ларс Кристиансен своим грубоватым, но дружелюбным басом.— Между прочим, она у меня нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган.— Эвива снова покраснела.— Но у него самого в ранце три Нобелевских!

И отец с дочерью обменялись взглядами, угрожающими и нежными одновременно.

— Однако вернемся к делу,— сказала Эвива.— Дела обстоят так, вернее, будут обстоять так через пару лет. Но мы опережаем всех благодаря доктору Мэддоксу, с которым вы вскоре встретитесь.— Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что выдам секрет, если скажу вам... Доктор Мэддокс... э-э... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова,— прохрипел Ларс Кристиансен.— Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше!

— Это доктор Мэддокс воплотил проект в жизнь,— продолжала Эвива.— Он просчитал все будущее (как он это сделал, я не знаю) и установил, что вскоре, после открытия неограниченного источника дешевой энергии, портативного и безопасного, у нас появятся космические корабли, способные долететь до любой звезды. И масса людей отправится в космос без специального оборудования и навигационных приборов...

— Масса недоделанных дураков,— прокомментировал Кристиансен.

— Ну папа! Как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако Галактический Патруль не будет организован еще 87238874 года. Так что, сами видите...

— Вижу,— согласился Кармоди.— Вы решили, никого не дожидаясь, приступить к делу.

— Да. И приступили,— сказала Эвива.— Папа очень склонен помогать людям, хотя в это трудно поверить из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, то он вершина вершин.

— Козырный туз,— добавил Кристиансен.— Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев,— сказала Эвива почти шепотом.— Мы сумели проследить родословную Мэддокса только на два столетия назад, но и этого достаточно. Эллил Мэдокси, прапрапрадед нашего доктора, был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд-Гринджи и один из немногих сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд-Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их и должны были найти там,— вмешался Кристиансен.— Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Оаксаке. Это в Мексике. Томас Мэдокси женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в Южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха де Муэрте — Красная Звезда Смерти (позже установили, что это был большой радиоактивный метеорит) — упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, и среди них Томас и Терезита.

— Затем мы переходим к 1930 году,— подхватила Эвива.— Следующее поколение Мэддоксов, уже подрастерявшее богатство, переехало в Лос-Анджелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно «ма-

шина Х-лучей». Мэддокс демонстрировал ее два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а возможно, и благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын,— продолжал Ларс,— по неизвестной причине в 1935 году переехал в Японию и стал монахом секты дзэн. Все военные годы он прожил в «цукцури», то есть в уголке заброшенного здания, не произнеся ни единого слова. Местные жители его не трогали, считая эксцентричным пакистанцем. Было это в Хиросиме, причем жилище Мэддокса оказалось всего в 7,9 мили от эпицентра атомного взрыва 1945 года. Сразу же (!) после взрыва Мэддокс покинул Японию и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хьюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в то время, ламы ожидали приезда Мэддокса! И он остался там, посвятив себя изучению некоторых тантр. Он женился на дочери кашмирского раджи, от которой у него был сын — Оуэн, наш доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения китайской Красной Армии. Оуэн учился в Гарварде, Йеле, Калтехе, Оксфорде, Кэмбридже, Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история; ее вы услышите в более подходящей обстановке. Ну, вот мы и добрались до корабля. Думаю, нам не стоит тратить время на треп.

Впереди, на небольшой поляне, Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся там, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в громадных шишках на лбу мог поместиться добавочный мозг. Мэддокс неторопливо встал (на пять ног!) и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту,— сказал он.— Линии враждебных сил близки к критической точке. Быстро в корабль, все трое! Мы должны немедленно включить защитное поле.

Ларс Кристиансен двинулся ко входу; гордость не позволяла ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку, и Кармоди заметил, что она дрожит, а также отметил про себя, что даже бесформенный серый скафандр не может скрыть изящных очертаний прекрасной фигуры, хотя сейчас девушка не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение,— пробормотал доктор Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк.— Мои расчеты допускали, конечно, такую разновидность узловой точки, но в силу самой природы бесконечных комбинаций нельзя было предсказать ее конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Думаю, я должен проститься с Модсли,— сказал он Мэддоксу.— Быть может, нужно посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном.— Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно,— проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду,— сказал Мэддокс,— что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но, поверьте, на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши, а еще — жизни нескольких десятков миллиардов гуманоидов, большей частью голубоглазых и светлокожих!

— Ах, Том, ну скорее же! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно,— сказал Кармоди.— Но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите, получите,— сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк.— Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно взглянул на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Человеческий разум склонен достраивать образы. Две-три кривые складываются в гору, несколько ломаных линий — в бегущую волну. А сейчас, под пристальным взглядом Кармоди, образ разваливался. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены и никуда не смотрели — как рисунок на крыльях бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, пересеченный темной линией, обозначавшей рот. Пальцы Мэддокса, все семь, были просто нарисованы на его бедрах.

Кармоди увидел тонкую черную линию, похожую на трещину в полу, которая соединяла каждого из них с кораблем. Застыв на месте, он следил за тем, как они приближаются к нему. У них не было рук, чтобы хватать, не было ног, чтобы двигаться, не было глаз, чтобы смотреть, не было рта, чтобы что-то объяснять. Это были просто три закругленных безликих цилиндра, ловко, но поверхностно замаскированные под людей, три органа, выполняющие сейчас свою единственную функцию. С ужасом Кармоди понял, что это три пальца гигантской руки, которые плавно, словно лишенные костей, надвигаются на него. Понял он и то, что они стремятся протолкнуть его поглубже в черную утробу корабля.

Корабля? Кармоди увернулся от них и ринулся к выходу. Но из верхней и нижней кромок люка выросли острые зубья, люк приоткрылся чуть шире и тут же начал закрываться. Как он мог подумать, что это металл? Блестящие темные стены корабля подернулись рябью и стали сокращаться. Ноги Кармоди увязли в липкой губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, преграждая ему путь к уменьшающемуся квадратику дневного света.

Кармоди боролся с отчаянием мухи, попавшей в паутину (очень похоже, хотя понимание пришло слишком

поздно). Прямые края люка, ставшие округлыми и влажными, сжались до размера бейсбольного мяча. Три цилиндра крепко держали Кармоди, и он уже не мог сказать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (или того, что это было) стали влажными, красными, живыми, сомкнулись вокруг Кармоди и проглотили его.

Спасения не было. Кармоди не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Он смог лишь потерять сознание.

Глава 16

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос: это был Приз.

— Я оплачу все расходы,— сказал другой голос (Кармоди узнал и его: Модсли).— Можно его еще спасти?

— Спасти можно,— произнес третий, по-видимому, врач.— Возможности медицины неограниченны, ограниченны возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы его не слушались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз.

— Вопрос слишком сложен, чтобы дать точный ответ,— сказал доктор.— Надо сначала определиться с терминами. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранить жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин-V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечиться от жизни и войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, вы уж мне поверьте, и осуществима она лишь тогда, когда уиичи ослабевают от старости. И что же

должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать желанию уиичи, что порицается почти во всех уголках Галактики? Или же действовать на основе обычных стандартов и обрекать уиичи на судьбу, которая для них хуже смерти в буквальном смысле слова?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что он в очень скверном положении,— успокоил доктор.— Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, это не что иное, как временное окоченение. Вульгарные разговоры о смерти в данном случае неуместны.

— Так как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв,— успокоил доктор.— Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не очень ясны,— возразил врач.— Мне трудно работать без...

— Я хотел спросить: вы можете вернуть его в исходное состояние?

— Ну, это уже довольно точное определение, тем более вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Знает ли это кто-нибудь из вас? Знает ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумеет участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих с каждым ударом сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Ведь в таком случае мы никог-

да не сможем полностью воспроизвести ее. Это серьезный вопрос, господа.

— Чертовски сложный,— согласился Модсли.— Но предположим, вы просто сделаете его как можно ближе к прежнему. Это для вас трудно?

— Только не для меня,— сказал доктор.— У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым отвратительным. Не могу сказать, что стал совсем невосприимчивым — просто я свыкся с печальной необходимостью не обращать внимания на душераздирающие процедуры, характерные для моей профессии.

— Ладно, док, хватит! — взорвался Приз.— Лучше расскажи, что ты собираешься делать с моим дружком.

— Я должен оперировать,— сказал доктор.— Это единственная надежда. Я произведу диссекцию (расчленю вашего Кармоди, попросту говоря) и уложу члены и органы в предохраняющий раствор, который затем разбавлю растворителем К-5. Мозг и нервная система будут подсоединены к различным разъемам. Дальнейшая процедура требует их подключения к жизнеимитатору и прижигания синапсов в строго определенной последовательности. Так мы сможем обнаружить все разрывы, испорченные клапаны, закупорки и прочие повреждения. Установив отсутствие оных, мы приступаем к разборке мозга и наконец подходим к главному контакту разума и тела. Осторожно разомкнув его, мы проверим все внешние и внутренние цепи. Если и здесь все в порядке, мы откроем резервуар разума (убедившись, конечно, в отсутствии утечек) и проверим уровень сознания. Если он низок или же вообще на нуле (в подобных ситуациях почти всегда так и бывает), мы анализируем осадок и искусственно создаем новую порцию сознания. Эта новая порция проходит исчерпывающую проверку и впрыскивается в резервуар. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизнеимитатором. Вот и весь процесс.

— Ух! — вздохнул Приз.— Я и собаку не стал бы так лечить.

— Я тоже,— сказал доктор.— По крайней мере, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите ли вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте,— решил Модсли.— Ничего не поделаешь. Бедный малый так надеялся на нас, и мы не можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, доктор!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся со своим дезорганизованным организмом. С нарастающим ужасом он слушал доктора, и в нем крепло убеждение, что его друзья могут причинить ему вреда куда больше, чем способны вообразить его злейшие враги. Наконец титаническим усилием он приподнял веки и отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он.— Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся,— констатировал доктор довольным тоном.— Иногда, знаете ли, словесное описание операции в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, эффект плацебо, но смеяться тут не над чем.

Кармоди приподнялся, и Модсли помог ему встать. Прежде всего Кармоди взглянул на доктора. Это был тощий высокий человек в черной одежде, похожий как две капли воды на Авраама Линкольна. А Приз больше не был котелком. Очевидно, под влиянием потрясения он превратился в карлика.

— Пошлите за мной, если я вам понадоблюсь,— сказал доктор и исчез.

— Что произошло? — спросил Кармоди.— Тот космический корабль, те люди...

— Мы вытащили тебя в последнюю секунду,— усмехнулся Приз.— Но это был не космический корабль.

— Догадываюсь. А что?

— Кармодиед,— сказал Модсли.— То есть ваш хищник. Вы полезли к нему прямо в пасть.

— Полез,— согласился Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс на возвращение домой,— продолжал Модсли.— У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

Глава 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди крайне важно было понять, что с ним произошло и почему, несмотря на то что информацию эту он получал с некоторым опозданием. («Именно потому»,— отметил Приз.)

Затем Модсли сказал, что Вселенная соблюдает принцип симметрии. Как для каждого мужчины есть женщина, так и для каждого живого существа — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ динамической подсистемы космоса, называемой жизнью) не должна разрываться — хотя бы в силу внутренней необходимости. Жизнь подразумевает созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти. Таким образом...

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов,— оборвал его Модсли.— Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство оправданно, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо в своей природной среде обитания отнимает жизнь у другого существа, а третье существо отнимает жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытчики и добываемые склонны подолгу не обращать на него никакого внимания, занимаясь вместо того созданием произведений искусства, собиранием орехов, созерцанием Абсолюта или еще чем-нибудь интересным. И так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обычно представляем себе старой дамой, одетой в черное и коричневое) не любит, когда ее правила и принципы ста-

новятся предметом застольной беседы, уличных пересудов, выступлений в Конгрессе или чего-то в том же духе. Вы же, Кармоди, избежав уплаты по векселям на своей родной планете, по-прежнему подчиняетесь неумолимому Закону. Таким образом, если на бескрайних просторах космоса не имеется в наличии подходящего для вас хищника, то таковой должен быть найден. Если искомый хищник найден быть не может, он должен быть создан.

— Понятненько,— сказал Кармоди.— Но этот корабль, эти люди...

— ...не были тем, чем они казались,— объяснил ему Модсли.— Это должно быть очевидно.

— Теперь очевидно.

— На самом деле они — это Оно, единое целое, создание, созданное специально для вас, Кармоди. Оно — ваш хищник-пожиратель, появление которого логически вытекает из простых стандартных Законов Пожирания.

— Которые есть...— начал было Кармоди.

— Да, которые есть,— вздохнул Приз.— Как прекрасно ты это выразил! Можно сколько угодно рассуждать о судьбе и о мире, но в конце концов приходишь к абсолютной истине: «Они есть, и они — это те вещи, которые есть».

— Я не комментирую,— сказал Кармоди,— а спрашиваю. Что это за Закон Пожирания?

— Извини, я тебя неправильно понял,— сказал Приз.

— Ничего, все в порядке,— успокоил его Кармоди.

— Спасибо! — сказал Приз.

— Ничего, ничего,— сказал Кармоди.— Я не хотел... Нет, я хотел! Что это за простые стандартные Законы Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Когда вы формулируете это в виде вопроса,— строго сказал Модсли,— пожирание перестает быть простым и стандартным и даже возведение его в закон становится сомнительным. А понятие пожирания — неотъемлемая часть любого организма, как руки, ноги или голова, толь-

ко еще более неотъемлемая. Оно гораздо фундаментальнее любого закона науки, понятно? А когда вы задаете такой вопрос, это сразу накладывает жесткие ограничения на ответ.

— Но должен же я узнать побольше о пожирании,— сказал Кармоди.— Особенно о пожирании меня.

— Да, конечно,— ответил Модсли.— Правда, вам следовало не узнавать, а знать, а это далеко не одно и то же. Однако я попробую.

Модсли энергично потер лоб и провозгласил:

— Ты ешь, поэтому тебя едят,— изрек он.— Это общеизвестно. Но как именно тебя должны съесть? В какую ловушку тебя поймают, как схватят и... гм... лишат подвижности, как приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут при комнатной температуре? Очевидно, это зависит от вкусов того, кто захотел тобой полакомиться. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоем пути или запутает в паутину? А может, вызовет на поединок или сразу вонзит когти? Это тоже зависит от природы твоего пожирателя, от его формы и строения. А природа эта всецело определяется особенностями твоей природы, которая тоже обладает свободой воли и поэтому абсолютно непредсказуема. А теперь ближе к делу. Когти, ямы и паутина ведут к цели кратчайшим путем, но они не очень эффективны против существа, наделенного памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз в ту же ловушку не попадется. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. Было сказано, что Природа питает особое пристрастие к иллюзиям, которыми вымощена дорога и к рождению, и к смерти. Но эту теорему я доказывать не стану. Приняв ее на веру, мы автоматически получаем следствие: чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен предпринимать сложные маневры. У этой проблемы есть и другая сторона. Ваш пожиратель вовсе не обязан есть только вас. Безусловно, для него вы — единственный и неповторимый, но он, обладая свободой воли (как и вы), вовсе не связан строгой логикой в своей

поедательной функции. Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но мы-то знаем, что у сов разнообразные интересы. Так обстоят дела со всеми хищниками, в том числе и с вашим. Отсюда мы делаем важный вывод: все хищники из-за наличия свободы воли функционально несовершенны.

— Никогда не думал об этом,— признался Кармоди.— Это может мне помочь?

— Едва ли. Но знать об этом надо. На практике вам никогда не удастся использовать несовершенства вашего хищника. Вы даже вряд ли узнаете, в чем они заключаются. В данной ситуации вы — это амбарная мышь. Заслышав свист крыльев, вы можете нырнуть в норку, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Замечательно! — язвительно сказал Кармоди.— Я потерпел поражение, еще не стартовав. Или, пользуясь вашей терминологией, я уже съеден, хотя меня даже на вилку не насадили.

— Терпение! Терпение! — остановил его Приз.— Пока все не так плохо.

— А как плохо? Может ли кто-нибудь из вас сказать мне хоть что-то полезное?

— Это мы и стараемся сделать,— сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой:

— Это совершенно невозможно. Не думаете же вы, что каждая жертва знает, на что похож ее хищник? Если бы она знала, то стала бы бессмертной!

— А это против правил,— вставил Приз.

— Ну хоть идею какую-нибудь подайте,— взмолился Кармоди.— Всегда ли мой хищник маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет,— сказал Модсли.— С вашей точки зрения, у него нет постоянной формы. Слыхали ли вы когда-нибудь, как мышь прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушки, а олененок бежит в лапы к тиг-

ру? Вот в чем сущность пожирания! Вы должны задаться вопросом: куда эти обманутые жертвы идут, по их мнению, и что, по их мнению, находится перед ними? И конечно, вы должны спросить себя: что на самом деле было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали за ними прямо в его пасть!

— Они были похожи на людей,— заметил Кармоди.— А на что похож мой хищник, я не знаю.

— Не вижу, как помочь вам в этом,— сказал Модсли.— Информацию о хищниках собирать нелегко. Они очень индивидуальны. Их маскировка и ловушки основаны на ваших воспоминаниях, мечтах и фантазиях, ваших надеждах и желаниях. Хищник берет ваши сокровенные пьесы и разыгрывает их для вас — вы это уже видели. Чтобы узнать вашего хищника, вы должны узнать самого себя. Но легче понять Вселенную, чем себя.

— Что же мне делать? — спросил Кармоди.

— Учитесь! — ответил Модсли.— Будьте всегда настороже, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте ничему и никому. И не думайте об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — повторил Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там вас будет поджидать множество заурядных опасностей, но уж, по крайней мере, не эта.

— А домой вы сумеете меня отослать? — спросил Кармоди.— Вы сказали, что работаете над машиной...

— Я ее уже сделал,— сказал Модсли.— Однако вы должны помнить о ее ограничениях, которые обусловлены моими собственными. Моя машина может доставить вас туда, куда Земля ушла к настоящему времени, но это все, что она может.

— Но это все, что мне требуется! — воскликнул Кармоди.

— Нет, не все. КУДА — только первая из координат планеты, первое из трех «К». Вам предстоит еще опреде-

лить второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте эту последовательность. Как говорится, сначала время, потом подробности. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы дурацки раздразнили, может возвратиться в любой момент. И я не уверен, что на этот раз мне удастся так удачно вытащить вас из его пасти.

— А как вам это удалось? — полюбопытствовал Кармоди.

— Я быстренько сформировал приманку,— ответил Модсли.— Создал вашу копию, но больше размером и слегка аппетитнее. Хищник бросил вас и устремился за ней, истекая слюной. Во второй раз мы его так не обманем.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

— Я готов,— сказал он.— Но куда я иду и что там произойдет?

— Вы отправитесь на Землю. По всей вероятности, попадете на неправильную. Так что я пошлю письмо одному лицу, большому знатоку времени. Он присмотрит за вами, если захочет, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди! И будьте благодарны, если что-нибудь будет вообще!

— Я вам очень благодарен,— сказал Кармоди.— Чем бы все ни кончилось, большое вам спасибо!

— Ну, тогда все в порядке,— заключил Модсли.— И не забудьте про мое послание тому старику, если, конечно, вернетесь. У вас все готово? Машина вот здесь, рядом со мной. Я не успел сделать ее видимой, но выглядит она примерно как коротковолновая радиостанция «Зенит» на батарейках. Да где же она, черт возьми? Ага, вот. Приз берете?

— Я беру его! — закричал Приз, ухватившись обеими руками за Кармоди.

— Тогда все готово. Эту стрелку я ставлю сюда, затем поворачиваю эту и те две наверху... Надо полагать, вам будет приятно покинуть макрокосмос и оказаться на пла-

нете, хотя бы и не на своей собственной. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос в том, какой масштаб удобнее для вас лично. Теперь я нажимаю эту...

Бамм! Пуфф! Хрррруст! Медленное растворение, быстрое растворение, жидкое разведение, электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки, шелестят странички календаря, кувыркаются голова и ноги. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, эхо причитаний, детский смех. Луч света падает на груду апельсинов из Яффы и превращает их в планеты, луч света падает на Солнечную систему и превращает ее в рябь на воде. Кадры мелькают медленнее, потом быстрее, затемнение, наплыв, свет.

Не путешествие, а сущий ад, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть III

КОГДА?

Глава 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди провел инвентаризацию. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одно тело, одна голова и один разум. По крайней мере, все это вроде бы осталось при нем. Он также отметил, что при нем остался и Приз, который был вполне узнаваем, хотя и претерпел свою обычную метаморфозу. На этот раз из карлика он превратился в угловатую флейту.

— Пока все хорошо,— сказал Кармоди вслух и стал осматривать окрестности.

— Хорошо, но не все,— поправился он тут же. Он был подготовлен к тому, что окажется на неправильной Земле, но не ожидал, что она окажется настолько неправильной.

Он стоял на зыбкой почве у края болота. От стоячих бурых вод поднимались ядовитые миазмы. Вокруг росли широкие папоротники, низкие, с мелкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами, среди которых затерялось одинокое кизиловое дерево. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен ароматами и запахом гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет,— отозвалась флейта, то есть Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком трелей.

— Как это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивлялся, что я говорил, когда был котелком,— ответил Приз.— Пожалуйста, я объясню. Вот здесь, возле моего мундштука, прикреплен патрон с CO_2. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Для Кармоди это не было очевидно, но сейчас его интересовали более важные вещи.

— Где я? — спросил он.

— Не я, а мы,— поправил Приз.— Мы на планете Земля. Эта сырая местность в свое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк.— Он хихикнул.— Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно, нет. Оставляя на время вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и... Когда же мы?

— Хороший вопрос. Из тех, на которые я могу дать лишь приблизительный, хотя и весьма достоверный ответ. Вполне очевидно, что мы находимся в фанерозое, который охватывает одну шестую геологического возраста Земли. Но в какой части фанерозоя, в палеозойской эре или в мезозойской? Здесь я должен рискнуть. Учитывая климатические особенности, я исключаю весь палеозой, кроме, быть может, конца пермского периода. Нет-

нет, теперь я могу исключить и его! Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно археоптерикс,— сказал Приз.— На это указывает его игольчатое оперение. Большинство ученых относит это существо к верхнеюрскому и меловому периодам, то есть заведомо позже триаса. Таким образом, мы можем исключить весь палеозой: мы определенно в мезозойской эре.

— Это довольно давно, а? — заметил Кармоди.

— Порядочно,— согласился Приз.— Впрочем, время мы можем и уточнить. Дай-ка мне немного подумать.— Он немного подумал и начал рассуждать: — Да, пожалуй, я прав. Это не триас! Болото — это подсказка, но, боюсь, неправильная. Однако цветущее покрытосеменное растение возле твоей левой ноги безошибочно указывает в нужном направлении. Впрочем, это не единственная примета. Ты обратил внимание вон на то кизиловое дерево? Хорошо, теперь повернись, и ты увидишь два тополя и фиговое дерево посреди небольшой группы хвойных. Мы на верном пути! Но заметил ли ты самую важную деталь, такую обычную в твоем времени, что вы просто не обращаете на нее внимания? Я говорю о траве, которая растет здесь в изобилии. Вплоть до юрских времен никакой травы не было! Только хвощи и папоротники! И это решает дело, Кармоди! Голову даю на отсечение, мы в меловом периоде, и, вероятно, вблизи от его верхней границы.

У Кармоди было самое смутное представление о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов,— сказал Приз.— Меловой период продолжался почти семьдесят миллионов лет.

Кармоди даже не стал пытаться осмыслить все это. Он просто спросил у Приза:

— Откуда ты знаешь всю эту геологию?

— А как ты думаешь? — задиристо ответил Приз.— Изучил. Уж если мы едем на Землю, решил я, то нужно кое-что разузнать об этом месте. Чертовски здорово, что я это сделал! Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопал бы какой-нибудь аллозавр.

— Кто слопал?

— Я говорю,— начал Приз,— об одном из тех уродливых представителей отряда зауришиа, ответвлением которого являются зауроподы со знаменитыми бронтозаврами во главе.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать,— ответил Приз все с теми же неуместными трелями,— что это самый настоящий Динозавровилль и что я рад представившейся мне возможности приветствовать тебя в Веке Гигантских Рептилий.

Кармоди не успел ничего сказать. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда зауришиа. Как ты можешь заметить, это настоящий хищный динозавр. Впрочем, это детеныш. Длина клыков всего полфута, да и весит он не больше девяти тонн.

— И он ест мясо,— сказал Кармоди.

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом безобидными гадрозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Что мне делать? — спросил Кармоди.

— Лучше всего превратиться в растение,— посоветовал Приз.

— Но я не умею.

— Не умеешь? Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь, и убежать тебе, держу пари, не удастся. Хм... Положение становится затруднительным.

— Так что же делать?

— Ну, в данных обстоятельствах тебе следует относиться ко всему стоически. Я мог бы процитировать тебе что-нибудь из Эпиктета. А еще мы могли бы спеть псалом, если это поможет.

— К черту псалмы! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки. Тираннозавр был теперь прямо перед ними. Он высился над его головой, словно оживший подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть и...

Глава 19

— Хэлло,— сказал тираннозавр.— Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди,— представился Кармоди.

— А я его Приз,— добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные,— сказал Эми.— Никогда не видел таких. А я уже знаю и диметродона, и струтиомимуса, и сколозавра, и кучу других зверей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно,— сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми по-детски ойкнул и замолк, глазея на них. А Кармоди смотрел на него, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно,— сказал наконец Эми.— А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк? — спросил Кармоди.

— Конечно, парк! — сказал Эми.— Детский парк. Но по-моему, вы не ребенок, хотя вы и очень маленький.

— Ты прав, я не ребенок,— сказал Кармоди.— Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кей,— сказал Эми.— Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то действительно странный!

Кармоди сунул Приз в карман и взобрался на тираннозавра, использовав в качестве ступенек складки прочной, как железо, кожи. Как только он устроился поудобнее на шее, Эми пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы направляемся? — спросил Кармоди.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему еще быть?

— Конечно, где же еще? — согласился Кармоди и ухватился покрепче, потому что Эми помчался галопом.

Из кармана раздался приглушенный голос Приза:

— Все это чрезвычайно странно.

— Ты сам странный,— напомнил ему Кармоди и, устроившись поудобнее, стал смотреть по сторонам.

Обитатели этого города вряд ли называли его Динозавровиллем, но Кармоди не мог думать о нем иначе. Он лежал в двух милях от парка. Сначала они выбрались на дорогу (фактически широкую тропу), утрамбованную ногами бесчисленных динозавров до твердости бетона. То тут, то там им попадались гадрозавры, спавшие возле дороги под ивами или напевавшие что-то низкими приятными голосами. Кармоди спросил о гадрозаврах, но Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи, где росли березы, клены, лавр и падуб. Динозавры были в каждой роще: они носились туда-сюда под ветвями, копались в земле или сгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают,— презрительно сказал Эми.— Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Местность впереди повышалась. Они оставили позади последнюю рощицу и углубились в лес.

Но это был не обычный лес: многие детали говорили о том, что его создали искусственно — целенаправленно и с большой предусмотрительностью. Его окаймлял широкий пояс фиг, хлебных и ореховых деревьев, за ним шли несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее — только сосны да редкие канадские ели.

Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Большинство составляли тероподы — плотоядные тираннозавры вроде Эми. Приз заметил также несколько орнитоподов и сотню-другую представителей семейства цератопсиа-трицератопсов с их гигантскими рогами. Почти все мчались сквозь лес легким галопом. Земля гудела под их ногами, дрожали деревья, в воздух вздымались облака пыли. Скрежетали, задевая друг друга, бронированные бока, и только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избегать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Зрелище нескольких тысяч спешащих динозавров было так же ужасно, как и исходящий от них запах, точнее, вонь.

— Вот мы и на месте,— сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи.— Тут мой [illegible]а.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медленно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху, царившую всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь быть раздавленным, и соскользнул со спины Эми.

— Папочка! — крикнул Эми.— Эй, папа, посмотри, что я нашел, ты только взгляни!

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже.

Его серые глаза были налиты кровью. Он неторопливо повернулся и недовольно спросил:

— Сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, что я...

— Ты всегда просишь прощения,— сказал тираннозавр,— а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоем поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает себя вести воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа! Неужели ты не можешь отложить свою лекцию на потом и посмотреть — просто посмотреть! — на то, что я нашел?!

Пасть старшего тираннозавра захлопнулась, он гневно взмахнул хвостом. Но потом он все же опустил голову и, взглянув туда, куда показывал сын, увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр,— сказал Кармоди.— Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Мне трудно объяснить, как я попал сюда, но пришел я с миром и все такое...— закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. Он повернулся к своему коллеге: — Баксли! Ты видишь то, что я вижу? Ты слышишь то, что я слышу?

Баксли, который был тираннозавром примерно того же возраста, что и отец Эми, ответил:

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам.

— Говорящее млекопитающее! — воскликнул Борг.

— Не могу поверить,— повторил Баксли.

Глава 20

Чтобы свыкнуться с мыслью о говорящих млекопитающих, Боргу потребовалось куда больше времени, чем потребовалось Кармоди, чтобы поверить в существование говорящих ящеров. Но в конце концов Борг ее при-

нял. Как позже заметил Приз, ничто так не помогает поверить в существование факта, как его, факта, личное присутствие.

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— Похоже, что так,— ответил Кармоди.— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе как о существе из прошлого,— сказал Борг.— Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Хм. Далековато. Да, в самом деле далековато.

— Да, это довольно далеко,— сказал Кармоди.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, о чем говорить дальше. Борг производил впечатление очень достойной личности: гостеприимный, хотя и погруженный в свои дела, хороший семьянин, но не мастер поговорить — словом, немного скучноватый почтенный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну,— произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным.— И как там в будущем?

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, как там у вас в будущем?

— Хлопотно,— вздохнул Кармоди.— Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да,— сказал Борг.— Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Однако я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит,— дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымерли и что вымерли они за шестьдесят миллионов лет до появления человека, а пресмыкающиеся занимают в природе третьестепенное место.

— Как дела? Именно так, как и следовало ожидать,— сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал,— сказал Борг.— Мы — крепкий народ, знаете ли, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного,— с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать. Я боялся, что динозавры при своих размерах окажутся... э-э... тяжеловаты на руку.

— Нет-нет! Можно даже сказать, что динозавры всем нравятся.

— Очень приятно слышать это от вас,— сказал Борг.

Кармоди пробормотал еще что-то и замолк, сгорая от стыда.

— Нас, динозавров, мало занимает будущее,— продолжал Борг, переходя на высокопарный стиль послеобеденного оратора.— И так было всегда. Наш вымерший предок, аллозавр, был грубым прожорливым хищником с дурным нравом. Его же предок, цератозавр,— это всего-навсего карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были, безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное звено, тот древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие, и двуногие.

— Двуногие, конечно, доминируют? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари, но небольшое поголовье мы все же сохраняем. Добавление их мяса к рубленой бронтозаврине делает ее необычайно вкусной. Есть и другие виды ящеров.

Гадрозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют,— сказал Борг сурово.

— Вы их тоже едите?

— О небо! Конечно, нет! Гадрозавры разумны! Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они — «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги-гадрозавры. У них нет ни самолюбия, ни инициативы, они ни к чему не стремятся. Не знают, кто их высиживал, и, похоже, не очень-то и желают знать. А еще, когда они говорят с вами, то никогда не смотрят в глаза.

— Но они хорошо поют,— возразил Кармоди.

— Да, поют они хорошо. Наши лучшие исполнители — гадрозавры. И на тяжелых работах они хороши, конечно, если есть надзор. Внешность их подводит — этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема гадрозавров решена?

— Да,— сказал Кармоди.— Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему,— сказал Борг.— Да, думаю, это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, об урбанистических проблемах ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидало деревни ради удобств цивилизации. За последние пятьдесят лет крайне обострилась ситуация на дорогах. Гигантские ящеры любят скорость и гордятся быстротой своих рефлексов. Но когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес, столкновения неизбежны. И последствия их весьма трагичны; только представьте: два ящера по сорок тонн каждый сталкива-

ются на скорости тридцать миль в час! Сломанные шеи — сплошь и рядом.

Конечно, были и другие проблемы. Переполненные города как результат демографического взрыва. Во многих странах ящеры живут на краю голода. Войны и эпидемии помогали бороться с перенаселением, но в недостаточной степени.

— Проблем у нас масса,— вздохнул Борг.— Некоторые из наших лучших умов впали в отчаяние. Но я по натуре оптимист. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежние. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума, неиссякаемая жажда жизни. Не могу поверить, что все это пропадет.

— Вы выстоите,— сказал Кармоди. Что ему еще оставалось, кроме этой джентльменской лжи?

— Я знаю,— сказал Борг.— Однако всегда приятно получить подтверждение. Благодарю вас за это. А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своими друзьями.

— С какими друзьями? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной,— ответил Борг.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках. Он был одет в темный деловой костюм, в левой руке держал портфель, а под мышкой — зонтик.

— Мистер Кармоди? — спросил он.

— Да, я Кармоди,— ответил Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Нам пришлось здорово погоняться за вами, мистер Кармоди, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал, что его это не касается, и сравнительно бесшумно (для такого крупного тираннозавра) удалился.

— Странные у вас друзья,— сказал Саргис, глядя ему вслед.— Впрочем, это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на

вашу выдачу, он в полном порядке — можете убедиться. Прошу вас следовать за мной. Моя машина времени припаркована за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать,— настаивал налоговый инспектор.— Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно быть заслушано немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать. А отказ подчиниться решению Верховного Суда...

— Я сказал «нет»! — отрезал Кармоди.— Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его хищник. Грубая подделка под налогового инспектора никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: коленки у него сгибались назад.

Кармоди повернулся и ушел. Хищник не двинулся с места. Очевидно, на преследование он не был рассчитан. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя тоже исчез.

Глава 21

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. На-

деюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным,— пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Расчудесно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объяснил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел!

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт.— Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять ее чинил, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже: бедняга тоже выпадает из фазы и иногда не может попасть домой, к семье, по неделе и больше.

— Да, плохи его дела,— сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике.— А не намерены ли вы все-таки,— продолжал он, еле сдерживаясь,— объяснить мне для начала, что же это за место и как мне отсюда попасть домой?

— Успокойтесь,— сказал Сизрайт.— Может быть, чашечку чая, а? Нет? Так вот, это, как вы изволили выразиться, место — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал? — спросил Кармоди.

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Получив письмо от мистера Модсли, я распорядился предпринять розыск. Клерк нашел вас на Земле B3444123C22. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту вышеупомянутую Землю...

— Нет-нет,— сказал Кармоди.— Я только никак не пойму, где... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат,— вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша.— А вы, мистер Сизрайт, были когда-нибудь на какой-либо из тех Земель?

— Увы, не имел удовольствия. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит,— взревел Кармоди,— вы никогда не бывали на Земле! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете,— ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред! И вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все вокруг рассыплется, все его нелепые видения исчезнут, а сам он проснется в своей кровати, у себя в квартире, или на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили свой монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил,— вздохнул Кармоди.— Простите.

— Не терзайтесь,— спокойно сказал Сизрайт.— Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею по-

мочь вам, если вы не возьмете себя в руки. Разум может привести вас домой, истерика не приведет никуда.

— Еще раз прошу прощения,— пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая вас так напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось за недостатком времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали,— сказал Кармоди.— Значит, и ваша внешность?..

— Конечно,— улыбнулся Сизрайт.— Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Однако нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится,— согласился Кармоди.— Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало,— сказал Сизрайт.— А насчет вашего предположения, что все это сон,— что ж... в нем что-то есть!

— В самом деле?

Мистер Сизрайт энергично кивнул.

— Предположение само по себе ценно, но вам оно нисколько не поможет.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря,— продолжал Сизрайт,— между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Разница лишь в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю,— сказал Кармоди.— Только верю вам на слово, что все это на самом деле...— Он заколебался.— Чего я на самом деле не понимаю, так это почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а динозавр Борг говорит не как динозавр и даже не так, как говорящий динозавр должен говорить. И...

— Ради бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам,— продолжал Сизрайт,— почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться — разве что изредка. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— Отлично! Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумаем, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше,— согласился Кармоди.— А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал,— протянул Сизрайт.— Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным? — спросил Кармоди.

— Квадратные уравнения,— не задумываясь ответил Сизрайт.— Никак не могу научиться их решать, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность! Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо,— успокоил Сизрайт.— Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас, все равно что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал,— сказал Кармоди.— А это легко?

— Смотря какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но вы все-таки должны признать, что и в том и в другом случае принцип один и тот же, и весьма простой.

— Да, наверное,— согласился Кармоди.— Но хоть это в принципе и просто, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, хотя верно подмечено,— просиял Сизрайт.— Сложность, знаете ли, иногда полезна. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо... А теперь что?

— А теперь мы приступим к делу,— воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки.— Мы тут с коллегами подобрали некоторое количество миров. И между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его, конечно, можете только вы сами.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны в них вжиться. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, мы переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно,— согласился Кармоди.— А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу,— сказал Сизрайт.— И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноморфные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно! Безопасного убежища нет. Напротив, чем тщательнее ваш поиск, тем сильнее нависшая над вами опасность. Вы спрашивали о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете предпринять что-нибудь против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Пожирание — закон природы. Даже богов иногда пожирает Рок. Вы не должны быть исключением из универсального правила.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде,— вздохнул Кармоди.— Но хоть чем-нибудь вы мне помочь можете? Намек там какой-нибудь или признак, по которому можно отличить мой мир от мира хищника...

— Для меня отличие очевидно,— сказал Сизрайт.— Однако мы с вами воспринимаем мир по-разному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока.

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э... планеты берет. Верно? Изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я нечаянно прозеваю? — спросил Кармоди.

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее среди самых вероятных, будем искать среди просто вероятных, потом — среди менее вероятных, а потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно,— неуверенно сказал Кармоди.— Видимо, другого пути нет.

— У меня нет другого способа помочь вам,— подтвердил Сизрайт.— И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени...

— Боюсь, что времени у меня нет,— вздохнул Кармоди.— Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня на ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за заботу и терпение.

— Пожалуйста,— легко согласился Сизрайт, явно довольный.— Буду надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его доставили на место — прямиком на Землю. Или на точную ее копию.

Часть IV

КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

Глава 22

Кармоди оказался на опрятной равнине. В синем небе сверкало золотое солнце. Он медленно огляделся. Впереди, в полумиле от него, виднелся небольшой город. Он был построен не в обычной американской манере — с бензоколонками на окраине, щупальцами сосисочных, каймой мотелей и панцирем свалок. Скорее он был похож на итальянский городок, раскинувшийся среди холмов, или же на швейцарскую деревню, которые внезапно возникают перед вами и так же внезапно пропадают — без преамбул и пояснений, сразу являя вам и свой центр, и окраины и ничего не приукрашивая.

Несмотря на эту чужеродность, Кармоди был все же уверен, что городок американский. И он осторожно двинулся к городу, готовый, чуть что не так, стремительно броситься прочь.

Однако все было в порядке. Город выглядел приветливо, щедро распахивая перед ним свои улицы и радушно улыбаясь широкими витринами. Углубляясь в город, Кармоди обнаруживал все новые и новые приятные места. В центре его поджидала площадь, похожая на итальянскую пьяццу, только поменьше размером. Посреди этой пьяццы был фонтан — мраморная копия мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била струя чистой воды.

— Надеюсь, вам нравится? — произнес голос за левым плечом Кармоди.

Кармоди не отпрянул в ужасе. Он даже не повернулся. Голоса, раздающиеся у него за спиной, перестали его пугать. Он даже подумал, что, по-видимому, в Галактике многим нравится обращаться к нему таким образом.

— Очень мило,— сказал Кармоди.

— Я сам построил все это,— продолжал голос.— Мне казалось, что фонтан, несмотря на архаичность концепции, эстетически оправдан. А эта пьяцца со скамьями и тенистыми каштанами — точная копия площади в Болонье. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, как мне кажется, использует все, что считает необходимым, будь оно тысячелетней давности или только вчерашнее.

— Согласен целиком и полностью,— сказал Кармоди.— Позвольте представиться. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за левым плечом никого не оказалось, как, впрочем, и за правым. На площади никого не было.

— Извините меня,— произнес голос.— Я не хотел напугать вас. Думал, вы знаете...

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города,— сказал голос.— Или, выражаясь точнее, я и есть город. Говорящий город, говорящий сейчас с вами.

— Неужели? — насмешливо бросил Кармоди. И сам себе ответил: «Да. Полагаю, что это так. Говорящий город? Подумаешь!»

Город так город. Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Он уже встречался со множеством существ гигантских размеров, обладающих сверхъестественными способностями. А сколько раз его швыряло из одного конца Вселенной в другой! Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он даже терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком; он понимал, что существует межзвездная иерархия и что человек стоит в ней не слишком высоко. Но гордость у него тоже была. Он считал, что и человек чего-то стоит — и не только для себя самого. Если ты только и делаешь, что охаешь, ахаешь и чертыхаешься, встречаясь со всеми этими инопланетными штуками, то о каком самоуважении можно говорить? А Кармоди не хотел терять самоуважения. Это было то немногое, что у него пока еще оставалось.

И потому он отвернулся от фонтана и спокойно пересек площадь, словно разговаривал с городами каждый день и все это давно ему надоело. Он прошелся по нескольким улицам и проспектам, заглядывая в витрины лавок и рассматривая дома, и немного постоял перед статуей.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»? — тут же отозвался Кармоди.

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кей.

— Только о'кей?

— Видите ли,— сказал Кармоди,— город это город. Если знаешь один, то, в сущности, знаешь и все остальные.

— Это не так! — воскликнул город, явно уязвленный.— Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникум.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами.— А по-моему, вы выглядите как скопление плохо подогнанных частей. У вас тут итальянская площадь, группа греческих

статуй, позднеанглийская готика, нью-йоркский многоквартирный дом старого стиля, калифорнийская сосисочная, похожая на портовый буксир, и бог знает что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в осмысленном ансамбле,— возразил город.— У меня внешнее разнообразие при внутреннем единстве. Эти старые формы вовсе не анахронизмы. Каждая представляет определенный стиль жизни и, как таковая, занимает отведенное ей место в хорошо отлаженной машине для поддержания жизни, каковой является город.

— Это ваше личное мнение,— сказал Кармоди.— Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер*. Беллуэзер, штат Нью-Джерси. Не хотите ли кофе, или же сэндвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы,— сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна Веселых Девяностых, с механическим пианино, лампами в стиле Тиффани и канделябрами из граненого стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная,— сказал Кармоди.— Годится, если вам нравится такой стиль.

Поднос из нержавеющей стали с дымящейся кружкой «капуччино» сам собой спустился на стол.

— По крайней мере, обслуживают здесь хорошо,— добавил Кармоди и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

— Я горжусь своим кофе,— заявил Беллуэзер.— И своей кухней тоже. Не хотите ли чего-нибудь? Омлет, например, или суфле?

---

* «Беллуэзер» означает «хорошая погода» (Яснопогодск).

— Нет, спасибо,— отрезал Кармоди. И, откинувшись на спинку стула, спросил: — Так что, вы — образцовый город?

— Да, имею честь быть таковым,— сказал Беллуэзер.— Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был спроектирован объединенной исследовательской группой Йельского и Чикагского университетов, которую финансировал фонд Рокфеллера. Детальной проработкой занимался в основном Массачусетский технологический институт, хотя отдельные участки меня были выполнены в Принстоне и в «Рэнд корпорейшен». Главным подрядчиком была компания «Дженерал электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, называть которые я не имею права.

— Интересная история,— заметил Кармоди с деланным безразличием.— Вон там, через дорогу, готический собор, да?

— Да, готический, целиком и полностью,— подтвердил Беллуэзер.— Но он межконфессиональный, открыт для верующих любой религии. Вместимость — триста посадочных мест.

— Не так уж много для такого здания.

— Конечно. Однако я хотел соединить благоговение с комфортом. Людям это нравится,— возразил город.

— А где, между прочим, люди? — поинтересовался Кармоди.— Я никого не видел.

— Они ушли,— скорбно сказал город.— Все меня покинули.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, а затем через силу выговорил:

— Произошел разлад в отношениях города с горожанами. Непонимание или несчастливая цепь недоразумений. Подозреваю, что здесь и подстрекатели приложили руку.

— Но что именно произошло?

— Не знаю. В самом деле не знаю,— сказал Беллуэзер.— Однажды они все ушли. Именно так! Но я надеюсь, что они вернутся.

— Возможно,— согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся,— сказал город твердо.— Между прочим, почему бы и вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом...

— Вы, похоже, устали от путешествий. Уверен, вам надо отдохнуть.

— Да, пространствовал я немало,— вздохнул Кармоди.

— Может быть, вам у меня понравится,— сказал Беллуэзер.— Во всяком случае, у вас будет уникальный опыт: самый современный город в мире, и весь к вашим услугам.

— Звучит заманчиво,— протянул Кармоди.— Я должен подумать.

Образцовый город Беллуэзер его заинтересовал, но он все же никак не мог избавиться от тревожных мыслей. Ему хотелось точно знать, что именно здесь случилось и почему все жители покинули город.

Глава 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди провел эту ночь в роскошном номере для новобрачных отеля «Король Георг V». Спал он до утра и проснулся в хорошем настроении, бодрым и отдохнувшим. Его мозг давно требовал передышки.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и, пока Кармоди насыщался, исполнял веселый квартет Гайдна. Воздух был восхитителен; без пояснения Беллуэзера Кармоди так бы никогда и не догадался, что он кондиционированный. Температура и влажность были идеальны. С террасы открывался превосходный вид на западный квартал Беллуэзера — прелестное нагромождение китайских пагод, венецианских мостиков, японских каналов (в центре — зеленый холм), древнегреческого храма (коринфский ордер), автостоянки, норманнской башни и многого другого.

— Прекрасный тут у вас вид,— похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится,— тут же отозвался город.— Стиль был предметом многочисленных дискуссий, которые велись со дня моей закладки. Одна группа зодчих стояла за единство стиля — гармонию форм, слитых в гармоническое целое. Но это уже было! Образцовых городов такого типа довольно много, и все они однообразны и скучны. Создавал их один человек или несколько, все равно в них нет жизни. Они и на города-то не похожи.

— Да вы и сами до некоторой степени искусственны,— возразил Кармоди.

— Конечно! — согласился город.— Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый город будущего и не какой-нибудь псевдофлорентийский ублюдок. Я — конгломерат. Я должен интересовать, волновать и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кей,— констатировал Кармоди.— А что, все образцовые города разговаривают, как вы?

— Нет,— ответил Беллуэзер.— До сих пор другие города не могли произнести ни единого слова. Но их жителям это не нравилось. Им не нравились города, которые делают свое дело безмолвно. Молчаливый город кажется слишком огромным, слишком властным и бездушным. Вот почему я был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю,— согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание персонифицирует меня, что очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно делает меня истинно отзывчивым и позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем вести дискуссии — я и мои жители можем благодаря постоянному диалогу помогать друг другу в создании истинно жизнеспособной городской среды. Можем совершенствовать друг друга, не теряя при этом индивидуальности.

— Звучит превосходно,— сказал Кармоди.— Но к сожалению, вам здесь не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме,— согласился Беллуэзер.— Однако сейчас у меня есть вы.

— Да, у вас есть я,— повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— А у вас, само собой разумеется, есть я,— подхватил Беллуэзер.— Отношения должны быть взаимными. А теперь, дорогой Кармоди, позвольте показать вам меня. Потом мы сможем заняться вашим поселением и унификацией.

— Чем-чем?

— Я неудачно выразился,— тут же поправился Беллуэзер.— Это такой научный термин. Вы же понимаете, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств. Иначе и быть не может, ведь так?

— Но ведь отношения могут строиться и на принципе невмешательства?

— Мы стараемся уйти от этого,— сказал Беллуэзер.— Невмешательство — это доктрина эмоций, знаете ли, которая ведет прямой дорогой ко вседозволенности. А сейчас, если вы пройдете сюда...

Следуя совету Беллуэзера, Кармоди отправился осматривать его достопримечательности. Он посетил электростанцию, очистные сооружения и предприятия легкой промышленности. Побывал в детском парке и доме престарелых. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал, театр, кегельбан, бильярдную, автотрек и кинотеатр. Он устал, натер ноги и хотел было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось осмотреть пятиэтажное здание «Американ экспресс», португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал «Грейхаунд» и многое другое.

Наконец экскурсия закончилась. Кармоди пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже чудес Галактики. Поистине, красотой наслаждаются глаза, но достается от этого ногам.

— Как насчет небольшого завтрака? — спросил Беллуэзер.

— Превосходно!

Его проводили в модное кафе «Рошамбо», где он начал с «потаж о пти фуа» и закончил печеньем «пти фур».

— Не хотите ли чудесного сыра грюйер? — спросил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас,— сказал Кармоди.— Я сыт. По правде говоря, я немного переел.

— Но сыр не отягощает желудок. Камамбер хотите?

— Я не могу больше есть.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают нёбо.

— Спасибо, мое нёбо не нуждается в освежении.

— По крайней мере, хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет.

— Парочку вишенок?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов,— настаивал Беллуэзер.

— Моя трапеза закончена,— сказал Кармоди.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Придется обойтись без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я сам очищу... Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Я не могу больше есть.

— Ну хотя бы дольку? Я выберу все косточки.

— Решительно нет!

— Вы бы меня успокоили,— настаивал Беллуэзер.— Я запрограммирован на завершенность, а никакая еда не завершена без фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Хорошо, только не волнуйтесь,— уступил Беллуэзер.— Если вам не нравится мое угощение, так тому и быть.

— Но мне все нравится!

— Если нравится, то почему вы не хотите фруктов?

— Ладно,— сказал Кармоди.— Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас...

— А вы и не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Берите.

И Беллуэзер сотворил чудесную гроздь мускатного винограда. Кармоди съел все. Виноград был очень хорош.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — сказал Кармоди и закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц в спине,— предупредил город.

— Не беспокойтесь,— промычал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке?

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, на самом деле вам не удобно. Человек анатомически не приспособлен к сну в сидячем положении.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, снова проснувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо,— сдался Кармоди.— Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской: «Дремальня». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближней.

— Нет, не эта,— предупредил Беллуэзер.— У нее плохие пружины.

— Неважно. Как-нибудь улягусь.

— Но у вас будут судороги.

— О боже! — воскликнул Кармоди.— На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади,— указал Беллуэзер.— Это царское ложе, лучшее из всех. Упругость матраса определена научным путем. Подушки...

— Хорошо, прекрасно, великолепно,— бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?

— Не беспокойтесь!

— Как вам угодно. Я потушу свет?

— Прекрасно!

— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, но у спящих иногда возникает субъективное ощущение прохлады.

— Не имеет значения. Оставьте меня!

— Хорошо,— сказал Беллуэзер.— Я ведь не для себя стараюсь. Лично я никогда не сплю.

— Очень жаль,— сказал Кармоди.

— Ничего, ничего. Все в порядке,— сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.

— Не могу заснуть,— сказал Кармоди.

— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до...

— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.

— Может быть, вы недостаточно хотите спать,— предположил Беллуэзер.— Тогда закройте глаза и постарайтесь просто отдохнуть. Сделайте это для меня...

— Нет! — отрезал Кармоди.— Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец,— посетовал Беллуэзер.— Делайте, что вам хочется. Я старался, как лучше...

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая и выбираясь из «Дремальни».

Стоя на горбатом мостике, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции,— сказал Беллуэзер.— В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво,— согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите,— заметил Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Заботясь о вашем здоровье, должен указать вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете на трубку.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю.— Кармоди закурил еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу,— взорвался Кармоди.

— Да-да, конечно, будете! — сказал город.— Но я старался для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы себя губите?

— Да, хочу,— сказал Кармоди.

— Не могу поверить, что вы на самом деле хотите этого. Тут налицо этический императив. Человек может действовать вопреки своим интересам, но машина не может допустить такую степень извращенности.

— Перестаньте! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем меня зажали.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я принуждал вас? Да я ведь только советовал.

— Возможно. Но вы чересчур много говорите.

— Может, и много, но, боюсь, недостаточно,— сказал Беллуэзер.— Судя по результатам.

— Вы чересчур много говорите,— повторил Кармоди и зажег очередную сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сладости,— ответил Беллуэзер.

— С виду не похож.

— И все же это так. Я модифицировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и...

— Все равно на автомат не похоже. Как он работает?

— Очень просто. Нажмите на красную кнопку. Подождите немного. Теперь опустите вниз этот рычажок в ряду «А». И нажмите на зеленую кнопку. Вот так!

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку и попробовал.

— Настоящая «Бэйб Рут» или копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул, отлепил обертку от пальцев и бросил ее.

— А это,— сказал город,— яркий пример пренебрежительного отношения, с которым я постоянно сталкиваюсь.

— Всего лишь кусочек бумажки,— пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, лежащую на безукоризненно чистой мостовой.

— Конечно, только кусочек бумажки,— посетовал Беллуэзер.— Но если умножить его на сто тысяч жителей, что тогда получится?

— Сто тысяч кусочков бумажки,— пошутил Кармоди.

— Ничего смешного,— сказал город.— Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. А вы сами? Разве вы убираете за собой? Конечно, нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня хватает и других городских дел — и днем и ночью. И по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди.— Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но прежде чем его пальцы прикоснулись к ней, из ближайшей канализационной решетки высунулась механическая рука, схватила бумажку и спряталась.

— Все в порядке,— сказал Беллуэзер.— Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ну-ну,— пробормотал Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности.

— Я благодарен, благодарен! — крикнул Кармоди.

— Вовсе нет,— констатировал Беллуэзер.

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите этим сказать?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать инцидент исчерпанным.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени,— ответил Кармоди.

— Вы плохо ели.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему бы вам не съесть еще чего-нибудь?

— Потому что больше не могу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой шоколадкой...

— О черт! Сладкое не портит мне аппетита! Как раз...

— Вы опять закуриваете,— заметил Беллуэзер.

— Угу,— подтвердил Кармоди.

— Вы не можете немножко потерпеть?

— Слушайте,— взорвался Кармоди.— Какого черта вы...

— У нас есть более важные темы,— быстро перебил его Беллуэзер.— Как вы собираетесь зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но за вас подумал я. Было бы неплохо, если бы вы стали врачом.

— Я — врачом? Идти учиться в колледж, потом в медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою,— сказал Беллуэзер.

— Не интересуюсь.

— Ну... а стать юристом?

— Никогда!

— Инженером? Прекрасная профессия...

— Не для меня.

— Бухгалтером?

— Не дождетесь!

— Так кем же вы хотите стать?

— Летчиком,— неожиданно выпалил Кармоди.— На реактивном самолете!

— Да вы что?

— Я серьезно.

— У меня аэродрома даже нет.

— Тогда я буду летчиком в другом месте.

— Вы говорите это мне назло!

— Ничуть! Я хочу быть летчиком. Действительно хочу. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуэзер произнес:

— Выбор целиком за вами.

Сказано это было замогильным голосом.

— Куда вы идете?

— Погулять,— ответил Кармоди.

— Так поздно? В половине десятого?

— Ну да! А что?

— Я думал, вы устали.

— Это было раньше.

— Понятно. Я-то думал, что вы посидите и мы сможем поболтать о том о сем.

— Давайте поговорим, когда я вернусь,— предложил Кармоди.

— Ладно, пустяки,— сказал Беллуэзер.

— Верно, прогулка — это пустяки,— согласился Кармоди, усаживаясь.— Давайте поговорим.

— У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.

— Ну, спокойной ночи! — сказал Кармоди.

— Прошу прощения?

— Я сказал «спокойной ночи».

— Вы идете спать?

— Ну да! Уже поздно. Я устал.

— Вы намерены лечь прямо так?

— А почему бы и нет?

— Ничего особенного,— сказал Беллуэзер.— Но вы забыли умыться.

— О!.. Верно, забыл. Утром умоюсь.

— А когда вы в последний раз принимали ванну?

— Очень давно. Утром приму.

— Не лучше ли принять ее прямо сейчас?

— Нет!

— Даже если я все приготовлю?

— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать!

— Делайте как хотите,— сказал Беллуэзер.— Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но и меня не обвиняйте.

— Обвинять вас? В чем?

— В том.

— А конкретно, что вы имеете в виду?

— Это не важно.

— Тогда зачем вы так настаиваете?

— Только ради вас,— сказал Беллуэзер.

— Я понимаю.

— Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.

— Уверен, что не станете.

— Когда заботишься о ком-то,— продолжал Беллуэзер,— когда чувствуешь за него ответственность, неприятно выслушивать проклятия в свой адрес.

— Я вас не проклинал.

— Сейчас нет. Но раньше...

— Ну... я нервничал.

— Это из-за курения.

— Не начинайте опять.

— Я не начинаю,— сказал Беллуэзер.— Дымите сколько угодно, дымите, как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми,— согласился Кармоди, закуривая.

— Легкие ваши, но крах мой! — сказал Беллуэзер.

— Нет-нет, не говорите так, пожалуйста!

— Забудьте об этом.

— Хорошо, забыл.

— Иногда я бываю придирчив.

— Верно.

— И это особенно трудно выносить, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю,— крикнул Кармоди.— Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы-правы-правы-правы-правы...

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл глаза руками. Ему было не по себе. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и неряшливым. Он чувствовал себя скверным — целиком и полностью и безнадежно. Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спросил Беллуэзер.— Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди.— Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, щелк! И Кармоди оказался в другом месте.

Глава 24

Хушш! Кррушш! Кррош! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это тот Нью-Йорк? — спросил себя Кармоди.

— А черт его знает! — ответил кто-то.

— Это был риторический вопрос,— сказал Кармоди.

— Я знаю,— ответил голос.— Но поскольку я изучал риторику, я и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из большого черного зонтика, который он держит в левой руке. Он спросил:

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть похож на шотландского пони?

— А где ты был раньше, когда меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В кратковременном, но заслуженном отпуске,— проговорил Приз.— И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Объединением Призов Галактики и Лигой Реципиентов.

— Я и не жалуюсь,— возразил Кармоди.— Я просто так... А, неважно... Вот что: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь Нью-Йорк!

Вокруг был город. Потоки машин и людей. Неоновые вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю банкротства. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, еще «Северовосточник», «Югозападник», «Востокосеверовосточник» и «Западосеверозападник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем Библия!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала фолк-рок-группа по имени «Говнюки». И девчонки-подростки в платьицах мидллесс танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе,— заметил Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой,— сказал Кармоди.— Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет,— возразил Приз.— Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди же видел, что это — угол Бродвея и 50-й улицы! Вот и вход в метро — прямо перед ним! Да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было зна-

комо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох! — воскликнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, будто бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди.— Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог отлучиться: вышел пообедать или же в уборную или заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчание, обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Желудочный сок уже разъедал подметки.— Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал Приз.— Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все сделаю для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным! И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта.— Стыдно! Что касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас всякий раз из петли в последний миг!

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.— Спасете? Спасете?

— Это уже сделано,— сказал Сизрайт.

И когда Кармоди огляделся, он понял, что это действительно уже сделано.

Глава 25

На этот раз Сизрайт, должно быть, неважно справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом, очень похожем на Нью-Йорк городе, на заднем сиденье такси и на середине разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спросил тот.

— А ничего,— ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал: та. А я сказал, та новая махина — это Фламмарион.

— Знаю,— услышал свой голос Кармоди.— Я помогал его строить.

— Да ну? Ну и работенка! А сейчас уже кончили?

— Да,— ответил Кармоди. Он вынул сигарету изо рта и удивленно нахмурился.— С этими сигаретами я тоже покончил.

Он потряс головой и выбросил окурок за окно. Слова эти и действия были естественны для одной части его «я» (активного Кармоди), в то время как другая (рефлек-

тивное «я») наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Что ж не сказал-та? — спросил таксист.— На, попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные»,— подтвердил таксист.— У них запах ментола и вкус что надо!

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее он взял коробку, достал из нее очередной гвоздь для своего гроба и закурил. Водитель с улыбкой смотрел на него в зеркало. Кармоди затянулся, изобразив удивление, и медленно выдохнул, изобразив наслаждение.

— Хм! Тут что-то есть,— сказал он.

Таксист кивнул с умным видом.

— Все, кто курят «Прохладные», думают так же... Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Эй, мистер,— окликнул его улыбающийся таксист.— А как же «Прохладные»?

— Ах да!

Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было добротное пальто фирмы «Барберри». Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки тоже оказались снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейзена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шеффнера, носки Ван Кемпа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках у него были перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястье — самозаводящийся хронометр «Одемар Пикар» с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником — гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год.

И кроме всего, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы «Аберкромби и Фитч».

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только на Рождество, которые носят рубашки от братьев Брукс и блейзеры от Ф. Р. Триплера, употребляют после бритья лосьон «Оникс», покупают белье в «Кантри Уормер», а куртки — только у Пола Стюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в Категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекло скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов! Его лимузин «Додж-Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств.

Так почему же ему не повысили категорию?

Забыли? Не замечали?!

Нет, пораженческой ереси в голове не место. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы, и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НТС-2 (нестандартные товары, сорт второй).

Было еще рано. Активное «я» нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул: «Повтори, дружище!» (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак,— сказал бармен, улыбаясь.— Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди должен был сказать сам — его застигли врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Нейт Стин окликнул его, старый друг и сосед. Тоже из Леонии, штат Нью-Джерси.

— А я пью колу,— сказал Стин.— После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул: «Эй, друг, повтори! Наповторяюсь до зари!» Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра уже в Майами,— сказал тот.— На неделю. Солнечный рейс «Американ эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу вы на пляже!

— Отлично! А я свою заслал на острова,— подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома).— Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин.— Но если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Марлборо!

— Верная мысль,— подхватил Кармоди.— А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи,— перебил Стин.— Живу на даче — не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул: «Эй, друг, повтори!» Однако не мог же он повторять до бесконечности. Что-то не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он сейчас никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировав свои небесно-голубые подмышники, пришитые, конечно, снаружи, и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй,— сказал он, хихикнув.— Помнишь песенку «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и, приложив рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он.— А моя рубашка все же белее!

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди.— Смех, и только! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро»,— ехидно сказал Стин.— Рекомендую!

— Увы,— задумчиво вздохнул Кармоди.— Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди подумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным, да и Стин — слишком прыткий сейчас для него партнер.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж (5-я авеню 666), приветствуя сослуживцев с демократическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Сегодня он не мог позволить себе отвлекаться. Наступал решающий час.

Кармоди понимал, что положение у него отчаянное. Всю ночь перебирал варианты, встал с жестокой мигренью и коликами в животе. Его жена Элен (которая никуда не уезжала) дала ему «Алка-зельцерскую». Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и планировали, и он выиграл первый приз — благодаря зельцерской. Но проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента реже, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку.

Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые

На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарское шале в девственных дебрях штата Мэн или лимузин «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли,— ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, примитивная целеустремленность в деле, наконец,— это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о ладонь.— Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана*, своего босса.

Кабинет был пуст. Мистер Юберман еще не прибыл.

Кармоди вошел внутрь. Он подождет (челюсти стиснуты, губы сжаты, три вертикальные морщины на переносице). Нужно держать себя в руках. Юберман может появиться в любую минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет...» И после паузы еще раз вот так: *«Скверно пахнет!»* А затем: «Но я зашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал устремленные на него глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл...

— Привет, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой,— благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

---

* Юберман (Übermann) — сверхчеловек *(нем.)*.

— Мистер Юберман,— дрожащим голосом начал Кармоди.— Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди,— прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Персона» рассекает слабую плоть.— Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту! «Поцелуй менестреля»! Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Кармоди недоверчиво улыбнулся. Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. (Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.)

— Слыхали об этой пасте? — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди усмехнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему лишь сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из того теста.

Ну и добился бы он своего, а что дальше? Он представил, как станет расставаться с аксессуарами пятидесятивосьмипроцентного уровня потребления, и испытал сожаление. Его купоны, шведская замшевая кепка, светящийся галстук, портфель «Все мое ношу с собой», стереофон KLH-24 и особенно наимоднейшая импортная мягкая новозеландская дубленка с шалевым воротником «Лэйкленд»... Неужели все это придется бросить?

«Э-э!.. И беда приносит добро иногда»,— сказал сам себе Кармоди.

«Приносит добро? Так какого же черта? — спросил один Кармоди у другого Кармоди.— Смотри! Не слишком ли быстро ты здесь акклиматизировался?»

Оба Кармоди понимающе глянули друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение... и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди.— Заберите меня отсюда!

И верный Сизрайт забрал его.

Глава 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от себя самого: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, небольшое, но все же противозаконное. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки в пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там с трех лет до восемнадцати. Да, это был его дом, если только у него вообще был где-нибудь дом.

Или, точнее, это был его дом, если он был тем, чем казался. Но это еще требовалось доказать.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мэйплвуд-авеню: прямо перед ним — торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожный вокзал.

— Ну и как, путешественник? — прозвучал голос у его правого бедра. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь,— констатировал Кармоди.

— Здесь? Я никуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динария.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил,— сказал Приз.— Я ведь метаморфичен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для

себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Было бы сподручнее,— заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво,— сказал Приз.— Я откликаюсь, когда меня зовут. А когда не зовут, я считаю, что мое присутствие необязательно. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а после этого уж в «Солар Бикон паб» поболтать с дружком, который оказался по соседству, а потом уж...

— Как это ты успел? В том мире я был полчаса, не больше.

— Я же говорил тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел... Ну а где все эти заведения?

— Это долго объяснять,— уклонился Приз.— Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще, это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну... по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Бикон паб».

— Я уже видел, как ты ел орити,— напомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орити — редкостный деликатес. Его удается попробовать раз или два в жизни. А в «Бикон паб» наша обычная еда.

— Какая же?

— Вряд ли стоит тебе это узнавать,— предупредил Приз.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас пища?

— Ну, хорошо, мистер Нос Сующий,— сдался Приз.— Но заруби себе на длинном носу: ты настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я же предупреждал, тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Мало того, что противно, это и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу и живу,— сказал Приз.— И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это же невозможно,— настаивал Кармоди.— Это противоречит законам сохранения энергии, или массы, или чего-то такого. В общем, противоречит законам природы.

— Верно, но только в узком смысле,— согласился Приз.— А если бы ты изучил данный вопрос поглубже, ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю,— признался Приз.— Однако это написано во всех наших учебниках. И никто до сих пор не сомневался.

— Но я хочу получить прямой ответ,— не уступал Кармоди.— Ты действительно съедаешь кусочек собственной плоти?

— Да, именно так. Хотя это не только моя плоть. Моя печенка очень вкусна, особенно рубленная с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Окорока же надо выдерживать несколько недель, прежде чем...

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но...

— Нет, ты все-таки объясни: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже смешно.

— Ну, я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно,— поправился Кармоди.— Но ты же не можешь питать свою плоть, если ты одновременно эту плоть уничтожаешь?

— Боюсь, я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть...

— Так я и делаю.

— Итак, если ты потребляешь свою плоть для пропитания плоти... Минутку. Давай с цифрами. Если ты весишь, скажем, 50 фунтов...

— Именно так. На родной планете я весил 50 фунтов.

— Прекрасно! Идем дальше. Если ты весил 50 фунтов и если, скажем, за год ты съел для поддержания жизни 40 фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов! Правильно?

— Черт возьми, ты что, не видишь, к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не смогу?

— Закон Уменьшающихся Поступлений,— веско сказал Кармоди.— Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя, и ты умрешь.

— Совершенно верно. Но смерть неизбежна и для себяядных, и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Да ведь если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день,— возразил Приз.— Но у нас, Призов, вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедим, тем меньше надо кормить и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор в автопоедании. Многие Призы съедают свое будущее еще в ранней юности и таким образом сохраняют для себя большой кусок жизни.

— А как они съедают свое будущее? — спросил Кармоди.

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет, от 92 до 80, старческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня от тебя голова болит,— прервал Кармоди.— И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз.— Тошнит его по всякому поводу, понимаете ли! А ты сам, кровавый мяс-

ник, сколько несчастных животных разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных кроваток? Верно, я съел случайно попавшегося орити, но перед тобой в день Страшного суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овечек, не говоря уж об изнасилованных тобой садах, целых лесах яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орити, но ты! Как ты искупишь стоны всех этих животных, сожранных тобой? Как искупишь, Кармоди, как?

— Ладно, заткнись,— рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием,— ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у меня такая. Вот и все.

— Ну, если ты так полагаешь...

— Да, так полагаю. А теперь заткнись. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город,— сказал Кармоди.— Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз.— Кто знает, как выглядит его город, тот его и узнает.

— Нет. Когда я здесь жил, я его не разглядывал. А с тех пор как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню,— сказал Кармоди. И медленно побрел по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом подумав, что любой выбор может стать роковым.

Глава 27

Кармоди шел и смотрел по сторонам, смотрел и присматривался. Все было как будто таким, как это и должно было быть. В Мэйплвудском театре на экране шла

«Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жака Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — одиннадцать часов». На сцене выступала («Проездом, только один раз!») вокальная группа «Якконен и Фунги».

— Похоже, фильм смешной,— заметил Кармоди.

— Не на мой вкус,— сказал Приз.

Кармоди остановился у галантереи Марвина и заглянул в витрину. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «Собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольерс», перелистал «Либерти», заметил еще «Манси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан»*.

— Ну? — спросил Приз.— Твой город?

— Рано говорить,— ответил Кармоди.— Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка — Кармоди ее сразу узнал.

— Лана Тёрнер! Как поживаешь, Лана?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе,— объяснил Кармоди Призу, выйдя из закусочной.— Забавно, когда все это вспоминаешь.

— Забавно-забавно,— с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Маунтэйн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер,— сказал Кармоди.— Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вон, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это

---

* Журналы и газеты, давно прекратившие существование.

Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она...— Кармоди понизил голос,— все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа,— сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. Мисс Харлоу идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия... А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно,— скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. Вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр!

— Добрый день, Том,— ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч, наш мэр,— объяснил Кармоди.— Грозная личность. Я еще помню его дебаты с местным радикалом Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то во всем этом не то,— сказал Приз.— Что-то таинственное, что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем себя самого. О, вот Поллет Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Хей, Поллет!

— Хей, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится,— настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко,— сказал Кармоди.— Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лоном Чени, школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в то время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лой, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди,— тревожно прервал Приз.— Остерегись! Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Болтовня курам на смех! Говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник!..

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, все улыбались, старые товарищи. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бестера Крэбба. А за ними — Спенсер Трейси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер...

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — твердил Кармоди.

Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все ожило.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда исходят звуки.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди.— Все это дерьмо разыгрывается, как по нотам, а я не учуял!..

Франшо Тон коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил как медведь. Ширли Темпл вцепилась в правую ногу*. Остальные обступали плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди.— Сизрайт, бога ради!..

И все произошло быстрее, чем он что-нибудь сообразил.

Часть V

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Глава 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Риверсайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска: «Спрай». Легкие дуновения выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Дик Трейси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой,— сказал Кармоди.

— Интересное место,— заметил Приз.— Оживленное. Мне нравится.

— Угу,— неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства испытывает, вдыхая дым отечества.

---

* Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Темпл, например, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 11 часов».

Он двинулся к центру. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с детскими колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наползал по-кошачьи бесшумно. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды весело бежали в Гудзон, а Гудзон весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в деловом костюме, тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника не из процветающих.

— Здорово, старик,— приветствовал его Марунди, протягивая руку.

— Здорово,— отозвался Кармоди, улыбаясь, как заговорщик.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь,— сказал Кармоди.

— Откуда я знаю,— сказал Марунди,— когда твоя Элен не знает.

— Да ну!

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Придешь?

— Факт. А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю! — горестно сказал Кармоди.— Он все еще того?.. Да?

— А ты как думал? — спросил Марунди.

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись,— шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди.— Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован,— сказал Приз.— Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди.— Нет, на самом деле дает! Эй, ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты, знаешь куда!..— огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди.— Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что, уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому,— согласился Кармоди.

Кармоди уже собирался ответить, будто он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто за язык дернул.

— Я странствовал по Вселенной,— брякнул он.— Я был в глубинах Космоса и познакомился накоротке с некоторыми его обитателями. Они — такая же реальность, как и мы, и пусть все знают об этом.

— Ах, вот что! — Марунди понимающе кивнул.— Значит, и ты тоже «пустился в странствие»*!..

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты постиг молекулярное всеединство мира и услышал тайные голоса своего тела?

— Не совсем так,— сказал Кармоди.— Что касается моего конкретного Странствия, то я преимущественно слушал тайные голоса других существ и, выйдя за пределы лично-молекулярного, постиг внешне-атомное. Мое Странствие убедило меня в реальности существ, отличных от меня, хотя сущность их осталась скрытой.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящие «капельки», а не какую-то разбавленную дрянь? Где достал?

— Капли чистого опыта добывают из дряни бытия,— сказал Кармоди.— Суть вещей хочет познать каждый, а открывается она лишь избранным.

---

* «Пуститься в странствие» — принимать ЛСД *(жарг.)*.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди.— Ладно, старина! Теперь все так. Ничего. Я и с тем, что попадается, неплохо залетаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с ним. Ты куда, на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь! Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда,— сказал Марунди.— Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь.

Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением; о новом сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели вчера уничтожить целых пять партизан Вьетконга; о диком успехе многосерийного телефильма Эн-би-си «Чудесные приключения в золотом веке капитализма». Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов и на их месте выросло новое сооружение. Издали оно выглядело как замок, но таких замков Кармоди еще не доводилось видеть. И он обратился за справкой к своему спутнику, вдохновенному Марунди.

— Работа великого Дельваню,— сказал тот,— автора «Капкана Смерти-66», знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал Флэш-Пойнт-тауэрс — новейшие чикагские трущобы. Это един-

ственные трущобы в мире, форма которых вытекает из содержания, то есть первые трущобы, которые прямо и гордо были задуманы именно как наисовременнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбан-Америке.

— Да, помню. Уникальное достижение,— согласился Кармоди.— Ну а это как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус магнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрацными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головами был выложен девиз: «Расточительность — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал из прессованных картонных коробок, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю,— замялся Кармоди.— А что все это такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением.

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике! А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же должно нравиться именно это?

— Потому что, Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство идет от реальности. Потребляю, следовательно существую! Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от мусора — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же что такое отбросы? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать» — таким был извечный завет. Однако он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «А зачем говорить об отбросах?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, то это выглядит закономерно,— сказал Кармоди.— И все же...

— Иди за мной, смотри и думай! — приказал Марунди.— И понимание вырастет в твоем мозгу, как гора мусора!

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтового самолета, татаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь — бум-рум — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно,— заметил Марунди.— Это опасно. Однако многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы,— не унимался Марунди,— влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего мусор. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — звукообонятельная копия метро. Там трясет и качает, как в настоящем вагоне, а атмосфера воссоздается специальными дымовонекондиционерами «Вестингауз».

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов,— пояснил Марунди.— Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин

Бэй Пэккерс». А тот, писклявый, воющий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого...

— Давай уйдем отсюда,— взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минутку заглянем сюда. Здесь — галерея настенных рисунков и надписей. Левее — копии старомодной квартиры (на мой взгляд — образчик псевдоромантизма). Прямо перед нами — коллекция телевизионных антенн. Это британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь ее суровую сдержанность и сравни с камбоджийским стилем 1959 года. Видишь роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме.

Тут Марунди повернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе — это вещь, со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, не искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное, оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственности.

— Именно это мне и не по душе,— сказал Кармоди.— Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди.— Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач,— сказал врач.— Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да,— протянул доктор.— Симптомы острой галлюцинаторной недостаточности... М-да. Поверните голову. Пальпируется большая твердая шишка. Мину-

точку... М-да!.. Бедняга буквально создан для галлюцинаций!

— Док, вы можете помочь ему? — спросил Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя,— сказал доктор.— Пока положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из «Маленького черного чемодана» шприц.

— Стандартное укрепляющее,— сказал он Кармоди.— Не беспокойтесь. Не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеватров, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно,— мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в этот самый момент, или примерно в этот момент, Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, но затем все пришли в себя, и снова воцарилось олимпийское спокойствие. Что до Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, ныне твой дух вознесся в то царствие, где уготовано место для всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все,— сказал Приз с горечью.— Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Не сомневаюсь,— сказал Кармоди, на которого низошло странное спокойствие.— Но я и не планировал жить в этой Вселенной вечно.

— Все бессмысленно,— сказал Приз.— Ведь ты потерял все.

— Не согласен,— усмехнулся Кармоди.— Позволь тебе заметить, что в эту секунду я еще жив.

— Но только в данный момент!

— Я всегда был жив только в данный момент,— сказал Кармоди.— И не рассчитывал на большее. Это и была моя ошибка — ждать большего. Возможности — возможностями, а реальность — реальностью. Такова истина.

— И что тебе даст это мгновение?

— Ничего,— сказал Кармоди.— И все.

— Я перестал тебя понимать,— сказал Приз.— Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость,— сказал Кармоди.— Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз.— Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его,— сказал Кармоди.— А для чего еще существуют мгновения?

Второе путешествие в координаты чудес

Глава 1

Однажды ночью, когда король бесконечного пространства мирно почивал, ему пригрезился странный сон. Увидел он человека — или, по крайней мере, живое существо — по имени Том Кармоди, который обитал на планете столь удаленной и невероятной, что даже спящему королю было предельно ясно, что все это чистейший плод воображения. Во сне они с Томом Кармоди встретились и разговорились, и между ними внезапно расцвела такая задушевная дружба, о коей король давным-давно мечтал, но никогда не имел в реальности.

Пробудившись, он немного поразмыслил о странном сновидении и выбросил его из головы. В конце концов, он был король бесконечного пространства, о чем не забывал себе то и дело напоминать, чтобы не впасть в излишнюю самоуспокоенность. Он являлся также единственным правителем Галактического Центра, и Центр этот был достаточно велик, если вообще уместно говорить о величине применительно к практически бесконечной протяженности.

Да, он был король, без всяческих сомнений, но и у королей выдаются неудачные денечки, исполненные печальных раздумий о монаршем одиночестве. Нет у него никого, чтобы поговорить по душам, ни единого друга,

кому можно излить свое сердце. Никто не разделит его персональных радостей, не взгрустнет над его печалями. Существует, конечно, принцесса Робин, нареченная невеста короля, но их отношения скорее формальны, чем эмоциональны. И если не считать традиционного совместного посещения премьер в Королевском театре, где крутят завезенные с Земли киноленты всех тамошних времен и народов, они с Робин больше нигде и никогда не встречаются.

Пригорюнившись, король сообразил, что фактически живет под арестом, будучи привязан к своему королевскому дворцу. И что ни разу еще не выходил за его пределы, дабы поглазеть на таинственные уголки и закоулки Галактического Центра, которым он столько лет правил, но никогда не видел.

А ведь совсем неплохо бы повидать старину Тома Кармоди, подумал король наконец и сам тому изумился: как-никак этот человек пригрезился ему во сне! И вовсе даже неизвестно, существует ли такой на самом деле.

Но если существует, с ним обязательно надо повидаться. Королю ужасно хотелось поболтать с Томом, узнать его поближе, ведь он чувствовал, что это персона невыразимо достойная и благожелательная, а благожелательность, всепонимание и самая чуточка доброго, незлобивого смеха как раз и было тем самым, чего особенно недоставало королю. Давным-давно он не ощущал столь бодрящего чувства и просто не мог ему не поддаться. Конечно! Надо срочно послать за Кармоди и пригласить его в Галактический Центр.

«И я знаю, что следует сделать,— подумал король.— Отправлю-ка Шиша гонцом! Пускай отыщет мне Тома и доставит сюда. Однако... есть ли у меня право называть его просто Томом, ведь мы еще не знакомы? Думаю, да, тут нет ничего обидного. Все-таки он простолюдин, хотя и совершенно особенный».

Король обдумал свое решение, разгуливая по кабинету, и твердо кивнул: «Да, именно так и следует посту-

пить. Я попрошу, чтобы Том навестил меня, для него это будет приятным разнообразием. И разумеется, оплачу все расходы».

Король сел за свой небольшой, но удобный и элегантный рабочий стол, взял в руки огромное двуручное Имперское перо модели «Монблан» и начертал формальное приглашение. Сам он был довольно неформальной личностью, но весь Галактический Центр буквально помешался на формальностях, и король прекрасно об этом знал. Вот почему он потрудился написать приглашение и поставил под ним свою королевскую закорючку. Королевская закорючка, как ему было ведомо, окажет провинциалу с Земли неоценимую услугу, без нее бедняге Тому не продраться сквозь хитромудрости Центральногалактического региона.

Расписавшись, он послал за Шишом, Королевским Посланцем, дабы тот доставил написанное по назначению.

Услышав, что король призывает его к себе, Посланец Шиш, пребывающий в своих апартаментах в пасторальной части дворца, невероятно расстроился.

Шиш специально выбрал для своего жилища это уединенное место, предпочитая здоровый деревенский воздух и не желая подвергаться скученным условиям проживания в центральных кварталах Галактического Центра. К тому же сей тактический ход полностью соответствовал его генеральной стратегии: живи тише воды, ниже травы, чужие глаза не мозоль, никогда не высовывайся, ничем не выделяйся.

И вот, после бесчисленных лет приятнейшей анонимности, вдруг эдакий афронт: его желает видеть король!

Но, может, все не так уж и страшно? Весьма вероятно, король просто попросит его что-нибудь сделать. Где это слыхано, чтобы монарх призвал к себе кого-то по какой-либо иной причине? И что же, в сущности, плохого в том, чтобы сделать Его Величеству малюсенькое одолженьице?

Однако королевский приказ можно расценить как намеренное оскорбление, если ты принадлежишь к числу первопоселенцев! Шиш и вся его родня обитали в Галактическом Центре задолго до того, как здесь объявился король, они обосновались тут гораздо раньше, чем сам Галактический Центр возник и разросся на месте бескрайних космических лугов и пастбищ. Да, недурной когда-то был уголок космоса, в самый раз, чтобы осесть и развить интеллект, хотя и ничего грандиозного, не то что теперь.

Когда-то, подумал Шиш, все жители этих мест были, безусловно, равны. И как же получилось, что Ральф вдруг заделался королем, не будучи даже в числе первопроходцев? Подробностей Шиш припомнить не мог, в то время они отчего-то казались не важными. А в результате ему сейчас приходится поспешать, и лишь по той причине, что король возжелал его увидеть.

В общем-то Шиш понимал, что раздувает из мухи слона и в действительности дела его вовсе не плохи. Если не считать короля, принцессы Робин и барона Корво, Королевский Посланец — важнейшая персона в Галактическом Центре и может делать все, что ему заблагорассудится. И какое имеет значение, если он разок услужит королю? В том нет никакого позора. Кто-то же должен быть королем? Так почему бы не Ральф, как он именовался прежде, чем взошел на трон.

Шиш подумал, что может запросто взять и не пойти. Вот так он и докажет королю: «Non serviam! Я тебе не слуга». И что самое интересное, никакого наказания не последует. Можно даже просто отослать записку: «Не смей давить на меня, король ты или не король». Но все-таки Шишу не хотелось пускаться в открытый бунт, и он уже торопливо шагал через сад к Большому Дворцу, к западной его башне с узкой каменной лесенкой, ведущей прямо в королевский кабинет для размышлений.

«Ах ты, наш маленький великий мыслитель!» — ядовито подумал Шиш, но тут же себя одернул. По пути у

него постепенно сложилось впечатление, что происходит нечто очень важное, хотя совершенно неясно, что именно, поскольку ключевой факт, по-видимому, еще не произошел, в то время как он, Шиш, улавливает лишь эманацию из будущего.

Обдумывая эту стройную гипотезу, он быстро поднимался по лесенке к кабинету короля. На каждой лестничной площадке попарно торчали сламерианские гвардейцы в плоеных голубых юбчонках и кожаных сапогах до середины бедра. Никто его не остановил. Шиш был Посланец, он мог ходить где угодно.

Глава 2

Все началось совершенно невинно. Том побывал в Галактическом Центре, а после пропал, вернулся к себе на Землю. Однако память осталась, и множество народу постоянно спрашивало о нем.

Сперва лишь те, кто непосредственно общался с Томом. Клерк, Модсли и Лотерейный Компьютер, и даже инопланетянин Кар-Мо-Ди, известный как Кармод, тоже заскучал по нему. И Приз, разумеется, и, конечно, Мелихрон. И даже Хищник, который не столько хотел прикончить Тома (как бывало с ним в молодости, когда он ревностно относился к работе), сколько поошиваться вокруг него и чуток поболтать. А также Орин, помощник Модсли, и Бруксайд, его второй помощник. И высокий бородатый старик, чьего имени никто не знал.

Тома не было, но люди продолжали спрашивать о нем. Они спрашивали, как у него обстоят дела, но Шиш, из вполне понятного и простительного тщеславия, никоим образом не мог признать, что Том никогда не пытался вступить с ним в контакт. «У него все в порядке,— обычно отвечал Шиш.— Том очень занят, у него много работы. Он под большим впечатлением от визита сюда, говорит, что непременно вернется, рано или поздно. И он передает наилучшие пожелания всем своим друзьям».

Обычное тщеславие, не больше, однако оно постепенно и неотвратимо трансформировалось в нечто совершенно иное. Когда Кармод сказал: «Увидишь Тома, передай от меня большой привет»,— Шишу ничего не оставалось, кроме как согласиться. И позже, будучи спрошенным, он вынужден был солгать, что привет передал и Том отвечает своим огромным приветом.

На этом все могло бы и закончиться, кабы интерес к Тому увял, ведь в Галактике ужасно много интересного помимо Тома Кармоди. И все-таки о нем не забыли, и оригиналы, которые встречались с Томом, в конце концов организовали небольшой клуб под названием «Друзья Тома Кармоди». Это было сделано наполовину в шутку, наполовину из ностальгии, наполовину в надежде... Потому что в Галактическом Центре иногда встречаются вещи из трех половинок.

Когда Посланца Шиша настоятельно попросили передавать Тому послания, тот сообразил, что крепко вляпался. И попытался выйти из неудобного положения единым махом. «Том Кармоди решил удалиться от мира,— солгал Шиш.— Вы же знаете, у Тома всегда была склонность к медитации. Он всем посылает свои сердечные приветы и обещает, что свяжется с вами попозже, когда исполнит все, что необходимо сделать».

Объяснение показалось вполне приемлемым, ведь все Друзья Тома Кармоди в душе полагали, что Том, невзирая на свой экстравагантный вид и рассеянные манеры, действительно склонялся к медитации. Шиш облегченно вздохнул, решив, что проблема снята, однако Модсли вдруг захотелось получить от Тома сувенир. «Годится любой пустячок,— охотно пояснил тот.— Мы устроим в нашем клубе нечто вроде алтаря Тома Кармоди! В шутку, конечно, но дело это серьезное, если ты понимаешь, что я имею в виду. Любая старая вещица, что угодно».

Шиш отдал им старую бейсбольную кепку, которой разжился в своих путешествиях. Сказал, что Том когда-то очень любил ее надевать. Подарок был принят с вос-

торгом, каждый припомнил, что видел Тома именно в этой красной кепке. Посыпались заказы на другие сувениры, все больше и больше народу осаждало просьбами Шиша. Еще больше было тех, которые просили передать Тому свои личные послания, желая спросить у него совета и все такое. И все эти люди и слышать не хотели, что Том ни с кем не намерен общаться. Ведь говорит же он с Шишем, разве не так?

Обнаружив себя в неуютной позиции собеседника Тома Кармоди, который больше ни с кем не желает говорить, Шиш обратился к простейшему, как ему тогда казалось, выходу: сказал, что Том согласился давать несложные советы за умеренную плату, которая будет перечисляться Институту Галактической Эмпатии имени Тома Кармоди, представляющему собой некоммерческую организацию, посвященную дальнейшему развитию и углублению взаимопонимания между разумными существами Вселенной.

Шиш решил, что имеет законное право извлечь определенную выгоду из весьма утомительного занятия, которое отнимало у него все больше и больше времени, не говоря уж о деньгах. По крайней мере, надо покрыть расходы на сувениры и нанять себе помощника, который избавил бы самого Шиша от докуки сочинять ответы на письма, адресованные Тому Кармоди.

Словом, он нанял Димитрия, известного как Дима. Этот юноша был воспитан на историях о Томе Кармоди и безрассудно его обожал.

— Ты будешь писать ответы за Тома,— сказал ему Шиш.

— А как я узнаю, что он захочет ответить? Мне придется спрашивать у него самого?

— Разумеется, нет,— отрезал Шиш.— Когда прочитаешь вопрос, закрой глаза и посиди так немного. А после напиши первое, что придет тебе на ум.

— Все, что придет мне в голову?..

— Вот именно. И это должно быть простое предложение, не более десятка слов, и в нем должна содержаться квинтэссенция того, что думает по данному вопросу Том Кармоди.

— Может, мне все-таки лучше проконсультироваться с Томом? — робко спросил Дима.

Но Шиш покачал головой:

— Том согласился вести дела лишь на таких условиях.

— При всем моем уважении, Шиш... Скажи, ведь ты сам это придумал?

— Разумеется, нет,— возмутился Шиш.— Неужели ты думаешь, что я не мог бы предложить кое-что поумнее? Нет, это все Том, его старые дурацкие штучки. Святая простота, да и только! И все-таки он безошибочно зрит прямо в корень вещей.

— Ты прав, Том изумительный человек,— с благоговением откликнулся Дима и больше не задавал вопросов.

Итак, работа закипела, и притом с оглушительным успехом. Колоссальный бум охватил весь Галактический Центр во мгновение ока, поскольку в деле не участвовали компьютеры, которые могли бы тому помешать. Вскоре Шиш был вынужден нанять в помощники Сашу, дабы освободить Диму от заклеивания и штамповки конвертов. Пользуясь случаем, он заодно повысил таксу «в связи с не зависящими от нас обстоятельствами», и вскоре обнаружил, что предприятие приносит ему приятный кругленький доход, который с течением времени все округляется и округляется.

В конце концов на свет явилось публичное издание: «Изречения Тома Кармоди», книга первая. В книге содержались такие сияющие жемчужины, как ответ на вопрос уроженки Алебриана касательно того, имеет ли женщина право обзавестись восемнадцатью любовниками вместо предписанной местными традициями дюжины, или же сие морально неприемлемо. Дима, в качестве Тома, написал: «Летом расцветают все цветы». Глубокая мудрость изречения была оценена по достоинству, и песенка, озаглавленная крылатой фразой, стала победительницей очередного конкурса поп-хитов.

К тому часу, когда король пожелал встретиться со своим Посланцем Шишом, вышли в свет уже одиннадцать книг «Изречений», и издатели едва успевали допечатывать тиражи.

— Входи,— сказал король.

Шиш вошел и отдал формальный салют.

— Я прибыл, сир, как вы того пожелали.

— Мой старый добрый Шиш! Ты ведь был одним из первых,— промолвил король, и слезинка блеснула в его глазах. В душе он был ужасно сентиментален, но тут же взял себя в руки и деловито сказал: — Том Кармоди.

Шиш молча кивнул.

— Когда-нибудь слышал о нем?

Шиш пораскинул мозгами и с фальшивым бесстрастием сказал:

— В Галактическом Центре однажды побывал человек с таким именем. Помнится, ему присудили какой-то Приз. Но это было очень давно, Ваше Величество, еще до того, как вы взошли на трон. Я сам доставил сюда Кармоди, однако у него была куча неприятностей, прежде чем он сумел вернуться домой.

— Уверен, это он самый и есть,— сказал король.— Я желаю увидеться с Томом Кармоди! Будь так добр, Шиш, приведи его ко мне.— Король сложил исписанный листок бумаги, сунул в конверт, заклеил и запечатал королевской печатью.— Это официальное приглашение. Передай конверт подходящему чиновнику, чтобы Том потом его забрал.

— Будет сделано, сир. Но где же теперь искать этого Тома Кармоди?

— Полагаю, он по-прежнему живет на своей планете, которая называется Земля.

— А как я узнаю нужного Кармоди, если на Земле найдутся другие с таким же именем?

— Но ведь ты сказал, что помнишь Тома?

— Не могу сказать, чтобы отчетливо, сир.

Король вручил ему бумажный квадратик.

— Вот тебе его персональный и уникальный идентификационный номер.

(Кстати, большинство разумных рас Галактики даже не подозревают, что любому и каждому разумному суще-

ству присвоен свой собственный персональный идентификационный номер. Абсолютно уникальный, поскольку умрет вместе с владельцем и никогда более не будет употребляться!)

— Слушаю и повинуюсь,— молвил Шиш и вышел вон.

Король ощутил огромное облегчение, покончив наконец с проблемой, которая не давала ему покоя. Теперь он с чистой совестью мог вернуться к рутинным дворцовым делам. На вечер у него назначено свидание с принцессой Робин: пятичасовой киносеанс и последующий обед. А позже междусобойчик с бароном Корво, и король давно уже предвкушал удовольствие. Однако, когда он отправил Шиша за Томом Кармоди, привычные королевские радости вдруг заметно поблекли в его глазах.

Ведь король только что положил начало событию, чреватому непредсказуемыми последствиями, и теперь не мог просто сидеть и ждать. Он должен действовать, он должен стать вершителем своей судьбы! И почему бы, подумал он, королю не пойти и не встретить Тома Кармоди? Шиш доставит Тома в Галактический Космопорт на своем космическом корабле. И разве король не имеет права явиться в Космопорт и дождаться его прибытия? А так как полет наверняка займет какое-то время, он сможет сперва осмотреть Галактический Центр. Разумеется, весь дворец будет шокирован столь неформальными действиями со стороны короля, однако, напомнил себе он, лично его это нисколечко не волнует. Их придворные церемонии у него давно уже сидят в печенках!

В сущности, король был отличный парень, насколько это возможно для монарха, обладающего абсолютной властью, и не любил демонстрировать превосходство направо и налево. Пойти и встретить Тома, решил он, хорошая и правильная мысль. Пусть Том увидит, что король не задирает носа только потому, что он король.

Осталось лишь встать и выйти из дворца в бесконечную протяженность Галактического Центра, которого король никогда еще не видел. Но может ли он сделать это, не уведомив абсолютно никого? Ничего не сказать прин-

цессе Робин... но разве он ей принадлежит?.. и даже барону Корво, шефу его собственной Секретной полиции?.. Да шут с ними со всеми! Король может делать все, что пожелает, в конце концов, он все-таки король.

И без дальнейших проволочек король совершил свой беспрецедентный поступок, но прежде написал принцессе Робин записку, отменяющую свидание: «Прошу прощения, дорогая, возникло дело непредвиденной важности. Вернусь к тебе сразу же, как только смогу». Запечатав послание, он поспешно сунул его в трубу дворцовой пневмопочты, а после сел на трамвайчик и благополучно доехал до западного терминала дворца. Там он сошел с трамвая, прошел через Врата Предателя и очутился на улице, ведущей во внешний мир.

Все оказалось удивительно просто, стоило лишь начать. И как он не додумался до этого раньше?! Король был приятно возбужден ожидаемым приключением, да что тут скрывать, он был воистину счастлив.

Шиш тем временем вернулся в свои апартаменты и сел размышлять. Он размышлял долго и скорбно, поскольку знал, что с появлением Тома в Галактическом Центре начнет разрушаться порядок вещей. Тома Кармоди Шиш помнил слишком хорошо. Уже тогда этот гость устроил изрядный переполох, когда явился потребовать Приз, который на самом деле принадлежал совсем не ему.

С тех пор много воды утекло, многое изменилось. Например, теперь у них есть король. Ральф хороший человек. Пускай лишенный воображения, зато под его необременительным правлением Галактика заметно упорядочилась. Теперь уже не приходится иметь дело с иррациональными созданиями вроде Модсли и Мелихрона, как бывало в старые дурные деньки. Однако стоит лишь появиться Тому, и прежнее безумие опять расцветет пышным цветом. И все это по причине иррационального импульса, исходящего от короля!

Никто на самом деле не знает, откуда взялся король. Но, правда, все кругом стало гораздо тише и спокойнее,

когда Ральф пришел к власти. Он спокойный, терпеливый, осмотрительный человек. Занимается своими придворными делами и оставляет чиновникам все остальные. В общем и целом, все было просто замечательно, пока короля не посетила эта безумная мысль!

Что до самого Шиша, будущее также не сулило ему ничего хорошего. А ведь как все было прекрасно в последнее время! Он жил хорошей, беспечной жизнью хорошо обеспеченного холостяка, повсюду заводил себе подружек, отнюдь не смущаясь этическими соображениями. Галактике давно настало время позабыть о подобной ерунде и как следует заняться бизнесом.

И кстати, о бизнесе. Сначала придется прикрыть операцию с сувенирами от Кармоди, а уже потом отправиться за Томом. Шишу очень не хотелось делать ни того, ни другого, но выбора у него не осталось. Приказ есть приказ, а Королевский Посланец — существо подневольное.

Глава 4

Шиш вошел в магазинчик, открытый им с целью наилучшего удовлетворения ажиотажного спроса на сувениры от Тома Кармоди. Дима и Саша работали не покладая рук. Дима был коротенький брюнет с плоским землистым лицом, чахлыми усиками и чересчур короткой стрижкой, а его ассистент Саша — высокий, изящный блондин с мечтательными голубыми глазами. Оба трудолюбиво заполняли бланки льющихся широкой рекой заказов, каковые поступали исключительно в письменном виде с непременным вложением банковского чека («Просьба наличных не посылать!»), обеспечивая Шишу чрезвычайно пристойный уровень жизни.

Здесь были фигурки животных, которые Том, как предполагалось, в детстве вырезал из древесины: крошечные жирафы, гиппопотамы, африканские слоны с тоненькими бивнями из натуральной слоновой кости, а кроме того, львы, тигры и другие хищники, кенгуру и страусы эму:

их производила по особому соглашению с Шишом компания «Новинки Галактического Центра». Как ни странно, но никому не пришло в голову, что всей жизни Тома не хватило бы на то, чтобы вырезать их собственноручно.

Дима и Саша (но преимущественно Саша, исполнявший роль тупого разнорабочего) паковали сувениры в коробки, наклеивали на них ярлыки с адресами и укладывали в специальные мешки с пометкой «Срочная доставка Межзвездной почтовой службы».

Кроме деревянных зверушек, желающие могли заказать образчики иных талантов Тома Кармоди. Здесь были кожаные портмоне и книжные закладки, сохранившиеся с его бойскаутских лет. А также небольшие вышивки крестиком, которые Том предположительно производил в минуты глубоких философских раздумий. И маленькие стеклянные вещицы, сработанные на острове Мурано, где Том когда-то подвизался подмастерьем. И пояса макраме, которые он сплел на отдыхе в Швейцарских Альпах, и шерстяные килты, сотканные во время каникул на озере Миннехаха, ведь Том, помимо того, что был обыкновенным гением, нигде и никогда не позволял рукам лениться.

Шиш проинспектировал трудовую обстановку и одобрительно кивнул. Какая жалость, что придется свернуть столь процветающую антрепризу, но что надо сделать, то надо сделать.

— Дима,— сказал он.— Вы с Сашей отлично поработали. Но сейчас, к сожалению, я вынужден закрыть магазин. Отправь на почту то, что уже упаковано. Остальным клиентам — краткое извещение: мы временно прекращаем операции в связи с непредвиденным потопом и возобновим обслуживание, как только появится возможность, гарантируя неукоснительное выполнение заказов.

— Я не понимаю, хозяин,— сказал Дима.— В чем дело? Неужто на нас опять охотятся эти типы из «Правдивой рекламы»?

— Благодарение небесам, нет,— вздохнул Шиш.— Просто так сложились обстоятельства, но вдаваться в подробности я не могу.

— В самом деле? — сказал Дима.— Ты же знаешь, что мы с Сашей все равно все узнаем. Так почему бы не прямо сейчас? Мы ведь никому не скажем, правда, Саша?

Саша похлопал глазами и кивнул головой.

Поколебавшись, Шиш решил, что его помощники и так все узнают, и почему бы не от него?

— Дело в том,— сказал он,— что Том Кармоди собирается нанести краткий визит в Галактический Центр.

— Сам Кармоди? — ахнул Дима.— Наконец-то повезло, я встречусь с этим замечательным человеком!

— Нет-нет,— поспешно произнес Шиш,— Том путешествует инкогнито и ни с кем не желает встречаться. Я пообещал ему, что не допущу ни интервью, ни восторженных поклонников, и это относится также к тебе, Дима.

— Но... ты же обещал! Ты сказал, если Том только появится в Галактическом...

— Если он появится как публичная фигура, вот что я имел в виду,— сказал Шиш.— А вовсе не тайный визит с целью бросить прощальный взгляд на место своего триумфа, прежде чем перейти к другим, более важным и нужным делам.

— И что это за дела, хозяин? — жадно вопросил Дима.

— Увы, Том не позволил раскрывать его планы. Мне очень жаль, Дима, но руки у меня связаны, если можно так выразиться. Ты не забыл, что тебе велено сделать?

— Я все сделаю как надо, хозяин.

— Это хорошо. Потому что я улетаю на Землю, чтобы доставить сюда Тома. Сделай, как приказано, и я привезу тебе сувенир от Тома Кармоди. Самый настоящий! Початая пачка сигарет подойдет, да? Думаю, я уговорю Тома с ней расстаться.

И Шиш стремительно вылетел наружу.

Когда он убрался, Саша хмыкнул.

— Ну, блин, Дима, тебе, блин, не позавидуешь. Мне-то по сердцу футбол, спасибо счастливой звезде. Эй, эй, мужик, ты в порядке?

— Я размышляю,— сказал Димитрий.

— Да ну? А на кой ляд?

— Этого я не могу тебе сказать, Саша, но намекнуть могу. Видишь ли, я досконально изучил всю жизнь Тома Кармоди и всю его подноготную, вкалывая здесь за гроши для Шиша, и все для того, чтобы когда-нибудь в будущем увидеться с Томом. И вот теперь, когда у меня появился реальный шанс, я не намерен принимать от Шиша «нет» в качестве финального ответа.

— Ну, блин, а что ты можешь-то?

— Там, где я родился, есть такая старая пословица: «Дохлому лошаку что подмигнуть, что кивнуть — все едино». Сообразил?

Саша кивнул, не имея ни малейшего понятия, о чем это Дима толкует.

— Тогда займись делами, а я ухожу. Надо кое-что побыстрому сделать.

Глава 5

Блуждая по городским улицам, король с восхищением разглядывал монументальную архитектуру Галактического Центра. В реальной реальности все это выглядело намного лучше и грандиозней, чем в виртуальной. Он все ходил и смотрел, ходил и смотрел, пока не проголодался и не понял, что в спешке покинул кабинет, не прихватив с собой ни гроша.

Король не стал упрекать себя за промах. Вполне естественно, что даже король не может все сразу предусмотреть. Но проблема все-таки была щекотливой. Как же он сможет себя накормить? Во дворце этим всегда занимались слуги.

На миг король почти запаниковал, беспомощно озираясь, будучи еще так близко и одновременно так далеко от дворца. Но вспомнил, что он король не по рождению, а за выдающиеся способности и эти способности обязательно выручат его из беды. Если, конечно, ему удастся припомнить, в чем они заключались.

Король немного поколебался, глядя на узкий проулок, который вел, как ему казалось, к площади Гран-Конкур. Нет, он не слишком хорошо обставил свое приключение, просто нырнул в него с головой, не думая ни о чем. И нет смысла напоминать себе, что именно этого ему и хотелось.

Так или иначе, но дело сделано, а королю подобает с достоинством противостоять невзгодам. Болезненно ощущая отсутствие в карманах побрякивающих монет, король решительно зашагал по переулку. «Когда я доберусь до Гран-Конкур,— сказал он себе,— то наверняка что-нибудь придумаю».

Глава 6

Проулок был узкий, темный и грязный, и мрачные здания высились по обеим его сторонам. Король зашагал по лужицам стоячей воды и внезапно остановился, узрев перед собой кучку подозрительного вида мужчин.

— Что это? — невольно воскликнул он и вспомнил, что давно собирался распорядиться, чтобы все кривые и узкие улочки Галактического Центра как следует расширили и распрямили. И всего-то надо было сказать: «Вы знаете эти кошмарные переулки возле площади Гран-Конкур? Я хочу, чтобы их привели в порядок. Разве не абсурдно иметь перед глазами этакое зрелище, и не где-нибудь, а в самом Галактическом Центре? Приступайте немедленно!»

Но возможно, сие не понравилось бы барону Корво, который, в дополнение к обязанностям шефа Секретной полиции, занимал еще и пост министра по городскому благолепию. У Корво всегда было около дюжины очень срочных проектов и еще больше причин, по которым их никак нельзя было отложить в долгий ящик, и поэтому в долгий ящик откладывалось все, что нужно королю.

А ведь он никогда не возражал, мысля примерно так: «Мой министр барон Корво знает о вещах подобного рода гораздо больше меня». И в результате он, король, стоит

здесь, в этом опасном переулке, перед группой очень опасно выглядящих мужчин. Оглянувшись, он заметил позади еще одну группу не менее опасного вида личностей. Обе группы выглядели именно так, словно у них не было лучшей радости в жизни, чем прикончить своего короля.

На секундочку король впал в панику, прежде чем припомнил, что никто в Галактическом Центре не знает, как выглядит король. Королевские портреты никогда не публиковались в прессе, так что у бандитов нет никаких оснований подозревать, что они встретили короля... Если, конечно, он сам не разоблачит себя истинно монархическими манерами!

Сгорбившись и подшаркивая ногами, он приблизился к первой группе, полагая, что воинская выправка при таких обстоятельствах совершенно ни к чему. К тому же король был жутко голоден и знал, что на площади есть превосходная таверна. Сам он в этой таверне, конечно, никогда не бывал, зато прочел о ней в старом, захватанном пальцами путеводителе, бережно хранимом в королевской Малой спальне.

На самом деле только в этой спальне король и спал, а вовсе не в огромной, пышно изукрашенной, с натуральным перламутровым потолком и гигантской кроватью цвета дамасской розы, где свободно умещалась полурота гвардейцев (речь, понятно, идет о величине, а не о вкусах короля). Большую спальню он всегда показывал заезжим знаменитостям, устраивая им Малый тур по дворцу (Большой тур, как вы прекрасно понимаете, занимает немыслимое количество времени).

О да, она была великолепна, эта Большая спальня, но король предпочитал ей свою маленькую и уютную, с любимыми подлинниками Дали и Домье, с проигрывателем для компактных дисков, миниатюрной конторкой и книжным шкафчиком, набитым самыми любимыми книжками.

И был среди этих книг «Внутренний путеводитель по Галактическому Центру», знаменитое тринадцатое изда-

ние, живописующее отнюдь не прославленные культурные и исторические достопримечательности, а обычные житейские радости великого города: где лучше со смаком поесть и душевно выпить за подходящую цену, где можно развлечься на любой вкус, где и когда проходят всяческие фестивали, где расположены рынки, уютные скверы для отдыха и тому подобное, включая крайне малоизвестные исторические курьезы.

Больше всего на свете король любил забраться с ногами на кровать со стаканом холодного молока, ванильным печеньем и «Внутренним путеводителем», чтобы взахлеб читать о маленьких житейских чудесах, мечтая хоть ненадолго к ним приобщиться.

По правде говоря, он не верил, что такое возможно.

Жизнь короля бесконечного пространства строжайше регламентирована традициями, проистекающими из былых деяний давно позабытых королей, и крайне редко их смягчает какой-нибудь ученый комментарий, сам по себе невероятно древний. Раз в году, например, королю долженствует взойти на Армагеддонскую башню и пялиться на вечный город через архаичный телескоп, причем не более пятнадцати стандартных минут, а после — всенепременно промыть глаза предписанным декоктом, с целью прояснить свое королевское зрение и очистить его от заразы, проникшей от созерцания не возвышенного.

Сей беглый телескопический взгляд, да еще и раз в году, короля никогда не удовлетворял, тем более что все горожане, попавшиеся ему на глаза, вели себя исключительно церемонно под страхом мучительной смерти. Неудивительно, что прогулка по городу казалась ему драгоценнейшим даром, которым свободно наслаждались простые смертные, но только не их законный король. А ведь он, будь в Галактике хоть капля справедливости, не говоря уж об обычном здравом смысле, наверняка стал бы первым в рядах эстетов, способных по достоинству оценить беспрестанно разрастающийся, пульсирующий истинной жизнью город!

И вот, стоило лишь королю осуществить заветное желание, как он немедленно столкнулся с неблагоприятными аспектами городского бытия, а именно — с толпой вооруженных простолюдинов, перегородивших ему дорогу с видом, не сулившим одинокому пешеходу абсолютно ничего хорошего.

Главарь разбойников, детина в невыразимых обносках и с неописуемым фурункулом на носу, многозначительно поигрывал тяжелой дубинкой, нехорошо улыбаясь.

— И кто это к нам пожаловал? — риторически вопросил он, бросая на короля зловещий взгляд.

— Я простой горожанин, дорогой сэр,— поспешно сказал король,— вышел прогуляться, как и все ваши друзья. Прекрасная погода, не правда ли?

— И почему же ты избрал для прогулки злополучный Проезд Толстяков, куда никто не направляет стопы, помимо жаждущих страданий и мучений?

— Если это так,— сказал король,— то что же привело сюда вас, хотелось бы знать?

— Мечты о грабеже, разумеется, хотя у нас и не было надежды на успех. К несчастью, дурная слава сего бесславного местечка распространилась слишком широко и далеко, и ныне его антиреклама наличествует на всех автобусных станциях, трамвайных остановках и стоянках такси. Словом, мы давно уже не рассчитывали на добычу, но приходили сюда из чисто сентиментальных побуждений, с умилением припоминая старые добрые криминальные деньки. Понимаешь ли, у всех порядочных разбойников образовалась стойкая привычка сходиться на Перекрестке Злодеев после утренней кружки гадкого желудевого кофе, чтобы затем совершить совместный променад по Проезду Толстяков. Не скрою, мы продолжали мечтать, чтобы кто-то вроде тебя, мой дорогой сэр, забрел наконец сюда по неведению, возможно, желая чуточку срезать путь до той огромной площади со всякой всячиной.

Король был еще молод, никто не просветил его касательно ментальных, моральных и социальных привычек,

свойственных отбросам галатического общества. Но тугодумом он ни в коем случае не был.

— А ты не подумал, что появление кого-то вроде меня может иметь совсем иную, более глубокую мотивацию?

— Нет, такая мысль не приходила мне в голову,— сказал детина и вдруг нахмурился, ибо данная мысль, обремененная всей тяжестью вытекающих из нее сомнений, только что пришла ему в голову.

— Как тебя зовут, приятель? — осведомился король повелительным, хотя и доброжелательным тоном.

— А зачем тебе знать? — подозрительно буркнул оборванец.

— Чтобы я мог обратиться к тебе по имени,— сказал король,— когда предложу твоему вниманию нечто такое, что может принести тебе выгоду.

— Лампкин,— сказал детина, нахмурившись еще сильнее.

— Ну что же, Лампкин, сегодня выдался удачный денек. И для тебя, и для твоих компаньонов. Но сначала я хотел бы осведомиться о твоих политических пристрастиях. Например, что ты думаешь о короле?

— Ну, что до этого,— отвечал Лампкин,— могу сказать только одно. Боже, благослови Его Величество и прокляни его злых министров, бесстыдно скрывающих от короля истинное положение его народа!

— Прекрасно сказано! — вскричал король в восхищении.

— Если ты думаешь, что роялистские сантименты уберегут тебя и твои денежки, лучше подумай еще раз. Ведь правда, ребята?

Низкопробные товарищи Лампкина одобрительно взревели и принялись размахивать палками, дубинками, кастетами, цепями, кандалами, ножами и другим холодным оружием, среди коего случайно затесались один или два лучевых пистолета.

— Отлично, я вижу, что вы пригодны для дела,— сказал король.— А теперь отложите дубинки и послушайте

меня. Сегодня ваш счастливый день, надеюсь, вы не забыли? Я могу предложить нечто лучшее, чем удастся отыскать на моем бездыханном теле. Джентльмены! Как по-вашему, зачем я явился сюда, в широко известный зловещей славой Проезд Толстяков? Чтобы сделать интересное предложение, от которого вы просто не сможете отказаться.

— Не врешь? — пробормотал Лампкин, мучительно морща лицо от героических усилий разобраться в риторических перегинациях короля.— А что за дело-то?

— О, тебе непременно понравится,— заверил король,— но здесь не место его обсуждать. Недаром говорят, что и булыжники имеют уши. Давайте-ка пойдем в хорошую супную и похлебаем наваристого супчику... За мой счет! А после я изложу вам свою задумку, и будь я проклят, если она не сдунет пыль с ваших замшелых ушей.

Глава 7

Король, в сопровождении Лампкина и его приятелей, вышел наконец из темного, зловонного проулка на залитую солнцем Площадь Всякой Всячины, она же Гран-Конкур. Площадь была невероятно обширна, вымощена превосходной терракотовой плиткой и окружена великолепными полихромными строениями, над которыми весело развевались яркие флаги и стяги. Здесь всегда витала праздничная атмосфера, здесь влюбленные предпочитали назначать свидания, сюда приходили тысячи простых горожан Галактического Центра, чтобы как следует выпить, закусить и развлечься.

У короля полегчало на душе, когда он обнаружил себя на благородной Гран-Конкур, которую прежде видел лишь на страницах своей Видеоэнциклопедии. Разбойники Лампкина по-прежнему тесно окружали короля, и, хотя он больше их не боялся, ему хотелось сделать для этих бедняков что-то хорошее и тем завоевать их любовь. Он обещал им пирушку, но прежде надо раздобыть денег. К счастью,

король увидел на углу банкомат, аккурат напротив Супной Кухни, и сказал:

— Подождите меня здесь, я только сбегаю к денежной машине.

Лампкин тут же заподозрил неладное.

— Это еще зачем?!

— Я ведь обещал угощение, а за еду придется платить.

Оборванцы с сомнением поглядели друг на друга. Никто из них не решился подойти к машине, которая могла опознать в клиенте рецидивиста-карманника (каковыми все они и являлись), включить параполицейскую функцию и лишить его преступной руки.

— Откуда нам знать, что ты вернешься? — ощерился Лампкин.

— Не проецируй собственную неуверенность в жизни на меня,— посоветовал король твердо, но дружелюбно.— Если я пообещал, что вернусь, значит, вернусь, к тому же я все время буду у вас на глазах.

Ламкин и его бандиты принялись ожесточенно спорить, а король, пока суд да дело, спокойно перешел улицу, вынул из кармана золотую королевскую карточку, инкрустированную крохотными бриллиантиками, и вставил ее в щель банкомата.

Машинный голос сказал:

— Это кем же ты себя воображаешь, пытаясь попользоваться кредитной картой короля?

— Я король,— шепнул король, наклоняясь поближе.— Но пусть это будет нашим общим секретом.

— Король? Ничего себе история. А ну-ка покажи свою сетчатку!

Король придвинулся еще ближе и вперился в экран. Блеснула яркая вспышка, и через секунду машина сказала:

— Либо ты король, либо украл сетчатку у короля. Надо проверить еще раз на следы ретиноэктомии.

Снова блеснул яркий свет, и машина взволнованно сказала:

— Боже мой, никак не могу поверить, но вы действительно король, Ваше Величество, сам король бесконечного пространства, и вы стоите здесь, прямо передо мной! Но как же вы попали сюда, сир, так далеко от дворца, от вашей возлюбленной невесты принцессы Робин и вашего верного защитника барона Корво?

— А вот это не твое дело,— отрезал король.

— Вы правы, разумеется, простите, простите меня, сир, побочные эффекты эмоциональной перегрузки искусственной личности. Чем могу услужить вам, о мой король?

— Мне требуются подарки для моих друзей.

— Для тех, что спорят на противоположной стороне улицы?

— Совершенно верно. Откуда ты знаешь?

— Я вычислила, сир, это нетрудно. У меня очень неплохая логическая программа и превосходное периферическое зрение. И даже отсюда я могу с уверенностью заключить, что упомянутые личности отнюдь не того сорта, с каким монархи обычно имеют дело.

— Невзирая на твои выводы, я намерен наградить этих бедняков.

— Разумеется, сир. Деньгами?

— Деньги мне, конечно, понадобятся, ну скажем, несколько тысяч кредитов в мелких купюрах. Думаю, на первое время хватит. Однако для моих друзей хотелось бы что-то более... Гм, скажем, дюжину миниатюрных золотых статуэток, изображающих... ну скажем, какое-то из наших божеств. Алгронан подойдет, полагаю? И пусть он будет в типичной позе со сцепленными большими пальцами, как на знаменитой статуе Агры.

— Действительно, вполне подходящий сувенирчик. Однако правила предполагают, что я могу выдавать клиентам только деньги.

— Я знаю, но ведь я все-таки король. Надеюсь, ты можешь расширить свои функции, чтобы как-нибудь обойти ограничения?

— Само собой, сир! Я знаю очень хорошего ювелира. Могу ли я оформить заказ?

— Конечно, и безотлагательно. Но не говори ему ни слова про меня, я здесь инкогнито, как ты сама видишь.

— О, я понимаю, сир. Как романтично, если мне дозволено высказать свое мнение.— Послышалось музыкальное попискивание, машина набирала телефонный номер.— Алло, это Златокузница Джоуи? Привет, Джоуи, это денежная машина. Да, со мной все в порядке, благодарствую, но сейчас у меня нет времени на болтовню. Срочный заказ, Джоуи, никаких вопросов, зато очень приличное вознаграждение. Ты можешь отлить дюжину миниатюрных золотых статуэток Алгронана в типичной позе со сцепленными большими пальцами? Отлично, бросай все остальное и приступай к работе. Нет, не завтра, а прямо сейчас! Они нужны мне немедленно.

Глава 8

Лампкин и его оборванцы были очень довольны своими подарками. В Супную Кухню они проследовали за королем в куда более доверчивом настроении. Вся компания заказала фейджоаду, здешнее фирменное блюдо, и запивала его объемистыми фужерами фалернского, не уставая провозглашать тосты за своего благодетеля. Эта Супная Кухня вовсе не была грязной и вонючей забегаловкой, как опасался король. Стропила, правда, совсем почернели от сажи, вылетающей из огромных, столетиями не угасавших очагов, но в остальном заведение содержалось опрятно, а гостей весьма проворно обслуживали юркие девчонки из домовых.

С логической неизбежностью дело дошло до тоста за короля, ибо честная компания даже не подозревала, что выпивает в обществе собственного монарха.

— За нашего всеобщего радетеля, Его Величества короля! — провозгласил детина Лампкин, поднимаясь довольно неуверенно и воздевая свой фужер почти что к самым стропилам.— Да ниспошлют ему космические боги

здоровье, счастье и отличные новости! И да уберегут его от проклятия, что уже сгущается над троном!

— Что ты сказал? — встрепенулся король.

— Мы пьем за то, чтобы король не пострадал от своих врагов,— объяснил ему Лампкин.

— А что это за враги?

— Те, кто хочет сбросить короля с его священного трона, запереть в убогой камере и посадить на его место самозванца.

— Как, неужели кто-то действительно это задумал?

— Такие ходят слухи.

— А немного поподробней нельзя?

— Гнусный заговор,— объявил Лампкин.— Но когда король, благослови его небеса, узнает об этом, то отрубит заговорщикам головы. Ну, возможно, не отрубит, у нашего короля доброе сердце и прекрасные манеры, но непременно отберет у мерзавцев деньги, земли и титулы, чтобы передать своим лояльным верноподданным. Может быть, даже простолюдинам, вроде меня и моих товарищей, которым в жизни сильно не повезло.

— Я не знал, что простой народ так любит своего короля,— заметил король.

— Ага, мы любим нашего короля,— подтвердил Лампкин, утирая слезу.— Мы бы все помогли ему, если б могли, но что мы можем?

— Сам я никогда не слышал о заговоре. Ты уверен, Лампкин?

— Уверен? Да про ихний план все кругом толкуют, кроме самого короля!

— В этих местах я недавно,— сказал король.— Расскажи мне, что знаешь.

— Наверняка не знаю ничего, но слухи ходят уже несколько дней. Говорят, Его Величество король тайно покинул безопасную территорию дворца. Говорят, его враги сразу воспользовались этим и, что называется, взялись за дубинки. Говорят, его враги собираются сделать то, чего сам король делать ни в коем случае не желает.

— Но что сделать? И кто эти враги?

— Увы, слухи еще не настолько подробны. Но почему бы тебе не спросить у оракула? Тут есть одна цыганка за углом, не хуже других. И если она скажет, что правды в моих словах ни на грош, то значит, я больше не Лампкин.

— Эй, служанка, подай еще вина,— сказал король, вставая.— Ждите меня здесь, друзья, я скоро вернусь.

Глава 9

Завернув за угол, он сразу увидел вывеску, гласившую:

ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ОРАКУЛ
Чудесные разоблачения в присутствии заказчика
Принимается любая валюта

«Кажется, я увяз в этом приключении куда глубже, чем рассчитывал,— подумал король.— Однако же, не сбеги я из дворца, коварный заговор упал бы мне на голову, как черепица с крыши».

Не исключено, подумал он также, что все слухи о заговоре базируются лишь на его отсутствии во дворце. Но это уж слишком глупо, и король решительно отмел сомнения.

Студия оракула помещалась в угловом магазинчике, витрина его была завешена ярким лоскутным одеялом. Еще в витрине стояла клетка, где сидела птичка с зелеными крылышками и красной грудкой, которая весело защебетала, когда король отворил дверь. Внутри он увидел на стенах множество неважных литографий, преимущественно религиозного толка. За низким прилавком на высоком табурете сидела женщина и читала толстенький растрепанный том под названием «Межзвездный цыганский толкователь снов». Увидев короля, она отложила книгу и деловито произнесла:

— Итак, мой драгоценный, что я могу для тебя сделать?

— Мне нужны чудесные разоблачения,— сказал король.

— По какой части?

— Если ты настоящий оракул,— сказал король,— узнай сама.

Цыганка улыбнулась. Лицо у нее было желтое и морщинистое, и все-таки король не мог не заметить, что некогда эта женщина была изумительной красавицей.

— В первую голову мы решим проблему оплаты,— заявила она.

— Если ты настоящий оракул,— заметил король,— то должна бы знать, что я щедро оплачу твои услуги. Если результат меня удовлетворит.

— Ишь ты, умник, молодой, да ранний,— сказала цыганка не без одобрения.— Что ж, пройдем в заднюю комнату и приступим к делу.

В задней комнате стояла софа с наброшенным на нее претенциозным шелковым покрывалом в попытке придать заведению оттенок высокого класса, столь ценимый озабоченными клиентами. В клетке сидел попугай, он спал или притворялся, что спит. Стены украшали грубо начерченные пентаграммы и рекламный календарь от «Суперсоевых продуктов», на полках виднелись таинственные ведьмовские причиндалы и стеклянные банки с растворами и травами, покрытые мохнатой пылью, пожалуй, со времен Сигизмунда Неуверенного. Толстая черная свеча самовозгорелась, когда они вошли, а из черного динамика понеслись записанные с нелинейными искажениями звуки джунглей. В углу сидела на корточках приземистая хромированная машина, радужные переливы гуляли на ее блестящих боках. Надпись на переднем щитке машины уведомляла:

ФАМИЛИАР ОРАКУЛА. ВТОРОЙ КЛАСС

— Посмотрим, что скажет наш Фамилиар,— пробормотала провидица.— Будь так любезен, дорогуша, положи свои пальчики вон в те углубления... Правильно. А теперь расслабься.

Король поместил свои пальцы куда было сказано и через секунду погрузился в глубокий сон. Цыганка ущипнула его за ухо, чтобы окончательно убедиться, и обратилась к Фамилиару:

— Кто он такой?

Машина вытянула из своего брюха провода, заканчивающиеся резиновыми присосками, и закрепила их на челе и правой руке короля, приговаривая: «Отлично, превосходно, а потом мы включим электричество». Голубая искра заплясала по проводам, и король слегка вздрогнул. Фамилиар выдвинул телескопический глаз и считал показания циферблатов на своей грудной клетке. Глаз изумленно моргнул два раза, машина повторила процедуру и снова поглядела на циферблаты. Потом глаз медленно втянулся назад в шасси.

— Ну что там у тебя? — нетерпеливо сказала цыганка.

— Ты все равно не поверишь.

— Да что ты? А ты попробуй.

— Но думаю, тебе понравится.

— Ладно, выкладывай.

— Конечно, хозяйка. Ты уже подготовилась морально?

— Давай, валяй, сбивай меня с ног. Ну?

— Ладно, когда этот молодой человек сидел перед тобой, а ведь он очень хорош собой, со своей белокурой бородкой и сияющими голубыми глазами, которые сейчас, увы, закрыты, и сложен он очень недурно, я знаю, ты была бы не прочь познакомиться с ним поближе, но, думаю, мне надо предупредить тебя заранее, что ничего не получится, поскольку... Ну ладно, ладно, я сокращаю эту длинную историю, а ведь ты знаешь, хозяйка, я могу рассказывать ее целую вечность, словом, этот юноша не кто иной, как сам король.

— Что? Что ты говоришь? Какой еще король?

— Наш, разумеется.

— Ты говоришь о короле бесконечного пространства?!

— И ни о ком ином.

— Ты уверен? Или специально морочишь мне голову?

— Хозяйка, в моем процессоре такие мысли и не ночевали! Я честно аккредитованный Фамилиар, и очень неплохой, хочу заметить в скобках. Говорю тебе, этот юноша — наш законный король, король бесконечного пространства, и это столь же верно и неопровержимо, как то, что боги создали кислые зеленые яблочки.

Провидица глубоко задумалась.

— Он пришел сюда с какой-то проблемой,— сказала она наконец.

— Да, хозяйка. Король только что услышал, что против него созревает заговор, и пожелал узнать подробности.

— Например, о заговорщиках?

— Увы, это скрыто даже от меня.

Странные мысли заклубились в голове цыганки, и она внезапно вспомнила, что давно не навещала мать. Женщина покачала головой в раздражении. Сейчас не время думать о своей или еще чьей-нибудь матери. Такая потрясающая возможность и одновременно смертельный риск... Провидице не нужна была помощь Фамилиара, дабы ясно узреть, что тут замешан барон Корво, и Королевский Посланец Шиш, и даже Робин, нареченная невеста короля. Но это еще не все! Клубящиеся в ее мозгу флюиды постепенно сформировали фигуру совершеннейшего незнакомца. Кого-то, кто сыграет огромную роль во всем происходящем. Еще секунда... и она ухватила имя: Том Кармоди.

— Что ты там увидела? — спросил Фамилиар.

— Тебе это знать не обязательно,— отрезала цыганка.— Как обстоят дела с твоими способностями к модификации кратковременной памяти?

— Они всегда к твоим услугам, хозяйка.

— Тогда за дело. Сотри у короля всю память о том, что он приходил сюда, и кликни парочку домовых, пускай снесут его в переулок на задах. Проснувшись, король вернется к своим разбойничкам в таверну, и на этом для нас все благополучно закончится.

— Но почему бы не рассказать королю, что его ожидает? — спросил Фамилиар.

— Потому что я не вижу в том смысла,— сказала цыганка.— Этот заговор невероятно сложный и еще только-только начался. Зачем нам душить его на корню, не давая возможности расцвести? Гораздо полезнее, чтобы король не подозревал, какие неприятности его ожидают. А если он что-то и узнает, так уж точно не от меня.

Глава 10

Никогда в жизни король так не веселился. Денежки звенели в его карманах, и кругом было множество простых людей, его собственный народ, который надо развлекать. «Эй, хозяин! — кричал он громогласно.— Все, что есть самое лучшее,— для моих друзей!» В своем великодушии он пригласил присоединиться к пиру всю таверну. Послал служанку за трещотками, бубнами, дудками, хлопушками, свистульками, кастаньетами, надувными шарами, клоунскими носами, дурацкими колпаками и золотыми звездочками, которые можно налеплять на лицо. А после, заказав еще еды и вина, послал за танцовщицами из кабаре и мальчиками из балетной школы, дабы потрафить всем вкусам. Когда почтеннейшая публика потребовала от него речь, король охотно встал и произнес.

— Кто такой король? — вопросил он в лучшей риторической манере.— Священное олицетворение безличного принципа отцовской власти! Днем и ночью беспокоится король о счастье своих подданных, и что же получает взамен? О нет, увы, не удовольствия, их не существует для Отца Народа, тяжкие труды и беспрестанные заботы его удел. Сама Любовь и само Милосердие воплощены в одном-единственном короле, и что же получает этот человек от мира за свои усилия? Да хренушки, вот что я вам скажу!

Сей спич был вознагражден бурной овацией, а сам король был весьма удивлен тому, что слетело с его собственных уст, ибо в действительности имел совершенно противоположное мнение. Но так уж устроен человек: когда муза красноречия овладевает его воспаленным рассудком, он чаще всего говорит не то, что думает, а то, что красиво звучит.

Растроганный Лампкин подошел к нему со слезами на глазах и сказал, шмыгая расплющенным носом с широкими ноздрями, откуда вызывающе торчали обильные черные волоски:

— Ох, такой прекрасной речи я в жизни своей не слышал, пока не встретился вот с этим молодым джентль-

меном! Друг мой, я приберег для тебя сюрприз, не скажу какой... Когда увидишь, сам догадаешься.

Розовоперстая Заря уже успела показать перламутровые ноготки винно-темному морю (как пропел наш всеобщий вдохновитель, хорошо известный в Галактическом Центре поэт, универсальный Гомер), когда более чем захмелевший король вскарабкался по лестнице в комнатушку под самой крышей, предоставленную ему хозяином гостиницы. Едва добравшись до кровати, он блаженно растянулся, но тут же резко сел, заметив на стуле в углу зловещую темную фигуру.

— Кто ты? Что тебе надо?

Фигура встала и откинула капюшон плаща, явив королевскому взору сухое, суровое и властное лицо женщины средних лет.

— Я тот сюрприз, который обещал тебе Лампкин! Я пришла от Комитета по сохранению монархии. Мы узнали про тебя от Лампкина, который телепатически передал нам свое личное убеждение, что ты готов на все от тебя зависящее, дабы навеки сохранить монархию в Галактическом Центре.

— Надо же, как мило с его стороны,— пробормотал польщенный король.

— Мы всецело полагаемся на Лампкина в вербовке сторонников,— сказала женщина.— Этот разбойник всегда прав, хотя и в чисто негативном смысле, что никоим образом не обесценивает его рекомендаций.

— Что значит — в негативном смысле? — удивился король.

— Каждый раз, когда Лампкин полагает, что отыскал идеального конспиратора, придерживающегося пылких роялистских убеждений, эта персона на деле оказывается ярым противником тех принципов, какие декларирует публично.

— Как, и ты полагаешь, что я...

— У меня нет сомнений. Лампкин, в своей легковерной наивности, еще ни разу не ошибался! Кроме того, я Искательница Истины и заглянула глубоко в твою душу,

узрев в ней самые неподдельные республиканские сантименты.

— Боюсь, я не понимаю цели твоего визита.

— Что тут надо понимать? Ты именно тот человек, который нужен Комитету.

— А вот теперь я вообще ничего не понимаю!

— Тебе сразу все станет ясно, когда ты сообразишь, что для эффективной работы подпольной организации само название ее должно вводить в заблуждение непосвященных.

— Значит, ваш Комитет вовсе не за монархию?

— Ты быстро соображаешь, юноша. На самом деле мы не что иное, как Революционный Совет, который поставил своей целью полное и окончательное уничтожение монархического строя, включая и генеральный принцип аристократического элитаризма.

— И ты считаешь, что я всецело разделяю взгляды вашего Революционного Совета?

— Мы в этом совершенно уверены. Обозрей всю свою жизнь заново проницательным взглядом, и ты сам убедишься.

Прежде королю никогда не приходило в голову сформулировать собственное мнение о монархии. Но теперь, когда он вовсю наслаждался новообретенной независимостью, когда вживе смог представить, как бы ему, Ральфу, не понравилось, заставь его сейчас служить другому королю... Он понял, что Искательница Истины абсолютно права. Да, он страстно ненавидит саму идею монархии и готов сделать все, что в его королевской власти, чтобы положить ей конец!

— Похоже, я ваш человек,— сказал король.— Что я должен сделать?

Женщина вручила ему клочок бумаги.

— Приходи в полдень по этому адресу. Между прочим, будет подан ланч... Здоровый республиканский ланч, а не ваши дворянско-декадентские фуа-де-гра и жюльенчики! Там ты узнаешь о наших планах и чем ты можешь быть полезен.

Сходка была назначена на Аллее Святого Креста, чуть ближе к центру города, чем храм Мкенизера. Найти нетрудно. Вверх по лестнице, мимо скучающего караульного: «Я от Искательницы Истины!» — «Проходи».

В небольшой, недурно обставленной комнате сидели на раскладных садовых стульях около дюжины заговорщиков различного возраста и пола, держа в одной руке по стакану трявяного чая, а другой придерживая на коленях картонные одноразовые тарелки. То, что находилось в тарелках, сильно смахивало на произведение больничной вегетарианской кухни.

Один из ораторов зачитал доклад: «Отвратительные злоупотребления монархической власти». Другой сообщил собравшимся последние новости, состоявшие в том, что король необъяснимым образом покинул дворец и с тех пор его никто и нигде не видел. Источником этой информации был персональный дезинтегратор барона Корво, который аккуратно просматривал всю корреспонденцию, прежде чем измельчить ее в бумажное пюре, и передавал Ревсовету самые животрепещущие абстракты.

Новости показались заговорщикам интересными. Если король пропал — а кажется, так оно и есть,— возникли совершенно беспрецедентные возможности. Правда, никто толком не понимал, что с этими возможностями делать. Король долго слушал, слушал и слушал, а потом встал и попросил слова.

— Я тут новый человек,— сказал он,— и даже не мечтал о том, чтобы выступить с речью. Но мне приходится напомнить товарищам по борьбе, что настало время не речей, а действий. Мы обязаны ударить прямо сейчас! Чтобы с корнем искоренить проклятые плевелы абсолютизма!

— А что ты конкретно предлагаешь? — спросил кто-то из старших товарищей.

— Слушайте меня внимательно. Я предлагаю вот что...

Король заговорил быстро, отрывисто, четко, с захватывающей искренностью и страстью. План новичка был принят Ревсоветом на ура и рекомендован к незамедлительному исполнению.

Глава 11

Барон Корво пребывал в одном из своих секретных убежищ. С тех пор как барон стал шефом Секретной полиции, он занялся изучением таинственных секретов Секретности и полюбил ее ради собственного блага. Корво был автором популярных трудов, из коих наибольшей популярностью пользовалось «Введение в секретность для дилетантов», а также «История секретности». Последним явился в свет нашумевший бестселлер «Великие секреты разоблачены!», где автор охотно раскрывал чужие тайны, разумно умалчивая о своих. Все эти книги были изданы, понятно, под псевдонимами.

В качестве персональных секретных местечек барон использовал разнообразные дома, апартаменты и даже целые астероиды. Все засекреченные места были известны лишь самому Корво и защищены хранившимся в его мозгу автокодом, который имел весьма удобное свойство дезинтегрироваться, если его носитель вдруг окажется в руках врага.

Сейчас барон находился в небольшой, со вкусом меблированной секретной квартирке под самой крышей здания Галактической Оперы, где он обычно — под псевдонимом, разумеется! — развлекался с прославленными красавицами, которых ему доставляли регулярными космическими рейсами из Голливуда. Тот факт, что эти женщины никогда не назывались настоящими именами, ничуть не смущал барона, который столь же уважал чужую тягу к Секретности, как и свою.

Барон сидел в большом мягком кресле, читая пиратскую копию послезавтрашнего еженедельного выпуска «Галактических новостей», когда из стенного шкафа раздалось негромкое мурлыканье. Сработала его персональная система тревожного оповещения, сигнал которой, по личному распоряжению Корво, был замаскирован под звуки, издаваемые довольным котом. На тот случай, если у хозяина в тревожный момент окажутся гости, которые ни в коем случае не должны догадаться о нарушении Секретности.

На сей раз его гостья (роскошная зеленоглазая блондинка, которая представилась Анной О'Дойл) уже полчаса как ушла, так что барон мог спокойно открыть шкаф, отключить сигнал и выяснить причину беспокойства. Она заключалась в том, что астероид Ирредецию атакует неопознанная сила. Тревога прозвучала не зря, поскольку все секреты Корво находились на Ирредеции. В особенности те, что касались управления Галактическим Центром, включая такие детали, как список чиновников, коим необходимо дать на лапу (и по скольку), когда кто-нибудь, в случае непредвиденного отсутствия короля, вынужден будет попытаться взойти на трон.

Корво поспешно отдал приказ, и полк Секретной Гвардии — всегда в боевой готовности! — молниеносно вылетел к астероиду. Барон спокойно ждал, посасывая бодрящий батончик «Марс». Через пять минут в эфире раздался отчаянный голос полковника:

— Мы опоздали, господин барон, опоздали! Астероид взят, все файлы украдены! О-о-о, ваши драгоценные секреты! Все пропало, господин барон, все пропало!

— Благодарю за службу,— сказал барон Корво.— Я еще свяжусь с вами, полковник. И не волнуйтесь так, у меня есть запасной план.

Секретный астероид в действительности был частью его хитроумного плана. Враги захватили лишь гору банальностей, замаскированных под секреты, и тем самым предупредили Корво о грозящей опасности. Он давно этого ожидал и хорошо знал, что надо делать: тот, кто избрал Секретность своей профессией, благоразумно предусмотрит все возможности и выходы! В сущности, Природа не терпит секретов, как и пустоты, разве что это ее личные секреты.

Глава 12

На улице раздались два нетерпеливых гудка. Это было такси, приехавшее доставить Молли в аэропорт. Она летела в Санта-Розу, Калифорния, чтобы провести уик-энд

со своей любимой тетушкой Агатой, которая только что вернулась из Англии после пятилетнего отсутствия.

— Ты справишься? — озабоченно сказала Молли.

— Конечно, со мной будет все в порядке,— заверил Том Кармоди.

— Про инструкции не забыл?

Том кивнул и похлопал по нагрудному карману, куда он положил листок с инструкциями. Молли напечатала их в шести экземплярах и разложила остальные пять в различных стратегических пунктах дома, ведь Том всегда был такой рассеянный.

Том махал рукой вслед такси, пока оно не скрылось из виду. Потом вернулся в дом, прошел на кухню и сел за кухонный стол. И что теперь делать? Это был первый уик-энд без Молли за весь десяток лет супружеской жизни, и Том просто не знал, куда себя девать. Он был свободным писателем, работал дома, устроив кабинет в подвале, и на данный момент сроки сдачи книг его не поджимали.

Том сварил себе кофе и выпил. Потом он услышал, как входная дверь отворилась и некто вошел в гостиную. «Молли?» — позвал он неуверенно, но некто не ответил, и Том решил вести себя так, словно ничего не произошло. Он снова услышал посторонние звуки, и теперь это были шаги. Глухие, плоские, странно пришаркивающие. Совсем не похожие на шаги Молли. А ведь он надеялся, что жена вернется, не желая — или устыдившись — оставить мужа одного на весь уик-энд.

Напрасная надежда.

Нет, это были шаги кого-то, кому здесь совершенно нечего делать.

Том без особой убежденности подумал, что с нежелательной персоной придется разобраться, то ли ему, но лучше кому-нибудь еще.

Голос в соседней комнате сказал: «Здесь есть кто-нибудь?»

И Том наконец догадался, что разбираться придется самому.

Он вышел в гостиную и увидел невысокого человечка в сверкающей одежде. С первого взгляда Тому показалось, что это определенно не землянин. Тоже не слишком приятно, подумал он, но, по крайней мере, не придется иметь дело с грабителем или сумасшедшим.

— Я Шиш,— заявила нежелательная личность.

— О,— вежливо откликнулся Том.

— Как твое имя?

— Том Кармоди.

— Тогда все в порядке,— кивнул Шиш.— Надеюсь, ты не против?

— Против чего, собственно?

— Чтобы отправиться со мной и повидаться с королем.

— Господи ты боже мой... Что еще за король?!

— Король бесконечного пространства, разумеется.

— И он желаст со мной повидаться?

— Само собой, иначе бы меня здесь не было.

— Черт побери, но зачем?

— Его Величество не просветил меня на сей счет,— ответил Шиш с неприкрытым сарказмом.

— И где живет король бесконечного пространства?

— В своем дворце в Галактическом Центре.

— А как выглядит этот Галактический Центр? — заинтересовался Том.

— О! Галактический Центр... шмогрош.

— Послушай, ты не мог бы употребить человеческое слово?

— Невероятен. Подойдет?

— Невероятен в каком смысле?

— Да почти во всех.

— Так мы ни к чему не придем,— заметил Том.

— Если ты хочешь прийти куда-нибудь, скажи мне «да», и мы отправимся в Галактический Центр. Или скажи мне «нет», и тогда мы оба займемся своими собственными делами.

— Ладно, ладно, я согласен,— ответил Том, чем сильно удивил сам себя.

— Ну наконец-то,— вздохнул Шиш и обхватил его длинной костлявой рукой.

И они взлетели, пройдя сквозь потолок, сквозь крышу, и устремились в высокое-высокое небо.

Глава 13

Том висел на спине Шиша, который взбирался на руках по канату, протянутому через потолок и крышу дома прямо в воздух. Шиш карабкался уверенно, все выше и выше, пока Земля не стала казаться детским бело-голубым мячом далеко-далеко внизу. Они продолжали взбираться, пока не добрались до большого, слабо светящегося серого шара, через который проходил их канат.

— Проклятие! — сказал Шиш и остановился.

— Что случилось? — поинтересовался Том.

— На моей линии сформировался пространственный пузырь.

— Что такое пространственный пузырь?

— Перламутровидная субстанция, которая формируется на канатах при определенных климатических условиях.

Том поглядел через плечо Шиша и увидел довольно крупный серый шар, отливающий перламутром; канат проходил через него насквозь.

— Ты можешь его как-нибудь обойти?

— Не проблема, но мне придется воспользоваться моим специальным оборудованием.

Шиш вытащил из кармана несколько серповидных, зазубренных металлических крюков и приладил их к ступням с помощью ремней, которые достал из другого кармана.

— Этими штуками я могу цепляться за круто изогнутую поверхность,— объяснил он Тому.— Они называются крутоны*.

— У нас их называют кошками,— заметил Том.

---

* Croutons *(фр.)* — гренки.

— И все-таки они крутоны!

— А как же тогда у вас называют сухие кусочки хлеба, которые бросают в бульон?!

— Сейчас не время для компаративной лингвистики,— буркнул Шиш.— Лучше сперва доберемся до корабля.

Торопливо форсировав пространственный пузырь, он продолжил восхождение, а Том продолжал висеть на его спине. Теперь, когда у Шиша на ногах были кошки (или крутоны), они стали двигаться гораздо быстрее.

Канат все так же тянулся высоко вверх, исчезая в чернеющем небе, но через некоторое время Том разглядел плавающий в вышине миниатюрный космический корабль в форме слезинки. Вскоре они добрались до входного люка, Шиш вошел внутрь и помог войти Тому. Затем он быстро смотал канат в бухту и убрал в стенной шкафчик.

Покончив с этим, Шиш сделал жест, и люк закрылся. Посадив Тома в кресло, он сел в другое и снова махнул рукой: на Тома навалилась внезапное ускорение.

— Задержи дыхание,— сказал ему Шиш, нажимая на кнопку.— Мне еще нужно выбросить наружу вакуум, чтобы закачать воздух.

Послышалось громкое шипение, повеял ветерок, и вскоре в кабине появилась атмосфера. Она припахивала тушеной капустой и застарелым табачным дымом.

— Они забыли дезодорировать воздух,— скорчил гримасу Шиш.— Совершенно недопустимо! Держи, это тебе понадобится,— сказал он, доставая из шкафчика некий предмет и вручая Тому.— Надень.

— Что это?

— Футуристически ориентированный безынерциальный адаптационный регулируемый пояс безопасности.

— А для чего он нужен?

— Именно для того, что перечисляется в его названии. Этот пояс поможет тебе адаптироваться к футуристическим шокам.

Том застегнул адаптационный пояс и сразу почувствовал себя комфортно. Теперь он заметил, что в подлокотник кресла вмонтированы пепельница и зажигалка.

— Приятно видеть,— обрадовался Том и полез в карман за сигаретами.

— Благодарю вас, взаимно,— откликнулась пепельница.— Так одиноко, знаете ли, быть одушевленным созданием, которому не с кем поговорить. Разве что с мисс Зажигалкой, но она, бедняжка, отнюдь не блещет умом.

— Эй, что ты там несешь? — возмутилась зажигалка.

— Это была шутка. Я просто стараюсь развлечь нашего долгожданного гостя,— объяснила пепельница.— Он может поучаствовать в нашем диспуте.

— Но как же ты разговариваешь? — удивился Том.

— Простите, не поняла? — удивилась пепельница.

— Я заметил, у тебя нет никаких движущихся частей.

— Искренне надеюсь, что нет. Зачем бы это пепельнице чем-нибудь двигать?

— Но как же ты издаешь звуки?

— Ах, вы об этом? Я просто вибрирую.

— О,— сказал Том.— Я должен был сам догадаться.

— Во всех вещах всегда есть какой-нибудь трюк,— заметила пепельница.— К нашему диспуту это также относится.

— И какова же тема вашего диспута?

— Мы спорим о природе Вселенной.

— Это как раз то, в чем я совершенно ничего не понимаю,— сказал Том.

— Тем лучше, как раз это и делает вас бесстрастным арбитром,— заметила пепельница.— Что ж, начну первой! Я полагаю, что Вселенная балансирует на спине очень маленького краба с очень-очень твердым панцирем.

— И?..— вопросительно поднял брови Том.

— Что за странный вопрос? Это все.

— А что же было до краба?

— Я еще не закончила исследование проблемы.

— Но почему краб?!

— А почему не краб?

— Почему не что-нибудь еще?

— Еще что-нибудь никогда ни к чему не подходит.

— Тогда почему краб маленький?

— Обоснование данного тезиса будет представлено в надлежащее время.

— О! — произнес Том, не зная, что сказать.

— Но я придерживаюсь иной позиции,— поспешно вмешалась зажигалка.— Я утверждаю, что спорное создание является броненосцем средней величины.

— Это неслыханно! — запальчиво вскричала пепельница.

— Не связывайся ты с ихними диспутами,— посоветовал Шиш из пилотского кресла.

— Мы уже летим? — спросил его Том.

— Ага, уже несколько минут.

— И сколько продлится путешествие?

— Не слишком долго. Сейчас мы пробьем световой барьер... Хоп! Готово.

— Вот это да! — воскликнул Том в восторге.

— Ничего особенного,— сказал Шиш.— Через пару минут мы пробьем мысленный барьер, вот это уже будет покруче. Хоп!!! Ну а теперь гляди, мы уже почти на месте...

Том поглядел в выпуклый суперперплекс иллюминатора и увидел, как величаво и плавно вращается в пространстве Галактический Центр. Колоссальный сферический конгломерат был очень похож на шаровую туманность, но только твердый и не такой горячий, и вольно парил, судя по его амплитуде, точнехонько в самом центре нашей Галактики.

— Боже мой,— вымолвил Том.

— Впечатляет, правда? — подхватил Шиш.— Тысячи раз я сюда возвращался, и каждый раз перехватывает горло, понимаешь?

Глава 14

Они влетели в Галактический Центр сквозь быстро густеющую тучу свободно парящих в пространстве массивных зданий. Это было совсем не похоже на любой город, какой Том когда-либо видел. Странные виды транс-

порта во множестве мельтешили в воздухе и молниями проносились по земле. Висящие и стоящие строения демонстрировали невероятное разнообразие форм и конструкций, включая полиморфические экземпляры, окрашенные в ослепительно яркие цвета. У Тома закружилась голова, когда их космический корабль пронесся с головокружительной скоростью над целым роем таких полиморфов. Другие космические корабли шныряли вокруг них во всевозможных направлениях, не говоря уж о том, что кое-какие дома и сами резво перемещались, внося достойный вклад во всю эту путаницу.

Шиш направил корабль к земле, и сразу же они угодили в сутолоку воздушных машин, которые неслись прямо на них отовсюду, но в последний момент чудесным образом уклонялись, применив какой-то непостижимый маневр. Их корабль продолжал спускаться, и Том узрел титаническую площадь, над которой доминировало колоссальное здание, возведенное в ее дальнем конце. Они подлетели еще ближе, и до Тома дошло, что перед ним Великая Матерь всех парковок с открытыми проемами: одни космические корабли стремительно влетали внутрь, другие столь же стремительно вылетали наружу, едва избегая лобовых столкновений.

— Как это им удается? — спросил Том.

— В нашем Космопорте хватает проблем,— сказал Шиш.— Но аварийность среди них не числится.

Влетев в здание, корабль на секундочку завис, и Шиш неторопливо опустил его в свободную кубическую ячейку. Потом он вывел Тома через задний люк, и они спустились на первый этаж на эскалаторе.

— Регистрация и таможенный контроль вон там,— сказал Шиш и повел Тома к большому административному зданию, выдержанному в голубых и бежевых тонах. Они поднялись на лифте на 26 этаж, и Шиш отворил одну из дверей, что направо.

Том обнаружил себя в приятно обставленном офисе. За письменным столом сидел человек в черной униформе с золотыми блестками, он посмотрел на них и кивнул.

— Это Том Кармоди,— объяснил Шиш,— он прибыл с Земли.

— Паспорт,— сказал чиновник, протягивая руку.

— Боюсь, что не прихватил его с собой,— покаялся Том.

— Не проблема,— сказал чиновник.— Взгляните мне в глаза! Ну что ж, хорошо, я вижу, у вас действительно есть настоящий паспорт, хотя и не здесь. Этого достаточно. Добро пожаловать в Галактический Центр! У нас бывает не так уж много народу с Земли, уверен, вам будет о чем порассказать своим прихлебателям.

— Моим прихлебателям?..

— Простите, я хотел сказать, приятелям. Знаете ли, ваш староземной довольно сложен для уроженцев Центральной Галактики! Ладно, сейчас мы подключим вас к системе. Расстегните рубашку, будьте так добры.

Том был несказанно изумлен, когда чиновник сунул руку в его грудную клетку и извлек наружу перепутанный клубок тонких люминесцирующих нитей.

— Боже, что вы вытащили из меня?!

— Нервные коммуникации вашего тонкого тела.

— Господи, я даже не знал, что у меня есть такое.

— Тонкое тело есть у каждого. Это карта вашей энергетической системы, и ее можно подсоединить к другим системам, с помощью которых оперирует Галактический Центр. Потом мы вручим вам Сертификат Одобрения, и можете гулять где угодно.

Чиновник ухватился за тоненькую нить энергии, исходящую из тонкого тела Тома Кармоди, и принялся осторожно разматывать, стараясь не повредить.

— Это активная точка Кастанеды,— объяснил он.— Через нее мы свяжем вас с городскими системами.

— Да-да. Но что же представляет собою тонкое тело?

— А вы еще не поняли? — удивился чиновник.— Энергетическое поле, все точки которого находятся во взаимно-однозначном соответствии с точками физического тела. Ваше тонкое тело сыграет роль посредника между вашей биоматерией и Галактическим Центром.

— О! — промолвил Том.

— А вот и ваш Сертификат Одобрения,— сказал чиновник, вручая ему медного цвета дисковидную бляху размером с серебряный доллар. Когда Том взял ее, бляха проворно взбежала по его руке и уцепилась за плечо.

— Не волнуйтесь,— сказал чиновник.— Сертификат никогда не теряется.

Тяжелый металлический диск свисал с плеча Тома на крошечных острых зубах, ухватившись очень крепко, но не больно.

— А как же мне теперь менять рубашку?

Шиш с чиновником дружно расхохотались.

— Какая очаровательная провинциальность,— доверительно сказал чиновник Шишу и обратился к Тому: — Сертификат Одобрения всегда готов вас освободить, если вам вздумается принять душ или переменить рубашку. Это полусознательное существо, знаете ли, глупым его никак не назовешь.

— Но зачем он вообще нужен?

— Сертификат означает, что вы приняты городом и пользуетесь всеми правами гражданина Галактического Центра.

— Я полагал, что ими пользуются все жители.

— Конечно,— сказал чиновник.— Абсолютно все, кого мы знаем. Но мы стараемся защитить себя от тех, о ком мы ничего не знаем.

— Как, у вас есть и такие?

— Чужаки.

— Вы хотите сказать, что здесь появляются чужаки?

— Со всей определенностью. Они выдают себя за горожан, но Сертификата Одобрения у чужаков не бывает. Поскольку все Сертификаты выдаются только в этом офисе.

— А как насчет подделок?

— До этого чужаки пока не додумались. Не так уж они, знаете ли, умны. До свиданья, мистер Кармоди, желаю вам хорошо провести время в нашем Галактическом Центре. Ведь вы турист, как я понял?

— Том прибыл, чтобы повидаться с королем,— сказал Шиш.

— В самом деле? Чья идея, его или короля?

— Король просил его приехать.

Чиновник внимательно поглядел на Тома Кармоди.

— В таком случае он должен быть важной персоной. Желаю удачи, молодой человек!

Глава 15

Они вышли из административного здания и пошли дальше по городским улицам.

— Мы прилетели раньше, чем ожидалось,— сказал Шиш.— Есть время немного перекусить.

Он привел Тома к пристойно выглядящей таверне на тихой улице. Хозяйка усадила их за угловой столик, откуда открывался прекрасный вид на заросший лилиями пруд. Официант принес меню.

— Утка под прессом здесь очень хороша,— посоветовал Шиш.

Прекрасная цветная фотография в меню, изображающая порцию утки со сложным гарниром, произвела впечатление на Тома, и он кивнул. Официант сделал отметку в блокноте и удалился. Потянулось время. Шиш выглядел довольным, но Том занервничал.

— Когда мы наконец поедим?

— Мы уже начали. Разве ты не чувствуешь?

— Я думал, это какой-то газ.

Шиш изумился.

— Ничего подобного, друг мой! Такое впечатление производит еда, когда заходит внутрь.

— Внутрь... меня?

— Я думал, ты все уразумел, когда подключили твое тонкое тело. Теперь ты связан с городской системой жизнеобеспечения и твои пищевые потребности удовлетворяются автоматически.

— Это я понял, но когда же мы приступим к еде?

— Я как раз и пытаюсь тебе объяснить. Кормление происходит автоматически. Пища никогда не поедается в той манере, к которой ты привык.

— Значит, мы вообще не будем кушать?

— Мы визуально наслаждаемся картинками,— терпеливо разъяснил Шиш,— пока наши пищевые нужды автоматически удовлетворяются. Попросить официанта снова принести меню?

Том покачал головой и сказал:

— Есть мы, как я понимаю, не собираемся. Зачем же мы пришли в ресторан?

— Чтобы убить время,— сказал Шиш.— Я ведь тебе говорил, мы прилетели слишком рано.

Странное выражение появилось на лице Тома, и он спросил:

— Не хочешь ли ты сказать, что я уже покушал?

— Именно так, мой дорогой мальчик, именно так.

— Но я же ничего не почувствовал!

— Должно быть, ты просто не обратил внимания.

— На что?

— На вкус автоматической еды, проходящей в желудок.

— Ну, знаешь ли, такое бы я заметил.

— Не обязательно,— заметил Шиш.— Пища поступает предварительно разжеванной, разумеется.

Том невольно содрогнулся.

— На самом деле очень приятное питание,— сказал Шиш,— уверяю тебя. Может, тебе удастся реконструировать процесс по памяти?

— Нет уж, спасибо,— отрезал Том.

— Не стесняйся, попробуй. Сейчас ты уже должен бы ощутить насыщение.

И это действительно произошло. Внезапно, без всякого предварительного предупреждения, желудок Тома оказался переполненным, а нёбо ожило, смакуя непривычное, но чем-то знакомое послевкусие.

— Как странно,— сказал он, обследовав себя изнутри.— У меня такое чувство, словно я набит под завязку.

— Иногда бывает при автоматической еде,— пожал плечами Шиш.

Глава 16

Том, должно быть, задремал после слишком плотного автоматического обеда, поскольку немного погодя кто-то потряс его за плечо.

— В чем дело? — недовольно пробормотал Том.— Я еще не закончил спать.

— Очнись, срочно требуется твоя помощь,— сказал Шиш.— Чрезвычайное происшествие!

Том поморгал и выпрямился. Да, он по-прежнему сидел за столиком в ресторане, а напротив него сидел Шиш с озабоченным выражением на лице.

— Какая помощь? Что произошло?

— Только не впадай в панику. У нас возникли проблемы с иммунной системой.

— Моей?!

— Да нет, городской.

— А что могло случиться с городской иммунной системой?

— Разве ты не почувствовал? По городу циркулирует нечто чужеродное без Сертификата Одобрения. Мы должны уничтожить чужака.

— Не понимаю, с какой стати,— сказал Том.— И при чем тут я?

— Как я уже объяснял тебе, все жители, имеющие Сертификат Одобрения, подключены к иммунной системе города, которая постоянно заботится о том, чтобы ни одно разумное существо, чуждое Галактическому Центру, не имело возможности свободно в нем циркулировать.

— Почему бы просто не сказать чужаку, чтобы он убрался подальше?

— Иммунная система работает по иному принципу. Если в городе обнаружена чужеродная материя, ее немедля должны атаковать все приписанные к городу формы жизни, включая и тебя, ради сохранения нашего Галактического Центра, который хранит всех нас. Это первейший долг каждого гражданина!

— Что за чужак? Как он попал сюда?

— Это не наше дело. Все, что нужно, мы уже знаем. А именно, что неодобренная форма жизни слоняется вблизи данного сектора, и все горожане, включая нас, обязаны атаковать ее и уничтожить.

— Но оно мне ничего не сделало! — воскликнул потрясенный Том.

— Иммунная система руководствуется не эмоциями, а соображениями безопасности. А ты, между прочим, входишь как составная часть в Галактическую Систему Антител.

— Не знаю, смогу ли я уничтожить кого-нибудь, кого я даже не знаю,— пробормотал Том.

— Мотивация тут абсолютно ни при чем. Как только ты учуешь запах чужака, твое тело сделает за тебя остальное.

Они вышли на улицу, которая внезапно наполнилась агрессивными шайками из мужчин и женщин, некоторые из них были вооружены бейсбольными битами и тяжелыми ножками от столов. Толпы маршировали по авеню и бульварам, раздраженно фыркая и издавая низкое угрожающее рычание, и, к своему изумлению, Том обнаружил, что производит те же самые звуки.

Они с Шишом присоединились к шайке горожан, обследующих один из внутренних пригородов Галактического Центра. Этот район состоял преимущественно из небольших открытых площадей, окруженных невысокими зданиями, опоясанными ажурными галереями, поэтому им не понадобилось много времени, чтобы обнаружить чужака. Выдало его розоватое сияние, пробивающееся из-за мусорных баков в глухом тупике.

— Кто это? — шепотом спросил Том у Шиша.

— Сонный. Нетрудно определить по оттенку сияния.

— Сонный? Как это понимать?

— Существо, которое навещает Галактический Центр во сне.

— А разве так бывает?

— Случается время от времени,— пожал плечами Шиш.— Разумеется, никому не дозволено видеть сны о Галактическом Центре без Сертификата Одобрения.

Сонный открыл глаза и сказал:

— Привет! Надо же, какой замечательный сон мне приснился. Здесь я чужак, друзья мои, но я дружелюбен и незлобив.

— Этот человек выглядит как любой другой,— заметил Том.— С виду совершенно безобиден, разве что туповат.

— Судить не нам,— покачал головой Шиш.— Самое главное, у него нет Сертификата!

— Не вижу вреда в том, что кто-нибудь всего лишь увидел во сне...

— Явиться сюда во сне,— перебил его Шиш,— согласно закону совершенно то же самое, что в собственном физическом теле. В действительности же сонные визиты в Галактический Центр во многих отношениях гораздо опаснее.

— Но нельзя же винить его в этом! Люди не способны сознательно контролировать свои сны!

— Прекрати,— нахмурился Шиш.— Незачем искать оправданий его поступку. Закон есть закон, он прост и защищает нас всех. Каждому, кто претендует на сны о Галактическом Центре без официального одобрения, придется смириться с последствиями.

Вместе с толпой разгневанных горожан они приблизились к сонному, который радостно улыбался, совершенно ничего не подозревая. Том опасался, что не сможет нанести первый удар, но ему и не пришлось. На запах чужака сбежалась вся округа, и первыми, ужасно рыча, набросились на него жильцы соседних с помойкой домов. Мороженщик, торговавший в этом квартале, размахивал гигантским мачете для рубки льда, продавец горячих сосисок посыпал злодея жгучим перцем и поливал ядреной горчицей. Представители иных профессий также изощрялись в смертоносных трюках, каждый на свой лад.

Жалобные вопли несчастного раздирали душу Тома, но руки его сами по себе вцепились в чужака, в то время как его разум топтался где-то поодаль, горестно причитая. Сонный яростно сражался за жизнь, но враги окружили его со всех сторон. Тогда он поспешно присел на корточки, уткнулся головой в колени, ухватился за пятки... И свернулся в круглый прозрачный объект, отыскав себе убежище в блаженной каталепсии сна без сновидений. В таком состоянии чужак был неуязвим для ударов, бессильных против рогового панциря его прозрачного экзоскелета.

— Рад, что мы наконец покончили с этой работой,— сказал ученик пекаря, деловито вытирая руки о замасленный фартук.

— Ну прямо дрожь пробирает, когда глядишь на эту пакость,— пожаловалась девушка из бакалеи.

— Не выношу сонных,— заявил дорожный инспектор,— вот уж чужаки так чужаки. Меня от этих мерзавцев просто тошнит!

— Все кончено,— сказал Шиш.— Мы с честью выполнили свой долг, сограждане, избавив наш город от опасного присутствия. Кто знает, какие еще сны могли ему присниться?

Попытавшись представить вероятные ночные кошмары, толпа горожан в ужасе содрогнулась. И Том вместе с ними, поддавшись коллективной эмоции. Однако сам он не нашел в чужаке ничего отталкивающего и даже особенно чужого. Бедняге попросту не повезло, угораздило увидеть не тот сон в неподходящее время! Но Том отнюдь не собирался обнародовать свою точку зрения, будучи новичком в Галактическом Центре, не так уж далеко ушедшим от чужака.

— И что теперь? — спросил он у Шиша.

— Надо избавиться от него и тем завершить дело.

— Но как?

— В Пламени Великого Очищения. Так мы называем свалку, где сжигают мусор. Кто-то из горожан должен отнести его туда и проследить, чтобы жертвоприношение завершилось надлежащим образом.

— Разве в Галактическом Центре нет муниципальных работников?

— Только не для чужаков. Наши мусорщики не желают иметь с ними дела, опасаясь заразы. Глупо, конечно, но что еще можно ожидать от простых неотесанных парней?

— Кто же выполнит эту миссию?

— Привилегия предоставляется самому свежеиспеченному гражданину из присутствующих,— объяснил Шиш.

— О,— сказал Том и увидел, что вся толпа глазеет на него.— Не хочешь ли ты сказать?..

Ответ был написан на мрачных лицах окружающих.

Том кивнул, хотя ему ужасно не хотелось этого делать. Но если он откажется, то прослывет правозащитником чужаков, а дурная репутация, более чем вероятно, доставит ему кучу различных неприятностей. Он наклонился и поднял тело, заключенное теперь в твердую прозрачную субстанцию. Шар оказался удивительно легким, в центре его был хорошо виден чужак, странно скорченный и с закрытыми глазами.

— Куда надо идти?

— Видишь вон то авеню, что сворачивает налево? Пламя Великого Очищения находится в самом его конце. Дистанция довольно длинная, но пользоваться общественным транспортом запрещено, если несешь чужака. Впрочем, прогулка на свежем воздухе пойдет тебе на пользу! Так что в путь, Том Кармоди, а когда вернешься, найдешь меня в кафе Эксцельсиор.

— Но разве ты не пойдешь со мной?

— Я бы с удовольствием,— сказал Шиш,— но мне только что позвонили на мой внутренний мобильник. Возникли кое-какие срочные дела. Вот мой адрес, так, на всякий случай.— Он вынул из кармана визитную карточку и вручил Тому.— На всякий случай! С тобой все будет в порядке, а я скоро вернусь. Пока.

И Том отправился в путь, держа окукленного чужака на руках. Он дошагал до поворота, на который указал Шиш, и свернул налево. Авеню оказалось очень длинным и прямым, оно тянулось ровной полосой до самого

горизонта. Тому показалось, что он разглядел на самой линии горизонта пляшущие языки пламени, там-то, вероятно, и происходит Великое Очищение. Да, дистанция впечатляющая, зато найти место назначения нетрудно.

Он зашагал дальше по авеню, с обеих сторон окаймленному торговыми центрами со старой мебелью и уцененной посудой, бесчисленными складами электронного оборудования и крытыми рынками, где по дешевке распродавали подержанные космолеты. Это была ужасная улица, и Том пребывал в ужасном настроении. Он все шел, шел и шел и вдруг услышал голос, который негромко произнес:

— Ой, майн мазель!

Том огляделся. Однако на целый квартал не обнаружилось ни души, и тогда он понял, что этот голос прозвучал внутри его собственной головы. Но он не имел отношения к Тому Кармоди. Это был совсем чужой голос.

— Чужак? — позвал Том.— Это ты?

— А кто же еще? — сварливо сказал голос.— Насколько я понимаю, кроме меня, здесь никого нет. Если не считать тебя, разумеется! И не зови меня чужаком, я Шмулька. Надеюсь, я не слишком много прошу, желая услышать собственное имя?

— Но как тебе удается разговаривать?

— И что? Я окуклился, но не онемел.— Голос помолчал и тяжко вздохнул.— Ой-ой, сперва концлагерь, а теперь вот это. И что я такого сотворил? Увидел один маленький глупый сон, вот и все.

— Согласен,— сказал Том.— Мы не можем нести ответственности за наши сны.

— Таки да, вы не можете, а Шмулька может? За что меня наказали, за ночной кошмар?

— Такой здесь у них закон,— сказал ему Том, пожимая плечами.

— Ха-ха! Закон мешугене!

— Возможно, но это же их Галактический Центр.

— Конечно, конечно. А ты, значит, ни в чем не виноват.

— А что я могу поделать?

— Почему это, интересно, все говорят одно и то же? — ехидно хмыкнул голос.— Куда ты меня несешь?

— К месту Великого Очищения,— честно ответил Том.

— И что за место?

— Слишком жаркое, насколько я понимаю.

— Ничего себе начинается неделька... Торквемада, сколько ты успел спалить жидов?!

— Не надо так, Шмулька,— печально вздохнул Том.— Я тут ни при чем, это не моя идея.

— А ты бы сделал что-нибудь для Шмульки, кабы мог?

— Разумеется!

— Ну так обойдемся без Великого Очищения.

— Не вижу, как бы я смог это сделать,— подумав, ответил Том.— За мной наверняка наблюдают.

— Не проблема. Бросишь в огонь мой кокон, и никто ни за что не догадается, что Шмульки там уже нет.

— А где ты будешь?

— В твоей голове! Вознося молитву за искупление твоих прегрешений.

— Не знаю, нравится ли мне эта мысль,— подумав, ответил Том.— Обычно я никого не пускаю к себе в голову.

— Так попробуй, что тебе терять? Я буду сидеть тихо, обещаю. Ты даже не почувствуешь.

— Ну, если так... Ладно. Но с этой секунды никаких разговоров!

— Эй, а разве я что-нибудь говорю?

Шмулька явно был из тех, кто любит оставить за собой последнее словцо, но Том не ответил на его риторический вопрос, и тот умолк. Дошагав до места Великого Очищения в полнейшем молчании, Том наконец избавился от кокона, швырнув его в бушующий огонь.

— Ты еще здесь? — не выдержав, спросил он, покидая свалку.

— Я уже пообещал тебе,— огрызнулся голос,— и буду молчать!

Том вернулся в Эксцельсиор, увидел, что Шиш еще не пришел, и заказал себе кофе. Он чувствовал себя пре-

восходно, ведь не каждый день человеку удается спасти брата по земному разуму. Том давно уже решил для себя, что невезучий Шмулька именно с Земли.

Глава 17

В то самое время, когда король осуществлял свой побег из дворца, принцесса Робин, его нареченная невеста, развлекалась в своем гигантском плавательном бассейне, устроенном рядом с ее шале на дворцовой территории. Этот бассейн был подарком короля, преподнесенным принцессе в день ее восемнадцатилетия, когда они с королем обручились. Подарок отличался воистину галактическими размерами, так что дальний конец бассейна невозможно было разглядеть из-за низко висящих облаков. Принцесса стояла на туманном, слегка покатом песчаном пляже, специально сконструированном так, чтобы выглядеть пустынным брегом нескончаемого моря.

(На самом деле в Галактическом Центре не существует ни природных морей, ни даже крупных внутренних озер. Сама вода была долгое время неизвестна Центральным Галактианам, которые поневоле довольствовались ртутными лужицами вплоть до 11232-го по новому стилю. Именно тогда вода была наконец открыта, и питьевая, и прочие ее разновидности.)

Зайдя по колени в воду, Робин играла со своей ручной акулой. Это была ненастоящая акула, разумеется, всего лишь паж, одетый в костюм акулы: встроенное в костюм компьютерное обеспечение гарантировало абсолютное акулоподобие его движений. Принцессу сопровождала ее фрейлина Миранда, специально натренированная на выражение искреннего сочувствия, увлеченного интереса и полного понимания мельчайших деталей принцессиной жизни, включая искусную импровизацию на тему этих деталей.

И вот, пока они играли с ручной акулой, бросая ей акульи бисквиты, чтобы паж Эдвард исправно их поедал

(принцесса с распущенными волосами, светлыми, легкими и пушистыми, а Миранда в голубом чепце, из-под которого выбивалась жесткая смоляная прядь), обе они заметили вдалеке некий плавающий объект. Объект постепенно подплывал все ближе и ближе к берегу, подгоняемый легким ветерком, который создавали машины.

— Что это? — спросила Робин.

Миранда посмотрела на объект долгим, пристальным взглядом и начала в эпической манере:

— Подплывающий к берегу загадочный объект на первый взгляд казался ничего не означающим, совершенно невинным обломком, и однако ему предстояло сыграть свою роль в судьбе ничего не подозревающей принцессы, столь юной, любящей, доверчивой и чистосердечной, что она отказывалась замечать малозаметные, но притом безошибочные знаки усиливающегося безразличия со стороны красивого, молодого, прямодушного, однако странным образом закомплексованного короля бесконечного пространства, невзирая на все неоспоримые достоинства его нареченной невесты Робин, которая являла собой чистейший образец благородной красоты, превосходных манер, первоклассного воспитания и высочайшего положения в обществе.

— Смотри-ка, он уже подплывает! — воскликнула Робин.

— Роковой объект подплывал все ближе и ближе,— сказала Миранда.— Поношенный башмак, не более, доверху наполненный водой, однако сохранивший плавучесть благодаря миниатюрным антигравам, впоследствии обнаруженным в его каблуке. Принцесса наклонилась, чтобы поднять его, и сразу же заметила...

— Постой! — закричала Робин, подбегая к воде, откуда поспешно выудила кавалерийский сапог высотой до половины бедра. Кожа, из которой он был сшит, на ощупь казалась мягче, чем у сказочной змеи, что проживала в бочке с маслом, на голенище его была выжжена эмблема. Робин уставилась на эмблему с первым предчувствием грядущей потери.

— Робин устремила взгляд на эмблему, темнеющую на размокшем, но изящном сапоге,— продолжила Миранда,— и с упавшим сердцем обнаружила в ней нечто хорошо знакомое. «Да ведь это...» — подумала она, и ее прелестная нижняя губка внезапно задрожала...

— Хватит! — прикрикнула Робин., почувствовав внезапное раздражение от того, что ее действия подвергают комментариям прежде, чем она успеет их совершить, даже если это делается с самыми лучшими намерениями. Ее нижняя губка задрожала, как и сказала (или предсказала?) Миранда.— Да, это эмблема короля! Но как его сапог попал в мой бассейн?

Миранда подняла брови, но ничего не сказала.

— Давай, говори, что думаешь.

— Принцесса была умна,— сказала Миранда.— Ей понадобилась всего секунда, чтобы обо всем догадаться. Дальний конец бассейна расположен вблизи от Калитки Эльфов, которая находится как раз на границе между уютной, благоустроенной и совершенно безопасной территорией дворца и таинственной неизвестностью Галактического Центра, населенного простонародьем и жуткими беззаконными личностями. Возле этой калитки король, намереваясь идти пешком, снял свои верховые сапоги, ибо не нуждался более в лошади, и один сапог из пары, небрежно брошенной королевской рукой в сторону раздевалки, устроенной на дальнем берегу бассейна, по чистой случайности угодил прямо в воду и в конце концов доплыл до противоположного берега, где принцесса Робин, по той же случайности, невинно забавлялась с любимой акулой.

— Похоже, так оно и было,— сказала Робин.— Но что король делал у Калитки Эльфов, ведущей в город? Нет-нет, не рассказывай, Миранда, я сама знаю, как это выяснить. Дай мне телефон.

Миранда вручила ей мобильник. Принцесса мысленно набрала номер, послушала гудки, потом кто-то снял трубку.

— Сыскная служба «Тромбоид», говорит Дженкинс.

— Это Робин. Я хочу знать, где сейчас находится король.

Робин наняла Дженкинса сразу же после того великого дня, когда король впервые оказал ей знаки особого внимания. Мать принцессы справедливо указала дочери, что им совершенно необходима информация о времяпрепровождении короля, ведь этот милый молодой человек славится своей невероятной рассеянностью. Служба «Тромбоид» сослужила Робин хорошую службу. Принцесса всегда была изысканно одета и элегантно причесана, в какое бы время дня или ночи королю ни вздумалось «заскочить на огонек», как он любил именовать свои визиты.

— Где это у меня?..— сказал Дженкинс.— Ага, вот. Рапорт агента 334-А. Зачитываю: «Моя просьба повысить мне зарплату до сих пор осталась без ответа, и я хотел бы...» Нет, не то. Ага! Читаю: «Король был замечен, когда покидал дворцовую территорию тайным и трусливым образом, странно не соответствующим его обычной открытости и мужественности. Король дошел до калитки у дальнего конца бассейна, принадлежащего принцессе Робин, скинул кавалерийские сапоги, один из которых упал в бассейн, надел пару легких кроссовок, а затем с целеустремленным видом вышел из калитки и устремился в город, который, по всей видимости, имеет бесконечное протяжение».

— Король отправился в город?

— Так тут написано.

— Но он никогда ничего подобного не делал!

— На сей раз, получается, сделал.

— А в какое место города он направился?

— Это нам неизвестно, принцесса.

— Как это неизвестно? И вы еще имеете наглость называть себя сыскной службой?

Помолчав, Дженкинс сухо сказал:

— Наш договор, как я вынужден напомнить вам, принцесса Робин, предусматривает информацию о местонахождении короля в любое время суток в пределах территории королевского дворца. Но в нем ничего не сказано

о том, что нам положено делать, если король покинет эту территорию.

Робин отшвырнула телефон и сказала Миранде:

— Похоже, он покинул дворец. ТАК он никогда еще не поступал!

— Некоторые мужчины совершенно не способны на предательство,— меланхолически заметила Миранда.— Пока в один прекрасный день без всяких видимых причин не поступают именно ТАК.

Зазвонил телефон. Это опять был Дженкинс.

— Наш агент тут кое-что поблизости обнаружил. Это записка, адресована вам. Прочитать?

— Как вы смеете читать мою корреспонденцию?

— В нашем договоре сказано, принцесса, что мы обязаны просматривать вашу почту и сообщать вам ее содержание елико возможно скорее. Все это в тех бумагах, которые вы подписали.

— Ну хорошо, читайте, читайте.

— Тут написано: «Привет, детка, вынужден смотаться в город по важному делу. Вернусь, как только смогу. Чао!» Подпись: Ральф Рекс.

Робин положила мобильник и посмотрела на Миранду, которая, как обычно, все слышала, а фрейлина, в свою очередь, взглянула на юную принцессу глазами, полными искреннего сочувствия.

— Этот ублюдок сбежал от тебя!

— Так оно и есть,— тупо сказала Робин. Реакцией на ошеломительную новость стала внезапная слабость, предвещающая ей в ближайшем будущем полноценную мигрень. И все-таки этого надо было ожидать. Когда ты молода, красива, талантлива и мила, и у тебя прелестные волосы и великолепная фигура, и ты собираешься замуж за короля бесконечного пространства и вообще на вершине полного счастья... Дела при таких обстоятельствах могут развиваться лишь вниз, а не вверх.

— Я знала, знала, что все чересчур хорошо, чтобы быть правдой! — Принцесса топнула ногой.— Проклятье! Вот так бы и шлепнулась на песок и заколотила пятками!

— Ты можешь, конечно,— сказала Миранда.— Кто вправе тебя осудить? Но ты ведь знаешь, то есть я хочу сказать, принцесса Робин прекрасно знала, что в сложившихся ныне обстоятельствах она должна быть стойкой и отважной принцессой и обратиться за советом к той, что всегда была ее лучшей и мудрейшей советчицей, невзирая на свои экстравагантные манеры и злой язык. Принцесса думала, разумеется, о своей родной матушке, леди Гвендолен Иннит.

— Конечно! — сказала Робин.— Спасибо тебе, Миранда. И как я сама не догадалась? Мама всегда знает, что надо делать!

— Если тут вообще что-нибудь можно сделать,— сказала Миранда,— леди Иннит точно скажет, что именно. Храни тебя бог, принцесса!

Последние слова Миранды были адресованы уже пустому воздуху. Поскольку Робин, едва задержавшись, чтобы накинуть на купальник пеньюар, вступила в хромово-стеклянную кабину Транслятодора, и тот, будучи заранее настроен, во мгновенье ока перенес ее в материнское поместье.

Глава 18

В данный момент герцогиня пребывала в огромном дворе своего поместья, окруженном изящными арками, и от скуки швырялась дротиками в курьера, которому приплачивала спецдобавку за риск к обыкновенно положенному жалованью. Это была высокая, сухопарая дама с длинными, змеистыми черными волосами и размашистой мужской походкой, выработанной в подражание ее культовому идолу Жорж Санд. Сегодня на леди Иннит красовался зеленый охотничий костюм, который ее совсем не красил, предательски обтягивая долговязую фигуру. Но герцогине было наплевать. Она была выше банальной красоты с ее недозрелыми треволнениями.

Этим утром в поместье проводилась традиционная ежемесячная церемония изничтожения самого ленивого

из слуг, что, несомненно, стимулировало всех остальных держаться на приемлемом уровне. Андрей, нерадивый подручный дворецкого, одетый в спортивные трусы и теннисные тапочки, неохотно вышел на старт и принял низкую позицию. Беговая дорожка виляла между разнообразными препятствиями и заканчивалась у небольшого бельведера, в добрых пятидесяти футах от стартовой линии.

— Марш! — рявкнула герцогиня, и Андрей рванул со старта, петляя как заяц. Леди Иннит спокойно натянула свой охотничий лук, жестко прищурила глаза, прицелилась и спустила тетиву. Стрела просвистела на полдюйма выше плеча Андрея, который отчаянно взвизгнул и удвоил усилия.

— Мама...— начала было Робин, внезапно появляясь рядом с герцогиней, и та, вздрогнув от неожиданности, пустила вторую стрелу в молоко. Бегун удачно завершил дистанцию и укрылся за башенкой бельведера.

Леди Иннит раздраженно сказала:

— Я же просила тебя, дорогая, никогда не сваливаться мне на голову, как сейчас. Теперь этот бездельник Андрей улизнул, а я так мечтала пристрелить его нынешним утром.

— Ты слишком сурова к Андрею,— заметила Робин.

— Он получает надбавку за риск, на что ему жаловаться? И почему ты не могла подождать до файф-о-клока?

Принцесса быстро изложила все, что ей было известно о действиях короля, и показала матери его записку.

Прочитав записку, герцогиня жестко прищурилась и произнесла:

— Не могу сказать, что меня никогда не посещало дурное предчувствие.

— Меня оно тоже посещало,— сказала Робин.

— Еще бы, дорогая, ведь это я научила тебя доверять собственным предчувствиям.

— Нет, я научилась сама!

— Не будем спорить, дорогая. Ситуация критическая и не терпит отлагательства. Дочь моя, ты ни в чем не провинилась перед королем, а тот позволил себе сбежать от тебя без единого слова, сказанного в объяснение.

— Именно так,— кивнула принцесса Робин, и в ее прекрасных глазах заблестели невыплаканные слезы, которые она выплачет попозже, когда останется в уединении.

— Но сбежать королю не удастся,— сказала герцогиня.

— О чем ты, мама? Ему уже удалось!

— Это мы еще посмотрим,— сказала ее мать.— Не пройти ли нам в мой кабинет, дорогая?

Она провела принцессу по великолепной летней вилле в прекрасно оборудованный двухкомнатный офис. В задней комнате стояла высокая дубовая конторка, леди Иннит отперла ее и бегло просмотрела бумаги.

— Свидетельство на месте,— кивнула она и обратилась к Робин: — Видишь ли, дорогая, в качестве главного условия вашей помолвки я заставила короля принести великую клятву перед лицензированным клятвоприемщиком. И тот засвидетельствовал в письменной форме, что король дает свое королевское слово непременно жениться на принцессе Робин и никогда, ни под каким предлогом или по любой мыслимой причине, не откажется от данного им обещания.

— Мама, это было ужасно предусмотрительно с твоей стороны,— сказала Робин.— Но ведь король не отказался, он просто сбежал! И тут мы ничего не можем поделать.

— Разве? — сказала герцогиня, поднимая бровь.— Ты слышала когда-нибудь о Взыскателе Обещаний?

— Кажется, кто-то рассказывал мне в детстве. Но я всегда думала, что эта история — просто бабушкины сказки.

— Это не сказки, а магический амулет. Тот, кто владеет Взыскателем Обещаний, может вынудить кого угодно, невзирая на общественный статус, выполнить свое обещание, данное владельцу амулета в надлежащей форме. Дорогая, мы можем вернуть короля и заставить жениться!

— Но где же нам взять Взыскатель Обещаний?

— Тебе придется навестить Этель, злую ведьму, которая живет в Болотах.

Глава 19

И Робин пришлось-таки навестить злую ведьму Этель, чей домик стоял в Топкой Низине в районе Болот. Эти Болота представляли собой очень грязную и сильно заболоченную местность, которая располагалась неподалеку от центральной части дворцовой территории, сразу же за ее восточным округом с ландшафтными парками, вымощенными булыжником улицами и претенциозными зданиями в стиле модерн.

«Какой контраст»,— подумала Робин, обозревая огромные темные лужи, среди которых торчали старые полуразваленные дома, соединенные протоптанными в грязи тропинками. День был ужасно серый и мрачный, как всегда бывает на Болотах.

Путь оказался недолгим, но полным неприятных сюрпризов. Противно сверчали сверчки, мистически ухали совы, настырно барабанили дятлы. В конце пути принцесса обнаружила древнюю хижину, склонившуюся к огромному старому вязу под крайне опасным углом. К крыльцу было привязано куском веревки облепленное грязью каноэ. Принцесса поднялась по шаткой лесенке и вошла в зловещее жилище ведьмы.

Ведьма сидела перед кривым зеркалом, отражавшим еще более уродливую образину, чем наличествовала в оригинале, и примеряла различные варианты змеиных веночков, которые лежали кучкой на ее туалетном столе. С заднего двора доносилось недовольное ворчание ковена, давно уставшего дожидаться своей предводительницы и начала назначенной церемонии.

— Я пришла за магическим амулетом, именуемым Взыскателем Обещаний! — храбро заявила принцесса.

— Бери, мне не жалко,— сказала ведьма, не отрываясь от зеркала,— но придется заплатить. Как насчет души твоей матери?

— Это не проблема,— сказала Робин.

Ведьма удовлетворенно кивнула и сделала пометку в своем еженедельнике.

— А как он работает? — спросила Робин.

— Отдай амулет королю,— сказала ведьма.— Или попроси кого-нибудь передать. В любом случае, как только король возьмет в руки Взыскатель, тот сам проделает все необходимое.

Ведьма открыла бамбуковый шкафчик и достала из него нечто завернутое в хорошо поношенную футболку. Размотав этот сверток, она протянула принцессе маленькую каменную таблетку, на которой были вырезаны слова на давно позабытом языке. Это был самый древний язык Вселенной, зародившийся вместе с ней, могучий язык принуждения.

— Я обязана предупредить тебя,— сказала ведьма,— что у Взыскателя Обещаний бывают побочные эффекты. Используя амулет, ты рискуешь разрушить старый порядок вещей, покончить с Золотым Веком и ниспослать на мир бесчисленные несчастья.

— Мне не нравится сегодняшний порядок вещей,— упрямо сказала принцесса.

— А ты думаешь, мне нравится сидеть тут перед кривым зеркалом, примеряя змеиные веночки к своей кривой роже?.. Ну ладно,— сказала ведьма,— я тебя предупредила. Иди.

Робин кивнула, забрала амулет и ушла. При чем тут какие-то дурацкие эффекты? Этого она не поняла, но главное, король непременно вернется во дворец, и тогда они сыграют свадьбу.

Глава 20

Барон Корво собирался на вечернюю кинопремьеру. Он стоял перед зеркалом в гардеробной своего импозантного дома с видом на королевские апартаменты Большого Дворца, в энный раз поправляя свой галстук и раздраженно взывая к жене:

— Ты уже готова, дорогая, или нет?

— Шиш пришел,— откликнулась жена, бросая на супруга взгляд, яснее слов говорящий: «Что-то определенно не так».

— Привет, Шиш, заходи! Поможешь мне с этим проклятым галстуком. Не люблю звать Гиневру, она всегда заставляет надеть что-то более консервативное. А по мне, броский галстук только красит мужчину при исполнении государственных обязанностей, хотя и не одобряется традицией. Но в конце концов, мы с тобой на самом верху, и наши друзья и семьи, мы можем вести себя так, как нам удобно. Или я не прав, Шиш?

Шиш проигнорировал провокационный вопрос.

— Я всего лишь хотел сообщить, что король покинул дворец.

— Ничего себе,— сказал Корво, медленно пересек комнату и тяжело опустился в кресло. Он был большой и крепкий брюнет с пышной бородой до самых глаз, но в этот момент казался странно беззащитным.— Покинул дворец, говоришь? И куда пошел?

— По-моему, в Галактический Центр.

— В сопровождении гвардейцев, разумеется?

— Один, совсем один.

— А он сказал, когда вернется?

Шиш покачал головой.

— И в какую сторону он пошел?

— На запад, к периферии.

— Но зачем?

— Король намекнул, что собирается встретить персону, за которой послал.

— Персону? Что еще за персона? Неужели ты хочешь сказать, что король за кем-то послал?!

— Вот именно. Это некий Том Кармоди, с Земли.

— И король не уведомил его предварительно письмом?

— Ну, вообще-то он написал письмо... Потом. Оно лежит в кармане моего дублета.

— Так ты не передал письмо, верно?

— Нет, у меня не было времени. Король так предвкушал прибытие этого Тома Кармоди, что отправился ему навстречу.

— Почему же Его Величество не стал дожидаться гостя в своем кабинете, как всегда делает?

— Не знаю,— сказал Шиш.— Вот это меня и беспокоит.

— Тебе известно, где должна состояться встреча?

— Король меня не посвятил. Но скорее всего он будет ждать Кармоди у Западных Врат, где обычно проходят все новоприбывшие. А может быть, и прямо в Космопорте.

— Знает ли Его Величество дорогу к Западным Вратам? По-моему, он никогда там прежде не был, более того, вообще не выходил из дворца.

— Я несколько раз слышал, как король упоминал, что хотел бы покинуть дворец,— сказал Шиш.— И у меня сложилось впечатление, что он рассчитывал сориентироваться на месте.

— Всем известно, что у короля есть свои маленькие фантазии. Но прежде он никогда не пытался их осуществить.

— Насколько я знаю, нет.

— Черт возьми, он должен был уведомить меня как своего хранителя! Я снабдил бы его надлежащим эскортом.

— Вероятно, именно поэтому король ничего тебе не сказал. Совершенно очевидно, что он пожелал остаться в одиночестве.

— Но это же против всех правил. Проклятие, я шеф Секретной полиции! Зачем королю заводить себе Секретную полицию, если он все намеревается делать сам?!

— Да, тут есть противоречие,— вынужден был признать Шиш.— Но вполне объяснимое, я уверен.

— Ну хорошо,— сменил тактику Корво.— Могу я просто взглянуть на письмо? Возможно, оно содержит намек на умственное состояние короля?

— Категорически невозможно,— отрезал Шиш.— Он оштрафует меня по-черному, если узнает.

— Я ему не скажу,— пообещал барон.

— Он все равно узнает,— мрачно сказал Шиш.— Нет, извини, об этом не может быть и речи.

— Но ты еще не отдал Кармоди письмо, верно?

— Ты же знаешь, Корво, что нет.

— Могу ли я спросить, почему?

— Учитывая все обстоятельства, я подумал, что король и сам бы того не захотел.

— Черт бы побрал короля! — воскликнул в сердцах Корво.— О... прошу прощения, я вовсе не это имел в виду. Однако его поспешная, непродуманная и совершенно беспрецедентная акция поставила меня в крайне щекотливое положение.

— И ты решаешь, не стоит ли послать за ним эскорт?

— Да нет, я уже решил послать. Все гораздо хуже. Должен я или не должен отменить вечерний киносеанс?

— Ага! Если вечером король не появится в театре...

— Прямо в точку. И правила на сей счет чрезвычайно точны: когда король, по той или иной причине, не присутствует на сеансе, кинопремьера не может состояться, хотя дозволено демонстрировать старые фильмы.

— Ну, если бы король пожелал наложить вето на новые фильмы до своего возвращения, он бы так и распорядился,— заметил Шиш.

— Не обязательно. К чему утруждать себя, если в правилах все четко прописано? Вероятно, король ожидает, что я вообще закрою театр... Но ты прав, меня действительно беспокоит, что он даже не обмолвился о вечернем сеансе, просто взял и ушел.

— Похоже,— задумчиво сказал Шиш,— что он вообще позабыл про кино.

Барон был явно шокирован.

— У короля, разумеется, есть свои маленькие странности,— с достоинством промолвил он.— Однако, утверждая, что Его Величество может забыть про кино, ты заходишь слишком далеко, Шиш! Кстати, ты случайно не знаешь, что сегодня собирались показать?

— «Смерть поэта» Жана Кокто.

— И это, конечно, премьера?

— Для нас? Конечно.

— Картина-то как, ничего?

— Прогрессивные критики утверждают, будто Кокто удалось воплотить в данном фильме нечто чрезвычайно важное, но что именно, припомнить не могу.

— Проклятие! Я бы с удовольствием посмотрел.

— Поступай как знаешь,— сказал Шиш,— но мне в любом случае придется обойтись без кино. Я должен вернуться к Тому Кармоди.

Барон рассеянно кивнул, раздираемый желанием и сомнением.

— Может, все-таки?.. Боже, какая дилемма! Честно говоря, я не знаю. Не знаю, что делать.

— Скажешь, что ты решил, когда я вернусь,— ухмыльнулся Шиш и оставил шефа полиции сражаться с непокорным галстуком.

Немного погодя барон Корво уселся в мягкое кресло с высокой спинкой и стал размышлять. День уже балансировал на грани сумерек (время, которое барон особенно любил).

Этот парень Том Кармоди, подумал Корво. Когда Том впервые здесь появился, Галактическим Центром еще не правил король бесконечного пространства. То был период анархии, когда существа любых типов и размеров слонялись где и как попало, а Модсли с Мелихроном и подобные им создания вели себя словно в собственной вотчине, напропалую создавая персональные законы природы и абсолютно ни с кем не считаясь.

И все-таки в тех былых днях была своя беззаконная прелесть, подумал Корво со вздохом, и даже особое величие. Но вечно продолжаться такое, разумеется, не могло. Галактический Центр заселялся все гуще и гуще, и на смену анархии потребовался закон. И когда наконец появился Ральф, первый король бесконечного пространства, всеобщим чувством центральных галактиан стало огромное облегчение, смешанное с небольшим разочарованием.

Ральф вовсе не был мудрым, всезнающим королем-философом, какого многие ожидали. Чуть больше, чем просто символ или организационный принцип. Но Ральф был достаточно умен, чтобы понимать это, и правил своими подданными и территориями вполне разумным образом.

Никто точно не знал, откуда он явился. Предками Ральфа (впрочем, как и всех остальных) были лучистые

энергетические сферы, которые образовались немного позже (или чуть раньше) Большого Взрыва и свободно блуждали по пространству, где страшно медленно возникала материя. Но когда миры наконец сформировались, сияющие сферы погрузились в грубую материю и стали первыми людьми, как это и подозревал Плотин*.

Работу короля следовало определить как церемониальное воздействие. Он мог бы делать все, однако его работа заключалась именно в том, чтобы не делать ничего, и притом грациозно. Королю вменялись две непременных обязанности, и первая из них состояла в присутствии на вечерних премьерах новых кинофильмов, завозимых за бешеные деньги из будущего Голливуда. Вторая обязанность предписывала королю постоянно пребывать на территории дворца, который возник одновременно с прибытием Ральфа, растянувшись на великое множество квадратных километров.

Король не делал ничего, но был самой важной фигурой, от которой полностью зависели мир, благоденствие и процветание всего королевства. Но если король действительно ушел... а такую возможность никак нельзя сбрасывать со счета... то кому-то придется срочно его заменить. Междуцарствие в Галактическом Центре совершенно непозволительно!

Да, но кто же, кто заменит короля?

— Только не я,— открестился вслух барон.

И тихий, вкрадчивый внутренний голос, о существовании коего он даже не подозревал, задал тихий наводящий вопрос:

— А почему бы не ты, барон Корво?

Глава 21

Том просидел в Эксцельсиоре несколько часов, но Шиш так и не явился. Стало темнеть, и официанты начали бросать на него неодобрительные взгляды. Том взгля-

* Плотин (204–270) родился в Египте, основал свою философскую школу в Риме. Виднейший представитель неоплатонизма.

нул на визитку, которую ему дал Шиш, и решил попробовать разыскать его дома. Он вышел на улицу и пошел пешком, спрашивая у прохожих о местоположении ближайшей автобусной станции, но улицы так закручивались и переплетались, что он все время терял направление.

Когда Том понял, что окончательно потерялся, стало уже темно, а вблизи не оказалось ни автобусной станции, ни гостиницы, ни даже пансиона. Кроме того, он заметил, что в воздухе шныряют полупрозрачные твари с длинноющими зубами, очень неприятно смахивающие на летучих мышей-вампиров. И он услышал, как прохожий сказал ему: «Не позволяй этим полупрозрачным тварям с длинными острыми зубами вцепиться в тебя». И тут же одна из тварей щелкнула на Тома зубами, и он решил, что пора бы убраться под крышу.

Но Том нигде не мог найти убежища. Кругом тянулись длинные ряды многоквартирных домов, их парадные были закрыты и заперты на ночь. И еще начался дождь. И вообще ему было крайне неуютно в компании этих почти прозрачных летучих вампиров, чьи длинные, острые как бритвы зубы щелкали у него прямо над головой. Сперва тварей было всего несколько штук, но потом стало намного больше, они отлетали в сторону, когда Том махал на них руками, но чем делалось темнее, тем быстрее возрастали их количество и наглость.

Он помчался по улицам в поисках самого завалящего отеля, но казалось, в этой части города отелей вообще не строили. И вдруг он увидел на противоположной стороне улицы пансион, с которого как раз снимали вывеску. Том опрометью перебежал дорогу и проскочил в дверь прежде, чем ее успели закрыть.

Ободренный таким везением, он снял у менеджера номер под крышей и, прежде чем подняться по лестнице, спросил у молодого человека, который сидел в холле, лениво перелистывая страницы иллюстрированного журнала:

— Как вы называете этих полупрозрачных зубастых тварей, что летают на улицах?

— Вы знаете, мистер,— сказал молодой человек,— это бывает так редко, что у нас нет даже имени для полупрозрачных зубастых тварей.

Тому пришлось удовлетвориться ответом. Утром, когда Том собрался уходить, менеджер его окликнул:

— Эй, мистер, вам письмо!

— Не может быть. Никто не знает, что я здесь.

Менеджер протянул ему конверт:

— Никакой ошибки, на письме ваша ментальная метка.

— От кого?

— Откуда мне знать. Оно лежало на камине вместе со всей остальной почтой.

Это был длинный, изящный конверт. Том взял его, вскрыл и прочитал: «Привет, Том, я хочу, чтобы ты последовал плану Б, изложенному в первом письме. У нас есть шанс наставить нос персонам, которых я уже упоминал как ярых противников нашей встречи. К дьяволу их всех! Позор нашим общим врагам! Просто последуй плану Б, и все будет в порядке». Письмо было подписано: «Ральф Рекс».

— Письмо от короля! — удивился Том.

— Я так и думал,— заметил менеджер.— Мне показалось, я узнал королевскую печать.

— Он хочет, чтобы я последовал плану Б!

— Спасибо, что поделились со мной,— сказал менеджер.— Советую вам так и поступить. Говорят, король в подобных делах весьма педантичен.

— Но там ничего не написано про план Б,— объяснил Том.— Только то, что план Б был изложен в первом письме.

— Так прочтите первое письмо,— посоветовал менеджер.

— Но я его не получил!

— Да, это заметно усложняет задачу. Если только король не последовал обычной процедуре, поместив письмо с планом Б в свой общедоступный файл.

— Что такое общедоступный файл?

— Источник, откуда придворные биографы черпают информацию для популярных книг о короле. По закону король обязан предоставлять широкой публике информацию подобного сорта.

— Где можно найти общедоступный файл короля?

— Вы можете получить к нему доступ в общественной библиотеке напротив.

— И это действительно возможно?

Менеджер кивнул.

— Каждый человек, будь то благородный или плебей, имеет право получить доступ к общедоступным файлам, согласно Декрету о Свободе Информации, который обнародовали в прошлом году.

Том перешел улицу и вошел в библиотеку, дабы получить доступ к королевскому файлу и выяснить в конце концов, что ему следует делать.

Он заметил, что за ним наблюдает человек с щегольскими усиками ниточкой, одетый в голубой плащ военного покроя.

Из щели машины вылез наконец листок бумаги, озаглавленный «ПЛАН Б», но Том не смог его прочитать. Печатный текст, по всей очевидности, был закодирован.

Человек в голубом плаще и с усиками подошел к нему и спросил:

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Я пытаюсь получить доступ к королевскому плану Б,— объяснил Том.

— Но план у вас в руках, как я вижу.

— Да, но он записан кодом!

— Для вашего же собственного блага. За чтение королевских планов предусмотрены суровые санкции.

— Но разве Декрет о Свободе Информации не делает эти планы общедоступными?

— Они общедоступны, разумеется. Каждый, кто хочет, может свободно получить копию. Но читать их запрещено, это тяжкое преступление против государства.

И даже сам акт разглядывания закодированного текста вызывает некоторые обоснованные вопросы, которые полиция безопасности просто обязана задать.

— Так вы из полиции безопасности?

— Так точно. И мои обязанности заключаются в том, чтобы расспрашивать всех, кто пытается получить доступ к королевскому Плану Б. У меня к вам несколько вопросов.

— Валяйте, спрашивайте,— сказал Том.

— Чем вы руководствовались, сэр: чисто обывательским любопытством или же План Б имеет для вас некое особое значение?

— Это план, которому я должен последовать по просьбе короля.

— И вам сказал об этом лично сам король?

— Ну... не лично. Мы никогда не встречались.

— Вероятно, Его Величество намекнул вам на План Б во время вашей последней телефонной беседы?

— Вообще-то я никогда не беседовал с королем.

— И однако вы абсолютно точно знаете, что хочет от вас Его Величество?

— По-моему, он выразил свое желание вполне определенно и недвусмысленно,— ответил Том, протягивая незнакомцу второе письмо короля.

— Но тут написано, что План Б подробно излагается в письме за номером первым?

— Первого письма я так и не получил,— объяснил Том.

— Мне все понятно, сэр. Думаю, нам придется уделить друг другу еще какое-то время. Эй, Хайнц, Драго! Хватайте его!

Двое амбалов материализовались ниоткуда и крепко ухватили Тома под руки. Маленькая процессия, возглавляемая щеголеватым полицейским с усиками, чинно покинула библиотеку и направилась к тюрьме, расположенной чуть выше по улице. Это было бежевое оштукатуренное здание, мучительно напоминавшее Тому нечто такое, что он уже видел на Земле. Но вспомнить он не сумел.

Глава 22

Тома отвели в камеру, где на нижней койке дрых мертвецким сном безобразный старый алкоголик. Когда надзиратели удалились, пьяница встал и принялся стаскивать с себя все, что на нем было надето с целью замаскировать его истинный образ. В итоге он, то есть она, оказался красивой молодой женщиной, скрывавшейся под шкурой старого пропойцы. Сморщив прелестный носик, она опрыскала эту шкуру душистым дезодорантом из крошечного пульверизатора, который специально принесла с собой.

— Это всего лишь уловка,— пояснила она без особой необходимости, но принцесса Робин полагала, что лучше с самого начала расставить все по своим местам.— Я должна поговорить с тобой подальше от Шишевых ушей. Твоя жизнь в опасности, Том Кармоди, и Шишу ни в коем случае не стоит доверять.

— Что происходит? — спросил ошарашенный Том.

— Я принцесса Робин,— сказала принцесса.— Два дня назад состоялась моя помолвка с королем. Однако сегодня король разорвал помолвку и ушел из дворца, чтобы встретиться с тобой. Мои привилегии тут же были отменены. Самое ужасное, что я потеряла право на первый просмотр новых кинофильмов!

— И что это, по-вашему, значит, принцесса?

— Заговор! Я подозреваю, что готовится покушение на короля. Это страшно запутанный клубок, в котором уже запутались мы все, сами того не подозревая. Ты, я, Шиш, еще один, два или три человека. У меня есть идея, Том, как помочь тебе выпутаться. Но ты должен всецело мне доверять.

Однако Судебный Иск ничуть не доверял принцессе Робин... Постойте, а это еще кто?! При поспешной проверке обнаружилось, что сей персонаж, в предыдущей инкарнации известный как Приз, еще не был представлен читателям, хотя обязан появиться именно сейчас. Жаль, что нет времени рассказать, кто он такой, как

выглядит и почему угодил в эту книгу, очень жаль, но история не может стоять на месте.

— Эй, минуточку! — сказал Иск.— Дело в том, что эта леди...

— Я принцесса Робин,— сказала принцесса.

— Возражение несущественно. Том, разве у тебя есть какие-нибудь причины доверять этой Робин?

Принцесса была потрясена.

— Почему ты мне не веришь?

— Потому,— сказал Судебный Иск,— что у тебя есть личные мотивы, пока еще не известные никому.

— Как ты можешь так думать? Ты приписываешь мне мотивы, которых у меня нет!

— Не приписываю,— сказал принцессе Иск.— Но мог бы вчинить тебе любые, какие захочу. Осторожней на поворотах, леди! — Он сказал Тому: — Ладно, я передумал, можешь ей доверять. Но только временно и не во всем. Мы все еще не знаем ее тайного мотива.

— У меня нет тайных мотивов! — возмутилась Робин.

— Конечно, есть,— сказал Судебный Иск.— Тайные мотивы есть у всех и каждого.

— В твоем крючкотворном воображении, толстяк!

— Может быть, уже хватит? — вмешался Том, уставший от их перебранки.

Глава 23

Просторная тюремная камера выглядела чрезвычайно мило. Вся обстановка, включая раскрашенные под зебру стены, была выдержана в голубых и розовых тонах, приятно оттененных тут и там сиреневыми и лиловыми акцентами. Очень милая, очень уютная комната с изысканными зебровидными стенами. Настолько не похожая на тюремную камеру, что можно было запросто забыть, что ты в тюрьме.

Принцесса Робин тоже была чрезвычайно мила, она свободно раскинулась в полосатом шезлонге, улыбаясь. Черные волосы Робин, гладкие и блестящие, отливали

темным рубином, из-под низкой геометрической челки сияли чистейшими сапфирами прелестные миндалевидные глаза. Они были вдвоем в этом уютном тюремном гнездышке, двое необычайно привлекательных молодых людей, и вряд ли кто-нибудь собирался потревожить их в ближайшее время. Во всех тюрьмах нашей Галактики, как известно, за пленниками либо наблюдают постоянно, либо предоставляют им полную свободу вариться в собственном соку.

У Тома создалось впечатление, что второй вариант гораздо ближе к истине и что нет никакого резона слишком уж торопиться с побегом. Какое же будет удовольствие, подумалось ему, поближе познакомиться с очаровательной юной принцессой! Скорее всего тут можно заказать и выпивку? В конце концов, такую услугу оказывают даже на Земле, в наиболее прогрессивных тюрьмах. Вполне вероятно также, что здесь найдутся веселящие и расслабляющие пилюльки, сказал себе Том, ибо в Галактическом Центре наверняка господствует просвещенное отношение к химической стимуляции. Какой контраст с его отсталой родиной, где обладание специальными кристаллическими либо резиноподобными субстанциями трактуется как порочный изъян в характере их владельца и с неотвратимой логикой приводит к тюремному заключению.

— Я бы с гранплезиром покайфовала тут с тобой,— вздохнула Робин,— но нам пора выметаться. И прямо сейчас.

— Как, уже пора? А я-то решил, что чуток расслабухи нам не повредит... Почему прямо сейчас?

— Потому что тебе грозит смертельная опасность, Том Кармоди,— сказала принцесса.— Думаешь, я была полностью отрезана от мира, когда дожидалась тебя в этой камере? Как бы не так! Именно здесь я узнала нечто такое, чего никто не должен был знать. Гляди, что у меня есть...— Она достала из пышного рукава тончайшего зеленого шелка маленькую серовато-коричневую птаху и с гордостью представила ее Тому: — Это Скворец-Гонец-Хитрец-Молодец.

— Как интересно,— вежливо заметил Том.— А зачем тебе эта птица?

— Мой Гонец-Хитрец-Молодец докладывает мне обо всем, что я хочу узнать. В данном случае я выпустила Скворца вскоре после твоего прибытия, и он полетел в тренировочный зал, где подслушал, как копы разговаривают между собой в раздевалке, ополоснувшись под душем и растираясь массажными полотенцами после игры в ватерполо. И сейчас ты услышишь их беседу дословно.

— Этот новый парнишка,— сказал немолодой коп, которого звали Клэнси.— Будем его регистрировать или как?

— Конечно, а как же иначе? — удивился молодой коп по имени Долан.

— Я просто задумался о том, какую чертову прорву бумаг придется на него заполнять.

— Думаешь, этот парень не стоит того, чтобы включить его в рапорт?

— Я ничего такого не говорил,— сказал Клэнси.— Но ведь противозаконно утверждать, что ты получил послание от короля, если доказать того не можешь. А у нашего нового парня нет никаких видимых доказательств. В подобных случаях только суд может установить, есть ли у подозреваемого право делать такое заявление или нет.

— По-моему,— заметил Долан,— твои слова только доказывают, что нам следует заявить о парне судебным властям. И заполнить, само собой, все необходимые бумаги, хотя это и чересчур хлопотно.

— Тебе легко так говорить, Долан, ведь ты еще молод и воображаешь, что от правосудия бывает какой-нибудь толк. Но я-то старый служака и, уж поверь, навидался, как ясные дела вдруг принимают совсем не тот оборот. И знаешь, чья в том вина? Нашего мягкосердечного короля, который так и норовит обставить суровый закон всяческими ограничениями, дабы защитить гуманитарные права злодеев. Но разве злодеи имеют право на какие-то права? С какой это стати даровать им право на защиту? Если кто-то не в состоянии предъявить властям

надлежащего свидетельства, не доказывает ли это prima facie* его собственную вину?

— Гм, такая мысль никогда не приходила мне в голову,— сказал Долан.

— Зло есть зло, Долан, и нет смысла рассуждать, где тут правда, а где кривда, когда злонамеренность деяния очевидна каждому здравомыслящему существу. О да, сэр, именно излишние рассуждения и нарушают порядок вещей, навлекая опасность на жизнь нашего короля! Но хочу сказать тебе совершенно честно, Долан, что меня сильнее всего беспокоит, ведь в этой раздевалке нас никто не может подслушать... Более чем просто вероятно, что король действительно послал за этим парнем. Так я думаю. Но можешь ли ты представить последствия, Долан, если мы с тобой по глупости допустим, чтобы их встреча состоялась?

— А какие могут быть последствия, Клэнси?

— Всеобщие беспорядки и многие печали.

— Сильно сказано, Клэнси. Не хотелось бы увидеть такое. И что, по-твоему, нам следует сделать?

Старший коп скривил губы в мрачной ухмылке.

— Наша первейшая задача, Долан, состоит в том, чтобы уберечь нашего короля от его собственного мягкосердечия, откуда и произрастает корень реальной опасности. Мы все уважаем искреннюю заботу Его Величества о правосудии, однако же настало время, когда честные люди сами должны решать, как лучше в особо важных случаях уладить дела. И тут мы с тобой должны учитывать не столько вину или невиновность этого парня, Долан, сколько всевозможные последствия того, что он на самом деле сказал правду и что король действительно послал за ним. А значит, нам следует хорошенько подумать, как избавить нашего короля от ужасных событий, которые несомненно и незамедлительно воспоследуют, если эта встреча все-таки состоится.

---

* Юридический термин *(лат.)*: при отсутствии доказательств в пользу противного.

— И что такое ужасное может воспоследовать, как ты думаешь, Клэнси?

— Самое худшее, что может произойти... с точки зрения короля и нашей... Падение монархии!

— И все из-за того, что король разок поговорит с этим парнем? Как же это может случиться, Клэнси?

— Подумай сам, Долан, догадаться совсем не трудно. Но даже если наихудший сценарий не осуществится, подумай о том, Долан, что следует экономить драгоценное время суда. И данная причина для нас гораздо важнее, чем избавление от докуки составлять и заполнять в трех экземплярах ежедневные разнарядки на питание и прочее содержание нового арестанта. Да потом еще и терпеливо ожидать, когда наши бумаги соизволят одобрить бесчисленные чинуши, и вся эта канитель будет продолжаться и продолжаться, пока вина этого парня не будет доказана, а скорее всего, отнюдь не доказана, к величайшему удовлетворению мягкосердечных судейских, всецело находящихся под влиянием сентиментального короля.

— Да, это сильно сказано, Клэнси,— с уважением заметил Долан.

— Я радею лишь о благе короля,— мрачно произнес Клэнси.— Да, я люблю Его Величество, благослови его бог! Однако наш король не слишком практичен, и его верноподданным поневоле приходится проявлять инициативу.

— Пожалуй, ты меня убедил, Клэнси,— сказал Долан.— И что мы будем делать с новым арестантом?

— Прикончим его, полагаю. Самое быстрое решение. В данный момент мне в голову больше ничего не приходит.

— Ты прав,— кивнул Долан.— Но каким способом? Возможно, это второстепенный вопрос, но мне хотелось бы знать.

— Пули, я думаю, подойдут лучше, чем лазеры, мазеры или тазеры. Надеюсь, что парень по достоинству оценит наш выбор, ведь пули напомнят ему о родимой планете. Это самое малое, что мы с тобой можем сделать

для бедняги, виновного, по всей видимости, лишь формально, а не по существу.

— Я давно хотел пострелять пулями,— мечтательно сказал Долан.— С тех самых пор, как увидел огнестрельные штучки в нашем подвальном арсенале, где хранится устаревшее оружие. Послушай, Клэнси, а как нам поступить с бродягой, который дрыхнет в той же камере?

— Убей его за компанию, старик виновен в позорной нищете, даже если не совершил иных преступлений. Разве кому-нибудь доставит удовольствие лицезреть столь омерзительное убожество? Нашему королю следовало давным-давно покончить с нищетой, но так как Его Величество не сделал этого, нам самим придется проявить инициативу. Что значит один пьянчужка для Великого Мироздания? Так пускай он умрет от тех же пуль, что прикончат Тома Кармоди.

Они покинули раздевалку, а Скворец-Гонец-Хитрец-Молодец вернулся с вестями к принцессе Робин.

— Теперь ты понял,— сказала принцесса Тому,— почему нам надо поторопиться?

— Ладно, я согласен, ты права,— согласился Том.— Но как мы отсюда выберемся?

— У меня есть мысль,— задумчиво сказала Робин, направляясь к двери.

Том последовал за ней и принялся разглядывать замок, который представлял собой очень странное змееподобное устройство. Это было длинное, узкое, пятнистое тело красно-черной окраски, оно полностью оплетало дверь по периметру, крепко уцепившись присосками за дверной косяк.

— Что это? — спросил Том.

— Это полуразумный дверной замок. Если хочешь, существо наподобие змеи, вид Hidromandia forens. Король недавно даровал этому виду эксклюзивное право охранять окна и двери Галактического Центра.

— Но какой в этом смысл? Что было плохого в старых добрых замках и щеколдах, которыми мы пользуемся на Земле?

— Думаю, ничего, если посмотреть на проблему с функциональной точки зрения. Однако с социальной точки зрения такая служба дает возможность заработать себе на жизнь ментально малопродвинутым существам, а это не только снимает заботу о них с плеч государства, но и приносит дополнительный доход казне в виде налога на самосознание. Замковые змеи умеют только сторожить, зато делают это превосходно, а их природная честность и неподкупность таковы, что заставляют устыдиться любую высокоразумную расу.

— Полагаю, вы говорите обо мне,— заметила Замковая Змея.— Все, что было сказано о нашем змеином племени, истинная правда, примите мои аплодисменты. Но если кто-то подумал, что сможет уговорить меня отворить эту дверь, пусть лучше позабудет об этом. Разумна я или полуразумна, но великолепно знаю, что мне надо и не надо делать. К тому же меня специально проинструктировали не вступать в дискуссии с арестантами.

— Но я не настоящая арестантка! — возразила принцесса Робин.

— Тебя заперли в этой камере, верно? И если это не означает, что ты находишься под арестом, то уж и не знаю, как это называть.

— Смотри сюда,— сказала принцесса, поднимая руку, и сложно пошевелила пальцами.

Замковая Змея моргнула и произнесла:

— Нельзя ли взглянуть еще разок?

Принцесса повторила свой сложный жест.

— О! Так значит, ты из Храмовников, как и я? И все же не рассчитывай, что я открою дверь лишь потому, что мы с тобой принадлежим к одной масонской ложе.

— Конечно, нет. Но я рассчитываю, что ты меня внимательно выслушаешь.

— Говори, сестра по культу, я слушаю тебя.

— Мой Скворец-Молодец повторит для тебя беседу, которую подслушал несколько минут назад. Он сделает это на твоем родном языке.

Шпион принцессы разразился взволнованным чириканьем и трелями.

— Да уж,— сказала Змея, когда он замолчал.— Ничего себе история.

Скворец энергично кивнул.

— Этот Долан непроходимый тупица. А другой, по имени Клэнси, бессовестный казуист. Не надо быть интеллектуальным гигантом, чтобы заметить это. В любом случае,— задумчиво сказала Змея,— тюремщикам не положено совершать то, что замыслили эти двое. То есть убийство.

— Разумеется, не положено,— сказала Робин.— Но если ты прислушаешься, то услышишь, как приближается стук тяжелых башмаков.

И действительно, в дальнем конце коридора послышался целеустремленный марш-марш подбитых железными подковками каблуков.

— Боюсь, что ты права. Плохо, очень плохо. Но мне не положено судить, и я не имею права открыть дверь без дозволения. Что бы там ни происходило.

Робин просвистела пять непонятных звуков.

— О! — воскликнула Змея.— Так ты вдобавок придерживаешься пассивных ритуалов Древней Церкви? Я тоже!

— Приятно слышать,— сказала принцесса.

— Но, увы, и это тебе не поможет. Мне было строго-настрого приказано не отворять дверь без веских на то причин.

— В самом деле? Но ведь этот приказ дает тебе право принимать самостоятельные решения, не так ли?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Подумай, почему тебя называют полуразумным замком? Потому что у тебя есть свой собственный разум, неважно, насколько рудиментарный. А в чем состоит роль разума? Да в том, что его обладатель, невзирая на полученные инструкции, имеет не только полное право, но и прямой долг самостоятельно судить, насколько вески те или иные конкретные причины в тот или иной конкретный момент. А для чего же еще ставить на этот пост обладающее разумом существо, как не для того, чтобы оно применяло свой разум в служебных целях?

— Неопровержимое рассуждение,— вздохнула Змея.— И притом относится непосредственно ко мне, не правда ли? Ну ладно, о'кей, ты меня уговорила. Возможно, лишь потому, что я полуразумна?

Замковая Змея поспешно освободила дверь, та распахнулась настежь, и Том с принцессой бросились бежать по коридору.

— Если увидишь моих соплеменников, передай, что Дрекс посылает им свою любовь! — крикнула вслед Змея.

Пока они бежали, Том, который обнаружил, что Робин не только чертовски мила, но и чертовски изобретательна, поглядывал на принцессу с новым уважением. Они проскочили через другую дверь и побежали по другому коридору. Этот новый коридор оказался чрезвычайно длинным, стены его были обшиты листовым алюминием или каким-то другим серебристым металлом. Равномерно расположенные настенные светильники-плафоны указывали им путь, а звуку их торопливых шагов послушно вторило звонкое эхо.

В конце концов коридор завернул налево, и через некоторое время Том заметил впереди солнечный свет. Победа! Перед ними вздымалась широкая лестница, они форсировали ее прыжками через две ступеньки и вылетели на улицу через крутящуюся стеклянную дверь. Но даже теперь, в городской сутолоке, принцесса не замедлила темпа, и окончательно запыхавшийся Том воззвал:

— Эй, нельзя ли немного потише?

— Мы все еще в опасности,— откликнулась Робин, продолжая бежать трусцой.— Они уже обнаружили наш побег и запустили программу автоматического поиска.

— Ха-ха, им придется рассортировать целую кучу народа,— пропыхтел Том, продолжая трусить за ней в толпе.— Конкретной опасности нет, так я думаю.

— Возможно, это так для твоей родной планеты,— возразила Робин, продолжая бежать.— Но наша система поиска базируется на неустранимых индивидуальных метках. И тебя тоже пометили, как только ты прибыл сюда.

Том внезапно вспомнил щекочущее ощущение, когда официальная машина безболезненно запечатлела на его твердом нёбе неудалимый идентификационный код.

— Я думал, эта метка предназначена для опознания тела в случае несчастного случая с летальным исходом.

— Ты думал неправильно. Это лишь одно из средств, с помощью которых наше правительство следит за всеми и каждым. Они могут наблюдать за кем угодно и в какое угодно время, не говоря уж о том, что составляют исчерпывающее досье на любую персону с момента ее появления на свет, включая показания учителей, друзей, родных, любовников и так далее.

— Тогда не вижу, каким образом наша спешка могла бы что-то предотвратить,— заметил Том.

Принцесса взглянула на него со снисходительной жалостью.

— Нам надо добраться до безопасного места прежде, чем они нас найдут. И там друзья заменят наши идентификационные коды фальшивыми с помощью запрещенных методов инженерии переходно-неустойчивых состояний.

Они продолжали двигаться резвой спортивной ходьбой сквозь толпы горожан, заполняющих тротуары, в бесконечном шуме и гаме великого города. В небе над их головами беспрестанно мелькали бесчисленные летательные аппараты, и в воздухе витали запахи горячей стали и подгоревшей изоляции. Какой-то цилиндрический объект, блистающий полированным хромом и красным лаком, внезапно завис над толпой, обшаривая прохожих лучами пурпурного цвета.

— Мы почти пришли! — воскликнула Робин, энергично затаскивая Тома в боковой переулок. Они еще немного пробежали, и принцесса указала на дверь.

Это безопасное место более всего напоминало бар-караоке. Руки друзей поспешно подтолкнули их к открывшемуся в полу люку, внутри которого обнаружилась лесенка. Спустившись вниз, они очутились в большой, ярко освещенной комнате, где их дожидался человек в белом

халате. Дружески улыбнувшись, он торопливо впихнул их в белый медицинский бокс, что-то сразу басовито загудело, и Том ощутил на нёбе знакомое щекотание.

И это было все. Тут же появилась сервировочная тележка с выпивкой и бутербродами, которая всем своим видом красноречиво говорила, что невзгодам и испытаниям пришел конец, по крайней мере на ближайшее время.

— Том, возьми эту штуку и посмотри на нее,— сказала Робин, вручая ему небольшую каменную таблетку с выгравированными на ней непонятными письменами. Том подержал вещицу в ладони и почувствовал, что она нагревается, а после раздался довольно странный звук, словно бы кто-то деликатно прочистил горло.

— Спасибо,— сказала Робин, забирая таблетку.— Теперь она активирована.

— А что это? — спросил Том.

— О, всего-навсего Взыскатель Обещаний, совершенно идентичный тем, что применяются на вашей планете.

— Никогда не слышал ни о чем подобном,— сказал Том.

— Разве? Должно быть, они из вашего будущего. Извини, Том, но мне надо кое-что срочно сделать.

Принцесса поспешно удалилась, сжимая в кулаке Взыскатель Обещаний. Том решил дождаться ланча, чтобы потом попытаться отыскать либо Шиша, либо короля, а буде никто из упомянутых персон не обнаружится, то хотя бы подходящий способ убраться назад на Землю.

Сказать по чести, Том Кармоди совсем не так прекрасно проводил время, как предполагалось, когда Шиш пригласил его в Галактический Центр.

Глава 24

Барон Корво находился в просторном, ярко освещенном зале на верхнем этаже высочайшего небоскреба Галактического Центра. Из колоссального окна, на целую стену, открывалась впечатляющая панорама великого города, вся в путанице проспектов, авеню, улиц, улочек и

переулков. Причудливые здания и площади, парки и скверы были видны как на ладони, но ни Корво, ни его ассистенты (последние то вбегали, то выбегали из зала с грудами распечаток, помеченных грифом СРОЧНО) не интересовались этим великолепным зрелищем.

Еще одну стену полностью занимала мозаика компьютерных дисплеев. Каждый из них показывал свое, однако ни одна из этих передач не имела, по-видимому, ни малейшего отношения к происходящему. Один экран, к примеру, демонстрировал нон-стоп мультсериал о Лестере и Мампси (и в этот момент как раз ту самую серию, где Мампси прикинулся привидением и пугает жуткими воплями Наполеона Бонапарта, который забрел в этот мультик исключительно по ошибке, искусно подготовленной несколькими кадрами ранее, и мечтает лишь о том, чтобы как можно скорее вернуться на свою Святую Елену, где безумно обожающий императора Лестер поджидает его с чашей яда, воображая в своей наивности, что дарует Наполеону Бонапарту эликсир бессмертия).

Барон Корво не смотрел на дисплеи. Он, как обычно, говорил по двум телефонам сразу, одновременно просматривая документы, прихлебывая остывающий кофе, затягиваясь сигаретой и принимая эпохальные решения. Вбежал очередной ассистент и положил перед ним на стол протокол последнего допроса, снятого с Денежной Машины, рабочее место которой было зарегистрировано на Площади Всякой Всячины.

Преступницу застукали в ремонтной мастерской, где та бахвалилась своими злодеяниями перед товарками, арестовали и препроводили в Секретную полицию бдительные оперативники Комитета по Подавлению Излишней Инициативы Разумных Машин (КПИИРМ). На допросе третьей степени Машина раскололась и трое суток кряду без перерыва выбалтывала абсолютно все, что было накоплено в банках ее долговременной и оперативной памяти.

— Да, да! Я признаюсь! Это был король! Но Его Величество велели никому не говорить! Как же я могла ослу-

шаться приказа самого короля?! Я ведь не знала, честное слово, еще не знала, как важно компетентным органам найти Его Величество прежде, чем они успеют причинить себе непоправимый вред!

В конце концов ее решили отпустить, ограничившись сверхстрогим выговором. К несчастью, Денежная Машина не могла рассказать о том, чего и сама не ведала, а именно — где сейчас находится король.

Гигантская электронная карта, занимающая третью стену рабочего кабинета Корво, наглядно демонстрировала прогресс (то есть его отсутствие) в круглосуточных поисках короля. Сейчас на карте был изображен весь Галактический Центр и бóльшая часть его пригородов. Оптимистическими зелеными линиями обозначались перспективные наводки, а когда они заводили в тупик, цвет их менялся на тускло-оранжевый. Тревожные красные пятна, очерченные жирными черными границами, манифестировали еще ни разу не обследованные территории.

— Принцесса Робин, барон,— прошептал над ухом ассистент.— Желает с вами поговорить.

— Дьявольщина! У меня нет времени на такие пустяки,— раздраженно пробурчал Корво. И все-таки принцесса все еще важная персона, подумал он, по крайней мере пока поведение и матримониальные намерения короля полностью не прояснились.— Ну хорошо, впусти!

На Робин был небесно-голубой костюм с изящными алыми аксессуарами, и выглядела она в этом наряде прелестно. Впрочем, как и всегда. Что касается Корво, то он являл собой воплощение любезности, когда отвернулся от карты и сказал:

— Какая честь, принцесса, я счастлив вас видеть! Хочу заверить, что мы делаем абсолютно все возможное, дабы поскорее отыскать нашего короля. У нас есть веские основания полагать, что его исчезновение связано ни с чем иным, кроме как с кратковременной ментальной аберрацией, что иногда бывает с правящими монархами. У нас также есть основания надеяться, что местонахождение короля будет обнаружено в самое ближайшее время и мы вернем его на территорию дворца.

Принцесса сразу взяла быка за рога, воспользовавшись прерогативами королевской нареченной.

— Допустим, вы его найдете. А что, если король не захочет вернуться?

Корво мрачно улыбнулся.

— Мы убедим его. Для этого существуют различные способы.

— Знаю я ваши способы убеждения,— презрительно сказала Робин.

Корво подавил желание произнести: «Если так, то зачем ты сюда заявилась, глупая сучка?» И вместо этого сказал:

— Если так, чем еще могу услужить вам, принцесса?

— Вы знаете, что я нареченная невеста короля.

— Разумеется. Всем известно о вашем грядущем блаженстве.

— Так вот, лично у меня есть основания полагать, что король использовал бегство из дворца как способ разорвать нашу помолвку. У него просто не хватило храбрости поглядеть мне в глаза и сказать: «А пошла ты к чертям, Робин, я передумал!» Нет, он выбрал окольный путь, жалкий трус!

— Возможно, в чем-то вы и правы, принцесса,— сказал барон Корво обволакивающим голосом.— Мы обязательно побеседуем с королем на эту щекотливую тему, как только обнаружим его.

— Одной беседы недостаточно! Я хочу, барон, чтобы вы сделали нечто большее.

— Что именно вы имеете в виду, принцесса?

— Я хочу, чтобы вы передали ему вот это,— сказала Робин, вручая Корво маленькую каменную таблетку с выгравированной на ней надписью на давно позабытом языке.

Барон взглянул на артефакт с любопытством.

— Знаете, принцесса, короля обычно не интересуют древние каменные таблетки.

— Но эта его определенно заинтересует. Взыскатель Обещаний, вот как называется этот старый амулет.

Барон поглядел на таблетку не без уважения.

— Продукт Старой Земли, если не ошибаюсь? Относится к классу этических усилителей. Где вы раздобыли ее, принцесса?

— Это неважно,— нетерпеливо сказала Робин.— Амулет уже активирован человеком с Земли и готов в любой момент приступить к работе. Вы должны отдать его королю. А Взыскатель напомнит ему четко и недвусмысленно, что жениться на мне — его священный королевский долг.

Корво показалось, что таблетка слегка засветилась и запульсировала в его ладони.

— Этот артефакт разумен? — спросил он.

Голос прозвучал как будто прямо в голове у Корво.

— Будь уверен, барон, я очень даже разумен. Да не озирайся ты с таким дурацким видом! Я Взыскатель Обещаний и говорю напрямую с твоим рассудком, если его, конечно, можно так назвать. Мои ближайшие родственницы — древнегреческие Фурии. Мой личный девиз: «Обещание должно быть выполнено, невзирая ни на что».

— Очень, очень интересно,— промурлыкал барон.— Говорящая таблетка! Какое замечательное новшество! — Он положил Взыскатель Обещаний в нагрудный карман.— Не надо беспокоиться, принцесса, я лично позабочусь, чтобы ваш царственный жених непременно ее получил. А теперь, если вы меня извините... На поиски короля уходит столько времени и сил...

— Понимаю,— сказала Робин.— Я буду в своих апартаментах в Малом Трианоне, в ожидании хороших новостей.

— Вы их получите,— галантно заверил Корво, выпроваживая принцессу восвояси.

Как только она удалилась, в кабинет ворвался очередной ассистент.

— Мы нашли короля, милорд! Наводка подтвердилась! Он сидит на скамейке в общественном парке, что на западном берегу Холодной реки, и бросает голубям воздушную кукурузу из пластиковой упаковки! Фирма, расфасовавшая кукурузу, пока не установлена.

— Летучий Эскадрон — на вылет,— распорядился Корво.— Дайте им координаты, но пусть ничего не предпринимают до моего появления. Я последую за ними в своем персональном одноместном флаере.

Барон забрался в свой одноместный флаер, который всегда парил наготове прямо за окном его пентхауса. Будучи человеком столь же аккуратным, как и осторожным, он не забыл пристегнуть ремни безопасности, прежде чем послать мысленную команду сверхмощному двигателю, который был специально выведен по его заказу.

Флаер взвился над крышами Галактического Центра и резво устремился в небеса, все выше и выше, повинуясь радостному настроению хозяина. Корво расхохотался во все горло, восхищаясь великолепной мощью и маневренностью своего крошечного корабля. Все выше и выше, быстрее и быстрее, пока в потемневшем небе не замерцали мириады звезд! Вскрикнув от восторга, он мысленно послал машину в левый разворот... и внезапно обнаружил, что она не подчиняется приказу.

— *Проклятие!* — *рявкнул барон.*— У меня нет времени на твои дурацкие поломки! Ну давай же, бесчувственная жестянка, подчиняйся!

Флаер не внял его призывам и свалился в широкий, но очень быстро сужающийся штопор. Корво замотало, как крысу в центрифуге, однако он ухитрился перебросить тумблер на ручное управление. Не сработало. Он рванул рычаг выброса аварийных стабилизаторов. Без всякого толка. Он нажал на кнопку контрольной системы, которая по идее предотвращала столкновение со стационарными объектами, но на экране появилась надпись: «Не функционирует». Он ударил кулаком по кнопке катапульты, которая должна была выбросить его в воздух вместе с пилотским креслом. Но не захотела.

Земля тем временем приближалась изумительно быстро, вся коричневатая и зеленая, и сила тяготения в сотрудничестве с разгулявшейся центробежной наконец-то сорвали с флаера прозрачный колпак. Корво закувыркался в воздухе, благословляя собственную предусмотритель-

ность, вынудившую его надеть аварийный парашют. Вытяжной шнур запутался в приносящем удачу и счастье ожерелье, но он ухитрился освободить его и дернул, сжимая зубы. Парашют раскрылся, это было как удар о кирпичную стену. Последнее, что барон увидел перед тем, как потерять сознание, была стремительно несущаяся ему навстречу земля.

Когда сознание вернулось к Корво, по прошествии неизвестного промежутка времени, первое, что он увидел, была странная темнота. Не совсем черная, с каким-то синеватым оттенком, в беловатых и желтоватых пятнах, а когда его глаза привыкли, обнаружилось, что это огромная мрачная пещера с наплывами минеральных отложений на стенах, которые фосфоресцируют белым и желтым.

Никогда прежде он не видел этого места. Более того, даже не подозревал о его существовании! И к тому же, как Корво выяснил, подозрительно вглядываясь в темноту, он был тут отнюдь не один.

— Кто вы? — хрипло вопросил барон у сидящих рядком фигур, закутанных в черные плащи с низко надвинутыми капюшонами.

Одна из фигур молча поднялась, откинула капюшон, и Корво узнал это лицо. Это были черты его отца, который скончался уже много лет назад.

— Отец! Это ты? Что ты здесь делаешь?

— Я тут не один, сынок,— сказал ему отец.— Мы тут все, вся твоя фамильная линия Корво, начиная с незапамятных времен.

— О нет, реальностью это быть не может,— пробормотал барон и очумело потряс головой.

— Что может быть более реальным, о сын мой, чем цель человеческой расы, представленная здесь твоим собственным семейством?

— Зачем вы явились? Я сделал что-нибудь не так?

— Ничего дурного ты не сделал, Корво. Просто настало время, когда ты должен узнать неведомые никому из живых секреты твоей кровной линии. Ты должен узнать, что глубоко в твоем сердце спрятан величайший секрет,

фамильное наследство, испокон веков переходящее от отца к сыну в ожидании того часа, когда сойдутся воедино все необходимые условия. И вот теперь, о сын мой, этот час настал!

Усиленно вглядываясь в полумрак, барон Корво наконец различил плотную цепочку темных фигур, убегающую назад так далеко, насколько мог видеть глаз. Учитывая обстоятельства, он закономерно предположил, что все эти неясные фигуры — его отдаленные предки. Мистическое зрелище не вызвало у него никакого восторга. Корво чувствовал себя одураченным, самым нечестным образом вырванным из собственной налаженной жизни.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь,— сказал барон,— но все вы, ребята, уже давным-давно мертвы. С какой это стати я должен последовать вашим советам?

— По той причине, о сын мой, что мужчина является телесным воплощением предыдущих решений своего семейства! Ты никогда не получишь подлинного удовлетворения от жизни, Корво, покуда не выполнишь свой долг перед предками, последовав древнейшему императиву, и он станет править твоим разумом и душой с тех пор, как ты его осознаешь.

— Какой еще императив? — недовольно спросил барон.

— Как отчеканено в веках,— сказал его отец,— тебе завещано позабыть о лояльности, отбросить ее прочь, словно приснившийся дурной сон. Главное дело твоей жизни, о сын мой Корво, состоит в том, чтобы предать короля.

Прежде чем барон нашелся, что ответить, послышался другой голос. Он исходил от дряхлого старца, которого Корво не узнал, но родич не замедлил представиться.

— Корво, я твой дед по отцовской линии и не могу не сказать...

— Минуточку, папа,— поспешно сказал отец Корво,— я как раз ему все объясняю.

— Ты собираешься целый день болтать языком вокруг да около, Амос? Просто прикажи мальчику сделать одно, другое или третье, и наконец покончим с этим.

— Теперь так не делается, Минстра,— сказал отец.— Это новая генерация, им всегда нужны объяснения и логические обоснования.

— Объяснения! Обоснования! Тьфу! — фыркнул дед.— Когда я был молодым, нас такой роскошью не баловали.

Отец сказал Корво:

— Сынок, твой дедушка просто хочет напомнить, что ты обязан служить своей семье.

— Какой семье? У меня нет ни одного живого родственника.

— Это неважно, потому как в расчет идут только мертвые. Мы все присутствуем здесь, и я говорю за всех.

— Я не вполне уверен, что мой долг перед семьей настолько велик,— заметил барон.

— Причина в том, что ты не получил традиционного воспитания и не понимаешь, что значит кровное родство. Для того мы и встретились с тобой, чтобы все тебе объяснить. Ибо настало критическое время, и для тебя, Корво, и для нас.

— Критическое время? Как это понимать?

— Настало такое время, когда можно решительно переменить Галактическую Историю.

— Я не слишком уверен, что мне хочется перемен в истории Галактики,— заметил Корво.

— Она уже изменилась! Неважно, что сейчас делает король, важно то, что вернуться к старому порядку вещей невозможно. Осталось лишь определить, какую роль при новом порядке будет играть твоя семья, Корво. Твой успех — это наш успех, у нас с тобой одни и те же интересы. Но сверх того, у нас есть секретное знание, какого нет у тебя. Возьми его у нас, и ты сумеешь добиться цели оптимальными средствами.

— Хорошо, поделись со мной своим секретным знанием.

— Великое множество поколений назад один из наших отдаленных предков заполучил в свое распоряжение Прогнозатор, сохранившийся как пережиток предыдущей Вселенной, каковая предшествовала Большому Взрыву.

Каким образом наш предок раздобыл этот артефакт и почему нигде нет второго, к делу не относится. А имеет отношение к нашему делу то, что с помощью Прогнозатора он спланировал оптимальную стратегию достижения максимального блага как для себя самого, так и для всех своих потомков. Надеюсь, ты еще не потерял нить повествования?

— Ни в коем случае,— заверил отца барон.— Но я знаю, что наша семья всегда служила правящему дому и что наш семейный девиз — «Абсолютная лояльность». И теперь ты говоришь мне, что внезапно все изменилось?!

— Именно так. Наша семейная лояльность никогда не была абсолютной, мы использовали ее лишь как средство для достижения конечной цели. Нашей собственной цели! И поэтому, когда придет надлежащее время, а оно уже наступило, с точки зрения оптимальной стратегии абсолютно необходимо отринуть былую лояльность ради величайшего семейного блага.

— Просто скажи ему, что надо сделать! — встрял дедуля.— Или он согласится, или нет!

— Я как раз собирался приступить к этому, папа,— огрызнулся отец Корво.— Так вот, сын мой, я не могу проинструктировать тебя насчет того, что надо делать. Но я точно могу сказать, чего ты не должен делать. Ты не должен сохранять верность королю! Думай лишь о верности себе и семье.

— Ладно, я понял. Но что же мне делать конкретно?

— Это тебе предстоит выяснить самому. Никто из нас не знает современных условий лучше, чем ты, Корво. По ходу дела обязательно разберешься. На благо себе и твоей собственной семье!

И внезапно, во мгновение ока, отец Корво, его дед и все остальные бесчисленные предки пропали без следа. Корво пошел на слабый свет и вскоре добрался до выхода из пещеры. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы активировать свой локатор, и через минуту прибыл спасательный корабль. Пока они летели, барон раз-

мышлял, долго и мрачно, поскольку то, что он услышал в пещере, в корне изменило ситуацию.

Когда корабль прибыл в парк, где был замечен король, тот давно уже ушел, они опоздали. На обратном пути во дворец барон Корво продолжал усиленно размышлять. Он должен предать короля? Ну что ж, прекрасно. Но кто тогда будет править Галактическим Центром? Проклятые предки не заикнулись о том ни словечком.

Глава 25

Том сидел в кафе за углом меблирашек, где провел ночь, прихлебывая из чашки то, что сходило в окрестностях за кофе, и размышлял, что делать дальше. Ему совсем не нравилось, как разворачиваются события. Том пробыл в Галактическом Центре достаточно долго, чтобы уразуметь, что встретиться с королем будет отнюдь не просто. Казалось, перед ним искусно мечут карты из первобытной колоды, которой играет судьба, и эту колоссальную колоду все время кто-то подтасовывает.

Но сейчас у Тома была одна карта в заначке, и она могла оказаться козырем. Некто по имени Манфред, который передал ему словцо, что может быть полезен. Через полчаса к его столику подошел человек и уселся напротив.

— Манфред? — спросил Том, и мужчина кивнул.— А где же король?

— Трудно сказать,— ответил Манфред.

— Его планы изменились?

Манфред пожал плечами.

— Но он должен был встретиться со мной!

— Наш король — человек слова,— сказал Манфред.— Но не дурак. Будь он глуп, не стал бы королем бесконечного пространства. И он прекрасно знает, что есть люди, которые желают ему навредить. Подлый заговор зреет с той самой минуты, как наш король взошел на трон, но при обычных обстоятельствах он справился бы с ним без труда. Это довольно легко, когда король во дворце, в окружении верных вассалов, и в любую мину-

ту имеет возможность ознакомиться с докладами своих наблюдателей и шпионов. Но когда он покидает дворец и остается сам по себе, угроза для жизни и чести короля неизбежно возрастает. Чем дольше он пребывает вне защиты дворца, тем больше становится риск. И хотя наш король принимает все мыслимые меры предосторожности, кому-то, по всей видимости, стало известно, что у него назначена встреча с вами в этом кафе. Почуяв опасность, король был вынужден скрыться, возможно, и чересчур поспешно.

— И король не передал мне, где его искать?

— Разумеется, нет. Любое словечко, которое что-то означает для вас, будет значить еще больше для его врагов, и он не осмелился. Однако, зная короля и то доверие, которое он к вам питает, я могу сказать без малейшей тени сомнения: король рассчитывает на то, что вы его найдете.

— Но как?!

— Передвижения короля, даже за пределами дворца, могут быть предсказаны человеком, который его достаточно близко знает. Вам надо поговорить с Эсбелем, придворным хореографом.

— Хореографом? Это человек, который придумывает или записывает танцевальные па?

— В узком смысле слова вы совершенно правы. Однако Эсбель делает гораздо большее. Он планирует передвижения по дворцовой территории всех членов королевского двора, дабы необходимые ежедневные процедуры гармонично сливались в великолепную придворную павану, танец неслыханной сложности и величия, какого доселе не видала Галактика.

— Но как придворный хореограф может узнать, куда направился король в Галактическом Центре?

— Один из главных аспектов его работы заключается в том, что Эсбель предсказывает маршруты придворных и самого короля с целью заранее предписать их передвижениям надлежащую форму. По части королевских пристрастий и привычек он подлинный энциклопедист! Эс-

бель знает не только все, что король делает во дворце, но и все, что королю заблагорассудится сделать за его пределами. Ему известны королевские сны и даже потаенные мысли короля, поскольку именно мысли определяют наше внешнее поведение, а уж в этом-то деле Эсбель выдающийся специалист. Стопроцентного успеха гарантировать не могу, но никто лучше Эсбеля не определит, куда направился король и где его следует искать в настоящее время.

— Как мне найти этого Эсбеля? — спросил Том.

— У него апартаменты в северной башенке дворца. Вот карта, которая показывает, как пройти отсюда туда.— Манфред вытащил из внутреннего кармана камзола большую, в несколько раз сложенную карту и вручил ее Тому.

Развернув карту, Том увидел, что это пергамент, сделанный, по-видимому, из овечьей кожи, тяжелой и желтоватой. Изображение оказалось немного смазанным, но путь до башенки можно было разобрать без труда, невзирая на его чрезмерную извилистость. Кое-что показалось Тому странным. Интересно, что это за штуковины под названием «Унгроны», мимо которых ему следует пройти «с величайшей осторожностью»? Так или иначе, следовать этой карте будет не слишком сложно.

— Я пойду к нему немедленно,— решил Том.

— Боюсь,— сказал Манфред,— что это не слишком удачная идея.

— Отчего же?

— Это весьма рискованно.

— Но почему?

— Потому что апартаменты Эсбеля охраняет специальный страж, который убьет любого, кто попытается туда войти.

— Нельзя ли позвонить Эсбелю, чтобы тот нейтрализовал своего стража?

Манфред покачал головой.

— Эсбель не имеет никакого отношения к своему стражу, его поставил на пост сам король. И снять его с поста может только команда короля. И даже в этом случае как

минимум десяток членов Верховного Совета должны расписаться под письменным разрешением короля отдать такую команду. Лично я знаю лишь единственный способ обойтись без формальностей.

— И какой?

— Стража придется убить.

— Ну уж нет! Убийство — это не для меня.

— Я выразился метафорически. Страж — не человек.

— Я не готов даже к метафорическому убийству.

— Ты способен повернуть выключатель робота, если это поможет тебе найти короля?

— Разумеется. Однако убийство стража — совсем другое дело.

— По сути, одно и то же. Я уже сказал, что страж не человек, а машина. Очень умная машина, но совсем без души и без чувств. Убийство — всего лишь образное выражение, на деле речь идет о том, чтобы выключить стража.

— Это звучит гораздо лучше,— сказал Том.

— К несчастью для твоей чувствительности, чтобы выключить страж-машину, надо ее разрушить с помощью оружия уничтожения, и внешне это чрезвычайно походит на убийство.

— Ну нет, мне совсем не нравится эта идея,— сказал Том.

— Но это единственный способ добраться до Эсбеля.

— Станет ли он вообще разговаривать со мной, пусть я даже пройду мимо стража?

— Он поговорит с тобой, будь уверен. На самом деле Эсбель прислал мне записку, где сказано, насколько он восхищен твоими упорными поисками и что он охотно поможет тебе, чем только сможет.

— Ну ладно, о'кей, но где я возьму оружие уничтожения, чтобы справиться со стражем?

— Придется пойти к Торусу Оружейнику и уговорить его.

— А он согласится?

— Ради короля? Несомненно. Торус — официальный придворный поставщик нелегального оружия.

— А почему нелегального?

— Потому что в Галактическом Центре иметь личное оружие категорически запрещено.

— Постой-ка, если оружие вне закона, то... Нет, ничего. Не обращай внимания. Где мы можем найти Торуса?

— Ты пойдешь к Торусу без меня. Через эту дверь вон по той улице до остановки маршрутного такси, где надо сесть в машину бордовой линии и выйти на остановке Каллисто. Там ты найдешь столбик с кнопкой, на эту кнопку надо нажать.

— Ты меня не проводишь?

— Только до остановки. Мне не позволено надолго отлучаться со станции в рабочие часы.

— Сесть, доехать и нажать на кнопку? И это все?

— В основном.

Том не вполне поверил Манфреду, но что он мог поделать?

Глава 26

Они с Манфредом немедленно покинули кафе и очутились на краю шумной скоростной магистрали, битком набитой наземным транспортом, который носился туда-сюда с совершенно невероятной скоростью. Летающие машины прилетали целыми стаями, зависали в воздухе, приземлялись, высаживали одних пассажиров, подбирали других и снова разлетались во всевозможных направлениях. Там были светофоры, а как же, но всех цветов радуги, и они беспрестанно посылали разнообразные сигналы, о значении которых Том даже не стал гадать. И разумеется, там были звуки помимо низкого ровного гудения приглушенных моторов: пронзительное чириканье, бибиканье, хриплое рявканье труб, резкое стаккато тонального радиокода, тяжелое буханье гигантского барабана и много чего еще. Вся эта какофония, по-видимому, была составной частью глобальной системы управления транспортом. Том воспринимал ее как жуткий хаос, но Манфред сказал:

— Поживи ты тут хоть пару месяцев, и все бы прекрасно усвоил. Смотри на городскую жизнь как на джунгли, где каждый вопль и шум имеют четкое значение для их обитателей.

— Но для меня эти звуки ровно ничего не значат.

— Они тебе не нужны. Ты просто должен дождаться маршрутки и сесть в нее.

Манфред подвел его к длинному неоновому дорожному знаку, который был установлен на углу улицы и стремительно выдавал многоцветные (и совершенно бессмысленные для Тома) символы и сигналы.

— Что это означает? — спросил Том.

— Что машина прибудет с минуты на минуту.

И действительно, едва Манфред успел произнести эти слова, как сверху к ним величественно спланировало большое авто, на пару секунд зависло в воздухе и приземлилось.

— Здесь мы должны расстаться,— сказал Манфред.— Вот тебе проездной жетон, и желаю удачи.

Том забрался в маршрутку, отдал жетон водителю и спросил:

— Вы мне не подскажете, когда будет остановка Каллисто?

— Не проблема,— сказал водитель.— А ну, все на борт! Я закрываю двери и включаю антиграв. Держитесь покрепче, ребята. Поехали!

И они поехали вертикально вверх. Том увидел далеко внизу россыпь огней Галактического Центра. Потом автобус набрал горизонтальную скорость, и они полетели по маршруту. Должно быть, Том задремал, поскольку всего через несколько минут, как ему показалось, раздался громкий голос водителя:

— Остановка Каллисто! Эй, чужестранец, тебе выходить!

Том поблагодарил его и вышел на край тротуара. Машина пошла наверх. Оглядевшись, Том увидел, что стоит перед целым лесом тонких колонок из белого пластика, каждая примерно трех футов высотой. На каждой

колонке была кнопка, а под кнопкой — табличка с надписью. Ему не понадобилось много времени, чтобы отыскать имя Торуса и нажать на кнопку.

Глава 27

Найти оружейный магазин было нетрудно. Над его дверью висела большая вывеска:

ОРУЖИЕ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ СУЩЕСТВ
ВСЕХ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ВИДОВ.

Магазин размещался на первом этаже и имел огромную стеклянную витрину, через которую Том узрел оружие разнообразных форм и размеров, аккуратно разложенное на пурпурном рытом бархате. Это оружие очень мало походило на то, к которому он привык на Земле.

Там была штука размером с детский футбольный мячик, состоявшая из множества трубок, обвитых вокруг центрального сердечника, и снабженная ручкой диковинного вида, которая, на взгляд Тома, не подошла бы ни к одной руке, которую ему доводилось видеть. Рядом, на небольшом пьедестале, покоился блестящий черным лаком и хромом инструмент в форме скальпеля: крошечные кнопки на его ручке явно предназначались для пальцев гораздо меньшего размера и более гибких, чем у него.

Том вошел в магазин, и человек, который сидел в кресле и читал газету, поспешно отложил ее в сторону и встал, чтобы приветствовать клиента.

— Я Торус,— сказал он.— Чем могу услужить?

— Вы официальный поставщик нелегального оружия?

— Да, я имею честь быть названной персоной.

— Как можно быть официальным поставщиком, если ваше оружие вне закона? Нет ли тут вопиющего несоответствия?

— В Галактическом Центре абсолютно все оружие вне закона. Даже те предметы, что по сути своей оружием не являются, но могут послужить таковым, снабжены защитой от дурака, то есть хитроумными встроенными спецустройствами, которые не позволяют использовать эти

предметы не по прямому назначению, как бы того ни хотелось персонам с убийственными наклонностями.

— Но по-моему, почти все, что нас окружает, может быть использовано в качестве тупого объекта. Разве можно защитить от дурака тупой объект?

— Думаю, тут проще показать, чем рассказать.— Торус пошарил за прилавком и извлек на свет залихватски изогнутую металлическую загогулину около трех футов длиной.— Это клинтийский обувной рожок,— пояснил он.— Его форма идеально соответствует стандартному устройству ноги клинтийца, каковая, по нашим стандартам, весьма странно устроена, и напяливать на нее башмак воистину адский и неблагодарный труд. Однако этот мирный предмет домашнего обихода, вы ведь не станете возражать, может быть весьма успешно применен в качестве тупого объекта кем-нибудь вроде меня или, скажем, вас.

— Еще как может,— согласился Том, взвешивая загогулину в руке.

— А вы попробуйте,— предложил Торус.— Валяйте, ударьте меня.

— Мне бы, право, не хотелось...

— Не стесняйтесь! Это совершенно безопасно.

— Ну, если так...

Том размахнулся и швырнул клинтийский рожок в голову Торуса. Когда до цели остались лишь миллиметры, рожок отскочил, словно наткнулся на невидимую стену. Через секунду последовала вспышка света, и суровый женский голос произнес:

— Наша Служба не упустила из виду, что вы только что попытались использовать клинтийский обувной рожок с недозволенной агрессивной целью. Попытка была предотвращена Государственной Бесконтактной Печатью, и мы вынуждены вынести вам первое предупреждение. При следующей попытке вы получите резкий удар по голове от Службы Автоматического Возмездия. Рекомендуем запомнить, что хорошее общество — это такое общество, которое всегда может дать сдачи.

— Какая изумительная идея! — воскликнул восхищенный Том.

— Мы позаимствовали ее у вас, землян,— сказал довольный Торус.— В вашей северной мифологии есть легенда о том, как мать Бальдура призвала к себе все растения и заставила их поклясться, что они никогда не навредят ее сыну. Однако кто-то из слуг забыл пригласить омелу, и Локи, бог зла, использовал ее в своих гнусных целях. Идея наделения вещей невредящими свойствами нас крайне заинтересовала. Конечно, мы не можем сделать это со всеми вещами до единой, но делаем все, что в наших силах, с наиболее замешанными в злоупотреблениях. Это обувные рожки, бейсбольные биты, трости и зонтики, велосипедные рамы, и так далее, и тому подобное, причем список постоянно расширяется.

— Просто замечательно,— сказал Том.— И все-таки я не понимаю. Если оружие нелегальное, как вы можете его официально распространять?

Торус улыбнулся.

— Правительство Галактического Центра настолько же реалистично, насколько идеалистично. Очень хорошо, что оружие запрещено, но мы также признаем, что разумные существа имеют врожденную тягу к тому, чтобы время от времени брать его в руки и использовать недозволенным образом. Принимая во внимание неодолимый закон психологии, наш король узаконил незаконное до такой степени, что назначил меня официальным поставщиком нелегального оружия. А в итоге, когда у граждан возникает соответствующая нужда, они знают, что всегда найдут оружие у меня, и притом наилучшего качества. Ведь всучить клиенту дрянной или попорченный товар — грех нисколько не меньший, чем вовсе не дать ему оружия! К тому же правительству очень удобно знать, сколько я продал за год и кому, чтобы в случае, если королю вдруг взбредет в голову проконтролировать исполнение своего неисполнимого закона, незамедлительно представить ему подробный и исчерпывающий список злодеев.

— Слишком сложно для меня,— заметил Том,— но если все вы тут, ребята, довольны, то кто я такой, что-

бы жаловаться? Тем более, что я тоже нуждаюсь в оружии. Видите ли, я веду поиски короля и должен поговорить на эту тему с одним человеком. Мне необходимо проконсультироваться с Эсбелем, у которого есть ценные мысли по поводу вероятного местонахождения короля, но я не могу. Ведь специально поставленный страж убивает каждого, кто пытается приблизиться к Эсбелю.

— И вы желаете убить стража?

— Ну... да. Но мне сказали, что это не будет настоящим убийством,— поспешно добавил Том.

— И поэтому вы считаете, что в данном деянии нет ничего дурного?

— Не то чтобы совсем ничего, но оно вполне допустимо.

— Понимаю. В любом случае, резоны в оправдание убийства остаются вашим личным делом, я не вправе о них судить и рядить. В конце концов, мотивы каждого, кто приходит ко мне за нелегальным оружием, дабы использовать его в противозаконных целях, не выдерживают жестокой критики. Кстати, я знаю стража, о котором вы говорите. Это Дрэкс-32 Суперохранник с уровнем искусственной воодушевленности 504 и симулированной чистосердечности 0,4. Думаю, у меня есть именно то, что вам требуется.

Торус подошел с стойке с выдвижными ящиками, по очереди заглянул в некоторые из них и извлек наконец плоскую коробку размером примерно фут на фут. Открыв коробку, он вынул из нее объект, который как две капли воды походил на толстое кольцо из нержавеющий стали около фута в диаметре.

— Что вы об этом думаете? — спросил он, вручая его Тому.

Том взвесил странный объект на ладони. Он был теплый и слегка вибрировал. Пахло от него машинным металлом и горькой мятой.

— С виду совсем неплохо,— вежливо сказал Том.

— Еще бы! Спросите, готов ли он к действию, для того я вам его и дал.

Том внимательно посмотрел на кольцо. Вибрации объекта усилились, он выглядел так, словно бы чего-то ожидает, если, конечно, кусок безликого металла вообще может как-нибудь выглядеть. Во всяком случае, инертным его никак нельзя было назвать.

— Эй,— сказал Том на пробу.— Тут есть кто-нибудь?

— Только мы, твои цыплятки, хозяин! — откликнулся кусок металла.— Это я пошутил, сам понимаешь, чтобы ты почувствовал себя свободно. Первым делом отвечаю на твой невысказанный вопрос. Я лицензированный Сокрушитель Стражей производства Хамски Индастриз, с неограниченной гарантией, и способен вывести из строя любое охранное устройство мощностью до 99,3 у. е. включительно, по шкале из 100 условных единиц. Я могу взломать любую защиту, ограждающую Эсбеля, разве не так?

— Конечно, раз ты так говоришь,— согласился Том.— Ты уже готов приступить к работе?

— Всегда готов и жажду! Мой владелец, мистер Торус Оружейник, хранил меня в безупречных условиях. Я то, что надо, Том, не сомневайся.

Том взглянул на Торуса, который раскинулся в кресле, с явным удовольствием прислушиваясь к их беседе.

— Похоже, эта штучка как раз в моем вкусе.

— Его зовут Номер Два,— сообщил Торус,— и он ваш за специальную низкую цену со скидкой, которой мы поощряем наших новых клиентов. Всего лишь триста симолеонских драхм.

— Никто не снабдил меня деньгами,— сказал Том.— Я уже было начал думать, что деньги здесь не в ходу.

— Разумеется, это не так. У нас в Галактическом Центре не взимают плату лишь за самое необходимое, то есть за пищу, жилье, воду и воздух. Но такая роскошь, как убийство, пусть даже искусственного стража, обходится недешево.

Том достал свой бумажник и заглянул в него.

— Здесь у меня семьдесят четыре американских доллара. Пойдет?

— Я возьму их в качестве задатка,— кивнул Торус, забирая у Тома купюры,— а обменный курс мы уточним

позже. Если вы согласны доплатить недостающую сумму в течение четырех рабочих циклов, оружие ваше. А поскольку вас пригласил сам король, он, вероятно, даст денег, чтобы оплатить ваши расходы во время поисков. Это будет только справедливо, не так ли?

— Думаю, вы правы,— сказал Том.

Честно говоря, он не видел смысла заглядывать так далеко вперед в сложившейся ситуации, когда никто не мог предсказать, сколько времени ему понадобится, чтобы сделать все то, что ему еще придется сделать. Тем более что Том до сих пор не имел об этом ни малейшего представления.

Глава 28

Галактический центр отнюдь не то место, где можно без труда сориентироваться, ибо там постоянно что-то ремонтируют, срочно сносят и спешно возводят новые строения, а кроме плановых работ, известных городским властям, есть еще и внеплановые, и сверхурочные, и просто случайные работы, в результате же возникают целые районы, совершенно никем не запланированные, и они остаются неучтенными до тех пор, пока какой-нибудь муниципальный чиновник совершенно случайно не наткнется на новехонький, совершенно не знакомый ему квартал.

Некоторые из этих новых районов перечислены в специальном Списке Несоответствий, который раздают прохожим, однако по самой природе вещей этот Список неизбежно отстает от реальности. Впрочем, уже проводится (в большом секрете, но довольно успешно) эксперимент по автоматическому аннотированию свеженьких городских объектов в момент их непосредственного возникновения или, в крайнем случае, на несколько мгновений спустя.

Том и Номер Два отправились в свой путь к Эсбелю. Они прошли наискосок через обширные Сады Ассоциации Вселенской Дружбы, поднялись по Променаду до

Великой Белой Дороги и шагали по ней до тех пор, пока та не слилась с Центральным авеню, а там свернули в проезд без названия и вышли на виа Долороза, откуда попали на Мытую улицу, проследовав по ней до Акрополя и далее на Слякотное шоссе, мимо Гнилого Ряда и Чертовых Куличков, пока не добрались до Оленьего перекрестка. И там, как раз после знака, указывающего дорогу на Рок-сити, они набрели на Маленький Дворец Уединения.

И уж конечно, у калитки стоял страж, очень крупный и цельнометаллических убеждений. Приблизившись к стражу, Том сразу заметил на его широченной груди надпись ДРЭКС и понял, что они пришли туда, куда и собирались.

— Ты готов? — спросил Том свое оружие.

— Эй, не стоит беспокоиться обо мне,— сказал Номер Два.— Я всегда готов. Но давай сперва попробуем его убедить. Если бы только люди почаще вспоминали об убеждении, то сэкономили бы море крови и горы рваного металла.

Страж Дрэкс был очень высок и носил весьма импозантную остроконечную шляпу, которая делала его еще выше и импозантнее.

— Хальт, кто идет? — заговорил он.

— Предоставь это мне,— сказал Тому Номер Два. Дрэксу он сказал: — Эй, привет! Как служится?

— Не так уж плохо, бэби,— сказал Дрэкс.— А как твои делишки?

— Слушай, зачем жаловаться? Лучше я познакомлю тебя со своим лучшим другом Томом Кармоди.

— Привет,— кивнул Том.

— Взаимно,— откликнулся Дрэкс.

— Мы просто хотели спросить,— сказал Номер Два,— есть ли шанс, что мы сможем перемолвиться словечком с человеком по имени Эсбель?

— Эсбель? А кто это такой?

— Тот, кого ты должен охранять.

— Я охраняю целую кучу народа. Дай-ка я проверю свой список... Как пишется по буквам? Нет, это имя не

числится в моем внутреннем списке обязанностей. Почему бы вам не пойти и не найти его, если удастся?

— Мы так дела не делаем,— сказал Номер Два.— Он где-то должен быть в твоем списке, поищи.

— Я проверю список опечаток... ага! Эсбель! Понятно. Эти идиоты написали его через букву «З»!

— Люди бывают такими тупицами,— заметил Номер Два.

— И не говори, приятель! Так куда, ты упомянул, вы собрались?

— Мы должны поговорить с Эсбелем.

— В таком случае тебе не следовало называть его имя,— заметил Дрэкс,— и я продолжал бы оставаться декоративной скульптурой. Но что сделано, то сделано, и вы прекрасно знаете, что я охраняю Эсбеля и никому не позволю увидеться с ним. И если ты и твой дружок хорошие мальчики, то поскорее отправляйтесь восвояси, о'кей?

— Нет, не о'кей,— твердо сказал Номер Два.— Мы пришли сюда повидаться с Эсбелем, и мы его увидим, ясно? Возможно, ты заметил, что я нелегальное оружие?

— Этот факт не ускользнул от моего внимания.

— Ну что же, я выстрелю, если ты не дашь нам пройти.

— Ты знаешь мой ответ на угрозы. Нет.

— Разумеется. Но лишний раз спросить не повредит. Так значит, ты нас не пропустишь?

— Ни за какие коврижки,— отрезал Дрэкс.

— В таком случае приготовься к немедленному уничтожению.

— Очень любезно с твоей стороны предупредить, но я уже давно готов к скоропостижному концу. Так уж мы, машины, изначально устроены, как я думаю.

— Том,— деловито сказал Номер Два,— нажми на мой спусковой крючок.

Том повиновался, но ничего не произошло.

— Осечка? — осведомился Дрэкс.

— Ничего подобного. Кажется, кто-то забыл меня зарядить.

— В таком случае вы оба, ты и твой человек, приготовьтесь к немедленному уничтожению.

— Погоди минутку,— сказал Номер Два.— Надеюсь, ты не станешь отрицать, что ножницы всякий раз разрезают бумагу?

— Конечно, но какое это имеет отношение к цене риса в Китае?

— А такое, что судьба предназначила тебе не убивать непрошеных гостей, а быть убитым ими.

— Ну, обычно это так, но на сей раз иначе.

— Не думаю,— заметил Номер Два.— Кстати, я уже радировал насчет сверхсрочной поставки боеприпасов.

— О, ничуть не сомневаюсь, но почему я должен их дожидаться?

— Потому. Если ты убьешь нас, то тем самым нарушишь инференциальное правило.

— Что это за правило?

Внутри Номера Два раздался громкий щелчок, и он сказал:

— Ага, вот оно! Инференциальное правило гласит, что хищники соображают куда быстрее тех, кто хочет воспрепятствовать их пиратскому набегу. Прощай, Дрэкс! Том, нажми на спуск.

Том нажал, и на передней стороне кольцеобразного куска металла, который он держал в вытянутой руке, сдвинулась в сторону панелька. Наружу выскочил маленький, кругленький реактивный снарядик, за долю секунды сориентировался, а затем стрелой метнулся к Дрэксу и взорвался.

От металлического стража остались лишь мелкие дребезги. Винтики, шпунтики и разнообразные осколки разлетелись во все стороны, за исключением той, где находились Том и Номер Два, так как в снарядик было встроено специальное устройство, охраняющее тех, кто выпустил его на волю.

— Пошли, поговорим с Эсбелем, пока еще кто-нибудь не вмешался,— сказал Номер Два.

И Том согласно кивнул.

Глава 29

Том вышел из трамвая и вошел в балетную студию Эсбеля.

— Я хочу узнать, где сейчас находится король.

— Вы пришли к нужному человеку. Если кто-нибудь что-то и знает о короле, так это я. А если я не знаю, то никто не знает.

— Тогда скажите мне, где он сейчас.

— Не скажу.

— Этим дерьмецом я уже сыт по горло,— решительно заявил Том, доставая оружие.— Я прикончил вашего стража, прикончу и вас не раздумывая. Мне надоело быть игрушкой в чужих руках, слышите, Эсбель! Я устал! Устал!

— Я слышу вас, не надо так кричать,— сказал Эсбель.

— Прошу прощения, но я в кошмарной ситуации.

— Вы так думаете? А как насчет меня? Легко ли, по-вашему, рассчитывать передвижения королевского двора, если все они то и дело сбиваются с такта?

— Сочувствую,— вежливо сказал Том,— но мне позарез необходимо знать, что делает король. Затем я сюда и пришел.

— Ну что же, в данный момент король проводит совещание со своими друзьями пролетариями.

— Где?!

— Маллинс-стрит, номер 32.

— Уже тепло! И если я немедленно отправлюсь туда?..

— То наверняка с ним разминетесь.

— Спасибо, это все, что я хотел услышать,— промолвил Том, роняя оружие, и выбежал вон.

Он понял, что с него довольно. К черту неуловимого короля! Этот проклятый монарх выманил Тома Кармоди из очень хорошего места и заманил в очень и очень нехорошее. И где, черт побери, обретается Шиш? Том огляделся, но поблизости Шиша не оказалось. Зато он увидел приближающуюся толпу и подумал, что в ней весьма удобно затеряться.

Но только не в том случае, когда эта толпа ищет тебя, как выяснилось незамедлительно.

— Вот он! — раздался выкрик из толпы.— Вот он идет! Виват Тому Кармоди!

— ВИВАТ! — дружно грянула толпа.— КАР-МО-ДИ! КАР-МО-ДИ!

Кажется, меня узнали, подумал Том. Но как? Почему?!

А вот и Шиш, он отталкивает от Тома людей, приговаривая:

— Все встаньте в очередь, немедленно в очередь! Том поставит свой автограф на всех ваших книгах, но только если будет полный порядок! Делайте, как я вам велю, или Том исчезнет, как утренний туман!

И вся толпа поспешно строится в очередь. Кто-то чудесным образом раздобыл для Тома стул, а кто-то другой, надрываясь, подволакивает стол. Стол ставят на все четыре ножки рядом со стулом, на его угол кладут внушительную стопку книг. Первый в очереди уже у стола — лицо желтой луной и сумасшедший блеск в глазах.

— О мистер Кармоди, я так давно мечтал...

Том автоматически подписывает книгу, Шиш отталкивает первого в сторону, и на его месте возникает второй. Они все подходят и подходят, один за другим, один за другим, это самая колоссальная, самая впечатляющая раздача автографов, которую когда-либо видел Галактический Центр. Их уже тысячи, нет, уже миллионы, они толкаются и рвутся вперед, и целая команда — по-видимому, друзья или коллеги Шиша — запихивает их обратно в очередь, поддерживая порядок. «Только автограф, никаких личных пожеланий!» — надрывается Шиш, а Том все подписывает, и подписывает, и подписывает.

Это слава, думает Том, но почему она так похожа на боль? И тут он видит перед собой лицо, которое уже заметил прежде.

— Кто вы такой? — требовательно вопрошает он в странной уверенности, что от этого момента зависят все его заботы и надежды.

— Я Димитрий! Дима! Я уже подходил два раза, но я работаю на Шиша, у меня особая привилегия. Если вы только подпишете эту книгу, о добрый сэр, и еще вот

эту, и эту тоже. Боже, какой волнующий момент, а вот и леди, которая мечтает, чтобы вы подписали ее книгу...

— Леди? Какая леди?

Том поднимает глаза и смотрит прямо в лицо Молли, своей законной супруги.

— Ах ты сукин сын! — верещит Молли и замахивается на него книгой.

Том закрывает глаза.

Когда он снова их открывает, то обнаруживает себя, благодаря специальной закулисной машинерии Галактического Центра, в совершенно ином месте, где нет никакой толпы. И он слышит, глубоко в своем мозгу, как тоненько жалуется чужак:

— Ой-еей-еей-еей!

Но тут нечто иное отвлекает внимание Тома от Шмульки. Что же привлекает его внимание? Это обольстительная и завлекательная тяга следующей сцены, которая нетерпеливо проталкивается вперед, чтобы заставить Тома сделать очередной шаг в предназначенном ему курсе действий. Однако действие на время приостановлено, пока Галактический Центр раздумывает, что будет дальше.

Мелькает молния, грохочет гром, а мы по-прежнему застряли в конце сцены. Ладно, все было чудесно и замечательно, но куда же мы двинемся теперь? Давайте посмотрим, что делает король? Нет, мы не желаем знать, что делает король!

Глава 30

На вывеске значилось:

УНИВЕРСАЛЬНОЕ
МНОГОЦЕЛЕВОЕ ОФИСНОЕ ЗДАНИЕ.
БОЛЕЕ 20 МИЛЛИОНОВ ДЕЛОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ,
БОЛЬШИХ И МАЛЫХ, НАЗЫВАЮТ ЭТО МЕСТО
СВОИМ ДОМОМ!

В правом нижнем углу вывески горел маленький красный огонек, он весело подмигнул Тому.

Том еще раз оглядел здание и снова увидел невзрачное двухэтажное строение из старого красного кирпича.

Деревянная дверь была открыта и подперта ящиком, за ней была видна лестница, уходящая наверх. Том опять поглядел на вывеску и увидел, что она изменилась. Теперь там было написано: «Космические перевозки (2-й этаж)». Он глазел на вывеску, пока огонек снова не подмигнул, словно бы в нетерпении.

— Ты уверен, что мы пришли куда надо? — спросил Том.

— Так гласит вывеска,— пожал плечами Шиш.

— Но раньше она гласила, что в этом здании помещается более двадцати миллионов контор.

— Это было до того, как она зафиксировалась на тебе. Видишь этот маленький сенсор в углу? Он прочитал твои мысли и выдал информацию о нужной тебе конторе.

— А куда подевались все остальные?

— Разумеется, никуда. Они все здесь, все двадцать миллионов. У нас в Галактическом Центре природная склонность к централизации.

Том взглянул на здание без всякого восторга.

— Я ожидал увидеть нечто совсем иное.

— Что-то поимпозантнее, не так ли? Размером с ваш земной Лувр? Мрамор, хром, фонтаны, возможно, лазерное шоу?

— Что-то вроде этого,— сказал Том.

— Нам не надо никому ничего доказывать,— усмехнулся Шиш.— И нас вполне устраивает старый добрый красный кирпич.

— Но двадцать миллионов?!

— Какая тебе разница, сколько тут контор, когда нужная прямо перед носом?

— Что же, полагаю, ты прав. Зайдем?

— Недурная мысль,— кивнул Шиш,— если ты хочешь куда-нибудь попасть.

Они поднялись по лестнице, и Том увидел коридор, который, казалось, протянулся в бесконечность. По обеим его сторонам тянулись ряды дверей, которые тоже выглядели бесконечными.

— Какой длины этот коридор? — поинтересовался Том.

— По сути, он уходит за пределы бесконечности.

Тому стало слегка не по себе, и он спросил:

— А сколько нам придется идти, чтобы добраться до офиса «Космических перевозок»?

— Нисколько,— усмехнулся Шиш.— Первая дверь налево.

— Как удачно! Я уже боялся, что придется отшагать целую вечность.

— Удача тут ни при чем,— объяснил Шиш.— Контора сама явилась тебе навстречу.

— Но как она могла узнать, что я ее ищу?

— Видишь ли, офисы в этом здании специально сконструированы так, чтобы реагировать на желания клиентов. Помнишь красный огонек на вывеске? Этот сенсор и приказал конторе передвинуться с прежней позиции, где бы она ни была, на первую ближайшую к лестнице.

— А что случилось с конторой, которая прежде была на этом месте?

— Передвинулась на свободную позицию, дальше по коридору.

— А что случится, если все офисы окажутся занятыми?

— Такого никогда не бывает. Коридор с офисами по определению бесконечен, а арендаторов всегда конечное число. Впрочем, строители на всякий случай перестраховались, добавив к бесконечности еще одно запасное помещение.

— Да, ребята.. Вы здесь, как я вижу, умеете устраиваться! Мне надо войти?

— А зачем еще мы сюда пришли?

Том отворил дверь и вошел в самый обычный с виду офис с блондинистой секретаршей, сидящей за конторкой.

— Нет-нет, только ничего не говорите! — сказала блондинка.— Вы хотите куда-нибудь улететь, не так ли?

— Да, это верно,— вынужден был сознаться Том.

— Я так и думала,— сказала блондинка.— Иначе зачем же им вытаскивать нашу контору с позиции 3х42а, к которой я уже стала привыкать? Будьте добры, сэр, назовите пункт назначения.

— Земля.

— Планета? Никогда не слышала о такой.

На лице Тома изобразилось изумление, потом возмущение и наконец неподдельный ужас.

Девушка громко расхохоталась.

— Я говорю это всем нашим клиентам, чтобы создать легкую и непринужденную атмосферу!

— Действительно,— сказал Том и улыбнулся, желая доказать, что понимает шутки не хуже прочих клиентов.

— В каком времени вы желаете лететь, в Реальном или Мнимом?

Том посмотрел на Шиша, но тот пожал плечами.

— В Реальном, полагаю. А какая разница?

— Реальное время стоит дороже, и вам всю дорогу придется оставаться в живых. Это бывает немного утомительно, если путешествие превышает тысячу лет, хотя мы в обязательном порядке снабжаем клиентов настольными играми, деликатесами и иллюстрированными журналами. Мы можем также предоставить вам брачного партнера и какое-нибудь полезное занятие, если вы не хотите проводить время в праздности.

— А как насчет Мнимого времени?

— Мы убиваем вас на этом конце путешествия и оживляем на другом. В данном случае, как вы сами понимаете, полет для вас закончится гораздо быстрее.

— Разве нет никаких других вариантов?

— Есть несколько, но не думаю, что они вам понравятся.

Том обернулся к Шишу.

— Послушай, каким образом ты доставил меня сюда с Земли? Это заняло у нас совсем немного времени.

— Я был послан доставить приглашение короля,— сказал Шиш,— и потому воспользовался Королевским Кротовым Ходом.

— Мы сможем вернуться той же дорогой?

— Ни в коем случае, не имея документа, подписанного самим королем. Надеюсь, ты еще помнишь, что у нас возникли кое-какие затруднения с поисками Его Величества?

— Вы ищете короля? — спросила секретарша.

— Как, вы его видели?!

— Не более получаса назад. В прежней позиции из нашего окна была прекрасно видна вся улица. Король просто прошел мимо и скрылся в Гриль-баре Джо, что напротив.

— Мы еще вернемся,— поспешно сказал Том, бросаясь к выходу.

Шиш последовал за ним.

Глава 31

— Дело в том,— сказала мисс Трэверс,— что вам придется подыскать себе компаньона по путешествию.

Том находился в Космопорте Галактического Центра. Он решил отправиться домой и воспользовался моментальным перемещением, связывающим бесконечное офисное здание с Космопортом.

— Почему? — спросил он.

— Потому что вы не принадлежите ни к одной из путешествующих в космосе рас, представителям которых разрешается путешествовать в одиночку.

— Но я прибыл сюда один,— указал Том.

— В сопровождении Шиша, не так ли? — заметила мисс Трэверс.

— А если бы я добрался сюда совершенно самостоятельно?

— Вам никогда бы это не удалось. Но кажется, есть одна возможность... Да, вы можете отправиться с Тангельблаттом! Сейчас я найду вам его адрес.

— Входите, прошу вас,— сказал Тангельблатт.— Не бог весть что, но я называю это убежище своим домом.

Том в растерянности стоял перед входом в нору. Он видел перед собой внушительный холм, насыпанный из грязи, длиной примерно пятьдесят футов и около двадцати футов в высоту. На холме кое-где пробивалась чахлая травка. Аккуратная эмалевая табличка гласила:

ЭТО ДОМ ТАНГЕЛЬБЛАТТА.
ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ

— Благодарю за приглашение,— вежливо сказал Том.— Но я предпочел бы поговорить снаружи.

— Как вам будет угодно. Я выхожу.

Камень, закрывающий вход, отодвинулся, и в темном интерьере норы сформировался бесформенный силуэт ее обитателя. Силуэт был довольно крупный, и по мере его приближения к выходу Том определил, что обитатель норы чрезвычайно смахивает на пузырь. Тангельблатт медленно выплыл наружу, и оказалось, что он тускло-свинцового цвета.

Объявление в «Ежедневном курьере Галактического Центра», полученное от мисс Трэверс, выглядело весьма заманчиво:

«Зрелый джентльмен тангельблатианского происхождения направляется в Солнечную систему для санаторно-курортного лечения и счастлив предоставить место на космическом корабле и трехразовое питание во время пути одной разумной особи, которая готова взять на себя все заботы о его багаже».

Глава 32

И что же у нас поделывает Том? Он пытается вернуться на Землю. Он узнал, что может осуществить свое желание с помощью спонсора, некого Тангельблатта, и сейчас они вместе находятся в каюте космического лайнера.

— Здесь весьма комфортабельно, не так ли? — сказал Тангельблатт.— Мы вылетаем через несколько минут, так что пора позаботиться о багаже. Давай-ка открой пошире рот.

— Я должен открыть рот? Что это значит?

Тангельблатт показал Тому небольшую пластиковую коробку и открыл ее, продемонстрировав желатинообразную массу мелких яиц.

— Вот багаж, о котором ты обещал заботиться. Здесь тангельблатианские яйца, ровно квинтиллион.

— А почему ты сам не желаешь позаботиться о них?

— Я наполнил себя доверху, четыре квинтиллиона, если быть точным. Пятый квинтиллион твой, и моя квота будет полностью исчерпана.

— Зачем ты перевозишь эти яйца? И чьи они, кстати говоря?

— Это яйца Тангельблаттов, разумеется. Именно таким способом наша раса распространяется по Галактике. То, что ты видишь в коробке, представляет собой все население провинции Мовиска, которая является крупнейшим политическим подразделением на Тангеле.

— Куда ты их везешь?

— А куда мы летим? На Землю, понятно.

— И с какой целью?

— А вот это уже не твое дело.

— Я требую ответа.

— Чтобы покорить вашу планету, если уж тебе так надо знать.

— И ты рассчитывал, что я стану помогать тебе в этом грязном деле?

— Конечно. Почему бы и нет? Что такого хорошего сделала Земля лично для тебя? Ты получишь хорошее вознаграждение, и мы дадим тебе новое тело и ограниченную автономию, когда процесс будет полностью завершен.

— И ты думаешь, что я способен предать Землю?!

— Почему бы и нет? Любое разумное существо в той или иной мере склонно к предательству.

— Только не я! И не в подобных обстоятельствах!

— Ладно, прекрати болтать и открывай рот.

— Прочь с дороги! Я ухожу!

Том и Тангельблатт сцепились в пышно изукрашенной каюте. Коробка с яйцами шлепнулась на пол. А поскольку она была сделана из дешевого пластика (чересчур дешевого для такой важной миссии!), то треснула и сразу развалилась на куски. Маленькие яйца-Тангельблатты весело заплясали на полу, выкрикивая:

— Ура! Мы прилетели, прилетели! Да здравствует новая жизнь!

— Нет еще! — зашипел на них взрослый Тангельблатт.— Марш спать! Произошла ошибка!

Воспользовавшись суматохой, Том выскочил из каюты и помчался по сияющим коридорам космического корабля. Он успел выпрыгнуть на самоходный трап в последний миг, когда трап уже отодвигался от шлюза.

Ну что же, сказал себе Том, это был слишком легкий и удобный вариант, чтобы оказаться правдой. Да, придется поискать какой-нибудь другой выход из положения!

Глава 33

Барон Корво никак не мог решить, надо ли показывать сегодня вечером новый кинофильм или все-таки не стоит. Когда он прибыл на место, вокруг театра скопилась мрачная толпа, весьма раздраженная объявлением об отмене премьеры.

— А как же Кокто? — нервно спросил курьер.

— Мне приказывают, и я повинуюсь,— пожал плечами киномеханик.

— Должно быть, произошла какая-то ошибка? — с надеждой произнесла герцогиня Миланская.

— Никакой ошибки,— сказал киномеханик.— Я получил приказ, подписанный самим бароном Корво.— Он похлопал по нагрудному карману, откуда выглядывал краешек плотного, сложенного вдвое пергамента.

— Позвольте мне взглянуть на приказ,— вмешался адвокат Морриси.— Возможно, мне удастся найти исключение или сноску, которые выведут нас из этой тупиковой ситуации.

— Никому, кроме меня, не позволено читать приказы, которые посылает мне барон Корво. Это дело Секретной полиции. Удивляюсь, как вы вообще могли предложить такое, адвокат!

— Нижайше прошу прощения,— пролепетал Морриси.— Просто мне ужасно хотелось посмотреть Кокто.

— Мне тоже,— мрачно сказал киномеханик.

— Как, неужели вы хотите сказать, что даже не взглянули украдкой?

— Конечно, нет! Хеннеси, мой помощник, донесет на меня сразу, как только я подумаю об этом.

— И что же будет вместо Кокто? — спросила герцогиня.

— Сборная мультпрограмма. «Том и Джерри».

— Как, опять?! — воскликнула герцогиня.— Неужели мы никогда не избавимся от этой ужасной тягомотины?

— Король считает, что «Том и Джерри» — потрясающее зрелище,— сказал киномеханик.— И он уверен, что все остальные считают то же самое. Лично я готов плеваться всякий раз, когда вижу эту бестолочь кота и эту мышь с дурацким выражением на морде, но король всегда говорит, дружески пихая меня в бок: «Развеселые мультяшки, не правда ли, мистер киномеханик?» И что я всегда отвечаю? «Высший класс, сир, по-другому не скажешь!»

— Как и мы, все остальные,— скорбно заметил Хеннеси.

Глава 34

Лишь только Шиш ушел, Корво тяжело рухнул в кресло и трясущейся рукой налил себе двойную порцию ирландского виски. В течение всей беседы его не оставляло странное убеждение, что Шиш способен прочесть его мысли и обнаружить, о чем барон Корво, шеф Секретной полиции, постоянно думает в последние дни. И если бы Шиш действительно увидел и услышал, что происходит в мозгу барона, то с ужасом отшатнулся бы от него, как и всякий благонамеренный и верноподданный обыватель, проживающий в королевстве короля Ральфа.

Эти сны снились Корво уже несколько ночей. Они были ужасны. Они отражали безумный страх Корво предать самого себя в том самом главном, чем он безмерно гордился в бодрствующем состоянии: непоколебимая верность королю!

Во сне барон по-прежнему сохранял эту верность, но тот, Другой, который называл себя Рольфом... совсем наоборот. И ужас был в том, что Другой жил в мозгу Корво.

Проклятые сны начались даже раньше, чем король без всякого предварительного уведомления покинул дворец, чтобы уйти неизвестно куда. Барон был лояльным верноподданным, но в сны его закралось предательство. Он бы с радостью вырезал их из своей головы, если б только смог! Но какой скальпель, даже самый острый, способен на такое?

Он никому даже не заикнулся об этих снах. Ни своей достойной супруге, леди Алисе. Ни своим детям, страстно обожаемым белокурым близнецам. Ни даже доктору Веллери, своему мифантропологу, хотя, следует признать, барон не раз подумывал об этом.

Ему необходимо было с кем-то поговорить. Он отчаянно нуждался в чьей-нибудь помощи, дабы покончить с предателем, укрывшимся в его собственной голове. Этот предатель, этот проклятый Рольф был главным ужасом тех кошмаров, что продолжали мучить барона из ночи в ночь.

И все-таки Корво удержался от откровенности. Обвинить самого себя в нелояльности королю? Невероятный риск, даже если ты признаешься собственному мифантропологу. Кто знает, как отреагирует Веллери? Весьма вероятно, донесет куда надо, и шефа Секретной полиции привлекут к ответу за предательский образ мыслей. Поди потом докажи, что виноват не сам Корво, а только его часть, которой он не в силах управлять! А если и докажешь, что с того? Звездная палата, без всяких сомнений, постановит, что ответственность за часть целиком и полностью ложится на целое. То есть на барона Корво, и только на него одного.

А между тем во всем виноват исключительно Рольф, пришел к окончательному выводу барон. Разве у Рольфа есть какое-то право нагло разгуливать по снам Корво? И если этот Рольф не отдельный индивид, а часть самого Корво... То его можно и нужно отгородить, окуклить и вышвырнуть прочь!

Будучи главой Секретной полиции, барон по долгу службы наблюдал за снами множества людей, и вот те-

перь, как он понял, настало время проконтролировать свой собственный. Барон решил, что войдет в свой ночной кошмар и поговорит с этим Рольфом напрямую. Если тот и впрямь лишь часть его самого, то скорее всего прислушается к резонам разума, поскольку разумное резонерство — первая и основная натура Корво. Либо прислушается, либо окуклится... Другого выхода нет!

Возможно, однако, что в мозгу барона Корво угнездилась посторонняя сущность, но и с ней можно как-нибудь поладить. Правда, этот Рольф обычно действует неодолимым принуждением, но почему бы не уговорить его смягчить претензии? В конце концов, теперь их двое в этом теле, которое неплохо бы и поберечь.

Корво подумал, что до сих пор играл чересчур пассивную роль в деле с незаконным вторжением в его персональное мозговое пространство. Он просто слушал да слушал, как этот Рольф все судит и рядит о...

(Ну давай, давай, произнеси это! — подначил Рольф...)

О НЕОБХОДИМОСТИ СВЕРЖЕНИЯ КОРОЛЯ!

Барон Корво застонал от отвращения. Сама идея была настолько омерзительна, что он едва не побежал сдавать себя гвардейцам как чрезвычайно подозрительную личность, доказывая тем самым свою непоколебимую верность королю. Но нет, ему долженствует противостоять Рольфу, а не бежать от него, словно бы тот и в самом деле представляет неодолимую силу...

Барон опять застонал, обхватив руками свою бедную голову. Скрывать вторжение в собственный мозг и одновременно противостоять ему — занятие невероятной сложности и требует от человека гораздо большего, чем жалкие семь битов информации, которые, по уверениям ученых, хранит оперативная память человека в любой конкретный момент.

Почувствовав себя умело окруженным и загнанным в угол, барон обратился за утешением к тому, что в последние дни стало для него самым драгоценным на свете. Сняв со стены рамку с фотографией близнецов, Корво нажал на секретную кнопку, и картинка внезапно изме-

нилась. Теперь вместо двух упитанных белокурых мальчуганов ему улыбалась хрупкая темноволосая женщина, чьи черты способны были свести с ума какого угодно мужчину.

Это была фотокарточка Молли, жены Тома.

Корво хранил ее с тех пор, как интуитивное предсказание его Интуитивиста вынудило барона срочно произвести проверку Тома Кармоди, а заодно и миссис Кармоди, его законной жены. Невзирая на испытанную годами мудрость, Корво без памяти влюбился в эту фотокарточку. Она стала его единственным прибежищем, его сладкой и несбыточной мечтой.

А ведь попал к нему этот снимок совершенно случайно!

Узнав, что король отправил письмо некому Тому Кармоди с Земли, барон приступил к расследованию, и сразу же выяснилось, что упомянутый Кармоди уже покинул родную планету. Тогда Корво нанял Отто Манна из Теневой службы и поручил ему нарыть компромат на Тома. Отправившись на Землю, Отто обнаружил, что в доме Кармоди никто не живет, и воспользовался специальным ключом, чтобы войти. Он немного порылся в бумагах и книгах Тома, но услышал, что к дому подъезжает машина, и немедленно ретировался. Машинально он прихватил с собой фотокарточку Молли, сделанную Томом всего неделю назад.

Корво слишком долго смотрел на эту карточку. Он погиб.

— Молли, мы живем в несравнимых мирах,— сказал он сейчас фотоснимку.— Я отвечаю за безопасность Галактической Империи, а у тебя свои собственные заботы. И мы никогда не встретимся, Молли, но я тебя люблю. Скажи мне, любовь моя, что я должен делать?

Прелестное лицо на снимке продолжало загадочно улыбаться, но Корво послышался голос, который с типичными интонациями Молли сказал:

— Право же, барон, не стоит ожидать, что другие станут принимать за вас решения! Будьте мужчиной, Корво, вы и сами способны решить, что для вас хорошо, а что плохо.

Барон встряхнул головой и подумал, что мог бы и сам обратиться к себе со столь разумными словами. Но что ему делать, он по-прежнему не знал.

Когда настало время отойти ко сну, Корво извинился перед супругой:

— Прости, дорогая, но мне придется провести эту ночь без тебя. Множество важных дел, которые я должен обдумать.

Жена приняла его слова без возражений. Главе Секретной полиции частенько приходится обдумывать Очень Важные Проблемы в спокойном уединении. Барон поцеловал детей, пожелал им доброй ночи и поднялся на верхний этаж, в свою личную комнату, которая ничем не отличалась от монашеской кельи.

Корво слыл завзятым сибаритом, и его коллеги безмерно изумились бы, узнав, сколь пуританским образом, по большей части, барон проводит свой ночной отдых. Для шефа Секретной полиции отнюдь не проблема заполучить любую женщину — или мужчину — по собственному вкусу, однако Корво, вопреки общественному мнению, почти не пользовался своей сомнительной привилегией. Его мучил страх, хранимый в глубочайшем секрете, что кто-нибудь когда-нибудь сумеет взять над ним власть шантажом.

Какая смехотворная ирония судьбы, подумалось ему. Столько лет ты являешь собой неподкупный образец добродетели, и какова же награда? Предатель в твоей собственной голове! Он называет себя Рольфом, но как знать, кто этот Рольф на самом деле?!

Маленькая комнатка, узкая, но удобная койка, затененный свет ночника, усыпанное звездами небо в окне — все это очень быстро убаюкало Корво. И он обнаружил себя, как и ожидал, в уже знакомом ему месте нереальности, где он впервые встретился с Рольфом... Но, увы, почти сразу же его разбудил резкий телефонный звонок. Это звонил телефон сверхэкстренной связи, а на связи оказался Дитрих, его эксперт по катастрофам.

— Вы не поверите, барон,— сказал он быстро и сухо,— но у нас абсолютно непонятное ЧП. Ничего подобного я в жизни своей не видывал.

— В чем дело? Не тяни!

— Пока только предварительные рапорты, барон. На анализ фактов и прогнозы потребуется...

— Черт побери, ты скажешь когда-нибудь, что случилось?

— Если в двух словах, то это слизь, сэр.

— Что?! И ты осмелился разбудить меня ради какой-то слизи?

— Боюсь, вы не понимаете, сэр. Она по всему центру города, вытекает из сточных коллекторов, канализации, водопроводных кранов и даже бензиновых колонок. Эта слизь очень липкая и очень плохо пахнет, и я опасаюсь, сэр... О боже! Простите, барон, но мне надо выбраться отсюда!

В трубке послышалось громкое журчание, затем раздался отчаянно булькающий звук, в значении которого нельзя было ошибиться. И наконец все затихло и настала мертвая тишина.

Глава 35

Эта слизь взялась неизвестно откуда и лилась отовсюду. Дренажная система Галактического Центра вскоре переполнилась, и омерзительные желтовато-зеленоватые потоки, густо пузырясь и пенясь, потекли по всему городу. Захваченные врасплох пешеходы тонули в них группами и в одиночку, а некоторые из них, кому удавалось выкарабкаться из слизи, никак не могли содрать с лица эту липкую, тягучую гадость и задыхались с наглухо заклеенными ртами и носами.

Барон отправил на улицы весь парк поливальных машин, заправленных дезэмульгаторами и другими разрушителями органики. К несчастью, они активно разрушали не только слизь, но и живые существа, покуда не отыскались безвредные для людей аналоги этих химичес-

ких соединений. Так или иначе, но через несколько дней слизь частично рассосалась, частично распалась, однако безобразия на том не закончились.

Внезапно все улицы города заполонили байкеры. Затянутые в черные кожанки, обвешанные бижутерией из нержавеющей стали и вооруженные до зубов. Они угрожали друг другу, но более всего от их разборок страдали мирные горожане. Байкеры били окна, с жутким ревом носились взад-вперед по улицам в любое время дня и ночи, вламывались на своих мотобайках в супермаркеты и крушили полки с товарами, а кое-кто из них ради смеха публично изображал любовь с манекенами.

В домах, где прятались напуганные жильцы, происходили странные вещи. Появлялись большие, в рост человека, глиняные амфоры с *дрянным вином*, которое никто, кроме байкеров, не решался употреблять. В лужицах тухлой воды стали плодиться воздуходышащие угри. Тухлая вода появилась повсюду, в огромных количествах, и в ней разводились все более вредные и ядовитые твари.

Байкеры то пропадали, то возникали, а в городе тем временем объявились новые горожане. Страшно изуродованные, они приходили неизвестно откуда и походили на мертвецов, живущих неведомой жутковатой формой жизни. Люди это или нечто совершенно иное, никто с определенностью сказать не мог. Новые обзавелись своими барами, недурно поладили с байкерами и, по слухам, разрабатывали программу планомерного запугивания коренных горожан.

Положение усугубилось, когда на Галактический Центр обрушилась новая человеческая раса. Сперва прилетели мужчины в крошечных одноместных кораблях. За ними последовали огромные, неуклюжие транспортные суда, битком набитые женщинами и детьми с синими от кислородного голодания лицами. Все они быстро отдышались в парках Галактического Центра, и стало очевидно, что женщины этого племени миловидны и стройны, но абсолютно не склонны к легкому и приятному общению.

Никто не знал, откуда взялись прежде никому не известные космические бродяги. Ученые выдвинули гипотезу, что это древние примитивные кельты, рассеянные по Галактике в процессе акта творения. Эти люди умели лепить горшки и выплавлять железо в крицах, но межзвездный привод могли получить лишь от какой-то высокоразвитой расы, решившей, по-видимому, отделаться от них как можно более гуманным способом.

Предполагаемые кельты презирали высокие технологии и были вооружены мечами и лучевыми пистолетами. Увидев это, барон Корво подумал, что справиться с незаконными иммигрантами не составит труда. Он вызвал милицию и приказал выдворить племя обратно в космос, однако дикари обратились к магическим заклинаниям. Согласно научной теории, сия первобытная магия никоим образом не могла сработать, на практике же надежно защитила новоприбывших от разгрома и аннигиляции.

Покончив с милицией, они предались любимому развлечению. Захваченных пленников заключили в ажурные корзины из горючего пластика, подвесили на деревьях и сожгли живьем, подбадривая одобрительными воплями тех, кто наиболее затейливо выплясывал в огне.

Кельты исчезли так же внезапно, как появились. Горожане в большинстве своем пришли к выводу, что их набег был божьей карой за неведомые грехи, которые жители Галактического Центра совершили исключительно по незнанию. Кучка упрямых еретиков объявила, что некий беспечный бог сыграл с Галактическим Центром жестокую шутку. Некоторые же в качестве первопричины всех напастей указывали на естественную нестабильность Галактики.

Колдуны и радикальные философы полагали, что бегство короля из дворца следует рассматривать как явный и совершенно недвусмысленный признак исконной галактической нестабильности. Все неприятности начались тогда, уверяли они, когда король, повинуясь смутному, но мощному внутреннему побуждению, притом по неясным ему самому причинам (каковые задним числом для нас предельно ясны!), внезапно принял решение послать

за Томом Кармоди, тем самым подтолкнув и ускорив неизбежный ход событий, за которым нам всем еще предстоит понаблюдать.

Мыслители консервативного толка утверждали, что все неожиданности начались, когда король впервые пересек границу упорядоченной дворцовой территории и очутился в нестабильном, полном непредсказуемых опасностей и случайностей универсуме Галактического Центра. Где тут причины, а где следствия вселенского хаоса, сказать невозможно, ибо они постоянно меняются местами, создавая двусмысленные обстоятельства: события неизбежно удваиваются, имеют место чрезвычайно похожие и все-таки не идентичные вещи, размываются одни различия и возникают другие. Космологию не пришпилишь к листу бумаги, она этого не потерпит! Сила отрицает прямые линии и углы, она отбрасывает дидактику ради божественности, предпочитая невероятные иллюзии и бесконечные конфигурации обмана.

Впрочем, одно было известно абсолютно точно: как только король прокрался в заднюю калитку и очутился там, где кончается дворец и начинается все остальное, кое-что изменилось.

Известно, что король обернулся взглянуть на эту калитку, словно желая убедиться, что дворец остался позади. И обнаружил, что она пропала без следа. Король увидел только длинную кирпичную стену, где красовалась старая реклама пива «Блюта», исполненная уже пожухлыми люминесцентными красками.

Король невольно вздрогнул, глядя на эту рекламу. Конечно, он ожидал каких-нибудь перемен, но отнюдь не таких скорых и решительных. Что-то начало происходить, и притом против его королевской воли. Как же такое могло случиться? Почему?

Глава 36

Само собой разумеется, он прекрасно знал, что Вселенная со всем своим содержимым построена из нематериального вещества, сохраняет структуру парадоксаль-

ным образом и приводится в действие неопределенностью вещей. И он всегда подозревал, что этот нелепый конструктор рано или поздно разлетится на части. А тот по-прежнему работал себе и работал, невзирая на все его ожидания, вплоть до нынешнего дня.

И вдруг все начало меняться так стремительно, что у него даже не было времени погоревать над бренностью вещей. Рядом с ним теперь находилось другое существо, некое присутствие, создавшее себя между рассветом и полуднем, и сейчас этот новоиспеченный квартирант с любопытством озирал его личные апартаменты.

Прежний жилец давным-давно привык слоняться в виде имманентного, но невидимого присутствия. Это было чрезвычайно удобно, необременительно, и совсем не надо было думать, что бы сегодня надеть. Но в нынешних обстоятельствах, решил он, следует отдать дань вежливости, и материализовался. Он принял форму высокого, упитанного пожилого джентльмена с козлиной бородкой, снежно-белыми локонами и розоватой лысинкой на макушке размером с серебряный талер Марии-Терезии. Одет он был в белую тогу с горностаевой опушкой и золотые сандалии, а в правой руке держал массивный жезл.

Новичок также материализовался, но не сразу, а испробовав несколько форм. Сперва он явился красивой молодой женщиной в зеленовато-оранжевых кудрях, потом обернулся гигантским горностаем в пенсне и наконец, после некоторых колебаний, нагловатого вида молодым человеком с нечесаными каштановыми волосами и легкой косиной в одном карем глазу.

— Привет, старичок,— сказал юнец и снова огляделся.— А недурное у тебя местечко. Большушая квартира, да?

— Здесь ровно столько же пространства, как и снаружи,— сказал старик.

— Ну что же, мне подходит. Тебе здесь было хорошо?

— А почему бы и нет? Ведь это единственная Вселенная, которая имеется в наличии.

— Ну, это как раз нетрудно изменить,— заметил юнец и сел. Под ним материализовался венский стул.

— Я мог бы задержаться и показать тебе, что, где и как,— предложил старик.

— Не стоит, я и сам прекрасно разберусь.

— Я владею знаниями, которые могут быть тебе весьма полезны.

— Не волнуйся, сам я придумаю все, что мне понадобится.

Старый джентльмен печально кивнул и окинул взглядом давно знакомые предметы, которые по очереди материализовались, когда он смотрел туда, где им следовало быть: камешек «кошачий глаз»... его любимый поношенный пиджак из коричневого твида... маленький, но безупречный набросок Рембрандта...

— Надеюсь, ты не станешь смотреть на все подряд? — нетерпеливо заметил юнец.— Это может занять много времени.

— Действительно,— согласился старик.— К тому же я видел все это раньше. Ну что же, молодой демиург, я прощаюсь с тобой. Скажи, у тебя есть имя?

— Зови меня Трюкачом,— сказал юнец.— Сойдет, пока я не придумаю что-нибудь другое.

— Прощай, Трюкач, и желаю тебе удачи.

Ну и ладно, подумал старик, по крайней мере, теперь у меня есть шанс узнать, что находится за пределами мироздания.

Он шагнул за порог и исчез.

Словно его никогда и не было.

Чего-чего, но этакого он никак не ожидал.

Глава 37

Люди в Галактическом Центре интуитивно ощутили смену богов, когда окружающие их солидные строения вдруг стали рушиться одно за другим. Поначалу эти происшествия приписали естественным причинам, ибо гуманоиды просто жить не могут без того, чтобы не подыскать разумных объяснений чему угодно. Однако огнедышащий вулкан, выперший из-под земли посередке тишайшего

парка Гнозис, никоим образом не поддавался разумному объяснению, равно как и здание Галактического Консорциума Межзвездной Торговли и Переработки Свинины, самопроизвольно разобравшееся на фрагменты и рухнувшее внутрь себя, попутно придавив колоссальную кучу народа.

Засим последовали другие необъяснимые катастрофы, и всем наконец стало очевидно, что новое божество усердно взялось за работу, поставив себе целью кардинально перелопатить весь старый порядок вещей. Никто не имел представления, как бороться с божественными проделками, но у Шиша возникла одна идея. И он разыскал Тома Кармоди, который отдыхал в эти дни на небольшом пригородном курорте.

— Привет, Том, ты знаешь, что происходит?

— Ну разумеется. А в чем дело?

— Ты должен как-нибудь исправить положение!

— Кто, я?! С чего ты взял?

— С того, что все прискорбные события связаны с твоим *появлением* в Галактическом Центре, Том Кармоди! И еще с тем, что король впервые на человеческой памяти покинул дворец.

— Так почему бы этим делом не заняться королю?

— Мы не можем его найти, ты же знаешь. Поэтому придется тебе.

Том не понял, с какой стати одно вытекает из другого, но Шиш заверил его, что логическая связь безупречна, просто нет времени ее объяснять.

— Ты должен что-то сделать немедленно!

— Ну хорошо, уговорил, мне уже стало скучно на этом курорте. Где я должен искать божество?

— Как обычно, к востоку от Солнца и к западу от Луны.

— Понятия не имею, как туда попасть,— заметил Том.

— Я тебя проведу. Полезай мне на спину.

Место, где они нашли Трюкача, было совершенно неописуемым, поэтому не стоит даже пытаться его описать. Достаточно сказать, что Шиш пыхтел и отдувался,

когда они прибыли туда, поскольку взобрался с Томом на спине по лестнице в тысячу ступеней.

Внутри они узрели молодого человека, в первом расцвете мужественности, с большим хрустальным шаром в руках, который он неторопливо поворачивал то в одну, то в другую сторону, пристально всматриваясь в него. Заглянув через плечо бога, Том увидел, что шар показывает разнообразные виды Галактического Центра, с любой мыслимой и немыслимой точки зрения.

— Том Кармоди, если не ошибаюсь? — сказал молодой человек.— Меня зовут Трюкач. А это, должно быть, твой приятель Шиш.

— Я тут случайно,— поспешно проговорил Шиш, развернулся и бросился бежать. Тысячу ступеней вниз он преодолел несравнимо быстрее, чем в противоположном направлении.

Трюкач не обратил внимания на бегство Шиша, ибо оно было всецело приковано к хрустальному шару. Он что-то бормотал себе под нос, вертя шар в руках, и время от времени хихикал.

— Чем ты занимаешься? — поинтересовался Том.

— Перестройкой,— сказал Трюкач.— Теперь Галактический Центр принадлежит мне, ведь старикашка не справился с делами, ну и по некоторым другим причинам. Словом, я решил его перестроить. Прекрасное развлечение! И ты можешь мне помочь, Том Кармоди. Скажи, какое здание ты желаешь увидеть?

— В стиле рококо? — предположил Том.

— Гм, не слишком представляю, как это выглядит.

— А как насчет храма Паллады?

— Эта штука должна быть с колоннами, верно?

— Ну да, правильно,— подтвердил Том.

— Давай попробуем,— согласился Трюкач и сказал своему хрустальному шару: — Храм Паллады, выполняй!

Том в изумлении уставился на то, что получилось.

— Очень мило,— кивнул Трюкач.— Этот архитектурный стиль называется брутализмом. Правда, я ничего в нем не смыслю, однако название говорит само за себя. Хочешь посмотреть мои последние работы?

И он показал Тому длинный ряд строений, для которых изыскал местечко в центре Центрального парка. Все они были совершенно одинаковы: квадратные, приземистые серые здания с нависшими бровями, прищуренными глазами и тонкими губами, похожими на шрам. Они проникли внутрь через двери, которые открывались не слишком охотно и закрывались чересчур поспешно, злорадно ударяя по пяткам. Трюкач не без гордости указал, что внутренние стены дома построены наклонными внутрь с целью создания полноценной клаустрофобической атмосферы. Полы покачивались под ногами, вселяя в ступающих по ним здоровое чувство легкой паники. В каждом здании была предусмотрена комната с сюрпризами, предназначенная для испытания новых жильцов, и специальная комната для допросов, в полуподвале рядом с прачечной. Они заглянули в огромную коммунальную кухню, и та приветствовала их громкой удовлетворенной отрыжкой.

— Здесь я скомбинировал брутализм с вульгаризмом,— пояснил Трюкач.— Интересно получилось, не правда ли?

— Извини за вопрос,— сказал ему Том,— но кто будет жить в этих домах?

Трюкач досадливо передернул плечами.

— Это уже не моя проблема.

— Вижу, ты не терял времени даром,— заметил Том.

— Не так уж все и трудно, когда знаешь, что надо делать. Но не всегда выходит, как хотелось бы.

Вещи получаются не такие, как он ожидал, пожаловался Трюкач. Взять хотя бы Парижскую Оперу, чью копию он только что воздвиг в самом центре увеселительного квартала Галактического Центра. Здание появилось на свет с яркой лакированной крышей в стиле китайской пагоды, которая выглядит ужасно неправильно, но он пока еще не решил, чем ее заменить. И летающие контрфорсы* тоже кажутся не слишком уместными, вроде бы

---

* Контрфорсы — каменные подпоры для укрепления стен или для принятия тяжести сводов. В готических зданиях их ставили на некотором расстоянии от стены, и тяжесть передавалась на них правильными арками.

это готика, или не так? И почему, хотелось бы знать, эти контрфорсы так походят на огромных горгулий?

Пока они смотрели на Оперу, летающий контрфорс развернул свои каменные крылья и резко бросился в воздух с крыши здания. Крылья часто захлопали, но без всякого эффекта, и контрфорс пал на землю камнем, каким он и был.

— Значит, контрфорсы тоже неправильные,— грустно заключил демиург.— И почему мне все время кажется, что какой-то шутник подстраивает мне грязные трюки? Это мне, Трюкачу?!

Он немного подумал и сказал:

— Это скучное место просто нуждается в Колизее.

И действительно, району лабазов и товарных складов совсем не повредил бы определенный оживляж. Сам Колизей получился замечательно, но Трюкач позабыл, какой он большой, и разрушения оказались катастрофическими.

— Пожалуй, стоит набить руку в более мелких масштабах,— вздохнул демиург.— Пусть будет гостиная в подземном этаже!

— Но я ее не вижу,— удивился Том, вглядываясь в глубину хрустального шара.

— Должна где-то быть, я абсолютно уверен.

— А можно ее как-нибудь найти?

— Само собой.

Трюкач сделал непонятный жест, и в его ладони оказалась маленькая хромированная коробочка с экранчиком и единственной кнопкой.

— Это моя Интеллектуальная Ищейка.— Он встряхнул коробочку, нажал на кнопку и сказал: — Подземная гостиная. Ищи!

— Нашла,— сказала Ищейка.

— Тогда веди.

Послышался какой-то свист, и Том почувствовал, что падает в воздухе, но не очень быстро, и потому не испугался. Ищейка летела впереди, подмигивая экранчиком, чтобы ведомые могли видеть, куда они летят.

Они все падали, падали и падали, пока не врезались в облачный покров над Галактическим Центром и не прошли его насквозь. Великий город, имперская столица Галактики, простирался под ними от горизонта до горизонта, насколько мог видеть глаз, а они все падали и падали, опускаясь все ниже и ниже. Так низко, что были уже ясно видны в воздухе над городскими улицами, но никто из горожан их так и не заметил.

(Жители Галактического Центра знали, что глазеть на бога, нисходящего с небес, не слишком разумная идея, а если кто-то и летит рядом с богом, то это абсолютно никого не касается.)

Никем не замеченные, они опустились на мостовую и прошли ее насквозь, сперва Трюкач, а Том последовал за ним. Вниз, вниз, в самое чрево земли и еще ниже, в огромную мрачную пещеру, тускло освещенную фосфоресценцией скальных пород и парой дюжин низковольтных электролампочек, которые кто-то зачем-то там понатыкал.

Они приземлились на дне пещеры и осторожно последовали за Ищейкой, подныривая под шаткие сталактиты и обходя корявые сталагмиты, пока не дошли до вертикальной лестницы, ведущей вниз, в подземную комнату для гостей. Тут Ищейка остановилась, а Трюкач сказал:

— Ну вот, это должна быть она, там внизу. Смотрика, там есть кушетка, и журнальный столик, и торшер.

Это был очень современный торшер, сделанный из латуни и живого дерева, которые проникали друг в друга и даже, кажется, махнулись качествами, поскольку Том заметил пленку окиси на дереве и набухающие почки на латуни.

— Да, ничего себе комнатушка,— сказал Трюкач.— Как раз для гостей. Откуда мне было знать, что когда я сказал ПОДЗЕМНАЯ, то имел в виду такую глубину? Хиловато для магии демиурга, и я просто ужас как разочарован.

— Кто смог бы тебя обвинить? — риторически спросил Том.— Творение мира кажется легким со стороны, однако же требует немалых усилий. Почему бы не отло-

жить на время это дело, Трюкач, и не попробовать что-нибудь другое?

— Я как раз размышлял на эту тему,— оживился Трюкач.— И уже кое-что надумал!

Он улыбнулся улыбкой заговорщика и начал растворяться.

— Эй, постой-ка! Погоди! — закричал Том.— Только не оставляй меня в подземной гостиной!

— Вернись туда, откуда ты пришел,— сказал Трюкач, и Том во мгновение ока, или чуть быстрее, вернулся в свои апартаменты.

Он сильно опасался, что дела пойдут намного хуже после визита к Трюкачу и в этом обвинят, конечно, Тома Кармоди. Но он назвал барону Корво истинное имя божества, а Корво по секрету сообщил его священникам. Последовали монументальные жертвоприношения, и трюк, как это ни странно, удался! Количество безумных событий в Галактическом Центре упало до обычного для Галактического Центра уровня и даже, кажется, чуть-чуть пониже.

Глава 38

Барон Корво сидел один в просторной гостиной своего роскошного пентхауза на вершине Эль Грандо Торро, высочайшего небоскреба в Галактическом Центре, и усиленно размышлял. Теоретически ему следовало немедленно отправиться туда, где был припрятан его Секретный Компьютер, получить доступ к специальным секретным кодам и таким образом захватить Галактический Центр. Единственная трудность заключалась в том, что он никак не мог припомнить, где находится Секретный Компьютер.

Корво перепрятывал его несколько раз, в целях дальнейшего усугубления секретности, и где же он теперь может быть? Не в кислородной ли цистерне его частного астероида? Или в одной из глубоких шахт на юго-западе Галактического Центра? Или еще где-нибудь? Он стукнул себя по лбу кулаком, чтобы встряхнуть мозги, а когда мозги заработали, внезапно выпрямился и рассмеялся.

Ну разумеется! Ему совсем не обязательно разыскивать Секретный Компьютер, потому что сойдет любой. Например, он может подняться в свой секретный космический корабль, запаркованный на стационарной орбите вокруг Галактического Центра, и с бортового компьютера послать Секретному свой опознавательный код. Потребуется несколько минут, чтобы скачать на борт необходимую информацию, ну а после весь Галактический Центр окажется в руках барона Корво.

Корво поспешно покинул апартаменты, воспользовавшись маневренным флаером, который постоянно парил наготове возле балконной балюстрады. И полетел туда, где его секретный космический корабль кружил на автопилоте вокруг Галактического Центра.

Гвардейцы с кружившего рядом патрульного корабля потребовали, чтобы барон подтвердил свою личность. Они все знали его, разумеется, но Корво сам установил это незыблемое правило. Нельзя сказать, чтобы такая предосторожность полностью исключала проникновение на секретный корабль предателя, замаскированного под барона Корво. Но все-таки лучше, чем совсем ничего.

Пристыковавшись, барон пробежал по длинным сияющим коридорам к контрольной рубке, сел перед бортовым компьютером и быстро отстучал запрос на перекачку секретных файлов. Программа немедленно потребовала код доступа, барон довольно улыбнулся и... пальцы его застыли на клавиатуре. Этот код, который он знал не хуже собственного имени, начисто испарился из памяти Корво!

Но как же это могло произойти?! Барон закрыл глаза и сосредоточился, нахмурив лоб. На лбу его от усилий прорезались глубокие морщины, но это не помогло, он по-прежнему не помнил кода. Открыв глаза, Корво внезапно заметил, что сбоку к компьютеру приклеен липкой лентой мнемоник. Поспешно содрав его, он нажал на кнопку «Речь» и услышал свой собственный голос:

— Эта запись напоминает тебе, что ты стер из своей памяти секретный код доступа в целях большей безопасности. Теперь ты знаешь, что надо делать.

— Нет, я не знаю, что надо делать! — рявкнул барон Корво.— Говори!

Но мнемоник промолчал.

Близок локоть, да не укусишь, заключил барон и буквально взвыл от негодования. Нет, такого просто не может быть! Это же нечестно! С ним приключился невероятный приступ ярости. Корво рвал и метал, катался по полу, барабаня каблуками, горько рыдал, громко визжал и рвал зубами обшлаг рукава.

Когда его исступление достигло кульминации, Корво услышал голос, который произнес:

— Ну хватит, уже достаточно.

— Что это значит? — Барон окаменел на месте.— Кто говорит?

Это был мнемоник, который перешел ко второму уровню послания. Он сказал:

— Твое безобразное поведение безошибочно доказывает, что это действительно ты, барон Корво. Особенно глупое ребячество с кусанием рукава! Так что расслабься, мой мальчик, и припомни, что ты сам запрограммировал этот мнемоник, дабы он сообщил тебе секретный код доступа, но только после того, как ты продемонстрируешь весьма характерный для тебя приступ бешенства. Внимание! Через пять секунд я начну произносить код доступа...

Чертыхнувшись, барон кинулся к бортовому компьютеру.

Глава 39

Едва барон Корво успел покинуть свои апартаменты, как туда ворвалась группа мрачного вида вооруженных людей, король шагал впереди, а рядом с ним — Лампкин. Нежданные гости не позаботились предъявить свои документы страже, а стражники их ни о чем не спросили. Один лишь взгляд на эти лица говорил яснее слов, что старые порядки изменились, и, более чем вероятно, навсегда.

— Слишком поздно,— сказал король, когда они обыскали все комнаты.— Корво сбежал, и я готов поклясться,

вместе с кодом доступа. Единственное, что нам остается, найти сам Секретный Компьютер, но где же его искать? Проклятие, он может быть где угодно! За тысячи миль или на другой планете.

— Он может быть также прямо под рукой,— заметил Лампкин.— Знаешь, как поступают простые люди вроде меня? Мы начинаем искать в самом подходящем месте.

Король угрюмо кивнул и повернулся к бельевому комоду барона. И там чудесным образом, под грудой грязных рубашек и вырезок из старых газет, почти мгновенно обнаружился пресловутый Секретный Компьютер.

— Победа! — возопил Лампкин.

— Проклятие,— буркнул король.— Что мы будем с ним делать без кода доступа?

— Что-нибудь придумаем,— сказал неунывающий Лампкин.— Это должно быть слово, что-то вроде спрятать, или заныкать, или сховать.

— Давай попробуем,— мрачно сказал король.

За десять минут они перепробовали все мыслимые синонимы и парафразы, имеющие отношение к слову «Секрет», но были вознаграждены лишь серией отписок: «В доступе отказано».

— Близок локоть, да не укусишь,— сказал наконец король.— У нас есть компьютер, однако мы не можем в него войти. А у барона есть код доступа. Ну и что же мы будем делать?

— Прошу прощения, молодой сэр,— вмешался Лампкин,— но если у нас есть компьютер, то почему бы не применить к нему легкое насилие, как выражаются французы? Так мы откажем барону в доступе к его проклятым секретам, и он не сможет осуществить свой план по захвату Галактического Центра.

— Прямо в точку! — с воодушевлением воскликнул король.— Кто-нибудь, дайте мне кувалду, и скорее!

Немедленно протянулись услужливые руки с молотками. Некоторые из людей Лампкина принялись охаживать компьютер кузнечными молотами, которые носили с собой на тот случай, когда орудия труда вдруг окажутся по-

лезными. Они пытались просверлить его алмазным сверлом и разрезать автогеном, обнаруженным у барона на кухне. Невзирая на все старания, компьютер выглядел как новенький. Это было изделие корпорации «Черный ящик и К°», оно успешно противостояло и на несколько порядков бо́льшим нагрузкам.

Пока они разочарованно глядели на него, обливаясь по́том, на передней панели загорелся огонек и внутри компьютера тихонько загудело. Кто-то вступил с ним в контакт, наверняка Корво, который уже собрался скачать свои секреты, и было совершенно непонятно, как этому помешать.

— Может, утопить его в бассейне? — предложил Лампкин.

Они утопили, но огонек на панели продолжал гореть. Легкие стонущие звуки указали, что компьютер готовится к передаче информации.

— Проклятие,— сказал король.— Неужели невозможно как-нибудь заткнуть эту штуковину?

Лампкин думал долго и тяжело.

— Может быть, надо построить рядом с ним радиостанцию, которая заблокирует все входящие сигналы?

— На это у нас нет времени,— сказал король.

— Ну, тогда я не знаю,— сказал Лампкин. Он уселся на стул и закинул полу длинного плаща на плечо.

— Постой-ка,— сказал король.— Что это было?

— А что было?

— Этот звук, что издает твой плащ?

— А, он просто так шуршит, когда ты двигаешься. Принято считать, что это крайне сексуально. На самом деле это не мой плащ, ты же понимаешь. Это моего зятя. Но он дал мне его поносить, когда узнал, что я собираюсь прогуляться по городу.

— Из чего он сделан?

— Освинцованное монохроматическое волокно для тепла, усиленное крученым шелкогласом для прочности. Почему ты на меня так смотришь?

— Дай мне сюда свой плащ.

— Послушай, у тебя же есть свой?

— Мой из шерсти.

— И что с того?

— А твой из свинца со стеклом. Неужели не понятно?

— Не вполне,— сказал Лампкин и невольно вскрикнул, когда король резко сорвал плащ с его плеч.

За какую-то долю секунды он обернул этот плащ вокруг компьютера, и еще раз, и для верности в третий раз.

— Что ты наделал? — ахнул Лампкин.

— Заблокировал радиоволны! — с гордостью объявил король.— Барон не получит своих секретных файлов, невзирая на любой код доступа. Остается лишь поймать этого мерзавца и передать в руки справедливого правосудия.

Благополучно нейтрализовав компьютер, король вызвал патрульный корабль и вылетел с Лампкином и его командой туда, где должен был находиться секретный космический корабль Корво. Да-да, это был секрет, известный всему Галактическому Центру.

Но корабля и барона на орбите не оказалось. Куда они могли подеваться?

Король, разумеется, не знал и знать не мог, что у Корво была одна-единственная мечта, прекраснейшая мечта всей его жизни... И он летел ей навстречу с такой безумной скоростью, какую только можно выжать из позитронного двигателя.

Глава 40

Последовал период междуцарствия, когда никто не отвечал ни за что и каждый делал, что хотел. Ничего особо ужасного не происходило, но все понимали, что долго так продолжаться не может. Разумные существа слишком привыкли к тому, что им указывают, как надо жить, а они, в свою очередь, сокрушаются по этому поводу. Теперь, когда некому было сказать горожанам «нельзя», люди ходили по Галактическому Центру пришибленные и с оглядкой, изо дня в день ожидая беспорядков и разнузданного насилия со стороны антисоциальных элементов.

Что до антисоциальных элементов, то они, разумеется, таковыми себя вовсе не считали, предпочитая называться оппозицией и единственными поборниками свободы. Но поскольку в Галактическом Центре не было в наличии ни правительства, ни какой-либо авторитетной фигуры, то само понятие оппозиции тривиальным образом теряло смысл. Так что им пришлось отсиживаться по домам в ожидании надлежащих противников.

Предполагалось, что барон Корво может заполнить эту социальную брешь. Ходили слухи, что он давно уже точит зубы на высшее место в Империи. И вот наконец появился уникальнейший шанс, но куда же подевался сам Корво? Поспешное расследование показало, что Корво покинул Галактический Центр на собственном корабле. И он не оставил даже записки, не то что король, так что причина его таинственного исчезновения навсегда осталась глубочайшим секретом.

Совет Благородных Семейств в срочном порядке собрался на внеочередную сессию, в повестке дня которой стояла проблема власти. Они долго судили и рядили, но кто из них станет новым королем, решить не смогли. И тут вдруг они заметили Шиша, со скуки задремавшего в уголке, и кто-то сказал: «Шиш встречался с королем чаще всех, должно быть, он кой-чего нахватался от Ральфа». Решающим аргументом стало то, что Шиш не принадлежит к королевской фамилии, а посему ни один из родичей Ральфа не получит повода завидовать другому.

Но прежде чем все проголосовали за избрание Шиша, они заставили его поклясться, что он сохранит за ними привилегии премьерного просмотра новых кинофильмов, дарованные благородным семействам с началом синематографической эры. Шиш, разумеется, согласился, справедливо полагая, что лучше самому стать дурным правителем, чем допустить, чтобы дурной правитель правил тобой.

Он сидел в королевской приемной, примеряясь к размерам королевского трона, когда в дверь тихонько постучали.

— Войдите,— важно сказал Шиш, в первый раз опробовав имперскую интонацию.

Вошла принцесса Робин, которая выглядела особенно прелестной в этот день. Шиш сглотнул. Он всегда восхищался принцессой, но издалека, ведь она была предназначена королю и в любом случае слишком хороша для иностранца. Но если этот иностранец избран королем бесконечного пространства?.. Шиш подумал, что у него, возможно, есть шанс.

— Ах, простите,— извинилась Робин.— Я не знала, что вы здесь.

— Да так, просто зашел примериться к трону,— сказал Шиш.— Знаете, как это бывает.

— Знаю. Я примеряла диадему королевы-соправительницы. Не думаю, что мне еще когда-нибудь удастся ее поносить.

— О, я уверен, что можно будет что-то придумать.

— Ах да, теперь ведь это зависит от вас?

— Ну, вообще говоря... да. Но поверьте, принцесса, я так же изумлен, как и вы.

— Вы не против, если я присяду?

Шиш не возражал, и принцесса сказала:

— Я помню, вы часто приносили нам полуночный ужин, когда я развлекала короля в своих апартаментах после особенно хорошего кино.

— Почему бы и нет, я был не слишком занят,— усмехнулся Шиш.— Честно говоря, у меня никогда не было слишком много работы, за исключением, конечно, Тома Кармоди.

— Как поживает Том?

— Убейте меня, не знаю. Я не видел Тома с того момента, как он вернулся из вотчины богов. А случилось это еще до моего избрания. И короля я, кстати, тоже не видел. Похоже, они оба исчезли без следа.

— Интересно, куда они ушли? — задумчиво сказала принцесса.

— Галактика велика,— пожал плечами Шиш.

— Я знаю, все так говорят. Но лично мне хотелось бы до конца своей жизни остаться в Галактическом Центре.

— Мне тоже,— согласился Шиш.— От этого вселенского разнообразия в конце концов ужасно устаешь.

Согласно вздохнув, они посидели немного в товарищеском молчании.

— Кажется, мне уже пора,— сказала Робин, вставая, и направилась к двери.

— Постойте! — воскликнул Шиш.

— Я слушаю! — обернулась принцесса.

— Скажите, вы уже составили жизненные планы до конца своей жизни?

— Да нет, ничего такого. А почему вы спрашиваете?

Шиш не ответил. Помолчав, он встал с трона и подошел к миниатюрному роялю. Сел за клавиатуру, взял аккорд-другой и приятным хрипловатым тенорком пропел:

«Нет, я не демон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Усталый, бесприютный странник,
Но все же с ангельской душой...»

— Ах! — сказала Робин.— Вы тоже любите старинные романсы?!

— Никакие романсы гроша ломаного для меня не стоят, если вы не согласитесь петь со мной дуэтом, принцесса.

— О! — Она пристально посмотрела на него.— Право же, Шиш, можно подумать, что вы делаете предложение.

— Вы правильно поняли меня, леди,— сказал Шиш.— Но я знаю, ты песня моя неспетая. Просто звездная пыль в моих глазах. Прощай, прощай, моя любовь!

Но Робин не ушла. Она придвинулась ближе. Грудь ее затрепетала, губы задрожали, глаза широко распахнулись.

— О Шиш!

— Ты не... О нет, не может быть...

Ее руки ласково обвились вокруг его шеи.

— Дурачок! Я все время любила только тебя!

И еще много чего было сказано в том же духе. Глупая, восторженная, непоследовательная болтовня, которой упиваются влюбленные, зная, как скоро, невероятно скоро они предстанут вдвоем перед Советом Благородных

Семейств, дабы объявить во всеуслышание им всем и всей остальной полоумной Галактике, что в Галактическом Центре отныне появилась новая королева.

Глава 41

Молли сидела на кухне и уже занесла ложечку над роскошным куском шоколадного торта, когда почувствовала, что в доме кто-то есть. Незваный гость производил тихие, неназойливые звуки, рассчитанные на то, чтобы никого не обеспокоить, но тем более ужасные и пугающие для хозяйки, которая вынуждена прислушиваться к тому, что совсем не ожидала услышать.

Потом что-то громко рухнуло. Кто-то натолкнулся на этажерку с журналами по искусству, которую Молли недавно водрузила в центре гостиной, покуда не найдет для нее более подходящего местечка.

— Так,— сказала Молли.

Она поставила на стол чашку кофе, которую держала в левой руке, и твердыми шагами направилась к гостиной. Выглядела Молли, как всегда, потрясающе, и особенно в этом легком шелковом халатике с розами цвета форели на бледно-салатном фоне. Услышав, как что-то разбилось, и прекрасно зная, какой Том бывает неуклюжий, она побежала.

В гостиной стоял мужчина. Незнакомец. Вовсе не Том.

Однако же барон Корво — а это был он, разумеется,— выглядел весьма приличным незнакомцем, хотя и в данный момент несколько потрепанным и перепачканным, словно бы он только что выбрался из драки.

Молли удивилась, конечно. Но совсем не так сильно, как должна была удивиться. «Если с Томом происходят всякие фантастические происшествия,— подумала она,— то чем же я хуже?» И этот Корво казался привлекательным мужчиной, зрелым и, должно быть, надежным. Это был человек, который явно многое повидал в этой жизни и был способен отличить настоящую вещь от подделок, как только ее увидит. «Интересно, а я настоящая? — подумала Молли.— А почему бы и нет?»

— Кто вы такой? — спросила она, удивляясь, почему ее не пугает это странное и непредвиденное вторжение.

— Я барон Корво,— ответил Корво,— и прибыл очень, очень издалека. Точнее говоря, из Галактического Центра.

— Это место, куда собирался Том, как он сказал?

— Думаю, да. В нашей Галактике только один Галактический Центр.

Молли окинула его взглядом с головы до ног. От ее внимания не ускользнули признаки инопланетного происхождения: крошечные вращающиеся колечки в ушах, небольшой третий глаз во лбу, изящный жест рукой с семью пальцами.

— Не знаю, кто вы такой на самом деле, но вам придется кое-что объяснить.

— Я могу объяснить что угодно,— сказал барон Корво.— Но сперва я хотел бы воспользоваться ванной, если вы, конечно, не станете возражать. Добраться к вам на Землю не так-то просто, знаете ли. К счастью, я захватил с собой чистую смену одежды.

— Воспользуйтесь ванной на втором этаже,— решила Молли.— Но только никакой мне воды на полу, понятно? И я потребую объяснений, как только вы покончите с мытьем.

Когда незнакомец отправился мыться, Молли вернулась на кухню и допила свой кофе, который почти совсем остыл. Она снова изумилась тому, с каким безрассудством принимает как должное совершенно невероятное событие. Том всегда мечтал о чем-то в этом духе, но тут была уже не фантазия, а реальность. Потом ей пришло в голову, что это все-таки одна из фантазий Тома. Очень странная фантазия, в которой Молли ради разнообразия на сей раз участвует.

Барон Корво спустился вниз через двадцать минут. Теперь он выглядел гораздо, гораздо лучше. Его волнистые черные волосы были аккуратно причесаны. На нем был твидовый костюм, немножечко старомодный, но со своей аккуратной, угольно-черной бородкой, лишь чуточку тронутой сединой, барон производил чрезвычайно импозантное впечатление.

— Тысяча благодарностей, мадам, так гораздо лучше,— сказал он с ослепительной улыбкой.— Галактические путешествия не всегда украшают человека.

— Вас послал Том? — спросила Молли.

— Лишь косвенным образом.

— Но вы его видели? С ним все в порядке?

— Я не виделся с ним лично, но согласно всем донесениям Том процветает.

— Но сами вы никогда не встречались с Томом?

— Увы. Издержки ситуации, знаете ли.

— Какой ситуации? — спросила Молли.

Барон тяжело вздохнул. Ну разумеется, откуда ей знать. Похоже, что придется объяснить все с самого начала. Задача архисложная, завязанная на проблему бесконечной итерации, а с этой проблемой Корво, планируя свои хитроумные интриги, всегда предпочитал не связываться.

К счастью, Молли пылала не большим желанием послушать эту запутанную историю, чем Корво — ее рассказать.

— Неважно,— нетерпеливо сказала она.— Можете рассказать мне потом. Скажите лучше, вы из того места, куда отправился Том, когда я уехала?

— Это место называется Галактический Центр.

— Неважно! Он скоро вернется?

— Дело в том, миледи, что он, по-моему, не собирается возвращаться.

— Да, я так и думала,— кивнула Молли.— Тогда зачем вы здесь?

— Миледи, я покинул Галактический Центр и прибыл на вашу Землю, чтобы здесь поселиться. Я устал быть центральным игроком Галактики, уж поверьте, это не приносит человеку счастья. Нет, я желаю чего-то простого, наивного, честного! Мне нужна жизнь на Земле!

— Жизнь на Земле не так уж проста,— заметила Молли.

— О, с местной точки зрения ваша земная жизнь сложна и непредсказуема, но не с моей. На свете нет ничего более сложного, двусмысленного, ненадежного, неопределенного и ненормального, чем Галактический

Центр. В особенности с недавних пор. Вот почему я собираюсь жить на Земле, как самый обычный человек, и найду себе самую обычную работу.

— Работу? У вас уже есть что-нибудь на заметке?

— Я изучал ваши земные обычаи,— кивнул Корво.— Думаю, место исполнительного директора по рекламе мне вполне подойдет.

— Боюсь, барон, вам не суждено умереть от скромности.

— Это не бравада, мадам, у меня наивысшая квалификация. Я успешно провел самую грандиозную и самую секретную полицейскую операцию в истории Вселенной.

— Что ж, возможно, вы правы,— задумчиво сказала Молли.— Вы получите это место, а потом?

— О, я мечтал об этом долго-долго! Куплю себе простенькую роскошную квартирку на Манхэттене, запишусь в какой-нибудь скромный, но престижный Клуб здоровья, и тогда у меня будет почти все, что я хочу.

— А почему почти?

— А потому, дорогая моя леди, что мне нужна еще любовь прекрасной женщины, чтобы делить с ней все радости и печали, мои успехи и все мое состояние, и мы могли бы в мире и согласии совместно наслаждаться жизнью. Не стану ходить вокруг да около, Молли... Эта женщина — ты, и только ты!

Молли задумчиво кивнула. Почему-то она нисколько не удивилась. Отчего-то она всегда была уверена, что непременно станет героиней этой пьесы. Романтический незнакомец и любовь с первого взгляда, марьяжное предложение и огромное богатство, а для завершения композиции — неверный муж, каковое обстоятельство абсолютно все оправдывает. Надо что-то сказать, подумала она и сказала:

— Квартирка на Манхэттене? И это предел ваших земных желаний?

— Вовсе нет,— с горячностью откликнулся барон.— Я планирую обзавестись апартаментами в Париже, чтобы проводить там время от времени каникулы. Где-нибудь в

Седьмом арондисмане, как я думаю, но выбор, конечно, остается за вами. И разумеется, у нас будет собственный дом, вероятно, в Брентвуде, если только вы не предпочитаете Беверли-Хиллз. И собака!

— И вы сможете себе это позволить? — усомнилась Молли.— Боюсь, даже жалование директора по рекламе отнюдь не настолько растяжимо.

— Боже, да я и не собирался жить на эти деньги! Рекламная работа для меня лишь временное развлечение, пока я буду планировать свой следующий шаг. По-моему, я уже говорил, что много лет служил королю бесконечного пространства в качестве шефа Секретной полиции и ухитрился скопить весьма значительный капитал. Я устрою так, что мой счет переведут сюда, на Землю. Это довольно необычно, но вполне выполнимо. Я все еще глава Секретной полиции, и никто не сумеет мне помешать.

Внезапно его выражение изменилось, теперь барон выглядел взволнованным и озабоченным. Он наклонился поближе к Молли и проникновенным голосом сказал:

— Никакое богатство для меня гроша ломаного не стоит, Молли, если ты не согласишься разделить его со мной!

Перед мысленным взором Молли заплясали обольстительные видения великолепной свадьбы, но она взяла себя в руки и спокойно произнесла:

— Все это слишком неожиданно, барон. Кажется, вы неплохой человек и не лишены привлекательности, но дайте мне какое-то время. У нас на Земле такие вещи так скоро не делаются.

— Странно,— сказал Корво,— а мне с первого взгляда показалось... Но я не стану торопить вас, Молли, поверьте! Если вы только позволите мне навещать вас, обедать с вами в дорогих ресторанах, водить на премьеры кинофильмов... Я бы покупал вам от случая к случаю скромные сувениры, пустячки вроде ювелирных изделий, но, разумеется, изысканного вкуса... И если бы я мог надеяться хоть на такую малость... Кстати, вы не пообедаете со мной завтра вечером, часов около семи?

Молли вздохнула. Вопрос стоял ребром: или согласиться, или выставить барона за дверь. Тысяча весомых

причин была за то, чтобы велеть этому Корво уйти и больше никогда ее не беспокоить. И существовала лишь одна причина, чтобы поступить совершенно противоположным образом. По правде говоря, Молли была ужасно заинтригована.

— Что ж,— сказала она.— Завтра вечером вполне удобно. Тем более что мне хотелось бы расспросить вас о Томе. Но я ничего не обещаю сверх того.

Барон Корво улыбнулся, поклонился и с чувством поцеловал ей руку. Перед его мысленным взором уже разворачивался истинно земной любовный роман, с его пленительной неопределенностью и постоянными треволнениями. Барон был счастлив, а большего и желать не мог.

— Нет ли случайно поблизости хорошего отеля? — спросил он у Молли.— Я прихватил несколько золотых слитков, чтобы продержаться, пока не организую перевод своих капиталов. Надеюсь, золото здесь в ходу?

Он вытащил из кармана три маленьких, но увесистых кирпичика из желтого металла и показал Молли.

— С золотом никогда не ошибешься,— кивнула она.— Попробуйте гостиницу «Три креста», барон, она всего лишь в паре кварталов отсюда.

— Превосходно! А как мне вызвать такси?

— Лучше я сама отвезу вас,— сказала Молли.— Ни один таксист не даст вам сдачи с золотого слитка, барон.

Глава 42

Том обнаружил, что он снова в Галактическом Центре, в величайшем городе Вселенной, который простирается далеко за пределы человеческого восприятия. По крайней мере, в этом Трюкач его не обманул! На улицах было полно куда-то спешащих горожан, но никто из них, очевидно, не знал Тома Кармоди, а если и знал, то не подавал вида.

Первые дни в Галактическом Центре он был занят лишь поисками еды и места, где можно кое-как переночевать. На городских улицах обнаружилось множество бездомных,

и Том присоединился к бомжам и делал то же, что делали они.

Вполне вероятно, что на этой стадии жизни Тома оберегал ворчливый голос, звучащий в его голове. Чужак все нудил и нудил, не уставая раз за разом напоминать, что Том не просто жалкий бродяга, обреченный покорно дожидаться неминуемой гибели на улицах этого немыслимого города. Что он — Том Кармоди, и это звучит гордо, более того, носитель другого инопланетного разума, каковой, несомненно, вполне заслуживает деликатного и бережного отношения.

Том как раз вспомнил, что он — Том Кармоди, когда услышал на малолюдной улице незнакомый голос, который произнес:

— Эй, человече!

Том огляделся, но поблизости никого не заметил.

— Это вы мне?

— А с кем же я, по-твоему, говорю? Мне кажется, ты потерял себя, незнакомец.

— Вам кажется правильно,— согласился Том.

— Добро пожаловать в Братство! — откликнулся голос.— Не стесняйся, заходи. Место для одного всегда найдется.

Том еще раз осмотрелся и понял, что голос может исходить из широко распахнутой двери в торце совершенно заброшенного по виду здания. Это была подвальная дверь, и, заглянув в нее, он увидел ступеньки, уходящие в темноту.

— Правильно. Давай, заходи,— подбодрил его голос.— Только поаккуратней на лестнице!

Том подумал, что это не слишком хорошая идея. Именно так люди и попадают в неприятности, прислушиваясь к различным сомнительным голосам. С другой стороны, ему вроде бы нечего терять. Пробуя ногой каждую ступеньку, Том осторожно спустился в подвал, где было очень темно. Но через некоторое время он различил в удалении тусклый мерцающий огонек и нерешительно направился к нему.

Слабый свет исходил от свечи, она стояла на плоском металлическом обломке, который покоился на большом деревянном ящике, служившем столом. Подойдя поближе, Том увидел, что вокруг импровизированного стола сидят люди, но сколько их и кто они такие, он не мог разглядеть. Да и какая, в сущности, разница, подумал он, мысленно пожимая плечами.

— Бери ящик и садись,— предложил голос.

Том заметил у стены груду деревянных контейнеров. Он взял один, поставил у стола на попа́ и сел, присоединившись к кругу обитателей подвала.

— Ты кто? — спросил голос.

— Я — Том Кармоди,— признался Том.

Теперь он мог различить лицо говорящего, который сидел прямо напротив него, по ту сторону свечи. Это был пожилой мужчина, почти старик с короткой седой бородой, и один его глаз прикрывала черная повязка.

— Кто ты? — спросил Том.

— Обычно меня называют Одином. А это мои друзья, товарищи и коллеги, все мы здесь принадлежим к Легиону Потерянных.

— Вы все потерялись? — удивился Том.— Или потеряли себя?

— Мы потеряли все,— сказал Один.— В этом колоссальном городе нам некуда податься. Ни жилья, ни денег, ни родичей, ни жен, ни детей. Все мы пережили свою эпоху и потеряли работу, и даже пособия по безработице не имеем и вынуждены теперь довольствоваться отбросами цивилизации. Скажи мне, Том, у тебя есть место, куда ты можешь пойти?

— Нет,— покачал головой Том.

— Кто-нибудь ждет тебя?

— Не думаю,— подумав, сказал Том.

— Тогда добро пожаловать в Легион! Хочешь поесть?

— Хочу,— кивнул Том.— Люди, с которыми я бродил, кормили меня в основном обещаниями. Так что брюхо мое, должно быть, уже присохло к позвоночнику.

— По правую руку от тебя оловянная тарелка, а слева ты найдешь горшок похлебки. Угощайся.

Том пробормотал слова благодарности, наполнил тарелку похлебкой и жадно поел. Кто-то сунул ему в руку чашку с водой, и он выпил воду. Когда Том насытился, темный подвал уже не казался ему пугающим и странным, тут было тепло и уютно.

— Кто там с тобой? — внезапно спросил Один.

Услышав эти слова, Том испугался, он сразу понял, что Один спрашивает о чужаке в его голове. И Один ведь не стал допытываться, есть у Тома в голове чужак или нет, а задал вопрос так, словно абсолютно уверен... И что же они теперь сделают с несчастным Шмулькой?!

— Я должен был убить чужака, но не смог,— медленно сказал Том.— Я просто был не в силах сотворить такое. Поэтому я дал ему убежище, и он стал частью меня самого. И все, что случится с ним, случится и со мной. Ну что ж, большое вам спасибо за похлебку и за случай посидеть в тепле, но думаю, что мне уже пора.

Он был несказанно изумлен, когда Один расхохотался.

— Куда же ты пойдешь, Том?

— Не знаю, но куда-нибудь подальше отсюда.

— Да сядь ты, не дергайся. Неужели ты и вправду подумал, что мы намерены тебя осудить?

— Мне было сказано одним из самых высокопоставленных лиц, что в Галактическом Центре нет места для сонных нелегалов.

— Хорошо, это ты знаешь,— заметил Один.— Но почему бы тебе не сделать очередной шаг в своих рассуждениях? Разве этот запрет не доказывает, что в Галактическом Центре что-то очень и очень неправильно?

— А что может быть неправильного в Галактическом Центре? — удивился Том.— Он таков, какой он есть, только и всего.

— Вот это как раз и составляет часть той самой неправильности! Почему ты думаешь, что существующее есть именно то, что должно было быть?

— А ты знаешь, что должно было быть?

— Не знаю. А если бы знал, не сказал бы! То, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ, есть функция того, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ

ПОТОМ. И каждый человек, лишь только войдет в разум, должен сам решить для себя, что с ним случится потом и что это лично для него означает. То, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ПОТОМ, никогда не имеет смысла в тот момент, когда с тобой происходит, но получает его позднее, если ты сумеешь его обдумать и облечь в слова. Ты ведь ожидал великих чудес в этом путешествии, Том, не так ли? Мечтал расшевелить свою душу? Ты думал, что постигнешь через чудеса и цели мироздания, и скрытое значение вещей? Но разве ты не знаешь, Том, что ЗНАЧЕНИЕ не бывает абсолютом, что оно беспрестанно изменяется, что никто не сможет определить его раз и навсегда? И разве ты не знаешь, Том, что любой мир, как и любая система в этом мире, стремится лишь к единственной цели — к ниспровержению себя?

— И что я теперь должен делать? — спросил Том.

— Ты поел?

— Поел.

— Так почему бы не поспать?

А что, идея неплохая, решил Том. Один указал на кучу джутовых мешков в углу, и он благодарно растянулся на них. Но прежде чем заснуть, он вспомнил о чужаке и спросил:

— Эй, у тебя все в порядке?

— Конечно,— ответил ему сновидец.— У меня в запасе еще много-много снов, которые я должен увидеть и оценить. Думаю, и у тебя тоже.

Но Том был вовсе в этом не уверен. Мешки показались ему мягче пуховой перины, он закутался в них с головой. И мертвый сон упал на Тома Кармоди, но принес с собой не смерть, а свежесть и обновление. Начался отсчет нового времени. Времени для новых путешествий и новых снов.

Глаза Тома устало закрылись, он спал, спал, спал. Он спал и видел сны. И чужак вместе с ним.

Обмен разумов

Глава 1

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов, любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духов-

ном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике, Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мэйн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался висячими садами Лондона и поклонился идолам в храме Бахай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури*, пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

---

* Итури — правый приток реки Конго.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему. То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов, он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики,— и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить Нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо этого он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

Глава 2

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД*.

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

— Полон сил, как крокодил,— традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен** мучо-мучо рапидо***? — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер,— с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»: в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполни-

---

* ЛСД — наркотик.

** Ты пришел *(гол.)*.

*** Очень-очень быстро *(исп.)*.

лось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были, как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье имменса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль*,— оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли,— только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему, как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра, омбре, айн клейннахтмузик эс демасиад, нихт вар? Дер тод ты руве** коснуться...

— Попроще,— прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини,— продолжал Марвин открытым текстом.— У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его друг.

— Ясно,— сказал он.— Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

---

* Живо *(нем.)*.

** Слушай, приятель, маленькая ночная музыка — это уж слишком, верно? Смерти ты *(смесь исп. и нем.)*.

— Мира*, Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-4, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-2, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

— Точно,— согласился друг.— Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь,— возразил Марвин.— Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин,— сказал он мягко,— это все ясно, как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно,— ответил Марвин,— если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин.— Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли.— Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

---

* *Здесь:* знаешь *(исп.).*

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира,— сказал он.— Рекуэрдо ке* на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости,— сказал Билли.

— Неправда,— не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друг, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор как он научился читать — Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони.— Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

Глава 3

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои

---

* *Здесь:* Не забывай, что... *(исп.)*

шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно,— сказал мистер Бландерс.— Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-скернского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами,— ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень,— заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Уогомстамке,— продолжал Бландерс,— на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж,— сказал Марвин,— не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда,— ответил мистер Бландерс.— У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всяких там невропатов, ищущих грязных и недозволительных приключений; преступников, пытающихся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенных типов. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет,— заверил его мистер Бландерс.— Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком, даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь,— сказал мистер Бландерс,— прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно lex talionis*.

---

* Закон талиона *(лат.)*.

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб,— пояснил мистер Бландерс.— Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что акт об ответном ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно,— сказал Марвин.

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности,— ответил мистер Бландерс.— Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Мире,— признался Марвин.

— Все знают столько же,— ответил Бландерс.— Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно,— сказал Марвин.— Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег,— удивился Бландерс.— Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью,— ответил Марвин,— но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука,— сказал Бландерс.— Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень

узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет,— ответил Марвин.— Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии,— сказал Бландерс.— Дон Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит,— уточнил Марвин,— я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альтаирец?

— Именно,— подтвердил Бландерс.— Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит, привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

Глава 4

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его

одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него, словно шавка, набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу», или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра,— произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба,— ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо,— сказал Флинн.— Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю,— отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись возбужденные голоса.— Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя,— сказал Флинн.— И конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны,— одобрил чиновник.— Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного,— сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке.— Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле,— заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рани, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал старик.— Вот оно, и, клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр,— одернул его Марвин,— я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас,— ответил престарелый марсианин.— Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен,— вмешался первый чиновник,— утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело.— Он дважды сплюнул на пол.— Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взвыл престарелый марсианин.— Это махровое надувательство.

— Сэр,— с холодным достоинством возразил Марвин,— вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал старик.— Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, когда их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены,— сказал полисмен,— взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

Глава 5

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо,

как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет,— сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним.— Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр,— от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост,— я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно,— ответил телепат.— Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении,— отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так,— подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен.— От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас,— повторил телепат.— И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен.— Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством,— провозгласил полисмен.— Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно,— признал телепат.— Приношу извинения.

— Ничего, ничего,— сказал полисмен.— Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть,— ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно,— сказал полисмен.— А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, и не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас,— сказал телепат, когда Марвин закончил рассказ.— А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— Право, и не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист, занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава Богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сы-

новей, один работает врачом в Сидипорте, другой — тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих пóтом нажитых сбережений,— не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему и говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твидовые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о

клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь пол-Галактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный дискомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его

хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей. Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему,— сказал он,— лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение,— одобрил телепат.— К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что,— ответил телепат,— по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают опасение, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

Глава 6

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией

места действия повести Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем,— признался марсианин.— Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства,— пожал плечами марсианин.— Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется,— энергично закивал сыщик Урдорф.— Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало,— сказал Марвин.— По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала,— обиделся Урдорф.— Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль,— сказал Марвин.

— Мне тоже жаль,— сказал сыщик Урдорф.— Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо,— поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну?»!

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули,— сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что-что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели,— подхватил сыщик с понимающей улыбкой.— Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать,— ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда,— согласился Урдорф.— Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю,— сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две; к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело,— сказал сыщик.— Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я, в конце концов, не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо,

такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так.— В кротком голосе сыщика не было и следа обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин сказал:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая,— ответил сыщик Урдорф.— Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого,— решительно подтвердил Урдорф.— Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное,— сказал Марвин.— Но ведь это значит...

— Это значит,— перебил его сыщик,— что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот закончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не закончится?

— Не будьте суеверным,— ответил сыщик.— Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже

при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться,— сказал Марвин.

— Я тоже,— признался сыщик с виноватой улыбкой.— Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета.— Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку.— Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна закончиться! Скорее всего я теперь могу седеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр,— вежливо согласился Марвин.— Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет,— сказал Урдорф.— Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться,— заверил его сыщик.— Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций гласит, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся,— сказал Марвин.— Я просто...

— Вполне понимаю,— прервал его сыщик.— Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать,— сказал Марвин,— что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят,— задумчиво произнес сыщик.— Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что,— сказал Марвин,— если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю,— ответил сыщик.— И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными,— сказал Урдорф.— Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю,— пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются,— утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно,— смирился Марвин.— Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет,— сказал сыщик.— Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил,— ответил сыщик.— Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край Вселенной. Это преступление я раскрою.

— Рад, что вы так настроены,— заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд,— размышлял Урдорф вслух.— Слыханная ли штука — такая полоса неудач?

Но теперь она закончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может,— согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения,— хмуро сказал сыщик.— Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться,— ответил Марвин.— Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно,— рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину.— Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять,— угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться,— сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом.— Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю,— сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин.— Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик,— с бледной улыбкой ответил Урдорф.— Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

Глава 7

Заметка в «Марс-Солнце-ньюз» (печатный орган трех планет):

«СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разразившемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с "Двухголовым Эдди" в начале 90-х годов, когда...»

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня,— сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно,— сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только in corpore*.

---

* *Здесь:* в собственном теле, т. е. собственной персоной *(лат.)*.

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую Галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин.— Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею,— вспылил Флинн.— Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар,— ответил эрланин.— Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись,— посоветовал эрланин.— При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли,— сказал Марвин.— А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

— Это же, наверное, опасно,— возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

— Дошло, парень? Но послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж

страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги.— Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери,— ответил эрланин.— Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Арогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими

способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И,— повысил голос зазывала,— неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже,— проворчал человек.— Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем,— сказал продавец.— Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно,— ответил человек.— Я Шон фон Ардин, участвовал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского,— отчеканил фон Ардин.— А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты,— продавец был явно ошеломлен.— Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца,— продолжал продавец.— В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений,— о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-суперіором. Это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж,— фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять,— сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение,— сказал продавец.— Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путеше-

ствовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

Глава 8

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент,— выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне,— съязвил Мак-Хоннери.— Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, ко-

нечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела,— объяснил Марвин.— Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые редкоземельные элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-2, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь,— сказал Мак-Хоннери.— А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно,— сказал Марвин,— если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю,— вздохнул Мак-Хоннери.— Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен. Вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр,— с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку,— сказал Мак-Хоннери.— Если не ошибаюсь, ты искал работу,

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно,— с сомнением произнес Флинн.— И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери.— Ты друг Пороха?

— Считайте, что так,— ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала,— сказал Мак-Хоннери.— Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе

объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр.— Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился.— У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да,— сказал Мак-Хоннери.— Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво,— сказал Флинн.— А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть,— ответил Мак-Хоннери.— Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же получить все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой:

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение,— сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу.— Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-2, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение Солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует Бог твою душу.

— Как-как? Повторите,— попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да вот,— сказал Флинн,— насчет всех этих обязательств...

— Это неважно,— отмахнулся Мак-Хоннери.— Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

Глава 9

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ферентол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги,— он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место,— сказал менеджер,— которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее,— продолжал менеджер,— этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во Вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было бы ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря

им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение,— отметил менеджер,— не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но кроме того, не забывайте о норме: если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных ребят опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций? — переспросил десятник.— Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и наконец отреагировал:

— Ты должен собирай яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно,— сказал Флинн.— Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волнуйтесь,— ответил десятник.— Ты знай, когда увидеть без ошибка, да.

— Есть, сэр,— выпалил Флинн.— А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться,— сказал десятник,— ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю,— заверил Марвин.— Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение.— Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно,— без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да,— ответил Марвин.— Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута.— Десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения,— сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

Глава 10

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная аписфиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткинжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо гангзера увернулось, срикошетило и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо гангзера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо гангзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер,— сказало оно сдавленным голосом,— что это на тебя нашло?

— Как-как? — переспросил Марвин.

— Слушай,— сказало яйцо гангзера.— Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя, как псих. Ну, я, естественно, разгорячилось. А кто бы не разгорячился? Вот я и решило отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли,— ответил Марвин,— ты ведь яйцо гангзера.

— Это мне известно,— сказало яйцо гангзера.— Я яйцо гангзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего, это запрещается законом?

— Конечно, нет,— ответил Марвин.— Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами гангзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо гензера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо гензера сказало:

— М-да, мне так и послышалось.— И рассмеялось почти беззвучно.— Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите,— с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо гензера.— Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами гензеров.

— О господи,— сказало яйцо гензера,— большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами гензеров,— пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами гензеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И ты не ищешь какое-то определенное яйцо гензера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет,— заверил Марвин.— Я в жизни не встречал ни одного яйца гензера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами гензеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо гансера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо гансера.— Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо гансера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо,— проговорило яйцо гансера, помолчав.— Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей,— ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить,— сказало яйцо гансера,— тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего,— ответил Марвин.— Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо гансера.— А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней,— попросил Марвин.

— Бешеный,— пробормотало яйцо гансера в сторону.— Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда,— твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй молись,— сказал Марвин.— Только побыстрее закругляйся.

— О Господь Бог,— нараспев затянуло яйцо гансера,— не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старалось быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, Господь, отчего караешь ты так жестоко?

И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и, значит, есть тому причина... хоть я и слишком глупо, чтобы ее разгадать. Слушай, Боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях.. А особенно о младшеньком.— Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой.— Особенно молю тебя о младшем, Боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готово,— сказало оно Маривину.— Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез,— ответил Марвин.— Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословенно будь имя Божие,— тихо проговорило яйцо ганзера.— На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глазащели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком.

Глава 11

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в верши-

не. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив,— сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Как хорошо, что вы здесь! — ответил Марвин.— Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините,— сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь,— но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил,— объяснил сыщик Урдорф.— Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить Вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в тысячу долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так,— сказал сыщик.

— Понимаю,— сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете,— сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а,— протянул сыщик.— Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте задавайте,— сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу.— Сыщик занес это в свой блокнот.— А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87792,3,— без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга»,— ответил Марвин.

— Угу. Отлично,— сказал Урдорф, захлопнув блокнот.— Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как,— сказал Марвин.— А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет,— ответил Урдорф.— Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в груде быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планет-

ные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам,— сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется,— сказал Марввин.— Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах,— ответил сыщик Урдорф.— Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово,— сказал Марвин.— А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал,— строго ответил сыщик.— Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать,— сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь,— ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном.— И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа,— сказал ганзер.— В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно,— сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении,— стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о *твоих* естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых,— продолжал ганзер,— у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение,— сказал ганзер чуть погодя.— Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета! — вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался,— ответил ганзер.— Ты американец? Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин.— Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка,— сказал ганзер.— Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи,— тихо произнес он.— Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, вряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода,— сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию.— Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот,— сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия,— я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет,— сказало оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже,— отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь,— напрямик сказало яйцо ганзера.— Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику,— ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

Глава 13

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник,— сказало яйцо ганзера.— Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн,— сказал Марвин,— а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ,—
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит,— перевело яйцо ганзера,— что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис.— Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались,— перевело яйцо ганзера.— Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить,— сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный,— оскорбилось яйцо ганзера.— Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блеет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам,— ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел,— сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно,— сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро.— Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него,— сказало яйцо ганзера.— Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах.— Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

Молчание сгущается. Теперь
Пусть муж честной уста свои разверзнет.
Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться,— прокомментировало яйцо ганзера.— Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас,— предложил Отис.

— Я вам не шестерка,— возмутилось яйцо ганзера.— Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи,— это «Рубаи» Омара Хайяма,— признался Марвин.

— Ну и валяй,— подбодрило его яйцо гансера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку,
помощь —
Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается,— шепнуло яйцо гансера.— Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помощь:
Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели,—
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом

крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но, как выразился Отшельник:

> Пусть вам приспособленье не по нраву —
> Зачем хулой уста вы осквернили?
> Свет истины не меркнет, если даже
> Лучи его на вас не пролились.
> Мозгами пораскиньте: сколь разумно
> Пренебрегать дурным вином в пустыне,
> Где губы запекаются от жажды?
> Зачем же избавителей своих
> Вы судите сурово? Грех великий —
> Неблагодарность: кто укусит руку,
> Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-9.

Яйцо гензера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь,— сказал Отшельник,— займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе,— ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен,— заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен,— сказал Отшельник.— И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно,— сказал Отшельник.— С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами,— ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело,— сказал Отшельник.— Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю,— сказал Отшельник.— Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин.— Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно,— ответил Отшельник.— А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же,— возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же,— сказал Отшельник.— Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь,— уперся Марвин.— А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю,— сказал Марвин.— Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

Глава 14

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целые две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том,

как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный: миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук.— Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои

общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать, как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность, и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то,

что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа 3В; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем, с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

«ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится,— к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться, и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС».

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и реникс. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главно-

го — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух

и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse* по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба вряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

---

* На манер малярной кисти *(фр.)*.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там как будто не больше, чем огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

Глава 15

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно,— ответил Марвин.— Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться,— заверил его ковбой-бродяга.— У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит Бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин.— В конце концов, я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга.— Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй,— вознегодовал Марвин.— Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь,— сказал ковбой-бродяга.— Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, какие они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа,— ответил ковбой-бродяга.— Но применительно к твоему случаю, синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят,— презрительно сказал Марвин.

— Извини,— отвечал ковбой-бродяга без тени смущения.— Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется,— сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво,— серьезно проговорил ковбой-бродяга.— С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул,— хладнокровно сказал Марвин.— Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу,— ответил ковбой.— В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом, с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля,— вскричала омерзительная красотка.— Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное,— сказал бродяга,— что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку,

торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма.— Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак,— нараспев произнес ковбой-бродяга,— перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пошли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо,— промямлил Марвин,— но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому пончо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею, как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга.— Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин.— Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой.— Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным протоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягаемости их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

Глава 16

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоской в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз: отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он.— Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

Глава 17

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы,— сказала она.— Мой поступок — поступок идиотки, или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн,— представился Марвин.

— Фристия Хелд,— назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете,— сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно,— ответил Марвин, тоже вставая.— Когда мы увидимся?

— Никогда,— проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин.— Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете,— ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь,— пригрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место,— предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли,— поправила она.

— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами, как тень,— с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны,— произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы,— надулся Марвин.

— Я забыла про время,— сказала она.— Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку,— бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые,— сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня,— пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка,— изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту,— распорядился он.

— Может, она устала,— предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю,— констатировал Марвин.— Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.

— Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частый сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.

— Ламбробианский,— ответил сыщик.— Я Хуан Вальдес, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Порт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое,— ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое,— ощерился бармен.

— Так я и услышать,— сказал Вальдес. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор,— обратился он к Марвину.— Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробии под сень того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.

— Вполне сочувствую.

— И все же,— продолжал Вальдес с нажимом в голосе,— когда эксплойтатор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться,— сказал Марвин.

— А ведь несмотря на острое чувство чести,— заявил Вальдес,— я, в общем-то, как дитя — порывист и беспечен.

— Собственно, я успел это заметить,— отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад?*

— Си, омбре,— со смехом ответил Марвин.— И эль дезео венсе аль миедо!**

— Луэс, аделанте!***

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

Глава 18

Выйдя из ресторана, Вальдес обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвиднус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдес мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов на сто ярдов (совокупность эф-

---

* Хороший урожай продается на корню, не так ли? *(исп.)*

** И жланние побеждает страх! *(исп.)*

*** Итак, вперед *(исп.)*.

фектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдес не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спросил он наконец.

Вальдес сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет,— пожал плечами Вальдес.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно,— сказал Вальдес, наморщив темно-коричневый лоб.— Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно,— заявил Вальдес, строго подняв куцый палец.— Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно,— сказал Марвин.— Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет,— безмятежно ответил Вальдес.

— Ага,— сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и наконец пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и

Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться,— ответил Вальдес.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Следовательно, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто,— ответил Вальдес.— Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически,— сказал Вальдес.— Какая передо мной задача? Найти Кэти. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?..— спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все,— торжествующе объявил Вальдес, размахивая изящными терракотовыми руками.— Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков,— повторил Вальдес уже не так торжествующе.

— Понятно,— сказал Марвин, ничуть не потрясенный.— Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не пред-

ставляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдес вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное,— как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы,— ответил Марвин.

— Несмотря на то что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж,— сказал Вальдес,— а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдес углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu*, Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, Бог присматривает за человеком, а ян исследует инь.

— Из этих примеров,— говорил Вальдес,— мы строим общую концепцию поисков и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно,— продолжал Вальдес,— теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова.

---

* Среда *(фр.)*.

Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь если Кэти по-настоящему не потерялась,— сказал Марвин,— значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое,— ответил Вальдес.— Но это, конечно, всего-навсего идеальное суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию,— успокоил Марвина Вальдес.— А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если вы оба будете активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдес.— Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, ра-

зыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы в таком случае направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдес объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет,— ответил Вальдес,— я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да,— сказал Вальдес, несколько удивленный и сконфуженный.— Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно,— признался Вальдес.— Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище,— сказал ему на это Вальдес,— когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

Глава 19

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдес сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно,— ухмыльнулся он.— Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да уж конечно,— пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов, с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдес безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями,— нараспев произнес он,— вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да уж конечно,— откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему,— сказал Марвин,— нам лучше вернуться.

Вальдес чуть заметно улыбнулся и помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище,— сказал он,— я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвы-

шенные поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности,— такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот,— начал Марвин,— я не уверен...

— Зато я уверен,— спокойно заявил Вальдес.— И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны,— сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва.— Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище,— рассмеялся Вальдес.— Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря,— возразил Марвин,— я тревожусь *о своей безопасности.*

— Пустое! — весело вскричал Вальдес.— Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдес твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеса да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдес попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он.— Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что

мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдес начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеса, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах через привязанность к упомянутой даме пришел к пылкой привязанности, затем к любви и наконец к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но наконец оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это не...— начал Марвин.

— Да, сын мой,— тихо сказал Вальдес.— Это село Монтана де лос трес Пикос в провинции Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру* — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдесом,— и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

---

* Наставник *(инд.)*.

Глава 20

Монтана де лос трес Пикос! Здесь, среди прозрачных озер и высоких гор, простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдес.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдес.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее,— с всеведушей улыбкой ответил Вальдес.— Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимо оптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй,— отвечал дядя Макс.— Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени,— ответил дядя Макс.— Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю,— сказал Марвин.— Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре*,— отвечал дядя Макс.— Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю,— сказал Марвин.— Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках,— сказал дядя Макс.— До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка номер два была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

---

* Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а вельможа на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала,— ответила Смерть.— Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

— Далеко ты забралась от дома, мамуля,— сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин,— откликнулась мать.— Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин,— рассказала мать,— я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я *побаловаться*. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж,— сказала мать,— на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за другим, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание,— сказала мать,— но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану,— ответила мать.— У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин,— сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин,— поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен.— Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое,— ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного,— сказал он сыну.— Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно,— произнес Марвин.

— Признаться,— продолжал отец,— кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа,— сказал Марвин,— только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного,— заметил отец.— Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав,— сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора,— сказал отец.— Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр,— отвечал Марвин.— Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю,— делился позднее Марвин с Вальдесом.— Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно,— заверил его Вальдес.— Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно,— сказал Марвин.— Но и в высшей степени невероятно.

— Факт,— согласился Вальдес.— Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Боюсь, я не совсем понимаю,— сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во Вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где *есть* теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гмм...— промычал Марвин.

— Конечно,— прибавил Вальдес,— надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это,— спросил Марвин,— что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно,— ответил Вальдес.— Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении, периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно,— сказал Марвин.— Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да,— подхватил Вальдес.— Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что,— протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос,— искренне развеселился Вальдес.

— Этого-то я и боялся,— поскучнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин,— согласился Вальдес. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое,— ответил Вальдес.

— И все же,— сказал Марвин,— если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит,— ответил Вальдес.

— Я настаиваю,— сказал Марвин.— В конце концов, в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится,— заметил Вальдес.— Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Он удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдес записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до

14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность,— сказал Вальдес,— и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдес продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдес не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС,— констатировал Вальдес.— Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдес, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

Глава 21

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения, и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся при-

нять вызов древней непознаваемой Вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что наконец пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на

их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению Вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

Глава 22

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женьчина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти,— она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, кото-

рая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдесу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдес был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдес испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским ог-

нем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдес попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдес пытался пробудить в друге жалость к ближнему:

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдес попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдес качнулся к гиперстрацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдес обратился к психологии:

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех челове-

ческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдес в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдесу, да и всем добрым людям Сан-Рамона, думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день, вопреки всем ожиданиям, произошло новое событие; оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм Вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, под-

линный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus sardonicus*, точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

---

* Саркастическая усмешка *(лат.)*.

Глава 23

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденил, как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

— Похоже на то,— неторопливо произнес он,— что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, срепетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть,— ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения,— сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы.— Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься,— жалобно сказала Кати.— Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне кос-

нуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Краггаш.— Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач,— протянул Краггаш.— Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взвыл Краггаш.— Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я,— сказал марсианский сыщик.— Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду,— криво усмехнулся Урдорф,— чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю,— промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто,— сказал сыщик Урдорф.— Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет закон-

ным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя. Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания,— сказал Краггаш.— Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение,— вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит, он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника,— заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением,— возразил Краггаш,— а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год,— сказал сыщик Урдорф.— Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капелла-

не, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш.— По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен,— поддразнил он преследователей,— то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин.— Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесполезно,— сказал Урдорф.— Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего,— сказал Урдорф.— Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф.— Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у нас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша,— прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф.— У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

Глава 24

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...Итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была наконец математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок Вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный Мир»,
«Галактическая Энциклопедия
Универсальных Знаний», издание 483-е

«...Поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином "зеркальная деформация". В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая Вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика»,
Эдгар Хоуп Гриф, «Эвклид-Сити фри пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это

удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование: как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: "Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?" Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного»
Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна)

Глава 25

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед справа был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк.— Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже

если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш,— сказал он,— ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я,— отвечал Марвин.— И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно,— сказал клерк,— это потому, что еще не получены машины.— Он заглянул в бумаги.— Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно,— подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан,— выпалил Марвин.— Номер 3(32)А5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Прошение удовлетворено,— сказал клерк.— Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем,— сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает,— поддразнил он.— Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя

был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что, Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп,— сказал труп клерка.— Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права,— сказал толстяк.— Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр,— заверил его труп клерка.— Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк.— Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

— Опыт 342,— решительно заговорил Краггаш нараспев.— Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных, доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было

нацелено копье. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит,— сказал Первый начальственным тоном.— Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет,— туманно изрек Третий.

— Слушай-ка,— сказал Первый,— а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй.— Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник,— цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи,— мрачно ответил Второй.— Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся,— хмуро сказал Третий.— Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте,— сказал Первый,— я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память,— пробормотал Второй.— Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли.— Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно,— пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв,— изрек Третий.

— Но я действительно не помню,— упорствовал Второй.

— Я тоже не больно-то хорошо помню,— сказал Первый.— Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи.— И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец,— упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей,— сказал Келли.— Вот вы кличете меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый.— Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий.— Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения,— откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство,— парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете,— объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством,— окрысился Четвертый.— Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет,— ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый.— Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре,— сказал Третий.— Кто из вас будет Келли?

— Я,— сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь,— спросил Луиджи,— что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно,— сказал Келли.— Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю,— продолжал Луиджи.— Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенных природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и сжились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал: «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

...схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на

королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Краггаш пересек Северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный, лежал Краггаш — олицетворение зла,— сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

Глава 26

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как и раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь

свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Мартин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там *не обязательно*, ничто *не необходимо*.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный, вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире и Земля, воспринимаемая его сознанием,— всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе,— обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом: отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектади, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

Четыре стихии

Элистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает на пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно меланхолического тем-

перамента воды. Причина этого — в избытке холодной, сухой, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Кречмера, притчей-предупреждением, гиперболой католицизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал окружающих его людей во всей манящей сложности их противоречивых характеров, людей, восстающих против тех банальностей, которые общество пытается навязать им. Он видел проституток отнюдь не добросердечных; унтер-офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни он уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомыслен-

ных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Евклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, и он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиной в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-Йоркскую контору бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и соответственно росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. Только ради этого он жил, работал, ждал и

наконец достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте согласно федеральному закону человек получал право на Реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно,— ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам,— ответил Кромптон.

— Ага,— сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка.— Чувствуешь себя немного ограниченным, а?

— Ограниченный — не совсем то слово,— натянуто возразил Кромптон.— Я машина, робот, ничто...

— Ну, ну,— сказал доктор Берренгер.— Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня тошнит от самого себя,— решительно заявил Кромптон.— Мне необходима Реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же,— продолжал Кромптон,— мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на Реинтеграцию.

— Имеешь,— согласился доктор Берренгер.— Но как твой друг, как врач я настоятельно советую тебе, Элистер, не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на Реинтеграцию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю,— сказал он.

Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мэри Бэрд в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен — местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и уж во всяком случае не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспро-

сы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. На раннем этапе эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней полосе вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунологи еще не нашли вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к Полному Расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через Проектор Миккльтона помещали в инертное вещество Тел Дюрьера.

Тела Дюрьера — это андроиды*, рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал Реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в Телах Дюрьера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили Реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если Расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмораживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней полосы не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе

---

* Андроид — биологический человекоподобный робот.

он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечки разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетний мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что Полное Расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без Расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку Расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы Тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей,

оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей Реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было Расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их права на Реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых Телах получили новые имена и, сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов, были помещены в детские приюты — один на Марсе, другой на Венере — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно доминирующая личность в его подлинном обличии, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему недоставало. Ему недоставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, Реинтеграции...

— Вот как обстоят дела, Элистер,— сказал доктор Беренгер, захлопывая фолиант.— Доктор Власек решительно возражал против Реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс,— сказал Кромптон.

— Никаких шансов,— возразил ему доктор Берренгер.— Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к Реинтеграции — и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось! — воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закоснели.

— Я должен использовать последнюю возможность,— сказал Кромптон.— Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

— Дайте адреса,— холодно потребовал Кромптон.— Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я наконец стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! — воскликнул доктор.— Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют,— сказал Кромптон.— Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер,— коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от Реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он лишь дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные Болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится. Изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он Реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный клуб счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасало его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходит в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию-3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в «прыгуна», который доставил его на Марс, Станция-1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом при-

был в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и наконец получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами, руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Санди таймс» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 20 градусов по Цельсию. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко одетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ре-

месленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в Дом Мамы Тиль, где пониженная гравитация позволяет испытывать куда больше наслаждения, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах,— накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями — за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в Салуне Красной Планеты.

Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игорные дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все другое прочее — чего только душа пожелает..

Кромптон разыскал Салун Красной Планеты, вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов в пестрых рубашках за длинной стойкой бара, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса.

Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «ворсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы

мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию Расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы? — спросил Лумис.

— Элистер Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно,— сказал Лумис.— Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!..

Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно,— сказал Лумис,— пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум». Как вам нравится? — спросил Лумис.

— Довольно трогательно,— ответил Кромптон.— Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй,— небрежно произнес Лумис.— Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Этот запах...

— К нему нужно привыкнуть,— сказал Лумис.— Это обонятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникала у него в голове,— медленную, чувственную, мучительно волнующую; Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Deja vu»,— объяснил Лумис.— Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

И пришел к ужасному выводу: только обстановка комнаты Лумиса стоила больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни подряд.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед,— сказал он.— Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно,— сказал он.— Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеро-

вом Теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты его лица, марсианский загар, гладкие, мышиного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы,— надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигуру, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душою мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде,— которым Лумис руководствовался в своей жизни, был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удается сводить концы с концами? — резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги,— улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит,— сказал Кромптон.— Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете,— сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости.— Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то осо-

бая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае почему бы ему не отказаться от богатства? — спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? — парировал Лумис.— Нет, это нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать. Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность *учить*, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я!.. А их женщины, Кромптон! У них ведь тоже есть *свои* нужды — настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в этих делах. Вот я его и применяю. И конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему

трудно было поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для Реинтеграции.

— Так вот,— сказал Кромптон,— ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для Реинтеграции.

— Мне это ни к чему,— сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что не согласны?

— Абсолютно верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукомплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем Реинтеграции.

— Согласен,— сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит,— сказал Лумис.— Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли,— сказал Кромптон,— что вы пребываете в Дюрьеровом Теле, а срок его существования всего сорок лет? Без Реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, *максимум* пять. Бывает, что Дюрьеровы Тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно,— сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В Реинтеграции нет ничего плохого,— продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном.— Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?..

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем,— с самодовольной улыбкой возразил Лумис.— Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти немыслимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами.

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно,— объяснил ему Кромптон.— Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал Лумис, поглядывая на свои часы.— А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая Луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желаю приятно провести время,— сказал Лумис.— Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал «марсианских ростков» и «красного солодина». В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственное, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю переинтегрированным и жить там по мере возможности. В конце концов, есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал,— сказал Лумис.— Я согласен на Реинтеграцию.

Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение? — возразил Лумис.— Разве мы...

— Я хочу знать почему,— сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну пожалуйста,— попросил он.

— Рассказывайте,— неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подводные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель — и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожи в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия,— проговорил он.— Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? — настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что ж, давайте реинтегрировать,— сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово Тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

— Где он? — закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца,— сказал он.

— О! — растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет.— О!.. Да... О!..

— Он, конечно, заслуживал этого,— холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили наконец возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот уже тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но Реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне — независимые, но, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие да и не способные поступиться каждый своей автономией.

Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединился Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, Реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина? — спросил Лумис.

— Стоит,— сказал Кромптон.— Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться,— возразил Лумис.— Стерпится — слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис — спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое действие. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в Порт Ньютон. Кромптон пересел в короткорейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на «прыгуне» добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оппозиции» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалась очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись

в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейзик Иггдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила Иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в Главном салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими черными волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал

ее к столу уже *Кромптон*, и тихо разговаривал с нею тоже *Кромптон*, и касался ее руки *Кромптон*, а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это.

Около двух часов ночи новая знакомая ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В» и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал,— в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты,— объяснил Лумис.— Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю! — воскликнул Кромптон.

— Даю слово,— сказал Лумис.— У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет,— сказал Кромптон.— Не хочу... То есть не буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет,— твердо заявил Лумис.— Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай: бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернул назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено,— твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество,— терпеливо разъяснил Лумис,— это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появи-

лось замужество, существовали мужчины и женщины, и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально,— не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот,— уверил его Лумис.— Ты не женат, значит, *твои* действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди *замужем.* Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и его «я» взыграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика,— сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец! — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно,— сказал Кромптон.

— Ну что еще стряслось?

— Твои аргументы,— сказал Кромптон,— могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне о том судить, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: *ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!*

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет,— сказал Кромптон.— Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет Реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь.

Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было «засранец желторотый!». Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить cordon sanitaire вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай Реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он как личность главенствующая сознавал свою ответственность. Он

делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и наконец ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике-3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против ползучей лихорадки, венерианской чумы, болезни Найта и большой чесотки. Им дали порошки против инфекционной гангрены и профилактические пилюли от черной меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд-Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры — целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосков, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота — согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы *зикры*. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд-Зее. Здесь Кромптон разыскал

дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик, немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана: должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, беззащитной девушке.

— Где мне искать Дэна? — спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда? — спросил старик, смаргивая слезу.— Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным,— с обидой сказала старушка.— Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить,— поспешно объяснил старик.— Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу,— ответил старик.— Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад,— сказала старушка.— Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд-Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж,— сказал Кромптон,— нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно,— сказал Лумис.— Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

— Да и мне тоже,— согласился Кромптон.— Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для Реинтеграции.

— Что поделать! — сказал Лумис.— Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Дэннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских кибуцников и австрийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной реки и на Голубых водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собою группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли —

дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год,— стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

— Дэн Стэк? — переспросил старшина.— Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам нетрудно, расскажите почему,— попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста,— сказал старшина.— Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку,— продолжал Гаарис,— что надо их погонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет? — спросил Кромптон.— Выходит, аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть,— согласился старшина.— Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизовать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

— И что же?..— подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом,— сказал Гаарис.— Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишал нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку нравилось пускать в ход бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверно, чипетцы ее и откусили. Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов, рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда он собирался путь держать? — спросил Кромптон.

— Он заявил, что аисов надо уничтожить, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бди-

тельным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей,— сказал Гаарис.— Они там пытаются навязать свои условия Сериидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат,— сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да,— сказал старшина,— родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его,— сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего, рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как сами Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условностями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе,— внесет должную толику агрессивности, жесткости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцов по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, был высоким, худошавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны аисов, ни со стороны землян и,

главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

— Вы ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

— Нет, не слыхал,— признался Кромптон.

— Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь? — спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком? — резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

— Как туда добраться?

— На каноэ,— ответил командир.— Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него,— сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется,— сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находится в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце Края, таились свои

особые опасности, которые уносили в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по этой реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно,— неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на Реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об однобокости! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Он часть нас,— возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо,— не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли? — усомнился Лумис.— Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой реке? Но предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк-убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала его мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел Реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть крошечная.

— Мы едем,— сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста. Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без Реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться? — спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежа-

ло, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать и захватил наконец все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было *его* тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, *сам*, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс,— продолжал Лумис.— Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка,— сказал Лумис полковнику.— Кажется, он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение,— сказал командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул:

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто,— сказал ему полковник.— Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас Орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за *зикра*. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Инланд-Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо,— еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение,— сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новым предстоящим ему путешествием через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда; но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. *Ему,* Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. *Ему,* Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И *ему,* Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников-городов, он не сталкивался с грубым, неспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он

увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

По-прежнему нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон,— сиплым шепотом произнес Лумис.— Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, *прими власть!*

— Спасибо,— ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ, как водяной паук, скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ про-

ходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали места, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть! — нервно сказал Лумис.

— Да, жутко,— согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных аисов. Однажды днем два каноэ аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился на борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать

следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они наконец добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванный красной краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь,— сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь? — позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидеся-

ти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара.

— Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там,— указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери,— сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль? — спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть? — спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело,— сказал Тайлер.— Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк будет в тюрьме точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два,— с отвращением ответил Тайлер.— Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит,

это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа,— заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим,— с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь,— сказал Кромптон.— Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же вам сказал — Финч кончается,— ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку.— Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки-дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас,— сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет,— ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята,— сказал Тайлер.— Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами — словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей,— предупредил Лумис.

— А что я могу сделать? — возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним! — кричала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка.— Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то.— Кончай с ним!

— Мое последнее слово! — выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб, черная

щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом,— с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни,— начал Стэк.

— И это ты *нам* рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком,— орал Стэк.— Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали,— орал Стэк.— Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь,— завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице.— Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. *Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!*

— Хорошо,— сказал шериф.— Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун

Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну, ты наконец кончил? — спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем! — сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк.

И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зло.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

«Безумие или нечто похуже...»

Лумис продолжал бубнить:

— Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара — сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке? — услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно,— автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно,— тупо ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел. Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достиг ли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца, честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстре-

лять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей Стэка на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии Расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею,— сказал он Кромптону.— Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался,— простонал Стэк.— Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на Расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите? — спросил Стэк.— Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним Телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть *еще один* наш компонент? — воскликнул Кромптон.— Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался,— стонал Стэк.— Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду и от этого немного взбесился и встряхнул его, а потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент Финч?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки»,— приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потом вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на Реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыла нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему — он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис поискал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их общем усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре основных темперамента человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились. И слияние стало наконец возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказанное удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

Цивилизация статуса

Посвящается моей жене Зиве

Глава 1

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Он прорывался сквозь плотный слой сна, из воображаемого начала всех начал, пересекал само время. Он вытянул псевдоподию из изначальной тины, и эта псевдоподия была *им*. Он стал амебой, заключавшей в себе *его* сущность, затем рыбой, помеченной некоторой индивидуальностью, затем обезьяной, не похожей на других. И наконец стал человеком.

Каким? Он смутно видел себя стоящим с лучевиком в руках над трупом. Вот таким.

Он очнулся, протер глаза и стал ждать других воспоминаний.

Но ничего не вспомнил. Даже имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Безрезультатно. Он огляделся вокруг, надеясь найти ключ к своей личности.

Маленькая серая комната, в одном конце которой — закрытая дверь. В другом, в алькове, сквозь штору виднелся крошечный туалет. Помещение освещалось из какого-то скрытого источника, возможно с потолка. В комнате стояли кровать, стул — и больше ничего.

Он подпер подбородок рукой, сомкнул веки, попытался сосредоточиться. Гомо сапиенс, мужчина, человек с планеты Земля. Он говорил на языке, называющемся английским. (Значило ли это, что были другие языки?) Ему были известны названия предметов: комната, кровать, стул. Он обладал, кроме того, определенным запасом общих знаний. Но отдавал себе отчет, что существует великое множество важных вещей, которые он знал когда-то, но не знает сейчас.

«Со мной что-то случилось».

Это «что-то» могло кончиться хуже. Если бы оно продлилось еще немного, он мог остаться безмозглым созданием, лишенным дара речи, не осознающим даже того, что он является человеком, мужчиной, землянином. Кое-что ему сохранили.

Но когда он попытался выйти за рамки известных ему фактов, то наткнулся на темную, заполненную ужасом зону. НЕ ВХОДИТЬ.

«Я, наверное, был болен».

Единственное разумное объяснение. В свое время, вероятно, у него были какие-то воспоминания о птицах, деревьях, друзьях, собственном положении в обществе, а может быть, и о жене. Теперь он мог лишь предполагать их. Когда-то он говорил: «Это похоже на...» или «Это напоминает мне...» Теперь же ничто ни о чем ему не напоминало, вещи были сами собой — и только. Он потерял возможность сравнивать и противопоставлять. Он не мог больше анализировать настоящее в свете пережитого прошлого.

«Должно быть, я в больнице».

Конечно. Здесь его лечат. Добрые врачи трудятся над возвращением ему памяти, осознания личности, чтобы сообщить ему, кто он и что он. Благородный труд! Он почувствовал, как на глазах у него выступили слезы благодарности. Он встал и медленно обошел комнатку. Дверь была заперта. Его охватил панический страх, который он решительно подавил в себе. Возможно, он был буйным.

Что ж, он будет буйствовать. Они увидят. Надо поговорить с врачом.

Он стал ждать. Прошло немало времени, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Шаги остановились у его двери. Панель откатилась в сторону, и возникло чье-то лицо.

— Как самочувствие?

Судя по коричневой форме и предмету, висящему на поясе (вероятно, оружие, подумал он), пришедший был охранником.

— Вы можете сказать, как меня зовут?

— Называй себя «четыреста второй»,— сказал охранник.— По номеру камеры.

Это ему не понравилось. Но лучше 402-й, чем никто. Он спросил:

— Я долго болел? Сейчас мне лучше?

— Да,— иронично заверил охранник.— Веди себя спокойно. Подчиняйся правилам. Не вздумай дурить.

— Конечно,— согласился 402-й.— Но почему я ничего не могу вспомнить?

— Так всегда бывает,— ответил охранник и повернулся к выходу.

402-й окликнул его:

— Подождите! Нельзя же так оставлять меня, не объяснив. Что со мной случилось? Почему я в больнице?

— В больнице? — удивился охранник и, ухмыляясь, посмотрел на 402-го.— С чего ты взял?

— Я так предполагаю.

— Ты предполагаешь неверно. Это тюрьма.

402-й вспомнил сон об убитом человеке. Сон или воспоминание? Он отчаянно взмолился:

— В чем меня обвиняют? Что я сделал?

— Узнаешь,— бросил страж.

— Когда?

— После приземления. А пока готовься к собранию.

Он ушел. 402-й сидел на кровати и пытался думать. Кое-что прояснилось: он в тюрьме, и тюрьма вскоре приземлится. Что все это значит? Зачем тюрьме приземляться? И что за собрание ждет его впереди?

У 402-го осталось довольно смутное впечатление о том, что произошло дальше. Он не помнил, долго ли просидел на кровати, пытаясь склеить обрывки знаний о себе самом. Потом ему почудилось, будто прозвенел звонок. Дверь камеры открылась.

Зачем? Что бы это значило?

402-й подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать камеру — она давала ощущение безопасности. Подошел охранник.

— Не бойся. Никто тебе ничего не сделает. Иди по коридору прямо.

Охранник легонько подтолкнул его, и 402-й пошел по коридору. Он видел другие открытые камеры, людей, выходящих в коридор. Поначалу их было немного; людской поток увеличивался, заполняя проход. Большинство было в замешательстве, все молчали. Покрикивали только охранники:

— Прямо, давай двигай, прямо!

Их пригнали в большую круглую аудиторию. На балконе, опоясывающем комнату, стояли вооруженные стражи. Их присутствие казалось необязательным: испуганная и ничего не соображающая толпа и не помышляла о бунте. Однако охранники имели символическое значение — напоминали только что пробудившимся людям о самом важном факте их жизни: они арестанты.

Через несколько минут на балконе появился человек в темной форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя и так с него не спускали глаз, и по аудитории загремел голос:

— Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, что я вам скажу. Эти факты важны для вашего существования. Все вы,— продолжал оратор,— недавно очнулись в своих камерах. Вы поняли, что ничего не помните о прежней жизни, даже собственных имен. У вас есть лишь скудный запас общих сведений, достаточный, однако, для взаимодействия с реальностью. Я не расширю ваши познания. Все вы там, на Земле, были злобными и гнусными преступниками, людьми наихудшего сорта, лишен-

ными Государством права на существование. В менее просвещенные века вас бы казнили. В наше время вас выслали.

По аудитории прошел шум, и офицер поднял руку, требуя тишины.

— Все вы преступники. У вас одна общая черта — неспособность выполнять основные обязательные правила человеческого общества. Эти правила необходимы в цивилизованной среде. Нарушив их, вы совершили преступление против человечества. Поэтому оно отторгло вас. Вы — палка в колесах цивилизации и изгнаны в мир вам подобных. Здесь вы вправе создавать свои законы и умирать по ним. Здесь свобода, которой вы жаждали,— неудержимая и губительная свобода роста раковых клеток.

Оратор вытер лоб и сурово воззрился на узников.

— Но, возможно,— произнес он,— некоторые из вас сумеют исправиться. Омега — планета, на которую мы летим,— это *ваша* планета, ее населяют исключительно преступники. Это мир, где вы можете начать жизнь сначала, с чистой страницы, без всяких предубеждений против вас! Вашего прошлого нет. Не пытайтесь вспомнить его. Подобные воспоминания только стимулируют криминальные наклонности. Считайте себя заново родившимися в момент пробуждения в камере.

Взвешенные, продуманные слова оказывали какое-то гипнотическое воздействие.

— Новый мир,— говорил оратор.— Вы переродились, но с необходимым сознанием греха. Иначе вам было бы не по силам бороться со скрывающимся в вас злом. Помните это. Помните, спасения нет, и нет возврата. Сторожевые корабли, оснащенные новейшим лучевым оружием, патрулируют воздушное пространство Омеги днем и ночью. Они уничтожат любой предмет, поднявшийся более чем на пятьсот футов над поверхностью планеты. Свыкнитесь с этими фактами. А теперь приготовьтесь к посадке.

Оратор ушел с балкона. Среди заключенных пробежал шепоток. Но вскоре замер — говорить было не о чем.

Узникам, не помнящим свое прошлое, не на чем основываться, размышляя о будущем. Нельзя обмениваться опытом и впечатлениями, если опыт и впечатления только что возникли.

Охранники на балконе застыли как мумии, недвижные и безликие. И тут легчайшая дрожь прошла по полу аудитории. Затем она превратилась в вибрацию, и 402-й почувствовал тяжесть, словно на тело навалился невидимый груз.

Из громкоговорителей прозвучал голос:

— Внимание! Корабль приземляется на Омеге. Вскоре будет произведена высадка.

Заключенных построили в колонну и вывели из помещения. Все еще ошеломленные, они шли по бесконечному коридору огромного корабля к открытому люку, через который врывался яркий свет.

402-й спустился по длинной лестнице и оказался на твердой почве. Он стоял на большой, залитой солнцем площади, окруженной любопытными зрителями.

— Отвечайте, когда называют ваш номер. Вам будет сообщена ваша личность! — прогремели динамики.

402-й чувствовал себя слабым и усталым. Сейчас его не интересовало ничего. Хотелось только лечь, заснуть или подумать о происходящем. Он осмотрелся и машинально отметил гигантскую ракету, охранников, зевак. Над головой в синеве небес плавали черные пятна. Сначала они показались ему птицами. Затем, приглядевшись, он понял, что это сторожевые корабли.

— Номер 1!

— Здесь,— ответил голос.

— Номер 1, ваше имя Вайн Саусхолдер. 34 года, группа крови АЛ-2, индекс АР-431-С. Виновен в измене.

Толпа наблюдающих громко зааплодировала.

402-й, дремлющий на солнце, слушал перечисление убийств, ненормальностей, подделок, мутаций...

— Номер 402!

— Здесь.

— Номер 402, ваше имя Уилл Баррент. 27 лет, группа крови ОЛ-3, индекс ЭКС-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа радостно зашумела, но 402-й едва ли что-нибудь слышал. Он привыкал к тому, что у него есть имя. Настоящее имя, а не номер. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его, и повторял про себя снова и снова. И чуть не пропустил последнее объявление.

— Вновь прибывшие могут быть свободны. Ваше временное жилье находится на площади А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Наблюдайте, слушайте, учитесь. Закон обязывает меня сообщить вам, что средняя продолжительность жизни на Омеге приблизительно три земных года.

Последние слова не сразу дошли до Баррента. Он все еще свыкался со своим новым именем. И не задумывался о том, что значит быть убийцей на планете преступников.

Глава 2

Прибывших, человек около пятисот, повели к рядам бараков на площади А-2. Они еще не были людьми, они были существами, чья память охватывала события едва ли одного часа. Новорожденные сидели на койках и с любопытством оглядывали свои тела, увлеченно рассматривали ноги и руки. Они смотрели друг на друга и видели собственное бесформенное отражение в чужих глазах. Зрелость приходила быстро, из забытых видений и призраков памяти, рождалась из старых привычек и личностных черт, сохранившихся как обрывки порванной нити их прошлой жизни на Земле.

Уилл Баррент, отстояв в очереди к зеркалу, увидел приятного молодого человека с тонким носом, прямыми каштановыми волосами и честным волевым лицом, не помеченным следами сильных страстей. Баррент разочарованно отвернулся — это было лицо незнакомца.

Позднее, изучая себя более тщательно, он не мог найти даже какого-нибудь шрама, по которому можно было бы отличить его тело — скорее тренированное, чем мускулистое — от тысячи других. Его руки были не натружены. Интересно, какую работу он выполнял на Земле...

Убийство?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это.

Его тронули за плечо.

— Как настроение?

Баррент обернулся и увидел перед собой крупного, широкоплечего рыжеволосого мужчину.

— Нормально,— ответил Баррент.— Вы стояли впереди меня, да?

— Верно. Номер 401. Дэнис Фоэрен.

Баррент представился.

— Ваше преступление? — поинтересовался Фоэрен.

— Убийство.

Фоэрен с уважением кивнул.

— А я фальшивомонетчик. По моим рукам этого не скажешь.— Он протянул две лапищи, покрытые редкими рыжими волосами.— Но в них все мое искусство. Память вернулась сперва к рукам. Им не терпелось взяться за работу. А я и не помнил за какую.

— И что вы сделали? — спросил Баррент.

— Крепко зажмурился и дал им волю,— объяснил Фоэрен.— И обнаружил, что они копаются в замке камеры.— Он поднял свои ручищи и с восхищением посмотрел на них.— Умелые, дьяволята!

— Копаются в замке? — переспросил Баррент.— Мне послышалось, что вы фальшивомонетчик.

— Ну, это мое основное занятие. Такие кудесники могут сделать почти все. Подозреваю, что меня только *поймали* на изготовлении фальшивых денег; возможно, я также и взломщик. Моим рукам слишком много всего известно.

— Вы узнали о себе больше, чем это удалось мне,— сказал Баррент.— Я как во сне.

— Это ведь только начало,— утешил Фоэрен.— Все еще станет ясно. Главное — мы на Омеге.

— Согласен,— кисло произнес Баррент.

— Вы слышали, что сказал тот человек? Это наша планета!

— Со средней продолжительностью жизни три года,— напомнил ему Баррент.

— Возможно, пустая болтовня,— отмахнулся Фоэрен.— Я не верю охранникам. Земля!.. Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент. Мы свободны!

— Абсолютно верно, друзья,— вмешался другой человек, маленького роста, со скрытным взглядом.— Меня зовут Джо,— сообщил он.— На самом деле мое имя Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с ароматом старого доброго времени. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор и полностью согласен с нашим рыжеволосым другом. Какие возможности! Нас отвергла Земля? Превосходно! Обойдемся без нее. Мы все равны здесь, свободные люди свободного общества. Нет униформ, нет охранников, нет солдат. Только раскаявшиеся бывшие преступники, желающие жить в мире.

— За что вас? — спросил Баррент.

— Сказали, что я кредитный вор,— ответил Джо.— Стыдно признаться, но я не помню, что такое кредитный вор. Хочу надеяться, что вспомню.

— Может быть, у властей есть какая-нибудь система восстановления памяти,— предположил Фоэрен.

— У властей?! — негодующе повторил Джо.— Это *наша* планета. Мы все равны здесь. Нам же сказали: никаких властей. Нет, друзья, эту чепуху мы оставили на Земле. Сейчас...

Он вдруг смолк. Открылась дверь, и в барак вошел толстый человек, очевидно, старый житель Омеги, потому что вместо серой формы заключенных на нем была яркая, желтая с синим, одежда. На поясе, охватывающем объемистый живот, у него висели пистолет в кобуре и нож. Став на пороге, он упер руки в боки и стал разглядывать новичков.

— Ну? — проговорил он.— Вы что, квестора не узнаете? Встать!

Никто не пошевелился.

Лицо квестора побагровело.

— Придется поучить вас уважительности.

Он еще не успел вытащить оружие, а все уже были на ногах. Квестор посмотрел на них и с явным сожалением сунул пистолет в кобуру.

— Первое, что вам следует уяснить,— сказал квестор,— это ваш статус на Омеге. У вас *нет* статуса. Вы — пеоны, а это значит, что вы *ничто*.

Он подождал немного и заявил:

— Теперь внимание, пеоны. Объясняю ваши обязанности.

Глава 3

— Итак, вы нижайшие из низших. Без статуса. Нет никого презреннее вас, кроме мутантов, а они вообще не люди. Вопросы есть?

Квестор ждал. Вопросов не было.

— Я определил, кто вы такие. Теперь перейдем к остальным жителям Омеги. Во-первых, *все* более важны, чем вы; но некоторые более важны, чем остальные. Следующим за вами по рангу идет житель, немногим отличающийся от вас, а затем — свободный гражданин. Он носит на пальце серое кольцо статуса, а его одежда — черная. Если повезет, некоторые из вас смогут стать свободными гражданами. Далее следуют привилегированные классы, различающиеся по символам, соответствующим рангу: например, у хаджи — золотая серьга. Со временем вы узнаете прерогативы всех степеней и рангов. Нужно упомянуть священнослужителей. Не относясь к привилегированным классам, они обладают определенными льготами и правами. Я понятно говорю?

Все утвердительно забормотали. Квестор продолжал:

— Переходим к вопросам поведения. Пеоны обязаны называть свободного гражданина его полным титулом, обращаясь к нему со всем уважением. С привилегированными классами, например хаджи, разговаривать разрешается, только когда с вами заговорят, стоять надо смирно, глядя под ноги, а руки держать сцепленными впереди

себя. От привилегированного гражданина нельзя отходить без разрешения. Ни в коем случае не позволяется сидеть в его присутствии. Ясно? Вам предстоит еще многое узнать. Мой ранг квестора приравнивается к свободному гражданину, но обладает некоторыми прерогативами привилегированных.

Квестор оглядел слушателей, желая убедиться, что до них дошел смысл сказанного.

— Эти бараки — ваш временный дом. Я составил график, кому подметать, кому мыть полы и так далее. Задавать вопросы мне можно в любое время, но глупые или дерзкие будут наказываться побоями или смертью. Помните, что вы самые низкие из низших, тогда останетесь в живых.

На несколько секунд квестор замолчал. Затем объявил:

— Через два-три дня вас распределят на работу. Некоторые пойдут в германиевые шахты, некоторые на рыболовный флот, в разные отрасли торговли. А пока можете осмотреть Тетрахид.

Заметив непонимающие взгляды, квестор пояснил:

— Тетрахид — название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге.— Он смолк, потом добавил: — И единственный.

— Что значит название Тетрахид? — спросил Джо.

— Откуда я знаю! — нахмурился квестор.— Возможно, это одно из тех старых земных названий, которые вытаскивают скреннеры. Во всяком случае, будьте поаккуратнее, входя в него.

— Почему? — спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Баррент подошел к окну. Из него открывался вид на пустынную площадь и улицы Тетрахида.

— Собираетесь туда? — спросил Джо.

— Пожалуй. Пойдете со мной?

Маленький кредитный вор покачал головой.

— Думаю, это небезопасно.

— Фоэрен, а вы?

— Мне тоже что-то не хочется,— сказал Фоэрен.— Полагаю, пока лучше оставаться в бараке.

— Странно,— произнес Баррент.— Это же *наш* город. Идет кто-нибудь со мной?

Фоэрен пожал плечами, Джо махнул рукой и лег на койку. Остальные даже не взглянули в его сторону.

— Хорошо,— сказал Баррент.— Потом я вам все расскажу.

С минуту он подождал, надеясь, что кто-нибудь изменит решение, и вышел.

Город Тетрахид представлял собой цепочку зданий, вытянутую вдоль узкого полуострова. Со стороны суши полуостров огораживала высокая каменная стена с воротами, охраняемыми часовыми. Самым крупным зданием была Арена, раз в год используемая для Игр. Возле Арены сосредоточивались государственные учреждения.

Баррент шел по узким улочкам, осматриваясь по сторонам, стараясь понять, на что похож его новый дом. Извилистые немощеные улицы и темные обветшалые дома вызывали в памяти смутные картины. Где-то на Земле существовало подобное место, но он совершенно забыл его. Желание вспомнить было мучительно, как зуд, но восстановить картину ему так и не удалось.

Пройдя Арену, Баррент вышел на главный деловой проспект Тетрахида, удивленно читая вывески: «Доктор без лицензии — аборты без промедления!», «Дисквалифицированный адвокат — политический пул!»

Что-то в этих надписях было не то. Он шел дальше, мимо магазинов, рекламирующих краденые товары, мимо заведения с вывеской: «Чтение мозгов! Штат из скреннирующих мутантов. Ваше прошлое на Земле будет открыто!»

Баррент хотел зайти, но вспомнил, что у него нет ни гроша, а на Омеге, похоже, деньги ценятся высоко.

Он свернул в переулок, миновал несколько ресторанов и подошел к большому зданию Института ядов («Льгот-

ные условия. Рассрочка до трех лет. Результат гарантирован, в противном случае деньги возвращаются»). Вывеска над следующей дверью гласила: «Гильдия убийц».

После вводной беседы на корабле Баррент решил, что на Омеге делается все для исправления преступников. Но этому явно не соответствовали вывески и объявления, или же это был какой-то очень странный метод исправления. Он двинулся дальше, медленно, в глубоком раздумье.

Потом он заметил, что люди уходят с его пути, прячутся в магазинах и подъездах. Старая женщина, взглянув на него, убежала.

Что происходит? Может быть, их пугает форма заключенного? Нет, жители Омеги не впервые видят такую. Тогда в чем дело?

Улица опустела. Рядом с ним хозяин магазина торопливо опускал железную штору над витриной краденых товаров.

— Что случилось? — спросил его Баррент.

— Ты спятил?! — воскликнул хозяин.— Сегодня же День посадки!

— Простите?

— День посадки! — повторил тот.— День приземления корабля с заключенными. Убирайся в свой барак, идиот!

Он спустил штору, и послышался щелчок запираемого замка. Баррент внезапно почувствовал страх. Что-то тут неладно. Нужно немедленно возвращаться. Глупо было идти в город, не зная обычаев.

К нему приближались трое мужчин, хорошо одетые, каждый с золотой серьгой хаджи в левом ухе. Все трое были вооружены.

Баррент повернулся и пошел обратно. Один из тройки крикнул:

— Остановись, пеон!

Баррент увидел, что рука мужчины потянулась за оружием, и остановился.

— В чем дело? — спросил он.

— Сегодня День посадки,— ответил мужчина и посмотрел на своих друзей.— Ну, кто первый?

— Бросим жребий.

— Вот монета.

— Нет, лучше на пальцах.

— Приготовились? Раз, два, три!

— Он мой,— сказал хаджи, стоявший слева. Его приятели отодвинулись, а он вытащил оружие.

— Подождите! — взмолился Баррент.— Что вы делаете?

— Собираюсь застрелить тебя,— сообщил мужчина.

— Почему?!

Мужчина улыбнулся.

— Потому что это привилегия хаджи. В День посадки мы имеем право убить любого пеона, покинувшего свой барак.

— Но меня не предупредили!

— Естественно,— согласился мужчина.— Если новичков предупреждать, то они не будут выходить из бараков в День посадки. А это испортит всю забаву.

Он прицелился.

Баррент среагировал молниеносно. Бросился на землю, услышал шипение и увидел, как от здания, под которым он лежал, отвалился оплавленный кусок.

— Теперь моя очередь,— сказал другой мужчина.

— Прости, приятель, но очередь моя.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Стреляю я.

Однако Баррент был уже на ногах и бежал. Преследователи не торопились, словно были совершенно уверены в успехе. Баррент свернул в боковую улицу и понял, что сделал ошибку. Улица заканчивалась тупиком. Сзади не спеша подходили хаджи.

Баррент затравленно озирался по сторонам. Все двери были заперты, все витрины зашторены. Некуда юркнуть, негде спрятаться.

И тут он увидел открытую дверь, которую, не заметив, пробежал. Вывеска гласила: «Общество по защите жертв». «Как раз для меня»,— подумал Баррент.

Он рванулся назад, проскользнув перед самым носом ошеломленных хаджи. Выстрелом опалило землю под

ногами, но он уже ввалился в дверь. Преследователи не пошли за ним. Их голоса слышались снаружи — обсуждался вопрос первенства. Баррент понял, что попал в какое-то убежище.

Он находился в просторном, ярко освещенном помещении. На скамье у двери несколько оборванцев смеялись над какой-то шуткой. Сидевшая невдалеке от них темноволосая девушка рассматривала Баррента большими немигающими зелеными глазами. Мужчина за столом в дальнем конце комнаты кивнул ему.

Баррент подошел к столу. Низенький человек в очках ободряюще улыбнулся.

— Это Общество по защите жертв? — спросил Баррент.

— Совершенно верно, сэр,— сказал мужчина.— Я Рондольф Френдлер, президент этой бескорыстной организации. Могу быть вам полезен?

— Воистину да,— ответил Баррент.— Видите ли, я — жертва.

— Я это сразу понял,— сообщил Френдлер, тепло улыбаясь.— Вас выдает взгляд, присущий жертвам: смесь страха и неуверенности с налетом беззащитности.

— Очень интересно,— сказал Баррент, оглядываясь на дверь и пытаясь сообразить, надолго ли его убежище сохранит свою неприкосновенность.— Мистер Френдлер, я не член вашей организации.

— Не имеет значения,— заверил Френдлер.— Членство в нашем обществе — вещь, спонтанная по определению. К нам присоединяются, когда возникает необходимость. Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

— Очень хорошо, сэр. Там снаружи трое хотят убить меня.

— Понимаю,— произнес мистер Френдлер. Он открыл ящик стола и вынул толстую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу.— Скажите, вы определили статус этих людей?

— По-моему, они хаджи. У каждого золотая серьга в левом ухе.

— Точно,— подтвердил мистер Френдлер.— А сегодня День посадки. Вы с только что приземлившегося корабля и относитесь к пеонам, не так ли?

— Так,— ответил Баррент.

— В таком случае я счастлив сообщить, что все в порядке. Охота Дня посадки заканчивается с заходом солнца. Вы можете спокойно уйти отсюда, зная, что ваши права никоим образом не нарушены.

— Уйти? После захода солнца, вы имеете в виду?

Мистер Френдлер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. По закону вы должны уйти немедленно.

— Но они убьют меня!

— Верно,— согласился Френдлер.— К сожалению, ничего нельзя сделать. Таков смысл слова «жертва».

— Я думал, у вас защищают...

— Так и есть. Но мы защищаем права, а не самих жертв. Ваши права не нарушены. У хаджи есть привилегия охотиться на пеонов в День посадки в любое время до заката. Однако необходимо добавить: вы в свою очередь имеете право убить любого, кто покушается на вас.

— У меня нет оружия,— сказал Баррент.

— У жертв никогда нет оружия,— заверил Френдлер.— В том-то и разница. Понимаете? Но с оружием или без, боюсь, вы должны немедленно уйти.

Баррент все еще слышал ленивые голоса хаджи на улице. Он спросил:

— У вас есть другой выход?

— К сожалению, нет.

— Тогда я просто не уйду.

Продолжая улыбаться, мистер Френдлер выдвинул ящик стола и достал пистолет.

— Вы *должны* уйти. Либо выходите к хаджи, либо вы лишаетесь последнего шанса и умрете здесь,— сказал он, прицеливаясь.

— Одолжите мне ваше оружие,— попросил Баррент.

— Не позволено,— объяснил Френдлер.— Нельзя же допустить, чтобы жертвы бегали вооруженные, сами понимаете.— Он щелкнул предохранителем.— Ну, уходите?

Баррент прикинул возможность броска через стол за пистолетом и понял, что ничего не получится. Он повернулся и медленно пошел к двери. Мужчины все еще смеялись. Темноволосая девушка поднялась со скамейки и встала у входа. Подойдя ближе, Баррент заметил, что она очень хороша собой. Интересно, какое преступление привело ее на Омегу, подивился он.

Проходя мимо девушки, Баррент почувствовал, как в его руку скользнул маленький, грозного вида пистолет.

— Удачи,— произнесла девушка.— Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться?

Баррент благодарно кивнул, хотя этой надежды вовсе не разделял.

Глава 4

Улица была пуста, если не считать спокойно переговаривающихся хаджи. Когда Баррент вышел, двое отодвинулись, а третий шагнул вперед. Увидев, что Баррент вооружен, он быстро прицелился.

Баррент кинулся на землю и нажал на курок своего оружия. Он почувствовал, как оно дрогнуло в руке, и увидел, что голова и плечи хаджи потемнели и начали распадаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, пистолет вывернуло из руки дикой силой — выстрел умирающего хаджи задел ствол.

Баррент в отчаянии рванулся к оружию, понимая, что вовремя не успеет, тело напряглось в ожидании смертельного удара... Он докатился до пистолета, удивительным образом живой, прицелился в ближайшего хаджи.

И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи вкладывали оружие в кобуры. Один из них сказал:

— Бедный старый Дрэйкен. Он так и не научился быстро целиться.

— Мало было практики,— заметил второй.— Дрэйкен не очень-то тренировался.

— Вот наглядный урок. Нельзя терять форму.

— И не следует недооценивать противника, даже пеона.— Он посмотрел на Баррента.— Отличный выстрел, приятель.

— Действительно, превосходный выстрел,— подтвердил другой мужчина.— Из пистолета чрезвычайно трудно точно стрелять в падении.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, сжав в руке оружие, готовый к действию при первом подозрительном движении хаджи. Но они вели себя очень спокойно, явно считая инцидент исчерпанным.

— Что теперь? — спросил Баррент.

— Ничего,— ответил один из хаджи.— В День посадки каждому человеку или охотничьей партии позволено только одно убийство. После это вы вне Охоты.

— Неинтересный праздник,— пожаловался его товарищ.— Не сравнить с Играми или Лотереей.

— Вам остается только пойти в Регистрационную контору,— перебил первый,— и получить наследство.

— Что?

— Ваше наследство,— терпеливо повторил хаджи.— Вы наследуете все состояние вашей жертвы. Но от Дрэйкена, должен вам сообщить, много не получите.

— Он никогда не был хорошим бизнесменом,— печально произнес другой.— И все же для начала неплохо. А так как вы совершили узаконенное убийство, хотя и в высшей степени необычное,— то поднимитесь в положении. Вы стали свободным гражданином.

На улице появились люди, лавочники открывали шторы. Подъехал грузовик с надписью: «Удаление тел. Группа 5», и четверо мужчин в униформе забрали тело Дрэйкена. Тетрахид возвращался к обычной жизни. Это больше, чем заверения хаджи, убедило Баррента, что все позади. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора там,— сказал один из хаджи.— Мы выступим вашими свидетелями.

Баррент еще не полностью понимал, что происходит. Но раз все идет хорошо, он решил не задавать вопросов. Успеет разобраться потом.

В сопровождении хаджи он пришел в Регистрационную контору на Оружейной площади. Здесь клерк со скучной миной выслушал показания, достал деловые бумаги Дрэйкена и вместо его имени вписал имя Баррента. В документах уже было несколько подобных изменений — видимо, круговорот бизнеса в Тетрахиде совершается быстро.

Так Баррент оказался владельцем магазина противоядий на бульваре Наглой Лжи. Бумаги официально возводили его в ранг свободного гражданина. Клерк вручил кольцо статуса, сделанное из оружейной стали, и посоветовал как можно скорее сменить одежду во избежание неприятных недоразумений. Хаджи пожелали ему удачи и всяческих успехов.

Баррент решил осмотреть свое новое жилище и магазин. На фасаде дома красовалась вывеска: «Средства от всех ядов. Приобретайте набор "Сделай сам, если хочешь выжить". Двадцать три противоядия в карманной коробке!»

Баррент открыл дверь и вошел. За низкой стойкой до потолка тянулись полки, заставленные бутылками, склянками, картонками и квадратными стеклянными банками с листьями, веточками, грибами. Рядом стоял маленький шкаф с книгами. Баррент прочел несколько названий: «Быстрое диагностирование при остром отравлении», «Семейство мышьяка», «Производные белены».

Было очевидно, что отравление играет значительную роль в обыденной жизни Омеги, раз существуют магазины,— а наверное, есть и другие,— которые готовят и распространяют противоядия. Баррент подумал и решил, что получил необычное, но почетное дело. Он изучит все книги и узнает, как его следует вести.

К магазину примыкали гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо сшитый чер-

ный костюм гражданина и переоделся, не забыв переложить в карман пистолет. Покинув магазин, он направился в Общество по защите жертв.

Дверь все еще была открыта, а трое оборванцев все так же сидели на скамье. Теперь они не смеялись. Долгое ожидание, казалось, утомило их. За столом просматривал бумаги мистер Френдлер. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Френдлер встал.

— Примите мои поздравления! Дорогой друг, искренние, наитеплейшие поздравления! Великолепный выстрел! Притом в падении!

— Благодарю вас,— произнес Баррент.— Я пришел сюда, чтобы...

— Знаю, знаю,— сказал Френдлер.— Вы желаете осведомиться о правах свободного гражданина. Естественное желание. Садитесь на скамью, и я буду к вашим услугам через...

— Я пришел не за этим,— перебил Баррент.— Конечно, я не прочь узнать свои права и обязанности. Но сперва я хотел бы найти ту девушку.

— Девушку?

— Она сидела на скамье, когда я вошел. И дала мне пистолет.

Мистер Френдлер удивленно воззрился на него.

— Гражданин, вы ошибаетесь. Сегодня в конторе вообще не было женщин.

— Она сидела на скамье рядом с этими тремя мужчинами. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы не могли не заметить ее.

— Я определенно заметил бы ее, если бы она здесь была,— сказал Френдлер, часто мигая.— Но, как я уже говорил, в этом помещении не было и духу женщины.

Баррент посмотрел на него и вытащил из кармана пистолет.

— В таком случае откуда эта штука?

— Я его вам одолжил,— ответил Френдлер.— Рад, что вы успешно сумели им воспользоваться, но теперь попрошу вернуть.

— Вы лжете,— процедил Баррент, сжав оружие.— Спросим у этих людей. Куда ушла девушка?

Мужчина поднял угрюмое небритое лицо и сказал:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, что сидела вот тут.

— Здесь никого не было. Рафаэль, ты видел женщину на скамейке?

— Только не я,— ответил Рафаэль.— А я сижу здесь с десяти утра.

— И я не видел,— вставил третий.— А у меня отличное зрение.

Баррент повернулся к Френдлеру.

— Почему вы лжете мне?

— Я сказал истинную правду. Пистолет вам одолжил я, потому что это моя привилегия как президента Общества по охране жертв. А теперь попрошу его обратно.

— Нет,— отрезал Баррент.— Пистолет будет у меня, пока я не найду девушку.

— Это не очень разумно,— произнес Френдлер и поспешно добавил: — Я имею в виду, что в данных обстоятельствах кража не прощается.

— Рискну,— бросил Баррент и покинул Общество по защите жертв.

Глава 5

Барренту требовалось время, чтобы оправиться от бурного вступления в омегианскую жизнь. Начав с бесправного положения новоприбывшего, посредством убийства он стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его зашвырнули в шаткое настоящее мира преступников, дав смутное представление о сложной иерархической структуре и узаконенной программе убийств. Он обнаружил в себе определенную уверенность и неожиданное проворство в обращении с оружием. Баррент понимал, что надо еще очень много узнать о себе, Омеге и Земле, и надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть сделать это.

Но сперва главное. Нужно зарабатывать на жизнь. Необходимо стать специалистом по ядам и противоядиям.

Он прошел в подсобку и стал просматривать книги, оставленные хаджи Дрэйкеном.

Литература о ядах оказалась увлекательным чтением. В книгах описывались растительные яды, известные на Земле, такие, как вонючий морозник, черемица, паслен и тисовое дерево. Болиголов и вызываемые им предсмертные судороги. Синильная кислота миндаля и дигиталин пурпурной наперстянки. Ужасающе эффективная волчья отрава со смертельной дозой аконита и экстракты таких грибов, как бледная поганка и мухомор, не говоря уже о чисто омегианских ядах типа красноголовника или цветущей лилии морталис.

Но знать растительные яды, хотя и бесчисленные в своих вариациях, было мало. Оставались еще ядовитые животные — птицы, пауки, змеи, скорпионы и гигантские осы. Множество минеральных ядов вроде мышьяка, ртути, висмута. Едкие нитраты, гидрохлориды, кислоты. Кроме того, существовали яды, выделенные из разных источников и очищенные от примесей,— стрихнин, муравьиная кислота, гиоциамин, белладонна.

Для каждого из этих веществ существовали свои противоядия; но Баррент подозревал, что сложные, тщательно сформулированные рецепты далеко не всегда были эффективными. Действие противоядия зависело и от правильного диагноза: симптомы, вызываемые разными ядами, слишком часто совпадали...

Баррент изучал книги, размышлял... И с некоторой нервозностью обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие его опасения беспочвенны. Вместо десятков смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей прибегали к мышьяку и стрихнину — недорогим, проверенным и очень болезненным. У синильной кислоты легкоразличимый запах, ртуть трудно ввести в организм, а едкие вещества, хотя и удовлетворительно эффективные, весьма опасны в обращении. Волчья отрава и мухомор, ко-

нечно, превосходны; нельзя сбрасывать со счетов белладонну, да и бледная поганка и вонючий морозник не лишены особого, мрачного очарования. Но то были яды старого, праздного времени. Нетерпеливое молодое поколение — и особенно женщины (они составляли на Омеге девять десятых отравителей) — довольствовалось простыми средствами.

Омегианские женщины были консервативны. Их не трогала утонченная изысканность отравительского искусства. Средства вообще не интересовали их, только цели — как можно быстрее и дешевле. Женщины Омеги отличались рациональностью. И хотя страстные теоретики в Институте ядов пытались продавать фантастические микстуры контактных ядов типа трехдневной плесени и неустанно трудились над составлением сложнейших композиций, те с трудом находили сбыт. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться столпами торговли, что существенно облегчало работу Баррента.

Осложнения возникали с мужчинами, которые отказывались верить, что они отравлены подобными банальными ядами. В таких случаях Баррент прописывал массу различных корешков, трав, листьев и крошечную гомеопатическую дозу яда, неизменно совмещая это с нейтрализующими и рвотными агентами.

Вскоре Баррента навестили Дэнис Фоэрен и Джо. Фоэрен получил временную работу в доках по разгрузке рыбачьих судов, а Джо организовал ночную игру в покер среди государственных служащих Тетрахида. Ни тот, ни другой не поднялись заметно в статусе; без убийств на своем счету они были лишь жителями второго класса и нервничали при встрече со свободным гражданином, но Баррент вел себя на равных. Это были его единственные друзья на Омеге, и он не собирался терять их из-за неравенства в социальном положении.

Правила и обычаи Тетрахида оставались загадкой за семью печатями. Даже Джо не мог узнать что-нибудь определенное от своих друзей на государственной службе.

На Омеге закон хранился в тайне. Опытные использовали его знание против вновь прибывших. При помощи неравенства и культивируемого невежества власть и привилегии оставались в руках старейших жителей. Конечно, движение наверх не остановить, но его можно замедлить и сделать чрезвычайно опасным. Чтобы ознакомиться с обычаями и законами Омеги, новичкам оставался единственный, но рискованный способ — проб и ошибок.

Хотя магазин требовал много времени, Баррент настойчиво искал девушку, которая ему помогла. Пока у него не было даже доказательств, что она существовала.

Он познакомился с владельцами соседних магазинов. Веселый усатый молодой человек по имени Деймонд Гаррисбург распоряжался в продовольственном. Весьма обыденная и мирная профессия, но, как говорил Гаррисбург, даже преступники должны есть. Следовательно, необходимы фермеры, перевозчики, упаковщики и магазины. Гаррисбург утверждал, что его бизнес ничем не уступает присущей Омеге индустрии смерти. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был Министром публичных работ. Через него Гаррисбург рассчитывал получить сертификат на убийство. С этим важным документом он мог совершить свое обязательное преступление и подняться до статуса привилегированного гражданина.

Баррент поддакивал и кивал, но сомневался, не отравит ли сперва Гаррисбурга его жена, худая бойкая женщина. Похоже, она недолюбливала мужа, а развод на Омеге был запрещен.

Другой сосед, Тем Ренд, был долговязым бодрым мужчиной около сорока. От левого глаза почти до уголка рта тянулся шрам — подарок от желающего подняться в положении. Желающий не на того напал. По свидетельству очевидцев, совершенное им ответное убийство было достойно всяческого подражания. Тем Ренд владел магазином оружия, постоянно практиковался и всегда носил при себе образчики своих товаров. Тем мечтал стать членом Гильдии убийц. Он уже подал заявление и имел шансы быть принятым в эту старейшую и суровую организацию через несколько месяцев.

У него Баррент купил оружие. По совету Ренда он выбрал иглолучевик Джамисона-Тира — быстродействующий и аккуратный, развивающий мощность пули крупного калибра. Конечно, у него не было такого рассеяния, как у теплового оружия хаджи, способного поражать в шести дюймах от цели. Но тепловики широкого радиуса действия поощряли неточность. Это было небрежное, беспорядочное оружие, приучавшее своих владельцев к беспечности. Из него мог стрелять любой, а чтобы эффективно использовать иглолучевик, необходима постоянная практика. И практика себя оправдывала: опытный стрелок из иглолучевика стоил двух с широкотепловым оружием.

Баррент внял совету, идущему от будущего убийцы и владельца оружейного магазина. Долгие часы он проводил в тире Ренда, оттачивая быстроту реакции и привыкая к автоматической кобуре.

Надо было многое знать и еще больше делать только для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелой работы, пока она имела серьезную цель. Он надеялся, что некоторое время все будет спокойно и передышка позволит догнать в знаниях старожилов.

Но на Омеге нет ничего стабильного.

Однажды днем Баррент принял необычно выглядевшего посетителя: лет пятидесяти, плотного, со строгим лицом. Гость был одет в красную рясу до колен и сандалии. С пояса свисали маленькая черная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От человека веяло силой и властью. Баррент был не в состоянии определить его статус.

— Я собирался закрывать, сэр. Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел не за покупками,— перебил посетитель. Он позволил себе легкую улыбку.— Я пришел продать.

— Продать?

— Я священник,— сказал человек.— Вы новичок в моем приходе. Я не видел вас на службах.

— Я ничего не знал о...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому закону неведение не служит оправданием. Напротив, неведение мо-

жет быть наказано как акт намеренного пренебрежения, параграф 28 Закона о Всеобщей Персональной Ответственности, не говоря уже о его Малом Дополнении.— Он снова улыбнулся.— Тем не менее вопрос о дисциплинарном взыскании пока не стоит.

— Рад слышать, сэр,— сказал Баррент.

— Зовите меня Дядей,— сказал священник.— Я Дядя Ингмар, и я пришел, чтобы рассказать об ортодоксальной религии Омеги — поклонении вездесущему духу Зла, иже есть наша опора и упование.

— Буду счастлив узнать о религии Зла, Дядя,— произнес Баррент.— Разрешите пригласить вас в гостиную?

— Конечно, Племянник,— ответил священнослужитель и последовал за Баррентом.

Глава 6

— Зло,— сказал Дядя Ингмар после того, как удобно устроился в лучшем кресле,— это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие силы и выносливости. Культ Зла является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый ухватиться за любую возможность продвижения; человек, принимающий смерть с достоинством и убивающий без унизительного чувства жалости. Зло есть действительное отражение безразличной и бесчувственной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя проявляется в различных формах многообразной жизни.

— Не угодно ли немного вина, Дядя? — предложил Баррент.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Как бизнес?

— Прекрасно. Правда, на этой неделе, пожалуй, вяло.

— Люди уже не проявляют прежнего интереса к отравлению,— заметил священник, задумчиво потягивая вино.— То ли дело, когда я был мальчишкой, только что высланным с Земли... Однако я отвлекся.

— Слушаю вас, Дядя.

— Мы поклоняемся Злу,— сказал Дядя Ингмар,— как воплощению Великого Черного, страшного, увенчанного рогами надсмотрщика наших дней и ночей. В Великом Черном мы находим семь смертных грехов, сорок преступлений и сто один порок. Нет такого преступления, которого бы не совершил Великий Черный,— совершил безупречно, как подобает его натуре. Мы, несовершенные существа, стремимся вести себя по его образу и подобию. И иногда Великий Черный вознаграждает нас, являясь в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того.

Священник ненадолго погрузился в воспоминания о явлении божества. Затем он сказал:

— Так как мы признаем в Государстве высшее проявление способности человека ко Злу, мы также поклоняемся Государству как сверхчеловеческому, хотя и не божественному, созданию.

Баррент кивнул. Он все время боролся со сном. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, повествующий о таком распространенном понятии, как Зло, оказывал усыпляющее действие.

— Можно спросить,— бубнил Дядя Ингмар,— если Зло является величайшим достижением человеческой натуры, зачем тогда Великий Черный позволяет существовать Добру? Проблема Добра веками волновала непросвещенных. Сейчас я отвечу.

— Да, Дядя? — произнес Баррент, тайком ущипнув себя за ляжку, чтобы отогнать сон.

— Но сперва,— продолжил священник,— давайте дадим определение понятий. Давайте исследуем природу Добра. Давайте смело и безбоязненно изучим нашего противника и раскроем его истинные черты.

— Да,— кивнул Баррент. Его веки налились свинцом. Он потер глаза и попытался слушать.

— Добро есть состояние иллюзии,— ровным голосом внушал Дядя Ингмар,— которое приписывает человеку

несвойственные ему черты добродетели, смирения и благочестия. Как мы докажем иллюзорную природу Добра? Очень просто: во Вселенной существуют только человек и Великий Черный, и поклоняться Великому Черному — значит поклоняться высшему самовыражению. Таким образом, показав, что Добро есть иллюзия, необходимо признать его свойства несуществующими. Понимаете?

Баррент не ответил.

— Вы понимаете? — повторил священник резко.

— А? — произнес Баррент, дремавший с открытыми глазами. Он заставил себя очнуться и проговорил: — Да, Дядя, я понимаю.

— Превосходно. Теперь спрашиваем: почему Великий Черный позволяет даже иллюзии Добра существовать во Вселенной Зла? И находим ответ в Законе Необходимых Противоположностей, ибо Зло нельзя определить как таковое без обязательного контраста. Лучший контраст — противоположность. А противоположность Зла есть Добро.— Священник торжествующе улыбнулся.— Все просто и ясно, не правда ли?

— Конечно, Дядя,— согласился Баррент.— Не хотите ли еще немного вина?

— Ах, буквально капельку,— сказал священник.

Еще десять минут он рассказывал Барренту о естественном и чарующем Зле, свойственном зверям и птицам лесным, и советовал следовать в поведении примеру этих бесхитростных созданий. Наконец он кончил и поднялся.

— Очень рад приятной беседе,— сказал священник, тепло пожимая руку Баррента.— Могу я рассчитывать на ваше присутствие на ночных службах по понедельникам?

— Службах?

— Конечно. Каждый понедельник, ровно в полночь, мы служим Черную Мессу в Малом Шабаше на Церковно-лесном проезде. После этого Девы готовят закуску, мы танцуем и устраиваем хоровое пение. Это очень весело.— Он широко улыбнулся.— Поклонение Злу может быть приятным.

— Да, естественно,— подтвердил Баррент.— Я приду.

Он проводил священника до двери и затем надолго задумался над тем, что сообщил ему Дядя Ингмар. Без сомнения, присутствие на службах необходимо. Практически обязательно. Он только надеялся, что Черная Месса не будет так адски скучна, как ингмаровское разъяснение Зла.

Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят — он получил партию гомеопатических трав от своего агента из района Кровавая Яма. Надо было рассортировать и классифицировать их, а затем разложить по ящикам.

В понедельник по пути в магазин после ленча Баррент показалось, что он увидел ту девушку. Он бросился за ней, но потерял в толпе.

Придя к себе, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение из Магазина снов. Текст гласил:

«Дорогой гражданин, мы счастливы приветствовать вас в нашем районе и предложить услуги, как мы надеемся, лучшего Магазина снов на Омеге. Продаем сны на любой вкус — и по неслыханно низкой цене. Мы специализируемся на снах-воспоминаниях о Земле.

Уверены, что как свободный гражданин вы непременно захотите воспользоваться нашими услугами. Надеемся, это произойдет в течение недели.

Владельцы».

Баррент отложил письмо. Он не имел ни малейшего понятия, что представляет из себя Магазин снов. Предстоит это узнать. Хотя приглашение было составлено очень вежливо, в нем чувствовалась повелительность. Очевидно, посещение Магазина снов являлось одной из обязанностей свободного гражданина.

Конечно, обязанность может оказаться и удовольствием. Настоящее восстановление памяти о Земле стоило бы любых денег.

Но с этим можно пока подождать. Сегодня — Черная Месса, и его присутствие там определенно требуется.

Баррент покинул магазин в одиннадцать вечера, собираясь немного погулять по Тетрахиду перед службой, начинающейся в полночь.

Он вышел на прогулку вполне довольный собой. И — такова уж была противоречивая и непредсказуемая природа Омеги — едва не погиб по пути в Малый Шабаш на Церковно-лесном проезде.

Глава 7

Стояла жаркая, душная ночь. На улице — ни малейшего дуновения. С Баррента градом катил пот, хоть он и был одет только в шорты, черную рубаху и сандалии.

Мимо промчалась группа людей.

В этом поспешном бегстве при жаре, когда и идти-то было трудно, чувствовалась паника. Баррент попытался узнать, в чем дело, но никто не останавливался. Только один старик крикнул через плечо:

— Убирайся с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик что-то неразборчиво прорычал и скрылся.

Баррент нервно сжал рукоять иглолучевика. Что-то происходило, но что? Теперь ближайшее убежище — Шабаш, до которого оставалось около полумили. Пожалуй, лучше продолжить путь, держась наготове, чтобы отразить любое нападение.

Через несколько минут Баррент оказался один в зашторенном городе. Он шел посреди улицы, вынув иглолучевик из кобуры. Возможно, наступает какой-нибудь праздник типа Дня Посадки. Все возможно на Омеге...

Он считал себя готовым к любой неожиданности. Но опасность пришла совсем с другой стороны и застигла его врасплох.

Легкий ветерок всколыхнул стоячий воздух. Ветерок исчез и вернулся уже окрепшим, заметно охлаждая раскаленные улицы. Он гнал перед собою мусор, подметая переулки Тетрахида, и Баррент почувствовал, как высыхают его грудь и спина.

Несколько минут климат Тетрахида был необычайно приятным.

Холодный воздух подул с вершин гор, и температура упала градусов на десять.

Странно, подумал Баррент, лучше поскорее добраться до Шабаша.

Он прибавил шагу, а температура все снижалась. На улицах появились первые сверкающие призраки мороза.

Холоднее стать не может, решил Баррент.

Он оказался неправ. Студеный зимний ветер завыл в переулках, повалил снег. Продрогший до костей Баррент бежал по пустым улицам, а рассвирепевший ветер догонял и подстегивал его. Дороги коварно блестели. Он поскользнулся и упал, а поднявшись, пошел медленнее.

Сквозь неплотно закрытое окно Баррент увидел свет и заколотил по ставням, но изнутри не раздалось ни звука. Он осознал, что жители Тетрахида никогда не помогают друг другу: чем больше людей умрет, тем больше шансов выжить у оставшихся. И Баррент продолжал бежать, чувствуя, как ноги превращаются в два чурбана.

Ветер взревел, и градины величиной с кулак забарабанили по земле. У Баррента уже не хватало сил для бега. Теперь он мог лишь идти в замерзшем белом мире и надеяться, что успеет добраться до Малого Шабаша.

Он шел часы и годы. Однажды он миновал покрытые инеем тела двух мужчин, привалившихся к стене. Эти остановились.

Баррент снова заставил себя бежать. В боку кололо как ножом, а по рукам и ногам поднимался холод. Скоро стужа достигнет груди, и наступит конец.

Целый шквал града обрушился на него.

Придя в себя, Баррент обнаружил, что лежит на ледяной земле и безжалостный ветер выдувает из его тела последние крохи тепла.

В конце улицы виднелись красные огни Шабаша. Он пополз к ним на четвереньках, отталкиваясь руками, двигаясь механически, уже ни на что не надеясь. Он полз и полз, а мерцающий огонек все так же светил вдалеке.

Но Баррент продолжал ползти и наконец достиг двери. Он поднялся на ноги и повернул ручку.

Дверь была заперта.

Он бешено заколотил кулаками, и панель откатилась. На него смотрел человек; затем панель снова закрылась. И больше не открывалась. Чего они ждут там внутри? Что случилось? Баррент попытался вновь стучать, но оступился и упал на землю. Перевернувшись, он бросил последний отчаянный взгляд на запертую дверь. И потерял сознание.

Баррент очнулся на койке. Двое мужчин растирали ему руки и ноги, под собой он чувствовал восхитительное тепло грелок. Внимательно всматриваясь, над ним нависло широкое темное лицо Дяди Ингмара.

— Вам лучше? — спросил Дядя Ингмар.

— Кажется,— произнес Баррент.— Почему вы так долго не открывали дверь?

— Мы вовсе не собирались открывать ее,— сообщил священник.— Закон запрещает помогать посторонним в беде. А формально вы посторонний, так как еще не вступили в сообщество.

— Тогда почему меня впустили?

— Мой ассистент заметил, что у нас четное число молящихся. А требуется число нечетное, желательно оканчивающееся на тройку. Когда церковный и светский законы вступают в противоречие, светский должен уступить. И мы впустили вас, несмотря на правила.

— Странные правила,— сказал Баррент.

— Вовсе нет. Они предназначены для поддержания постоянного уровня населения. Омега бесплодная планета, а приток заключенных увеличивает население в ущерб старейшим обитателям. Приходится принимать меры, чтобы избавиться от лишних новичков.

— Это нечестно,— упорствовал Баррент.

— Вы будете думать по-другому, когда станете старожилом,— заверил Ингмар.— А судя по вашей живучести, вы им станете.

— Возможно,— согласился Баррент.— Но что случилось? Температура, должно быть, упала градусов на пятьдесят за пятнадцать минут.

— На шестьдесят, если быть точным,— поправил Дядя.— Все очень просто. Омега эксцентрически двигается вокруг системы двойной звезды. Нестабильность усугубляется физическими особенностями планеты, расположением гор и морей. Результатом является ужасный климат, характеризующийся резкими скачками температуры.

Ассистент, маленький надменный человечек, добавил:

— Подсчитано, что среди планет, на которых человек способен жить без солидной искусственной поддержки, Омега занимает верхний предельный уровень. Будь перепады температуры хоть чуточку больше, люди не смогли бы здесь существовать.

— Идеальный карательный мир,— гордо произнес Дядя Ингмар.— Опытные жители предчувствуют изменение температуры и идут по домам.

— Это... адски...— Баррент не находил слов.

— Превосходное описание,— сказал священник.— Это действительно адски и потому соответствует поклонению Великому Черному. Если вы чувствуете себя лучше, гражданин Баррент, пора начинать службу.

Если не считать слегка обмороженных пальцев на руках и ногах, Баррент чувствовал себя нормально. Он кивнул и последовал за священником в главную часть Шабаша.

После всего, что пришлось пережить, Черная Месса оказалась для Баррента необходимой разрядкой. Пригревшись на теплой скамейке, он продремал всю проповедь, посвященную необходимости ежедневного упражнения во Зле.

— Поклонение Злу,— вещал Дядя Ингмар,— не следует блюсти единственно по ночам понедельника. Наоборот! Реализовывать Зло должно ежедневно. Не каждому дано быть великим грешником, но пусть это вас не обескураживает. Мелкие пакости, совершаемые регулярно, переходят в большой, угодный Великому Черному грех. Не сле-

дует забывать, что выдающиеся нечестивцы, даже демонические святые, часто начинали весьма скромно. Разве Трастус не был рядовым лавочником, обманывающим покупателей? Кто мог ожидать, что этот заурядный человек станет Кровавым Убийцей с Торндайкской Дороги? А кто мог вообразить, что доктор Лойенд будет крупнейшим авторитетом по применению пыток? Настойчивость, упорство и набожность позволили этим людям подняться до положения правой руки Великого Черного. Следовательно,— заключил Дядя Ингмар,— Зло есть в такой же мере занятие бедных, как и богатых.

На этом проповедь закончилась. Баррент проснулся, когда для благоговейного обозрения вынесли святыни — кинжал с красной рукояткой и разукрашенную жабу. Во время начертания магического пятиугольника он снова заснул.

Наконец церемония приблизилась к завершению. Были зачитаны имена демонов зла: Ваал, Форкас, Буэр, Маркозиас, Астарот и Бегемот. Потом прочли молитву о защите от искушений Добра. Дядя Ингмар выразил сожаление об отсутствии девственницы для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— Наши фонды,— сказал он,— недостаточны для покупки девственницы-пеонки с государственным сертификатом. Тем не менее я надеюсь, что в следующий понедельник нам удастся провести обряд полностью. Мой ассистент сейчас пройдет среди вас...

У ассистента была специальная тарелка с черной каймой. Подобно другим прихожанам, Баррент не поскупился. Дядя Ингмар был явно раздражен отсутствием девственницы для заклания. Еще немного, и он решит принести в жертву одного из верующих, девствен тот или нет.

На танцы и хоровое пение Баррент не остался. Когда служба окончилась, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась, и лед уже стаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

Глава 8

Баррент был сыт по горло потрясениями и сюрпризами Омеги. Он не отходил от магазина, много работал и держался настороже. Его наружность приобретала типичные омегианские черты: подозрительный взгляд с прищуром, ладонь на рукоятке лучевика, напружиненные ноги готовы к прыжку. У него появилось шестое чувство — чувство опасности.

По ночам, когда двери и окна были накрепко заперты и включена тройная система охраны, Баррент лежал на постели и старался вспомнить Землю. Тычась в туманную завесу памяти, он находил мучительно-дразнящие осколки картин: шоссе, уходящее к солнцу, колоссальный город, корпус космического корабля. Но видения возникали на мельчайшую долю секунды и исчезали.

Субботним вечером к Барренту пришли Джо, Дэнис Фоэрен и сосед Тем Ренд. Покерная Джо процветала, и он сумел взяткой купить положение свободного гражданина. Фоэрен был слишком неповоротлив и прям, он оставался в ранге жителя. Но Тем Ренд обещал взять этого взломщика в помощники, когда его примут в Гильдию убийц.

Вечер начался приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

— Послушайте,— сказал Джо,— мы все знаем, что из себя представляет Земля. Это комплекс гигантских плавающих городов, построенных на искусственных островах в различных океанах.

— Нет, города стоят на земле,— поправил Баррент.

— На воде,— не согласился Джо.— Люди вернулись к морю. У каждого есть специальный кислородный аппарат, который позволяет дышать под водой. Суша больше не используется. Море снабжает...

— Все не так,— возразил Баррент.— Я помню большие города, но они на земле.

— Вы оба не правы,— сказал Фоэрен.— Зачем Земле сдались эти города? Их бросили сотни лет назад. Земля

теперь большой парк. У каждого свой дом и несколько акров сада. Разрослись леса и джунгли. Люди живут в ладу с природой, вместо того чтобы пытаться покорить ее. Разве не так, Тем?

— Почти, но не совсем,— произнес Тем Ренд.— Города еще существуют, но они под землей. Колоссальные подземные заводы и поля. А остальное все — как сказал Фоэрен.

— Никаких заводов больше нет,— упрямо настаивал Фоэрен.— Они не нужны. Любые товары, которые требуются человеку, производятся мысленным волеизъявлением.

— Говорю вам,— вмешался Джо,— что вспоминаю плавающие города! Я жил в секторе Нимуи на острове Пасифаи.

— Думаешь, это что-нибудь доказывает? — спросил Ренд.— Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне Нового Чикаго. Моя рабочая норма была двадцать дней в году. Остальное время я проводил снаружи, в лесах...

— Ты ошибаешься, Тем,— сказал Фоэрен.— Никаких подземных уровней нет. Я отчетливо помню, что мой отец был контролером третьего класса. Наша семья ежегодно перемещалась с места на место за сотни миль. Когда нам что-нибудь было нужно, отец *думал* об этом, вот и все. Он обещал научить меня, но, похоже, ему это не удалось.

— Что же, у двоих из нас явно фальшивые воспоминания,— подытожил Баррент.

— Точно,— подтвердил Джо.— Но вопрос: кто из нас прав?

— Мы никогда не узнаем,— произнес Ренд,— если не вернемся на Землю.

На том дискуссия закончилась.

В конце недели Баррент получил второе, более настоятельное приглашение из Магазина снов. Он проверил температуру; умудренный жизнью, упаковал в ранец теплую одежду и пошел.

Магазин снов был расположен в фешенебельной части на улице Смерти. Баррент оказался в маленькой, пышно обставленной приемной. Прилизанный молодой человек за полированным столом одарил его искусственной улыбкой.

— Чем могу служить? Мое имя Номис Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я бы хотел узнать, что при этом происходит,— попросил Баррент.— Как получается сон, какого он типа и тому подобное.

— Конечно,— сказал Аркдраген.— Мы все объясним, гражданин...

— Баррент. Уилл Баррент.

Аркдраген сверился со списком на столе и кивнул.

— Наши сны протекают под действием наркотиков на мозг и центральную нервную систему. Существует множество препаратов, производящих желаемый эффект. Среди наиболее полезных — героин, морфий, опиум, кока, гашиш и пейот. Все это земные продукты. Только на Омеге находят черный сонник, нейс, манис, тринаркотин, джедаль и различные производные кармоидной группы.

— Понимаю,— сказал Баррент.— Итак, вы продаете наркотики.

— Ни в коем случае! — возразил Аркдраген.— Ничего такого вульгарного и грубого. В древние времена на Земле люди сами принимали наркотики. Результирующие сны были необязательны и случайны. Никто не знал, что увидит во сне, испытает ли ужас или наслаждение. С приходом современного Магазина снов всякая неопределенность исчезла. В наши дни наркотики тщательно выбраны, измерены и смешаны индивидуально для конкретного потребителя. Каждое вещество имеет свое действие — от нирваноподобного спокойствия черного сонника и цветных галлюцинаций тринаркотина до сексуальных фантазий, вызываемых нейсом и морфием, и снов-воспоминаний кармоидной группы.

— Сны-воспоминания меня и интересуют,— сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— На первый раз советую воздержаться.

— Почему же?

— Сны о Земле более способствуют нарушениям нервной системы, чем любая другая продукция воображения. Обычно рекомендуется приобрести предварительно иммунитет. Я бы предложил для первого визита приятные сексуальные фантазии.

— Я, пожалуй, предпочел бы реальность,— покачал головой Баррент.

— О нет,— возразил помощник управляющего с улыбкой знатока.— Поверьте, реальность покажется вам весьма поблекшей после опыта наших сексуальных снов.

— Меня это не интересует,— отрезал Баррент.— Мне нужен сон о Земле.

— Но у вас нет даже склонности! — воскликнул Аркдраген.

— А склонность обязательна?

— Она важна,— объяснил Аркдраген.— Все наши препараты образуют привычку, как того требует закон. Видите ли, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо чувствовать в нем нужду, что в огромной степени увеличивает удовольствие. Вот почему я предлагаю вам для начала приятные сексуальные фантазии.

— Сон о Земле,— потребовал Баррент.

— Очень хорошо,— раздраженно сказал Аркдраген.— Но мы не несем ответственности за возможные травмы.

Он повел Баррента по длинному коридору. Из-за многочисленных дверей по обеим сторонам слышались глухие стоны и вздохи наслаждения.

— Переживальщики,— бросил Аркдраген без дальнейших пояснений и ввел Баррента в открытую комнату в конце коридора, где жизнерадостный бородатый человек в белом халате читал книгу.— Добрый вечер, доктор Уйан. Это гражданин Баррент. Первое посещение. Настаивает на снах о Земле.

Аркдраген повернулся и ушел.

— Хорошо,— сказал доктор,— устроим.— Он отложил книгу.— Ложитесь сюда.

Посреди помещения находился большой стол. Над ним висел замысловатый аппарат. Вдоль стен стояли стеклянные шкафы, заполненные квадратными склянками, напомнившими Барренту емкости с противоядиями.

Он лег. Доктор Уайн провел обычное обследование, затем определил степень внушаемости, гипнотический индекс, реакции на одиннадцать основных наркогрупп и подверженность тетаническим и эпилептическим судорогам. Результаты он записал в блокнот, сверился с таблицами, прошел в кабинет и начал готовить смесь.

— Это опасно? — спросил Баррент.

— Необязательно,— ответил доктор Уайн.— Вы достаточно здоровы. У вас низкий показатель внушаемости. Конечно, случаются эпилептические припадки — возможно, вследствие кумулятивных аллергических реакций. Мы не в состоянии предотвратить их. Бывают побочные эффекты, которые приводят к умопомешательству или даже к смерти. Случаи, весьма интересные для изучения. А некоторые клиенты остаются в своих снах, и их невозможно извлечь из этого состояния. С моей точки зрения, мы можем классифицировать последнее как форму сумасшествия, хотя на самом деле оно таковым не является.

Доктор кончил готовить смесь. Теперь он заполнял препаратом шприц. У Баррента появились серьезные сомнения в разумности всего предприятия.

— Может быть, отложим? — сказал он.— Я не уверен, что...

— Ни о чем не беспокойтесь,— утешил доктор.— Вы пришли в наилучший Магазин снов на Омеге. Расслабьтесь. Напряженные мышцы могут вызвать столбнячные конвульсии.

— Мистер Аркдраген, наверное, был прав,— сказал Баррент.— Пожалуй, мне не следует требовать сон о Земле при первом посещении. Он объяснил, что это крайне опасно.

— Что такое жизнь без риска? Кроме того, наиболее распространенными последствиями являются травмы мозга и разрушение кровеносных сосудов, а мы прекрасно оснащены для борьбы с ними.

Он нацелил шприц на левую руку Баррента.

— Я передумал,— заявил Баррент и начал вставать.

Доктор Уайн проворно вонзил иглу ему в руку.

— В Магазине снов не меняют решения. Расслабьтесь...

Баррент расслабился, лег на постель и услышал звон в ушах. Он попытался сфокусировать внимание на лице доктора, но лицо изменилось.

Лицо постарело, округлилось, покрылось испариной. Складки жира спускались с подбородка на шею. Глаза смотрели дружелюбно и озабоченно.

Это был куратор 5-го курса.

— Уилл,— произнес куратор,— ты должен быть осторожен. Тебе надо научиться сдерживать свои порывы.

— Знаю, сэр,— сказал Баррент.— Просто я так разозлился, что...

— *Уилл!*

— Хорошо,— произнес Баррент.— Я буду следить за собой.

Он вышел из здания университета и направился в город. Это был фантастический город небоскребов и многоэтажных улиц, сверкающий город серебряных и алмазных домов, гордый город, повелевающий жизнью стран и планет. Баррент шел по третьему пешеходному уровню и с ненавистью думал об Эндрю Теркалере.

Из-за Теркалера и его идиотской ревности заявление Баррента о приеме в корпус Космических Исследований было отклонено. И куратор оказался бессилен — Теркалер имел слишком большое влияние на Приемную комиссию. Должно пройти целых три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. А пока он привязан к Земле и сидит без работы. Вся его учеба была связана

с внеземными исследованиями. На Земле ему нечего делать; а теперь его отлучили от космоса.

Теркалер!..

Баррент сошел с пешеходной дорожки и воспользовался экспрессом в Сантэ. Стоя на мчащейся ленте, он сжимал в кармане небольшой пистолет. На Земле запрещалось носить оружие. Свой пистолет он раздобыл окольными путями.

Он решил убить Теркалера.

Перед глазами наплывом появились какие-то гротескные лица. Сон смазался. Потом Баррент увидел себя целящимся в худого косоглазого человека, чей вопль о пощаде вдруг резко оборвался.

Информатор, безликий и неумолимый, заметил преступление и сообщил в полицию. Полицейские в серой форме схватили его, повели в суд. Судья с мутным пергаментным лицом вынес приговор о вечной ссылке на Омегу и отдал обязательный приказ об очистке памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужаса. Баррент карабкался по скользкому столбу, по отвесному склону горы, по ровной гладкой стене. Его догонял труп Теркалера с разверстой грудью. С двух сторон покойника поддерживали безликий информатор и бледнолицый судья.

Баррент бежал по горе, по улице, по крыше; преследователи держались вплотную. Он заскочил в полутемную желтую комнату, захлопнул и запер дверь. А обернувшись, увидел, что запер себя с трупом Теркалера. Голова его была покрыта алой и фиолетовой плесенью, в открытой ране в груди зацветал гриб. Мертвец дернулся, потянулся вперед, и Баррент нырнул в окно.

— *Выходите, Баррент. Выходите из сна.*

У Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он соскользнул по его полированной поверхности в амфитеатр. Через серый песок, отталкиваясь обрубками рук и ног, к нему полз труп. На необъятной трибуне сидели рядышком судья и информатор.

— Он застрял.

— Я предупреждал его.

— Выходите из сна, Баррент. Говорит доктор Уайн. Вы на Омеге, в Магазине снов. Очнитесь. У вас еще есть шанс, если вы немедленно соберетесь.

Омега? Сон? Некогда думать об этом! Баррент плыл по черному зловещему озеру. Прямо за ним плыли информатор и судья. Они поддерживали покойника, чья кожа медленно отваливалась от тела.

— Баррент!

Озеро превращалось в густой студень, который прилипал к рукам и ногам и забивал рот, а судья, информатор и труп...

— Баррент!

Баррент очнулся на постели в Магазине снов. Над ним стоял взволнованный доктор Уайн. Рядом была сестра со шприцем и кислородной маской. За ней виднелся Аркдраген, вытирающий со лба испарину.

— Мы уже не надеялись, что вы выкарабкаетесь,— произнес доктор Уайн.

— Он вовремя успел вынырнуть,— сказала сестра.

— Я предупреждал его,— сказал Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

— Что случилось?

Доктор Уайн пожал плечами.

— Трудно сказать. Возможно, вы зациклились; а иногда попадаются наркотики с примесями. Но подобное практически не повторяется. Поверьте мне, гражданин Баррент, наркотические ощущения чрезвычайно приятны. Я уверен, что во второй раз вы восхититесь.

Все еще потрясенный, Баррент был совершенно убежден, что второго раза не будет. Любой ценой он не допустит повторения кошмара.

— У меня теперь образовалась привычка? — спросил он.

— О нет,— ответил доктор Уайн.— Привыкание появляется после третьего или четвертого посещения.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо Аркдрагена, он спросил, сколько должен.

— Вы ничего не должны.— Аркдраген улыбался понимающе.— Первый визит за счет заведения.

Баррент покинул Магазин снов и поспешил домой. Ему было над чем подумать. Появилось доказательство, что он совершил преднамеренное убийство.

Глава 9

Одно дело — обвинение в убийстве, которого ты за собой не чувствуешь; совсем другое — *помнить* совершенное преступление. Такому свидетельству нельзя не поверить.

Баррент пытался разобраться в своих чувствах. В чем бы ни обвиняли его земные власти, он не ощущал себя убийцей. В крайнем случае он мог допустить, что убил человека в припадке внезапной ярости. Но задумать и осуществить хладнокровную расправу...

Почему он сделал это? Выходит, желание отомстить оказалось таким сильным, что заставило сбросить оковы цивилизации?.. Он убил, кто-то донес, и судья приговорил его к Омеге. Он — убийца на планете преступников. Следовательно, чтобы жить припеваючи, ему достаточно просто следовать своим природным наклонностям.

И все же Барренту приходилось очень трудно. У него не было ни малейшей тяги к кровопролитию. В День свободного гражданина он, хотя и выходил вооруженный на улицу, не мог заставить себя застрелить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать! Нелепый предрассудок, особенно если учесть, где и кем он был. Но сколько ни толковали ему Тем Ренд или Джо об обязанностях гражданина, Баррент не мог побороть отвращения к убийству.

Он обратился к психиатру, который сообщил, что его неприязнь к убийству коренится в несчастном детстве. Фобия затем была осложнена перенесенной в Магазине снов травмой. Из-за этого убийство, величайшее социальное благо, стало ему противно. Невроз гуманности в

человеке, великолепно приспособленном к убийству, приведет, сказал психиатр, к его, Баррента, уничтожению. Психиатр предложил лечение в санатории для непреступников.

Баррент посетил санаторий и увидел сумасшедших, вопивших о добродетели, честности, священной ценности жизни и прочей муре. У него не появилось желания присоединиться к ним. Возможно, он болен, но не настолько!

Друзья предупреждали, что пассивность может накликать беду. Баррент соглашался, но питал надежду, что, убивая только в случае необходимости, сумеет не привлечь внимания высокопоставленных лиц, следящих за соблюдением закона.

Несколько недель план его, казалось, имел успех. Баррент игнорировал все более настойчивые приглашения в Магазин снов и не посещал служб в Малом Шабаше. Торговля процветала, и он проводил свободное время, изучая редкие яды и практикуясь в стрельбе. Часто Баррент думал о девушке — доведется ли им встретиться?

И думал о Земле. После визита в Магазин снов в памяти то и дело вспыхивали разрозненные картины: обветшалый каменный дом, дубовая роща, изгибы реки, просвечивающей сквозь заросли ивы. Видения полузабытой Земли наполняли его невыносимой тоской. Как и большинством обитателей Омеги, им владело страстное желание вернуться домой.

А это было невозможно.

Летели дни, и когда беда пришла, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. Четверо в форме сообщили полусонному Барренту, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Отсутствие склонности к наркотикам. Три минуты на сборы.

— Какое наказание меня ждет?

— В суде узнаешь.— Охранник подмигнул своим приятелям и добавил: — Но единственный способ вылечить нерасположенца — убить его...

Баррента привели в одну из комнат вытянутого здания Департамента юстиции. Помещение называлось Суд Неправедный, в честь страшной англосаксонской юридической процедуры. Напротив располагалась Звездная Палата, она же Тайный Застенок — тоже реликт из прошлого. Прямо за ней находился Суд Последней Апелляции.

Комната Суда Неправедного была перегорожена пополам высоким деревянным экраном, ибо основы омегианского правосудия гласили, что обвиняемый не должен видеть ни судей, ни свидетелей по его делу.

— Арестованный, встать.

Голос, вялый и равнодушный, раздавался из небольшого динамика. Баррент едва разбирал слова; интонации и выражение терялись, как и было задумано. Судья оставался анонимом.

— Уилл Баррент,— сказал судья,— вы предстали перед судом по основному обвинению в нерасположении к наркотикам и дополнительному — в отсутствии благочестия. По последнему у нас имеются показания священника. По основному — свидетельство Магазина снов. Вы можете опровергнуть обвинения?

Баррент подумал и ответил:

— Нет, сэр, не могу.

— В настоящий момент вашу антирелигиозность можно не рассматривать, ибо это первый проступок. Но нерасположение к наркотикам является главным преступлением против Государства. Непрерывное потребление наркотиков — обязательная привилегия каждого гражданина. Известно, что привилегии должны насаждаться, в противном случае они будут утеряны. А потерять привилегии — значит потерять краеугольный камень нашей свободы. Поэтому уклонение от них приравнивается к государственной измене.

Наступила пауза. Стражники нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Баррент, считавший свое положение безнадежным, слушал, затаив дыхание.

— Наркотики служат многим целям,— продолжал невидимый судья.— Излишне перечислять их достоинства. Но с точки зрения Государства, необходимо отметить, что предрасположенное к ним население есть лояльное население, что наркотики являются основным источником доходов и вообще представляют весь наш образ жизни. Более того, я скажу, что нерасположенное меньшинство неизменно доказывало свою враждебность к родным омегианским организациям. Все это пространное объяснение, Уилл Баррент, для того, чтобы вы лучше поняли, в чем вас обвиняют.

— Сэр,— сказал Баррент,— я ошибался, избегая наркотиков. Не буду ссылаться на незнание — мне известно, что закон не признает его оправданием. Но я смиренно прошу суд дать мне возможность исправиться. Я прошу учесть, сэр, что мне еще не поздно приобрести привычку к наркотикам.

— Суд принимает это во внимание и потому проявляет к вам величайшую снисходительность, дозволяемую законом. Вместо высшей меры вам предоставляется возможность выбрать между двумя менее суровыми приговорами. Первый из них карательный: вы лишаетесь правой руки и левой ноги во искупление против Государства; но вы сохраняете жизнь.

Баррент сглотнул и спросил:

— А второй, сэр?

— Второй, некарательный приговор заключается в том, что вы должны пройти Суд Испытанием. В этом случае, если вы выживете, вам будет присвоен соответствующий ранг и предоставлено вытекающее из него положение в обществе.

— Я выбираю Суд Испытанием,— произнес Баррент.

— Очень хорошо,— сказал судья.— Да свершится правосудие.

Баррента увели. За спиной он услышал сдавленный смешок одного из охранников. Значит, выбор неправильный? Может ли Суд Испытанием быть страшнее увечья?

Глава 10

На Омеге, как говаривали старожилы, между вынесением приговора и приведением его в исполнение не протиснешь даже лезвие ножа. Баррента без промедления доставили в огромный круглый каменный подвал Департамента юстиции. С высокого изогнутого аркой потолка ослепительно сияли белые дуги светильников. Часть стены, срезанная ступенями, образовывала зрительскую трибуну. Ряды были забиты до отказа, между ними сновали разносчики и продавали повестку дня судебной процедуры.

Баррент стоял посреди зала на каменном полу. В изгибе стены отодвинулась панель, и на арену выкатила небольшая машина.

Громкоговоритель высоко над зрительской трибуной объявил:

— Внимание, дамы и господа! Вы присутствуете на Суде Испытанием 642-ВГ223 между гражданином Уиллом Баррентом и ГМЕ-213. Просим занять места. Состязание начнется через пару минут.

Баррент посмотрел на своего противника. Блестящая черная машина в форме полусферы высотой около четырех футов нетерпеливо каталась взад-вперед на маленьких колесах. По гладкой металлической шкуре, вспыхивая, пробегали красные, зеленые и янтарные огоньки утопленных в корпусе лампочек. Она вызывала у Баррента смутное воспоминание о морских чудищах, обитающих в океанах Земли.

— Небольшое объяснение для тех, кто впервые посетил нашу арену,— снова заговорил динамик.— Заключенный Уилл Баррент добровольно выбрал Суд Испытанием. Инструмент правосудия, в данном случае ГМЕ-213, есть изумительное творение инженерного гения Омеги.

Машина, или Макс, как ее называют многие друзья и поклонники, является орудием убийства завидной эффективности. В ее арсенале двадцать три разных способа умерщвления, в большинстве своем очень болезненных. В целях испытания она оперирует по принципу случайности. Это означает, что Макс не выбирает сам орудие убийства. Способ нападения определяется беспорядочным расположением двадцати трех номеров, соединенных с селектором времени, действующим по тому же принципу неопределенности в пределах от одной до шести секунд.

Макс неожиданно двинулся в центр арены, и Баррент отошел.

— Заключенный,— продолжал громкоговоритель,— в состоянии вывести машину из строя; в таком случае он выигрывает состязание и освобождается с сохранением всех прав и привилегий его нового статуса. Теоретически такая возможность существует. Практически это случается три с половиной раза из ста.

Баррент оглядел галерею зрителей. Судя по одежде, все они, мужчины и женщины, принадлежали к верхушке привилегированных классов.

А в первом ряду сидела девушка, которая дала ему оружие в день прибытия в Тетрахид. Она была такой же красивой, как ему запомнилось, но бледное овальное лицо ничего не выражало. Она смотрела на Баррента с бесстрастным любопытством человека, разглядывающего необычного жука в банке.

— Состязание начинается! — объявил динамик.

У Баррента больше не было времени думать о девушке, потому что машина покатила прямо на него.

Он осторожно отступил в сторону. Макс выпустил тонкое щупальце с поблескивающим белым кольцом и устремился к Барренту, тесня его к стене.

Внезапно машина остановилась. Внутри механизма что-то щелкнуло. Щупальце убралось, и на его месте появилась металлическая рука на шарнирах, заканчивающаяся лезвием. Увеличив скорость, машина зажала Баррента в угол. Рука взметнулась, но он успел увернуться

и услышал, как нож заскрежетал о камень. Когда рука втянулась, Баррент смог вернуться к центру.

Он понимал, что машина уязвима только во время паузы, пока селектор выбирает способ убийства. Но как вывести из строя гладкий бронированный механизм?

Макс опять приближался, и теперь его металлическая шкура тускло отсвечивала зеленым веществом, в котором Баррент сразу узнал контактный яд. Он прыгнул в сторону и помчался, огибая арену, стараясь избежать смертельного прикосновения.

Машина затормозила. Нейтрализатор омыл ее поверхность, очищая от яда. Затем Макс опять направился к нему, на сей раз без всякого оружия, явно идя на таран. Баррент еле переводил дыхание. Он беспомощно прислонился к стене, глядя, как противник набирает разгон.

Макс остановился в нескольких дюймах от стены. Щелкнул селектор. Из брони вылезало нечто вроде бейсбольной биты.

Упражнение по прикладному садизму, подумал Баррент. Пройдет немного времени, и машина собьет его с ног и запросто прикончит. Предпринимать надо что-то немедленно, пока еще сохранились силы.

Не успел он подумать об этом, как в воздухе мелькнула увесистая стальная дубинка. Баррент не смог полностью уклониться от удара. Бита задела левое плечо, рука онемела.

Макс опять выбирал. Баррент бросился на его гладкую сферическую поверхность. На самом верху он увидел два крошечных отверстия. Молясь, чтобы они оказались воздухозаборниками, Баррент заткнул их пальцами.

Машина замерла, публика взревела. Баррент цеплялся за ровную поверхность онемевшей рукой, стараясь удержать пальцы в отверстиях. Огни на шкуре Макса изменили цвет с зеленого на янтарный, потом на красный; его внутриутробное жужжание превратилось в глухой рокот.

А затем машина выпустила трубки дополнительных воздухозаборников.

Баррент попытался накрыть их своим телом, но машина, внезапно взвыв, быстро откатилась и сбросила его. Он вскочил на ноги и вернулся к центру арены.

Состязание длилось не более пяти минут, а Баррент совсем выбился из сил. Тем временем неумолимая машина наступала, подняв широкую сверкающую секиру.

Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, Баррент бросился вперед. Он схватил металлическую руку обеими ладонями и начал гнуть ее вниз. Сталь затрещала, и Барренту показалось, что сустав начинает поддаваться. Если ему удастся отломать металлическую конечность, может быть, машина выйдет из строя или, на худой конец, он получит оружие.

Макс внезапно дал задний ход и вырвал руку. Баррент упал ничком. Секира со свистом долбанула его по плечу.

Баррент покатился по полу и посмотрел на трибуну. Он конченый человек. Уж лучше благодарно принять следующую попытку машины, чтобы она прикончила его сразу... А девушка показывала ему что-то руками.

Времени наблюдать не было. Ослабевший от потери крови, Баррент поднялся на ноги. Его не интересовало, какое оружие извлекает машина на этот раз. Стоило ей двинуться, и он бросился под колеса.

Колеса вкатились на плечо, и Макс резко накренился. Баррент застонал от боли и, собрав последние силы, попытался встать. Машина взвыла и опрокинулась; Баррент упал рядом.

Когда зрение вернулось к нему, машина выдвигала конечности, чтобы перевернуться.

Баррент кинулся на днище и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попробовал оторвать одно из колес, но не сумел. Макс стал отжиматься от пола.

Внимание Баррента вновь привлекла девушка. Она настойчиво повторяла дергающие движения.

Только тогда Баррент заметил маленькую предохранительную коробку около одного из колес. Он резко со-

рвал крышку, ободрав почти все ногти, и выдернул предохранитель.

Машина элегантно испустила дух.

Баррент лишился чувств.

Глава 11

— На Омеге главенствует закон. Скрытый и явный, церковный и светский, закон управляет поступками всех жителей, от нижайших из низких до высочайших из высоких. Без него не было бы привилегий для тех, кто создал закон; без закона и его неумолимой силы Омега превратилась бы в немыслимый хаос, в котором человеческие права могли существовать, лишь пока и поскольку их обеспечивал бы каждый человек. Анархия знаменовала бы конец омегианского общества и особенно тех старших представителей правящих классов, кто давно миновал расцвет своих физических сил. Но население Омеги состоит исключительно из людей, нарушавших законы на Земле. Это общество, в котором преступления не только прощаются, но и поощряются; общество, в котором уклонение от правил судится единственно по степени успеха. Налицо парадокс: криминальное общество с абсолютными законами, предназначенными для нарушения.

Так говорил Барренту судья, все еще спрятанный за экраном. После завершения Суда Испытанием прошло несколько часов. Баррента отнесли в медпункт, где занялись его ранениями. Они были в основном легкими: два треснувших ребра, глубокий порез на левом плече, царапины и ушибы.

— Соответственно,— вещал судья,— закон должен одновременно нарушаться и не нарушаться. Те, кто никогда не нарушает закон, не поднимаются в положении. Обычно их убивают тем или иным путем, так как у них недостаточно инициативы выживания. Для тех, кто, подобно вам, нарушает закон, ситуация иная. Закон строго наказывает их — если им не удается обойти его.

Судья сделал паузу и торжественно продолжил:

— Идеалом на Омеге является личность, которая понимает законы, ценит их необходимость, знает кару за нарушение, нарушает и преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и идеальный омегианец. Именно это вам удалось свершить, Уилл Баррент, пройдя Суд Испытанием.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Баррент.

— Я хочу, чтобы вы осознали: однократный триумф над законом вовсе не означает, что вы сумеете восторжествовать во второй раз. С каждой новой попыткой ваши шансы уменьшаются — так же, как растет вознаграждение за успех. Поэтому я не советую вам действовать опрометчиво.

— Не буду, сэр,— заверил Баррент.

— Очень хорошо. Таким образом, вы возводитесь в ранг привилегированного гражданина, со всеми правами и обязанностями. Вам позволяется, как и прежде, вести свое дело. Кроме того, вы награждаетесь недельным отдыхом на Озере Облаков, куда можете отправиться с любой женщиной по вашему выбору.

— Простите,— перебил Баррент.— Что вы сказали?

— Недельный отдых,— повторил спрятанный судья,— с любой женщиной по вашему выбору. Это высокая награда, так как на Омеге мужчин в шесть раз больше, чем женщин. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину независимо от ее желания. На это вам дается три дня.

— Мне не нужно трех дней,— сказал Баррент.— Я желаю девушку, которая сидела на первом ряду трибуны. У нее черные волосы и зеленые глаза. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да,— медленно произнес судья.— Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее имя Моэра Эрмайс. Мне кажется, вам лучше изменить решение.

— Есть какие-нибудь причины?

— Нет. Но было бы лучше, если бы вы выбрали другую женщину. Мой клерк с удовольствием снабдит вас списком подходящих молодых дам. У них отличные реко-

мендации. Некоторые окончили Женский институт, где, как вам, возможно, известно, преподают двухгодичный курс науки и искусства гейши. Я лично могу порекомендовать вам...

— Хочу Моэру,— заявил Баррент.

— Молодой человек, вы делаете ошибку.

— Я все-таки рискну.

— Хорошо,— сказал судья.— Ваш отдых начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Баррента под охраной вывели из здания суда и доставили домой. Друзья, считавшие, что он погиб, пришли его поздравить. Им не терпелось услышать подробности Суда Испытанием, но Баррент уже понял, что знание есть путь к могуществу, и не особенно распространялся.

В этот вечер был и другой повод для празднования: Тема Ренда наконец приняли в Гильдию убийц. Как и обещал, он взял Фоэрена к себе в помошники.

На следующее утро перед дверью магазина остановился экипаж. Его прислал Департамент юстиции. Сзади сидела очень красивая и недовольная Моэра Эрмайс.

— Вы в своем уме, Баррент? Думаете, у меня есть на это время? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь,— ответил Баррент.

— И вы решили, что я вами заинтересовалась? Если у вас есть чувство благодарности, скажите водителю, что передумали. У вас есть еще возможность выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой:

— Мне нужны только вы.

— Не передумаете?

— Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась назад.

— Вы действительно интересуетесь мной?

— Больше чем интересуюсь,— сказал Баррент.

— Что ж,— сказала Моэра,— мне остается только смириться с этим.

Она отвернулась, но перед этим Барренту показалось, что он увидел на ее лице еле заметную улыбку.

Глава 12

Озеро Облаков — лучший курорт Омеги. На его территории поединки были строжайшим образом запрещены, всякое оружие отбиралось. Ссоры разрешал ближайший бармен, а убийство наказывалось немедленным лишением статуса.

На Озере Облаков доступно любое развлечение. Хочешь — смотри бой быков и медвежью схватку, хочешь — занимайся плаванием, альпинизмом, лыжами... Вечерами в бальных залах за стеклянными стенами, отделяющими жителей от граждан и граждан от элиты, проводили танцы. К услугам отдыхающих имелся прекрасно оборудованный наркобар, содержащий как испытанные средства для заядлых любителей, так и новинки на пробу. Для тех, кто пообщительней, по средам и субботам устраивали ночные оргии в Гроте Сатиров. Более стеснительным незнакомки в масках назначали свидания в полутемных коридорах под отелем. Но главное, там были покатые склоны и тенистые леса, приятные прогулки, свободные от вечного страха и напряжения, от каждодневной борьбы за существование в Тетрахиде.

Баррент и Моэра жили в смежных комнатах, и дверь между ними была не заперта. Но в первую ночь Баррент не воспользовался той дверью — на планете, где женщины питали пристрастие к ядам, мужчине следовало подумать дважды, прежде чем навязывать свою компанию. Даже владелец магазина противоядий вынужден был считаться с возможностью не распознать вовремя симптомы у самого себя...

На второй день они забрались высоко в горы и устроили пикник на покрытом травой склоне, спускающемся к серому морю. Баррент спросил Моэру, почему она спасла ему жизнь.

— Вам не понравится ответ,— предупредила она.

— И все же хотел бы знать.

— Вы выглядели таким странно беззащитным в Обществе защиты жертв... Я бы помогла любому, кто оказался бы на вашем месте.

Баррент неловко кивнул.

— А второй раз?

— Затем, пожалуй, я вами заинтересовалась. Но это не романтический интерес, вы понимаете? Я совсем не романтична.

— Какой же интерес?

— Мне казалось, что вы хороший материал для вербовки.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — попросил Баррент.

Моэра минуту хранила молчание, наблюдая за ним немигающими зелеными глазами.

— Я могу сказать лишь немногое. На Омеге действует организация, которая ищет подходящих людей. Обычно мы начинаем непосредственно с корабля. Потом поиск продолжают вербовщики, такие, как я.

— А какой тип людей вы подбираете?

— Простите, Уилл, не ваш.

— Почему не мой?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас,— сказала Моэра.— Вы казались как раз тем человеком, который нам нужен. Затем я проверила ваше дело.

— И?

— Мы не принимаем убийц. Иногда мы нанимаем их для специальных заданий, но не зачисляем в организацию. Существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые мы признаем: самозащита, например. Но человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство...

— Понимаю,— произнес Баррент.— А если я скажу, что не испытываю тяги к кровопролитию?

— Мне это известно,— ответила Моэра.— Если бы все зависело от меня, я бы приняла вас в организацию. Но решаю не я... Уилл, а вы уверены, что совершили убийство?

— Похоже на то,— проговорил Баррент.— Наверное.

— Плохо,— сказала Моэра.— И все же организация нуждается в людях с высоким уровнем выживания независимо от их поступков на Земле. Ничего не обещаю, но

я посмотрю, что можно сделать. Хорошо, если бы вы сумели выяснить больше о своем преступлении. Возможно, были смягчающие обстоятельства...

— Не исключено,— с сомнением сказал Баррент.— Я постараюсь.

Этим вечером, когда он собрался ложиться, Моэра открыла дверь и вошла в комнату. Гибкая и теплая, она скользнула в его постель. Когда он заговорил, она закрыла ему рот рукой. И Баррент, наученный не искушать судьбу, замолчал.

Отдых промчался слишком быстро. О загадочной организации больше не говорили, зато, возможно в качестве компенсации, смежная комната оставалась открытой. Наконец вечером седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахид.

— Когда я смогу тебя увидеть? — спросил Баррент.

— Я свяжусь с тобой.

— Меня это не устраивает.

— Больше ничего не могу предложить,— сказала Моэра.— Прости, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать с организацией.

Баррент вынужден был удовлетвориться этим. Выйдя из машины у своего магазина, он все еще не знал, где она живет и какую организацию представляет.

Он тщательно обдумал подробности своих видений в Магазине снов: гнев на Теркалера, контрабандное оружие, столкновение, труп, а затем информатор и судья. Не хватало только одной детали. Баррент никак не мог припомнить самого мгновения убийства, когда он прицелился и нажал на курок. Видения кончались на встрече с Теркалером и продолжались после перерыва, когда тот уже был мертв. Возможно, он заблокировал в памяти момент совершения убийства; но, может, какая-то причина все же спровоцировала преступление? Это необходимо выяснить.

Сведения о Земле можно получить только двумя путями. Один лежал через кошмар Магазина снов, и Баррент

твердо решил к нему не прибегать. Другой — услуги скреннирующих мутантов.

Баррент разделял всеобщую неприязнь к мутантам. Они были совершенно иной расой, и их статус неприкасаемых был не только следствием предубеждения. Мутанты часто были носителями странных и неизлечимых болезней. Их остерегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Квартал Мутантов был городом в городе. Разумные граждане держались подальше от квартала, особенно вечером: все знали, что мутанты мстительны.

Но только мутанты обладали скреннирующей способностью. В их бесформенных телах скрывались необычные силы и таланты, странные и неистовые способности, которых нормальные люди чурались днем и втайне вожделели ночью. Поговаривали, что мутанты пользуются особым покровительством Великого Черного и что искусство черной магии, которым похвалялись священники, на самом деле доступно только мутантам; правда, никто не утверждал этого в присутствии служителей культа.

Бытовало мнение, что благодаря своим странным способностям мутанты помнят о Земле гораздо больше, чем обычные люди. И не только помнят в общих чертах, но могут раскрутить жизненную нить человека во времени и пространстве, проникнуть сквозь стену забытья и рассказать, что с ним произошло на самом деле.

Однако не все верили в особые свойства мутантов. Некоторые считали их просто ловкими мошенниками, наживающимися на людской доверчивости.

Баррент решил все выяснить сам. Однажды поздним вечером, соответственно одетый и вооруженный, он покинул свой дом и отправился в Квартал Мутантов.

Глава 13

Баррент шел по узким, петляющим улочкам Квартала, держа руку на оружии. Он проходил мимо хромых и слепых, гидроцефалоидных и микроцефалоидных идиотов, мимо фокусника, держащего в воздухе двенадцать

горящих факелов с помощью рудиментарной третьей руки, растущей из груди, мимо торговцев одеждой, косметикой и ювелирными изделиями, мимо тележек со зловонной и антисанитарно выглядевшей пищей. Он миновал несколько ярко раскрашенных публичных домов, где у окон зазывно толпились девицы. Четырехрукая, шестиногая уродка сообщила ему, что он явился как раз вовремя для Дельфийских обрядов. Баррент поспешил прочь и почти столкнулся с чудовищно толстой женщиной, немедленно рванувшей на себе блузку, дабы обнажить восемь сморщенных грудей. Он вильнул в сторону, обходя четверых сиамских близнецов, которые уставились на него огромными жалобными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Высокий оборванный старик с тростью загораживал ему дорогу. Он был кривой — ровная гладкая кожа затягивала место, где полагалось находиться левому глазу. Но правый глаз сверкал ярко и свирепо из-под белой брови.

— Вам нужны услуги настоящего скреннера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Идите за мной.— Мутант свернул в аллею, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоятку иглолучевика. Законом мутантам запрещалось иметь оружие, но многие, подобно этому старику, носили тяжелые, окованные железом палки. Лучшего оружия для узких улочек нельзя было и представить.

Провожатый открыл дверь и мотнул головой. Баррент помедлил, вспоминая истории о доверчивых жителях, попавших в лапы мутантов, затем сжал иглолучевик и вошел.

Старик открыл дверь в конце длинного коридора и ввел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент разглядел фигуры двух женщин, сидевших за простым деревянным столом. На столе стояла кастрюля с водой, а в кастрюле лежало карманное зеркальце, разбитое на мелкие кусочки.

Одна женщина была очень старой и совершенно безволосой, другая — молодой и красивой. Баррент был потрясен, подойдя ближе к столу и увидев, что ее ноги ниже колен срослись в рыбий хвост.

— Чем интересуетесь, гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Откуда вы знаете мое имя? — опешил Баррент. Не получив ответа, он сказал: — Я хочу выяснить все об убийстве, которое я совершил на Земле.

— Зачем вам это нужно? Разве власти не записали его в вашу пользу?

— Записали. Но мне хотелось бы знать, почему я сделал это. Может, были какие-то смягчающие обстоятельства. Самозащита, например.

— Это так важно для вас?

— Да.— Он помедлил и решился: — Дело в том, что я не хочу убивать. У меня невротическое предубеждение против убийства. Вот и любопытно, почему же я совершил его на Земле.

Мутанты переглянулись. Старик усмехнулся и произнес:

— Гражданин, мы поможем тебе. У нас, мутантов, тоже предубеждение против убийства, потому что всегда убивают нас. Нам нравятся граждане с такими неврозами.

— Значит, вы согласны скреннировать мое прошлое?

— Все не так просто,— заметила молодая женщина.— Скреннирующая способность, являющаяся одним из проявлений пси-эффекта, сложна в обращении. Даже когда удается вызвать ее к жизни, она часто раскрывает не то, что нужно.

— Я думал, что все мутанты могут легко заглядывать в прошлое.

— Нет,— сказал старик,— это неверно. Во-первых, не все, кого так называют, действительно мутанты. Любая деформация или отклонение в наши дни провозглашается мутацией. Это удобное клеймо для каждого, кто не соответствует земным стандартам.

— Но среди вас есть и настоящие мутанты?

— Безусловно. Однако существуют разные типы мутаций. Некоторые из них — гигантизм, микроцефалия и тому подобное — просто следствие радиации. Совсем немногие из нас обладают пси-способностями, хотя все мутанты уверяют, что имеют их.

— Вы способны скреннировать? — спросил его Баррент.

— Я — нет. Но Мила может,— ответил он, указывая на молодую женщину.— Иногда.

Женщина глядела в воду, в разбитое зеркало. Ее блеклые глаза широко раскрылись, обнажая почти всю радужку; хвостатое тело, поддерживаемое старухой, выпрямилось и напряглось.

— Она начинает что-то видеть,— произнес старик.— Вода и зеркало — только средства для концентрирования внимания. Мила хорошо скреннирует, хотя порой прошлое у нее переплетается с будущим. Люди пугаются таких вещей, им-то скреннирование и обязано своей дурной славой. Но тут уж ничего не поделаешь. Если Мила видит в воде будущее, она говорит о нем. На этой неделе она предсказала одному хаджи, что тот через четыре дня умрет.— Старик хихикнул.— Вы бы видели его лицо.

— Она предупредила, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да, от броска ножа. Бедняга просидел все время дома.

— Его убили?

— Конечно. Жена. Решительная женщина!..

Баррент надеялся, что Мила не прочтет его будущее. Жизнь трудна и без предсказаний мутантов.

Мила подняла взгляд от зеркала, печально покачивая головой.

— Я могу сказать вам очень мало. Мне не удалось увидеть, как произошло убийство. Но я видела кладбище и видела могилу ваших родителей. Могила старая, наверное, двадцатилетней давности. Кладбище расположено на краю местечка Янгерстан, на Земле.

Барренту это название ничего не говорило.

— А еще,— продолжала Мила,— я увидела человека, который многое может вам рассказать, если захочет.

— Он свидетель убийства?

— Да.

— Это тот, кто на меня донес?

— Не знаю,— ответила Мила.— Я видела покойника по имени Теркалер, и возле него стоял человек. Его зовут Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Вы можете найти его сейчас в Эйфориаториуме на Малой Топорной улице. Знаете?

— Найду,— сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, взять которую она отказалась.

Когда Баррент выходил, она окликнула его:

— Будьте осторожны.

Баррент остановился и почувствовал холодок в груди.

— Вы скреннировали мое будущее?

— Только на несколько месяцев вперед.

— И что увидели?

— Не могу объяснить. То, что я увидела, совершенно невозможно.

— Скажите мне.

— Я видела вас мертвым. И все же вы не были мертвы. Вы смотрели на труп, разбитый на сверкающие осколки. Но покойник — это вы.

— Что это значит?

— Не знаю,— сказала Мила.

Эйфориаториум оказался большим, аляповато обставленным заведением, специализирующимся на наркотиках и афродизиаках. Клиентура его состояла в основном из пеонов и жителей. Пробиваясь сквозь толпу и спрашивая человека по имени Иллиарди, Баррент чувствовал, что он в чужой среде.

Ему показали на лысого узкоплечего мужчину, сидящего за крошечной рюмкой танапиквита. Баррент подошел и представился.

— Приятно познакомиться, сэр,— сказал Иллиарди, проявляя обязательное уважение жителя второго класса

к привилегированному гражданину.— Чем могу быть вам полезен?

— Я хотел бы кое-что спросить о Земле,— объяснил Баррент.

— Я мало что помню,— извинился Иллиарди.— Но рад услужить.

— Вы знали человека по имени Теркалер?

— Безусловно,— подтвердил Иллиарди.— Такой тощий и косоглазый. Негодяй, каких свет не видывал.

— Вы присутствовали при его убийстве?

— Разумеется. Это первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.

— Вы видели, кто его убил?

Иллиарди изумился:

— Чего тут видеть? Его убил я.

Баррент заставил себя продолжать ровным голосом:

— Вы уверены в этом? Абсолютно уверены?

— Конечно,— сказал Иллиарди.— Я готов драться с любым, кто посмеет оспорить это. Теркалера убил я, и это самое меньшее, чего он заслуживал.

— А не видели ли вы в это время поблизости меня?

Иллиарди посмотрел на него внимательно, затем покачал головой.

— Кажется, нет. Но я не уверен. Все, что случилось после убийства, у меня как во сне.

— Благодарю вас,— произнес Баррент и покинул Эйфориаториум.

Глава 14

Чем больше Баррент думал, тем больше приходил в недоумение. Если Теркалера убил Иллиарди, то почему Баррента отправили на Омегу? Если произошла ошибка, то почему его не выпустили, когда обнаружили настоящего убийцу? Зачем кто-то на Земле обвинил его в преступлении, которого он не совершал? И зачем фальшивое воспоминание об убийстве внедрили ему в память, да еще на подсознательном уровне?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но и прежде не чувствуя себя убийцей, теперь он нашел доказательство. Сознание невиновности все изменило и расставило по своим местам: его вовсе не привлекает омегианский образ жизни. Он хочет вернуться на Землю!

Однако это невозможно. В небе днем и ночью кружили сторожевики. Но даже если бы удалось как-то увернуться от них, шансов на побег не было никаких. Техника Омеги дошла только до двигателей внутреннего сгорания; звездные корабли принадлежали Земле.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий и будто щеголял своим антиобщественным поведением. Он игнорировал приглашения из Магазина снов и никогда не посещал публичных казней. Когда ревущие толпы собирались поразвлечься в Квартале Мутантов, у Баррента начинались головные боли. Он не участвовал в Охотах Дня посадки и грубо обошелся с торговым представителем «Ежемесячных пыток». И даже визиты Дяди Ингмара не смогли поколебать его антирелигиозные настроения.

Баррент понимал, что напрашивается на неприятности, и ожидал их с каким-то странным, но бодрящим нетерпением. В конце концов, на Омеге нет ничего необычного в нарушении законов — если удается выйти сухим из воды.

Случай проверить свою решимость ему представился довольно скоро. Однажды на улице его толкнул прохожий. Баррент отошел, но тот схватил его за плечо.

— Ты знаешь, кого ты толкнул? — спросил мужчина. Он был коренастый и приземистый. Одежда указывала на принадлежность к привилегированным гражданам. Пять серебряных звезд на ремне — количество узаконенных убийств.

— Я не толкал вас,— сказал Баррент.

— Ты лжешь, любитель мутантов.

Услышав смертельное оскорбление, толпа замерла. Баррент сделал шаг назад, выжидая. Мужчина потянулся

за оружием отработанным артистичным движением, но иглолучевик Баррента был нацелен на полсекунды раньше. Он просверлил обидчика прямо между глаз; затем, почувствовав движение сзади, Баррент резко обернулся.

Двое привилегированных граждан вытаскивали свое тепловое оружие. Баррент выстрелил, ныряя под прикрытие здания. Противники упали и обуглились. Деревянная стена рядом с Баррентом разлетелась на кусочки — из аллеи стрелял еще один. Двумя выстрелами Баррент уложил его.

И все. В течение нескольких секунд он убил четверых.

Баррент был доволен: теперь любителям повышения статуса есть о чем подумать. Вполне возможно, они переключатся на более доступные объекты и оставят его в покое.

У себя в магазине он застал Джо. Маленький кредитный вор выглядел расстроенным.

— Видел сегодня, как ты стрелял. Отличная работа.

— Благодарю,— сказал Баррент.

— Думаешь, это тебе поможет? Думаешь, что сможешь дальше нарушать закон?

— Пока удается.

— Безусловно. Но как по-твоему, сколько ты продержишься?

— Сколько надо будет.

— Нет,— сказал Джо.— Нельзя безнаказанно нарушать закон. Только сосунки верят в это.

— Им придется послать за мной стрелков получше,— заметил Баррент, перезаряжая иглолучевик.

— Все произойдет не так,— произнес Джо.— Поверь мне, Уилл, нельзя сосчитать способов избавиться от тебя. Когда закон решил действовать, его не остановишь. И между прочим, не жди помощи от своей подруги.

— Ты знаешь ее? — спросил Баррент.

— Я знаю всех,— мрачно сказал Джо.— У меня друзья в правительстве. Я знаю, что тобой недовольны. Слушай меня, Уилл. Ты же не хочешь плохо кончить?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты можешь связаться с Моэрой? Ты знаешь, где найти ее?

— Возможно. Зачем?

— Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Скажи ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили на Земле.

Джо уставился на него.

— Ты спятил?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его: житель второго класса Иллиарди.

— Чего же об этом распространяться? — удивился Джо.— Не имеет смысла терять уважение.

— Я не убивал,— упрямо повторил Баррент.— Передашь Моэре?

— Хорошо,— согласился Джо.— Если смогу найти ее. Но лучше послушай меня. Может, еще не поздно все исправить. Сходи на Черную Мессу...

— Возможно, я так и сделаю,— произнес Баррент.— Ты обязательно скажешь Моэре?

— Да,— пообещал Джо. Он вышел из магазина противоядий, печально качая головой.

Глава 15

Тремя днями позже Баррента посетил высокий пожилой мужчина с горделивой осанкой, такой же прямой, как церемониальный меч, висевший у него на боку. На нем был мундир с высоким воротником-стойкой, черные брюки и блестящие черные туфли. По одежде Баррент распознал в нем важного государственного чиновника.

— Правительство Омеги шлет вам поздравления,— начал гость.— Я Норинс Джей, Субминистр Игр. В соответствии с законом я нахожусь здесь, дабы лично уведомить вас о великой удаче.

Баррент осторожно кивнул и пригласил посетителя пройти в комнату. Но Джей, величественный и исполненный достоинства, предпочел остаться в магазине.

— Вчера была проведена ежегодная Лотерея,— объявил он.— Вы, гражданин Баррент, один из выигравших. Поздравляю вас.

— А что за награда? — поинтересовался Баррент. Он слышал о Лотерее, но имел о ней лишь самое смутное представление.

— Почет и слава. Увековечение вашего имени в гражданских свитках. Сохранение для потомства списка ваших убийств. Конкретно — вы получите иглолучевик государственного выпуска и будете посмертно награждены Серебряным знаком солнечных лучей.

— Посмертно?

— Конечно. Серебряные солнечные лучи всегда присуждают посмертно. Однако от этого они не менее почетны.

— Да-да,— согласился Баррент.— Что-нибудь еще?

— Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, отмечающей начало ежегодных Игр. Охота, как вам известно, олицетворяет наш омегианский образ жизни. В ней присутствуют все элементы драматических взлетов и падений, соединенные с возбуждением борьбы и волнующим трепетом погони. Даже пеонам позволено участвовать в Охоте, потому что это праздник, открытый для всех, праздник, символизирующий возможность любого человека выйти за рамки своего статуса.

— Если я вас верно понял,— заметил Баррент,— я выбран одним из тех, за кем будут охотиться?

— Да,— подтвердил Джей.

— Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не означает, что никого не убьют?

— Вовсе нет, что вы! — воскликнул Джей.— На Омеге символы и символизируемая вещь практически одно и то же. Когда мы говорим Охота, то имеем в виду настоящую охоту. Иначе все выродится в показуху.

Баррент молчал, обдумывая положение. Оно было не из приятных. Лицом к лицу с врагом, в простой дуэли, он имел прекрасные шансы на победу. Но Охота с участием всего населения Тетрахида...

— Каким образом меня выбрали?

— Случайным отбором,— объяснил Норинс Джей.— Никакой другой способ не достоин тех, кто отдает свою жизнь во имя вящей славы Омеги.

— Что-то не верится, что меня выбрали совершенно случайно.

— Выбор был случайным,— заверил Джей.— Производился он, конечно, по списку подходящих жертв. Не каждый годится на роль Дичи. Человек должен проявить немало сил и упорства, чтобы Комитет Игр включил его в список кандидатов. Быть Дичью — великая честь.

— Не знаю,— заявил Баррент.— Просто вы преследуете меня.

— Вы не правы. Могу заверить, что никто в правительстве не питает к вам злых чувств. Вы нарушили закон, но это вовсе не касается правительства. Это дело касается исключительно вас и закона.

Синие ледяные глаза Джея сверкнули при упоминании о законе. Он выпрямился и еще плотнее сжал губы.

— Закон стоит над преступником и судьей и правит ими обоими. Он неотвратим, ибо любое действие либо законно, либо противозаконно. Если можно так выразиться, закон живет своей жизнью, ведет существование, совершенно отдельное от конечных жизней существ, приводящих его в исполнение. Закон управляет каждым аспектом человеческого поведения; следовательно, в той степени, в какой люди являются законными существами, закон человечен. И, будучи человечным, закон имеет свои слабости. Для граждан, соблюдающих закон, он далек и незаметен. Но если кто-то отвергает или преступает его, закон восстает из праха и преследует нарушителя.

— Вот почему меня выбрали на роль Дичи?

— Конечно,— сказал Субминистр.— Не выбрали бы вас сейчас, рьяный и недремлющий закон нашел бы другие пути, используя все доступные способы.

— Благодарю за информацию,— произнес Баррент.— Сколько у меня времени до начала Охоты?

— Охота начинается на рассвете и заканчивается с первой зарей следующего дня.

— А что будет, если меня не убьют?

Норинс Джей слабо улыбнулся.

— Такое случается нечасто, гражданин Баррент. Я уверен, это не должно волновать вас.

— Но все же бывает?

— Да. Те, кто остался в живых, автоматически включаются в Игры.

— А если я выживу в Играх?

— Забудьте об этом,— посоветовал Джей дружеским тоном.

— Но почему?

— Поверьте мне, гражданин, вы не выживете.

— Я все-таки желал бы знать, что произойдет в таком случае.

— Тот, кто проходит Игры, оказывается вне закона.

— Звучит многообещающе,— заметил Баррент.

— Вовсе нет. Закон, даже в самом своем карающем проявлении, стоит на страже ваших интересов. Как бы ни было мало у вас прав, закон гарантирует их соблюдение. Я не убил вас сейчас и здесь только потому, что это было бы незаконно.— Джей разжал руку, и Баррент увидел крошечное однозарядное оружие.— Закон устанавливает рамки и определяет поведение как своих нарушителей, так и исполнителей. Сейчас он повелевает вам умереть. Но все люди смертны. Закон, в силу своей природы проникающий в самую глубь явлений, открывает вам дату вашей смерти. Вы знаете хотя бы день; если бы не закон, вы остались бы в неведении.

— И все же,— настаивал Баррент,— если я выживу в Играх и окажусь вне закона?

— Единственный, кто существует вне закона,— задумчиво произнес Норинс Джей,— это сам Великий Черный. Оказавшиеся вне закона принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть живым в руки Великого Черного.

Баррент давно пришел к выводу, что культ Великого Черного — суеверная чепуха. Но теперь, слушая доверительный голос Джея, он начал сомневаться. Может существовать реальное отличие между обычным поклонением Злу и действительным присутствием самого Зла?

— Но если вам повезет,— продолжал Джей,— вас убьют сразу. А сейчас последние инструкции.

Джей потянулся свободной рукой в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым отработанным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел опомниться, как все было кончено.

— Это помечает вас как Дичь,— сказал Джей.— Пометки несмываемы. Вот ваш государственный иглолучевик.— Он вынул оружие из кармана и положил на стол.— Охота, как я говорил, начинается с первым светом зари. Убить вас имеет право каждый, кроме другой Дичи. Вы также можете убивать. Но я советую делать это с большой осторожностью: вспышки и звук выстрела выдавали многих. Если будете прятаться, не забывайте обеспечить себе выход. Помните, что другие знают Тетрахид лучше вас. Опытные охотники изучили все потаенные места; с Дичью кончают в основном в первые часы праздника. Желаю вам удачи, гражданин Баррент.

На пороге Джей снова обернулся к Барренту.

— Я должен добавить, что одна довольно маловероятная возможность сохранить жизнь и свободу на Охоте существует. Но мне запрещено рассказывать о ней.

Субминистр поклонился и вышел.

После долгих стараний Баррент убедился, что алые пометки действительно несмываемы. Вечером он разобрал государственный иглолучевик. Как и следовало ожидать, оружие оказалось дефектным.

Он взял собственный лучевик и начал приготовления к Охоте: сложил в маленький рюкзак еду, воду, моток веревки, нож, немного одежды и запасное оружие. Потом сел и стал ждать, надеясь вопреки здравому смыслу, что в последнюю минуту его спасет Моэра и ее организация.

Спасение не пришло. За час до рассвета Баррент покинул магазин противоядий. Он не имел представления, что делают другие жертвы, но уже решил, где ему спрятаться от Охотников.

Глава 16

Авторитетные умы на Омеге признавали, что положение Дичи круто меняет характер личности. Если бы преследуемый мог взглянуть на Охоту как на отвлеченную проблему, он наверняка сделал бы более или менее правильные выводы. Но типичная Дичь независимо от интеллекта не в состоянии отделить эмоции от рассудка. Ведь охотятся *на нее.* Ею овладевает паника. Безопасность ассоциируется с местами отдаленными и тайными. Жертва уходит как можно дальше от дома, зарывается глубоко в землю, петляет по закоулкам. Она предпочитает темноту свету, уединение — толпе.

Это хорошо известно Охотникам. Вполне естественно, они в первую очередь обыскивают пустынные темные места, подземные переходы, заброшенные дома и склады. И там неумолимо настигают добычу.

Баррент учел все это. Он поборол свой первый порыв исчезнуть в мрачной клоаке Тетрахида и направился к большому, ярко освещенному корпусу Министерства Игр.

Когда коридоры, казалось, опустели, он быстро вошел внутрь, прочитал указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Миновав несколько дверей, Баррент наконец остановился у искомой: «НОРИНС ДЖЕЙ. СУБМИНИСТР». Он прислушался, затем открыл дверь и шагнул в комнату.

У старого чиновника была неплохая реакция. Баррент не успел переступить порог, как Джей, увидев отметки на его лице, потянулся к ящику стола.

Баррент не хотел убивать старика. Он рванулся вперед и ударил Джея государственным иглолучевиком прямо в лоб. Джей пошатнулся, привалился к стене и рухнул на пол.

Баррент наклонился к нему и проверил пульс. Потом связал свою жертву, сунул в рот кляп и затолкал Субминистра под стол. Порывшись в ящиках, он нашел табличку: «Заседание. Не мешать», повесил ее и запер дверь. Затем уселся за стол, держа наготове свой собственный иглолучевик, и стал ждать развития событий.

Светало. Над Омегой вставало бледное солнце. Баррент видел через окно, как улицы наполняются людьми. В городе царило лихорадочное возбуждение карнавала, праздничный шум то и дело перемежался отрывистым шипением лучевиков и внятными взрывами реактивного оружия.

К полудню Баррент оставался необнаруженным. Он выглянул в окно и с удовлетворением отметил, что имеет возможность выбраться на крышу, то есть на худой конец есть запасной выход.

В середине дня начал приходить в себя Джей. Попробовав освободиться от веревок, он вскоре успокоился и тихо лежал под столом.

Перед самым вечером кто-то постучал в дверь.

— Мистер Джей, разрешите войти?

— Не сейчас,— ответил Баррент, надеясь, что удачно имитирует голос чиновника.

— Вас, должно быть, интересует статистика Охоты,— сказал человек за дверью.— К настоящему моменту граждане убили семьдесят три жертвы, осталось восемнадцать. Это лучше, чем в прошлом году.

— О да,— согласился Баррент.

— Количество спрятавшихся в канализационной системе больше обычного. Несколько человек пытались обмануть, укрывшись дома. Остальных мы ищем в обычных местах.

— Отлично,— одобрил Баррент.

— Пока никто еще не сделал прорыв,— продолжал мужчина.— Странно, что Дичь редко думает об этом. Впрочем, нам же лучше — нет надобности использовать машины.

Интересно, что он имеет в виду?.. Куда можно сделать прорыв? И как используют машины?

— Мы уже подобрали кандидатов для Игр,— добавил докладчик.— Хорошо, если бы вы завизировали список.

— Оставляю его на ваше усмотрение,— сказал Баррент.

Послышались удаляющиеся шаги. Похоже, он что-то заподозрил, подумал Баррент. Разговор длился слишком долго, надо было закончить его раньше. Пожалуй, стоит перейти в другое помещение.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в дверь грубо застучали.

— Да?

— Гражданский комитет,— ответили басом.— Будьте любезны открыть. У нас есть основания считать, что здесь прячется Дичь.

— Чепуха,— уверенно заявил Баррент.— Сюда нельзя входить. Это государственное учреждение.

— Можно,— сказал бас.— Ни одно помещение, контора или здание не закрыты для граждан в День Охоты. Ну?

Когда дверь затрещала под мощными ударами, Баррент дважды выстрелил, давая пищу для размышлений, и вылез в окно.

Крыши Тетрахида, как сразу заметил Баррент, были идеальным местом для укрытия; именно поэтому прятаться там явно не следовало. Лабиринт почти соприкасающихся островерхих скатов, шпилей, дымовых труб был словно специально создан для побега; но на крышах уже стояли люди. Они увидели его и закричали.

Баррент бросился бежать. Охотники догоняли его и окружали с флангов. Он перепрыгнул через пятифутовую щель между зданиями, еле удержав равновесие на крутом скате, и вскарабкался на другую сторону крыши.

Паника гнала его вперед. Охотники отстали. Если бы удалось выдержать темп еще хоть десять минут! Он бы спустился и поискал более надежное убежище.

Еще один пятифутовый промежуток между домами. Баррент прыгнул, не колеблясь. Приземлился он хорошо. Но правая нога по бедро провалилась сквозь прогнившее перекрытие. Он напряг все силы, пытаясь вытащить ногу, но от крутой гнилой крыши не оттолкнешься.

— Вот он!

Баррент обеими руками рванул дранку. Охотники приблизились уже почти на расстояние выстрела из иглолучевика. Ко времени, когда он сумеет высвободить ногу, он станет легкой добычей.

Когда Охотники появились на примыкающем здании, Баррент выломал трехфутовую дыру и, не видя иного выхода, прыгнул вниз. Секунду он летел в воздухе, затем приземлился ногами на стол, который развалился, сбросив его на пол. Баррент поднялся и увидел, что попал в гостиную хаджи-класса. Неподалеку в кресле-качалке сидела старуха. Челюсть у нее отвисла от страха, и она машинально продолжала раскачивать кресло.

По крыше загромыхали Охотники. Баррент бросился на кухню к черному ходу, проскользнул под веревками для белья и перемахнул через невысокий забор. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Подняв голову, он увидел мальчишку, старающегося нацелить тяжелое тепловое оружие. Очевидно, отец запретил ему охотиться на улице.

Баррент свернул в переулок и добежал до аллеи, показавшейся ему знакомой. Он понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Сзади раздались крики преследователей. Он рванулся к дому Милы и нашел дверь незапертой.

Все были там — одноглазый мужчина, лысая старая женщина и Мила. Они совсем не удивились его появлению.

— Итак, вас выбрали в Лотерее,— произнес старик.— Мы так и знали.

— Это Мила прочла в воде? — спросил Баррент.

— Нет,— ответил старик.— Это можно было предсказать и так, учитывая, что вы за человек. Смелый, но не безжалостный. Вот в чем ваша беда, Баррент.

Старик отбросил обязательную форму обращения к привилегированному гражданину, что в данных обстоятельствах было вполне естественно.

— Каждый год одно и то же,— продолжал он.— Вы были бы поражены, узнав, сколько многообещающих молодых людей, за которыми по пятам гнались Охотники, кончали свой путь в этой комнате — смертельно уставшие, державшие иглолучевик, будто он весит тонну. Они ждали от нас помощи, но мутанты предпочитают не ввязываться в неприятности.

— Замолчи, Дем,— перебила старая женщина.

— Но вам мы должны помочь,— невозмутимо сказал Дем.— У Милы на этот счет свои соображения.— Он язвительно усмехнулся.— Ее мать и я пытались разубедить ее, но она настаивала. А так как только она среди нас может скреннировать, то пусть поступает по-своему.

Даже с нашей помощью у вас очень мало шансов пережить Охоту,— произнесла Мила.

— Если они меня убьют,— поинтересовался Баррент,— как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы видели меня смотрящим на собственный труп, разбитый на кусочки?

— Помню,— согласилась Мила.— Но ваша смерть не помешает предсказанию. В таком случае оно сбудется с вами в другом воплощении.

Баррента это не успокоило.

— Что мне делать?

Старик протянул кучу лохмотьев.

— Наденьте это, а я поработаю над вашим лицом. Вы, мой друг, станете мутантом.

Вскоре Баррент вышел на улицу, одетый в старую выцветшую рванину. Под ней он сжимал иглолучевик, а в свободной руке держал чашу для подаяний. Старик щедро наложил розовато-желтый грим. На лбу лежали чудовищные морщины, а нос расползся чуть не до ушей. Лицо изменилось до неузнаваемости, охотничьи пометки были скрыты.

Мимо рысью промчался отряд Охотников, едва удостоив его взглядом. Баррент почувствовал некоторое облегчение. Он выигрывал драгоценное время. Последние

лучи бледного солнца скрывались за горизонтом. Ночь предоставит дополнительные преимущества, и он сможет продержаться до зари. Потом, конечно, будут Игры, но Баррент не собирался принимать в них участие: если грим сумеет защитить его от всего города, то уж сам он себя не обнаружит.

Пожалуй, после окончания Игр он сможет вновь появиться в обществе. Вполне вероятно, если ему удастся пережить Охоту и увильнуть от Игр, его наградят особо. Такое дерзкое и успешное нарушение закона должно быть оценено по достоинству.

Баррент увидел еще одну группу приближающихся Охотников. Их было пятеро, и среди них — Тем Ренд, внушительный и гордый в новенькой форме убийцы.

— Эй, ты! — крикнул один из Охотников.— Не видел здесь Дичи?

— Нет, гражданин,— ответил Баррент, почтительно склонившись и сжав под лохмотьями иглолучевик.

— Не верьте ему. Эти проклятые мутанты всегда лгут.

Группа прошла, но Тем Ренд задержался.

— Ты уверен, что не видел поблизости Дичи?

— Абсолютно, гражданин,— сказал Баррент, пытаясь понять, узнал ли его Ренд. Он не хотел убивать; кроме того, он не был уверен, что в состоянии это сделать,— у Ренда была непревзойденная реакция. Но сейчас его иглолучевик небрежно висел в опущенной руке, в то время как Баррент держал свой нацеленным. Это могло свести на нет превосходство Ренда в скорости и меткости.

В итоге, подумал Баррент, они, наверное, сыграют вничью и убьют друг друга.

— Ну, если ты *увидишь* Дичь,— произнес Ренд,— то посоветуй не гримироваться под мутанта.

— А почему?

— Надолго этого трюка не хватит,— безразлично сказал Тем.— Максимум на час. Потом засекут информаторы. Если бы охотились за мной, я бы, может, и прикинулся мутантом. Но только не для того, чтобы расхаживать в таком виде по тротуару,— я бы выбрался из Тетрахида.

— Да?

— Каждый год в горы уходят несколько жертв. Правительство об этом, конечно, молчит, и большинство граждан ничего не знает. Но Гильдия убийц располагает полным архивом всех когда-либо использовавшихся трюков и способов побега. Это входит в наши обязанности.

— Очень интересно,— сказал Баррент. Он понял, что Ренд узнал его. Тем оказался хорошим соседом — и плохим убийцей.

— Разумеется, из города выбраться нелегко,— добавил Ренд.— Да и вне его пределов не следует считать себя в безопасности. Есть специальные Охотничьи патрули и, что гораздо хуже...

Он внезапно замолчал. К ним приближалась группа Охотников. Ренд кивнул и побежал вслед за своими.

После того как Охотники прошли, Баррент выпрямился. Тем дал ему хороший совет. Конечно, нужно выбраться из города. Жизнь в омегианских горах чрезвычайно сложна, но любые трудности лучше смерти.

Если даже удастся проскочить через ворота, нельзя забывать о патрулях. Но Ренд упомянул о чем-то худшем. Что это? Особые части Охотников-альпинистов? Неустойчивый климат Омеги? Смертоносная флора или фауна? Эх, если бы Ренд успел договорить...

Когда спустились сумерки, Баррент достиг Южных Ворот. Согнувшись, как под тяжкой ношей, он заковылял навстречу сторожевому отряду, который преградил ему путь.

Глава 17

С охраной осложнений не было. Целые семьи мутантов покидали город, пережидая в горах, пока не закончится безумие Охоты. Баррент присоединился к одной из таких групп и вскоре оказался в миле от Тетрахида.

Там мутанты остановились и разбили лагерь. Баррент пошел вперед и к полуночи уже взбирался по скалистому, выветренному склону высокой горы. Он был голо-

ден, но холодный свежий воздух подбадривал и прибавлял сил.

Шумные охотничьи отряды, прочесывающие горы, были слышны издалека, и Баррент легко обходил их во тьме, продолжая карабкаться наверх. Скоро все стихло, кроме завывания ветра в скалах. Было около двух часов ночи; до зари оставалось еще часа три.

Ранним утром пошел легкий дождик, обернувшийся ледяным ливнем,— обычная погода для Омеги, как и грозовые тучи, сгустившиеся над вершинами гор, и раскаты грома, и яркие желтые вспышки молний. Баррент укрылся в неглубокой пещерке. Еще повезло, что не грянул мороз.

Он сидел и боролся со сном. Остатки грима стекали по лицу. Сквозь дрему он наблюдал за склоном внизу. И вдруг в ослепительном свете молнии увидел, как что-то движется вверх по горе, направляясь прямо к его пещере.

Он встал, держа наготове иглолучевик, и в очередной вспышке разглядел влажный блеск металла, перемигивание красных и зеленых огней и металлические щупальца, цепляющиеся за камни и низкорослые кусты.

С такой машиной Баррент сражался в подвалах Департамента юстиции. Теперь он понял, о чем его хотел предупредить Ренд. Он понял также, почему у Дичи было так мало шансов остаться в живых, даже если удавалось покинуть город. На этот раз Макс не будет выбирать орудие убийства случайно, чтобы уравнять шансы. И вряд ли предохранитель машины будет доступен.

Баррент выстрелил — заряд отразился от бронированного лба машины,— вылез из пещеры и стал взбираться по предательски скользкому склону. Машина неотступно двигалась за ним. Он попытался оторваться от нее на плато с зазубренными валунами, но сбить Макса со следа не удалось. Машина, должно быть, преследует его по запаху несмываемой краски на лице, сообразил Баррент.

Он сбросил вниз с обрыва несколько камней, надеясь вызвать лавину. Макс увертывался от летящих обломков; те, что попадали в него, отскакивали далеко в стороны.

Наконец Баррент уперся в отвесную скалу, выше подниматься было некуда. Когда машина подобралась вплотную, он поднял иглолучевик, нажал на курок и выпустил полный заряд.

Макс содрогнулся; затем выбил оружие и обвил щупальце вокруг шеи Баррента. Металлическое кольцо сжималось. Баррент почувствовал, что теряет сознание. Интересно, успел подумать он, задушат его или сломают шею?

Внезапно кольцо разжалось. Машина отступила назад. За ее спиной Баррент увидел серые лучи зари.

Он пережил Охоту. Машина была запрограммирована на убийство только до рассвета. Но она не выпустила его, а продержала у скалы до прихода Охотников.

Те привели Баррента в Тетрахид, где бешено аплодирующая толпа с восторгом приветствовала его. После двухчасовой процессии Баррента и четырех других выживших доставили в Призовой комитет, где председатель произнес короткую прочувствованную речь о проявленных ими отваге и ловкости. Им был присвоен ранг хаджи и вручена крошечная золотая серьга статуса.

В заключение председатель пожелал новоиспеченным хаджи легкой смерти в Играх.

Глава 18

Стражники вывели Баррента из зала Призового комитета и увлекли в подземную темницу под Ареной, где его заперли в камеру и посоветовали спокойно ждать. Игры уже начались, и скоро наступит его черед.

В трехместную камеру было втиснуто десять человек. Большинство сидели или лежали в молчаливой апатии, уже смирившись со своей участью. Но один явно не пал духом. Он протолкался к Барренту.

— Джо!

Ему улыбался маленький кредитный вор:

— Не самое приятное место для встречи, Уилл.

— Что с тобой произошло?

— Политика,— ответил Джо.— Каверзное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что в безопасности, но...— Он пожал плечами.— Меня избрали утром.

— Есть какой-нибудь шанс отсюда выбраться?

— Я рассказал о тебе твоей знакомой,— произнес Джо.— Может быть, ее друзья смогут что-нибудь сделать. А я рассчитываю на помилование.

— Это возможно?

— Все возможно. Однако лучше не надеяться.

— На что похожи Игры? — спросил Баррент.

— Игры есть игры,— ответил Джо.— Поединки, схватки с омегианскими животными и растениями, дуэли на иглолучевиках и тепловиках. Говорят, это копия стародавних английских турниров.

— Если кто-нибудь выживет,— произнес Баррент,— он вне закона?

— Верно.

— А что значит быть вне закона?

— Понятия не имею,— сознался Джо.— Похоже, что этого не знает никто. Я сумел выяснить лишь, что выжившего забирает Великий Черный. Очевидно, это неприятно.

— Могу себе представить. На Омеге вообще мало приятного.

— Это неплохое место, Уилл. У тебя просто нет того духа...

Его прервало появление взвода охраны. Обитателям камеры пора было выходить на Арену.

— Помилования нет,— сказал Баррент.

— Что поделаешь,— вздохнул Джо.

Тесно сомкнувшись, стражники вывели их и построили в ряд перед железной дверью, отделявшей темницу с камерами от Арены. Начальник караула собрался было открыть дверь, но тут в боковом коридоре показался запыхавшийся хорошо одетый толстяк, размахивающий бумагами.

— Что это? — спросил командир.

— Удостоверение личности,— произнес толстяк, вручая бумагу и вытаскивая из кармана еще целую кипу листков.— А вот ордер на прекращение, перечень полномочий, закладная на недвижимость и справка о доходах.

Начальник стражи стянул шлем и ошарашенно почесал узкий лоб.

— Что все это значит?

— Он свободен,— объявил толстяк, указывая на Джо.

Командир взял бумаги, удивленно их пролистал и вернул толстяку.

— Ну хорошо, забирайте. Раньше такого не бывало. Ничто не препятствовало установленному течению Игр.

Победно улыбаясь, Джо пробился сквозь стену охраны к адвокату и спросил его:

— У вас есть какие-нибудь бумаги на Уилла Баррента?

— Нет,— сказал адвокат.— Его дело не у меня. Боюсь, что с ним не управятся до конца Игр.

— Но тогда я, наверное, уже буду мертв,— заметил Баррент.

— Могу вас заверить, что это ни в коей мере не отразится на рассмотрении вашего дела,— с гордостью заявил адвокат.— Живой или мертвый, вы сохраните все свои права.

— Пора идти,— сказал командир.

— Удачи,— пожелал Джо, и цепочка узников втянулась через железную дверь на ярко освещенную Арену.

Баррент прошел через поединки, в которых погибла четверть заключенных. После того их, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегианской фауны. Среди тварей, с которыми им предстояло сражаться, были гинтолит и гинтоцед — чудовища с тяжелой броней и огромными челюстями, обитавшие в пустынях к югу от Тетрахида. Когда их наконец убили, пятнадцать человек были мертвы. Затем Барренту достался саунус — черный летающий ящер с Западных гор. Сперва уродливое ядовитое создание теснило его. Но потом он нашел решение: прекратил попытки пробить кожный панцирь

саунуса и сосредоточил все усилия на том, чтобы отрубить хвост. Когда ему это удалось, рептилия потеряла равновесие, врезалась в высокую стенку, отделяющую зрителей, и сравнительно легко позволила нанести завершающий удар в единственный громадный глаз. Толпа приветствовала победу Баррента восторженными криками.

Он прошел в запасную будку и стал смотреть, как другие сражаются с трихомотредами, невероятно проворными существами размером не больше крысы с повадками взбесившейся росомахи. Прежде чем их одолели, погибло пять команд невольников. Затем, после короткой интерлюдии поединков, Арену вновь расчистили.

Теперь на нее вползли амфибии с роговым покрытием. Броня толщиной в несколько дюймов делала их практически неуязвимыми, несмотря на медлительные движения. Узкие плети хвостов, служивших им одновременно антеннами, грозили гибелью каждому, кто осмелится приблизиться. Барренту пришлось сражаться с одной из амфибий после того, как она прикончила четырех его предшественников.

Баррент наблюдал за предыдущими схватками и заметил место, куда не мог дотянуться острый хвост чудовища. Баррент выждал момент и запрыгнул на широкую спину амфибии, а когда в роговой броне разверзлась гигантская пасть, он вонзил туда свой меч. Чудище с незамедлительной готовностью испустило дух; толпа, выражая одобрение, закидала Арену подушками.

Победитель одиноко стоял на залитом кровью песке: прочие участники Игр были мертвы или изувечены. Баррент ждал, какого нового врага выберет Комитет Игр.

В песок упало семечко, затем еще одно. Через секунду на Арене уже росло короткое толстое дерево, выпускающее все больше веток и корней, затягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять отверстий-ртов, расположенных по окружности ствола. Это был каррион — очень редкое и трудно транспортируемое растение. Говорили, что оно горит, как порох, но у Баррента не было огня.

Держа меч обеими руками, Баррент бешено рубил ветки, однако на их месте тут же вырастали другие. Казалось, уничтожить дерево невозможно.

Единственная надежда — медленные движения растения. Во всяком случае, они не могли сравниться с человеческой реакцией. Баррент вырвался из обвивших его ветвей и бросился к другому мечу, лежавшему футах в двадцати и полузасыпанному песком. Он схватил его и услышал предупреждающие крики толпы — к ноге подтянулась ветка.

Баррент обрубил ее, но в это время другая обвилась вокруг туловища. Он поднял руки над головой и ударил одним мечом по другому, стараясь выбить искру.

Меч в правой руке сломался.

Баррент подобрал половинки и продолжал попытки, но ветви все ближе подтаскивали его к ротовым отверстиям. Наконец от звенящей стали отлетел сноп искр. Одна из них коснулась побега, который вспыхнул с невообразимой скоростью. Пламя побежало по ветвям к стволу, и пятеро ртов издали стонущий звук.

Баррент неминуемо бы сгорел — почти вся Арена была заполнена ветками. Но пожар угрожал деревянным стенам, и огонь загасили, спасая зрителей и Баррента.

Едва держась на ногах, Баррент стоял в центре Арены, ожидая очередного врага. Однако время шло, а ничего не происходило. Прозвучал сигнал из ложи председателя судейской коллегии, и толпа взорвалась криками.

Игры кончились. Баррент выжил.

Но народ не расходился. Зрители желали знать, что будет с человеком, оказавшимся вне закона.

Толпа ахнула. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе яркое световое пятно. Оно разбухало, выбрасывая потоки лучей и втягивая их обратно, росло на глазах и ослепляло своим блеском. Барренту вспомнились слова Дяди Ингмара: «Иногда Великий Черный удостаивает нас появлением в ужасной красоте своего огненного тела. Да, Племянник, мне посчастливи-

лось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того...»

Пятно превратилось в оранжевый шар около двадцати футов в диаметре, висевший в воздухе, едва касаясь земли. Шар продолжал расти и одновременно сужаться в центре. Верхняя половина его стала черной. Теперь образовалось два шара — один ослепительно яркий, другой абсолютно черный,— соединяющиеся тонкой талией. Верхний стал вытягиваться и принял форму увенчанной рогами головы Великого Черного.

Баррент побежал, но гигантская черноголовая фигура догнала его и поглотила. Он очутился в центре невообразимо сверкающего вихря с непроглядной тьмой вверху. Голова закружилась, он хотел крикнуть и потерял сознание.

Глава 19

Баррент очнулся в тускло освещенном помещении. Он лежал в постели. Рядом спорили двое.

— У нас нет больше времени,— горячился мужчина.— Ты не понимаешь всей остроты положения.

— Доктор сказал, что ему нужно по крайней мере три дня покоя,— произнес женский голос, и Баррент вдруг понял, что это Моэра.

— Три дня у нас будут.

— А время на обучение?

— Ты говоришь, что он умен и быстро схватывает.

— Потребуются недели.

— Исключено. Корабль приземляется через шесть дней.

— Эйлан,— сказала Моэра,— ты торопишь события. Сейчас нам это не удастся. К следующему Дню посадки мы будем подготовлены гораздо лучше.

— К тому времени положение выйдет из-под контроля,— возразил мужчина.— Мы должны или немедленно использовать Баррента, или не использовать его вовсе.

Баррент разлепил губы:

— Использовать для чего? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. В слабом свете Баррент увидел очень высокого худого согбенного старика с полоской реденьких усов.

— О, вы уже пришли в себя,— сказал он.— Меня зовут Свен Эйлан. Я начальник Группы Два.

— Что такое Группа Два? — спросил Баррент.— Как вам удалось вытащить меня с Арены? Вы агенты Великого Черного?

Эйлан улыбнулся.

— Не совсем так. Мы все объясним. Но сперва, мне думается, вам следует подкрепиться.

Сестра внесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан, сидя рядом на стуле, рассказывал о Великом Черном.

— Наша Группа не претендует на то, что положила начало религии Великого Черного. Она возникла на Омеге спонтанно. Но грех был бы не извлекать из нее пользу. Священники оказались замечательно сговорчивыми,— ведь поклонники Зла положительно смотрят на коррупцию. Следовательно, в глазах омегианского священнослужителя появление ложного Великого не будет анафемой. Напротив, на рядовых верующих подобные образы оказывают сильное влияние — особенно такое огромное страшилище, которое поглотило вас.

— Как вы это устроили? — поинтересовался Баррент.

— Какие-то фрикционные поверхности и силовые поля. Надо спросить у наших инженеров.

— Почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру. Та демонстративно пожала плечами, и Эйлан смущенно проговорил:

— Мы хотим поручить вам важное дело. Но вам, должно быть, не терпится узнать больше о нашей организации?

— Еще как! — сказал Баррент.— Вы что-то вроде криминальной элиты, да?

— Мы — элита,— ответил Эйлан,— но не считаем себя преступниками. На Омегу ссылают два совершенно раз-

ных типа людей. Есть настоящие злодеи, виновные в убийстве, насилии, вооруженном ограблении, бандитизме и тому подобном. Среди таких людей вы жили до сих пор. Есть и иные, обвиненные в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности, атеизме. Именно такие люди составляют нашу организацию, которую в целях конспирации мы назвали Группа Два. Наши преступления заключаются в том, что мы придерживаемся не тех взглядов, которые превалируют на Земле. Мы были нестабильным элементом и представляли опасность для сложившейся системы. И поэтому нас сослали на Омегу.

— Где вы обособились от остальных ссыльных,— заключил Баррент.

— Да, по необходимости. С одной стороны, настоящие преступники Группы Один не поддаются контролю. Мы не можем повести их за собой и не можем позволить себе быть ведомыми ими. Но что более важно, мы должны хранить в тайне свою деятельность. Неизвестно, какими средствами наблюдения оборудованы сторожевые корабли. И мы ушли в подполье — буквально. Эта комната находится под землей на глубине двухсот футов. Связь с поверхностью поддерживают специальные агенты, такие, как Моэра, которые вербуют политических заключенных.

— Я вам не подошел,— произнес Баррент.

— Конечно, нет. Вы обвиняетесь в убийстве, что автоматически относило вас к Группе Один. Однако ваше поведение было нетипичным, и мы вам иногда помогали. Но в Группу без полной уверенности принять не могли. В вашу пользу говорило предубеждение против убийства. Мы нашли Иллиарди и убедились, что именно он совершил преступление, в котором обвинили вас. Но самым сильным вашим козырем был высокий потенциал выживания, что еще раз подтвердили Игры и Охота. Нам очень нужен человек ваших способностей.

— В чем заключается задание? — спросил Баррент.— Чего вы хотите добиться?

— Мы хотим вернуться на Землю,— сказала Эйлан.

— Но это невозможно.

— Мы тщательно обдумали этот вопрос и считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Очевидно, через шесть дней мы сделаем попытку.

— Лучше подождать еще полгода,— заметила Моэра.

— Шестимесячное промедление будет гибельным. Каждое общество имеет цель, а криминальное население Омеги стремится уничтожить самое себя. Баррент, вы, кажется, удивлены? Вы не замечали этого?

— Никогда не думал об этом,— признался Баррент.— В конце концов, я был его частью.

— Вот представьте: все сконцентрировано вокруг узаконенного убийства. Праздники — предлоги для массовых убийств. Даже закон, регулирующий интенсивность преступности, начинает давать осечки. Мы живем на краю хаоса. Безопасности нет нигде. Хочешь жить — убивай. Единственный способ подняться в статусе — убивать. Безопасно только убивать — все больше и все быстрее.

— Ты преувеличиваешь,— сказал Моэра.

— Ничуть. Ограничители преступности — кажущиеся. Фикция. Все разлагающиеся общества сохраняют иллюзию стабильности до конца. А конец омегианского общества приближается.

— Насколько быстро? — спросил Баррент.

— Дело месяцев. Единственный способ все изменить — найти иной путь.

— Земля,— проговорил Баррент.

— Земля. Вот почему попытка должна быть сделана немедленно.

— Мне известно немногое,— сказал Баррент,— но я с вами и готов войти в состав любой экспедиции.

Эйлан неловко поежился.

— Я, очевидно, не очень удачно все объяснил,— произнес он.— *Вы* и будете экспедицией, Баррент. Вы, и только вы... Извините, если я напугал вас.

Глава 20

По словам Эйлана, единственный серьезный недостаток Группы Два заключался в том, что люди, ее составляющие, в большинстве своем миновали расцвет физических сил. В организации, разумеется, были и молодые, но они мало общались с миром насилия: защищенные подземными укрытиями никогда не стреляли в ярости из иглолучевика, никогда не спасали свою жизнь бегством, никогда не сталкивались с критическими ситуациями. Никакая смелость не могла компенсировать отсутствие такого опыта. Они бы с радостью совершили экспедицию на Землю, но их шансы на успех практически равнялись нулю.

— А вы думаете, мне это удастся? — спросил Баррент.

— Думаю, да. Вы молоды и сильны, достаточно умны и сверхъестественно находчивы. У вас высокий показатель выживаемости. Если кто-нибудь и может добиться успеха, то это вы.

— Но почему в одиночку?

— Потому что нет смысла посылать группу. Просто увеличится вероятность ее обнаружения. Если вы прорветесь, то доставите ценнейшую информацию о враге. Если это не удастся и вы будете схвачены, вашу попытку сочтут дерзким индивидуальным актом. А мы будем поднимать общее восстание на Омеге.

— Как я попаду на Землю? — спросил Баррент.— У вас где-нибудь припрятан корабль?

— Увы, нет. Мы планируем переправить вас на борту тюремного.

— Невозможно!

— Возможно. Мы изучили процедуру. Охрана выводит заключенных и выстраивает их на площади, а корабль остается незащищен, хотя и окружен кордоном. Мы организуем беспорядки и отвлечем внимание охраны, чтобы вы смогли проникнуть на борт.

— Даже если это удастся, меня схватят, как только охрана вернется.

— Вряд ли,— возразил Эйлан.— Тюремный корабль — колоссальный организм с многими потайными закоулка-

ми. Кроме того, на вашей стороне фактор внезапности. Ведь это первая в истории попытка бегства.

— А когда мы прилетим на Землю?..

— Вы будете одеты как член экипажа,— сказал Эйлан.— Помните, неизбежная неповоротливость бюрократической машины работает на нас.

— Будем надеяться,— произнес Баррент.— Хорошо, предположим, что я благополучно достигаю Земли и получаю желаемую информацию. Как ее передать?

— Пошлите на очередном тюремном корабле,— ответил Эйлан.— Мы его захватим.

Баррент потер лоб.

— Почему вы думаете, что хотя бы один из планов — моя экспедиция или восстание на Омеге — против такой могущественной организации, как Земля, может увенчаться успехом?

— Мы должны попытаться,— сказал Эйлан.— Попытаться или погибнуть в кровавой междоусобице. Я понимаю, что шансы малы. Но остается либо рискнуть, либо сдаться без боя. Правительство на Земле — явно тираническое. Это означает наличие подпольных групп сопротивления. Возможен контакт с этими группами. Волнения одновременно здесь и на Земле дадут правительству пищу для размышлений.

— Пожалуй,— согласился Баррент.

— Надо надеяться на лучшее,— сказал Эйлан.— Вы с нами?

— Безусловно,— ответил Баррент.— Я предпочитаю умереть на Земле.

— Тюремный корабль приземлится через шесть дней. За это время мы передадим вам о Земле всю информацию, которой располагаем. Частично это восстановление памяти, частично — прочитано мутантами, остальное — логические выводы. Мне кажется, в целом складывается достаточно правдивая картина земной деятельности.

— Когда начнем? — спросил Баррент.

— Немедленно,— последовал ответ.

Баррента ознакомили в основных чертах со строением Земли, географией и крупными населенными пунктами. Затем его направили к бывшему полковнику Корпуса Глубокого Космоса Брэю, который провел беседу о вероятном военном потенциале Земли, выраженном в количестве сторожевых кораблей вокруг Омеги, и о возможном уровне развития техники. Он дал приблизительную оценку эффективности вооруженных сил Земли и их распределению по родам войск — наземным, морским и воздушным. Капитан Каррел прочитал лекцию о специальных видах оружия, их возможном применении и доступности для рядовых жителей Земли. Лейтенант Дауд рассказал о приборах обнаружения и способах защиты от них. Потом Баррент вернулся к Эйлану для политических занятий. Он узнал, что, судя по всему, на Земле царит тоталитарный режим, почерпнул сведения о методах диктатуры, ее сильных и слабых сторонах, роли секретной полиции, об использовании террора и информаторов.

Когда Эйлан с ним закончил, Баррент попал к маленькому человечку, просветившему его в области машин по стиранию памяти. Основываясь на предпосылке, что стирание памяти — распространенный вид борьбы с оппозицией, он реконструировал вероятный характер подпольного движения на Земле, оценил его возможности и предложил пути контакта.

Наконец Баррента посвятили в план прорыва на корабль.

Когда наступил День посадки, Баррент почувствовал колоссальное облегчение. Он устал от круглосуточных занятий и жаждал действия, чем бы оно ни обернулось.

Глава 21

Большой тюремный корабль плавно опустился и бесшумно коснулся почвы. Он тускло блестел в лучах полуденного солнца — ощутимое доказательство могущества и неумолимости Земли. Открылся люк, спустился трап, и на площадь сошли узники.

Как обычно, на церемонию собралось почти все население Тетрахида. Баррент пробился сквозь толпу и встал за цепочкой охранников. В кармане у него лежал иглолучевик, собранный специалистами Группы Два без единой металлической детали, которую могли бы обнаружить детекторы. Другие карманы также были набиты всяческими устройствами.

По громкоговорителю объявляли номера заключенных. Баррент слушал и ждал начала отвлекающих действий.

Голос в динамике зачитывал список. Осталось только десять номеров. Баррент подался вперед. Голос продолжал бубнить. Осталось четыре номера, три...

Когда был объявлен номер последнего заключенного, бледное небо заволокла черная туча — группа подожгла пустующие бараки на площади А-2. Баррент ждал.

Вот оно! Оглушительный взрыв разметал два ряда пустых зданий. Ударная волна накатила на стоявших на площади. Не успели еще упасть обломки, как Баррент сорвался с места.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он был уже в тени корабля. Четвертый взрыв швырнул его на землю. Он мгновенно вскочил и кинулся в люк. Сюда еле доносились крики и приказы капитана охраны. Охрана построилась в ряды и, держа оружие наготове, спокойно отступала к кораблю.

Баррент повернул направо и побежал по длинному узкому коридору. Далеко позади слышались тяжелые шаги. Ряд пустых камер замыкала дверь с надписью: «Для охраны»; зеленая лампочка над ней указывала, что воздушная система включена. Баррент толкнул соседнюю дверь, оказавшуюся незапертой, и попал в склад каких-то механизмов.

По коридору, громко разговаривая, прошагали охранники.

— Как по-твоему, что это за взрывы?

— Кто знает? Они здесь все сумасшедшие.

— Дай им волю, взорвут всю планету.

— Это точно.

— В этот раз обошлось без жертв. Подобный шум был лет пятнадцать назад. Помнишь?

— Я тогда не служил.

— Еще похлеще; убили двоих наших и около сотни заключенных.

— С чего это они вдруг?

— А кто их знает? Этим отщепенцам просто нравится взрывать все подряд.

— Как бы им не пришло в голову в следующий раз подорвать *нас*!

— Исключено. По крайней мере до тех пор, пока наверху сторожевики.

— Думаешь? Все равно, скорей бы домой, на Контрольный пункт.

— Твоя правда. Выбраться из этого корабля и пожить немного как людям.

— На Контрольном пункте, конечно, неплохо, но я бы предпочел жить на Земле.

Последние из охранников вошли в комнату и закрыли дверь. Через некоторое время корабль вздрогнул. Полет начался.

Баррент получил немало ценной информации. Очевидно, вся охрана на Контрольном пункте выходит. Значит ли это, что на борт поднимется другое подразделение? Возможно. И, безусловно, весь корабль обыщут. Скорее всего это будет лишь формальный осмотр, так как до сих пор ни один узник не пытался бежать с Омеги. И все же надо продумать, куда скрыться во время проверки.

Но это дело будущего. Он почувствовал, как стихает вибрация: значит, корабль оторвался от Омеги. Что ж, он пробрался на борт незамеченным и направляется на Землю. Пока все идет по плану.

Прошло несколько часов. Баррент сидел на складе. Он страшно устал, болели все суставы. В помещении стоял густой тяжелый запах. Баррент с трудом поднялся, подошел к вентиляционной решетке и поднес руку. Никакой струи. Вытянув из кармана небольшой датчик, он

увидел, как быстро падает содержание кислорода в воздухе.

Баррент осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Хотя его одежда была точной копией формы охранников, он понимал, что пройти мимо людей, прекрасно знающих друг друга, не удастся. Нужно найти укрытие. И воздух.

Коридоры были пустынны. Из комнаты охраны слышался слабый шум голосов. Зеленая лампа ярко светила над дверью. Баррент шел дальше, начиная чувствовать первые признаки кислородного голодания.

Группа предполагала, что система вентиляции функционирует во всех отделениях корабля. Теперь Барренту было ясно, что подача воздуха ограничивалась отсеками, где размещались экипаж и охрана.

Голова разламывалась от боли, ноги онемели и отказывались повиноваться. Баррент попытался выработать план действий. Отделение экипажа, казалось, давало ему наилучшие шансы. Даже если экипаж вооружен, то вряд ли готов к подобным осложнениям. Возможно, удастся взять офицеров на мушку; возможно, он завладеет кораблем.

Стоило попытаться. Надо было попытаться.

В конце коридора Баррент уткнулся в лестницу. Он стал подниматься по безлюдным пролетам, пока не увидел указатель «Отсек управления».

Баррент вытащил из кармана пластиковый иглолучевик и, шатаясь, побрел по коридору. Сознание мутилось, перед глазами сгущались и рассеивались черные тени. Его одолевали приступы галлюцинаций, вспышки ужаса; стены, казалось, начинали падать на голову. Внезапно он осознал, что ползет на четвереньках. Впереди маячила дверь с надписью: «Рубка управления. Вход только членам экипажа».

Коридор наполнился серым туманом. Он то прояснялся, то вновь сгущался, и Баррент понял, что в этом повинно его зрение. Он заставил себя подняться на ноги и, приготовив иглолучевик, нажал на дверную ручку.

Но когда дверь открылась, в глазах у него потемнело. Ему показалось, что перед ним мелькнули изумленные лица, послышался крик: «Смотрите! Он вооружен!»

Затем все поглотила тьма, и он полетел куда-то вперед, в бесконечность.

Глава 22

Сознание вернулось к Барренту внезапно и полностью. Он сел и обнаружил, что ввалился в рулевую рубку. Металлическая дверь была закрыта, дышалось без труда. Никого из членов команды не было — вероятно, ушли за охраной, решив, что он так и будет лежать без сознания.

Шатаясь, Баррент встал на ноги, машинально подобрав свой иглолучевик. Он внимательно осмотрел оружие и нахмурился. Почему его оставили одного, вооруженного, в жизненно важном центре?

Он попытался вспомнить лица, которые видел перед тем, как упасть. Но появились лишь какие-то смутные воспоминания, неясные и расплывчатые фигуры с потусторонними голосами. А были ли здесь вообще люди?

Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вызвал их образы из своего затухающего сознания. Здесь никого не было — он один в центре нервной системы корабля.

Баррент подошел к главному пульту управления, разделенному на десять секций. На каждой из них были ряды индикаторов, тоненькие стрелки которых указывали на непонятные цифры; поблескивали переключатели, штурвалы, реостаты, рычаги.

Баррент медленно двигался вдоль секций, наблюдая, как узор из огоньков пульсирует на стенах и перебегает на потолок. Последняя секция, очевидно, была контрольной. На табло «Координация ручная/автоматическая» потайная лампочка высвечивала слово «автоматическая». Рядом были аналогичные экраны — для навигации, обзора, контроля за столкновениями, выхода и входа в субпространство, в обычное пространство, а также для по-

садки. Все настроены на автоматический режим. Далее он обнаружил программный отсек, выдавший ему отчет о течении полета. До Контрольного пункта оставалось 29 часов, 4 минуты и 51 секунда. Остановка — три часа. От Контрольного пункта до Земли — 480 часов.

Пульт управления поблескивал огоньками и тихонько гудел, спокойный и независимый. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом машинном храме — святотатство.

Он проверил систему вентиляции. Автоматы поддерживали подачу воздуха в размерах, необходимых для единственного человеческого существа, находящегося в помещении.

Но где же экипаж? Безусловно, автоматизация управления гигантским кораблем необходима; такой сложный организм должен быть саморегулирующимся. Но построили его люди, и люди создали программы. Почему же нет людей, чтобы корректировать их в случае надобности? Предположим, что охране потребовалось задержаться на Омеге. Предположим, что возникла необходимость миновать Контрольный пункт и направиться прямо к Земле. Предположим, чрезвычайно важно вообще изменить пункт назначения. Что тогда? Кто внесет изменения в курс, кто будет управлять кораблем?

Баррент осмотрел контрольную рубку, надел обнаруженный в шкафчике респиратор и вышел в коридор. После долгих блужданий он наткнулся на дверь с табличкой «Для команды». Внутри было чисто и голо. Аккуратными рядами стояли койки без простыней и покрывал. В шкафах не было одежды, нигде никаких личных предметов. Ни здесь, ни в помещениях для офицеров и капитана Баррент не нашел следов недавнего присутствия людей.

Он вернулся в рубку. Теперь было ясно, что на корабле экипажа нет. Очевидно, власти на Земле так уверены в нерушимости рутины и надежности приборов, что сочли команду излишней. Возможно... Но Барренту это показалось слишком уж большой беспечностью. Что-то очень

странное творилось на Земле, если космическим кораблям позволено летать без надзора.

Он решил отложить выводы до тех пор, пока не получит больше фактов. В настоящий момент необходимо позаботиться о самом себе. В карманах у него была концентрированная пища, но воды он много с собой взять не мог. Окажутся ли запасы на корабле без команды?.. Ему еще нужно было помнить об охране на нижней палубе, о приближении Контрольного пункта и многом, многом другом.

Баррент обнаружил, что ему не требуется прибегать к своим запасам. Машины выдавали разнообразное питание и напитки, стоило лишь нажать кнопку. Натуральная это пища или синтезированная, Баррент не знал, но на вкус она была превосходна.

Он исследовал верхние уровни корабля и, несколько раз заблудившись, решил больше не рисковать. Жизненный центр корабля был в рубке управления, и Баррент остался там. Он нашел иллюминатор и, активизировав механизмы, которые убирали заслонки, любовался мерцанием звезд в необъятной тьме космоса. Звезды уходили в бесконечность, поражая воображение. Глядя на них, Баррент почувствовал прилив гордости: он был их составной частью, все эти неизвестные звезды принадлежали ему.

По мере приближения к Контрольному пункту к жизни пробуждались новые части пульта управления, возрождая дремавшие силы, проверяя корабль перед приземлением. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи и, включив ее на прием, мог слушать разговоры в комнате охраны.

Впрочем, ничего важного он не узнал. То ли из осторожности, то ли от равнодушия охранники не обсуждали политику. Вся их жизнь, кроме периодов службы на корабле, протекала на Контрольном пункте. Что-то из того, о чем они говорили, Баррент совершенно не понимал. Но продолжал слушать, не пропуская ни одного слова.

— Ты когда-нибудь купался во Флориде?

— Не люблю соленую воду.

— Перед тем как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на фестивале в Дейтоне.

— Когда выйду в отставку, куплю виллу в Антарктике.

— Сколько тебе еще осталось?

— Восемнадцать лет.

— Да, кому-то ведь надо это делать...

— Но почему я? И почему без отпусков на Земле?

— Ты же знаешь, преступление есть болезнь. Оно заразно.

— Ну и что?

— А то, что, имея дело с преступниками, ты подвергаешься опасности заражения и сам можешь заразить кого-нибудь на Земле.

— Так нечестно.

— Иначе нельзя. Эти ученые знают, о чем говорят. Кроме того, на Контрольном пункте не так уж плохо.

— Если любишь все искусственное: воздух, семью, пищу...

— Ты требуешь слишком многого. Твоя семья здесь?

— Они тоже хотят вернуться на Землю.

— Ученые говорят, после пяти лет на Контрольном пункте нам не выдержать на Земле. Гравитация одолеет.

— Я ее сам одолею. В любой момент.

Из этих разговоров Баррент понял, что мрачноликие охранники такие же человеческие существа, как и заключенные. Большинство не любили свою работу и, как омегиане, жаждали вернуться на Землю.

Он отложил полученную информацию на потом. Корабль достиг Контрольного пункта, гигантская панель управления пульсировала и мерцала огнями, готовясь к сложному входу в док.

Наконец маневры были завершены, и двигатели замолчали. По коммуникационной системе Баррент слышал, как охранники выходили из комнаты. Он последовал за ними по коридорам к люку и уловил, как последний из них, выходя из корабля, сказал:

— Вот и проверка идет. Ну, как дела, ребята?

Ответа не последовало, охрана ушла, а коридоры заполнил новый звук: тяжелая поступь тех, кто шел на проверку.

Их было много. Они начали с машинного отделения и методично двинулись вверх, открывая каждую дверь, осматривая каждый закоулок.

Баррент сжал иглолучевик в потной руке и лихорадочно стал соображать, где можно спрятаться. Единственным решением казалось обойти их и укрыться в уже обысканном месте.

Он натянул на лицо респиратор и вышел в коридор.

Глава 23

Получасом позже Баррент еще не придумал, как увернуться от проверки. Бригада закончила осмотр нижних уровней и продвигалась на палубу с рубкой управления; шаги гулко отдавались в проходах. Баррент шел впереди, сохраняя дистанцию в сто ярдов, и пытался найти убежище.

В конце этого коридора должна была быть лестница, по которой можно спуститься на другой, уже обысканный уровень. Баррент заторопился, надеясь, что лестница действительно есть,— он имел лишь самое приблизительное представление о конструкции корабля. Если он ошибается, то попадет в ловушку.

Он дошел до конца коридора и увидел лестницу. Сзади приближались шаги. Баррент побежал вниз, оглянулся через плечо и налетел на чью-то грудь.

Он моментально отпрянул, готовый выстрелить в массивную фигуру. Но удержался. Фигура была явно нечеловеческой.

Перед ним стояло существо семи футов росту, одетое в черную форму с надписью впереди: «Бригада инспекции, андроид В212». Его лицо, высеченное из молочно-розового пластика, напоминало человеческое, глаза светились глубоким красным огнем. Покачиваясь, осторожно

переставляя ноги, андроид медленно надвигался на Баррента, глядя прямо перед собой. Баррент попятился, сомневаясь, что иглолучевик тут поможет.

Ему не пришлось выяснять это на опыте, потому что андроид, не обращая ни на что внимания, стал подниматься по лестнице. На его спине оказалась надпись: «Санитарный контроль». Этот андроид, понял Баррент, запрограммирован только на крыс и мышей. Присутствие на борту безбилетного пассажира его не касается. Возможно, остальные андроиды тоже специализированы.

Баррент ждал в пустом помещении на нижнем уровне, а когда услышал, что андроиды ушли, поспешил обратно в рулевую рубку. Точно по расписанию корабль взлетел. Пункт назначения — Земля.

Полет был непримечательным. Баррент ел, спал и, пока корабль не вошел в подпространство, смотрел на звезды. Он пытался вспомнить планету, к которой приближался,— но в памяти не возникало никаких образов. Что это за люди, которые строят гигантские космические корабли и не могут снабдить их экипажем? Почему они посылают проверку и одновременно ограничивают ее возможности путем предельно узкой специализации? Почему они высылают заметную часть своего населения — и не могут установить контроль над условиями жизни ссыльных? Зачем стирают из памяти заключенных все сведения о Земле?

Часы в рубке управления упорно отмеряли секунды и минуты путешествия. Корабль вышел из подпространства и, тормозя, облетел зелено-голубой мир, на который Баррент смотрел со смешанным чувством. Ему не верилось, что он наконец-то возвращается на Землю.

Глава 24

Корабль приземлился в чудесный солнечный полдень где-то на североамериканском континенте. Баррент рассчитывал остаться в нем до темноты, но на экранах за-

жглась надпись: «Просим пассажиров и экипаж немедленно сойти. Через двадцать минут на корабле начнется полная дезинфекция».

Он не знал, что подразумевается под полной дезинфекцией. Но так как категорически предписывалось выйти, респиратор вряд ли мог обеспечить безопасность. Из двух зол меньшим казалось покинуть корабль.

Члены Группы Два много думали о том, как следует быть одетым Барренту по прибытии на Землю. Эти первые минуты могут оказаться решающими. В случае грубой ошибки не спасет никакая хитрость. А Группа не знала, что носили на родной планете. Одни настаивали на специальной модели. Другие утверждали, что на Земле прекрасно сойдет и форма охранника. Сам Баррент поддерживал третье мнение, согласно которому наилучшей окажется одежда из одного куска материи, как претерпевающая меньше всего изменений от капризов моды. В городах, конечно, такой наряд мог показаться необычным, но сейчас предстояло выйти на посадочное поле.

Он быстро скинул форму и остался в легкой накидке. После некоторых сомнений Баррент решил не бросать оружие на корабле. Проверка все равно обнаружит его, а с иглолучевиком хоть есть шанс отбиться от полиции.

Он сделал глубокий вдох и спустился по трапу.

Не было никакой охраны, не было таможенных чиновников, не было особых подразделений, не было армейских частей и полиции. Вообще никого не было. Далеко-далеко, на противоположном конце широкого поля, виднелись другие корабли, а прямо напротив — распахнутые ворота ограды.

Баррент пересек поле быстро, но без спешки. Он не имел ни малейшего представления, почему все так просто. Очевидно, секретная полиция на Земле действует более тонкими методами.

У ворот, словно дожидаясь его, стояли лысоватый мужчина и мальчик лет десяти. Барренту не верилось, что это государственные служащие, и все же... Кто знает эту Землю! Он прошел в ворота.

— Простите,— обратился к нему мужчина, держа мальчика за руку.— Я видел, как вы выходили из корабля. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Конечно,— сказал Баррент, опуская руку в карман с иглолучевиком. Теперь он был уверен, что лысый — агент полиции. Немного смущало лишь присутствие ребенка,— если тот не ученик полицейской академии.

— Дело в том,— начал мужчина,— что мой Ронни собирается писать диссертацию на степень Магистра десятой ступени. О космических кораблях.

— И я захотел увидеть один из них,— добавил Ронни, худосочный мальчик с изможденным смышленым лицом.

— Да,— подтвердил мужчина.— Я говорил ему, что это необязательно, ведь все факты и картинки есть в энциклопедии. Но он сам захотел увидеть.

— Так будет нагляднее,— вставил Ронни.

— Безусловно,— произнес Баррент, энергично кивая. Он начал сомневаться в своих выводах. Для агентов тайной полиции эти люди выбрали слишком замысловатый путь.

— Вы работаете на кораблях? — спросил Ронни.

— Да.

— Как быстро они летают?

— В подпространстве? — уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он выпятил нижнюю губу и протянул:

— У-у, я и не знал, что они ходят в подпространстве...— Парнишка задумался.— Между прочим, я не знаю, что такое подпространство.

Баррент и отец мальчика понимающе улыбнулись.

— Хорошо,— продолжал Ронни,— с какой скоростью они летят в обычном пространстве?

— Сто тысяч миль в час,— сказал Баррент, называя первую попавшуюся цифру.

Мальчик кивнул, его отец тоже.

— Очень быстро,— заметил отец.

— В подпространстве гораздо быстрее, конечно,— сказал Баррент.

— Конечно,— подтвердил мужчина.— Корабли летают очень быстро. Иначе нельзя. Они покрывают большие расстояния. Ведь верно, сэр?

— Очень большие расстояния,— согласился Баррент.

— А их источники энергии? — поинтересовался Ронни.

— Обычные,— ответил ему Баррент.— В прошлом году мы установили триплексные усилители, но их скорее следует отнести к разряду вспомогательных мощностей.

— Я слышал об этих триплексных усилителях,— заметил мужчина.— Замечательная вещь!

— Ничего, подходяще,— со знанием дела сказал Баррент. Теперь он был уверен, что это рядовой гражданин, ничего не смыслящий в звездоплавании, просто приведший своего сына в космопорт.

— Откуда вы берете воздух? — спросил Ронни.

— Производим собственный,— охотно объяснил Баррент.— Намного труднее с водой — она, как известно, несжимаема, поэтому ею трудно запастись в достаточных количествах. Ну и еще остается проблема навигации, когда корабль выныривает из подпространства.

— Что такое подпространство?

— Всего лишь другой уровень пространства. Но это есть в энциклопедии.

— Конечно, поищешь в энциклопедии,— наставительно сказал отец мальчика.— Мы не можем больше задерживать пилота. У него, безусловно, много важных дел.

— Да, я тороплюсь,— согласился Баррент.— А вы осмотрите здесь все, что хотите. Удачи с диссертацией, Ронни!

Баррент зашагал прочь, все время ожидая окрика или выстрела; но когда ярдов через пятьдесят он обернулся, отец и сын уже честно изучали гигантскую ракету. Пока все шло гладко. Подозрительно гладко.

Дорога вела мимо складских помещений и ангаров к лесу. Баррент шагал по ней, пока космопорт не скрылся из виду, затем свернул на опушку. Он уже достаточно пообщался с людьми для первого дня на Земле. Нельзя испытывать судьбу. Надо все обдумать, переночевать в лесу, а утром выйти в город.

Он пробрался через густой подлесок и углубился в тенистую рощу с дубами-великанами. Вокруг щебетала, чирикала и суетилась невидимая птичья и звериная жизнь. Впереди на дереве белел большой указатель. Баррент подошел поближе и прочел: «Национальный парк "Лесной дол". Добро пожаловать на пикник!»

Баррент был несколько разочарован, хотя и понимал, что рядом с космопортом вряд ли могла быть настоящая девственная природа. Не исключено, что на такой старой и высокоразвитой планете, как Земля, вообще не осталось нетронутых мест, кроме тех, что сохранялись в виде заповедников.

Солнце садилось за горизонт, в воздухе повеяло прохладой. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, сгреб подстилку из листьев и улегся, томясь тревожными вопросами. Почему в таком важном центре, как космопорт, не оказалось охраны? Значит, меры безопасности проявляются позже, в городах? Или он уже находится под наблюдением изощренной шпионской системы?..

— Добрый вечер,— произнес голос над его правым ухом.

Баррент судорожно дернулся, рука потянулась к оружию.

— И это воистину приятный вечер,— продолжал голос,— здесь, в национальном парке «Лесной дол». Температура воздуха двадцать один и семь десятых градуса по Цельсию, влажность двадцать три процента, давление двадцать девять и девять десятых. Бывалые туристы, я уверен, уже узнали мой голос. Ну а новым любителям природы мне хотелось бы представиться. Я Дубняк, ваш старый верный дуб. Позвольте приветствовать вас в национальном парке.

Сидя в сгущающихся сумерках, Баррент огляделся по сторонам. Голос и в самом деле, казалось, исходил от гигантского дуба.

— Наслаждение природой,— продолжал Дубняк,— теперь доступно каждому. Вы можете отдыхать в полном

уединении, находясь в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Тем, кто не жаждет одиночества, мы предлагаем туристические маршруты в сопровождении гида, по доступной цене. Не забудьте рассказать своим знакомым о гостеприимном национальном парке, который с радостью встретит всех любителей природы.

В дереве открылась панель, и из ствола выскользнули раскладушка, термос и пакет с ужином.

— Желаю вам приятного вечера,— бархатно проговорил Дубняк.— О природа! Восхитительное великолепие страны чудес!.. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крага исполнит вам «Горные долины» Эрнесто Нестричала в записи североамериканской радиокомпании. Всего доброго!

Из скрытых динамиков полилась музыка. Баррент почесал затылок, затем, решив принимать все, как оно есть, съел ужин, выпил кофе из термоса, поставил раскладушку и улегся.

Засыпая, он размышлял о звукооснащенном благоустроенном лесе со всеми удобствами и не далее чем в десяти минутах от общественного транспорта. Земля делала многое для своих обитателей. Очевидно, им это нравится. Или нет? Может быть, его заманивают в хитрую западню?

Музыка затихла, слившись с шорохом ветерка в листьях, и Баррент уснул.

Глава 25

Утром гостеприимный дуб выдал завтрак и бритвенные принадлежности. Баррент поел, привел себя в порядок и отправился в ближайший город. У него были ясные цели: необходимо обеспечить себе «легенду» и войти в контакт с подпольем. После этого как можно больше узнать о секретной полиции, армии и т. д.

Группа Два наметила способы выполнения этих задач. Приближаясь к окраинам города, Баррент засомневался, что сможет применить методы, разработанные группой.

До сих пор Земля, на которой он находился, очень мало походила на ту Землю, которую воссоздавали омегиане.

По обеим сторонам улицы стояли маленькие белые домики. Сперва Барренту казалось, что они все одинаковые. Затем он понял, что у каждого есть свои мелкие архитектурные особенности, но они лишь еще больше подчеркивали монотонное однообразие. Коттеджей были сотни, каждый на крошечном участке тщательно ухоженной нежной травы. Их благообразная одинаковость угнетала его. Совершенно неожиданно он почувствовал, что скучает по крикливо-неуклюжей индивидуальности омегианских зданий.

Баррент дошел до торгового центра. Магазины следовали тому же образцу. Они были невысокими, благопристойными и очень похожими друг на друга. Только после тщательного изучения витрин можно было обнаружить разницу между продуктовым и спортивным магазинами. Он миновал маленький домик с вывеской: «Робот-исповедник. Открыто 24 часа в сутки». Похоже, что-то типа церкви.

План, предусмотренный Группой Два для выявления подполья на Земле, был прост и бесхитростен. Революционеры, как уверяли Баррента, должны сосредоточиваться среди наиболее угнетенных элементов населения. Следовательно, сопротивление логично искать в трущобах.

Это была хорошая теория. Беда лишь в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел и шел мимо магазинов и маленьких домиков, площадок для игр и парков, снова мимо домиков и магазинов. И ничто не выглядело многим лучше или хуже, чем остальное.

К вечеру он не чувствовал под собой ног от усталости, а ничего важного открыть не удалось. Прежде чем еще глубже погрузиться в хитросплетения земной жизни, нужно опросить местных жителей. Это опасный, но необходимый шаг.

Баррент стоял в сгущающихся сумерках около магазина одежды и раздумывал, что делать дальше. «Прикинусь только что прибывшим в Северную Америку из Азии или Европы»,— решил он.

К нему приближался полноватый, заурядной внешности мужчина в коричневом костюме. Баррент остановил его.

— Простите, я чужой здесь, только что из Рима...

— Неужели? — вежливо осведомился мужчина.

— Да. Боюсь, я плохо ориентируюсь.— Баррент засмеялся, изображая неловкость и смущение.— Не могу найти ни одного дешевого отеля. Если бы вы указали мне...

— Гражданин, как ваше самочувствие? — спросил мужчина. Его лицо посуровело.

— Я же сказал, я иностранец и ищу...

— Послушайте,— перебил мужчина,— вы же не хуже меня знаете, что иностранцев больше нет.

— Нет?

— Конечно, нет. Я был в Риме. Там все точно так, как у нас в Вилмингтоне. Такие же дома и магазины. Никто и нигде не чувствует себя больше иностранцем.

Баррент не знал, что сказать. Он нервно улыбнулся.

— Более того,— продолжал мужчина,— на Земле нет дешевых отелей. Зачем они? Кто в них будет останавливаться?

— В самом деле, кто? — придумал наконец Баррент.— Кажется, я малость перебрал.

— И никто больше не пьет. Не понимаю, в какую игру вы играете?

— В какую игру я играю? — переспросил Баррент, согласно приемам, рекомендованным Группой.

Мужчина, нахмурившись, уставился на него.

— Кажется, догадываюсь. Вы — опросчик.

— Ммм,— невнятно промычал Баррент.

— Конечно,— убедился мужчина.— Вы один из тех, кто выведывает мнения, верно?

— Очень остроумная догадка,— согласился Баррент.

— Не так уж трудно было сообразить. Опросчики всегда стараются узнать отношение людей к разным вещам. Я бы сразу вас определил, если бы вы носили одежду опросчика.— Мужчина снова начал хмуриться.— Почему вы одеты не по форме?

— Я, так сказать, новоиспеченный,— объяснил Баррент.— Даже форму не успел купить.

— Поторопитесь,— наставительно сказал мужчина.— Как иначе граждане могут определить ваш статус?

— Это просто пробная проверка. Благодарю за помощь, сэр. Возможно, в ближайшем будущем мне представится случай проинтервьюировать вас еще раз.

— Когда захотите,— сказал мужчина, вежливо поклонился и ушел.

Баррент решил, что опросчик — наиболее подходящая для него профессия. Она дает право встречаться с людьми, задавать вопросы, узнавать, как живет Земля. Конечно, надо быть осторожным и не проявлять своего невежества. Но, работая осмотрительно, он сможет получить общее представление об этой цивилизации за считанные дни.

Теперь важно купить одежду опросчика. Беда в том, что у него нет денег. Группа была не в состоянии воспроизвести земные деньги; она даже не могла вспомнить, как они выглядят. Но снабдила определенными средствами для преодоления и такого препятствия. И Баррент вошел в ближайший магазин.

Владелец, маленький человечек с васильковыми глазами, с услужливой улыбкой приветствовал Баррента.

— Мне нужна форма опросчика. Я только что закончил курс.

— Пожалуйста, сэр. И хорошо, что вы пришли ко мне. В большинстве этих магазинчиков вы найдете одежду только для... распространенных профессий. Но здесь, у Джулия Уондерсона, мы предлагаем форму для всех пятисот двадцати основных специальностей, перечисленных в Альманахе Гражданского Статуса. Я — Джулий Уондерсон.

— Очень приятно,— сказал Баррент.— У вас есть одежда моего размера?

— Безусловно, есть! — воскликнул Уондерсон.— Вам нужна обычная или особая?

— Обычная подойдет.

— Большинство новых опросчиков предпочитает особую. Небольшие дополнительные штрихи и детали, имитирующие ручную работу, повышают уважение публики.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя, если бы вы могли подождать... Через пару дней мы получим новую ткань — имитацию домашнего тканья, с натуральными сбоями в переплетении нитей. Это для разборчивых клиентов. Очень престижная вещь.

— Я, пожалуй, зайду за ней,— решил Баррент.— А пока я хотел бы купить то, что есть.

— Конечно, сэр,— произнес Уондерсон. Он был явно разочарован, хотя мужественно скрывал это.— Будьте любезны.

После нескольких примерок Баррент подобрал себе черный деловой костюм с белым узким кантом на лацканах. Его неопытному глазу он казался таким же, как и другие костюмы, которые красовались на витрине и предназначались для банкиров, биржевых маклеров, бакалейщиков, бухгалтеров и так далее. Но для Уондерсона, рассуждавшего о банкирных лацканах и окантовках у страховых агентов, разница была столь же очевидной, как броские различия между символами статуса на Омеге. В конце концов, это вопрос привычки, решил Баррент.

— Пожалуйста, сэр! Прекрасно сидит, с гарантийным сроком. И всего тридцать девять девяносто пять.

— Превосходно,— сказал Баррент.— Теперь насчет денег.

— Да, сэр.

Баррент нырнул с головой в омут:

— У меня их нет.

— В самом деле, сэр? Это весьма необычно.

— Да,— согласился Баррент.— Тем не менее у меня есть некоторые ценности.— Он извлек из кармана три кольца с бриллиантами, которыми его снабдила Группа.— Это настоящие бриллианты, что подтвердит любой ювелир. Если бы вы взяли одно из них, пока я не достану денег для уплаты...

— Но, сэр,— удивился Уондерсон,— бриллианты больше не имеют самостоятельной ценности. С двадцать третьего года, когда Вон Блон написал основополагающую работу, в которой разнес в пух и прах концепцию «ценности в силу редкости».

— Да, конечно,— промямлил Баррент, не зная, что ответить.

Уондерсон посмотрел на кольца.

— Они, наверное, дороги вам как память?

— Безусловно, передаются в нашей семье из поколения в поколение...

— В таком случае,— сказал Уондерсон,— я не позволю себе лишить их вас. Пожалуйста, не спорьте, сэр! Я не смогу спать по ночам, если отниму вашу семейную реликвию.

— Но остается вопрос оплаты.

— Заплатите, когда вам будет удобно.

— Вы хотите сказать, что поверите мне, даже не зная меня?

— Конечно,— Уондерсон лукаво улыбнулся.— Испытываете свои методы, опросчик? Даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии. К незнакомцу следует относиться как к честному человеку, пока он полностью и бесповоротно не доказал обратного. Это аксиома.

— Вас никогда не обманывали?

— О нет. Преступлений в наши дни не бывает.

— А как же Омега?

— Простите?

— Омега, планета заключенных. Вы, должно быть, слышали о ней?

— Возможно,— осторожно проговорил Уондерсон.— Ну, точнее было бы сказать, что преступлений *почти* не бывает. Наверное, всегда найдется горстка прирожденных злодеев, но не больше десяти — двенадцати в год из населения в два миллиарда.— Он широко улыбнулся.— Вероятность, что я нарвусь на преступника, очень мала.

Баррент подумал о кораблях, регулярно курсирующих между Землей и Омегой, выбрасывая свой живой груз и

возвращаясь за новым. Интересно, откуда Уондерсон взял такие цифры? И между прочим, интересно, где же полиция? Он не видел человека в форме с тех пор, как покинул корабль.

— Очень вам благодарен,— произнес Баррент.— Я заплачу как можно быстрее.

— Конечно, конечно,— согласился Уондерсон, с чувством тряся руку Баррента.— Когда вам будет угодно, сэр. Не стоит торопиться.

Баррент снова поблагодарил его и вышел из магазина. Теперь у него была профессия. И неограниченный кредит. Он оказался на планете, которая с первого взгляда походила на рай. Но, как всякая утопия, она несла в себе некоторые противоречия. Он надеялся узнать о них больше в ближайшие дни.

Кварталом дальше Баррент нашел отель под названием «Поживи чуток» и снял комнату на неделю в кредит.

Глава 26

Утром Баррент отправился в библиотеку. Ему надо было ознакомиться с историей развития земной цивилизации, чтобы иметь представление, что искать и чего ожидать.

Форма опросчика позволила пройти к закрытым для доступа полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги его разочаровали — в большинстве своем они охватывали период лишь до начала атомного века. Баррент просматривал их, и к нему возвращались смутные воспоминания. Он перепрыгивал от Греции Перикла к Римской империи, Карлу Великому и средневековью, от завоеваний норманнов к Тридцатилетней войне и краткому обозрению наполеоновских войн. О мировых войнах он прочитал более внимательно. Книга кончалась взрывом первых атомных бомб. Остальные книги на полке представляли собой просто расширенное изложение разных этапов истории, которые он нашел в первой книге.

После долгих поисков Баррент нашел небольшую работу «Послевоенная дилемма. Том I» Артура Уитлера.

Она начиналась там, где кончались остальные,— со взрыва бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент сел и стал читать.

Он узнал о «холодной войне» 50-х годов, когда несколько наций владели атомным и водородным оружием. Уже тогда, утверждал автор, в разных странах мира началось крупномасштабное и оглупляющее поклонение догмам. Америка отчаянно сопротивлялась коммунизму. Россия и Китай отчаянно сопротивлялись капитализму. Весь мир разделился на два лагеря. В целях внутренней безопасности правительства брали на вооружение новейшие методы пропаганды и идеологической обработки. От граждан требовалась безоговорочная приверженность официальным доктринам. Давление на личность становилось все сильнее и утонченнее.

Миновала угроза войны. Многочисленные страны Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но давление на личность, вместо того чтобы уменьшаться, еще больше возросло. Нужда в этом диктовалась неудержимым ростом населения, проблемами национального и этнического характера. Различие во мнениях могло оказаться гибельным — слишком много групп имели теперь доступ к мощным водородным бомбам.

В этих условиях стало нетерпимым поведение, отличающееся от нормы.

Унификация наконец была завершена. Продолжалось завоевание космоса: от полетов на Луну до межпланетных и межзвездных полетов. Но земные институты перестали совершенствоваться. Современная цивилизация оказалась менее гибкой, чем средневековая, она подавляла всякое отклонение от существующих обычаев, привычек, воззрений. Оппозиция считалась не менее тяжким преступлением, чем убийство или поджог. И так же наказывалась. Секретная полиция, политическая полиция, информаторы — использовалось все. Каждое устройство было поставлено на службу одной великой цели — воспитанию человека подчиняющегося.

А для упрямых нонконформистов существовала Омега.

Смертная казнь была давно запрещена, и преступники переполняли тюрьмы. Наконец их решили перевезти в отдельный мир, скопировав систему, которую Франция использовала в Гвинее и Новой Каледонии, а Британия — в Австралии и Северной Америке. Управлять Омегой с Земли было невозможно, да власти и не пытались. Они позаботились лишь о том, чтобы заключенные не сбежали.

На этом первый том кончался. Приписка в конце гласила, что том второй посвящен изучению современности. Он назывался «Цивилизация статуса».

Второго тома на полках не оказалось. Библиотекарь сказал Барренту, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел в маленький сад, сел на скамейку и, уставившись вниз, постарался все обдумать.

Он ожидал увидеть Землю как раз такой, как она была описана в книге Уитлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, изощренной слежке, жестоким репрессиям и растущему сопротивлению. Но все это осталось в прошлом. До сих пор он не увидел даже постового. Люди, которых он встречал, вовсе не казались угнетенными. Напротив, это был совершенно иной мир...

Если не считать того, что год за годом на Омегу прибывали партии заключенных с промытыми мозгами. Кто арестовывал их? Кто судил? Какое общество их породило?

Ответы ему предстояло найти самому.

Глава 27

С раннего утра Баррент начал расследование. Техника была проста. Он звонил в двери и задавал вопросы, предупреждая, что серьезные будут перемежаться странными и глупыми, предназначенными для определения общего уровня развития. Таким образом, обнаружил Баррент, он мог спрашивать о Земле все, что угодно, мог углубляться в противоречивые и даже несуществующие области, не обнаруживая своей неосведомленности.

Оставалась опасность, что какой-нибудь государственный служащий попросит показать удостоверение личности

или что внезапно появится секретная полиция. Но приходилось рисковать. Начав с Апельсиновой эспланады, он продвигался к северу, заглядывая по пути в каждый дом.

Результаты оказались самыми неожиданными.

(Гражданка А. Л. Готтрейд, возраст 55 лет, занятие — домохозяйка. Властная, прямая женщина, надменная, но вежливая, не допускающая никаких фривольностей.)

— Вы хотите спросить меня о классе и статусе. Так?

— Да, мадам.

— И всегда-то вы, опросчики, спрашиваете о классе и статусе. Неужели не надоело? Ну ладно... Так как все равны, есть только один класс. Средний. Вопрос только, к какой части среднего класса относится индивидуум — высшей, низшей или средней.

— А как это определяется?

— Да как угодно. По тому, как человек разговаривает, ест, одевается, ведет себя на людях. По манерам. По одежде. Высший средний класс, например, всегда можно безошибочно определить по одежде.

— Понимаю. А низший средний класс?

— Ну, во-первых, у них меньше творческой энергии. Они носят готовую одежду, даже не пытаясь улучшить ее. Показательно и равнодушное отношение к своему жилью. Причем попытки украсить его без искры вдохновения в счет не идут, а лишь помечают выскочек. Представитель высшего среднего класса никогда не допустит такого у себя дома.

— Благодарю вас, гражданка Готтрейд. А как вы определите свой собственный статус?

С чуть заметным колебанием:

— О, я никогда особенно над этим не задумывалась. Высший средний, скорее всего.

(Гражданин Дрейстер, возраст 43 года, занятие — продавец обуви. Стройный, кроткий, моложавый.)

— Да, сэр. У нас с Мирой три ребенка школьного возраста. Все мальчики.

— Вы не могли бы рассказать, из чего складывается их образование?

— Они учатся писать, читать, быть честными гражданами и уже приступили к изучению своих профессий. Старший пойдет по семейной линии — обувь. Двое других — по бакалее и розничной торговле, как заведено в семье у жены. Кроме того, они узнают, как обретать и сохранять статус. Этому учат в открытых классах.

— А есть и другие?

— Ну, естественно, закрытые. Их посещает каждый ребенок.

— И чем там занимаются?

— Не знаю. Я же сказал — они закрытые.

— Ребята никогда не рассказывают об этих классах?

— Нет. Они говорят обо всем на свете, но не о них.

— А вы не представляете, что происходит в закрытых классах?

— К сожалению, нет. Может быть — заметьте, это только предположение,— в них преподают религию. Но лучше спросить у учителя.

— Благодарю вас, сэр. Как вы определите свой статус?

— Средний средний класс, без сомнения.

(Гражданка Мэриджейн Морган, возраст 51 год, занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

— Да, сэр, вот и все, что входит в обязательную программу в нашей маленькой Бежевой школе.

— Кроме закрытых классов.

— Простите?

— Вы не упомянули закрытые классы.

— Боюсь, что не могу это сделать.

— Почему же, гражданка Морган?

— Это что, вопрос с подвохом? Всем известно, что учителей не впускают в закрытые классы.

— Кого же тогда впускают?

— Детей, конечно.

— Но кто их учит?

— Об этом заботится правительство.

— Естественно. Но кто конкретно ведет занятия?

— Не имею понятия, сэр. Меня это не касается. Закрытые классы — древнее и уважаемое учреждение. Возможно, они связаны с религией. В любом случае не мое это дело. И не ваше, молодой человек, будь вы хоть трижды опросчик.

— Благодарю вас, гражданка Морган.

(Гражданин Эдгар Ниф, возраст 107 лет, занятие — отставной военный. Высокий, сутулый мужчина с острыми ледяными глазами.)

— Пожалуйста, немного громче. Что вы сказали?

— О вооруженных силах. Я спрашивал...

— Теперь вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать первой Североамериканской Космической Группы, регулярной части Земных Вооруженных Сил.

— Вы вышли в отставку?

— Нет, служба оставила меня.

— Простите, сэр?

— Вы правильно расслышали, молодой человек. Это произошло шестьдесят три года назад. Вооруженные Силы были распущены, за исключением полиции, которая не в счет.

— Почему?

— Не с кем стало сражаться. Во всяком случае, так нам объяснили. Глупость несусветная, вот что я вам скажу.

— Почему, сэр?

— Старым солдатам известно: никогда невозможно предсказать, откуда появится враг. Он может появиться и сейчас. И что тогда?

— А заново сформировать армию?

— Хорошо бы! Но нынешнее поколение не знает, что такое служба. И командиров не осталось, кроме таких старых ослов, как я. На создание боеспособной армии с толковым руководством уйдут годы.

— А пока что Земля совершенно беззащитна перед вторжением?

— Да. Есть полицейские соединения, но я самым серьезным образом сомневаюсь в их надежности, если пойдет пальба.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Ничего о ней не знаю. Меня никогда не волновали вопросы невоенного характера.

— Но вполне возможно, что полиция взяла на себя функции армии, не так ли? Что она представляет собой значительное и дисциплинированное полувоенное формирование?

— Возможно, сэр. Все возможно.

(Гражданин Мартин Хоннерс, возраст 31 год, занятие — глаголизатор. Худой вялый мужчина с честным мальчишеским лицом и гладкими пшеничными волосами.)

— Вы глаголизатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, пожалуй, больше подойдет слово «автор», если не возражаете.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, вы сотрудничаете с каким-нибудь из периодических изданий, которые, я видел, продают за стойками?

— О нет! Там подвизаются некомпетентные бездари, которые пишут для сомнительной услады низшего среднего класса. Все рассказы, да будет вам известно, составляются строка за строкой из произведений популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Эти бумагомаратели просто меняют прилагательные и наречия. Изредка кто-нибудь заменит глагол или даже существительное. Но, повторяю, очень редко. Издатели этих журнальчиков крайне отрицательно относятся к любым нововведениям.

— Вы этим не занимаетесь?

— Абсолютно! Моя работа не коммерческая. Я — созидающий специалист по Конраду.

— Поясните, пожалуйста.

— С удовольствием. Я пересоздаю работы Джозефа Конрада, автора, жившего в доатомном веке.

— А как вы пересоздаете эти работы, сэр?

— В настоящее время я занят пятым пересозданием «Лорда Джима» — как можно глубже вчитываюсь в оригинал, а затем переписываю книгу так, как сделал бы сам Конрад, живи он сегодня. Это занятие требует величайшего усердия и артистичности. Одна описка может испортить всю работу. Необходимо в совершенстве знать словарь Конрада, темы, характеры, настроения... Все это обязательно идет в дело, однако книга не имеет права быть рабским подражанием. В ней непременно должно присутствовать нечто новое, но сказанное так, как сказал бы Конрад.

— И каковы ваши успехи?

— Критика весьма благосклонна, и мой издатель всячески поддерживает меня.

— Когда вы закончите пятое пересоздание «Лорда Джима», чем вы планируете заняться?

— Сначала устрою себе длительный отпуск. Затем пересоздам одно из менее заметных произведений Конрада, «Малатского плантатора».

— Понимаю... Является ли пересоздание правилом для всех видов искусства?

— Это цель каждого истинного художника независимо от того, какую область он выбрал для своей деятельности. Искусство — жестокая возлюбленная.

(Гражданин Уиллис Уэрка, возраст 8 лет, занятие — учащийся. Жизнерадостный черноволосый загорелый мальчик.)

— Простите, мистер опросчик, моих родителей нет дома.

— Вот и хорошо, Уилли. Ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Конечно. А что это у вас выпирает под пиджаком, мистер?

— Спрашивать буду я, Уилли, если не возражаешь. Ты любишь школу?

— Так себе.

— Чему же ты учишься?

— Ну, чтение, язык, оценка статуса, потом курсы по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Все как обычно.

— Понимаю. Это в открытых классах?

— Естественно.

— Ты ходишь в закрытый класс?

— Конечно. Каждый день.

— Ты не возражаешь, если мы поговорим о нем?

— Я не возражаю. А это оружие выпирает, да? Я знаю, что такое оружие. Пару дней назад большие мальчишки разглядывали во время обеда картинки, и я подсмотрел. Это пистолет?

— Нет, просто мой костюм плохо сидит. Слушай, ты не хотел бы рассказать мне, что вы делаете в закрытом классе?

— Почему бы нет?

— Ну и что же там происходит?

— А я не помню.

— Уилли...

— Честное слово, мистер опросчик. Мы все заходим в класс, а затем выходим через два часа. Но это все. Больше я ничего не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже забывают.

— Странно.

— Нет, сэр. Если бы нам надо было помнить, класс не был бы *закрытым.*

— Пожалуй. А не помнишь ли ты, как выглядит комната или кто ваш учитель в закрытом классе?

— Нет, сэр, я в самом деле ничего не помню.

— Спасибо, Уилли.

(Гражданин Кучлан Дент, возраст 37 лет, занятие — изобретатель. Преждевременно полысевший человек с ироничными глазами под тяжелыми веками.)

— Да, верно. Я специализируюсь на играх. В прошлом году я изобрел «Триангулируй, а не то...». Не видели? Она была очень популярна.

— Боюсь, что нет.

— Это, знаете ли, интеллектуальная игра. Имитирует потерю ориентации в космосе. Игрокам даются неполные данные для компьютеров и, при удачной игре, добавочная информация. В качестве штрафа — рискованные ситуации в космосе. Куча сияющих огней и прочая мишура. Отлично продается.

— Больше вы ничего не изобрели, гражданин Дент?

— В юные годы я придумал улучшенную сеялку-комбайн. Она превосходила по эффективности предыдущие модели в три раза. И, верите ли, я действительно думал, что имею шансы ее продать.

— Продали?

— Конечно, нет. Тогда я не знал, что в патентном бюро открыто только отделение игр.

— Вы огорчились?

— Сперва — да. Но потом я понял, что существующие модели достаточно хороши. В изобретении более эффективных или простых устройств нет нужды. Мы довольны своим сегодняшним днем. Кроме того, новые изобретения бесполезны. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабилен, и всего хватает. Чтобы выпустить новый аппарат, надо переоборудовать целый завод. Это почти невозможно, так как все заводы автоматические и саморегулирующиеся. Вот почему наложен мораторий на все изобретения, кроме сферы игр.

— И что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Так уж получилось.

— Вы не хотели бы изменить это порядок?

— Может быть, и хотел бы. Но как изобретатель, я все равно отношусь к нестабильным элементам.

(Гражданин Барн Трентен, возраст 41 год, занятие — инженер-атомщик, специалист по конструированию космических кораблей. Нервный интеллектуал с печальными карими глазами.)

— Вы хотите знать, чем я занимаюсь на работе? Бездельничаю. Мне некуда приложить силы, я просто хожу кругами. Правилами предусматривается один человек на

каждую автоматическую операцию. Вот что я делаю — присутствую.

— Вы, кажется, недовольны, гражданин Трентен.

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком и для этого учился. А после выпуска обнаружил, что мои знания устарели на пятьдесят лет, да и никому не нужны.

— Почему?

— Потому что все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но дело обстоит так. От добычи сырья до получения конечного продукта — автоматизировано все. Человек нужен лишь для контроля над количеством производимого продукта, а оно определяется численностью населения. И даже здесь участие человека сводится к минимуму.

— А что, если часть оборудования выйдет из строя?

— На то есть ремонтные роботы.

— А если они сломаются?

— Проклятые железяки — саморемонтирующиеся. Мне остается только стоять в сторонке и заполнять отчет. Весьма странно для человека, считающегося инженером.

— Почему бы вам не поменять работу?

— Нет смысла. Я проверял, остальные в таком же положении — присутствуют при автоматических процессах, которых не понимают. Назовите любую отрасль — либо «инженер-наблюдатель», либо никто.

— Такая же ситуация и в космонавтике?

— Безусловно. За последние пятьдесят лет ни один пилот не покидал Земли. Скоро они разучатся управлять кораблями.

— Понимаю, все автоматизировано... Ну а если случится нечто непредвиденное?

— Трудно сказать. Если корабль попадет в незапрограммированную ситуацию, он будет парализован, по крайней мере временно. Я думаю, там стоят селекторы оптимального выбора, но вряд ли испытанные. В лучшем случае он будет действовать замедленно. В худшем — вообще не будет действовать. По мне — так пусть! Надоело ошиваться вокруг машин, день за днем наблюдая безот-

радное однообразие операций. Большинство моих коллег чувствует то же самое. Мы хотим дела, любого дела! Вы знаете, что сотни лет назад пилотируемые корабли исследовали планеты других звездных систем?

— Да.

— Вот это нам необходимо сейчас. Двигаться вперед, исследовать, изучать!

— Согласен. Но вы не думаете, что говорите довольно опасные веши?

— Кажется. Но если говорить честно, я уже не боюсь. Пускай отправляют на Омегу, если хотят. Хуже мне не станет.

— Вы слышали об Омеге?

— Про нее знает каждый, кто связан с космическими кораблями. «Земля — Омега» — единственный сохранившийся маршрут... Страшная планета. Лично я во всем виню церковь.

— Церковь?

— Только ее. Проклятые ханжи, только и знают, что канючат про всякий там Дух Человеческого Воплощения. Одного этого достаточно, чтобы человека потянуло ко Злу...

(Гражданин отец Бойрен, возраст 51 год, занятие — священнослужитель. Величавый округлый мужчина в шафрановой рясе и белых сандалиях.)

— Верно, сын мой, я аббат местного отделения Церкви Духа Человеческого Воплощения. Церковь является официальным религиозным выражением правительства Земли. Наша религия едина для всех народов и состоит из лучших элементов старых исповеданий, искусно скомбинированных во всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, а разве нет противоречий между догматами религий, составляющих вашу веру?

— Были. Но основатели нашей церкви отбросили все противоречивые идеи. Мы стремились к согласию, а не к расколу и сохранили лишь отдельные яркие детали некогда великих религий, детали, знакомые людям. В нашей церкви не бывает ереси, так как мы всеприемлющи. Личность может веровать во что угодно, если только не-

сет священный Дух Человеческого Воплощения. Ибо наш культ есть культ Человека. И дух его есть дух божественного и священного Добра.

— Не могли бы вы определить понятие «добро», гражданин аббат?

— Пожалуйста. Добро — это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие согласия и смирения. Культ Добра является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый творчески продвинуться в своем статусе. Добро великодушно, ибо является подлинным отражением любящей и сострадающей Вселенной. Добро непрерывно изменяется во всех своих аспектах, хотя проявляется... У вас странное выражение лица, молодой человек.

— Простите, гражданин аббат. Мне кажется, я уже слышал эту проповедь — или что-то очень похожее.

— Сие всегда остается правдой.

— Безусловно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном воспитании детей?

— Эту обязанность несут роботы-исповедники, в соответствии с духом древнего трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет ребенка так же, как и взрослого. Он выслушивает их проблемы внутри социальной матрицы. Он их постоянный друг и учитель. Будучи роботом, исповедник дает точные и недвусмысленные ответы на любые вопросы. Это большая помощь в воспитании ортодоксальности.

— А что делают священнослужители-люди?

— Наблюдают за роботами-исповедниками.

— Присутствуют ли роботы в закрытых классах?

— Не могу вам ответить... Нет, я в самом деле не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов так же, как и для всех остальных.

— По чьему приказу?

— По приказу шефа секретной полиции.

— Понимаю... Благодарю вас, гражданин аббат Бойрен.

(Гражданин Энайн Дравивиан, возраст 43 года, занятие — правительственный служащий. Узколицый мужчина с глазами-щелочками, усталый и преждевременно постаревший.)

— Добрый день, сэр. Так вы состоите на службе у правительства?

— Совершенно верно.

— У какого правительства — штата или федерального?

— У обоих.

— Давно?

— Около восемнадцати лет.

— Ясно. А не могли бы вы сказать, в чем конкретно заключаются ваши обязанности?

— Пожалуйста. Я — шеф секретной полиции.

— Вы... Понимаю, сэр, это очень интересно. Я...

— Не тянитесь к иглолучевику, экс-гражданин Баррент. Заверяю вас, он не будет действовать в защитном поле вокруг этого дома. А попытка вытащить его лишь причинит вам вред.

— Каким образом?

— У меня есть свои средства охраны.

— Как вы узнали мое имя?

— Я знал все, как только ваша нога коснулась поверхности Земли. Мы еще кое на что способны. Впрочем, войдемте-ка лучше в дом и побеседуем.

— Я бы предпочел воздержаться от беседы.

— Боюсь, что это необходимо. Входите, Баррент, я не кусаюсь.

— Я арестован?

— Конечно, нет. Мы просто немного потолкуем. Сюда, сэр, сюда. Устраивайтесь поудобнее.

Глава 28

Дравивиан провел его в просторную комнату, обшитую панелями орехового дерева. Массивная черная мебель, покрытая искусной резьбой, поблескивала лаком. Высокий прямой стол производил впечатление антикварной

вещи. Одну стену закрывал тяжелый выцветший гобелен с изображением средневековой охоты.

— Вам нравится? — спросил Дравивиан.— Все здесь сделано руками членов моей семьи. Гобелен вышила жена, скопировав его с оригинала в музее «Метрополитен». Мебель смастерили два моих сына. Они хотели что-нибудь старинное и в испанском стиле, но более удобное; отсюда некоторая модификация линий. Мой собственный вклад увидеть нельзя: я специализируюсь по музыке периода барокко.

— В свободное от работы в полиции время? — спросил Баррент.

— Именно.— Дравивиан отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен.— Мы еще вернемся к вопросу о полиции. Скажите сперва, что вы думаете о комнате?

— Она очень красива,— произнес Баррент.

— И?

— Ну... я не судья...

— Вы должны быть судьей,— подчеркнул Дравивиан.— В этой комнате — вся цивилизация Земли в миниатюре. Скажите прямо, что вы о ней думаете?

— Она кажется безжизненной,— проговорил Баррент.

Дравивиан улыбнулся.

— Вы выбрали удачное слово. Пожалуй, еще точнее — замкнутая на себя. А ведь это комната людей высокого статуса. Сколько творческих усилий было затрачено на артистичное улучшение древних стилей! Моя семья воссоздала кусочек испанского прошлого, как другие воссоздают кусочки истории майя или Океании. И все же налицо пустота. Наши автоматические заводы производят одни и те же продукты. Так как товары у всех одинаковы, нам приходится изменять их, улучшать, украшать и такими способами выражать себя. Вот что происходит на Земле, Баррент. Наша энергия и способности уходят на никчемные цели; личность замкнулась в себе. Мы воссоздаем старинную мебель, хлопочем о ранге и статусе, а тем временем нас тщетно ждут неисследованные планеты. Мы

давно кончили развиваться. Стабильность принесла застой, и мы ему подчинились. Мы социализированы настолько, что личности не осталось никаких способов самовыражения, она может только замкнуться в себе или тратить энергию на самые ничтожные цели. Полагаю, вы в свое время навидались этого на Земле?

— Я-то да. Но ни за что бы не поверил, что услышу такие слова от шефа секретной полиции.

— Я не обычный человек,— усмехнулся Дравивиан.— И секретная полиция — не обычное учреждение.

— Но, очевидно, очень эффективное! Как вы узнали обо мне?

— Ну, это было просто. Большинство населения Земли натаскано на бдительность с детства. Это же наша древняя традиция. Почти все встретившиеся вам люди распознали в вас чужака. Вы выделялись, как волк среди овец, и мне немедленно сообщали.

— Ясно,— сказал Баррент.— Что же теперь?

— Хотелось бы послушать ваш рассказ об Омеге.

Баррент рассказал Дравивиану о своей жизни на планете преступников.

— Так я и думал,— со слабой улыбкой произнес шеф секретной полиции.— То же самое происходило в свое время в Америке и Австралии. Конечно, разница есть: вы совершенно изолированы от родины. Но у вас та же яростная энергия, та же жестокость.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Дравивиан пожал плечами.

— Какое это имеет значение? Предположим, я убью вас. Но вашу Группу на Омеге не удержать от засылки других шпионов или захвата одного из тюремных кораблей. Как только омегиане начнут действовать, они неизбежно обнаружат правду.

— Какую правду?

— А вы еще не догадались? На Земле около восьми столетий не было войн. Мы не знаем, как сражаться. Сторожевые корабли вокруг Омеги — чистое надувательство, одна видимость. Они полностью автоматизированы

и запрограммированы на условия, которые существовали сотни лет назад. Решительная атака — и корабль ваш, а за ним и все остальные. После этого ничто не в состоянии остановить приход омегиан на Землю; а Земля не в состоянии с ними бороться. Вот почему у заключенных смывают память. Уязвимость Земли должна быть скрыта.

— Если вы все это осознаете, то почему ваши руководители ничего не предпринимают?

— Сначала у нас было такое намерение, но лишь одно намерение. Мы предпочитали не задумываться всерьез. Казалось, что статус-кво сохранится навеки. Нам не хотелось думать о том, что будет, когда омегиане вернутся на Землю.

— Но что-то же вы собирались делать — вы и ваша полиция?

— Я тоже всего лишь видимость. У меня нет полиции. Пост шефа полиции — почетная синекура. Вот уже почти век, как Земле не нужна полиция.

— Она вам потребуется, когда омегиане вернутся домой,— заметил Баррент.

— Да. Опять начнутся беспорядки, преступления. Однако я верю, что конечный сплав получится удачный. У омегиан есть энергия, воля, стремление достичь звезд. А Земля придаст вам спокойствие и стабильность. Каковы бы ни были результаты, объединение неизбежно. Мы слишком долго жили во сне. И чтобы пробудить нас, потребуются сильнодействующие средства.— Дравивиан поднялся на ноги.— А теперь, когда судьбы Земли и Омеги решены,— по глотку освежительного?

Глава 29

С помощью шефа полиции Баррент с очередным кораблем всю информацию отправил на Омегу. Послание сообщало о положении на Земле и требовало немедленных действий. После этого Баррент мог приступить к выполнению своей собственной задачи: найти солгавшего информатора и судью, приговорившего его к наказанию

за преступление, которого он не совершал. Баррент чувствовал, что, когда он найдет их, у него восстановится утраченная часть памяти.

Ночным экспрессом он поехал в Янгерстан. Подозрения, обострившиеся еще на Омеге, не давали ему покоя. Все было уж слишком ясно и просто...

Он приехал рано утром. Аккуратные ряды домов казались такими же, как и везде, но для Баррента они были по-особому, щемяще знакомыми. Он *помнил* свой город, и его однообразие казалось ему особым, полным значения. Здесь он родился и рос.

Вот магазин Гротмейера, а напротив через дорогу — дом Хавнинга, местного призера по оформлению интерьеров. А там жил Билли Хавлок, его лучший друг; они вместе мечтали стать звездоплавателями и остались хорошими друзьями после окончания школы — пока Баррента не сослали на Омегу.

Дом Эндрю Теркалера. А рядом школа; Баррент помнил ее. Он помнил, как каждый день заходил в закрытый класс, но не мог вспомнить, чему там учился.

Вот здесь, у двух исполинских вязов, произошло убийство. Баррент подошел к этому месту и вспомнил, как все случилось. Он возвращался домой. Откуда-то сзади донесся крик. Баррент обернулся и увидел, как по улице побежал человек — Иллиарди — и что-то бросил ему. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит запрещенное оружие. Через два шага он наткнулся на мертвого Эндрю Теркалера.

А потом? Смятение, паника. Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоящим над трупом с оружием в руках. Там, в конце улицы, было убежище, в котором он скрылся...

Баррент подошел ближе и узнал будку робота-исповедника. Он заглянул в будку. В маленьком помещении ощущался слабый запах ладана. Единственный стул стоял перед сложной, ослепительно сверкающей панелью.

— Доброе утро, Уилл.

Услышав механический голос, Баррент внезапно ощутил беспомощность. Он вспомнил. Этот бесстрастный

голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Искусственный голос разговаривал с ним, выслушивал, а затем выносил приговор. В своем сне Баррент персонифицировал его в образ судьи.

— Ты помнишь меня? — спросил Баррент.

— Конечно,— сказал робот-исповедник.— Ты был одним из моих прихожан, пока не попал на Омегу.

— Это ты сослал меня!

— За убийство.

— Но я не совершал преступления! — закричал Баррент.— Ты не мог не знать этого!

— Разумеется, я знал,— произнес робот-исповедник.— Но мои обязанности строго определены. Я приговариваю в соответствии со свидетельствами, а не интуицией. Сомнения толкуются в пользу обвинения. Фактически само присутствие передо мной человека, обвиняемого в убийстве, может служить серьезным основанием для подозрения в виновности.

— Против меня были показания?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу открыть его имя.

— Ты должен,— сказал Баррент.— На Земле наступает другое время. Заключенные возвращаются.

— Я ожидал этого,— промолвил робот-исповедник.

— Мне нужно имя информатора,— сказал Баррент, вытащив иглолучевик и направив его на панель.

— Машину невозможно принудить.

— Назови имя! — крикнул Баррент.

— Не скажу, для твоего же блага. Опасность слишком велика. Поверь мне, Уилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь информатора на Кленовой улице, тридцать пять. Но я искренне советую не ходить туда. Ты погибнешь. Ты просто не знаешь...

Баррент нажал на курок, узкий луч прорезал панель. Лампочки вспыхнули и померкли, когда он дошел до замысловатого переплетения проводов. Потом они погасли навсегда, и от панели потянулся серый дымок.

Баррент вышел из будки, положил иглолучевик в карман и направился в сторону Кленовой улицы.

Он бывал здесь прежде. Ему была знакома эта улица на холме, круто поднимающаяся вверх между кленами и дубами. Эти фонарные столбы — его старые приятели, та трещина в асфальте памятна ему с детства. Здания, знакомые до боли, казалось, застыли в ожидании, будто зрители последнего действия полузабытой драмы.

Он стоял напротив дома № 35 на Кленовой улице. Тишина, окутавшая этот простой домик с белыми ставнями, казалась ему зловещей. Баррент достал из кармана иглолучевик, тщетно пытаясь побороть себя. Затем поднялся по аккуратным каменным ступеням и нажал на ручку. Дверь открылась. Он шагнул внутрь.

Смутно проступали контуры мебели, тускло поблескивали картины на стенах, статуэтка на подставке из слоновой кости. Сжав лучевик в руке, он ступил в следующую комнату.

И оказался лицом к лицу с информатором.

Глядя ему в глаза, Баррент вспомнил. В захлестывающем потоке памяти он видел себя, маленького мальчика, входящего в закрытый класс. Он вновь слышал убаюкивающий гул машин, видел, как мерцают и вспыхивают красивые огоньки, в уши лился вкрадчивый голос. Сперва голос вселял ужас, то, что он внушал, было невообразимо. Затем, постепенно, Баррент начал привыкать к голосу, как привыкал ко всем странностям закрытого класса.

Он *обучался*. Машины учили на глубоком, подсознательном уровне. Они растворяли свои наставления в основных внутренних импульсах, вплетая узор усвоенных норм поведения в ткань жизненных инстинктов. Затем блокировали сознательную память об уроках, наглухо закрывали ее — и переплавляли.

Чему его учили?

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое предположительно мог совершить.

На Баррента бесстрастно смотрел информатор — собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он донес сам на себя. Когда он стоял в тот день с оружием в руках, глядя на убитого человека, усвоенные, подсознательные процессы взяли верх. Вероятность вины была слишком большой; она превратилась в саму вину. Баррент пошел к роботу-исповеднику и дал полное и убедительное свидетельство против себя самого, донес на себя.

Робот-исповедник вынес приговор, и Баррент покинул будку. Хорошо обученный на занятиях, он взял себя под арест и отправился в ближайший Центр контроля мыслей в Трентоне. Частичная амнезия уже наступила, спущенная пружиной уроков закрытого класса.

Опытные техники-андроиды потрудились, чтобы завершить амнезию, стереть последние остатки памяти. Как стандартный предохранитель против возможного ее возвращения, они внедрили в подсознание логичную версию убийства и насадили слепую веру в мощь Земли.

Запрограммированный Баррент добрался на специальном транспорте до космопорта, взошел на борт тюремного корабля и закрыл за собой дверь своей камеры. Там он спал до Контрольного пункта, пока его не разбудили прибывшие охранники...

Теперь, когда он смотрел на свое лицо в зеркале, последнее из бессознательно усвоенных наставлений всплыло в сознании.

Уроки закрытого класса никогда не должны выйти из подсознания. В противном случае человек обязан немедленно произвести акт самоубийства.

Он понял, почему победа на Земле досталась ему так легко: он просто никого не победил. Земле не нужна была служба безопасности, потому что в мозг каждого человека были вмонтированы и полицейский, и палач. Под поверхностью мягкой и приятной культуры Земли была увековечена цивилизация роботов. И осознание существования этой цивилизации каралось смертью.

Именно здесь, именно сейчас началась настоящая битва за Землю.

Заученные образцы поведения заставили Баррента поднять оружие и направить себе в голову. Вот о чем пытался его предупредить робот-исповедник, вот что видела девушка-мутантка. Прежний Баррент, запрограммированный на абсолютное и бездумное повиновение, должен был убить себя.

Возмужавший Баррент, прошедший школу жизни на Омеге, восстал против этого слепого желания.

Баррент против Баррента. Два человека боролись за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над разумом.

Иглолучевик остановился в дюйме от головы. Мушка качнулась. Затем Баррент-омегианин, Баррент-2, медленно отвел оружие.

Его победа была недолгой. Уроки закрытого класса швырнули Баррента-2 в яростную схватку с неумолимым и жаждущим смерти Баррентом-1.

Глава 30

Двух Баррентов закинуло через субъективное время в те критические точки прошлого, где смерть ждала рядом, где пересыхал поток жизни, где установилось предрасположение к гибели. Баррент-2 заново переживал эти моменты. Но на сей раз опасность была увеличена злокачественной половиной его личности — Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под слепящим светом на обагренном кровью песке Арены, с мечом в руке. Это были омегианские Игры. На него надвигался саунус, бронированная рептилия с ухмыляющимся лицом Баррента-1.

Он отсек чудовищу хвост, и тот превратился в трех трихомотред — существ размером с крысу, с лицами Баррента и повадками взбесившейся росомахи. Двух он убил, а третья оскалилась и до кости прокусила его левую ладонь. Он поразил ее мечом и смотрел, как вытекает на сырой песок кровь Баррента-1...

...Трое оборванных мужчин сидели, смеясь, на скамье, а девушка протягивала ему оружие. «Удачи. Наде-

юсь, вы знаете, как с ним обращаться». Баррент пробормотал слова благодарности, прежде чем заметил, что девушка перед ним — не Моэра, а мутантка, предсказавшая его гибель. Он вышел на улицу и столкнулся с тремя хаджи.

Двое были безликими незнакомцами. Третий, Баррент-1, быстро выступил вперед и вытащил пистолет. Баррент-2 кинулся на землю и, нажав на курок своего оружия, почувствовал, как оно завибрировало в руке. Голова и плечи Баррента-1 потемнели и стали распадаться. Снова прицелиться он не успел — пистолет вырвало из руки дикой силой. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел ствол.

Он отчаянно рванулся за оружием и, катясь вперед, заметил, как в него целится второй хаджи, тоже с лицом Баррента. Баррент-2 почувствовал резкую боль в руке, уже прокушенной зверем, но сумел выстрелить и остался наедине с третьим, который тоже превратился в Баррента-1. Рука начинала каменеть, но он заставил себя нажать на курок...

«Ты играешь в их игру,— говорил себе Баррент-2.— Смертоносная воля измучит тебя и прикончит. Надо вырваться. Ведь ничего этого нет, это только в твоем воображении...»

Но думать было некогда. Он стоял в большом круглом каменном подвале в Департаменте юстиции. Отбрасывая черные блики, навстречу катилась металлическая машина почти в четыре фута высотой. Из сияющей огнями поверхности на него смотрело ненавистное лицо Баррента-1.

Теперь враг был в облике Макса; такой же лживый и стилизованный, как фальшивые сны о Земле. Баррент-1 выпустил гибкое суставчатое щупальце, заканчивающееся ножом. Баррент-2 уклонился, и нож царапнул по камню.

«Ты сражаешься с половиной самого себя, это смертельная иллюзия».

Но он не мог поверить. На него снова надвигался Баррент-машина, блестя зелеными капельками вещества, в котором Баррент-2 немедленно узнал контактный яд. Он

бросился в сторону, стараясь избежать гибельного прикосновения.

«Оно не смертельно»,— сказал он себе.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность. Машина разогналась и со страшной силой ударила не успевшего отпрянуть Баррента. Он почувствовал, как затрещали ребра.

«Все это ненастоящее! Ты позволяешь навязанным рефлексам довести себя до смерти».

Но боль была реальной, как и увесистая стальная дубинка, ударившая его в плечо. Баррент пошатнулся.

Его охватил ужас — не перед смертью вообще, а перед смертью слишком близкой: ведь он не успел предупредить омегиан о главной опасности, глубоко внедренной в их сознание. Кроме него, больше некому было предупредить о гибели, грозившей каждому, кто сумеет восстановить настоящую память о Земле. Если бы выжить... он бы придумал, как очистить сознание... Баррент собрал последние силы. С детства приученный нести ответственность за все общество, он не мог позволить себе умереть, когда его знания необходимы Омеге.

«Это ненастоящая машина»,— твердил он себе, когда Баррент-1 черной полусферой надвигался с дальнего конца помещения. Он пытался заглянуть за машину, увидеть регулярные уроки в классе, создавшем чудовище...

«Я — это ненастоящая машина».

Он поверил.

И ударил кулаком в ненавистное лицо, отразившееся в металле. Испепеляющая боль ослепила его, и он на миг потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел, что находится у себя дома, на Земле. Рука и плечо гудели, несколько ребер, пожалуй, было сломано. Из укуса на левой руке текла кровь.

Но своей порезанной и окровавленной правой рукой он разбил зеркало. Зеркало и Баррента-1 — окончательно и бесповоротно.

Содержание

Десятая жертва *(Перевод И. Почиталина)* 5
Корпорация «Бессмертие» *(Перевод И. Почиталина)* 108
Координаты чудес *(Перевод Г. Гуревич)* 323
Второе путешествие в координаты чудес
(Перевод Л. Щекотовой) 473
Обмен разумов *(Перевод Н. Евдокимовой)* 626
Четыре стихии *(Перевод Б. Клюевой)* 741
Цивилизация статуса
(Перевод В. Баканова с доп. И. Васильевой) 795

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *Л. Ершова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел/факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс (044) 537-35-52; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2
Тел./факс (032) 245-00-19, тел. (032) 245-01-71; e-mail: **office@eksmo.lviv.ua**

Подписано в печать с готовых монтажей 27.10.2005.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 48,72.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ 8675.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru